

1890 г.; С. С. Слудчаго — о готскихъ древностяхъ въ Россіи (мнѣніе бар. Де-Бай); Георгіевскаго — о преподаваніи археологій въ семинаріяхъ; Г. А. Халатьянца — очеркъ ученой дѣятельности покойнаго армянолога Н. О. Эмина; М. О. Аттая — арабское сказаніе о Дербентѣ и Л. З. Мсерианца — новый отрывокъ изъ народа армянскаго эпоса.

Казанское Общество Исторіи, Археологій и Этнографіи, выпустившее за послѣднее время въ своихъ „Трудахъ“ двѣ монографіи проф. И. Н. Смирнова по инородцамъ Восточной Европ. Россіи, именно: „Вотяки“ и „Черемиссы“, печатаетъ въ настоящее время третье изслѣдованіе того же автора: „Пермяки“, которое, судя по предыдущимъ его работамъ, послужитъ солиднымъ вкладомъ въ русскую этнографическую литературу. — Въ теченіе предстоящихъ праздниковъ пасхи названное Общество, по инициативѣ проф. И. Смирнова, устраиваетъ въ зданіи университета выставку своихъ этнографическихъ коллекцій, расположенныхъ въ культурно-историческомъ порядкѣ, съ популярнымъ каталогомъ-руководителемъ.

По извѣстіямъ сибирскихъ газетъ, на мѣсто отказавшагося отъ должности предсѣдателя Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ. В. Е. Яковлева избранъ Иркутскій городской голова В. П. Сукачевъ, а правителемъ дѣлъ Отдѣла, вмѣсто Г. Н. Потанина, находящагося въ настоящее время въ Петербургѣ, — Д. А. Клеменць.

„Восточное Обозрѣніе“ (1891 г. № 1) сообщаетъ, что въ св. Синодѣ обращено серьезное вниманіе на необходимость введенія изученія инородческихъ нарѣчій въ сибирскихъ семинаріяхъ, согласно ихъ мѣстоположенію, такъ какъ незнаніе сибирскихъ нарѣчій не позволяетъ не только духовенству, но и миссіонерамъ дѣйствовать успѣшно въ распространеніи и укрѣпленіи христіанства.

4-го сентября минувшаго года утвержденъ „Уставъ Тобольскаго губ. музея и комитета онаго“, ставящихъ себѣ цѣлью „наглядное ознакомленіе публики съ исторіей Тобольской губ. и развитіемъ въ ней культуры во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ“. Музей состоитъ изъ отдѣловъ: естественно-историческаго, археологическаго, промышленнаго и общеобразовательнаго. При музеѣ находится и бібліотека, въ которую собираются сочиненія и печатныя изданія, касающіяся задачъ музея и имѣющія отношеніе не только къ одной Тобольской губ., но и къ другимъ мѣстностямъ Сибири, а также всѣ печатныя произведенія, появляющіяся и появляющіяся въ предѣлахъ Тобольской губ.

„Алмолинскіи Обл. Вѣд.“ (1890 г., № 41) сообщаетъ, что въ непродолжительномъ времени въ Самаркандѣ, Маргеланѣ и въ другихъ пунктахъ будутъ открыты курсы туземнаго языка и литературы. Курсы устраиваются по инициативѣ и подъ контролемъ мѣстной администраціи.

Въ „Восточное Обозрѣніе“ сообщаютъ изъ Барнаула, что тамъ, въ средѣ интеллигенціи горнаго міра, возникла мысль объ образованіи „Общества изученія Алтая“. Мысль вполне прекрасная, и нельзя не пожелать скорѣйшаго ея осуществленія.

Въ Троицкосавскѣ небольшимъ кружкомъ лицъ предполагается устройство музея, цѣлью котораго будетъ — представить Забайкалье въ естественно-историческомъ и культурномъ отношеніяхъ. Троицкосавская городская дума ассигновала изъ городскихъ средствъ ежегодную субсидію музею въ размѣрѣ 200 руб. („Вост. Обозр.“).

Въ Прагѣ Чешской устраивается національная научно-промышленная и художественная выставка въ большихъ размѣрахъ. Открытіе предполагается 15 мая. Выставка имѣетъ цѣлью показать прогрессъ цивилизаціи въ Чехіи за

истекшіе сто лѣтъ со времени первой промышленной выставки въ Прагѣ (1791 г.). Кромѣ чеховъ къ участію въ выставкѣ примѣнать и другія западно-славянскія народности.

Въ Москвѣ наступающимъ лѣтомъ будутъ двѣ выставки, имѣющія этнографическій интересъ: 1) Средне-Азіатская (въ Имп. Историч. Музеѣ), 2) Французская (на Ходынскомъ полѣ). Первая изъ нихъ уже открыта, вторая откроется на второй день Пасхи.

Добавленія и поправки.

Кн. VI.—Стр. 105. Въ поясненіе слова *наста* (въ пѣсенкѣ № 22) авторъ пишетъ намъ: „Слово это имѣетъ повсемѣстно въ Пошехонск. у. весьма определенное значеніе: *наста*—снѣгъ, нѣсколько оттаявшій подъ вліяніемъ весеннихъ лучей, осѣвшій и затѣмъ снова замерзшій и достигающій такой твердости, что удерживаетъ не только человѣка, но и лошадь, такъ что „ибъ насту“ спокойно ѣздить, не разбирая дороги. Съ появленіемъ „наста“ бабы начинаютъ „настятъ“ бѣлье, т. е. бѣлить, разстала на снѣгу. Въ мѣстной народной пѣснѣ поется:

„Бѣлая косынечка по насту бѣлилася“,
„Молоденька дѣвчоночка мальчишку полюбилася“.

Кн. VII. Стр. 26 (6 строка снизу), *вм.* „утрилокка“ *чит.* „утри локта“.
 „ 27 (9 „ *свер.*), „ наружному „ народному.
 „ 27 (6 „ *сн.*), „ надтабалать „ надта балать.
 „ 29 (18 „ „), „ гнѣвае „ спѣвае.
 „ 32 (11 „ „), „ рѣзны „ рѣзгны.
 „ 34 (16 „ *св.*), „ происшествія „ происшествіи.
 „ 40 (10 „ *сн.*), „ ствать „ свать.
 „ 64 (5 „ „), „ смирные „ смертные.
 „ 102 (1 „ „), „ слободскій полк. „ слободскіеполки.
 „ 112 (1 „ *св.*), „ атаманомъ „ гетманомъ.
 „ 198 (2 „ „), „ рѣшить „ лишить.
 „ 199, въ строкѣ 9 *св.* пропускъ; *слѣд.* *чит.*: „...главы ея, добытое же артелю дѣлится между членами ея либо поровну...“ Въ строкѣ 18, *вм.* *принципы—новые принципы.*
 „ 204 (13 „ *сн.*), „ существенно „ естественно.
 „ 205 (1 „ *св.*), „ составленному „ укизанному.
 „ 218 (10 „ *сн.*), „ Alai „ Altai.
 „ 223 (15—16 *сн.*) *слѣд.* *читать*: „Н. Харузина: *Русскіе Лопари; А. Харузина; Замѣтка о татарахъ...*“

Кн. VIII.—Стр. 143. Выноски *слѣд.* *читать* такъ: Напечатано въ „Вѣстникѣ Евр.“ 1890, сент.; дополненіе (о Хутула-ханѣ) будетъ напечатано въ IX кн. „Этногр. Обзорѣнія“.

Стр. 135—136. Разсказанная здѣсь легенда составляетъ варіантъ къ былинному эпизоду, о женитьбѣ Святого ра. Объ этомъ см. *слѣд.* труды ученыхъ:

Ө. И. Буслаевъ, Народная поэзія, 75; А. Н. Веселовскій, Русскій эпосъ и новыя его изслѣдователи, Вѣст. Евр., 1888, іюль, стр. 161—3; Разыск. въ обл. рус. дух. ст., вып V, 202—7, 248; Объ одномъ эпизодѣ былинъ о Святогорѣ, Филол. Зап., 1877, 1; Die neueren Forschungen auf dem Gebiete der russischen Volksprosaie, Russische Revue, X—XI, 415—6; П. Н. Ждановъ, Къ лит. ист. рус. был. поэзіи, стр. 119, 137—9, 150; О. Миллера, Пл. Муромецъ, 238—9; Кирпичниковъ, Поэмы лѣмб. цикла, 40—41,

51, 134—6, 200; *Аванасъевъ*, Сказки (1873), III, 373—4; IV, 425; Поэт. воззрѣнія, II, 631—3; III, 344; *Рыбниковъ*, Пѣсни, I, 39—41; III, 3; *Сборникъ* мат. по этн., изд. при Дашк. Музеѣ, II, 9; *Сборн. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа*, вып. VI (1888): *Захаровъ*, Нар. сказ. закавк. татаръ, № 2; то-же VII, отд. 2, стр. 93—5; *Пермскій Сборникъ*, II, отд. 2, 166; *Veckenstedt*, Die Mythen, Sagen und Legenden der Zamaiten, II, 94—5; *Schmidt*, Griech. Märchen, 67—8; *Кошкинъ-Самаринъ*, Новые источники для изученія русскаго эпоса, Рус. Вѣст., 1874, сент., 10—12; *Wolner*, Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen, 77—8, 95—6, 107—8; *А. Поповъ*, Вліяніе церк. ученія и древне-рус. дух. письм. на міросозерцаніе рус. нар., Казань, 1883, 22—3.

Годъ 3-й.

Кн. IX.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1891, № 2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА.

Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Петровка, д. Левенсонъ.

1891.

Печатать разрѣшается. Москва, 25 іюня, 1891 г.

**Президентъ Императорскаго Общества Любителей Есте-
ствознанія, Антропологии и Этнографіи,
Ординарный профессоръ Д. Анучинъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
I. Замѣтки о вліяніи религіозныхъ вѣрованій и предразсудковъ на народныя юридическіе обычаи и понятія. <i>Е. И. Якушкина</i>	1
II. Нѣсколько новыхъ данныхъ къ народнымъ представленіямъ о Долѣ. <i>Александра Веселовскаго</i>	20
III. Станица Червленая, Кизлярскаго отдѣла, Терской обл. II. <i>Г. Мамаякина</i>	29
IV. Женская доля въ пѣсняхъ пинчуковъ. <i>М. Довнар-Запольскаго</i>	42
V. Наброски изъ исторіи финской культуры. <i>И. Смирнова</i>	59
VI. Пилигримъ въ былинахъ и сказкахъ. <i>Г. Потанина</i>	74
VII. Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ. III. <i>П. И.</i>	110
VIII. Дѣтскія игры бѣлорусскихъ евреевъ. <i>Е. Романова</i>	133
IX. О народной медицинѣ въ Переяславскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. <i>Г. Коваленка</i>	141
X. Некрологи:	
† Л. П. Загурскій. <i>М. Тк—ва</i>	150
† Францъ Миклошичъ. <i>Романа Брандта</i>	152
† И. Я. Порфирьевъ. <i>Я.</i>	157
XI. Библиографія:	
1. Книги, ученія и справочныя изданія.	159—175
<i>Michael von Žmigrodzki: Die Mutter bei den Völkern des arischen Stammes. К. (159).—Э. А. Вольтеръ: Матеріалы для этнографіи Латышскаго племени Витебской губ., ч. I. М. (162).—Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности, 1891 г. Л. (164).—А. С. Фамицынъ: Гусли—русскій народный музыкальный инструментъ. К. (165).—Сборникъ матеріаловъ для статистики Самаркандской области за 1887—88 гг., подъ ред. М. М. Вирскаго. Вып. I., Я. (166).—Н. Маевъ: Туркестанская выставка 1890 г. Х. (168).—Извѣстія Общ. Археологій, Исторіи и Этнографіи при И. Казанскомъ университетѣ, т. IX, в. 1. Я. (168).—Памятная книжка Московскаго Архива Министерства Юс-</i>	

типии. 1890 г. *Я.* (169).—Материалы къ изученію способовъ врачеванія въ Восточной Сибири (сообщенія въ Обществѣ врачей Енисейской губ., гг. Гандельсмана, Крутовскаго и Черневскаго). *П.* (170) — Статистическій Сборникъ Саратовской губ., 1890 г., сост. *Ф. С. Шиманскимъ. Б.* (170).—Труды Саратовской ученой Архивной коммисіи, т. II, в. 2, (171).—Новороссійскій календарь на 1891 г. *Я.* (171)—Памятная книжка Волинской губ. на 1891 г. подъ ред. *И. Ф. Мацкевича. Я.* (173).—Памятная книжка Ковенской губ. на 1891 г., сост. *К. Гукowskiмъ. Я.* (174).—Труды Курляндскаго Губернск. Статистич. Комитета т. XVIII, подъ ред. *Я. И. Лудмера. Н.* (174).—Памятная книжка Сѣдлецкой губ. на 1891 г. *Н.* (175).—Ярославскій календарь на 1890 г., (175).

2. Журналы 175
3. Газеты 182
4. Указатель этнографическихъ статей и замѣтокъ помѣщенныхъ въ сибирскихъ изданіяхъ отъ начала ихъ существованія. (Библіотека ученая, экономич. и пр., Владивостокъ, Восточное Поморье, Енисейскія Губ. Вѣд., Енисейск. Епарх. Вѣд.). Сост. *А. А. Ивановскій* 198

XII. Смѣсь:

1. Отголоски Рустеміады у курдовъ. *В. М.* 201
2. Новые варианты сюжета о Полифемѣ: а) Киргизскіе рассказы, *Н. Остроумова*; б) Алтайскій вариантъ, сообщ. *М.*; в) Грузинскій вариантъ, сообщ. *А. Гренъ* 202
3. Монгольское сказаніе о Хутула-ханѣ. *Г. Н. Потанина.* 208
4. Буддійская параллель къ ростовской легендѣ объ ордынскомъ царевичѣ Петрѣ. *М. Соколова* 211
5. Изъ южнорусскихъ легендъ, сообщ. *Т. I. Вержбицкій* . —

XIII. Извѣстія и Замѣтки 213

Поправки и добавленія 216

Прибавленіе: Библиографическій указатель книгъ и статей, касающихся этнографіи киргизовъ и каракиргизовъ съ 1734 по 1891 г. Составилъ *А. Н. Харузинъ* 1—68

Объявленія и списокъ „Трудовъ Этнографическаго Отдѣла“.

Замѣтки о вліяніи религіозныхъ вѣрованій и предразсудковъ на народныя юридическіе обычаи и понятія.

Вліяніе религіи на народныя понятія и обычаи выражается различнымъ образомъ. Во 1-хъ, нерѣдко религіозныя вѣрованія имѣютъ непосредственное вліяніе на самое образованіе понятій и обычаевъ. Во 2-хъ, народныя обычаи и понятія, возникающіе независимо отъ религіозныхъ вѣрованій, получаютъ иногда религіозное освященіе. Это бываетъ особенно тогда, когда въ понятіяхъ народа складывается идеалъ какого-нибудь общественнаго отношенія. Такъ, напр., выраженіе „жить, поступать по-божески“ означаетъ жизнь и поступки, соотвѣтствующіе идеальному представленію народа о нравственномъ человѣкѣ. Такое идеальное представленіе, конечно, не расходится съ существующими народными вѣрованіями, но оно не вызывается ими, а напротивъ само вызываетъ новое вѣрованіе. Религіозное освященіе понятія распространяется и на основанные на немъ обычаи и обряды и придаетъ имъ особую твердость и устойчивость. Даже и тогда, когда самое понятіе не только замѣнилось новымъ, но и давно уже забыто, основанные на немъ обычаи и обряды, получившіе религіозное освященіе, продолжаютъ существовать, хотя нерѣдко находятся въ полномъ противорѣчій съ новыми условіями быта. Выступъ съ измѣненіемъ понятій измѣняется и взглядъ народа на несогласные уже съ ними обычаи. То, что считалось прежде нравственнымъ и законнымъ, представляется теперь и грѣховнымъ и преступнымъ; примѣненіе обычаевъ ограничивается, но онъ не исчезаетъ до тѣхъ

поръ, пока сохраняется его религіозное значеніе, вѣра въ его сверхъестественную силу. Въ 3-хъ, религія, не дѣйствуя иногда непосредственно на установленіе того или другого обычая, но тѣсно сближая единовѣрные племена, способствуетъ къ заимствованію однимъ изъ нихъ понятій и обычаевъ другого. Поэтому въ одномъ и томъ же племени, только часть котораго перемѣнила свою вѣру, встрѣчаются иногда рѣзкія различія и въ понятіяхъ и въ обычаяхъ. Такъ, напр., положеніе женщины у бѣлоруссовъ православныхъ и католиковъ представляется далеко не одинаковымъ; у первыхъ она пользуется гораздо меньшимъ почетомъ, чѣмъ у послѣднихъ. У православныхъ мужчины садятся за столъ первыми, за ними на менѣ почетномъ мѣстѣ женщины; тѣ же, которыя не помѣстятся за столомъ, ѣдятъ на лавкахъ, у печи, на кровати вмѣстѣ съ дѣтьми. У католиковъ женщинъ сажаютъ за столъ, смотря по достоинству и въ передній конецъ стола, рядомъ съ ихъ мужьями, братьями или отцами, и оказываютъ имъ всѣ почести наравнѣ съ мужчинами. Точно также у бѣлоруссовъ-католиковъ значительно измѣнились и свадебные обычаи; измѣненіе это такъ сильно, что православные отзываются объ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ полнымъ презрѣніемъ и называютъ ихъ незаконными и постыдными ¹⁾. Иногда перемѣна религіи имѣетъ непосредственное вліяніе на измѣненіе того или другого обычая, но не потому, чтобы народомъ сознавалась необходимость согласить существующіе обычаи съ новыми вѣрованіями, а потому что извѣстныя правила вновь принятой религіи поддерживаются властью, которая признаетъ эти правила обязательными и караетъ за ихъ неисполненіе. Такъ, принятіе православія тобольскими сямойдами и остяками имѣло вліяніе на измѣненіе ихъ брачныхъ обычаевъ, стѣснивъ свободу развода и вступленіе въ новый бракъ разлучившихся супруговъ ²⁾.

Вліяніе религіозныхъ вѣрованій на русскіе юридическіе понятія и обычаи не можетъ быть выяснено вполне по недо-

¹⁾ Быть бѣлорусскихъ крестьянъ. Этнографич. сборникъ, изд. Географич. Общ. Вып. II, стр. 144, 146, 202.

²⁾ Памятная книжка Тобольской губ. на 1884 г., стр. 21 и 63.

статву для этого матеріаловъ. Слѣдующія отрывочныя замѣтки имѣють въ виду указать это вліяніе на нѣкоторые обычаи и понятія русскаго и притомъ исключительно православнаго населенія Россіи.

1. Способы владѣнія землей.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ остается много свободной земли, такая нигѣмъ незанятая земля называется „землей Божьей“ Всякій нуждающійся въ ней можетъ ее занять, такъ какъ Богъ создалъ землю на пользу человѣка По мѣрѣ увеличенія плотности населенія, границы „Божьей земли“ суживаются. Такъ, въ Сибири право на занятіе свободной земли первоначально ничѣмъ не было стѣснено, и каждый занималъ землю, гдѣ хотѣлъ; затѣмъ каждый могъ занять землю только въ предѣлахъ своей волости и наконецъ въ предѣлахъ только своего селенія; такъ, на примѣръ, въ Бурлинской волости Барнаульскаго округа каждый можетъ распахать землю въ предѣлахъ всей волости; въ другихъ волостяхъ того же округа каждый можетъ распахать свободную землю, не переступая однако граней своего селенія. Точно также и рыбныя ловли первоначально признавались свободными и подлежали такому же праву захвата, какъ и земля: Богъ далъ и ихъ на общую пользу; это понятіе сохранилось и до настоящаго времени въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ свободное пользованіе водами болѣе или менѣе уже ограничено. Такъ, въ Ишимскомъ округѣ общества, владѣющія озерами, обыкновенно разрѣшаютъ каждому ловить рыбу мелкими снастями; но многіе крестьяне полагаютъ, что грѣшно запрещать кому бы то ни было ловлю рыбы или брать за это деньги, такъ какъ рыба дана Богомъ на общую пользу, такъ какъ воды—„Божья пазуха“ ¹⁾. Пользованіе чужимъ лѣсомъ не считается крестьянами ни преступленіемъ, ни грѣхомъ, такъ какъ не люди, а Богъ вырастилъ лѣсъ, и вырастилъ его для общей пользы, а не для пользы только того или другого человѣка.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ стали извѣстны толки

¹⁾ Матеріалы для изученія экономич. быта государств. крестьянъ и инородцевъ западной Сибири. Спб. 1889. Вып. III, стр. 420.

крестьянъ объ ожидаемомъ ими раздѣлѣ между земледѣльцами всей земли, кому бы она ни принадлежала. Эти толки возникли среди крестьянъ, несомнѣнно, безъ всякаго посторонняго внушенія. Они упорно держались не только между крестьянами, нуждавшимися въ землѣ, но и между тѣми, которые имѣли значительныя купленные ими земельныя дачи и могли много потерять отъ ожидаемаго общаго передѣла. Толки эти, хотя болѣе сдержанные, продолжаютъ до сихъ поръ. Въ настоящее время не ждутъ немедленнаго ихъ осуществленія, но сохраняется убѣжденіе, что рано или поздно они должны осуществиться. Эти толки получили и религіозную окраску; въ Ярославской губерніи появилось ученіе одной изъ раскольниковыхъ сектъ, по которому передъ кончиною міра на землѣ водворится правда, и тогда земля будетъ раздѣлена равномерно между всѣми. Значеніе такой Божьей правды придаютъ ожидаемому передѣлу и православные. Въ малороссійскомъ населеніи толки о скоромъ наступленіи „слушнаго часа“ (общаго передѣла земли) были очень сильны въ началѣ шестидесятыхъ годовъ ¹⁾; они не прекращались и послѣ. Въ 1869 году, когда было приступлено къ люстраціи земли въ казенныхъ селеніяхъ, крестьяне нѣкоторыхъ волостей Чигиринскаго уѣзда стали заявлять требованія о передѣлѣ земли по душамъ; настаивая на этомъ, они надѣялись, что и общій размѣръ надѣла будетъ увеличенъ присоединеніемъ къ нему земли, не бывшей до того во владѣніи крестьянъ. Въ 1875 году требованіе передѣла земли высказывалось въ этихъ волостяхъ еще настойчивѣе, а отказъ удовлетворить это требованіе вызвалъ безпорядки. Особенное упорство оказали крестьяне селенія Шабельниковъ; никакія разъясненія начальства о незаконности передѣла тѣхъ подворныхъ участковъ, хозяева которыхъ на это не соглашались, не могли убѣдить крестьянъ этого селенія, и противъ нихъ были приняты строгія мѣры ²⁾. Требованіе свое крестьяне считали до такой степени спра-

¹⁾ Наблюденія Мироваго Посредника о нѣкоторыхъ юридическихъ обычаяхъ у крестьянъ Полтавской губерніи Кременчугскаго уѣзда. Основа. 1862 г. № 2.

²⁾ Нѣкоторыя подробности о Чигиринскихъ безпорядкахъ были сообщены въ Кіевлянинѣ 1875 г. № 102 и 104.

ведливимъ, что ожидали сверхъестественной помощи своему дѣлу. „Насколько сильна была идея о передѣлѣ земли и ожиданіи сверхъестественнаго вмѣшательства,—говорится въ „Кіевлянинѣ“,—можно судить между прочимъ изъ того, что одна крестьянка селенія Тюнекъ, Анастасія Лихошерстова, начала ходить по деревнямъ, уговаривать крестьянъ и даже духовенство итти на помощь къ жителямъ Шабельниковъ. Она упрекала, воодушевляла, грозила гнѣвомъ Божиимъ, пророчествовала о наступленіи счастливыхъ временъ“. ¹⁾ Эти счастливыя времена были ничто иное, какъ наступленіе „слушнаго часа“, такъ какъ Лихошерстова, на основаніи своеобразно понимаемыхъ ею нѣкоторыхъ мѣстъ евангелія, требовала надѣленія всѣхъ землею ²⁾.

2. Браки вдовцовъ и вдовъ.

По народному представленію загробная жизнь имѣетъ во многомъ сходство съ земной. Послѣ страшнаго суда, въ селеніи праведниковъ мужъ будетъ жить вмѣстѣ съ своей первой женой. Жизнь вдвоемъ представляетъ за гробомъ, также какъ и на землѣ, гораздо большія удобства, чѣмъ жизнь одинокаго. Есть мѣстности, гдѣ сознаніе о неудобствахъ одинокой жизни до такой степени живо, что оно отразилось тамъ и на похоронномъ обрядѣ. Въ Купянскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, когда умереть мальчикъ, то призываютъ дѣвушку его лѣтъ и даютъ ей платокъ, что означаетъ, что она обвиняна съ умершимъ. Такимъ образомъ составляется пара для жизни на томъ свѣтѣ. Когда умереть дѣвочка, то платокъ дается мальчику, который считается затѣмъ какъ бы вдовцомъ. Присутствующихъ на похоронахъ перевязываютъ, какъ сватовъ, ручниками ³⁾. Вслѣдствіе такого представленія о загробной жизни, дѣвушки неохотно выходятъ замужъ за вдовцовъ. Такъ, въ Елисаветградскомъ уѣздѣ дѣвушки считаютъ бракъ со вдовцомъ, хотя бы молодымъ и бездѣтнымъ,

¹⁾ С.-Петербург. Вѣд. 1876. № 86 (корреспонденція перепечатанная изъ Кіевлянина).—²⁾ Тамъ же.

³⁾ Такъ приблизительно описанъ этотъ обрядъ въ замѣчательномъ по богатству содержанія рефератѣ г. П. Иванова (Очеркъ возрѣвнїи крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда на душу и загробную жизнь), прочитанномъ на VII археологическомъ съѣздѣ (въ Ярославлѣ).

для себя унижительнымъ, потому что при такомъ бракѣ всѣ свадебные обряды совершаются только въ честь неvěсты, да и на томъ свѣтѣ онъ будетъ съ своей первой женой, а она останется безъ пары ¹⁾. Бракъ вдовы со вдовцомъ, по народному возрѣнію, не представляетъ такого неудобства, такъ какъ вдовецъ составить пару съ своей первой женой, а вдова съ своимъ первымъ мужемъ.

Вторичный бракъ необходимъ, по мнѣнію народа, только въ такомъ случаѣ, если у вдовца есть малолѣтніе дѣти, а въ семьѣ его нѣтъ женщины, способной къ уходу за ними. Въ этомъ случаѣ вдова самая подходящая неvěста для вдовца, какъ опытная женщина. Къ браку вдовцовъ на дѣвушкахъ народъ относится неодобрительно. ²⁾ Если у вдовцовъ нѣтъ малолѣтнихъ дѣтей, то и для новаго брака нѣтъ оправданія. Неодобреніе народомъ второго брака выразилось въ посрамительномъ обрядѣ, соблюдаемомъ въ с. Косковѣ Свѣжскаго уѣзда. Здѣсь ко дню бракосочетанія вдовца, мальчики и взрослые парни заготавливаютъ возможно большее количество изношенныхъ лаптей; въ день самаго бракосочетанія они съ собранными лаптями отправляются къ церкви и ждутъ выхода новобрачнаго вдовца. Лишь только онъ выйдетъ изъ церкви, мальчики и парни начинаютъ бросать въ него гнилые лапти. Нѣкоторые, связавъ три лаптя вмѣстѣ, стараются такую связку лаптей повѣсить новобрачному на шею. Бросаніе лаптей въ новобрачнаго продолжается до входа его въ домъ или выѣзда за полевые ворота ³⁾.

Опредѣлить силу вліянія религіозныхъ вѣрованій на бракъ вдовцовъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи въ насто-

¹⁾ М. Ганенко. Семейно-имущественныя отношенія крестьянскаго населенія Елисаветградскаго уѣзда. „Степь“—Херсонскій беллетристичный Сборникъ. Спб. 1886. Стр. 147.

²⁾ А. П. Звонковъ. Современный бракъ среди крестьянъ Тамбовской губерніи Елатомскаго уѣзда. Сборникъ свѣдѣній для изученія крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I, стр. 88. (Труды Этногр. Отд., т. IX).

³⁾ Странный обычай. Саратов. Губ. Вѣд. 1888 г. № 23. Въ настоящее время исполнителями этого обряда въ с. Косковѣ не сознается его первоначальная основа: обрядъ исполняется потому, что иначе бракъ вдовца не можетъ быть счастливымъ.

ящее время невозможно, по недостатку для этого данных. Только относительно немногих мѣстностей можно указать степень этого вліянія. Оно очень сильно въ губерніяхъ Харьковской, Екатеринославской и Тамбовской; въ Ярославской губерніи, хотя и существуетъ вѣрованіе въ соединеніе супруговъ за гробомъ, но оно не имѣетъ той живости, какая замѣчается въ трехъ вышеназванныхъ губерніяхъ, и вліяніе его на бракъ вдовцовъ поэтому должно быть значительно слабѣе. Это подтверждается и статистическими данными. По среднему выводу за восемь лѣтъ (за 1879—1886 гг.) изъ ста браковъ вдовцовъ православнаго населенія Европейской Россіи бываетъ 46 браковъ вдовцовъ на вдовахъ. Отклоненіе отъ этой средней величины въ ту или другую сторону зависитъ отъ весьма сложныхъ причинъ, въ числѣ которыхъ имѣютъ несомнѣнное значеніе и религіозныя вѣрованія. Изъ ста браковъ вдовцовъ православнаго населенія въ Ярославской губерніи бываетъ среднимъ числомъ 24 брака вдовцовъ на вдовахъ, въ Екатеринославской—52, въ Тамбовской—56, въ Купянскомъ уѣздѣ (Харьковской губерніи), гдѣ на особенную силу религіозныхъ вѣрованій указываетъ и вышеозначенный похоронный обрядъ,—60 браковъ.

3. Кража пчелъ.

Взглядъ народа на кражу пчелъ, какъ на святотатство, основанъ на томъ значеніи, какое имѣетъ пчела и въ религіозныхъ обрядахъ и въ народныхъ вѣрованіяхъ. Безъ пчелы (безъ восковыхъ свѣчей) невозможна церковная служба, невозможно (безъ меда) и поминовеніе родителей. По вѣрованію, существующему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, душа человѣческая, не соединенная съ тѣломъ, похожа на пчелу. Пчела священное насекомое: Илья пророкъ ни за что не ударитъ громомъ въ улей, хотя бы за нимъ и скрылся нечистый духъ ¹⁾. Въ Рузскомъ уѣздѣ я слышалъ слѣдующую легенду, указывающую на то же народное понятіе о пчелахъ: одинъ нечестивецъ за обѣдней причастился вмѣстѣ съ другими, но не проглотилъ причастіе, а незамѣтно выплюнулъ его, выйдя изъ церкви. Прійдя домой, онъ сталъ осматривать свои ульи и

¹⁾ *Алгасягъ*. Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу. Т. I, стр. 885.

въ одномъ изъ нихъ увидѣлъ слѣпленный изъ воска престолъ, на престолѣ восковую чашу, а въ чашѣ выплывающее имъ причастіе.

4. Средства, употребляемыя для открытія вора и возвращенія похищеннаго.

Для открытія вора и возвращенія похищеннаго употребляются народомъ нѣсколько средствъ, находящихся въ тѣсной связи съ народными вѣрованіями. Съ этою цѣлью ставятъ въ церкви передъ образомъ свѣчу (обидающую) верхнимъ концомъ къ низу. Иногда зажигаютъ передъ образомъ свѣчу зеленого воска, употребляемую обыкновенно только при панихидахъ, или, если догадываются о томъ, кто укралъ, то служатъ по немъ панихиду.

Послѣдствіемъ употребленія одного изъ этихъ средствъ бываютъ, по народному убѣжденію, страшныя мученія вора, заставляющія его возвратить похищенное. Часто также обращаются съ молитвою о возвращеніи украденнаго къ св. Іоанну Воину и ставятъ свѣчу въ церкви передъ его образомъ. Этому же святому молятся и воры, прося его помочь имъ при совершеніи задуманнаго ими воровства. Обычай воровъ молиться объ успѣхѣ дѣла, считающагося теперь и грѣшнымъ и преступнымъ, есть остатокъ языческаго вѣрованія, указывающій на давно исчезнувшія формы быта. Несомнѣнно, было время, когда воровство не считалось преступленіемъ. При господствѣ родового быта, при враждѣ родовъ, всякое нападеніе на принадлежащаго къ враждебному роду, всякое явное или тайное похищеніе его имущества считалось не преступленіемъ, а подвигомъ достойнымъ всякой похвалы. Это было опасное военное предпріятіе, передъ началомъ котораго испрашивалась божественная помощь, совершенно такъ же, какъ и впоследствии, при измѣнившихся формахъ быта, она испрашивалась при началѣ военныхъ дѣйствій. И въ настоящее время встрѣчаются въ Россіи у нѣкоторыхъ инородцевъ и такой взглядъ на воровство, и моленіе, обращенное къ божеству, объ успѣшномъ его совершеніи. Такъ, у абхазцевъ есть божество Эйригъ-хацныхъ (въ переводѣ: видящій все днемъ и ночью)—покровитель воровства, грабежа и разбоевъ. Въ жертву этому божеству приносятся четыре хлѣбца, надъ

которыми читается молитва, испрашивающая благословеніе предпріятію, и дается обѣщаніе въ случаѣ успѣха пожертвовать что-нибудь Богу ¹⁾).

Св. Іоаннъ Воинъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Нерехотскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, извѣстенъ народу только подъ именемъ св. Ивана Встрѣчнаго. Называется онъ такъ потому, что, по народному убѣжденію, какъ только воръ украдетъ что-нибудь днемъ или ночью, на встрѣчу ему всегда выходитъ св. Иванъ Встрѣчный. Такъ какъ образа святого Ивана Встрѣчнаго нѣтъ ни въ одной церкви, то свѣчи ему ставятъ передъ образомъ всѣхъ святыхъ. Обращеніе моленій преимущественно къ св. Іоанну Воину, какъ потерпѣвшими отъ воровства, такъ и ворами, объясняется своеобразнымъ пониманіемъ житія св. угодника, помѣщенного въ Прологъ. Св. Іоаннъ Воинъ былъ посланъ на убіеніе христіанъ Іуліаномъ Отступникомъ, но онъ, прежде чѣмъ схватывать христіанъ, предупреждалъ ихъ, чтобы они бѣжали, или же отпускалъ схваченныхъ. По окончаніи жизни святой былъ погребенъ на мѣстѣ, гдѣ хоронили странниковъ. Въ числѣ чудесъ совершенныхъ святымъ есть и открытіе тѣлѣ ²⁾).

У воровъ есть особое заклинаніе, списокъ съ котораго они берутъ съ собой, идя на промыселъ. Въ Моршанскомъ уѣздѣ былъ пойманъ конокрадъ, и на немъ былъ найденъ списокъ слѣдующей закликательной молитвы: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Иду я, рабъ божій, въ мрачный путь и дорогу мою; на встрѣчу мнѣ самъ Господь І. Христосъ грядетъ изъ прекраснаго рая, опирается золотымъ посохомъ, въ золотомъ своемъ крестѣ; на правой сторонѣ у меня Мать Божія, пресвятая Богородица, съ ангелами, архангелами, серафимами и со всѣми небесными силами; съ лѣвой стороны моей архангелъ Гавріилъ, надо мною Михаилъ архангелъ; сзади меня, раба божія, Ілья Пророкъ на огненной колесницѣ; онъ стрѣляетъ очищаетъ и дорогу мою закрывается св. Духомъ

¹⁾ А—з. Религіозныя вѣрованія абхазцевъ. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Вып. 5, стр. 17.

²⁾ Прологъ изд. 1877 г. Часть II, стр. 68.

и животворящимъ крестомъ Господнимъ. Замокъ Богоматерь, Петра и Павла ключъ. Аминь» ¹⁾).

Молитва, обращенная къ св. Іоанну Воину, по народному убѣжденію, можетъ помочь только при простомъ воровствѣ. Если же воръ рѣшается снять ризу или цѣнныя украшенія съ образа, находящагося въ церкви, то молитва обращается къ святому, изображенному на образѣ; у него испрашивается позволеніе снять ризу или украшенія, ему обѣщается даръ. Въ одной старинной легендѣ разсказывается, что обнищавшій купецъ, подойдя въ церкви къ иконѣ св. Богородицы, просилъ Богородицу дать ему утварь, находящуюся на иконѣ. Однажды, войдя въ церковь, онъ увидѣлъ, что утварь лежитъ передъ иконою; онъ взялъ ее, разбогатѣлъ и затѣмъ вдвое богаче украсилъ икону ²⁾. Въ народѣ ходитъ разсказъ о ворѣ, забравшемся ночью въ церковь, чтобы снять дорогую ризу съ иконы св. Николая чудотворца. Сколько ни старался воръ, онъ не могъ отдѣлать ризу отъ образа, и это удалось ему сдѣлать только послѣ молитвы, обращенной къ св. Николаю. и обѣщанія поставить ему полупудовую свѣчу. Свидѣтелемъ этого былъ мальчикъ, уснувшій во время всенощной и оставшійся незамѣченнымъ, когда запирали церковь. Мальчикъ этотъ разсказалъ обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ. Когда воръ, исполняя свой обѣтъ, принесъ въ церковь полупудовую свѣчу, его схватили и онъ былъ наказанъ. Мнѣ неизвѣстно, имѣетъ ли этотъ разсказъ фактическую основу, или это не болѣе, какъ легенда.

Существуетъ легенда, въ которой хотя и признается, что молитва можетъ помочь вору, но въ то-же время порицается всякая молитва о злыхъ дѣлахъ ³⁾.

¹⁾ Молитва эта была напечатана въ «Новомъ Времени» и перепечатана въ Тверскомъ Вѣстникѣ 1881 г. № 31. Корреспондентъ «Новаго Времени» сообщаетъ, что текстъ этой молитвы „знаютъ наизусть и почти всегда носятъ съ собою спеціалисты воровскаго дѣла“.

²⁾ Слово о нѣкоемъ купцѣ. Памяти. рус. стар. лит. Вып. I, стр. 133.

³⁾ *Аванасьевъ*. Сказки, 2-е изд. т. III, стр. 466. Варьянтъ этой легенды приведенъ *Н. А. Ивановичемъ* въ его Матеріалахъ по этнографіи Вологодской губерніи. (Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крест. населенія Россіи. Вып. II, стр. 126. Труды этногр. отдѣла, кн. XI).

5. *Свѣча изъ человѣческаго сала и рука или палецъ мертвеца.*

Свѣча, слитая изъ человѣческаго сала, по народному понятію имѣетъ особое сверхъестественное свойство. Въ домѣ, гдѣ она зажжена, никто не можетъ пробудиться, всѣ продолжаютъ спать: мертвымъ сномъ. Въ такой же глубокой сонъ повергается человѣкъ, обведенный кругомъ рукою мертвеца: даже достаточно имѣть при себѣ, входя въ домъ, палецъ мертвеца, чтобы въ домѣ никто не проснулся. Поэтому воръ, имѣющій при себѣ свѣчу изъ человѣческаго сала, руку или палецъ мертвеца, можетъ безъ всякой боязни заниматься своимъ промысломъ. Чтобы добыть человѣческое сало раскапываютъ могилы недавно похороненныхъ людей и отрѣзываютъ часть мертвого тѣла. Съ этою цѣлью были разрыты могилы: въ 1876 г. въ Каневскомъ уѣздѣ, въ 1878 г. въ Конотопскомъ, въ 1884 г. въ Переяславскомъ ¹⁾. Съ этою же цѣлью прибѣгаютъ иногда и къ убійству. Такія убійства были совершены: въ 1869 г. во Владиміро-Волынскомъ уѣздѣ, въ 1881 г. въ Пензенской губерніи, въ 1888 г. въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ ²⁾; но есть полное основаніе думать, что не всѣ случаи такихъ убійствъ были обнаружены. Обычай употреблять свѣчу изъ человѣческаго сала одни объясняютъ религіозными вѣрованіями ³⁾, другіе переживаніемъ людоедства ⁴⁾. Это послѣднее мнѣніе не противорѣчитъ, впрочемъ, первому, а только дополняетъ его; оно указываетъ первоначальный источникъ обычая, не отвергая связаннаго съ нимъ въ настоящее время суевѣрія.

Извѣстія о суевѣрныхъ средствахъ, употребляемыхъ ворами съ цѣлью обезпечить безопасное совершеніе воровства, встрѣчаются у насъ очень рѣдко. Такъ, напр., можно указать

¹⁾ С.-Петербург. Вѣд. 1876 г. № 242.—Особое прибавленіе къ Черниговскимъ Губ. Вѣд. 1878 г. № 14.—Московск. Вѣд. 1884 г. № 224.

²⁾ Рязанск. Губ. Вѣд. 1869 г. № 58.—Порядокъ 1881 г. № 131.—Рус. Вѣд. 1888 г. № 353.

³⁾ Аванасьевъ. Поэт. воззрѣнія славянъ на природу. Т. II, стр. 737.

⁴⁾ А. Ф. Воеводскій. Этнологическія и міеологическія замѣтки: I. Чаши изъ человѣческихъ череповъ и тому подобныя примѣры утилизаціи трупа. Одесса, 1877.—Д. А.—з. Пережитки древности, какъ опасныя суевѣрія настоящаго времени. Рус. Вѣд. 1888 г. № 359.

только на небольшое число извѣстій о разрытіи ворами могилъ; о ношеніи ворами руки (пальца) мертвеца мы знаемъ болѣе какъ о повѣрьи, между тѣмъ какъ это, вѣроятно, очень распространенный обычай. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда въ г. Ярославлѣ, на одномъ дворѣ, былъ найденъ человѣческій палецъ, полицейскіе чиновники прямо заявили, что находка эта не можетъ служить указаніемъ на совершеніе въ городѣ убійства и что палецъ, несомнѣнно, потерявъ воромъ. Это показываетъ, что въ Ярославской губерніи нѣрѣдко прибѣгаютъ къ такому суевѣрному средству, между тѣмъ въ литературѣ нѣтъ никакихъ указаній на существованіе въ этой губерніи такого обычая. Кромѣ того, и тѣ немногія отрывочныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о случаяхъ добыванія воровской свѣчи или руки (пальца) мертвеца, такъ кратки, что не даютъ полнаго понятія объ обычаяхъ. У насъ не встрѣчается также никакихъ указаній на суевѣрные обычаи и обряды, соблюдаемые разбойниками по ремеслу, между тѣмъ какъ ремесло это опасно воровское, и нѣтъ основанія думать, чтобы разбойники были менѣе суевѣрны, чѣмъ воры.

Сближая русскіе воровскіе обычаи съ существующими въ Германіи, изученными съ большею подробностью, и сравнивая ихъ съ обычаями современныхъ дикарей—людоѣдовъ, можно уяснить себѣ первоначальный источникъ представленія о сверхъестественномъ дѣйствіи руки мертвеца и свѣчи изъ человѣческаго сала.

Людоѣдство, существующее у современныхъ дикарей, имѣетъ нѣсколько видовъ. Самый грубый изъ нихъ вызывается потребностью мясной пищи: за человѣкомъ охотятся, какъ за звѣремъ, ѣдятъ не только людей своего племени, но и членовъ своей семьи, чаще всего дѣтей и женщинъ. Второй видъ составляетъ военное людоѣдство: съѣденіе взятыхъ въ плѣнъ или павшихъ въ битвѣ враговъ-чужеродцевъ. Третій видъ—религіозное людоѣдство: дикари приносятъ человѣка въ жертву богамъ и сами съѣдаютъ часть жертвы. Четвертый видъ—юридическое людоѣдство: съѣдаютъ осужденнаго.

Изъ этихъ видовъ людоѣдства долѣ другихъ удерживаются религіозное и военное. Последнее сохраняется долѣ вслѣдствіе устойчивости религіозныхъ вѣрованій, съ которыми оно

бываетъ соединено даже у самыхъ неразвитыхъ дикарей. Сами боги требуютъ убійства и пожиранія враговъ. Жители острововъ Витти стараются убить достаточное число непріятелей, чтобы достойно предстать на томъ свѣтѣ передъ судъ боговъ ¹⁾. Съ крайнимъ презрѣніемъ относятся на этихъ островахъ къ человѣку, не убившему и не съѣвшему ни одного врага. Къ такому человѣку примѣняется посрамительное наказаніе: его заставляютъ бить по грязи опозореннымъ оружіемъ, которымъ онъ не умѣлъ пользоваться ²⁾.

Изъ военныхъ обычаевъ дикарей людоедовъ есть два, имѣющіе близкое сходство съ воровскими современными обычаями и объясняющіе происхожденіе послѣднихъ. Одинъ изъ этихъ обычаевъ состоитъ въ ношеніи дикаремъ, идущимъ на войну, кости съѣденнаго врага съ цѣлю устрашенія непріятелей. Такъ, индѣйцы Южной Америки, при нападеніи на враждебное селеніе, показывали, для устрашенія его, кости побѣжденных и съѣденныхъ ими враговъ. „Мы храбры, говорили они, мы съѣли вашихъ родственниковъ, съѣдимъ и васъ“ ³⁾. У многихъ племенъ, у которыхъ людоедство уже исчезло, сохранился обычай воиновъ носить съ собой ту или другую часть непріятельскаго тѣла. Краснокожіе Сѣверной Америки носятъ на себѣ скальпы убитыхъ ими враговъ. Тушины до послѣдняго времени отрѣзывали кисть правой руки убитаго ими врага. Чѣмъ болѣе было отрѣзано рукъ, тѣмъ славнѣе былъ воинъ. У тушинъ существовало такое же презрительное отношеніе къ воину, не убившему ни одного непріятеля, какъ и у дикарей-людоедовъ. Тушинка не могла выйти замужъ за человѣка, у котораго не было ни одной руки убитаго имъ врага ⁴⁾. Наконецъ, представленіе о томъ, что ношеніе воиномъ части мертваго тѣла наводитъ страхъ на враговъ и тѣмъ уменьшается опасность, переходитъ въ суевѣріе, по которому опасность совершенно устраняется. Человѣкъ, вооружъ котораго обводятъ мертвой рукой, не можетъ вредить;

¹⁾ *Letourneau. L'évolution de la morale.* Стр. 104.—²⁾ Тамъ же, стр. 85.

³⁾—Тамъ же, стр. 108.

⁴⁾ *Н. Волконскій, Лезгинская экспедиція въ 1857 г. Кавказскій Сборникъ, Тифльскъ 1876. Вып. I, стр. 389.*

онъ замираетъ, впадаетъ въ непробудный сонъ. Затѣмъ и ношеніе воровъ части руки, пальца мертвеца отстраняетъ всякую опасность воровского предпріятія.

Другой военный обычай дикарей-людоѣдовъ еще яснѣе показываетъ связь людоѣдства съ воровскими обычаями. У одного племени краснокожихъ Сѣверной Америки побѣдитель на самомъ полѣ сраженія вскрываетъ побѣжденному грудь, вырываетъ сердце и сѣдаетъ его еще трепещущее ¹⁾. Въ новой Полинезіи сѣдаютъ сердце павшаго врага, чтобы его храбростью увеличить свою храбрость. Сердце сѣдается всегда сырымъ ²⁾. На Маркизскихъ островахъ у привесеннаго въ жертву человѣка вынимаютъ сердце и сѣдаютъ его сырымъ, между тѣмъ какъ остальные части трупа варятся ³⁾. Еще въ недавнее время въ Шангаѣ, во время бывшаго въ Китаѣ возмущенія, слуга одного англійскаго купца принесъ сердце одного изъ возмущившихся, чтобы сѣсть его и сдѣлаться болѣе храбрымъ ⁴⁾.

Пережитокъ этого вида людоѣдства встрѣчается и въ Германіи. Здѣсь, по народному вѣрованію, пожираніе сердца нерожденнаго ребенка мужского пола служить средствомъ защиты для воровъ и разбойниковъ. Сердце ребенка должно сѣсть сырымъ сейчасъ же, какъ только оно будетъ вынуто. Если въ воровской шайкѣ нѣсколько человѣкъ, то сердце разрѣзывается на части и каждый изъ шайки сѣдаетъ свою часть. Кто будетъ девять разъ участвовать въ ѣдѣ младенческаго сердца, того никогда не захватятъ во время совершенія воровства или другого подобнаго преступленія; а если случайно онъ и будетъ пойманъ, то онъ можетъ сдѣлаться невидимымъ и возвратиться къ своимъ товарищамъ. Въ половинѣ XVII вѣка одна разбойничья шайка, нагнавшая ужасъ на Ермеландъ, умертвила до четырнадцати беременных женщинъ, чтобы вынуть изъ нихъ сердца нерожденныхъ мальчиковъ. Съ тою же цѣлью достаютъ сердце, а иногда руку или палецъ некрещеннаго ребенка. Въ

¹⁾ *Letourneau*. L'évolution de la morale. Стр. 83.

²⁾ *Reclus*. Nouvelle geographie. Т. XVI, стр. 848.

³⁾ *Letourneau*. L'évolution de la morale. Стр. 94.

⁴⁾ *Letourneau*. La sociologie. 1880. Стр. 202.

Поальцѣ, еще въ недавнее время, каждый разъ послѣ погребенія некрещеннаго младенца должно было долго сторожить церковный дворъ, чтобы охранить трупъ отъ воровъ. Въ началѣ XVII вѣка судили въ Нюрнбергѣ убійцу, зарѣзавшаго многихъ беременныхъ женщинъ съ цѣлью отрѣзать руки у нерожденныхъ еще дѣтей и вытопить изъ нихъ свѣчу¹⁾. И въ Россіи нѣкоторые убѣждены, что воровскую свѣчу должно дѣлать изъ сала некрещеннаго младенца²⁾. Но здѣсь, также какъ и въ Германіи въ настоящее время, чтобы добыть человѣческое сало, убиваютъ и взрослыхъ людей. Воровская свѣча имѣетъ такое же свойство сласать вора отъ опасности, какъ и пожираніе человѣческаго сердца. Нѣтъ прямыхъ указаній на совершеніе убійствъ въ Россіи ворами и разбойниками съ цѣлью добыть сердце ребенка, хотя было нѣсколько несомнѣнныхъ случаевъ убійствъ беременныхъ женщинъ и вырѣзыванія изъ ихъ утробъ младенцевъ. Эти случаи всегда объясняли или особенною свирѣпостью разбойниковъ, или ихъ любопытствомъ, желаніемъ видѣть, какъ лезть ребенокъ въ утробѣ матери.

6. Мнимыя преступленія.

Всѣмъ извѣстно, какъ сильно распространено и съ какими упорствомъ держится у насъ обвиненіе евреевъ въ употребленіи ими христіанской крови. Во всѣхъ классахъ общества встрѣчаются люди, нисколько не сомнѣвающіеся въ убійствѣ евреями христіанскихъ дѣтей. Одни полагаютъ, что христіанская кровь употребляется при религіозныхъ обрядахъ не всѣми евреями, а только одною еврейскою сектою. Другіе, большинство которыхъ принадлежитъ къ наименѣе образованнымъ классамъ, обвиняютъ всѣхъ безъ исключенія евреевъ въ употребленіи ими крови христіанскихъ младенцевъ. Существуютъ весьма разнообразныя объясненія цѣли этого преступленія; между ними не послѣднее мѣсто занимаетъ мнѣніе объ употребленіи евреями человѣческой крови, какъ цѣ-

¹⁾ W. Mannhardt. Die practischen Folgen des Aberglaubens, mit besonderer Berücksichtigung der Provinz Preussen. Стр. 22. 23. Статья Мангардта напечатана въ 97 и 98 выпускахъ изданія Deutsche Zeit- und Streit-Fragen. Berlin. 1878.

²⁾ Могилевск. Губ. Вѣд. 1871 г. № 46.

лебнаго средства. Понятіе о цѣлебномъ дѣйствіи крови младенцевъ, занесенное въ Европу съ Востока, было нѣкогда очень распространено. У самихъ обвиняемыхъ нынѣ евреевъ сохранилось преданіе о лѣченіи Фараона отъ проказы кровью еврейскихъ дѣтей ¹⁾ Понятіе о цѣлебномъ дѣйствіи младенческой крови проникло въ Россію давно. У насъ существуетъ древняя легенда объ умерщвленіи младенца съ цѣлью помазать его кровью больного ²⁾. Въ одной изъ старинныхъ русскихъ повѣстей есть разсказъ о совершенномъ исцѣленіи больного, послѣ того какъ его помазали кровью убитыхъ дѣтей ³⁾. По народному понятію, существующему въ нѣкото-

¹⁾ Филаретъ Черниговскій въ своихъ „Житіяхъ святыхъ, мѣстно чтимыхъ“, говоря (подъ 20 апр.) о младенцѣ Гавріилѣ, по преданію убитомъ евреями въ 1690 въ Бѣлостокѣ съ цѣлью добыть христіанскую кровь, дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Въ еврейской книжкѣ „Чинъ пасхи“, печатной въ XVI в., есть гравюра, изображающая царя въ коронѣ, покрытаго струпями; онъ стоитъ въ ваннѣ, предъ нимъ вельможи растворяютъ младенцамъ жилы и изъ нихъ кровь фонтаномъ льетъ на тѣло царя въ ванну“. Составитель „Житій“, очевидно, усматривалъ въ этой картинкѣ несомнѣнное доказательство существованія у евреевъ обряда крови. И въ извѣстномъ саратовскомъ дѣлѣ объ убійствѣ (1853 г.) двухъ мальчиковъ, разсматривавшемся въ 1868 г. въ государственномъ совѣтѣ, въ этой картинкѣ хотѣли видѣть такую же улику противъ евреевъ. Значеніе этой картинки объяснилъ извѣстный гебраистъ проф. С.ПБ-скаго университета и Дух. Академіи Д. Хвольсонъ въ своей брошюрѣ: „Употребляютъ-ли евреи христіанскую кровь?“ По преданію евреевъ, во время египетскихъ казней, когда фараонъ заболѣлъ проказою, то египетскіе знахари посовѣтовали ему выкупаться въ крови *еврейскихъ* дѣтей, что и изображается на упомянутой картинкѣ. Въ мѣстностяхъ, населенныхъ евреями, каковы напр. Польша и Западный край, особенно упорно держится издавна легенда объ употребленіи евреями христіанской крови. Польскіе и литовскіе короли неоднократно своими постановленіями должны были разсѣивать ложную клевету на евреевъ, строго воспрещая обвинять ихъ въ дѣтоубійствѣ. Императоръ Александръ I далъ въ 1817 г. (6 марта) указъ, подтвержденный потомъ при имп. Николаѣ, специально для областей, перешедшихъ къ Россіи отъ Польши. Въ немъ приказано было: „не обвинять евреевъ въ употребленіи христіанской крови, такъ какъ эти обвиненія не оправдываются еврейскими законами и представляютъ чистую ложь, какою считали ихъ всегда ученые и папы и государи“.—Этотъ вопросъ затронутъ и въ болгар. статьѣ М. Драгоманова. Срв. Этн. Об., кн. V, 185—6.—*Ред.*

²⁾ Памятники старин. рус. литературы. Вып. I, стр. 117.

³⁾ Въ „Повѣсти о семи мудрецахъ“.

рыхъ мѣстностяхъ, евреи лѣчатся человѣческою кровью не отъ случайной какой-нибудь болѣзни, но отъ недуга, присущаго всѣмъ евреямъ съ самаго ихъ рожденія. По вѣрованію, существующему въ Московской губерніи, Богъ наказалъ всѣхъ евреевъ за преданіе смерти І. Христа; божественное наказаніе состоитъ въ томъ, что всѣ еврейскія дѣти рождаются слѣпыми и начинаютъ видѣть только тогда, когда имъ помажутъ глаза кровью невинныхъ христіанскихъ младенцевъ. Поэтому всякій разъ, какъ бываетъ найденъ дѣтскій трупъ, убійство ребенка приписываютъ евреямъ, даже и въ томъ случаѣ, когда самый фактъ убійства не можетъ быть доказанъ.

Другое мнимое преступленіе есть убійство мнимо-умершихъ, ожившихъ въ церкви, послѣ перенесенія ихъ туда для погребенія. Въ этихъ мнимыхъ убійствахъ народъ обвиняетъ церковныя причты. Это обвиненіе, встрѣчающееся, сколько мнѣ извѣстно, только въ Вятской губерніи, имѣетъ общія черты съ обвиненіемъ евреевъ въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей: и въ томъ и въ другомъ случаѣ преступленіе совершается, какъ думаетъ народъ, для избѣжанія Божіей кары.

Въ Уржумскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, гдѣ по обычаю тѣло покойника должно оставаться одну ночь въ церкви, въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что церковный причтъ убиваетъ покойника, ожившаго по перенесеніи его въ церковь. Если ожившій успѣетъ скрыться изъ церкви, то долженъ умереть весь причтъ или должны умереть подъ рядъ 12 священниковъ ¹⁾. Такое же суевѣрное убѣжденіе существуетъ въ Слободскомъ ²⁾, Яранскомъ ³⁾, Котельническомъ и Орловскомъ уѣздахъ ⁴⁾. Между прочимъ г. В. Магницкій, подробно изложившій этотъ суевѣрный взглядъ народа, говоритъ: „Объ этомъ мнѣ

¹⁾ В. Магницкій. Повѣрья и обряды (запуки) въ Уржумскомъ уѣздѣ Вятской губерніи. Вятка 1883.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Предразсудки о послѣдствіи оживленія мнимоумершихъ. Волжско-Камское Слово, 1882, № 192; статья эта указана въ вышеназванномъ сочиненіи В. Магницкаго.

⁴⁾ Въ Котельническомъ и Орловскомъ уѣздахъ, какъ мнѣ извѣстно, существуетъ такое же суевѣріе, какъ и въ Уржумскомъ у., но въ литературѣ нѣтъ на это указаній.

довелось подслушать въ Уржумѣ слѣдующій разсказъ: причтъ убиваетъ ожившаго покойника ломомъ, хранящимся для этого въ церкви за печкой; конецъ лома въ крови. Убійство совершается такъ: заставъ покойника ожившимъ, причтъ заставляеть его помолиться Богу, а когда помолившись, перекрестившись, поклонится, ударяетъ его спрятаннымъ ломомъ въ загорбокъ. Зная такую участь, ожившіе покойники стараются изъ церкви скрыться прежде, чѣмъ будетъ обнаружено исчезновеніе ихъ изъ гроба. Въ свою очередь церковные сторожа, чтобы предупредить побѣгъ, по входѣ въ церковь первыми, раскрываютъ гробъ и капаютъ покойному на лицо воскомъ отъ зажженной свѣчи, для убѣжденія, не ожилъ ли онъ. Въ томъ случаѣ, когда побѣгъ совершается, причтъ отпѣваетъ пустой гробъ и провожаетъ его на кладбище, какъ бы въ немъ былъ покойникъ... Любопытно, что смерть подъярьдъ двухъ, трехъ священниковъ въ одномъ и томъ же селѣ иначе не объяняется народомъ, какъ упускомъ ожившаго покойника ¹⁾.

Какъ обвиненіе евреевъ въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей еще болѣе укрѣпляется разсказами о нѣкоторыхъ загадочныхъ случаяхъ убійства или смерти, такъ и въ Вятской губерніи такіе загадочные случаи укрѣпляютъ убѣжденіе народа въ совершеніи убійства церковными причтами. „Одинъ сельскій учитель, говоритъ В. Магницкій, передавалъ мнѣ, что въ началѣ 70-хъ годовъ текущаго столѣтія, въ одномъ селѣ Слободскаго уѣзда, гдѣ священникомъ былъ его дядя, разъ дѣйствительно оставленный на ночь въ церкви покойникъ найденъ былъ сторожемъ съ свѣжеоблитымъ кровью лицомъ, а гробъ разбитымъ. Объ этомъ сторожъ тотчасъ же доложилъ священнику, а послѣдній донесъ полиціи, и похороны были пріостановлены. Но такъ какъ событіе это случилось лѣтомъ, а врачъ для вскрытія прибылъ черезъ мѣсяцъ, то причина смерти покойника не выяснилась. Тѣмъ не менѣе народная молва приписывала дѣйствительное убійство въ данномъ случаѣ ожившаго покойника старику-дьячку“ ²⁾.

¹⁾ В. Магницкій. Повѣрья и обряды въ Уржумск. уѣздѣ. Стр. 34-36

²⁾ Тамъ же. стр. 35.

Народъ крайне возмущается этими мнимыми убійствами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ г. Орловѣ Вятск. г. распространился слухъ, что въ одной изъ церквей ожилъ покойникъ. Большая толпа, какъ мнѣ рассказывалъ очевидецъ, окружила церковь, чтобы не допустить убійства. Съ трудомъ можно было убѣдить толпу въ ложности слуха.

Въ заключеніе я долженъ оговориться, что для предлагаемыхъ замѣтокъ я выбралъ только тѣ обычаи, смыслъ которыхъ мнѣ представляется яснымъ и о которыхъ я могъ чѣмъ-нибудь дополнить прежнія свѣдѣнія. Нѣкоторые могутъ найти, что заглавіе статьи не совсѣмъ соответствуетъ ея содержанию, что, напримѣръ, суевѣрныя средства открытія вора, употребленіе свѣчи изъ человѣческаго сала относятся не къ юридическимъ понятіямъ или обычаямъ, а исключительно къ религіознымъ вѣрованіямъ народа. Это было бы совершенно справедливо, еслибы я сталъ разсматривать религіозныя вѣрованія, существующія въ настоящее время, независимо отъ ихъ исторіи; но мнѣ представляется несомнѣннымъ, что корень этихъ вѣрованій былъ тѣсно связанъ съ юридическими понятіями и что изученіе ихъ очень важно для исторіи обычнаго права.

Е. Якушкинъ.

Нѣсколько новыхъ данныхъ къ народнымъ представленіямъ о Долѣ.

Матеріалы и указанія, сообщаемые далѣе, легко распредѣляются по тѣмъ стадіямъ развитія народной идеи о Долѣ, которыя мы попытались установить въ предыдущемъ изслѣдованіи (Разысканія, вып. V, гл. XIII): та-же идея непрерываемости судьбы въ сказкахъ типа Василя Безсчастнаго ¹⁾; что бездольному не въ прокъ ни чужая помощь, ни выходка—о томъ рассказывала сербская сказка и повторяетъ албанская ²⁾; счастливыцы, какъ и бѣдовики, рождаются: греки зовутъ ихъ *χαλοπόδαροι*, *χαλοπόδαροι*, и стараются, чтобы въ день Нового года *χαλοπόδαρος* первый вступилъ въ домъ. Я сравнилъ ихъ съ сербскими полажайниками, южно-русскими ползниками ³⁾; у гораловъ имъ отвѣчаютъ подлазники, *gości którzy zwykle po pastercie przychodzą na podłazy*, т. е. з. *powinszowaniem świąt*; обыкновенно хозяинъ знаетъ, кто явится къ нему подлазникомъ, и заранѣе о томъ напоминаетъ ⁴⁾. Интереснѣе отмѣтить распространеніе самаго образа *χαλοπόδαροι*, съ тѣмъ же при немъ значеніемъ. Дѣло идетъ о шотландскомъ суевѣріи: какой-то рыбакъ женился, съ тѣхъ поръ ему въ ловлѣ не везетъ; эту неудачу приписали худой, неудачливой ногѣ, *taivais pied*, его жены (*χαλοπόδαρος*), и онъ сталъ такъ дурно обходиться съ нею, что принудилъ ее вернуться къ себѣ въ деревню. Другія рыбацки, также обладавшія подобнымъ же не-

¹⁾ См. Этнографическое Обозрѣніе, кн. VII, стр. 80—3 (сказка о Маркѣ богатомъ) и Разысканія, вып. V, стр. 200.

²⁾ См. Разысканія, I. с., стр. 230—1 прим. и Zeitschrift f. Volkskunde II, стр. 266—7 (*Das Glück des Narren*).

³⁾ Разысканія, I. с., стр. 233—4.

⁴⁾ См. Stefanija Ulanowska. Boże narodzenie u Górali, zwanych Zagorza-nami. — Wisła III, стр. 104—5.

счастливымъ даромъ, всегда сворачивали съ дороги, завидѣвъ рыбака, направлявшагося къ морю, либо занятого какой-нибудь работой ¹⁾).

Народныя олицетворенія Доли встрѣтились намъ въ недавно обнародованной болгарской сказкѣ: Свети Илиа и наречницы ²⁾ и въ группѣ южно-итальянскихъ повѣрій, о которыхъ я намѣренъ сказать нѣсколько словъ. Для Сициліи онѣ собраны были Pitré, въ послѣднемъ четвертомъ томѣ его *Usi e costumi, credenze e pregiudizi del popolo siciliano* (Palermo, 1889). Вопросы о соотношеніи идей Фаты, Доли (*sorti, mira*), Судьбы (*destino*) онъ не касался; факты имъ сообщенные безъ труда укладываются въ установленныя нами генетическія рубрики. Говорится о нареканіяхъ и дарахъ Фаты новорожденной (стр. 180); доля (стр. 199 и слѣд.)—счастливая или нѣтъ—неизбѣжна: стоитъ бездольному (*malassurtatu*) начать шапки шить, люди станутъ родиться безъ головы, а для счастливецца будутъ рождаться и о двухъ головахъ; бездольный бросить въ воду соломинку, она канетъ на дно, а у другого всплыветъ и кусокъ свинца:

Di quantu sfartunati su' a lu munnu
 Unu di chisti mi pozzu chiamari,
 Jetta la pagglia a mari e mi va 'n funnu,
 Ad antru viju la chiammu navicari.

За счастливаго работаетъ его доля (*sorti e va cùrcati*), онъ и въ водѣ не тонетъ (*dammi sorti e jettami a mari*). Говорится, что долю даетъ Богъ (*la sorti la reggi Ddiu*), но въ сказкахъ она является и самостоятельнымъ существомъ, опредѣляющимъ людскую участь. Ее стараются умиловить; въ первый поведѣльникъ мѣсяца къ ней обращаются съ молитвой: пусть явится во снѣ, откроетъ будущее; если она не приснится, нечего ожидать отъ нея помощи. Одна дѣвушка, обратившаяся къ ней съ такой молитвой, видѣла ее во-очію: высокая, смуглая дѣвушка грозно глядѣла на нее и сказала: „не зови меня больше: Доля и Смерть всегда съ тобою, куда бы ты ни пошла:“

¹⁾ *Revue des traditions populaires*, IV, стр. 660 - 661.

²⁾ Сборникъ за народни умотворения, кн. I, стр. 110—111. См. Разысканія, вып. V, стр. 190, прим. 1.

Sorti e Morti.

Duvvi vai, ti la porti!

Съ тѣхъ поръ той женщинѣ никогда не везло.

Въ сказкахъ красавицамъ удается умиловить ее дарами: такъ, въ сказкѣ о Розинѣ и въ разсказѣ о Бездошной, Sfurtuna, сходномъ съ приведеннымъ мною румынскимъ ¹⁾. Sfurtuna, седьмая дочь королевы, бездошная, становится невольной причиной бѣдствій для всей своей семьи. По совѣту одной старухи мать отсылаетъ ее отъ себя; какія-то ткачихи пріютили ее; ночью она видитъ, что ея Доля рѣжетъ ножницами вѣренныя ей ткани. У лавочника, въ услуженіе къ которому она поступила, случилось то-же: ея Доля открыла краны у бочекъ, и вино пролилось. Прачка, къ которой она перешла, поручаетъ ей выстирать бѣлье царевича; довольная работой дѣвушки, за которую царевичъ ее награждаетъ, прачка посылаетъ ее къ своей Долѣ съ двумя хлѣбцами. Sfurtuna идетъ къ берегу и зоветъ Долю; та принимаетъ ее дружелюбно и указываетъ, гдѣ ей найти и свою собственную Долю, безобразную старуху пекарку, грубо встрѣтившую ее, когда она принесла ей свой хлѣбецъ. Sfurtuna идетъ домой, опечаленная; въ другой разъ, вернувшись къ Долѣ, она приласкала ее, вымыла, вычесала и получила отъ нея въ даръ ящичекъ съ кускомъ галуна. Когда на слѣдующей недѣлѣ прачка снова понесла бѣлье царевичу, она застала его въ горѣ: къ платью его невѣсты не доставало кусочка галуна, а подобнаго ему нигдѣ не могутъ найти. Sfurtuna даритъ прачкѣ свой кусокъ, за который царевичъ обѣщаетъ заплатить вѣсомъ золота. Сколько его ни клали на чашку вѣсовъ, галуны все перевѣшивалъ. Царевичъ терзается въ догадкахъ. Sfurtuna разсказываетъ ему о своей Долѣ—и выходитъ за него замужъ.

Сицилійская *mira*, *mera* (греч. *μοῖρα*)—та-же Доля; Raffaele

¹⁾ См. Разысканія, вып. V, стр. 258—9. Галуны сицилійской сказки замѣнилъ собою нить румынской. Эту нить я объяснилъ, какъ брачную. См. I. с. стр. 208 слѣд., 248, 259 и Liebrecht Zur Volkskunde, стр. 358, § 28. Къ приведенной мною I. с. стр. 257—8) малорусской параллели, см. еще варьянтъ у М. К. Васильева: Антропоморфическія вѣрованія украинскаго народа, Этнографическое Обозрѣніе, кн. IV, стр. 92, № 4.

Castelli опредѣляетъ ее: домашній духъ, покровитель ¹⁾). Любопытно одностороннее, ухудшающее значеніе миры: Недоли, несчастной Судьбы; оно напоминаетъ такое же развитіе понятій Фатума, Немезиды, Эринній ²⁾).

Слѣдующая сказка изъ Калабріи ³⁾ отвѣчаетъ сербской у Крауса ⁴⁾; нѣтъ только Бога, дающаго Сречу. Донъ Филомено посылаетъ бѣднаго сапожника Теста: пусть поидетъ на гору, тамъ поляна, посреди нея утесъ; пусть позоветъ *la Fortuna di don Filomeno*, вручить ей письмо и передать просьбу Филомено: не посылать ему болѣе богатствъ, ибо онъ не знаетъ, куда ихъ дѣвать. Бѣднякъ исполнилъ порученіе; *Fortuna* ('*na fimmana tutta sudata*, какъ работница) явилась на его зовъ и выслушала порученіе, съ которымъ онъ пришелъ. Въ это время выпалъ такой градъ, что вся поляна побѣлѣла. „Скажи Филомено,—говоритъ *Fortuna*,—что я пошлю ему столько золотыхъ, сколько здѣсь крупинъ града.“ Бѣднякъ желаетъ видѣть и свою Долю. — „Позови ее“, совѣтуетъ ему *Fortuna* Филомено. Явилась женщина, оборванная, съ всклокоченными волосами и гнойными глазами, видно, что лѣнивая. Теста жалуется ей: она причиною тому, что онъ спитъ на соломѣ, и его одолѣли вши.

— „Видѣлъ ты, какой выпалъ градъ?“ спрашиваетъ она: „столько вшей я нашла на тебя“. Бѣднякъ погнался за нею съ камнемъ въ рукѣ, но она исчезла. Когда онъ вернулся къ богачу и рассказалъ ему, какъ было дѣло, тотъ отвѣтилъ: *Fortuna* посылаетъ мнѣ богатство, а же изведу его. Онъ велитъ скупить сколько было на рынкѣ сала и наполнить имъ амбаръ; велитъ скупить всѣхъ кошекъ, какія нашлись, и пустить ихъ туда: пусть ѣдятъ сало; но кошки его не трогаютъ, а ѣдятъ мышей и жирѣютъ. Тогда богачъ распорядился нагрузить саломъ корабль, взять и кошекъ, и то и другое сбыть гдѣ-нибудь—съ убыткомъ. Его люди продали сало въ одномъ го-

¹⁾ Къ другимъ итальянскимъ отраженіямъ *fatum* сл. *Simioni, I fatuzzi nella credenza popolare Trapanese. Archivio per lo studio delle trad. popolari. VIII, стр. 337* слѣд.

²⁾ Разысканія, вып. V, стр. 259.

³⁾ *La Calabria. Rivista di letteratura popolare dir. da L. Brozzano. 1889, № 2, стр. 15—16.*

⁴⁾ Разысканія, I. с., стр. 245—6.

родѣ, гдѣ не знали его употребленія, кошекъ—въ другомъ, гдѣ не было житья отъ мышей (мотивъ известной сказки о кошкѣ Виттингтона): то и другое за дорогую цѣну; нагрозили корабли золотомъ и серебромъ и привезли въ Филомено. Пусть же моя Доля шлетъ мнѣ, что угодно, говоритъ онъ, я все прійму.

Долю можно измѣнить, говорятъ въ Абруцкахъ, молитвою къ Богородицѣ, либо суевѣрнымъ актомъ, напр. сліаніемъ крови; кто совершилъ этотъ искупительный актъ въ пользу бездольнаго, зовется имъ не иначе, какъ San Giovanni, т. е. кумомъ, ибо вызвалъ его къ новой жизни ¹⁾ Напомнимъ, что св. Іоаннъ въ Италіи покровитель кумовства, *compagatico*, братства названнаго; что въ его ночь гадаютъ о судьбѣ, долѣ; что актъ смѣшенія крови въ абруцкомъ обычаѣ, очевидно, имѣетъ тотъ смыслъ, что вмѣстѣ съ кровью кума переходитъ къ неудачнику и его Доля—удача. Эта бытовая черта, пока не встрѣчавшаяся мнѣ въ циклѣ народныхъ повѣрій о Долѣ, позволяетъ мнѣ точнѣе отвѣтить на вопросъ, поставленный въ предыдущемъ изслѣдованіи (Разысканія, вып. V, стр 225 слѣд., 231—233): въ цѣлой группѣ сказокъ бездольный молодецъ выходитъ изъ недоли, женившись на удачливой дѣвушкѣ, работающей и мудрой, иногда вѣщей, располагающей сверхъестественными силами. Я спросилъ себя: какъ понять образъ дѣвушки, приносящей счастье бездольному молодцу? Что это: просто-ли дѣвушка, одаренная долей, или въ ней есть черты олицетворенной Среци сербскаго повѣрія? Я полагаю, что въ основѣ сказочнаго мотива лежитъ болѣе древнее матеріальное представление: приобщеніе къ чужой, родовой Долѣ путемъ брачнаго союза съ другимъ лицомъ. Такой-же матеріальный образъ предполагается и смѣшеніемъ крови въ абруцкомъ обычаѣ. Я объясняю его себѣ по аналогіи съ слѣдующимъ половецкимъ: половецъ прокалывалъ себѣ палецъ иглой и выступившую кровь давалъ сосать тому, кого избиралъ себѣ въ постоянные спутники и друзья, послѣ чего сосавшій кровь своего товарища становился для него какъ бы собственною его кровью и тѣломъ, какъ вкушеніе отъ молока женщины

¹⁾ *Curiosità popolari tradizionali pubblicati per cura di G. Pitrè, vol. VII. Finamore. Credenze, usi e costumi abruzzesi, p. 77.*

устанавливало родственную связь между ея родомъ и вкусившимъ. Именно послѣднее распространенное повѣріе показываетъ, что г. Кулишеръ ¹⁾ былъ, можетъ быть, не въ правѣ выразиться о половецкомъ обрядѣ, что въ немъ „опущена весьма важная подробность: о взаимности сосанія“. Эта взаимность (смѣшенія, вкушенія, сосанія крови) дѣйствительно характеризуетъ извѣстный актъ побратимства, но она не представляется мнѣ существенной: уже одностороннее вкушеніе, сосаніе крови достаточно выражаетъ идею кровнаго, родового единенія; въ абруцкомъ обиходѣ существенна не идея смѣшенія, а то, что кровь удачливаго попадаетъ въ тѣло безсчастнаго, а съ кровью или другою частью его тѣла передается и его доля.

Мы можемъ конструировать такое вещественное представленіе Доли изъ цѣлаго ряда другихъ представлений: вѣсть сердце врага, пить его кровь—обычныя угрозы сѣвероамериканскихъ дикарей, мотивирующіеся представленіемъ, что вкусившій отъ сердца храбреца усвоить и его храбрость ²⁾; есть цѣлый рядъ сказокъ и легендарныхъ мотивовъ, что вкушеніе той или другой части извѣстнаго животнаго (пѣтуха, рыбы, змѣи и т. д.) сообщаетъ человѣку чудесныя дары, свойства и счастье. Слѣдующая малорусская сказка ³⁾ соединяетъ зооморфическіе образы Сръчи съ идеей, что счастье можно съѣсть.

Былъ себѣ человѣкъ, узнававшій съ перваго взгляда, кто счастливый, кто нѣтъ, люди или скотина; дѣти у него были счастливые, одинъ только сынъ бездольный. Задумалъ парень жениться, батько останавливаетъ его, говоритъ, что дѣвка несчастлива. Когда сынъ все-таки женился, отецъ совѣтуетъ ему съ женой жить при немъ, а по смерти своей при старшемъ братѣ ибо „вы обоє несчастливи“. Но они не послушались, идутъ искать своего счастья: отдѣлились отъ батьки, поѣхали. На пути подобрали заброшеннаго щенка, купили земельки, устроились, а щенокъ сталъ доброй собакой. И

¹⁾ М. И. Кулишеръ, Очерки сравнительной этнографіи и культуры, СПб. 1887, стр. 101.

²⁾ Срв. Этногр. Обзор. IX, 14.

³⁾ Кіевская Старина 1889, апрѣль, стр. 196--199.

повалило молодымъ счастье: за что ни возьмутся—все удастся, „просто, якъ зъ воды йде“. Выписали они отца посмотреть на ихъ довольство. Приѣхалъ онъ, дивится, не знаетъ что и подумать: не видно счастливаго! Вечеромъ пригнали овецъ, за ними и собака: «ага! ось де щастя!» говоритъ старикъ — и просить убить собаку: лучше будетъ! Ни хозяева, ни пастухи не рѣшаются на это; нашелся, кто не пожалѣлъ собаки и убилъ ее. А старикъ смотреть, что будетъ: подбѣжалъ къ убитой пѣтухъ, клюнулъ ее разъ и два. Старикъ доволенъ: говоритъ невѣсткѣ, чтобы она на другой день заколола пѣтуха и изжарила ему въ дорогу, да никому не давала бы отвѣдать, а что въ немъ негодно, то закопала бы. Хозяйка зажарила пѣтуха, побила сынишку, пристававшего къ ней дать ему кусочекъ, но по просьбѣ сосѣдки все-таки дала. Старикъ былъ въ церкви; когда вернулся, увидѣлъ, что дѣло сдѣлано. Сѣли обѣдать; старикъ требуетъ, чтобы подали пѣтуха.—Да вѣдь онъ вамъ на дорогу! говоритъ хозяйка.—Такъ надо было сказать, а теперь можно и ѣсть его, ибо у васъ уже есть счастливый. И онъ объясняетъ, какъ собачье счастье перешло въ пѣтуха, а теперь въ хлопчика. Живите и Бога хвалите: все ваше при васъ будетъ!

Вернемся еще разъ къ итальянскимъ представлѣніямъ о Долѣ, чтобы раскрыть элементы народной сказки въ одной притчѣ, которую Боккаччо разсказалъ въ *De Casibus Virorum Illustrium* со словъ своего учителя, астронома Андалоне дель Негро. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я коснулся этой притчи и указалъ на ея отношеніе къ народнымъ идеямъ о Долѣ¹⁾; теперь мнѣ яснѣе въ ней раздѣлъ между ея школьными и народно-поэтическими мотивами. Сцена открывается перебранкой между *Fortuna* и *Paupertas*; нищета предполагаетъ для *Fortuna* значеніе не столько судьбы, сколько счастья и богатства. Перебранка переходитъ въ бой; побѣждаетъ *Paupertas* и по уговору ставитъ свои условія побѣжденной. До сихъ поръ мы на почвѣ школьнаго пренія (*Debats et Disputes*), въ родѣ извѣстныхъ средневѣковыхъ преній Поста и Масляницы,

1) Три письма Джіованни Боккаччо къ Майнардо де Кавальканти (СІБ. 1876), стр. 7—8.

Синагоги и Церкви, души и тѣла и т. д. Во второй части притчи объявляется нѣчто новое: *Fortuna* болѣе не Счастье, а Судьба, Усудъ извѣстной сказки; въ ея вѣдѣніи находятся *Fortunium* и *Infortunium*: сербская Среча и Несреча, добрая и лихая Доля. И вотъ *Raupertas* рѣшаетъ: пусть *Fortunium* свободно ходить, куда пошлетъ его *Fortuna*, а *Infortunium* она обязана на виду у всѣхъ привязать и приковать цѣпами къ столбу, чтобы ему нельзя было ни тронуться съ мѣста, ни переступить чей-либо порогъ, развѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, кто развяжетъ его путы. Если я не ошибаюсь, это опять сказочный мотивъ, какъ и самые образы *Fortunium* и *Infortunium*: я указываю на сказки, въ которыхъ бѣднякъ запирается, зарываетъ, забиваетъ въ дупло свою Недолю; ему съ тѣхъ поръ везетъ: какой-нибудь завистникъ, иногда братъ, выпускаетъ эту Недолю изъ заключенія, полагая, что она снова привяжется къ бѣдняку, но она хватается за него самого ¹⁾, какъ *Infortunium* овладѣваетъ тѣмъ, кто отвязалъ его.

Очень вѣроятно, что въ пониманіи Боккаччо эти реальные мотивы сказки представлялись отвлеченіе въ томъ смыслѣ, что всякій самъ навязываетъ себѣ лихую долю и въ ней повиненъ. Грузинская сказка ²⁾, которою я заключаю этотъ обзоръ, пошла и еще далѣе: что злую долю можно исправить волей, трудомъ. Жилъ былъ богачъ; его безчисленные стада рогатаго скота и табуны лошадей бродили по горамъ безъ пастуховъ и присмотра, точно ихъ берегала какая-то невѣдомая рука. Въ той-же странѣ жилъ и бѣднякъ, человѣкъ лѣнивый. Богачъ предложилъ ему приходить къ нему помогать при работахъ; онъ даетъ ему за то пару воловъ. Но лѣнивцу не до того: чѣмъ работать все лѣто изъ-за какой-нибудь пары воловъ, лучше угнать часть богачева стада,—оно вѣдь ходитъ безъ присмотра,—продать въ городѣ и жить счастливо. Онъ дѣйствительно отправился къ мѣсту, гдѣ паслись стада, но едва близко подошелъ къ нимъ, какъ пронесся свистъ и про-

¹⁾ См. Разысканія, вып. V, стр. 219—220.

²⁾ См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. X, отд. III, стр. 49 слѣд. См. Разысканія, I, с., стр. 217 слѣд. и малорусскій варьянтъ, напечатанный г. Васильевымъ въ Этнограф. Обзорѣніи, кн. IV, стр. 92—93.

нзительный крикъ по горамъ. Стада вдругъ зашевелились, лошади заржали, лѣнныя коровы оживились, раздался шумъ, и весь скотъ, какъ вихрь, слетѣлъ въ долину. Бѣднякъ стоялъ пораженный. Придя къ мѣсту сбора, онъ увидѣлъ среди стада крошечнаго человѣка, лицо котораго сіяло, какъ огонь; животныя проталкивались къ нему, желя облизать его. „Я—Счастье хозяина этихъ стадъ“, былъ его отвѣтъ на вопросъ бѣдняка, „а твое Счастье тамъ на холмѣ, подъ кустомъ почиваетъ“. Бѣднякъ идетъ искать его, но долго не находитъ, и такъ какъ полѣнился итти дальше, то легъ и проспалъ до вечера. Вдругъ до него донесся стонъ: въ кустахъ изывался, какъ насѣкомое, совершенно высохшій, безобразный человѣкъ. „Я твое Счастье“, прохрипѣлъ онъ и отвѣчалъ на укоръ бѣдняка: „ты лежишь и почиваешь, я тоже лежу и сохну; встань—встану и я, проснись—я буду бодрствовать, трудись—дамъ богатство“. Бѣднякъ одумался, началъ трудиться; проснулось и его Счастье—онъ разбогатѣлъ и зажилъ счастливо.

А. Веселовскій.

СТАНИЦА ЧЕРВЛЕНАЯ,
Кизлярскаго отдѣла Терской области.

II.

Мы уже указали на возникновеніе отношеній между дѣвушкой и парнемъ и прослѣдили ихъ до супружества. Посмотримъ теперь, какія отношенія возникаютъ между мужемъ и женой въ ихъ семейной жизни.

Трудно установить какую-либо общую мысль въ вопросѣ о положеніи жены въ семьѣ казака: въ одной семьѣ мужъ глава дома, въ другой и жена не только не уступаетъ мужу, но и беретъ верхъ, въ третьей, наконецъ, наблюдается равенство. „Не равно“, т. е. не одинаково, какъ говорятъ казаки. Въ общемъ, конечно, положеніе жены, въ сильной степени обусловливается тѣмъ взглядомъ, какой имѣютъ казаки на женщинъ. Можно отмѣтить одну общую черту въ положеніи казачки, именно нѣкоторую двойственность, состоящую въ томъ, что ея положеніе и право, по сложившимся испоконъ вѣковъ принципіальному представленію казака, рѣзко отличаются отъ положенія и правъ на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности, на практикѣ.

По мнѣнію казака, женщина вообще неизмѣримо ниже мужчины по своимъ духовнымъ силамъ. Она есть сосудъ нечистый и вмѣстилище всякой скверны. Въ женщинъ любитъ больше всего вселяться нечистый духъ; „портить“ ихъ гораздо легче, чѣмъ мужчинъ, и „онѣ“ съ удовольствіемъ идетъ въ женщину, а мужчины онѣ боится. Въ часовнѣ женщины стоятъ назади и строго отдѣлены отъ мужчинъ. Входить въ часовню онѣ могутъ лишь съ задней стороны, между тѣмъ какъ мужчины входятъ съ боковъ. Входя въ церковь, казакъ кланяется имъ послѣднимъ. При встрѣчѣ съ женщиной жен-

щина не должна переходить дорогу, а должна остановиться въ нѣкоторомъ отдаленіи, подождать, пока пройдетъ мужчина. При встрѣчѣ она первая должна наклонить голову въ знакъ полвой покорности и уваженія. „Дай имъ только волю, такъ онѣ покажутъ себя. Нѣтъ, ихъ нужно крѣпче держать,“ — такъ обыкновенно выражаетъ казакъ свою мысль по отношенію къ женщинамъ. Мужа жена не имѣетъ права назвать какъ нибудь иначе, какъ только по имени и отчеству, мужъ же пользуется правомъ назвать жену, какъ ему заблагоразсудится.

Слушая эти мнѣнія и чувства, съ какой увѣренностью они произносятся, вы невольно содрогнетесь при мысли о томъ, каково здѣсь должно-быть положеніе женщины! И дѣйствительно, первое знакомство съ жизнью казаковъ произвело на меня именно такое впечатлѣніе. Не то я увидѣлъ, когда я повнимательнѣе всмотрѣлся и поближе познакомился съ сущностью отношеній. Тотъ же самый казакъ, который такъ яро говоритъ о женщинѣ, какъ о существѣ, значительно ниже стоящемъ, далеко не такъ послѣдовательно проводитъ свои взгляды на дѣлѣ. Этого противорѣчія онъ, кажется, не замѣчаетъ, по неспособности къ анализу. „Старуха мнѣ велѣла сдѣлать то-то“, „да старуха такъ сказала“, „вотъ бѣда: старуха заболѣла, теперь въ хозяйствѣ упущеніе“ и т. д. Вотъ какія фразы приходится постоянно слышать отъ казаковъ. Жена казачка хорошо знаетъ, какъ важно ея положеніе въ семьѣ, и хотя, повидимому, уступаетъ мужу, но въ большинствѣ случаевъ въ хозяйствѣ поступаетъ по своему. Да и мужъ не разъ и не два обратится за совѣтомъ къ женѣ, и нерѣдко ея совѣты бываютъ такъ дѣльны и практичны, что по неволѣ приходится мужу соглашаться съ нею. Особенно важна ея рѣчь въ томъ случаѣ, когда родители задумаютъ женить сына или отдать дочь. Тогда она имѣетъ первенствующее значеніе. Ей всюду отводится почетное мѣсто, на ней лежатъ всѣ существенныя обязанности.

Такое положеніе женщины, относительно высокое, создалось среди казаковъ, благодаря, главнымъ образомъ, прежней тревожной жизни казачества, когда казакъ представлялъ только боевую силу, а веденіе хозяйства, доставленіе средствъ на

вооруженіе, а иногда и защита самой станицы лежали на обязанности женщины. И такъ, съ одной стороны религиозный фанатизмъ заставляетъ смотрѣть на женщину, какъ на „вмѣстилище всякой скверны“, съ другой жизнь ставила женщину главной помощницей мужу, способной даже замѣнить его подчасъ. Такое двойственное направленіе идей и создало особое положеніе для женщины-казачки. Въ умѣ казака она неизмѣрило ниже, въ жизни—она столько же важна, какъ и онъ. Казакъ инстинктивно чувствуетъ это, и въ душѣ его не разъ по вляется сознаніе объ открытомъ признаніи равноправности женщинъ, особенно, когда это требуется въ силу стеченія извѣстныхъ обстоятельствъ. Но боязнь открытаго признанія ея правъ заставляетъ его нерѣдко показать такъ или иначе свою власть.

Женщина шагъ за шагомъ отвоевала себѣ такимъ образомъ почти независимое положеніе, и хотя въ умѣ казака до сихъ поръ живетъ пословица: „жена моя—воля моя,“ но въ общемъ права его на личность жены не особенно велики. Онъ можетъ ее „пощунать“ (т. е. побранить, сдѣлать выговоръ), и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказать „плеточкой слегка“, да и то не при народѣ. Да и „щунать“ при народѣ казакъ стѣсняется. Очень легко можетъ случиться, что слухъ дойдетъ до всего общества, и тогда весьма возможно, что ему сдѣлаютъ выговоръ. Въ старину мужъ, повидимому, гораздо строже относился къ женѣ: въ пѣснѣ (теперь почти забытой) поется вообще о семейной жизни и о грозномъ самодурѣ-мужѣ, который, возвращаясь домой пьяный, начинаетъ учить жену: беретъ плеточку „шелковую“, „эта плеточка—не шуточка: гдѣ ударить плеточка, такъ сподымется шкурочка“. Теперь это представляется немыслимымъ. Наоборотъ, бывають даже случаи, когда жена вполне глава всего дома и распоряжается мужемъ, какъ тряпкой. Правда, къ такому мужу сосѣди относятся пренебрежительно: „нѣтъ того хуже, какъ жена обладала мужа“, гласитъ поговорка.

Изъ основного (религіознаго) взгляда на мужа, какъ на главу въ семьѣ, слѣдуетъ, конечно, и то, что мужъ, если жена уходитъ отъ него, имѣетъ полное право требовать ея возвращенія, хотя фактически не во многихъ случаяхъ при-

мѣняется это право; жена же имѣетъ право лишь только въ томъ случаѣ, когда у нея дѣти. Мужъ въ правѣ и самъ удалить жену, не спрашивая разрѣшенія станичнаго правленія. Вообще судъ, какъ выразитель закона, вмѣшивается въ семью лишь тогда, когда стороны сами обращаются для разрѣшенія возникающихъ недоразумѣній. Общество же въ видѣ „общественнаго мѣнія“ чаще вторгается въ семейную жизнь.

Мужъ обязанъ содержать жену во всякомъ случаѣ, даже если она не способна къ работѣ. Смотрѣть за поведеніемъ жены обычай его не обязываетъ: „своя воля“ у него на это, и по суду за жену онъ никогда не является отвѣтчикомъ; даже и въ томъ случаѣ, когда жена, приговоренная къ какому нибудь наказанію, не можетъ въ силу состоянія ея здоровья вынести наказанія, мужъ остается въ сторонѣ. „Своими плечиками и отвѣчай“; „что сробилъ, то и съѣшь“,—таково воззрѣніе казака на виновнаго вообще.

Случаи нарушенія супружеской вѣрности нерѣдки. Это, впрочемъ, находится въ связи съ общимъ уровнемъ нравственности казачекъ, о чемъ было упомянуто выше. Особенно часто это случается во время отбыванія мужемъ воинской повинности. По народному воззрѣнію, какъ мужъ, такъ и жена не хорошо поступаютъ, нарушая вѣрность супружескихъ отношеній. Но, все-таки, для хозяйства считается гораздо вреднѣе, если жена начнетъ „дурить“. „Мужъ пойдетъ — немного понесетъ; жена пойдетъ—весь домъ уйдетъ“. Всѣ возникающія разногласія между мужемъ и женой стараются обыкновенно уладить дома, и только тогда уже, когда всѣ домашнія мѣры испробованы и не привели ни къ чему, жена попрежнему „балуетъ“, тогда только обращаются къ суду.

Если мужъ начинаетъ дурно обращаться съ женой, то она долгое время старается вытерпѣть, снести въ надеждѣ, что мужъ наконецъ уgomонится. Но когда она видитъ, что отношенія къ ней мужа не улучшаются, а наоборотъ становятся все хуже и хуже, она обращается къ защитѣ родителей. Тѣ стараются уговорить, усовѣстить расхोdivшагося буяна; если же уговоры не дѣйствуютъ, то родители должны обращаться къ суду. „Мужъ да жена—одна сатана; сегодня поссорятся, завтра помирятся“, и поэтому то въ судъ не такъ скоро обращаются.

Истязаніе женъ мужьями вообще бываетъ довольно рѣдко, и большей частью со стороны мужей, побывавшихъ въ городахъ. Наказаніемъ за плохое поведеніе мужа прежде обыкновенно были розги, теперь же сажаютъ въ «жигулевку» (холодная). Эти наказанія уже налагаются безъ согласія жены. Если мужъ ведетъ нетрезвую жизнь, то жена не жалуется; мотивъ: «такого мужа не исправишь»; „что жена пойдетъ попусту славиться?“ Если она и жалуется, то уже прямо проситъ объ отнятїи у мужа права на веденіе хозяйства.

Дѣла между мужемъ и женой большею частью разбираются въ станичномъ судѣ, а при недовольствѣ рѣшеніемъ—на третейскомъ судѣ. По обычаю никто не имѣетъ права наказывать мужа или жену, кромѣ станичнаго суда. Иногда судъ вмѣсто наказанія, особенно если мужъ выразитъ желаніе исправиться, просто отбираетъ подписку и этимъ какъ бы обязываетъ мужа относиться иначе. Обыкновенно послѣ отобранія подписки судъ поручаетъ наблюдать сосѣдямъ за поведеніемъ мужа. Иногда и само общество вступается за жену и приноситъ жалобу въ судъ; случается, что оно передаетъ управленіе хозяйствомъ женѣ. Если враждующія стороны недовольны судомъ, то онѣ передаютъ свои жалобы мировому судѣ, который или отсылаетъ на третейскій судъ станичный, или же если и рѣшаетъ, то во многихъ случаяхъ въ духѣ рѣшенія станичныхъ судовъ.

Имущественныя отношенія супруговъ здѣсь вообще несложны. Жена въ весьма немногихъ случаяхъ получаетъ изъ дому имущество. Единственное имущество жены заключается въ одеждѣ, личво ей принадлежащей, пожалуй въ небольшомъ количествѣ денегъ, которыя ей подарятъ во время свадьбы. На это имущество жена имѣетъ исключительное право личнаго пользованія. Бываютъ, между прочимъ, такого рода случаи, когда дѣвушка, пмѣющая богатыхъ родителей, выходитъ замужъ, и весьма нерѣдко ей во время обряда даровъ богатая родня дѣлаетъ хорошіе подарки, напр., корову, лошадь и т. п. Эти подарки тоже считаются ея неприкосновенной собственностью, и, по обычаю, мужъ не имѣетъ права пользоваться ими для личныхъ цѣлей, хотя, все-таки, какъ глава дома, конечно, онъ можетъ злоупотреблять своей властью до

извѣстной степени и, не смотря на обычай, расхищать имущество. Имущественная зависимость, конечно, скизывается, но не въ сильной степени, и если жена, основываясь лишь на матеріальномъ преимуществѣ, вздумаетъ стать выше мужа, то онъ не преминетъ ей въ этомъ случаѣ разъ-другой «сбить шлычку» (повязку). Бываютъ случаи приѣма затей въ домъ. Зять-приемышъ обладаетъ такимъ же правомъ, какъ вообще мужъ. Жена должна слушаться, кто бы мужъ ни былъ.

Вещи, полученные молодыми во время дировъ, раздѣльны: ни одной шерстинки не уступить ни жена мужу, ни онъ ей. Имущество, нажитое совмѣстными трудами, считается общей собственностью. Но если жена, исполнивъ свои хозяйственныя обязанности, еще имѣетъ возможность заработать на сторонѣ, то этотъ заработокъ считается вполнѣ ея собственностью, и она лишь по желанію можетъ употреблять его на хозяйственныя нужды. Имущество, лично принадлежащее женѣ, послѣ ея смерти идетъ ея дѣтамъ, а если ихъ нѣтъ, то ближайшимъ родственникамъ, но чаще отдають на поминъ души часть въ скитъ, а часть въ часовню.

Большихъ семей среди казаковъ нѣтъ. Самыя распространенныя семьи: мужъ, жена и дѣти. Большой частью лишь только сыновья «поднимутся на ноги», женятся и отбудутъ службу, они требуютъ, чтобы ихъ отдѣлили, и не рѣдко достигаютъ этого требованія. Такъ что въ общемъ въ станицѣ среднихъ семей мало, а большей частью и совсѣмъ нѣтъ. Весьма немного такихъ семей, гдѣ есть еще дѣдъ, бабка или братья. Большой частью братья живутъ отдѣльно: поэтому отношенія между ними, конечно, не имѣютъ характера отношеній членовъ одной и той же семьи. Взаимныя отношенія членовъ семьи, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, имѣютъ весьма мягкій оттѣнокъ. Рѣдко вы услышите какое нибудь рѣзкое слово или не въ мѣру сильный тонъ голоса, особенно при постороннихъ людяхъ. Хотя внутри, когда свидѣтелями бываютъ стѣны избы да ближніе родственники, мужъ не постѣснится и побить жену, а родители пожурить сына или неvěстку; но что внутри, то не такъ-то въ глаза лѣзетъ, а съ внѣшней стороны все имѣетъ характеръ вѣжливости и деликатности.

Отсутствіе большихъ семействъ въ станицѣ, конечно, есть, какъ и всюду на Руси, послѣдствіе дѣлежей. Дѣлежи довольно часты и притомъ все учащаются. Во всей станицѣ встрѣтите 2—3 семьи человѣкъ по 15—20, семей 10 по 5—10 ч., а остальные большей частью состоятъ изъ мужа, жены и ихъ дѣтей. Вліяніе дѣлежей на хозяйство, конечно, вполне отрицательнаго характера. Казаки хорошо понимаютъ это и вмѣстѣ съ тѣмъ не въ силахъ противостоять напору индивидуальныхъ интересовъ. „Всякъ хозяиномъ хочетъ быть,“ а какое здѣсь хозяйство: ни кола, ни двора, а тутъ еще отбываніе воинской повинности, на которую не мало-таки разоряется казакъ. Но все-таки, по мнѣнію дѣлящихся, „какъ бы ни жить, лишь бы не подчиняться волѣ другихъ“; „въ нуждѣ прожить можно, въ журбѣ нельзя.“ Чаше всего раздѣлы бываютъ между братьями. Когда живъ отецъ, то онъ, все-таки, своей нравственной властью задерживаетъ нѣкоторымъ образомъ стремленіе черезчуръ яркаго индивидуализма. Но бываютъ раздѣлы и при отцѣ, особенно когда тотъ ослабѣлъ, устарѣлъ и не въ силахъ доводами удерживать семью отъ разпаденія. При раздѣлѣ вообще не согласуются съ желаніями общества, да оно, мнѣ думается, не особенно и заинтересовано этимъ. Въ станичномъ правленіи существуютъ книги „посемейныя“. Въ этихъ книгахъ, какъ рассказываютъ, пишется, что семья такая-то: отецъ, дѣти, сыновья и сыновья дѣтей,—всѣ помѣщены въ одномъ семействѣ; на самомъ же дѣлѣ, изъ одного семейства, записаннаго въ книгѣ, образовалось два, три, а иногда и болѣе. При отбываніи воинской повинности, при могущемъ быть случаѣ быстрого сформированія казачьей сотни, отвѣтственнымъ лицомъ является отецъ, хотя сынъ давно уже съ нимъ не живетъ.

Быть можетъ, покажется страннымъ, если мы рядомъ съ только что отмѣченной чертой—стремленіемъ къ индивидуализаціи, проявляющейся въ раздѣлахъ, поставимъ другую, совершенно противоположную черту—стремленіе къ общественной или общинности, которая проявляется во взаимопомощи, въ артельномъ началѣ и т. п., а между тѣмъ это одна изъ основныхъ чертъ казака. Развитіе этой стороны характера, какъ мнѣ думается, вызвано историческими при-

чинами, изъ которыхъ можно указать на слѣдующія: 1) сектанство, долгое время преслѣдуемое; 2) необезпеченность положенія и вѣчно тревожное состояніе, которое, конечно, заставляло напрягать усилія къ сохраненію болѣе общинныхъ, чѣмъ индивидуальныхъ интересовъ; 3) неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ: можетъ быть, будешь живъ, а можетъ быть и убитъ. Мы знаемъ, что въ прежнее время убирали хлѣба и овощи всѣ женщины сообща и уже потомъ дѣлили посемейно. Товарищество было сильно развито, какъ необходимое средство для возможной борьбы съ окружающими измѣнчивыми условіями жизни. Въ былое время вся станица выѣзжала въ поле и подъ охраной сотенъ казачьихъ пахали, сѣяли и убирали рожь, арбузы, просо и т. д. Съ исчезновеніемъ причинъ, начали понемногу исчезать и послѣдствія. Товариществъ прежнихъ теперь уже нѣтъ. Обрабатываетъ землю каждая семья отдѣльно, соединяясь только для пахоты. Отсутствие у каждаго домохозяина плуга, а также необходимость довольно большого количества быковъ для пахоты по волнистому грунту,—вотъ главныя причины, заставляющія семьи соединяться. Но эти соединенія бывають не болѣе какъ изъ 3-хъ семей и кончаются тотчасъ же послѣ пахоты и раздѣленія вспаханныхъ участковъ. Дѣленіе дѣлается соотвѣтственно степени участія или личнымъ трудомъ или пособіями для производства работы. Нѣкоторые бѣдняки казаки, не имѣющіе быковъ, участвуютъ въ трудѣ или „погонщиками“ или „заправилами.“ Послѣдній видъ труда цѣнится довольно высоко, такъ какъ заправлять пахотой нужно не мало умѣнья, сноровки, да и терпѣнія съ лѣнивыми животными. Погонщиками бывають большей частью подростки мальчики, лѣтъ 14—15. Ихъ обязанность заключается въ томъ, что они идутъ рядомъ съ быками и свистомъ, гланьемъ, верѣдко и ударами плети погоняють ихъ при паханіи. Волонъ обыкновенно впрягается пары по 4—5 и погонщиковъ бываетъ 2—3. Какъ „заправила“, такъ и погонщики получаютъ за свой трудъ натурой (вспаханной землей): заправила получаетъ полосу въ 300—400 саженьей длины и 20—30 саженьей ширины, погонщики—150—200 с. длины и 10—15 с. ширины. Прежде, какъ я сказалъ, былъ довольно

сильно развитъ этотъ видъ товарищества, но теперь сохранился онъ лишь по отношенію къ просу. Только просо сѣютъ и убираютъ сообща и дѣлятъ послѣ обмола.та.

Есть еще другой типъ паханья; особенно вдовы и „господа“ пользуются имъ. Это своего рода казачья „толока.“ Желающіе вспахать свою землю привозятъ на мѣсто пахоты во время паханія ведра 3—4 чихиря, закусокъ, обращаются къ старикамъ, просятъ ихъ попахать. Тѣ вмѣстѣ выпьютъ, закусятъ, а потомъ сразу, какъ запустятъ плуговъ 10, такъ часа въ 2 полосу и вспашутъ.

Особый типъ представляетъ собою товарищество съ „господами.“ Казакъ заключаетъ условіе съ господиномъ, который даетъ своихъ быковъ, работниковъ. Казакъ заправляетъ всею работою, и если онъ самъ еще ставитъ быковъ, то беретъ въ свою пользу половину вспаханной земли, а если его участіе ограничивалось только лишь личнымъ трудомъ, то $\frac{1}{3}$.

Зимой часто собирается артель для перевозки спирту. Артель составляется на двухъ началахъ: 1) Какойнибудь изъ казаковъ подражается перевезти нѣсколько бочекъ спирту у заводчика по какойнибудь цѣнѣ и отвѣтственность за доставку беретъ на себя. Потомъ собираетъ артель отъ себя и назначаетъ членамъ цѣну низшую, чѣмъ самъ договорился. Нерѣдко въ этомъ случаѣ инициаторъ выгадываетъ по 1 рублю на возѣ. 2) Нѣсколько казаковъ собираются вмѣстѣ, выбираютъ изъ своей среды человѣка опытнаго въ извозахъ и даютъ ему довѣренность заключить съ кѣмънибудь условіе о перевозѣ. Въ этомъ случаѣ отвѣтственнымъ лицомъ въ исправности доставки является все общество подъ условіемъ круговой поруки.

Зимой также собираются товарищества молодежи для охоты сообща. Нѣсколько парней, обыкновенно человѣкъ 10—15, покупаютъ на общія деньги пороху, уходятъ въ степь верстъ за 40—80 отъ станицы. Здѣсь они строятъ себѣ шалаши и ежедневно отправляются на охоту, оставляя одного для приготовленія пищи. Когда набьютъ порядочно дичи, выбираютъ изъ своей среды одного парня и поручаютъ ему отвезти набитую дичь въ городъ. Тотъ продаетъ и выручен-

ныя деньги дѣлать поровну. При удачной охотѣ на каждаго парня придется рублей 10—15 за недѣлю.

Наконецъ, еще составляется товарищество для ловли рыбы въ Терекѣ (объ этомъ см. Ржевусскаго).

Остатокъ отъ бывшей общинной жизни остался и теперь въ очень развитой общественности казаковъ. Казакъ рѣдко, напр., веселится или пьетъ одинъ; непременно составляется компанія, и въ этой компаніи казакъ весело проводитъ время. Интересы каждаго и до сихъ поръ близки. Всякій казакъ, а тѣмъ болѣе сосѣдъ, знаетъ до подробностей всю внутреннюю жизнь своего сосѣда и, при случаѣ, не откажется помочь. Такъ, напр., когда пожары истребили чуть не всю станицу, нищенствовать изъ казаковъ никто не пошелъ (нищенство они считаютъ очень унижительнымъ), и помогли другъ другу. Многие бѣдняки поступили на время въ услуженіе къ богатымъ и кое-какъ вновь построились и оправданы собственными силами.

Изъ этого однако не слѣдуетъ еще заключать объ особенномъ трудолюбіи казаковъ вообще. Можетъ быть, прошлая тревожная жизнь не мало вліяла въ отрицательномъ смыслѣ на развитіе у нихъ трудового начала. Постоянныя боевыя невзгоды не могли, конечно, развитъ въ казакъ хорошихъ качествъ домохозяина, и только въ послѣднее время способность къ труду начинаетъ проявляться и развиваться, хотя казаки и до сихъ поръ работаютъ лишь настолько, чтобы удовлетворить свои потребности. Земля особыхъ уходовъ не требуетъ: вспашутъ, посеютъ—и родится отлично, особенно рожь. Казачки отличаются большей любовью къ труду. И здѣсь опять-таки, мнѣ кажется, та же историческая причина. На женщинѣ въ былое время лежали не только всѣ хозяйственныя обязанности, но и доставленіе мужу средствъ для прохожденія службы. Этотъ порядокъ вещей отражается и на современномъ бытѣ казаковъ. Казакъ ищетъ какого-нибудь случая, чтобы погулять, и, конечно, ни одинъ праздникъ не проходитъ безъ этого, а иной разъ и въ рабочіе дни устраиваются пиршества. Извѣстный чихиревый періодъ, продолжается чуть ли не цѣлый мѣсяцъ. „Отчего казакъ голодокъ?—поѣлъ да и набокъ.“

Эта пословица вѣрнѣ всего характеризуетъ отношеніе казака къ труду.

Если позволяютъ достатки, то казакъ живетъ, ни въ чемъ не отказывая себѣ. Но особеннаго стремленія къ улучшенію своего положенія, къ увеличенію выгодъ и обогащенію у нихъ не замѣчается. Вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе указанной выше нелюбви къ труду, зажиточныхъ и состоятельныхъ казаковъ немного, кромѣ нѣкоторыхъ офицеровъ. Имѣющій рублей 300—400 считается богачемъ. Пристрастія къ деньгамъ казакъ не имѣетъ, и скорѣе онъ пожелаетъ разбогатѣть натуральнымъ богатствомъ: разведетъ побольше барановъ, табуновъ и т. д. Торговля, одно изъ средствъ наживы и обогащенія, считается низменнымъ занятіемъ, и въ станицѣ нѣтъ ни одной лавки, принадлежащей казаку, а не еврею, армянину или захожему русскому. Единственный видъ торговли казака—это продажа винограднаго вина (чихири), да и то не всегда она ведется успѣшно, не столько вслѣдствіе конкуренціи, сколько по отсутствію склонности къ этого рода занятію и по недостатку личной инициативы вообще.

Изъ отрицательныхъ качествъ казаковъ мы бы могли указать еще на ихъ хитрость и лживость, но доказывать эти черты отдѣльными мелкими фактами было бы слишкомъ долго.

Эти дурныя черты вознаграждаются въ нихъ хорошими, каковы, кромѣ указанныхъ раньше, еще, напримѣръ, любовь къ родинѣ и уваженіе къ своей личности, проявляющееся хотя бы въ ихъ отношеніяхъ къ тѣлесному наказанію. Какъ извѣстно, у всѣхъ горцевъ тѣлесное наказаніе считается позорнымъ. Ни одна дѣвушка не выйдетъ за того, кто былъ публично высѣченъ. Въ прежнее время, когда это наказаніе было въ большомъ ходу, многіе казаки уходили, дѣлались перебѣжчиками и по неволѣ должны были сражаться противъ своихъ родичей. Но любовь къ мѣсту рожденія и прежняго жительства не оставляла бѣглеца въ покоѣ, и нерѣдко онъ, спустя много лѣтъ, являлся съ повинной головой, ведя въ искупленіе за свой проступокъ нѣсколько чеченцевъ. Одинъ изъ такихъ бѣглецовъ, по рассказамъ, дѣльных 12 лѣтъ провелъ среди „азіатовъ“ (чеченцевъ), но не могъ сжиться съ

ними, и однажды завелъ ихъ въ станицу ночью и всѣхъ выдалъ, за что и получилъ прощеніе отъ станичнаго начальства.

Сознаніе личной гордости въ соединеніи съ нѣкоторыми историческими условіями служатъ для насъ объясненіемъ и того отношенія къ сосѣдямъ, какое мы замѣчаемъ въ казакахъ. Къ однимъ изъ нихъ казаки относятся презрительно, къ другимъ злобно. Такъ, напр., чеченцевъ казаки и до сихъ поръ ненавидятъ за всѣ нанесенныя ими въ прошломъ обиды, рады бываютъ ихъ несчастью, называютъ ихъ не иначе какъ „азиатами“, „чечней проклятой“. О татарахъ-ногайцахъ они отзываются полупрезрительно: „такъ никуда негодный народишко.“ Эти ногаи, кочующіе вблизи казачьихъ станицъ и получающіе иногда отъ нихъ и средства для жизни, очень бѣдны и жалки и не внушаютъ къ себѣ уваженія; многіе изъ нихъ нанимаются въ пастухи къ казакамъ. Что касается отношеній червленцевъ къ сосѣдямъ-русскимъ, то для ихъ характеристики интересно обратить вниманіе на двѣ ближайшія къ Червленной станицы: Николаевскую и Щедринскую.

Николаевская станица, въ 8-ми верстахъ вверхъ по Тереку, вся населена малороссами православнаго вѣроисповѣданія. Интересно, между прочимъ, возникновеніе этой станицы, отчасти характеризующее нѣкоторую исключительность взглядовъ старообрядцевъ-казаковъ Червленной станицы на православныхъ. Лѣтъ 40—50 тому назадъ правительство переселило сюда нѣсколько десятковъ семействъ крестьянъ—малороссовъ православнаго вѣроисповѣданія. Многія станицы, хотя и со старообрядческимъ населеніемъ, приняли въ число казаковъ новыхъ пришельцевъ, и хотя они и сгруппировались въ отдѣльное мѣсто, но, все-таки, общество имъ позволило поселиться въ предѣлахъ станицы. Съ теченіемъ времени, въ силу общихъ повинностей, они ассимилировались, и теперь если и разнятся, то только лишь по обрядамъ, въ послѣднее время вообще слабѣющимъ. Далеко не такъ отнеслись къ такого рода поселенію жители станицы Червленной. Они категорически отказались имѣть что либо общее съ «мірскими» и согласились даже къ своему большому экономическому ущербу дать отъ себя участокъ земли въ полное пользованіе

пришельцамъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы тѣ не вторгались уже въ предѣлы Червленной. Пришельцы образовали станицу Николаевскую, и для удовлетворенія ихъ нуждъ были отрѣзаны отъ Червленной очень хорошіе участки земли. Теперешнее поколѣніе, отличающееся вообще большей терпимостью къ религіознымъ толкамъ, относится неодобрительно къ такому поступку стариковъ и съ удовольствіемъ приняло бы николаевцевъ въ число своихъ членовъ. Но теперь уже сліяніе окончательно невозможно: во 1-хъ, николаевцы оказались въ лучшихъ условіяхъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи, а во 2-хъ, остается все-таки довольно сильный антагонизмъ. Червленцы называютъ въ раздраженіи николаевцевъ «шаповалами», придавая этому термину какое-то унизительное значеніе. Предки нынѣшнихъ николаевцевъ, до переселенія, кажется, дѣйствительно занимались этимъ промысломъ.

Отношенія къ станицѣ Щедринской уже имѣютъ совершенно другой характеръ. Щедринская станица—дѣтище Червленной и во всѣхъ почти отношеніяхъ есть подобіе своей метрополіи. Червленцы любятъ щедринцевъ и находятся съ ними въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Какъ на иллюстрацію означенныхъ отношеній, могу указать на любимую пѣсню дѣвушекъ станицы Червленной, сложенную, какъ кажется, ими же самими:

Червленскія дѣвушки потомъ (потому) хороши,

Что ходятъ, гуляютъ, покою не знаютъ,

Что поставныя (статныя), аккуратныя.

Щедринскія дѣвушки потомъ хороши,

Что косы большы,

Что поставныя, аккуратныя.

Николаевскія дѣвушки потомъ нехороши,

Что глаза большы,

Не поставныя, не аккуратныя.

У самихъ червленокъ, наоборотъ, глаза большею частью маленькіе, свидѣтельствующіе, можетъ быть, объ азіатскомъ элементѣ въ ихъ крови.

Г. Малявинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ ВЪ ПѢСНЯХЪ ПИНЧУКОВЪ.

Пинскій уѣздъ Минской губерніи, занимающій верховья Припяти, съ массою рѣчекъ, озеръ и болотъ, изрѣзывающихъ его во всѣхъ направленіяхъ, является едва-ли не однимъ изъ самыхъ глухихъ и неизвѣданныхъ уголковъ нашего обширнаго отечества. Это центръ Полѣсья, самая интересная, самая характерная его часть, природа которой до сихъ поръ дика и сохраняетъ свою первобытную прелесть. Здѣсь живетъ таинственный, угрюмый полѣшукъ, про котораго всѣмъ извѣстенъ давнишній разсказъ, будто на вопросъ, что онъ за человѣкъ, онъ отвѣчалъ: „я не человѣкъ, я—пинчукъ“. Въ обществѣ упорно держится странное, фантастическое представленіе объ этой части Полѣсья, его природѣ и обитателяхъ, и именно потому, что до сихъ поръ еще и въ наукѣ этотъ край остается темнымъ мѣстомъ ¹⁾).

¹⁾ Работъ по этнографіи Пинскаго Полѣсья очень немного: 1) *Zienkiewicz, Piosnki gminne ludu Pińskiego*, Ковно. 1854.—2) Матеріалы по географіи и статистикѣ Россійской Имперіи. Гродненская губ., сост. полк. *Бобровскимъ* СПб. (замѣтки на стр. 622—652 въ I части).—3) въ VII т. „Трудовъ экспедиціи въ Западно-Русскій край“ статья *Михальчука* о пинскомъ нарѣчій.—4) *Карпинскій*, „Говоръ пинчуковъ“ (Русскій Филологическій Вѣстн. 1888, 1).—5) *Piesni obyczajowe ludu ruskiego z okolic Pinska*, zebrał *P. Bykowski*, во II т. „Zbiorn wiadomosci do antropol. krajowej. Krakow.—6) Свящ. *Булаковский*, „Пинчуки. Этнограф. сборн.“ СПб. 1890 г.—7) Памятная книжка по Витебск. губ. 1868 г., статья: „Свадебные обряды и пѣсни крест. Пинск. уѣзда“.—8) Наши „Замѣтки изъ путешествія по Бѣлоруссіи“ въ „Вилensk. Вѣстн“. 1890 и 1891 гг. №№ 202, 206, 210, 211, 217, 219, 220, 225, 232, 264, 265; 9, 18, 22, 23, 25, 27, 28. Къ этому можно бы прибавить нѣкоторые мелкія замѣтки въ мѣстныхъ изданіяхъ. *Лет.*

Болѣе подробную библіографію Полѣсья вообще можно найти въ книгѣ: „Полѣсье.—Библіографическіе матеріалы по географіи, статистикѣ, этнографіи и экономическому состоянію Полѣсья (сѣв.-зап. и юго-зап. край вообще и губ.

Этотъ-то край пришлось мнѣ посѣтить лѣтомъ прошлаго года по порученію Этнографическаго Отдѣла Имп. Московскаго Общества Любителей Естествознанія Антропологии и Этнографии. Результатомъ поѣздки явилось между прочимъ собраніе пѣсенъ, среди которыхъ лирическія занимаютъ весьма солидное мѣсто²⁾. Мотивы ихъ весьма разнообразны; но самый теплый, задушевный мотивъ—это женская доля, съ ея горечью и радостями. Эту сторону поэзіи пинчуковъ мы и избрали предметомъ нашей статьи. При этомъ считаемъ не лишнимъ предупредить, что мы пользуемся исключительно записанными нами пѣснями. Мы не считали нужнымъ также указывать варьянты приводимыхъ нами пѣсенъ, хотя онѣ и сходятся съ бѣлорусскими и малорусскими, такъ какъ это будетъ сдѣлано при изданіи самыхъ пѣсенъ.

Дѣвушка въ очень раннемъ возрастѣ вступаетъ въ общественную жизнь, т. е. въ тотъ счастливый періодъ своей жизни, когда на нее начинаютъ смотрѣть, какъ на взрослую, на невѣсту: на нее засматриваются парни, ухаживаютъ за нею; она, въ свою очередь, останавливаетъ свое вниманіе то на томъ, то на другомъ, пока, наконецъ, не изберетъ себѣ „дружка пудъ мысли“. Это время для дѣвушки наступаетъ лѣтъ съ пятнадцати, когда она начинаетъ съ парнями принимать участіе въ „вечоркахъ“ (вечернихъ собраніяхъ молодыхъ людей обоого пола), въ играхъ, пѣсняхъ и танцахъ. Но и до этого времени еще дѣвочкою 12—14 лѣтъ, она присматривалась къ отношеніямъ парней и дѣвицъ, подслушивала ихъ пѣсни и сама пѣла, гдѣ-нибудь вдали отъ взрослыхъ, про милаго казака черноброваго, про горькую долю невѣстки въ большой семьѣ. Теперь, въ 16 лѣтъ, начинается только болѣе сознательная жизнь. Въ праздники дѣвушка кокетливо украшаетъ голову разноцвѣтными „квитками“ (цвѣтами), „китайками“ (ленточками), вышиваетъ тщательно передній бортъ и рукава сорочки и проч. Время, въ которое на свободѣ раз-

Минская, Гродненская, Волынская, Кіевская и Могилевская въ частности), СПб. 1883. 8° стр. VII+X+274+1 нел. Книга составлена З. Пенжиной при содѣйствіи В. И. Межова, но къ сожалѣнію уже вышла изъ продажи. *Ред.*

²⁾ Это собраніе войдетъ въ XII томъ „Трудовъ Этногр. Отдѣла Имп. О. Л. Е., А. и Эти.“, который въ настоящее время уже печатается.—*Ред.*

вивается „дѣвоцкая краса ўсему роду прикраса“, ¹⁾ непродолжительно; дѣвушка понимаетъ это и спѣшить насладиться природой и молодою жизнью. Она понимаетъ, что пройдетъ годъ—два, и придутъ сваты, быть можетъ, отъ немилаго, изъ другого села, и ее отдадутъ родители, оторвутъ отъ милаго парня, отдадутъ на „чужую чужину, ў вѣлыку сѣмью, ў тяжку нѣволю“. Между тѣмъ красота дѣвушки только начинается развиваться въ это время во всей своей силѣ. Пинчучка, стройная, средняго роста, съ длинною русою косою, рѣдко черною, съ большими карими или сѣрыми глазами и темными бровями, при нѣжномъ бѣломъ цвѣтѣ лица,—очень красива. При этомъ пинчуки вовсе не угрюмы: насколько важны и степенны представители обоего пола ихъ въ зрѣломъ возрастѣ, настолько-же весело и игриво молодое поколѣніе. Праздничные дни и предпраздничные вечера молодежь проводитъ шумно и весело, среди пѣсень, игры на трубахъ, въ танцахъ, въ прогулкахъ большими компаніями въ лѣсъ по грибы и ягоды и проч. Они шумно справляютъ всѣ свои обряды: на Троицу, въ день Ивана Купала, въ колядки, на Пасху—раздаются веселыя пѣсни соответствующаго случаю содержанія. Зимой, на „вечоркахъ“, поютъ пѣсни зимнія, филипповскія и великопостныя.

Въ пѣсняхъ это время дѣвичьей жизни отражается весьма рельефно; „мылый“ въ нихъ играетъ, конечно, первенствующую роль.

Уже сонце нызэнъко, уже вѣчеръ близэнъко,
Прыбувай до мэнэ, козаче, сѣрдэйко;
Прыбувай до мэнэ, до моеи хаты,
То я тѣбѣ ўпустю, щобъ нѣ чула маты,
поетъ дѣвушка съ замираніемъ сердца. Она ждетъ своего милаго, не можетъ дождаться, но наконецъ онъ приходитъ и вызываетъ ее игрою:

Ой, ў саду вышня съ-пидъ корѣня вышла,
Ой, козакъ грае, штобъ дѣўчина вышла.
Ой, дѣўчина вышла, праву руку дала:
—Здороў, здороў, козаченько, доўго тѣбѣ ждала.

¹⁾ Буква ў означаетъ короткій звукъ у, не составляющій слога, и стоитъ въ извѣстныхъ случаяхъ вмѣсто е или я.

Всѣ мысли ея заняты милымъ; она дня него „головушку чеше и кэсу (косу) плэтэ“. „Ой люблю я молодойчика—нэ на-гляжуся; нэ такъ люблю, якъ зъ имъ гуляю“,—поетъ она.

Разумѣется, поглощенная любовью, она старается побороть всѣ встрѣчающіеся на пути препятствія. Когда она слышитъ отъ милаго, что онъ не можетъ прибыть къ ней „за лихими ворогами“, она поетъ:

Я вороги потопчу подъ ноги, круту гору перэскачу,—
Одай мэнэ, маты, за кого я сама схожу!

Въ пѣсняхъ сестра парня является часто лицомъ, препятствующимъ сближенію его съ дѣвушкой. Мотивъ, по которому она удерживаетъ брата отъ поѣздокъ „до тое дѣўки, що вѣрно кохаешъ“, почему она и прячетъ сѣдло его,—пѣсня объясняетъ такимъ образомъ:

Бо тая дѣўка не умѣ жаты,
Ни вышиваты, тылько косу чесаты:
—Ой, росты-жъ, кэса, ниже пояса,
То я буду чесаты.

Рекрутчина—также важное препятствіе, разрывающее любовныя отношенія. Плакывая своего милаго, взятаго въ солдаты, дѣвушка

Плакала, рыдала, слѣзы утирала
Своей русою косою, правою рукою.

Замѣчательно, что пѣсни какъ будто вовсе не знаютъ о матери, которая являлась бы препятствіемъ къ сближенію молодыхъ людей. Въ моемъ собраніи есть только одна, не безъизвѣстная впрочемъ, пѣсня, передающая разговоръ матери съ сыномъ по поводу его ночныхъ походовъ. Пѣсня эта замѣчательна по прекрасному мягкому мотиву и по содержанию. Я приведу ее цѣликомъ:

—Дѣ ты, хмелю, зыму зымоваў, що нэ распускаўса?
Дѣ ты, сыну, ночъ ночоваў, що нэ разуваўса?
—Зымоваў я, зымоваў, ў лузи на тычини,
Ночоваў я, ночоваў у слаўное дѣўчяны.
—Нэхороше, сынку, робышь, што по ноче ходышь:
Скаржилися ¹⁾ молодыци, що ты шкоду ²⁾ робышь.

¹⁾ Жаловались — ²⁾ Убытокъ.

—Охъ, робыў я, моя матко, и буду робыты:

Було мэнэ, моя матко, ў семъ лѣти оженыты.

—Ой, я-жъ тобѣ, мой сыночку, днй нэ боровыла ¹⁾:

Було тобѣ оженытысь, скоро я родыла.

Но и помимо постороннихъ препятствій и вмѣшательствъ не всегда первая дѣвственная любовь кончается такъ, какъ того хотѣлось бы молодой парочкѣ. Съ грустью начинается задумываться дѣвушка, начинаетъ замѣчать, что „не по правды козакъ живэ нсь своею дѣчиною“. Она предчувствуетъ, что милый можетъ ее покинуть.

Ой, кабъ же я знала, що вынъ нэ покинэ,

Тобъ я ёго крыльця дай озодотыла.

Дѣвушка, уже предвиди разладъ съ милымъ, дѣлается грустной и старается всячески предотвратить разрывъ. Подъѣзжаетъ молодецъ къ воротамъ своей „коханки“,—стоитъ дѣвица „у золоты“, подходитъ къ дверямъ,—стоитъ „на папары ²⁾“. Она взяла его коня за уздечку, повела на „стайнечку“, козака—„за рученьку да ў свѣтлыченьку“. Кормить она коня овсомъ ³⁾ и чомъ, а козака угощаетъ медомъ-виномъ, стараясь угодить ему. Но все-таки она „задумала, чорны очи зарумала“ ³⁾. Козакъ спрашиваетъ ее о причинѣ грусти.

—Ой, жаль-же мнѣ по любви,

Що нэ живэмъ по щиросты,—отвѣчаетъ она.

Въ другой пѣснѣ дѣвушка выражаетъ свое горе и сомнѣніе въ слѣдующемъ повѣстическомъ сравненіи:

Тыхо, тыхо Дунай воду несэ,

Еще й тыше дѣўка косу чеше.

Що й вычеше, то й на Дунай несэ:

—Плыви, коса, пидъ зелѣные луги.

Задай тугу зелѣному лугу,

Задай жалю зелѣному гаю.

Нерѣдко остается одно лишь грустное воспоминаніе о первой молодой любви:

Любылыса, насъ матка нэ знала;

Розыплыса, якъ тѣмная хмара.

¹⁾ Запрещала.

²⁾ Т. е. поблѣднѣла, поблѣла какъ бумага? *Ред.*

³⁾ Заплакала.

Но помимо грустнаго воспоминанія о пріятно проведенномъ времени, часто дѣвушку ждетъ еще большее горе,—платно на всю послѣдующую жизнь. Въ саду соловей „щебѣче“, говоритъ пѣсня, въ саду протекаетъ рѣчка; дѣвица „хорошого стану, бѣленького лица“ пришла въ садъ, „якъ чирвона рожѣ“, а изъ саду шла, „якъ бѣла берозѣ“,—

Ў садъ ишла бѣленькими выженьками,
А зъ саду вышла дрыбнѣнькими слѣзѣньками.

Молодость, непониманіе жизни, дѣйствіе окружающей поэтической обстановки сгубили ее:

Вона думала, що грушки—минушки,
Ажно ростуть до утра фартушки;
Вона думала, што сокслыкъ летаетъ,
Ажно ў боку да дѣтына брыкаетъ.

Покинутая милымъ въ самую тяжелую минуту, дѣвушка „тры недѣли у полози лежала“, выплакавши „по молодойки глаза“. На пятую она пошла въ вишневый садъ, гдѣ съ грустью видитъ три дорожки:

Знаю, знаю, хто дорожки поробыў,—
Молодъ барынь (парень) до дѣвицы приходыў.

Пѣсенъ, изображающихъ неподдѣльное горе покинутой, обманутой женщины, не мало; мотивы ихъ очень разнообразны и дышатъ неподдѣльнымъ народнымъ лиризмомъ. Милый „до иншое“, т. е. къ иной ходитъ, бросилъ „коморужку“, въ которой стоитъ „постель бѣла пухова“; она

Тую ложу рученьками обняла,
Постель бѣлу слѣзѣньками облила,
Што на ручкахъ малѣнькая дѣтына.

Покинутая мать плачетъ не о себѣ только: участь ребенка, запятнаннаго ея паденіемъ, обреченнаго на горькую, тяжелую жизнь, разрываетъ ей сердце:

Сынку мой, сынку, нѣма ў моры лѣду,—
Нѣма ў тѣбѣ, сынку, жадного роду.
Ой, сынку мой, сынку, нѣма ў моры донца,—
Нѣма ў тѣбѣ, сынку, да рыдного ойца!

Мотивъ объ убіеніи матерью незаконнорожденнаго неизвѣстенъ пинскимъ пѣснямъ; есть только двѣ—три, передающія размышленіе матери, что ей дѣлать съ ребенкомъ:

Чи мнѣ тѣбѣ годуваты,
Чи ў Дунаю поховаты?

Но тутъ-же дѣвушка вспоминаетъ, что „поховаўши—отъ Бога грѣхъ“, хотя и „годаваўши—отъ людѣй смѣхъ“.

Впрочемъ, подобные случаи несчастнаго исхода молодого увлеченія все-же довольно рѣдки, и чаще возникшая въ молодыхъ сердцахъ симпатія ведетъ къ благополучному концу. Проходитъ веселая пора „дѣвоцтва“, беззаботная весна жизни, когда едва лишь успѣла расцвѣсти „дѣвоцкая краса“, едва лишь „росая (русая) кѣса“ выросла до пояса; наступаютъ пасмурные дни осени или послѣрождественскаго мясоѣда, когда ходятъ сватать. И дѣвушки, и парни уже заранѣе обдумываютъ свое будущее положеніе, свою участь. Часто неравное матеріальное положеніе понравившихся другъ-другу парня и дѣвушки, желающихъ вступить въ бракъ, бываетъ препятствіемъ для ихъ счастья.

Нѣ вѣдае отѣць-маты,
Хто до мѣнѣ залецаецца,—

говорится въ пѣснѣ. Но когда отецъ и мать узнаютъ, кто „залецаецца“ къ ихъ дочери, то далеко не всегда бываютъ согласны на бракъ. Напрасно просить отца и мать,—говорить паренѣ-дѣвушкѣ,—не отдадутъ за меня: у тебя отецъ и мать есть, они богаты;

У тѣбѣ хата накрытая,
А я—бѣдный сырытыня.

Въ другой пѣснѣ паренѣ совѣтуется съ матерью, кого взять:

Чи нѣ тую богатую, що хороше убрана,
Чи нѣ тую сырытынѣку, що къ сѣрцу прыпала.
У хорошее, богатое—бычки да тѣлушки,
У бѣдное сырытынѣки—цыцки, ягъ подушки.

Пѣсня развиваетъ тотъ взглядъ, что бѣдная дѣвушка—работница, что само по себѣ—лучшій вкладъ въ домашнее хозяйство: у богатой „бычки поздыхалы“, а у бѣдной „волы забуялы“; бѣдная „съ поля идѣ—скаче“, а богатая „съ корчмы идѣ—плаче“. Но не всегда бѣдная дѣвушка сразу соглашается выйти замужъ за богатаго:

Ты мѣнѣ любышь,—я товару (скота) нѣ маю,—
мотивируетъ она свой отказъ, опасаясь попрековъ. Но па-

рень убѣждаетъ ее, что ей не будетъ „доганы“ (упрека) ни отъ кого. — „Не доженѣшь (упрекнешь) ты, доженѣ твоя маты“,—возражаетъ ему дѣвушка и рисуетъ себѣ неприглядную картину положенія бѣдной неvěстки въ богатой семьѣ. Свекровь говорить:

—Устань, неvěста, бодай ты не ўстала,
Выжень той товаръ, що одъ батьки нагнала.
Устала дѣўчина зъ бѣлое постѣли,
Удырыласа голивою объ двѣры:
—Було не братьы, що съ чорными бровами;
Було братьы, що съ кыными да зъ волами.

Каждый осенній или зимній мясоѣдъ семья дѣвочки-неvěсты съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прибытія сватовъ, строятъ всевозможныя предположенія, планы. Взрослые члены семьи подтруниваютъ надъ неvěстою, спрашивая: „а колы-жъ прышла до тѣбѣ ў сваты Иваска?“

Случаи насильственнаго брака, насколько мнѣ извѣстно, рѣдки. Это объясняется просто тѣмъ, что молодые люди сближаются между собою приблизительно равные по состоянію своихъ родителей. Всегда въ каждомъ селѣ можно замѣтить нѣсколько группъ молодежи, составленныхъ или изъ богатыхъ, или изъ бѣдныхъ семей; образуется какъ бы нѣсколько деревенскихъ клубовъ, каждая изъ группъ собирается на посидѣлки или вечерки въ одной избѣ, всѣ держатся другъ-друга и въ лѣтніе праздники, и въ хожденіи съ колядою и пр. Между представителями того или другого состоянія нельзя не замѣтить нѣкотораго антагонизма, который отъ родителей переходитъ къ дѣтямъ. Поэтому послѣднія и группируются сообразно экономическому состоянію первыхъ. Замѣчу кстати, что разобщенность между крестьянами имѣетъ своимъ основаніемъ не только недоброжелательное отношеніе бѣдняка къ богачу, но также и разобщенность экономическихъ интересовъ и вообще жизненныхъ условій села. Бѣдняки находятся въ кабалѣ у евреевъ, бросаются на заработки, ходятъ пѣлыми семьями на сплавъ, такъ что земля перестаетъ быть для нихъ единственнымъ источникомъ благосостоянія, забрасывается и неохотно обрабатывается ими. Богатые крестьяне, напротивъ, все свое благосостояніе видятъ въ землѣ, смотреть съ пре-

зрѣніемъ на тѣхъ, которые бросаютъ землю и отправляются на отхожіе промыслы.

Естественно, что при такихъ условіяхъ жизни сельскаго населенія, молодые люди сходятся изъ семей, одинаковыхъ по состоянію, и препятствій къ браку бываетъ мало; при томъ и родители справляются съ желаніемъ молодыхъ, замѣчаютъ заранѣе, кто къ кому питаетъ склонность и пр. Но бываютъ и исключенія, случаи сближенія между молодыми людьми неподходящихъ состояній, или когда родители почему-либо враждебно настроены другъ противъ друга. Тогда родственники дѣвушки стараются какъ-нибудь помѣшать браку, отказываютъ сватамъ. Въ пѣсняхъ отразился и этотъ моментъ въ жизни дѣвушки, когда она борется съ семьею, но должна или уступить обезсиленная, или прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ.

Замѣчательно, что въ то время, какъ пѣсни передаютъ только совѣщаніе матери съ сыномъ относительно неравной женитьбы, самими молодымъ людямъ вовсе неизвѣстенъ мотивъ горькой доли дѣвушки, браку которой препятствуютъ отецъ или мать,—напротивъ, братъ является въ пѣснѣ главнымъ лицомъ, препятствующимъ сближенію сестры своей съ парнемъ, подобно тому, какъ сестра иногда препятствуетъ брату, какъ мы видѣли выше. Такъ, одна пѣсня, отличающаяся большими лирическими достоинствами, начинающаяся при томъ съ упоминанія о Дунаѣ, что, вѣроятно, указываетъ на ея относительную древность,—эта пѣсня рассказываетъ, какъ дѣвушка „до козака листь пысала: возьми мэнэ, дѣучиновъку“. Но козакъ не хочетъ брать, потому что у нея „братъ проклятый“.

Счаруй брата своего,—

Будэшъ мѣты мылѣнького,—совѣтуеть онъ.

Дѣвушка рѣшается и поступаетъ по совѣту козака:

Тамъ на ели сонце пѣче, зъ гаду кроў тѣче.

Озымы, дѣўко, кварту-коновачку (кружку),

Постаў пудъ гадьску головачку...

Сестра „спѣшно зустрічае“ брата, даетъ ему выпить пива, отъ котораго онъ „съ кыныка схылыўса“. Но когда она снова написала „лысть“ козаку, то получила отвѣтъ:

Якъ я маю тебе браты, колы умѣешь чароваты?
 Счаровала брата своего, а мылого—нама й чого.

Нельзя не замѣтить, что мотивъ послѣдней пѣсни имѣетъ всѣ права на глубокую древность, когда братъ старался не выпускать сестру изъ рода, какъ рабочую силу, или позже, когда онъ является главнымъ лицомъ при совершеніи купли—продажи неvěсты. Значеніе брата неvěсты въ заключеніи свадебныхъ условій и въ свадебномъ ритуалѣ общезвѣстно. Лирика пинчуковъ, носящая на себѣ всѣ признаки архаичности, также даетъ большое мѣсто брату въ свадебныхъ пѣсняхъ и самомъ ритуалѣ:

Расплѣу братко кэску, да разлѣу же мнѣ слѣску

Да по бѣлому лыченьку, по чирвонымъ нагруднычу.

Другой важный древній мотивъ—похищеніе дѣвушки—извѣстенъ почти исключительно по пѣснямъ свадебнымъ. Молодой человѣкъ собираетъ всю „родныну ў громаду“, чтобы всѣмъ вмѣстѣ поѣхать на тестя, стать „своимъ полкомъ пудъ гѣнкомъ“ (крыльцомъ), выбить „краменну стѣну“ и взять „дѣвоньку изъ вѣнкомъ“. Вообще, пѣсенъ, въ которыхъ женихъ собираетъ родъ, чтобы „звоеваты“ тестя, добыть дѣвушку,—много. Въ свою очередь, и родъ неvěсты принимаетъ мѣры, чтобы узнать, когда зять придетъ „воевать“. Въ иныхъ пѣсняхъ можно видѣть слѣды воспоминаній о самомъ согласіи дѣвушки съ парнемъ, послѣ котораго уже слѣдовало умыканіе. Дѣвушка наказываетъ парню пріѣхать за нею „въ поне-дѣлокъ ранэнько“, общается подтесать „скрыпывыя“ ворота во дворѣ своего отца, умирить сварливость его и пр. Въ пѣсняхъ отразился также послѣдовательно и тотъ періодъ купли неvěсты, когда женихъ собирается ее „выпросить и выважить золотою вагою“ у ея рода.

Собственно лирическія пѣсни, какъ кажется, не знаютъ этого мотива или же въ нихъ остались только самые отдаленные отголоски. Можно найти двѣ—три пѣсни о похищеніи „Гавульки“ матросомъ, объ увозѣ дѣвушки на Дунай-рѣку козакомъ, который затѣмъ бросаетъ ее въ Дунай или же оставляетъ привязанною къ дереву въ лѣсу; но эти пѣсни едва-ли можно принять за отраженіе мотива похищенія дѣвушки-невѣсты. Притомъ же это не исключительно мѣстные

мотивы; они извѣстны почти всѣмъ славянамъ, что опять-таки указываетъ на ихъ древность.

Проходить свадьба,—и начинается жизнь замужней женщины, полная горя и лишеній. Лирика пинчуковъ почти не знаетъ ея радостей; но зато ей хорошо извѣстно ея горе. Особенно прекрасны пѣсни, рисующія положеніе женщины въ семьѣ мужа.

Ой, ты, калына! ой, ты, чирвоная! Чого рано зацвѣла?
Ой, ты, дѣўчина! ой, ты, молодая! Чого хутко змарнила?
—Чи мачоха, чи рѣдна маты мене за-мужъ оддала
На чужину, ў вѣлыку сѣмью: ўсѣ я воду подносю.
Ой, выйду я на високу гору, ой, гляну я, посмотру:
Сюды гляну, туды оглянуса—ўсѣ чужая сторона.

Стоить, стоить рѣдна маты за плечима ў мене.

Мать совѣтуетъ ей вернуться, но это уже невозможно:

Росчесая, расплетѣна моя роса кѣса,

Накинѣна бѣла намиточка на мое жоўты волосы.

Горько размышляя о своемъ положеніи, она призываетъ свою долю:

Ой, доля моя, доля! дѣ ты, доля, подѣласа?

Да чи ты ў огни згорѣла, чи ты ў лузи утопыласа?

Горе молодой женщины такъ велико, что вся природа отзывается на ея страданія:

Ой, я боромъ лѣнула, ўсѣ боры поздрыгали,
Боры здрыгнулы (содрогнулись), луги затонулы.
Боры здрыгнулы, що тонѣньки голосочокъ,
А луги затонулы одъ дрыбнѣнькихъ слѣзочокъ.

Тѣмъ больше тоска и горе молодой женщины, если она вышла такъ рано, что еще

Нѣ нажилася, нѣ набылася,

На свою рыднину нѣ наглядѣлася,

попала на чужую сторону, „одъ роду одбылася“. Теперь, съ чужбины, она собирается писать домой:

Выцйкну два листочки, выпишу два писемочки,

Нѣхай матка прочитае, нѣхай мою бѣду знае.

Она не можетъ забыть, что виною ея отчужденности, горькой доли былъ братъ, который, какъ поется въ свадебныхъ пѣсняхъ, „продаў сѣстрыцу за канчукъ“ (нагайку):

Було ў мэнэ два браточки,—обое виноваты,
Що й отдамы сѣстрычку на чужую сторонку.

И опять слѣдуетъ отмѣтить, что на отца нигдѣ пѣсня не сѣтуетъ, хотя этого слѣдовало бы ожидать, такъ какъ онъ—виновникъ несчастія дѣвушки. Косвенный укоръ матери—черта обычная, но прямыми виновниками пѣсня называетъ братьевъ.

Но гдѣ-же причина, въ чемъ основаніе горя молодой женщины? Дѣло въ томъ, что „свѣкруха невѣстушки нѣзнавыдѣла“; она „не пускае мэнэ молодую на улыцу гулять“. Невѣстка въ новой семьѣ сразу попадаетъ въ подчиненное положеніе, изъ котораго ей трудно выйти, вслѣдствіе враждебнаго отношенія остальныхъ членовъ, которые смотрять на нее прежде всего, какъ на рабочую силу, давно желанную въ семьѣ, и изъ которой стараются извлечь возможно больше выгоды. Крестьянка ждетъ, не дождется того времени, когда, наконецъ, войдетъ въ домъ невѣстка, когда старухѣ можно будетъ отдохнуть, сваливъ всю наиболѣе трудную работу на невѣстку.

Охъ, вѣлыкая сѣмья вѣчераты сѣла,
Охъ, мэнэ молоду да послала по воду.
Поки жъ воду прынѣсла, то вѣчера одыйшла.
А мой мылый стоить, проти мэнэ говорыть:
—Чому, мылая, стоишь, чому ложки нѣ мыешь,
Постѣль бѣлу нѣ стѣлешь?

Она, скрѣпя сердце, постлала постель и легла спать, но „нѣ улежалася, да прыслухалася“: сѣмья мужа „карае“ (корить): „Чому жонки нѣ бьешъ?“ Мужъ, хотя повидимому и симпатично относящійся къ своей женѣ, мало защищаетъ ее; онъ предлагаетъ сѣмьѣ:

„Колы вона сонлыва, то будытѣ ее;
Колы вона ниць (ничего) нѣ знае, то вучитѣ ее;
Колы вона вамъ нѣ трѣба, одсылайтѣ ее“.

Чужая сѣмья обращается съ нею сурово: свекоръ запрещаетъ невѣсткѣ даже выражать свое горе пѣснями.

Сама иду дорогою, а голосокъ дубровою;
услышалъ его свекоръ, „на ганочку сѣдя, ў оболоночку глядѣ“:

Коли идѣ дытя мое, то нахай вѣсѣлѣ;
 Коли нѣвѣсточка, нахай прытыхае
 И къ дѣлу прывыкае.

А свекровь задаетъ ей трудныя работы, притомъ со строгимъ наказомъ. Посылая невѣстку вырвать въ чистомъ полѣ ленъ, она приказываетъ:

Нѣ вырвешъ лёну,—не иды до дому.
 Вохъ, и рвала, рвала, да нѣ вырвала,
 Ё чистому полю прыночовала,
 Ё чистому полю пры долиноцѣ,
 Тонкой, высокой тополиноцѣ.

Милый шелъ „зѣ Украиньки“, куда выслала его мать, увидѣлъ въ полѣ „тополю за тры миленьки“:

Вохъ, станьмо, братцы, подивѣмоса,
 Прыдѣмъ до дому, похвалимоса:
 —Вохъ, маты, маты, ты-жѣ матусенька,
 Што ё нашимъ поли за тополя ростѣ?
 Тонка, высокая, лыстомъ широка;
 Што одѣ вѣтрыку похыляетца,
 А одѣ солнушка нѣ мѣняетца.

Мать совѣтуетъ сыну взять „гостру сѣкерку“ и срубить въ полѣ тополю. Ударилъ онъ разъ—тополя содрогнулась,

Сѣкнуў другой разъ—ажѣ тѣло бѣло,
 Сѣкнуў третій разъ—заговорила:
 —Нѣ рубай мѣнѣ,—я твоя мыла! ¹⁾

Отданная „одѣ роду, одѣ родныны“, и получившая наказъ отъ матери, „кабѣ ё гости нѣ бувала“, „щобѣ семь лѣтъ нѣ бувала“,—молодая женщина собирается летѣть домой „ё рочокъ“ (черезъ годъ) то въ видѣ „заўзульки“, то „сокола“. Прилетѣла въ садъ, „сѣла, упала у брата ё саду, голысно заковала, жалысно заплакала“. Вышелъ братъ „заўзульку гоняты“: „колы сѣстра моя, то просю-жѣ до хаты“. Въ другой пѣснѣ она собирается летѣть соколомъ и упасть „у матки на порозѣ“. Мать вышла, „розлыла слѣзы“.

—Охъ, покинь, маты, плакаты, да научи гороваты...
 Охъ, маты-жѣ, маты! дѣ доля дѣласа?

¹⁾ Срв. „Этногр. Обзор.“ III, 42, 50—2, 211; VI, 234; VII, 262.

Ой чи ў огни згорѣла, чи ў Дунаи утонула?
 Коли ў огни згорѣла, тамъ лежить пепѣльце;
 Коли ў Дунаи затонула, тамъ лежить камѣнце.

Таковы представленія о горѣ женщины въ семьѣ ея мужа, пока она занимаетъ подчиненное положеніе въ ней, пока сама не сдѣлается хозяйкою, свекровью и сама не будетъ загадывать сыну „тополю рубаты“. Но горе, переносимое женщиною въ чужой семьѣ, не единственное горе ея жизни; этимъ не ограничиваются ея несчастія, и скорбная лирика пинчука сопровождаетъ женщину во всѣхъ многообразныхъ случаяхъ ея жизни. Не всегда только семья мужа доставляетъ страданія женщинѣ, бываютъ и другія причины:

Вышла я за-мужъ молода,
 Первая бѣда, што дѣтынushка мала,
 Другая бѣда—свѣкровushка лиха,
 Трѣтняя бѣда—мой мылый не любить.

Со стѣсненнымъ сердцемъ, не разъ мысленно обращается она къ матери:

Маты жъ моя, маты! мэнэ мужъ нэ любить,
 До иншое ходыть.

Хорошо еще если есть родня, есть съ кѣмъ размыкать горе; но она нерѣдко остается круглою сиротою: „помѣрь отѣць-маты, гостына минѣтца“. Нѣтъ „гостыны“ у родныхъ, не съ кѣмъ поговорить, отвести свою душу, не передъ кѣмъ поплакать о томъ, что она „свои лѣта марно тратить“. Молодые годы проходятъ подъ гнетомъ несчастій и нуждъ. Молодая женщина только что расцвѣла, вошла въ жизнь, ея „первый мылый“ остается тѣмъ-же для нея; она рвется къ нему всѣми силами своей души: несетъ ему обѣдъ въ поле и уже задумывается, ласкаетъ себя мыслью, „чи нэ скаже мылый сѣсты“, „чи нэ будэ говорыты“. Но не тутъ то было: хотя она и „охвоча, и робоча, и до людѣй говороча“, но мужъ „напыўса, наѣўса“ и „на роллю-землю схлыўса“. О чемъ онъ думаетъ?—спрашиваетъ его жена. Думаетъ онъ о томъ, что „неудалу жонку имѣть“. Оскорбленное чувство женщины заговорило въ ней; она вспоминаетъ, что не такъ давно и она была мила ему, когда они собирались на вечерки. Она говоритъ ему:

Нѣ выѣзлы тобѣ очи,—
 Нѣ свататы було ў ночи;
 Було свататы мѣнѣ ў дѣнь,
 Роспытатца старыхъ людѣй!

Нелюбящій мужъ приходитъ домой „ў бѣлому свѣци“,
 (на разсвѣтѣ) ложится спать „попѣрѣкъ кровати“, къ своей
 женѣ „плечима, а до стѣны очима“.

Ой, одвѣрнысь, мылый, я тѣбѣ розую,
 Хочь разъ поцѣлую,—

умоляетъ жена; но мужъ ее гонить:

Охъ, есть у мѣнѣ луччѣйша отъ тѣбѣ:
 Вона жъ мѣнѣ розуе, семъ разъ поцѣлуе.

Бѣжить молодая женщина къ быстрой рѣкѣ, рассказываетъ
 другая пѣсня, чтобъ посмотрѣть, какъ ея милый ѣдетъ съ
 другою; посмотрѣла, „да на лицѣ ¹⁾ лозы похылыласа“:

Ой, вѣнь, вѣтру, повѣнь зъ далекого краю!

Нѣхай зобачу, по чимъ же я плачу,

Нѣхай надыѣлюса, по кимъ я журуса.

И вздыхаетъ тяжело молодая, ложась и вставая „сама мо-
 лодѣнька“ на „постѣли пуховѣнькой“. Нѣсколько пѣсень
 рассказываютъ, какъ женщина бѣжитъ за милымъ „ў погынь“,
 спрашиваетъ, когда онъ вернется, зоветъ „вѣчераты“, но по-
 лучаетъ отвѣтъ: „вѣчерай сама“, застаётъ милаго сидящимъ
 „у сусѣдки за столомъ“ и т. д.

Не всегда дѣло ограничивается одними только нравствен-
 ными страданіями. Мужъ, „пьяница—ледащица“, чужой женѣ

Мѣдъ, горѣлку купуе,

А на свою нѣўдалочку да ногойку готуе.

Несетъ мужъ, говорить другая пѣсня, подъ полою „ногою
 дротяную“, возвратившись домой „къ бѣлому свиту“, и при-
 казываетъ женѣ итти въ корчму и выкупить коня вороного:

Якъ выкупышь—люблю тѣбѣ,

Нѣ выкупышь—убью тѣбѣ,

Убую тѣбѣ, замордую (замучу).

„Ногой дротяный“ (перевитый проволокою) часто ходить
 по „бѣлу тѣлу“ несчастной жены:

¹⁾ Вм. „ницѣ“ (ниция)? Нияцый—низко растущій (о лозахъ-кустахъ). Ред.

Якъ ударыў мене да по бѣлому плечу,—

Полыласа кроў горяча, побѣжала по лицу.

Или вотъ какъ грозитъ мужъ истязать свою „шельму“ жену: онъ намѣренъ привести ей изъ города „ногай дротяный“, привязать къ сивому коню и пустить въ чисто поле,—

Нѣхай собѣ кынь нагуляецца,

А шельма жона научаецца.

Доля жены представляется въ мрачныхъ краскахъ даже тогда, когда милый не измѣняетъ ей. (Одна пѣсня изображаетъ еще новую печальную картину семейной крестьянской обстановки. На полѣ „ратай“ пашеть и посматриваетъ на дорогу: чужія жены обѣды несутъ, а его—нѣтъ. Бросилъ онъ воловъ, идетъ домой:

Уступыў я на подвырье,—подвырье мѣ не вѣсэлое,

Уступыў я ў рѣдѣнку,—рѣдня моя нѣтопiana:

Да жена сына родыла, дай на вѣки заснула.

Чи не було дытаты да воды податы?

Чи не було сусѣдочки кому ратоваты?

Эта небольшая картинка, выхваченная прямо изъ жизни, изображаетъ одно изъ многочисленныхъ проявленій крестьянской бѣды. Но не всегда доля женщины имѣетъ такой печальный безпросвѣтный исходъ: проходить годы, боязни за невѣрность милаго нѣтъ мѣста, вырастаютъ дѣти, она дѣлается хозяйкою дома, сама имѣетъ невѣстокъ, распоряжается ими; приходитъ, повидимому, время отдыха.

Но эти свѣтлыя минуты омрачаются опять новымъ горемъ: сынъ подрастаетъ, приближается время итти ему въ солдаты; женское сердце, отдавшее все свое вниманіе, всю заботливость и нѣжность любимому сыну, получаетъ новыя испытанія. Со слезами мать снаряжаетъ сына.

—„Наплачесса той часъ, матко, якъ буду ў дорози,“ останавливаетъ онъ ее.

Нѣ кажи, сыночку, тяжкими словами,

Буду тѣбѣ обливаты дрыбными слѣзами,—

отвѣчаетъ ему мать.

Не лучше ея участь и тогда, когда она остается вдовою:

Зашумѣло дѣрэво (2) надъ водою стоячи,

Заплакала ўдова (2) сына Йвана родячи.

— „Що мѣ тобѣ робыты“?—спрашиваетъ она сына: женить тебя или отдать въ солдаты? На это сынъ отвѣчаетъ:

—Матко жъ моя старѣнькая,
Якъ голубка сывѣнькая!
Якъ ты мене оженышъ,
Сѣрце свое звѣсэлышъ;
А ў солдаты оддасы,
Сѣрцю жалю задасы.

Таковы въ главнѣйшихъ чертахъ перипетіи горькой женской доли, про которыя знаютъ пѣсни пинчуковъ, отъ молодости женщины вплоть до самой старости.

М. Довнаръ-Запольскій.

Наброски изъ исторіи финнской культуры.

Лекціи по исторіи семьи и собственности, читанныя проф. М. М. Ковалевскимъ въ Стокгольмѣ, достаточно выяснили, какой богатый и непочатый европейскими изслѣдователями матеріалъ представляетъ по этимъ вопросамъ русская литература. Выдвигая его значеніе, почтенный профессоръ имѣлъ въ виду только то, что даетъ русская литература относительно кавказскихъ народовъ и славянъ, въ частности русскихъ. Онъ оставилъ безъ вниманія богатый остатками архаическаго быта финнскій міръ. Между тѣмъ этотъ міръ—худо-ли, хорошо-ли—разрабатывается также главнымъ образомъ русскими дѣятелями. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его разработка цѣликомъ остается за нами.

Финнской культурой интересуются кромѣ насъ двѣ достигшія нѣкотораго развитія финнскія народности—мадьяры и собственно финны; но работы тѣхъ и другихъ захватываютъ далеко не все поле изслѣдованія. Мадьяры совершили не одно ученое путешествіе къ своимъ родичамъ въ Россію, но ихъ вниманіе обращено главнымъ образомъ на филологическія изслѣдованія: они собирали и собираютъ матеріалъ для словарей, записываютъ въ оригиналахъ произведенія народнаго творчества и пока не засвидѣтельствовали еще ни интереса къ этнографическимъ и культурно-историческимъ изслѣдованіямъ, ни умѣнья вести ихъ. Финны смотрятъ на дѣло нѣсколько шире. Рядомъ съ чисто лингвистическими работами Доннера, они даютъ намъ капитальный трудъ по лингвистической палеонтологіи Альквиста, изслѣдованія по исторіи жилищъ Гейкеля и археологическія изслѣдованія Аспелина. Но, подобно мадьярамъ, они со временъ Кастрена не затро-

гиваютъ внутренняго міра родственныхъ народностей—ихъ вѣрованій, обычаевъ и порядковъ.

Все, что сдѣлали въ этомъ отношеніи представители обѣихъ народностей, заключается въ томъ, что они собрали сырой матеріалъ (по отношенію къ нѣкоторымъ народностямъ—какъ напр. югры — очень богатый). Но этотъ матеріалъ частью еще не изданъ, да и изданный онъ останется мертвымъ капиталомъ. Вотяцкіе, остяцкіе и другіе тексты, снабженные переводомъ на языки, немногимъ болѣе доступные для европейцевъ, чѣмъ языкъ оригиналовъ, не могутъ послужить ни этнографу, ни историку культуры.

Область внутренняго быта финскихъ племенъ остается безспорно специальнымъ полемъ русскихъ изслѣдователей и черезъ ихъ посредство только можетъ сдѣлаться достояніемъ европейской науки. Проявивъ значительную беззаботность на счетъ филологіи, русскіе наблюдатели накопили значительный запасъ культурно-историческихъ и главнымъ образомъ соціологическихъ данныхъ. Этотъ матеріалъ стоитъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ внѣ сравненія съ тѣмъ, что можетъ дать европейской наукѣ любой изслѣдователь—европеецъ. Мы знаемъ финновъ не со вчерашняго дня; въ нашихъ актахъ, въ памятникахъ, небогатой правда, географической и этнографической литературы XVI, XVII и XVIII вв., мы имѣемъ возможность найти положительныя указанія на такія явленія, о которыхъ на основаніи современнаго быта можно только догадываться. Задача русскихъ ученыхъ—обработать, пользуясь приемами европейской научной техники, это драгоцѣнное сырье и не допустить наступленія того позорнаго дня, когда въ русскихъ архивахъ и библіотекахъ будутъ копаться, разыскивая это сырье, овладѣвшіе старымъ и новымъ русскимъ литературнымъ языкомъ англичане, нѣмцы, французы. Одна изъ задачъ specialнаго этнографическаго журнала—распространить среди людей, способныхъ къ такой обработкѣ, свѣдѣнія о томъ, гдѣ и какой сырой матеріалъ они могутъ найти. Исходя изъ этихъ соображеній, мы и предлагаемъ интересующимся читателямъ эти наброски. Пусть читатели не ищутъ въ нихъ цѣльности, систематичности, исчерпывающей законченности обработки. Это результаты предварительныхъ развѣдочныхъ

работъ; дѣло послѣдующихъ изслѣдователей обстоятельно разработать намѣчаемыя залежи. Принимая „безъ страха и сомнѣнья“ ожидаемый упрекъ въ излишнемъ расположеніи къ „ипотетической этнографіи“, мы рекомендуемъ изслѣдователямъ нѣкоторыя выборки изъ этихъ залежей.

1. Человѣческія жертвоприношенія и каннибализмъ у предковъ сѣверо-восточныхъ и сѣверо-западныхъ финновъ.

Въ брошюрѣ: „Слѣды человѣческихъ жертвоприношеній въ поэзіи и религіозныхъ обрядахъ приволжскихъ финновъ“ мы имѣли случай констатировать существованіе человѣческихъ жертвоприношеній у предковъ финновъ Волжско-Камскаго бассейна и указать на ихъ связь съ эпохой каннибализма, которую они пережили. Въ очеркѣ «Вотяки» мы привели прямые указанія на обычай человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ, а въ рефератѣ: „Воспоминанія объ эпохѣ каннибализма въ поэзіи вотяковъ“, читанномъ на VIII арх. съѣздѣ, мы указали слѣды былого каннибализма въ вотяцкихъ сказкахъ. Настоящія замѣтки посвящены изслѣдованію тѣхъ-же явленій на почвѣ другихъ финскихъ народностей—пермяковъ, остяковъ, лопарей.

Начнемъ нашъ обзоръ относящихся сюда фактовъ съ пермяковъ. Въ статьѣ о пермякахъ г. Добротворскаго (Вѣстн. Евр. 1883 г. III) помѣщена любопытная легенда, записанная у пермяковъ Пермской губерніи. Далеко на востокъ жили два брата Ожьясь и Осьясь; у нихъ было въ подданствѣ много народа. И былъ у тѣхъ братьевъ богъ Шурма (жившій на солнцѣ), страшный богъ; питался онъ человѣческимъ мясомъ и запивалъ теплой овечьей кровью. Пока братья удовлетворяли его кровожаднымъ наклонностямъ, богъ любилъ и защищалъ ихъ. Но разъ какъ-то братья забыли принести ему обычную еженедѣльную жертву—двухъ мальчиковъ, двухъ дѣвочекъ и трехъ овецъ, и свирѣпый Шурма разгнѣвался на нихъ.... и прогналъ далеко на западъ (стр. 230).

Въ статьѣ г. Спицына: „Чудскія древности Зюздинскаго края“ (Вят. Губ. Вѣд. 1889, №№ 60—62) мы находимъ слѣдующее сообщеніе: „Близъ дер. Подгорной Бисеровской волости находится весьма интересный «Чудской камень»... Лѣтъ 30 тому назадъ въ Семикѣ, Петровъ день, и въ другіе народ-

ные праздники старики (пермяки) носили на Чудской камень различныя яства и оставляли ихъ тутъ на день. Среди мѣстныхъ крестьянъ ходитъ преданіе, что въ очень давнее время жившій вблизи старикъ, по имени Евсюкъ, разъ видѣлъ вышедшаго изъ-подъ камня чудскаго человѣка, который сказалъ ему по-пермяцки: „Евсюкъ, а Евсюкъ! дай мнѣ человѣка съѣсть, такъ я тебѣ три корчаги денегъ дамъ“ (№ 62).

Въ обоихъ преданіяхъ мы видимъ ясныя указанія на чело-вѣческія жертвы; эти жертвы требуются и стихійными духами, и духами усопшихъ. Последнее предполагаетъ, что пермяки считаютъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ духовъ усопшихъ людодѣлами. Такое представленіе объ усопшихъ могло возникнуть лишь въ эпоху каннибализма и сохраниться какъ воспоминаніе о ней и тогда, когда люди перестали уже быть каннибалами. Человѣкообразные людодѣ (морт-сойсь), жители лѣсовъ, фигурируютъ въ сказкахъ, записанныхъ нами прошедшимъ лѣтомъ у пермяковъ Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ Пермской губерніи. Каннибальскія наклонности колдуновъ покойниковъ обнаруживаются въ пермяцкихъ сказкахъ, также какъ и въ вотяцкихъ: колдуны, умирая, заказываютъ роднымъ дома не ночевать. Стихійные духи до сихъ поръ рисуются пермяку требующими чело-вѣческихъ жертвъ. Среди Чердынскихъ и Соликамскихъ пермяковъ распространено убѣжденіе, что когда приступаютъ къ постройкѣ мельницы, хозяинъ обрекаетъ водяному одного или нѣсколько человѣкъ изъ артели рабочихъ или постороннихъ людей. Водяной самъ беретъ свою жертву (человѣкъ тонетъ). Духу земли при постройкѣ дома въ былое время сулили одного плотника. Въ настоящее время человѣкъ замѣняется мелкими животными (поросенкомъ, щенкомъ) или пѣтухомъ.

Какъ бы ни были ясны слѣды чело-вѣческихъ жертвоприношеній у пермяковъ, скептики, недолюбливающіе этнографическихъ реставрацій, могутъ относиться къ нимъ недовѣрчиво. Иначе стоитъ дѣло относительно зауральскихъ финновъ-остяковъ. Тутъ свидѣтелями являются историческіе акты. Въ Пермской лѣтописи Шишонко мы читаемъ слѣдующія драгоцѣнныя свидѣтельства, относящіяся къ 1663 г.:

„171 г. ¹⁾, февраля въ 14 день, посланъ былъ съ Березова въ Куновацкую волость Березовской казакъ Митка Власовъ для ясачныхъ Остяковъ Умбы Панжіева да Какунчея Лемтохтыева, и тѣхъ Остяковъ онъ Митка привезъ на Березовъ и поставилъ въ сѣзжей избѣ. И того-жъ числа воевода Алексѣй Петровичъ Давыдовъ Остяка Какунчея передъ собою въ сѣзжей избѣ допрашивалъ про шатость и про измѣну Березовского уѣзду про Остяковъ. И въ допросѣ Куновацкой Остякъ Какунчей Лемтохтыевъ сказалъ: въ прошломъ де во 170 году... въ юртахъ у Айки былъ Куновацкой Остякъ Кошель Пыгирчеевъ, и въ тѣхъ де поры Чордынской Остякъ говорилъ Кошелю: *купили де мы у Ивашка Лечманова Чордынскіе Остяки десять человекъ парня Остяцкого для того, чтобы де убилъ его Чордынской шайтанъ*; и за то де его Чордынского Остяка ударилъ по щекѣ доруды, и Кошель де ему молвилъ: почто де ты такую рѣчь въ землѣ плодишь? И тотъ де Чордынской Остякъ Кошелю молвилъ: *зачто де ты меня бьешь? ты де Кошель самъ того парня продалъ Ивашку Лечманову, а былъ де тутъ въ то время Ляпинской Остякъ Пырча Волюнкинъ, и иные де Ляпинскіе и Куновацкіе Остяки про то все знаютъ; а ему де Какунчею говорили многіе Остяки Вешнякъ Парындыповъ, да Куля Нежачковъ, что поѣдь де къ Ивашку и возми де за того парня цѣну, а про то де великимъ государемъ не объявляй, что де убили малю...*; да онъ же де Ивашко Лечмановъ взялъ у брата своего Адыля Лечманова *парня Самолицкого* и побѣгъ де за Камень къ Чордынскимъ Остякамъ, и Чордынскіе де Остяки *того парня убили съ Ивашкомъ вмѣстѣ....*; что того парня Ивашко убилъ съ Ендырскими Остяками, и то де имъ Какунчею сказывалъ Замятня Телмановъ; *а въ прошлыхъ де годѣхъ бывало у ихъ братьи иноземцовъ, что похотятъ де великимъ государемъ измѣнить и заведетца какая шатость въ нихъ, что похотятъ де на городъ притти и людей государевыхъ побить, и они де побивали по своей вѣрѣ шайтану свою братью Остяковъ*; а какъ де послѣ того у ихъ братьи у иноземцовъ измѣны и шатости не бывало, и они де людей шайтану не побивали, а побивали де шайтану по своей вѣрѣ оленихъ и лошадей; и то де знатно, что въ нихъ шатость и измѣна, потому что де стали людей побивать... Феврала жъ

¹⁾ т. е. 7171 (отъ сотвор. міра)=1663 г. (7171—5508) по Р. Хр.

въ 16 день Куновацкой же Остякъ Какунчей Лемтохтыевъ сказалъ: въ прошломъ де во 169 году *Сосвинскіе де Остяки всею волостью купили у Чордынскихъ Остяковъ Остяцкого малого передъ Сосвинского шайтана убить, а для чего де его хотять передъ шайтаномъ убить, про то де они сами вѣдаютъ, а тотъ де малой купленной Чордынской живетъ у Сосвинского Остяка въ юртахъ у Васки Охтолманова; да въ нынѣшнемъ де во 171 г. Куновацкой Остякъ Аслангей Ряхтинъ продавалъ парня Самояцкого ясачного Ляпинскому Остяку Пырчѣ Волюнкину, а тотъ де Самояцкой малой говорить Аслангѣ Ряхтину: что де ты меня продаешь? Ляпинскіе де Остяки продадутъ меня за Камень убить передъ шайтана; а задатку де за того Самояцкого малого Пырча далъ тому Аслангѣ сторговавъ два соболя да шапку соболью хвостовую*“ (Періодъ III, стр. 713 – 715).

Въ драгоценномъ актѣ, который мы привели почти цѣликомъ, заключаются весьма опредѣленные данныя относительно человѣческихъ жертвоприношеній: 1) человѣческая жертва приносилась не одному какому-нибудь шайтану, а важнѣйшимъ мѣстнымъ; 2) она приносилась въ случаѣ крупныхъ предпріятій, въ родѣ возстаній; 3) приносилась цѣлыми волостями, на общій счетъ; 4) объектомъ жертвы служилъ мальчикъ (малой, парень) — остякъ или чужеродецъ безразлично, — но непременно со стороны.

Съ этими историческими свидѣтельствами вполне согласны воззрѣнія на духовъ у маньзовъ, называемыхъ часто прежними писателями то югрой, то остяками, то вогулами. Мѣнквы — духи, по словамъ Н. Л. Гондатти, представляются маньзамъ людодѣями, которые нападаютъ на людей, убиваютъ ихъ, съѣдаютъ и остатки приносятъ въ свои большіе листовенничные дома, построенные въ глухихъ мѣстахъ, окруженныхъ непроходимыми болотами (Н. Л. Гондатти. „Слѣды языческихъ вѣрованій у Маньзовъ“, — въ Трудахъ Этногр. Отд. И. О. Люб. Ест., Антр. и Этн., кн. VIII, стр. 63а, срв. 58а). Рядомъ съ каннибалами — стихійными духами маньзы знаютъ каннибаловъ — богатырей, которые жили въ старину особняками. Убивши врага, эти одыры, подобно богатырямъ вотяцкихъ сказаній, съѣдали его сердце и печень, чтобы вся сила убитого перешла къ нимъ и чтобы онъ не ожилъ (ib. 64а).

Отъ восточныхъ родичей пермяковъ переходимъ къ западнымъ. Наибольшее количество данныхъ относительно чело-вѣческихъ жертвоприношеній и каннибализма встрѣчаемъ мы у лопарей. Собрать эти данныя, благодаря прекрасному изслѣдованію Н. Н. Харузина, не представляется затруднительнымъ. Гавріиль Тудеръ сообщаетъ, что нѣкогда около урочища Безозингъ, отстоящаго около одной мили отъ озера Кими, лопари приносили въ жертву своихъ дѣтей предъ какимъ-то идоломъ (Н. Харузинъ, „Русскіе Лопари“, Труды Этногр. Отд., кн. X, стр. 173). Существуетъ также преданіе о старикѣ, который принесъ себя въ жертву за больного сына (ib. 174). Для какихъ цѣлей нужны были лопарскимъ богамъ чело-вѣческія жертвы, мы узнаемъ изъ тѣхъ представленій, которыя имѣли лопари относительно различныхъ духовъ. Въ подземномъ мірѣ, странѣ мертвыхъ, живутъ старухи - людоедки (ib. 157, 354). Здѣсь же жилище Сталло, которые крали *дѣтей* у родителей и съѣдали ихъ (ib. 164). Горы и лѣса Лапландіи населены массой великановъ, которые похищаютъ лопарскихъ *дѣтей* и съѣдаютъ ихъ (ib. 139). Въ эпосѣ о „Солнцевой дочери“ заключаются указанія на слѣпыхъ великановъ-людоедовъ (ib. 347); людоедами оказываются и дѣти, прижитыя, по этому же эпосу, старикомъ отъ лягушки (ib. 349). Въ 1-мъ вып. „Живой Старины“ приведенъ отличающійся нѣкоторыми деталями отъ передачи г. Харузина варіантъ этого эпоса.

Антропоморфные боги-людоеды имѣютъ своихъ двойниковъ (точнѣе оригиналы) въ каннибалахъ-людяхъ. Каннибалами являются у лопарей покойники-нойды (ib. 233) и въ отдѣльных случаяхъ живые люди. На стр. 464 книги г. Харузина помѣщена сказка о царицѣ, которая, озлобившись на своего ребенка, приказываетъ его убить, жарить и съѣдать его сердце.

Лопари являются звеномъ, которое соединяетъ восточныхъ финновъ съ западными. Оттиснутые на сѣверъ, въ даль отъ культурнаго міра, они сохранили значительное количество слѣдовъ стариннаго быта. Западные финны—эсты и собственно финны—успѣли многое забыть подъ вліяніемъ германскихъ завоевателей. Но чело-вѣческія жертвы въ былое

время извѣстны были и имъ. Татищевъ приводитъ въ своей «Исторіи» слѣдующее извѣстіе о нихъ Адама Бременскаго: „Эсты... христіанскаго Бога совѣтъ не вѣдаютъ, змѣевъ и птицъ почитаютъ, имъ и *живыхъ людей въ жертву приносятъ*, которыхъ отъ торговыхъ людей, прилежно осматрѣвши, чтобы никакого вреда на тѣлѣ не было, покупаютъ“... (I, 235). Генрихъ Латышъ, повѣствующій въ своей хроникѣ о борьбѣ эстовъ съ нѣмцами, констатируетъ случай, когда эсты съѣли сердце побѣжденнаго нѣмецкаго вождя. Существовали ли человѣческія жертвоприношенія у финновъ-кореловъ, мы не можемъ въ настоящее время сказать ничего положительнаго, не располагая нужнымъ матеріаломъ.

Выводъ, къ которому можно прійти, сопоставляя данныя, сообщенныя въ настоящихъ замѣткахъ, съ тѣмъ, что высказано нами въ другихъ указанныхъ выше мѣстахъ, заключается въ томъ, что всѣ финскія племена пережили періодъ, когда они приносили богамъ человѣческія жертвы, и предшествовавшій ему періодъ антропофагіи. Заканчивая нашу замѣтку объ этомъ вопросѣ, мы позволяемъ себѣ выразить пожеланіе, чтобы ученые Общества, имѣющія возможность черезъ посредство своихъ членовъ предпринять обстоятельное изученіе быта и поэзіи финновъ-кореловъ, включили въ число задачъ мѣстныхъ изслѣдователей собираніе такихъ произведеній финнскаго народнаго эпоса, въ которыхъ слышатся мотивы каннибализма—фигурируютъ людоеды-покойники, людоеды-духи, людоеды-мстители (а такое изслѣдованіе весьма желательно, такъ какъ финны остаются племенемъ менѣе всего затронутымъ русской этнографической литературой). Данныя, добытыя такимъ путемъ, не измѣнили бы, конечно, но укрѣпили бы еще на болѣе солидномъ фактическомъ фундаментѣ выведенное нами положеніе.

2. *Матріархатъ.*

Въ русской литературѣ установленъ уже фактъ, что большая часть финновъ пережила эпоху безпорядочнаго полового сожителства или гетеризма. Въ ближайшей связи съ этимъ строенъ половыхъ отношеній стоитъ почти всегда явленіе, извѣст-

вое подъ именемъ матриархата или матернитета. Исходя изъ признанной связи между этими двумя группами явленій, мы въ правѣ ожидать, что и у финновъ должны отыскаться слѣды былого матриархальнаго строя. Матеріаль. который даетъ намъ русская этнографическая литература, вполне оправдываетъ это предположеніе. Начнемъ съ фактовъ, которые разбросаны въ разныхъ мѣстахъ вышеназваннаго обширнаго изслѣдованія Н. Н. Харузина о лопаряхъ.

Однимъ изъ признаковъ переживаемаго народомъ матриархальнаго строя является констатированный Тайлоромъ въ его новѣйшей статьѣ обычай, въ силу котораго мужъ поселяется въ домѣ жены *). Воспоминанія объ этомъ обычаѣ сохранились въ лопарскомъ богатырскомъ эпосѣ. Квигстадъ записалъ рассказъ о дѣвицѣ-богатырѣ, которая приводитъ съ собой въ тупу жениха-богатыря („Р. Лоп.“, 374). Переживанія того же обычая можно констатировать въ близкую къ намъ эпоху: въ XVI ст. зять жилъ въ домѣ своего тестя годъ, въ началѣ XIX—нѣсколько дней (ib. 267, 271)

Новыя указанія на былой матриархатъ заключаются въ отношеніяхъ матери къ дѣтямъ у лопарей. При господствѣ матриархальныхъ отношеній дѣти получаютъ отъ матери все то что въ эпоху патриархата даетъ имъ отецъ—личные права, собственность, имя. Современная лопарская жизнь сохраняетъ только обломки этого стараго порядка. На стр. 249, и 253 книги г. Н. Харузина мы встрѣчаемъ факты, которые говорятъ, что современнымъ лопарямъ не чужда мысль *прозываться* по матери или по другой женщинѣ въ восходящей линіи. Въ первомъ изъ отмѣченныхъ мѣстъ авторъ сообщаетъ, что родъ Ѳедотовыхъ принялъ это прозвище въ честь одной изъ принадлежащихъ къ нему женщинѣ, которая называлась по-лопарски Ѳедъ-акка; изъ второго мы узнаемъ, что и теперь еще лопарь можетъ прозываться по матери, именно тогда, когда отецъ умеръ, оставивъ его ребенкомъ, и онъ былъ поставленъ на ноги матерью. Передача „фамиліи“ такимъ образомъ въ глазахъ лопарей не составляетъ еще исключительнаго права отца.

*) См. Этногр. Обзор., V. 6—8, 14—15.

Дальнѣйшими указаніями на былую преобладающую роль матери по отношенію къ дѣтямъ являются факты, приведенные на стр. 276 и 295 того же изслѣдованія. Въ Ловозерскомъ погостѣ мать первая даетъ согласіе на выдачу дочери жениху; за ней и въ ея же терминахъ даетъ свое согласіе и отецъ. Въ другихъ случаяхъ мать получаетъ большую часть выкупа за дочь (ib. 293).

Кромѣ этихъ слѣдовъ былого матриархата, можно отыскать и другіе. Отношенія въ мірѣ боговъ рисуются первобытному человѣку аналогично съ отношеніями, которыя имѣютъ мѣсто въ его собственномъ быту. Имѣя въ виду это положеніе, мы должны обратить вниманіе на слѣды несомнѣннаго когда-то преобладанія женскихъ божествъ на лопарскомъ Олимпѣ. Мы знаемъ у лопарей Маддер-акка (богиня, мать земли и производительной силы), Вирос-акка (мать лѣсовъ), Анк-акка (мать луны), Пейво-акка (мать солнца), Ябмэ-акка (мать подземнаго міра) и, что особенно важно, двѣ богини покровительницы чума—Сар-акка и Укс-акка. Кромѣ этихъ богинь, стоящихъ къ явленіямъ въ отношеніяхъ рожденія, въ лопарскомъ пантеонѣ имѣются богини, связанные съ рѣками и другими водами (Саціентъ), съ оленеводствомъ (Луот-хозикъ и Поць-хозикъ—оленья хозяйка). Большая часть этихъ женскихъ божествъ стоитъ внѣ всякихъ отношеній къ мужскимъ божествамъ явленій природы; это не жены, не матери, а совершенно обособленные существа. Можно съ достаточнымъ основаніемъ утверждать, что эти женскія божества явились ранѣе мужскихъ. Онѣ стоятъ къ явленіямъ въ такихъ отношеніяхъ, которыя, какъ копія, предполагаютъ простѣйшій оригиналъ въ отношеніяхъ между людьми. Въ ряду этихъ женскихъ божествъ особое значеніе съ занимающей насъ точки зрѣнія имѣютъ богини—хранительницы чума. Природа этихъ божественныхъ существъ свидѣтельствуетъ о роли, которая принадлежала къ чумѣ женщинѣ-матери. Создавши рядъ мужскихъ божествъ для явленій природы, лопари такъ и не дошли сами до созданія мужского божества для дома; образъ мужчины-покровителя очага (Стор-юнкарэ) они заимствовали, какъ свидѣтельствуется названіе, у скандинавовъ-сосѣдей (сканд. stor—великій + junkare—старѣйшина, властитель).

Переходъ отъ матриархата къ патриархату характеризуется возникновеніемъ новыхъ понятій о родствѣ. Въ матриархальномъ періодѣ принадлежность дѣтей опредѣляется актомъ рожденія, въ патриархальномъ — представленіемъ о господствующемъ вліяніи мужчины въ дѣлѣ возникновенія дитяти. Промежуточной стадіей между этими двумя идеями является періодъ, когда мужъ и отецъ выдвигаютъ свои права на дитя рядомъ съ материнскими, символически участвуя въ актѣ рожденія (кувада)*). Н. Н. Харузинъ даетъ намъ въ своей книгѣ констатированный давно уже фактъ, который свидѣтельствуетъ, что идея, лежащая въ основаніи кувады, не чужда была и лопарямъ. Дѣло идетъ о твореніи живыхъ существъ. Мы имѣемъ два относящихся сюда лопарскихъ представленія. По первому Радіэн-атчэ (христіанскій Богъ-Отецъ) создаетъ души, Маддер-акка, Сар-акка и Укс-акка пропускаютъ ихъ *черезъ свои тѣла*, другими словами — *родятъ*. Другая теорія происхожденія живыхъ существъ сложнѣе. Здѣсь фигурируетъ уже Маддер-атчэ (отецъ земли, творенія), и его роль въ актѣ творенія для насъ особенно любопытна. Маддер-атчэ получаетъ отъ Радіэн-атчэ души, *вскрываетъ свой животъ*, обноситъ въ такомъ видѣ душу вокругъ солнца и передаетъ вышеназваннымъ богинямъ, которыя даютъ душѣ тѣло и полъ (*какъ* -- изъ пересказа мнѣя не видно). Если мы примемъ во вниманіе, замѣченное уже мимоходомъ обстоятельство, что Радіэн-атчэ представляетъ собою христіанскаго Бога-Отца, то участіе его въ твореніи должно разсматриваться, какъ компромиссъ между христіанскими и языческими лопарскими вѣрованіями, и въ первомъ мнѣѣ древнѣйшими и единственными дѣателями останутся богини-женщины, рождающія живыхъ существъ. Другой мнѣѣ представляетъ попытку примирить и совмѣстно привлечь къ творенію мужское и женское божество. Какъ же совершается это примиреніе, какъ участвуетъ Маддер-атчэ въ актѣ творенія? Маддер-акка, какъ женщина, *родитъ* новыя живыя существа, Маддер-атчэ стремится воспроизвести тотъ процессъ носенія и рожденія, который ставитъ женское божество въ опредѣ-

*) См. Этногр. Обзор., V, 12 слѣд.

ленные отношенія къ новымъ живымъ существамъ; онъ вскрываетъ свой животъ и обноситъ вокругъ солнца помѣщенную въ немъ, конечно, душу существа, имѣющаго родиться, т. е. продѣлываетъ нѣсколько своеобразно ту куваду, которая хорошо извѣстна въ человѣческихъ обществахъ.

Этотъ мифъ о небесной кувадѣ чрезвычайно важенъ въ культурно-историческомъ отношеніи. Народъ, который его создалъ и хранитъ, безъ сомнѣнія, пережилъ періодъ, когда отецъ, чтобы получить основанныя на актѣ рожденія права на ребенка, долженъ былъ хотя символически принять участие въ мукахъ рождающей матери, — а такой періодъ, какъ прекрасно показала Тайлоръ, имѣетъ мѣсто только въ жизни общества, переходящаго отъ матриархальнаго строя къ патриархальному.

Переходимъ къ другимъ финскимъ народностямъ.

По языку лопари представляютъ собою промежуточное звено между зап. финнами и Волжской группой съ одной стороны, и Пермской съ другой. То-же отношеніе наблюдается и въ отношеніи развитія семьи. Одни изъ явленій, въ которыхъ мы усматриваемъ слѣды былого матриархата у лопарей, имѣютъ свои аналогіи у представителей Пермской группы, другія—въ Волжской. Съ представителями Волжской группы лопарей объединяютъ слѣды матриархата, сохранившіеся главнымъ образомъ въ вѣрованіяхъ и культѣ, съ представителями Пермской—въ области обычнаго права.

Связь поклоненія домовому съ культомъ предка-родоначальника представляется фактомъ безспорнымъ. Божество, охраняющее домашній очагъ, принято разсматривать какъ духъ того предка, который основалъ этотъ очагъ, былъ его первымъ хозяиномъ. Исходя изъ этого положенія, мы считаемъ возможнымъ выдвинуть положеніе, что *полѣ* домового божества опредѣляетъ собою роль, которая въ далекомъ прошломъ принадлежала мужчинѣ или женщинѣ въ семьѣ, собиравшейся впервые около одного огня: если у извѣстной народности домъ охраняетъ женское божество, мы должны признать, что женщинѣ въ былое время принадлежала у нея главная роль въ семьѣ. У мордвы и черемисъ наблюдается именно такое явленіе—у первыхъ отчетливѣе, ярче, у послѣднихъ блѣднѣе.

Божествомъ, охраняющимъ мордовскій домъ, является Юрт-ава (домовая мать) или Кудъ-азыр-ава (домовая хозяйка). Она играетъ выдающуюся роль въ важнѣйшіе моменты жизни мордовской семьи. Благословеніе Юрт-авы испрашивается, когда начинается сватовство (*Майновъ*. Очеркъ юрид. быта морд., 50, 51, 53, 59). Чтобы умилостивить богиню, ей кладутъ подъ порогъ кусокъ хлѣба (озондам-паль). Юрт-авъ жениха приноситъ жертву старуха — жрица (Имбаба), когда молодая вступаетъ въ его домъ (*ibid.* 102). Молитвы Юрт-авъ возносятся и тогда, когда въ домъ кто-нибудь умираетъ. Прежде, чѣмъ вынести усопшаго изъ дома, а равно и въ день сорочинъ у эрзи, старшая женщина въ домъ обращается къ богинѣ и предкамъ съ просьбой о помощи (*Mainoff. Les restes de la mythologie Mordvine. Journ. de la soc. Finno-Ougr.* V, 68).

Намекъ на былую роль женщины при основаніи новой семьи заключается какъ будто и въ современномъ обычаѣ невесты при переходѣ въ чужой домъ и прощаньи съ своимъ брать щепотку земли изъ подъ порога — мѣста обитанія Юрт-авы. Молодая женщина приноситъ въ новый домъ щепотку родной земли и ставитъ его подъ покровительство своей Юрт-авы (Оч. юр. б. м., 72). Рядомъ съ богиней, хранительницей жилища, у мордвы, какъ и у лопарей, фигурируютъ стихійныя богини, богини — матери: воды, лѣса, зари, луны, солнца. Всѣ эти богини у обѣихъ народностей являются или матерями или хозяйками, властительницами явленій подобно богинѣ жилища. Въ виду выдающейся роли женскихъ божествъ въ мірозданіи является вполне естественнымъ, что мордовская женщина сохранила до сихъ поръ обломки того жреческаго значенія, которое она имѣла въ пору своего преобладанія въ семьѣ. Въ жизни мордвы не рѣдки случаи, когда женщина только и можетъ выполнять посредническую роль предъ божествомъ. Послѣ первой брачной ночи молодая приноситъ жертву богинѣ воды (Ведын-азыр-ава). Жрицей, возносящей молитву богинѣ, является въ этомъ случаѣ самая старая старуха въ деревнѣ (Оч. юр. б. м., 114). При вступленіи молодой въ домъ мужа жертвоприношеніе Юрт-авъ и предкамъ совершала въ былое время также жрица Имбаба (*ib.* 102). Предъ

наступленіемъ родовъ считается необходимымъ принести молитвы банной хозяйкѣ, водяной хозяйкѣ и матери—богинѣ (Ангѣ-Патяй). Жрицей является повитуха—вѣдунья (Йомз-ава, *Les restes de la Myth.* 52). Та же Йомз-ава поручаетъ новорожденного покровительству Юрт-авы (*ibid.* 54). Въ предѣлахъ дома самая старшая женщина въ домѣ служитъ жрицей Юрт-авы. Она приносить ей съ молитвами жертвы всесоженія въ загниѣткѣ печи или зарываетъ въ передній уголъ (*Мельниковъ. Очерки Мордвы. Рус. В. т. LXXI, 247, 427*). Она же является жрицей Ангѣ-Патяй во время устраиваемыхъ въ честь ея празднествъ—читаетъ молитвы и приноситъ на загниѣткѣ жертву (*ibid.* 419). Богинѣ воды приносятъ молитвы за цѣлое общество во время праздника Бабань-ѣши избранная старуха (Сам. Еп. Вѣд. 1887, № 1, 5).

Воспоминанія о преобладающей роли матери въ семьѣ сохранились и въ тѣхъ правахъ, которыя ей въ исключительныхъ случаяхъ предоставляетъ обычай. Въ пятидесятыхъ годахъ у терюханъ, по словамъ Мельникова, свадебный поездъ жениха вела мать въ вѣнцѣ, съ горящей свѣчой въ рукахъ; за ней вторымъ ѣхалъ отецъ (*Майновъ. Очер. юр. б. м., 98. Симб. Г. В. 1851, № 25*). Она же нарекаетъ невѣсткѣ при ея вступленіи въ домъ новое имя (*Майновъ, I. с. 84*).

Намекомъ на былой матриархатъ является роль брата невѣсты въ свадебномъ обрядѣ. Прощаясь съ родительскимъ домомъ, невѣста обращается къ брату съ слѣдующимъ причетомъ: „Кормилецъ—братецъ! не сердись на меня несчастную!.. Хлѣбъ—соль на столѣ твоя была (*ibid.* 64)“.

У черемисъ воспоминанія о былой роли матери сохранились исключительно въ вѣрованіяхъ: домовымъ божествомъ ихъ является, какъ и у мордвы, домовая мать (Куд-ава); въ отношеніи стихійныхъ божествъ замѣтно уже колебаніе между женскими—матерями (ава) и мужскими—богами, владыками (онъ, юмо).

Представители Пермской группы, вотяки и комп, сохранили воспоминанія о быломъ матриархатѣ главнымъ образомъ въ юридическихъ понятіяхъ и обычаяхъ. Въ очеркѣ „Вотяки“ мы имѣли уже случай указать на то, что, судя по указаніямъ языка, вотяки вѣкогда знали только

родство по матери (слово *чыжы*, имѣющее одинъ корень съ пермяцкимъ глаголомъ *чужмы* — родить, служить только для обозначенія родства по матери). Тамъ-же мы отмѣтили и другіе намеки на былой матриархатъ: обычай величать жену именемъ ея матери—воршуднымъ именемъ, обычай Бирскихъ вотяковъ давать дочери имя, похожее на имя матери, догадки вотяковъ, что родовыя (воршудныя) имена идутъ отъ женщинъ — родоначальницъ, преданія Глазовскихъ вотяковъ о женщинахъ—родоначальницахъ и властительницахъ коровъ, роль матери и брата невесты въ свадебномъ обрядѣ: ей первой дарить деньги женихъ (135—140, 150). Въ связи съ былой ролью матери находится безъ сомнѣнія и жреческая роль старшихъ женщинъ у вотяковъ: старшая женщина въ XVIII в. у Уфимскихъ вотяковъ читала молитву и приносила жертву во время весенняго праздника богинѣ Кандык-Мумы; она-же благословляла брачующуюся пару (ib. 162).

У пермяковъ намеками на былой патриархатъ является роль брата въ свадебномъ обрядѣ (невеста благодаритъ брата, что онъ ее вспоилъ, скормилъ), сохранившееся въ языкѣ воспоминаніе о времени, когда зять поселялся въ домъ жены (зять обозначается тѣмъ же словомъ, что и пасынокъ; см. наши „Пермяки“, стран. 214—215).

Мы оставляемъ внѣ изслѣдованія Угорскую вѣтвь и Западно-финнскую, такъ какъ не имѣемъ относящагося къ вопросу матеріала: вогулы и остяки у насъ изучались главнымъ образомъ со стороны вѣрованій и внѣшняго быта, эсты и собственно финны, можно сказать, совершенно нетронуты русской этнографіей. Данныхъ, которыя мы привели, во всякомъ случаѣ достаточно для того, чтобы прочно поставить вопросъ о матриархатѣ, какъ ступени, чрезъ которую прошла общепермяцкая семья въ своемъ развитіи.

И. Смирновъ.

ПИЛИГРИМЪ

въ былинахъ и сказкахъ.

Въ русскихъ былинахъ, а отчасти и въ сказкахъ встрѣчается имя Пилигримъ, иногда какъ собственное, иногда какъ нарицательное; иногда въ неиспорченномъ видѣ, иногда искаженное, въ формахъ Пилигримище, Угрюмище, Бѣлогримище и т. п. Это имя связываютъ съ нѣмецкимъ *pilgerim* (А. Веселовскій, Калики переходя и богомилскіе странники. Вѣст. Евр., 1872, апрѣль, 721) и отождествляютъ съ словомъ пилигримъ, *pilgerim*; слѣдовательно, это какъ будто то-же, что наша „калика переходя“.

Дѣйствительно, чаще всего это лицо осмыслено въ видѣ благочестиваго странника, питающагося милостыней, но иногда этотъ смыслъ неясенъ. Напр., Пилигримище въ былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ очень мало напоминаетъ такого странника; кромѣ того, это имя иногда въ той же былинѣ искажается въ Угрюмище и, наконецъ, замѣняется Ониронищемъ. Въ сказкѣ, помѣщенной въ „Верхоянскомъ Сборникѣ“ (Иркутскъ, 1890), съ именемъ Пилигримъ не связано ничего, напоминающаго паломника. Что это за отклоненія отъ общаго типа? Есть ли это забвеніе первоначальнаго смысла, происшедшее въ памяти позднѣйшаго сказителя, или темный слѣдъ того, что нѣкогда на мѣстѣ пилигрима стояло нѣчто другое, что приняло настоящій обликъ только подъ позднѣйшими воздѣйствіями?

Предлагаемая статья, которая служитъ продолженіемъ статьи: „Восточныя параллели къ нѣкоторымъ русскимъ сказкамъ“, помѣщенной въ VIII кн. „Этн. Обзор.“, содержитъ въ себѣ сводъ мѣстъ въ русскихъ былинахъ и сказкахъ, въ которыхъ встрѣчается имя Пилигримъ и его версіи. Статья

не претендуетъ на полноту. Цѣль наша болѣе заключается въ томъ, чтобъ набросать только легкій очеркъ усмотрѣнныхъ нами отношеній между русскимъ и степнымъ (ордынскимъ) эпосами.

Эпизодъ, въ которомъ является старецъ Пилигримище въ былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ, въ вариантахъ ея излагается въ общихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ:

Буслаевъ спитъ въ то время, какъ его дружина бьется съ новгородцами и изнемогаетъ въ борьбѣ. Дѣвочка служаночка будитъ Буслаева. Онъ принимаетъ участіе въ битвѣ; тогда новгородскіе мужики призываютъ на помощь себѣ Пилигримище, крестнаго отца Буслаева (у *Гильфердинга*, стр. 215: старчище Ондровище; стр. 290: Перегримище; 593: Дядька, крестный батюшко; 722: старчище Андронищо; 1241: старчищо Урюмищо; у *Рыбникова*: старичище Пилигримище, I, 343, 349; старчище Пилигринище, ib., 356; у *Киртеевскаго*: старчище Игнатьище, II, в. 5, стр. 7, 13; старецъ Пилигримища, стр. 20.

Старецъ прикрылъ свою голову колоколомъ; «навалилъ онъ колоколъ да двѣнадцать пудъ, навалилъ онъ себѣ да на голову» (*Гильфердингъ*, 290); въ другомъ вариантѣ (ibid., 593) колоколъ сорванъ съ церковной колокольной; въ одномъ случаѣ это „Софчинъ колоколъ“ (ibid., 722)¹. Василій подноситъ старцу яичко и проситъ взглянуть, что на небѣ дѣется; старецъ опрокидывается и убивается.

Пошли то мужики да новгородчина,
Пошли къ старцищу, пошли къ Ондровищу,
И къ его оцищу таки крестному:
„Ай же ты старцище, ай же Ондровище!
И уйми-тко ты чадо милое, дитѣ любимое,
Еще мѡлода Василья да Буславьева,
И оставь-ко жужиковъ хотъ на сѣмена“.
И пошелъ старцище, пошелъ Ондровище,
И на главѣ-то несе колоколъ,

¹) Колоколъ и у Кир., II, в. 5, ст. 7 и 13; колоколъ въ 12 пудъ у Рыбн., I, 356; въ 300 пудъ, Кир., II, в. 5, стр. 20; въ 1000 пудъ, Рыбн., I, 343; копанъ въ 20 пудъ, Рыбн., I, 349.

Языкомъ подпирается.

Что Василій здогодается:

— Ай же ты старцище, ай же ты Ондронище,

Да мое ощищѣ таки крестное!

Не дано яичко ти христовское,

Вотъ теби яичко новъ петровское.

И ужъ ты взглянь-ко на небо,

Что на неби-то дѣется.

И взглянулъ старчище, взглянулъ Ондронище,

И уперъ старчища да подъ ясны очи,

И упалъ старцище да о сыру землю.

Только старцище да вѣдь ѣнъ живи бывалъ (Гильф. 217).

Въ другихъ вариантахъ Буслаевъ бьетъ по колоколу, разбиваетъ его, ¹⁾ потомъ бьетъ по головѣ старца и спихиваетъ его въ рѣку Волховъ или просто въ рѣку (Гильф., 290, 593).

Послѣ неудачнаго вмѣшательства старца, крестнаго отца, укрощать Буслаева приходитъ его мать. Она беретъ его за плечи сзади; Буслаевъ смиряется и хочетъ ѣхать въ Іерусалимъ каяться. Онъ проситъ мать:

Спусти меня молодца въ Еросолимъ-градъ,

Во святую святыню помолитися,

Ко Христову гробу приложитися,

Во Ерданъ-рѣку окупатися.

Сдѣлалъ я велико прегрѣшеніе,

Прибилъ много мужиковъ новгородскихъ (Гильф., 726).

По дорогѣ въ Еросолимъ-градъ Буслаевъ заѣзжаетъ на гору Сорочинскую или на Фаворъ-гору; тутъ находятъ кость: „кость суха глава“ (Гильф., 217), „пустая голова человѣческая“ (ib., 290), „кость сухоялова“ (ib., 722), „кость богатырская“ (Рыбн., I, 362), „пуста голова, человѣчья кость“ (Кир., II, в. 5, стр. 26). Буслаевъ пинаетъ кость, а она говорить: „пойдешь сюды да ты назадъ обратно бы, посмотри ты на меня на безчастну головушку“ (Гильф., 294).

На обратномъ пути изъ Еросолима Буслаевъ опять на той же горѣ Сорочинской, но уже не находятъ кости.

¹⁾ У Рыбн., I, 356: колоколь разбить надвое; у Кир., т. II, в. 5, стр. 7: колоколь разбить въ жеребья.

Гдѣ та голова тутъ лежала-то,
 вѣдь стала тутъ гора каменная (Гильф., 294).
 Гдѣ лежала кость сухоялова,
 Тутъ лежитъ на томъ мѣстѣ синь камень (Гильф., 727).
 И ничего-то на горы они да не нашли,
 Есть только лежитъ на горы бѣлый камешекъ (Гильф., 219).

Увидали, на горѣ лежитъ сѣрые горючіе камешекъ (ib 1187).
 Въ этомъ же послѣднемъ вариантѣ: «сѣръ угрюмый камешекъ». У Рыби., I, стр. 362: „бѣлъ и великъ камень“ съ надписью, кто перескочитъ, дойдетъ до „церкви соборнія“; у Кир., II, в. 5, стр. 26: высокій камень, но вмѣстѣ съ нимъ и голова.

Буслаевъ предлагаетъ своей дружинѣ скакать черезъ камень; всѣ перескакиваютъ благополучно, Буслаевъ же ушибается. Въ одномъ вариантѣ дружина скачетъ лицомъ впередъ, а Буслаевъ лицомъ назадъ (Гильф. 295, 1187), или дружина скачетъ поперекъ камня, а Буслаевъ повдоль (ibid., 220, 727).

Камень на Сорочинской горѣ конечно бѣлъ-горючъ камень Голубиной книги и заговоровъ. Буслаевъ убилъ Пилигримище, ѣдетъ каяться, но сердце его все еще недостаточно смирилось и похвальба силою продолжаетъ срывать у богатыря; на горѣ Сорочинской онъ встрѣчаетъ кость, а на обратномъ пути на этомъ мѣстѣ уже лежитъ камень, у котораго и происходитъ смерть Буслаева. На эту смерть можно смотрѣть какъ на кару за богатырскую гордость, за пинанье человѣческой кости, за похвальбу искусствомъ скакать; но можно понять дѣло и иначе: похвальба богатырская это только неосторожность, которая непосредственно ведетъ богатыря къ гибели, только эпическое средство, которое употреблено, чтобы подвести богатыря подъ смерть. Въ дѣйствительности же богатырь приговоренъ къ гибели за смерть Пилигримища. Не самъ ли Пилигримище отмщаетъ себя, принявъ видъ бѣла горюча камня? „Пуста голова человѣческая“—это можетъ быть голова самого Пилигримища. На обратномъ пути Буслаева въ большей части вариантовъ кости уже нѣтъ; какъ будто она превратилась въ гибельный для него камень. Онъ называется: бѣлый камешокъ, сѣръ угрюмый камень, сѣрый горючій камень. Между двумя формами: бѣлъ—горючій и сѣръ—

угрюмый можно легко вставить среднюю: бѣль—угрюмый. Не вняшены ли эти имена камня именемъ старца Пилигрима? Если въ этомъ камень дѣйствительно понимался преображенный Пилигримъ, то съ этимъ именемъ, значить, соединялось представление о предметѣ, находящемся на какой то значительной высотѣ (гора Сорочинская, гора Фаворъ).

Эпизодъ о Буслаевѣ, обманомъ заставляющемъ Ондришиче обронить колоколъ на землю, напоминаетъ монгольскій рассказъ о Талынъ-Хутулчи (Очерки с.-з. Монг. IV, 243). Талынъ-Хутулчи былъ большой лгунъ: Однажды его встрѣтилъ на дорогѣ человекъ, несшій котелъ на головѣ, и сказалъ ему: „Ну-ка, Талынъ-Хутулчи, соври мнѣ что-нибудь!“—„Не до тебя“, говоритъ Талынъ-Хутулчи: „все небо горитъ, а ты тутъ съ шутками“. Тотъ взянулъ на небо, уронилъ котелъ на землю и разбилъ его. Къ этому рассказу прибавлено рассказчикомъ поясненіе: „тотъ-же Талынъ-Хутулчи и былъ потомъ Балынъ Сенге ¹⁾“.

Пилигримище является также и въ былинѣ о Михаилѣ Потыкѣ и также рядомъ съ бѣль-горючимъ камнемъ. Марья Лебедь бѣлая, жена Михаила Потыка, обращаетъ своего мужа въ камень. Она даетъ ему выпить вина, и когда онъ, пьяный, падаетъ на землю, она бросаетъ его черезъ плечо. Потыкъ обращается въ горючій бѣлый камешекъ (Гильф., 59), бѣль или бвленькій горючій камешекъ (ibid. 276 и 763), бѣлый камешекъ (198). Два названныхъ брата, Илья Муромецъ и Добрыня Никитичъ, идутъ искать Потыка. Приходятъ къ бѣлому камню;

¹⁾ Подъ именемъ Балынъ-Сенге известны монголамъ герой многочисленныхъ рассказовъ въ родѣ нашихъ о хитромъ ворѣ. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ онъ называется Авдзынь-Хурумчи (Очерки, IV, 244) Въ монгольскихъ и тибетскихъ сказкахъ этого содержанія иногда встрѣчается тема привязыванія къ столбу. Обманутые братья привязываютъ обманщика къ столбу и уходятъ. Въ это время къ этому мѣсту подгоняетъ стадо горбатый человекъ. Обманщикъ утѣряетъ пастуха, что онъ привязанъ къ столбу для того, чтобы выправить спину. Пастуху вѣрится, что здѣсь выпрямляютъ горбатыя спины, и они мѣняются мѣстами и ролями. (ibid. 236). Тутъ совершается обманъ, подобный тому, какой въ классическомъ мифѣ Гераклъ продолжаетъ съ Атласомъ. По повѣрью сѣверо-восточной Азіи представление о столбѣ или колѣ соединяется съ Полярной звѣздой, которая на разныхъ языкахъ сѣверной Азіи называется желѣзнымъ коломъ или золотымъ коломъ (валынъ-хатысынъ по-монгольски).

тутъ къ нимъ присоединяется „калика было старая, и старая калика да сѣдтая, хотя сѣдтая калика, да ѣ плѣштая“, (Гильф., 60), „старая калика сѣдтая, сѣдтая да перехожая“ (200), „дѣдушко“ или „старичокъ“ (276), „старчище пилигри-мище“, „пилигримище“, „полигримище“ (ibid. 763, 764). Втроемъ доходятъ они до царя Политовскаго, къ которому убѣжала Марья Лебедь бѣлая, получаютъ отъ Марьи милос-тыню, возвращаются назадъ, и доходятъ опять до бѣль-го-рючаго камня. Тутъ третій товарищъ, незнакомецъ, поднимаетъ этотъ камень и бросаетъ его; камень разваливается и изъ него выходитъ Михайло Потыкъ. Въ одномъ вариантѣ (Гильф., 277) сама Марья говоритъ богатырямъ, гдѣ имъ искать По-тыка:

А вашъ то есте братецъ крестовый,
Лежить онъ у розстаноу у крестовскихъ,
А у того креста Леванидова,
А бѣлымъ горючимъ камешкомъ.

Въ вариантѣ былины о Потыкѣ, записанномъ Рыбниковымъ (IV, № 12, стр. 61—62), Леванидовъ крестъ на горѣ Соро-чинской-значить тамъ же, гдѣ и бѣль-горючъ камень былины о Буслаевѣ.

Другая былина рассказываетъ о Потыкѣ, какъ объ ата-манѣ сорока каликъ. Во многихъ вариантахъ атаманъ назы-вается, впрочемъ, иначе: Касьянъ Афанасьевичъ, Оома Ива-новичъ, Михайла Романовичъ и проч. Калики приходятъ на дворъ къ князю Владимиру и просятъ милостыню, подобно тому, какъ въ предыдущей былинѣ три калики просили милостыни у царя Политовскаго. Княгиня Апраксія (Гильф., 409; Апракса Королевична, 569; Абраксина, 875) приглашаетъ атамана на свою перину. Атаманъ отказывается, потому что у каликъ завѣтъ сурово наказывать того, кто увлечется жен-ской красотой. Княгиня подсовываетъ атаману чашу въ под-сумокъ. Сначала посылаютъ въ погоню за ушедшими кали-ками Алешу, но онъ не умѣлъ честно говорить съ ними и былъ ими прогнанъ; догоняетъ ихъ Добрыня, вѣжливо теведъ переговоры, калики обыскиваютъ себя и находятъ чашу у атамана; по каличьему завѣту ему отрубаютъ ноги и руки, выковыриваютъ глаза и закапываютъ въ землю. Но его ис-

цѣляетъ Микола Можайскій (вмѣсто Пилигримища, какъ въ предыдущей былинѣ) и велить построить церковь Миколѣ Можайскому.

Закапываніе въ землю за покражу (золотого прикола) мы имѣемъ въ легендѣ, связанной съ однимъ монгольскимъ обрядомъ въ Ордосѣ ¹⁾; одну изъ составныхъ частей этого обряда исполняетъ человѣкъ, которому засыпаютъ ступни ногъ пескомъ и заставляютъ его стоять неподвижно во все время совершенія обряда. Этотъ человѣкъ носитъ особое имя: алтынъ хатысынъ, т. е. золотой колъ; тѣмъ же именемъ называется и Полярная звѣзда. Легенда говоритъ, что у Чингисъ-хана былъ золотой приколъ; онъ былъ украденъ; воръ былъ пойманъ, и Чингисъ-ханъ приказалъ закопать вора по горло въ землю, чтобы онъ служилъ вмѣсто прикола. Съ той поры будто-бы ежегодно казнили такимъ образомъ одного изъ потомковъ этого вора, впоследствии же закапываніе по горло постепенно замѣнилось засыпаніемъ только ногъ.

Разсказы о Потыкѣ, заключенномъ въ камень, и о Потыкѣ, закопанномъ въ землю, протекаютъ настолько параллельно, что ихъ можно принять за разошедшіеся варианты. Въ обоихъ калики идутъ за милостыней; въ обоихъ есть женщина, являющаяся причиной гибели героя разсказа; въ обоихъ этотъ герой осужденъ на неподвижное положеніе: или заключенъ въ камень или зарытъ въ землю; въ обоихъ онъ освобожденъ отъ заключенія какимъ-то вѣщимъ или святымъ старцемъ (Пилигримомъ, Николой Можайскимъ); наконецъ, въ обоихъ герой называется Потыкомъ. Конечно, наименованіе каличьяго атамана Потыкомъ въ нѣкоторыхъ вариантахъ можно объяснить и произволомъ сказителя, который былъ увлеченъ къ тому параллельностью этихъ разсказовъ; будущее покажетъ, возможно-ли объясненіе и другимъ путемъ, прохожденіемъ этихъ отношеній изъ какихъ-то болѣе древнихъ общихъ представленій.

Мѣсто, гдѣ совершена казнь надъ каличьимъ аманомъ, не названо. Можно только сказать, что это было на дорогѣ

¹⁾ См. „Поминки по Чингисъ-ханѣ“, въ „Извѣстіяхъ И. Р. Г. Общ.“, т. XXI. 1885, вып. 4, стр. 303.

въ Еросолимъ, гдѣ нашелъ также свою смерть Ваилій, Буслаевъ; можетъ быть, мысль былинослагателя при описаніи этого эпизода кружилась около Сорочинской горы и т. п., хотя онъ эти былинныя мѣстности въ былинѣ и не упомянулъ. Калики идутъ въ Еросолимъ каяться въ грѣхахъ такъ-же какъ и Буслаевъ. Они идутъ:

.....ко гробу Господнему да помолитися,
И ко честнымъ мощамъ да причаститися,
И во Ердань-рѣки да покупатися,
И во плакунъ-травы да покатаются. (Гильф., 875).

Совершаютъ они этотъ подвигъ, чтобы замолить свои грѣхи. Атаманъ, уговаривая ихъ итти въ Еросолимъ, говоритъ:

Ай же вы какъ сильнія могучія вы богатыри!
А предъ Богомъ согрѣшили вы тяжело вѣдь,
Вѣдь убили многихъ буйныхъ головушекъ понапрасно
А пролили вѣдь крови да горючіей. [вѣдь,
Ай согласны-ли вы что да я вамъ скажу:
Ай не лучше ли забросить.....

.....ѣздить намъ да по чисту полю,
Ай какъ намъ сходить-то ко граду къ Еросолиму,
Ко святой святыни Богу помолитися,
А во Ердань-рѣки окупътиса,
Въ своихъ грѣхахъ да намъ прощатиса? (Гильф., 410).

Тѣ же эпическія фразы говорить и Буслаевъ, обращаясь къ матери, какъ мы видѣли выше:

Спусти меня молодца въ Еросолимъ-градъ
Во святую святыню помолитися, и пр.

Сходство, съ какимъ были разработаны былины о Буслаевѣ, Потыкѣ—мужѣ Марьи Лебеди бѣлой и Потыкѣ—каличемъ атаманъ, даетъ поводъ догадываться, что въ основѣ всѣхъ ихъ трехъ лежитъ какое-то одно представленіе.

Въ приведенныхъ отрывкахъ и отдѣльныхъ выраженіяхъ форма „пилигримъ“ замѣняется иногда формой „калика“. Остановимся на одной эпической чертѣ, связанной съ этимъ именемъ. Богатырь, если онъ желаетъ быть не узнаваемымъ, пріѣхавши къ царскому двору, въ сказкахъ обращается въ шелудиваго заморыша, въ былинахъ переодѣвается каликой, въ нѣкоторыхъ же книжныхъ сказкахъ—пилигримомъ. Такъ,

напр., богатыри, идущіе искать Потыка, одѣваются каликами. Въ былинѣ о семи богатыряхъ они также переодѣваются каликами.

Въ сказкахъ южно-русскихъ тюрковъ богатырь, принимая хилый видъ, перемѣняетъ свое имя на имя Тасъ-таракай (*Radloff*, *Prob.*, I, 44; *Оч. с.-з. Монг.*, IV, 372). Въ своей статьѣ о Гэсэрѣ (*Вѣстн. Евр.*, 1890, сент.) я свелъ съ этимъ именемъ форму „тарханъ“, которая встрѣчается въ сказаніи о Гэсэрѣ (понятая въ значеніи „кузнецъ“). Тарханами или тархатами (*тархатъ* множ. число отъ *тарханъ*) называются, между прочимъ, члены одного сословія въ Ордосѣ. Это родъ наследственнаго религіознаго ордена. Тархаты состоятъ хранителями монгольской святыни Еджень-хоро, т. е. войлочной юрты, въ которой хранятся останки Чингисъ-хана. Они иногда ѣздятъ по ставкамъ монгольскихъ князей за сборомъ милостыни.

Тасъ-таракай въ одномъ случаѣ является въ связи съ слѣдующимъ сюжетомъ. Богатырь подъ видомъ Тасъ-таракай сопровождаетъ Ай-Кана, идущаго войной противъ Кюнъ-Кана. Приходятъ къ морю, черезъ которое нѣтъ переправы. Тасъ-таракай переносится черезъ море, подслушиваетъ разговоръ Кюнъ-Кана съ его женою и возвращается назадъ. Изъ разговора Тасъ-таракай узналъ, во что обратятся царь и царица, ихъ народъ и скотъ, если Ай-Канъ нападетъ на нихъ. У Гильфердинга есть былина о Каликѣ-богатырѣ, записанная въ двухъ варіантахъ (№ 101 и 207). Калика идетъ къ Пучай-рѣкѣ, видитъ войско, перелетаетъ черезъ рѣку; во главѣ войска сорокъ царей, сорокъ царевичей, а въ срединѣ ихъ турка. Калика допрашиваетъ турку о намѣреніяхъ войска, потомъ возвращается въ Кіевъ и оповѣщаетъ о чужеземномъ войскѣ. Богатыри ѣдутъ противъ войска. Слѣдуетъ битва; на одномъ крылѣ бьется Илья, на другомъ Добрыня, Калика въ срединѣ. Общая черта у этой русской быliny съ алтайской: прежде чѣмъ началась битва, богатырь переносится черезъ рѣку или море во вражескій станъ и въ одномъ случаѣ ведетъ съ предводителемъ враговъ разговоръ, въ другомъ подслушиваетъ его рѣчи; къ этой чертѣ присоединяется другая: въ одномъ случаѣ это богатырь, принявшій видъ Тасъ-таракай; въ другомъ, онъ называется Калика-богатырь, а видъ калики бога-

тыри принимаютъ, когда хотять скрыть свою богатырскую натуру, что въ тюркскихъ сказкахъ дѣлается посредствомъ обращенія въ тась-тарака.

Сорокъ царей, сорокъ царевичей, сорокъ королей, сорокъ королевичей наѣзжаютъ на Кіевъ и по былинѣ о Потыкѣ; они требуютъ выдачи Марьи Лебеди бѣлой. Потыкъ переодевается въ женское платье, отправляется въ иностранный станъ и побиваетъ враговъ.

Накрутился Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Русскою красавицей

Марьей Лебедь бѣлой, Подаленкой да королевичной
(Гильф., 196).

„Накрутился“ можетъ быть болѣе, чѣмъ „перодевался“. Алтайская сказка объ Оле-Олекчинѣ (Зап. Вост.—Сиб. Отд. И. Р. Геог. Общ. по Этнографіи, т. I, в. 1, стр. 140) представляетъ варіантъ Радловской былины о Тэктэбей (Тась-таракаѣ); Оле-Олекчинъ—дѣвица, переодевая мужчиной.

Былина о Буслаевѣ представляетъ нѣкоторыя параллели съ былинной о Добрынѣ. Буслаевъ ѣдетъ на Сорочинскую гору; Добрыня также ѣдетъ на Сорочинскую гору (Кир., в. 2, стр. 23; Рыбн., I, 120; Гильф., 471, 560, 744). Буслаевъ перевозжаетъ черезъ Сорочинскую гору, встрѣчаетъ человѣческую голову (у Аван., Нар. русск. ск., 1858, в. I, стр. 52: „морскую пучину, вокругъ глаза“), вмѣсто которой на обратномъ пути онъ находитъ камень; дружина скачетъ черезъ камень; Буслаевъ тоже скачетъ, но по-особому: или вдоль камня вмѣсто того, чтобы скакать поперекъ, или лицомъ назадъ; очевидно, онъ хотѣлъ похвастаться передъ дружиной своей силой, но онъ гибнетъ жертвой своей похвальбы. Добрыня перевозжаетъ черезъ Пучай-рѣку (Сморозину), сравниваетъ ее съ лужею, и гибнетъ отъ своего хвастовства: когда ему пришлось во второй разъ перевозжать рѣку, онъ тонетъ въ ней. Дѣвушка-чернавушка предупреждаетъ Буслаева не купаться въ Ердани нагимъ тѣломъ.

Нагимъ тѣломъ въ Ердань-рѣки не купются....

А кто куплется, тотъ живъ не бываетъ (Гильф., 722).

То-же предупрежденіе дѣлаютъ и Добрыня:

Не куплись ты во матушкѣ Пучай—рѣки (Гильф., 29).
Дѣвицы бѣломойницы говорятъ Добрынѣ:

У насъ не купятся во Пучай-рѣки нагимъ тѣломъ.

У насъ купятся во Пучай-рѣки во рубашечкахъ.

(Гильф., 560).

„Протомойки“, полоскавшія бѣлье на Почаевой рѣкѣ, говорятъ Добрыня:

Не купи-тко ты своего тѣла нагаго

И во этой во рѣченкѣ во Почаевой,

Тѣла нагаго, богатырскаго,

Да купи-тко ты во рубашечкѣ полотняной (Гильф., 665).

Не можетъ-ли это запрещеніе входить въ рѣку нагимъ тѣломъ поддерживать объясненіе, которое А. Н. Веселовскій даетъ одному темному мѣсту въ Греческой повѣсти Армури (Южно-русскія быliny, III—XI, стр. 5). Армури подѣзжаетъ къ р. Евфрату и ищетъ переѣзда; какой то Саракинъ глумится надъ нимъ: „Саракины на своихъ коняхъ не могутъ черезъ Евфратъ переѣхать, а ты хочешь на своей вляченкѣ“. Разозлился молодецъ, хочетъ переѣхать рѣку, а она-то разлилась, заходила тяжелыми волнами. Ангельскій голосъ вѣщаетъ ему съ высоты: „Воткни свое копье въ корень финиковаго дерева, вложи одежду свою въ тотъ илъ, что впереди, бодни вороного своего, чтобы переѣхать на ту сторону“. „Наставленіе нѣсколько загадочное, либо переводъ слишкомъ подстрочный“, замѣчаетъ г. Веселовскій и передѣлываетъ текстъ такъ: Ангелъ говоритъ: прищпорь коня, переѣзжай какъ есть, въ одеждѣ, черезъ рѣку, что передъ тобою, метни копьемъ въ финиковое дерево (по ту сторону рѣки). Армури перебирается за Евфратъ и, давъ „одеждѣ своей высохнуть“, наѣхалъ на Саракина. Кромѣ этого намека на запрещеніе входить въ рѣку безъ одежды, этотъ эпизодъ и еще одной чертой сближается съ былинной о Добрынь. Армури спѣшивается, чтобы освѣжиться послѣ битвы, послѣдовавшей вслѣдъ за переправой, а въ это время Саракинъ уводитъ его вороного и уноситъ палицу.

О Добрынь разсказывается слѣдующее. Онъ купался въ Пучай-рѣкѣ. Въ это время слуга угналъ его лошадь, увезъ лукъ, саблю, копье, палицу, оставилъ только шляпу земли греческой. (Не потому ли и запрещалось купаться нагимъ тѣломъ, что предвидѣлось лишеніе коня, оружія и платья?)

Послѣ этого бой со змѣей. Дочь царская унесена змѣей во „Туги горы“. Тамъ она въ пещерахъ была „раскована“,—по объясненію пѣвца „прикована къ стѣнѣ руками врозь“. Добрыня убиваетъ змѣю и освобождаетъ дѣвицу (Гильф., 315—320). Въ другомъ вариантѣ (Гильф., 340) покража коня и оружія у Добрыни приписана Потоку Михайлу Ивановичу; дѣло происходитъ также на Пучай-рѣкѣ.

Г. Веселовскій сближаетъ Армури съ Сауромъ русской былины; сюжетъ послѣдней—бой отца съ сыномъ; конца греческой поэмы не дошло до насъ, но онъ предполагается въ томъ же родѣ. Если мы теперь отъ Саура и Армури возвратимся къ Добрынѣ, а потомъ къ Буслаеву, то можемъ и въ былинѣ о послѣднемъ искать темы боя отца съ сыномъ. Не будетъ ли это эпизодъ съ Пилигримищемъ или Ондрицищемъ. Исходъ боя другой; въ былинѣ о Саурѣ—онъ благополучный; въ новгородской былинѣ сынъ убиваетъ отца.

Религіозный оттѣнокъ, которымъ запечатлѣны три разсмотрѣнныя былины о Буслаевѣ и Потыкѣ, выдѣляетъ ихъ изъ остального русскаго эпоса; ихъ объединяетъ или идея о покаяніи, или введеніе въ сюжетъ фигуры переходящихъ каликъ, идущихъ за полученіемъ милостыни. Теперь эти былины, кажется, не входятъ въ репертуаръ каликъ, но въ старое время едва-ли онѣ не принадлежали къ числу распѣваемыхъ ими пѣсень. Въ этихъ былинахъ затрогиваются такъ сказать каличьи темы, иногда былина превращается въ эпизодъ изъ каличьей жизни; благочестивое намѣреніе, руководившее былинослагателемъ, такъ ясно выступаетъ, что едва ли будетъ слишкомъ смѣлымъ предположеніе, если не о зарожденіи этихъ былинъ въ каличьей средѣ, то по крайней мѣрѣ о томъ, что онѣ пѣлись нѣкогда каликами на ряду съ повѣстью о Варлаамѣ и царевичѣ Іоасафѣ. Впослѣдствіи, когда вкусы христіанской толпы измѣнились, и эпическіе приемы былинъ оказались не соотвѣтствующими благочестивому настроенію новыхъ каликъ, они исключили ихъ изъ своего репертуара и остались при одной повѣсти о Варлаамѣ и царевичѣ Іоасафѣ, болѣе подходящей къ позднѣйшимъ вкусамъ.

Занимающія насъ былины проникнуты общимъ духомъ съ этой повѣстью, какъ будто онѣ зародились на той же бла-

гочестивой почвѣ, какъ и повѣсть. Фабула у нихъ разная, но руководящая идея одна и та же: покаяніе въ грѣхахъ и отреченіе во имя благочестія отъ прежней бурной, бранной, богатырской жизни или отъ жизни, полной удовольствій и общающей въ будущемъ славу. На самомъ построеніи былинъ и повѣсти это отразилось тѣмъ, что концы ихъ одинаковы; и въ былинахъ и въ повѣсти герой кончаетъ обреченіемъ себя на религиозный подвигъ; въ былинахъ—это путешествіе съ цѣлью покаянія и вступленіе въ ряды каликъ, въ повѣсти—вступленіе въ ряды отшельниковъ. И тамъ и тутъ коренная перемѣна образа жизни, вступленіе на совершенно иной путь; эта перемѣна жизненнаго пути въ обоихъ случаяхъ реализирована сходной мелкой подробностью, хотя можетъ быть и безъ органической связи съ темой. Въ повѣсти отшельникъ Варлаамъ приноситъ царевичу Іоасафу продавать драгоценный камень. Ему нѣтъ подобнаго: онъ даруетъ свѣтъ мудрости ослѣпленному въ сердцѣ своемъ, разрѣшаетъ уши глухимъ и языкъ нѣмымъ, даетъ здоровье больному, наставляетъ неразумнаго и прогоняетъ злыхъ духовъ (А. Н. Веселовскій, *Калики переходящіе и богомильскіе странники* "Вѣстн. Евр.", апр., 1872, 699).

Въ былинахъ калики обыкновенно

Въ день они идутъ по красному по солнышку,

Ночь идутъ по камешку Антавенту (Гильф., 570, Рыбн.,

II, 89).

Какой-то самосвѣтный камень служить имъ путеводною звѣздой на ихъ пути въ духовному перерожденію ¹⁾.

Въ повѣсти противоположеніе въ жизни героя до и послѣ отреченія выражено чертами менѣе рѣзкими; царевичъ ведетъ жизнь не бурную, проходящую въ пирахъ и битвахъ; онъ живетъ только въ довольствѣ, окруженный женами; дни его проходятъ мирно. Но это можетъ быть только другая версія, возникающая въ монастырскихъ стѣнахъ. Повѣсть могла рассказываться иначе, по другому плану, въ родѣ напр., легенды о царѣ Асогѣ.

¹⁾ Если объяснять памятники народнаго творчества бытовыми мотивами, то подъ антавентомъ нужно разумѣть Полярную звѣзду. Всѣ караваны Средней Азіи днемъ ориентировались по солнцу, ночью по Полярной звѣздѣ.

Жизнь Асоки дѣлится на два періода; въ первомъ онъ ведетъ себя какъ нечестивый царь, и за это время онъ называется Чанда-Асока; потомъ его нравъ укрощается подъ вліяніемъ Яшасъ; Асока предается благотѣльной дѣятельности, строить чортѣны (ступы), покровительствуетъ монахамъ и имя его измѣняется на Дарма-Асоку. Планъ легенды тотъ же,—конечно, только въ самыхъ общихъ чертахъ; разработка частности другая.

Содержаніе повѣсти извѣстно. Это исторія царевича Сиддарты или Будды, въ которую введенъ эпизодъ объ отшельникѣ, проповѣдующемъ вѣру. Астрологи предсказываютъ новорожденному царевичу Іоасафу необыкновенное величіе, но не земное, а величіе вѣчной жизни. Отецъ царевича огорченъ этимъ. Онъ велѣлъ отдѣлить для царевича городъ и тамъ поселилъ его, приказавъ довѣреннымъ лицамъ охранять его и не допускать, чтобы онъ услышалъ слова смерти, горе, болѣзни и др. Слѣдуютъ четыре встрѣчи, которыя знакомятъ царевича съ печальной стороной человѣческой жизни и готовятъ его къ уразумѣнію истинной вѣры. Тогда является къ нему отшельникъ Варлаамъ подъ видомъ купца, который продаетъ драгоценный камень. Варлаамъ рассказываетъ царевичу рядъ назидательныхъ притчъ. Въ персидскомъ изводѣ, который недавно открытъ г. Ольденбургомъ въ Лондонѣ и о которомъ онъ далъ отчетъ въ Записк. Вост. Отд. И. Р. Археолог. Общ. т. IV, в. III и IV, стр. 229, послѣдняя притча отшельника, который здѣсь называется B-l-v-h-g (Baluhar), есть рассказъ о царскомъ сынѣ, покинувшемъ отцовскій домъ и сдѣлавшемся проповѣдникомъ истинной вѣры. „Притча эта“, говоритъ Г. Ольденбургъ, „повторяетъ легенду о Буддѣ и съ многими подробностями, болѣе близкими къ буддійскимъ памятникамъ, чѣмъ исторія самаго Іоасафа“.

Введеніемъ этой притчи персидскій компиляторъ заставилъ отшельника рассказывать царевичу Іоасафу сюжетъ, который есть исторія самого царевича. Въ числѣ притчъ рассказанныхъ B-l-v-h-g'омъ, есть одна о царѣ, который первую половину жизни прожилъ въ беззаконіи, а вторую въ благочестіи. Не особая ли и это версія о томъ же Іоасафѣ, представляющая такое же повтореніе, какъ и предыдущая?

F. Hommel (*Zur Buddhalegende in Vorderasien und dem christlichen Abendlande*. Kreuznach, 1890, стр. 166) принимает эту притчу за новую вариацию старой темы, уже послужившей для изображенія исторіи Будды. Содержаніе притчи слѣдующее: Царь сначала, до 32 лѣтъ, ведетъ себя нечестиво, потомъ, однажды, онъ велитъ устроить роскошный пиръ, чтобы полюбоваться на богатство своего народа. Посмотрѣвъ на толпу, онъ сказалъ: „Я видѣлъ красоту своего народа, посмотрю теперь на свою красоту“, и велѣлъ принести себѣ зеркало. Смотривъ въ зеркало, онъ замѣтилъ въ своей бородѣ сѣдые волосы; это убѣждаетъ его въ суетности этого міра и производитъ въ немъ внутреннее преобразование. Онъ хочетъ сдѣлаться отшельникомъ, но его убѣждаютъ остаться на престолѣ; онъ правитъ за тѣмъ благочестиво еще 32 года и царство его благоденствуетъ.

Для исторіи Асоки мы воспользуемся преданіями, которыя сообщаются отчасти у Раджендралалы Митры (*Rajendralāla Mitra, Indo-Aryans. Contributions towards the elucidation of their ancient and medieval history*, Calcutta, 1881, vol. II, стр. 407—415), отчасти у Даранаты (В. Васильевъ, Буддизмъ, III). Раджендралала Митра заимствуетъ свои извѣстія изъ книги *Aśoka-avadāna*. Книга начинается генеалогіей Асоки: переименовываются предки Асоки, въ началѣ которыхъ стоитъ Бимбисара, царь Раджагрихи; во второмъ поколѣніи потомкомъ этого царя былъ Vindusāra, отецъ Асоки, царь Паталипутры. Когда Виндусара уже имѣлъ одного сына Susīma, одинъ брахманъ изъ Champārūpi представилъ Виндусарѣ свою дочь по имени Subhadrāngī. Она была необыкновенно красива, и такъ какъ предсказатели сказали, что она будетъ женою великаго царя и матерью великаго монарха, то отецъ и привелъ ее къ царю, дабы исполнилось предсказаніе. Но дѣвица, вслѣдствіе зависти принцессы, была сдѣлана только служанкой. Между другими низкими занятіями ей было приказано научиться брить; ей сказали, что будто чрезъ это искусство она угодитъ царю. Когда она выучилась, принцесса послала ее къ царю *). Дебютъ ее былъ

*) Вероятно тѣ, которыя посылались брить царя, кончали неблагополучно, иначе враждебное отношеніе принцессы къ Субадранги не выдержано легендой.

такъ удаченъ, что царь предложилъ ей просить у него милости, какой она хочетъ. Она попросила, чтобъ онъ на ней женился, онъ отказался, такъ какъ она была изъ низкой касты брадобрѣевъ. Тогда она объяснила, что она брадобрѣйкой сдѣлалась по требованію принцессы, что она дочь брахмана и была представлена во дворецъ для того, чтобы сдѣлаться женой царя. Тогда царь сдѣлалъ ее главной царицей, и первое дитя ея былъ Асока. Онъ былъ некрасивъ и за то не пользовался любовью отца. Нравъ его былъ слишкомъ крутой, за что онъ и получилъ прозвище: Чанда—Асока, „Асока жестокий“. Съ возрастомъ Асока не укротился, и чтобы отдѣлаться отъ него, его послали усмирять мятежи въ Такшасилъ. Но здѣсь ему помогли небесныя силы, и мятежъ былъ усмирень. Онъ былъ снова призванъ къ Паталипутру; въ это время умираетъ его отецъ; за отсутствіемъ старшаго брата *Susâma*, Асоку садятъ на престолъ; Сусима возстаетъ противъ своего младшаго брата, но Асока одерживаетъ верхъ; чтобы предупредить народъ отъ возстаній на будущее время, онъ приказалъ министрамъ отрѣзать вершины всѣхъ деревьевъ въ царскомъ саду съ ихъ цвѣтами и плодами; министры колебались; тогда онъ отрубилъ имъ саями головы и, возвратившись въ садъ съ дворцовыми дамами, предался безграничному веселію.

Купецъ *Sârthavâha* отправился за море съ товарищами; при немъ находился его сынъ *Samudra*. Послѣ двѣнадцати лѣтнихъ странствій они попали въ руки разбойниковъ; спасся только одинъ Самудра и велъ жизнь буддійскаго нищаго. Однажды Самудра подошелъ къ дому *Chandagirika*, „жестокаго горца“, чтобы попросить милостыню. Чандагирика напалъ на него, но убить не могъ. Когда онъ разсказалъ Асоку, царь самъ пришелъ посмотрѣть на чуждаго нищаго и, выслушавъ отъ него его исторію, отрубилъ голову Чандагирика. Это чудо подѣйствовало на умъ Асоки и онъ обратился къ буддизму. По совѣту *Uasâs'a*, онъ построилъ *чайтія* въ саду *Kukkuta* и положилъ въ ней нѣкоторыя останки Будды. Онъ воздвигъ также *чайтія* и другія религіозныя зданія въ Рачаграмъ, и въ странѣ *Nâga*; покоривъ Такшасилу, онъ приказалъ построить 3,510,000,000 ступъ. Якши (духи), по

его приказанію, построили десять милліоновъ ступъ на берегахъ океана. За эти услуги народъ переименовалъ его изъ Чанда-Асоки въ Дарма-Асоку, въ „Асоку добраго“.

Это преданіе мы дополнимъ изъ сочиненія Даранаты. Когда Асока усмирилъ мятежниковъ, отецъ, довольный его успѣхомъ, спросилъ, чего онъ желаетъ. Асока попросилъ отдѣлить его, такъ какъ его притѣсняють (братья?). Царь отдѣлилъ его, давъ ему 500 слугъ. Асока построилъ городъ, развелъ сады и окружилъ себя женщинами. Потомъ онъ былъ избранъ царемъ помимо шести старшихъ братьевъ отъ другой матери. Шестъ братьевъ остались поэтому случаю въ завоеванныхъ ими шести городахъ и не вернулись на родину, гдѣ царствовалъ ихъ младшій братъ. Асока убилъ шесть своихъ братьевъ и овладѣлъ ихъ удѣлами. Ставъ царемъ, Асока воздвигаетъ гоненіе на буддистовъ, почему его называли Чанда-Асока (свирѣпый Асока). По другому преданію, онъ просто воздвигъ гоненіе на людей. Онъ поставилъ себѣ цѣлю перебить десять тысячъ человѣкъ въ честь бога Ума. Но арья Яшасъ укрощаетъ его.

Въ этихъ сказаніяхъ объ Асокѣ и его предкахъ наше вниманіе между прочимъ останавливается на эпизодѣ о второй женитбѣ царя Вивдусары. Дѣвица Субадранги, приведенная во дворецъ съ цѣлю сдѣлать ее женою царя и, по зависти другой женщины, обреченная на низкую роль служанки, напоминаетъ судьбу царевны Самантабадри въ сказкѣ объ Эрдені-Хараликѣ, рассказанной нами въ нашей статьѣ: «Восточныя параллели къ нѣкоторымъ русскимъ сказкамъ» (Этнограф. Обзор. кн. VIII), а дальнѣйшее теченіе разсказа, гдѣ Субадранги является брадобрѣйкой, имѣетъ сходство съ сказками о царѣ съ ослиными ушами и съ тибетскимъ сказаніемъ о царѣ Ландармѣ, царѣ съ бычьими рогами. Въ этихъ монгольскихъ и тибетскихъ сказаніяхъ укрощеніе свирѣпаго царя (съ ослиными ушами или съ бычьими рогами) приписывается брадобрѣю, въ монгольскихъ юношѣ, въ тибетскихъ дѣвицѣ. Слово „укрощеніе“, впрочемъ, я употребилъ неправильно; слѣдовало бы сказать „обличеніе“ дикой, нечеловѣческой, демонической природы царя, потому что герой сказки только раскрываетъ тайну „свирѣпаго царя“.

Въ монгольскихъ разсказахъ раскрытый царь оставляетъ престолъ и убѣгаетъ въ какую-то даль. Въ тибетскомъ находится челоуѣкъ (по имени Балъ-Дорчжи), который убиваетъ свирѣпаго царя. Эпизодъ объ Субадранги придаетъ преданію о Виндусарѣ видъ сказанія о свирѣпомъ царѣ, укрощенномъ или обличенномъ брадобрѣемъ или брадобрѣйкой. Браминъ отецъ дѣвицы Субадранги, когда велъ ее во дворецъ, уже руководился, по нашему мнѣнію, тайнымъ намѣреніемъ посредствомъ этого брака укротить свирѣпость царя.

Такъ какъ преданія объ Асокѣ и Виндусарѣ, повѣсть о Варлаамѣ и царевичѣ Іоасафѣ, и притча, рассказанная B-l-h-v-g'омъ о царѣ, который половину жизни провелъ въ беззаконіяхъ, а другую благочестиво, всѣ одинаково только версіи одной темы, то несомнѣнно они въ памяти рассказчиковъ должны были сталкиваться и вліять другъ на друга; части одного разсказа могли вноситься въ другой и даже въ одинъ варіантъ могъ вступать цѣликомъ укороченный или упрощенный другой варіантъ, какъ вставочный эпизодъ. Не удастся ли объяснить появленіе въ повѣсти фигуры Варлаама вліяніемъ версій преданія объ Асокѣ? Іоасафъ былъ понятъ, какъ Асока; Варлаамъ заступилъ мѣсто арьи Яшасъ, который укротилъ Асоку, или брамана, отца дѣвицы Субадранги (предполагая въ Виндусарѣ свирѣпаго царя).

Вслѣдъ за разсказомъ объ Асокѣ и въ Асока яваданѣ, и у Даранаты идетъ разсказъ о его сынѣ Куналѣ. Въ Асока-яваданѣ, какъ передаетъ его Раджендрала Митри, начало исторіи Куналы какъ будто повторяетъ исторію его отца Асоки. Онъ также оказался неудобнымъ при дворѣ отца, и дворцовая интрига старается удалить его отъ престола; его посылаютъ усмирять мятежъ въ странѣ Такшасила; Кунала исполняетъ порученіе своего отца съ такимъ же успѣхомъ, какъ нѣкогда самъ Асока. Въ это время царь увидѣлъ во свѣѣ, будто у принца лицо стало блѣдное и угрюмое; астрологи объяснили ему, что это предсказываетъ либо потерю жизни, либо отреченіе отъ міра и вступленіе въ отшельническую жизнь, либо потерю зрѣнія. Царь былъ огорченъ этимъ и пересталъ усердно заниматься дѣлами правленія. Одна изъ царицъ, по имени Tiṣyarakshitā, мачиха Куналы.

увидѣла въ этомъ прекрасный случай для своего возвышенія и захватила въ свои руки заботы объ управленіи. Она отправила письмо къ Кунджакагна'ѣ, предводителю усмирённыхъ Куналой мятежниковъ, въ которомъ заключался приказъ лишить принца зрѣнія. Кунджаракарна колебался исполнить приказаніе, но царевичъ узналъ о существованіи царскаго повелѣнія и потребовалъ его исполненія. Юноша былъ ослѣпленъ, надѣлъ на себя платье нищаго и тайно вышелъ изъ Такшасилы. Страствуя, онъ пришелъ въ Паталипутру; однажды ночью онъ укрылся въ стойлѣ царскихъ слоновъ и въ полночь развлекался игрой на флейтѣ. Царь изъ своихъ покоевъ слышалъ звуки и былъ очарованъ ими. Утромъ онъ призвалъ артиста и узналъ въ немъ своего сына. Послѣдовали разъясненія; царь въ припадкѣ гнѣва схватилъ мечъ, чтобы обезглавить коварную царицу, но юноша остановилъ его именемъ Будды и укротилъ его гнѣвъ. Этотъ подвигъ милосердія къ врагу имѣлъ послѣдствіемъ возвращеніе зрѣнія у царевича *).

Въ другихъ версіяхъ жена Асоки, по имени Тишьяракшита, преслѣдуетъ Куналу за то же, за что осердилась княгиня Апракса на атамана сорока каликъ. См. E. Burnouf, *Introduction à l'histoire du budhisme indien*. Paris. 1844, p. 405. Однажды Tishyarakshitâ, первая изъ женъ Асоки, застала Куналу одного, была поражена его красотой и стала говорить ему: „A la vue de ton regard ravissant, de ton beau corps et de tes yeux charmants, tout mon corps brûle comme la paille desséchée que consume l'incendie d'une forêt“. Послѣ того, какъ Кунала отказался отъ любви, она стала думать только о томъ, какъ бы его погубить. Асока заболѣлъ; Тишьяракшитѣ удалось его вылѣчить; въ награду за это она выпрашиваетъ себѣ позволеніе править государствомъ вмѣсто царя въ теченіе семи дней. Въ это время она отдаётъ приказаніе ослѣпить царевича. Ср. также у Даранаты, стр. 51.

Въ трехъ легендахъ о Виндусарѣ, Асокѣ и Куналѣ мы найдемъ не одну тему изъ тибетскаго сказанія о царяхъ Сронцзая-Гамбо и Ландармѣ. За неимѣніемъ здѣсь мѣста

*) Rajendralâla Mitra, *Indo-aryans*. Calcutta, 1881, стр. 415.

связно разсказать тибетское сказаніе, мы ограничимся однимъ перечнемъ нужныхъ намъ темъ.

Вельможа Гвардамбо приводитъ въ жены для тибетскаго царя китайскую принцессу, которая вѣрующими считается за воплощеніе богини *) Ногонъ-дара-эка. Но Гвардамбо заподозрѣвъ въ томъ, что онъ хотѣлъ обмануть царя и присвоить невѣсту (для своего сына); за это онъ ослѣпленъ и сосланъ въ страну Амдо. Черезъ нѣсколько поколѣній послѣ Сронцзанъ-Гамбо родился свирѣпый царь Ландарма, къ которому привязана тема о царѣ съ ослиными ушами. Тайну о его нечеловѣческой природѣ открываетъ дѣвушка, которую посылають брить рогатаго царя. Народъ убѣдился, что на престолѣ сидитъ лже-царь; теперь нужно только, чтобъ нашлся смѣльчакъ, который взялся бы убить злого царя. Балъ-Доржи (Салунъ-Дорчжи) убиваетъ царя.

Это сказаніе представляетъ какъ будто перестановку эпизодовъ исторіи Асоки; въ послѣдней злой царь предшествуетъ доброму; въ тибетскомъ сказаніи сначала добрый царь (Сронцзанъ-Гамбо), потомъ злой (Ландарма), при чемъ единичность исчезла; здѣсь явилось два отдѣльныхъ царя, одинъ добрый, другой злой. Эпизодъ Субадранги, дочери Брахмана, мы уже сопоставили съ дѣвицей, которая была послана брить Ландарму. Часть этого эпизода, какъ будто отошла въ первую половину тибетскаго сказанія. Вельможа Гвардамбо доставляетъ жену тибетскому царю; брахманъ приводитъ свою дочь въ жены царю Виндусаръ. Съ именемъ Сронцзанъ-Гамбо мотива укрощенія не связано, но вѣяніе его слышно; легенда о китайской принцессѣ есть легенда о введеніи буддизма въ Тибетъ, т. е. о замѣнѣ старой вѣры ученіемъ о милосердіи. Китайская принцесса привезла съ собой въ Тибетъ первыя статуи боговъ и первыя буддійскія книги. Тоже самое приписывается и другой женѣ Сронцзанъ-Гамбо, непальской царевнѣ; которая извѣстна монголамъ подъ именемъ Цаганъ-дара-эка. Съ именемъ этой послѣдней, какъ увидимъ ниже (въ слѣдующей статьѣ), связывается въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ тема объ укрощеніи свирѣпаго царя.

*) Употребляемъ терминъ „богиня“ за неумѣніемъ обойтись безъ него.

Въ предыдущей нашей статьѣ (Этногр. Обзор., кн. VIII) мы говорили объ отношеніи изображеній Цаганъ-дара-эка къ Гуань-инъ-пустъ, которая считается воплощеніемъ Арья-Бало. Принимая преданіе о Виидусарѣ за смягченный рассказъ о свирѣпомъ царѣ, укрощенномъ дѣвицей, пришедшей его бить, мы готовы увидѣть въ этой брахманской дочери или въ ея отцѣ брахманѣ бодисатву Арья-Бало. Если предположеніе о томъ, что эпизодъ о Варлаамѣ въ повѣсти о царевичѣ Іоасафѣ заимствованъ изъ сказаній объ укрощенномъ зломъ царѣ, окажется имѣющимъ основаніе, то и въ Варлаамѣ или Балугарѣ можно также предполагать бодисатву Арья-Бало. Роль умиротворителя безчинствующаго царя совершенно совпадаетъ съ характеристикой этого милосерднѣйшаго изъ бодисатвъ.

Притчи, которыя рассказываетъ царевичу Варлаамъ или Балугаръ (Билугаръ), большею частью не соприкасаются съ затронутыми нами темами, но на четырехъ притчахъ мы хотѣли бы остановить вниманіе читателя. Въ нихъ есть, хотя и очень слабые, намеки на нѣкоторыя темы, встрѣчающіяся въ занимающихъ насъ сказаніяхъ. Двѣ притчи обращаютъ насъ къ русскимъ былинамъ и двѣ къ легендамъ объ Арья-Бало.

Въ притчѣ о зломъ царѣ и благочестивомъ совѣтникѣ раскрывается, какъ этотъ совѣтникъ, желая смирить гордость царя и показать ему ничтожную цѣну мірской славы, три раза приноситъ во дворецъ человѣческой черепъ и наступать на него ногой. Эпизодъ рассказанъ совершенно иначе, чѣмъ эпизодъ съ черепомъ (суха голова человѣческая) въ былинѣ о Буслаевѣ, но если не въ томъ же, то по крайней мѣрѣ въ сходномъ моральномъ освѣщеніи; въ обоихъ случаяхъ подкладкой легенды служить мысль о покаяніи.

Въ другой притчѣ говорится о царевичѣ, который очутился въ плѣну; его заперли въ домъ и приказали проходящимъ бросать въ него камнями; братъ царевича, узнавъ объ этомъ, идетъ спасать его; онъ сначала также кидаетъ въ него камнемъ, чтобъ вызвать его крикъ и удостовѣриться въ томъ, живъ ли онъ, потомъ онъ освобождаетъ узника и исцѣляетъ его раны мазию.

Потыкъ, атаманъ сорока каликъ, былъ зарытъ въ землю по оговору царицы Апраксії за отказъ раздѣлить съ ней ложе. Товарищи отсѣкають ему руки и ноги, тянутъ языкъ, выковыривають глаза и „бьютъ дубовыми клиньями“ (Гильф. 572). Приходитъ Микола Можайскій и исцѣляетъ Потыка.

Въ третьей притчѣ содержится рассказъ о ворахъ, которые забрались въ царскую сокровищницу, увидѣли золотой кувшинъ, подумали, что въ немъ скрыто что-нибудь очень цѣнное, и унесли его; но въ немъ были заперты змѣи; когда воры открыли кувшинъ, змѣи пережалили ихъ. Подобный исходъ въ главѣ XI Шиддикура (Этн. Сборн., VI, 57): мошенникъ приноситъ къ себѣ въ домъ запертую корзину; когда она отворяется, изъ нея выходитъ тигръ и растерзываетъ его. Между этими рассказами есть разница: въ повѣсти воры разсчитываютъ въ закрытомъ кувшинѣ найти драгоценности; въ сказкѣ содержаніе корзины извѣстно мошеннику; въ ней лежитъ дѣвица, которую самъ же онъ и заключилъ туда, чтобы потомъ убить ее. Но умыселъ пріобрѣсть драгоценность неправымъ путемъ есть и въ сказкѣ; мошенникъ хочетъ убить дѣвицу съ цѣлью присвоить себѣ драгоценный камень, приданое этой дѣвицы. Для насъ важно, что въ Шиддикурѣ этотъ эпизодъ поставленъ въ связь съ чудомъ Арья-Бало. Пока мы ограничимся указаніемъ на эту связь: впоследствии намъ придется разсказать сказку подробнѣе для другихъ сопоставленій.

Въ четвертой притчѣ какой-то человѣкъ попадаетъ къ гулямъ. Гули, это женщины, которыя дѣлають мужчинъ, попавшихъ къ нимъ, своими мужьями, а потомъ съѣдаютъ ихъ. Узнавъ это, человѣкъ убѣгаетъ отъ гулей; проходившій мимо корабль беретъ его и отвозитъ на родину.

С. Θ. Ольденбургъ указалъ мнѣ на существованіе другихъ вариантовъ этого разсказа, гдѣ вмѣсто корабля спасителемъ является конь Bhalâha; это Авалокитешвара для блага людей принялъ форму лошади. Мы приводимъ подлинную замѣтку объ этомъ эпизодѣ, которую намъ доставилъ г. Ольденбургъ:

„Легенда о чудесномъ конѣ Valâha, который переноситъ на себѣ черезъ море въ Индію (Jambudvîra) людей, потерпѣвшихъ крушеніе вдали отъ родины, довольно распространена въ

буддйской литературѣ. Древнѣйшая пока извѣстная ея редакція находится въ каноническомъ собраніи Джатакъ подъ названіемъ *Valāhassa jātaḥa* (джат. о конѣ *Valāha*) ¹⁾. Другія редакціи: *вторая*—въ біографіи Будды, извѣстной подъ названіемъ *Abhinisṣkramaṇasūtra*, разсказъ „О пяти стахъ купцахъ“ ²⁾; *третья*—въ книгѣ, посвященной прославленію Авалокитѣшвары: *Avalokiteśvara-gaṇṇakāraṇḍavyūha*, въ главѣ „Описаніе царя коней (*aśva-gājavatpaṇam*)“ ³⁾; *четвертая*—въ путешествіи Сюан-Цзана ⁴⁾; *пятая*—примыкающая по всей вѣроятности къ 3 й, въ одной исторіи Тибета ⁵⁾. Въ нѣсколько сокращенномъ видѣ съ пропускомъ разсказа о томъ, какъ *Valāha* переносилъ купцовъ черезъ море, легенда находится и въ одномъ изъ старѣйшихъ сборниковъ санскритскихъ буддйскихъ легендъ *Divyāvadāna* ⁶⁾. Другой случай, когда *Valāha* явился спасителемъ, тоже разсказанъ въ *Divyāvadāna* ⁷⁾.

Семь различныхъ редакцій легенды можно раздѣлить на двѣ группы: I. Съ однимъ эпизодомъ: какъ купцы попали на островъ къ *rākṣasī* и какъ *Valāha* спасалъ ихъ. II. Съ двумя эпизодами: къ первому прибавленъ разсказъ о томъ, какъ одна *rākṣasī* вслѣдъ за главою купцовъ отправилась въ Индію ⁸⁾. Къ первой группѣ относятся: 1) *Jātaḥa*, 2) *Abhinis-*

¹⁾ По изданію Фаусбелля № 196. По русски переведена И. П. Минаевымъ въ статьѣ „Нѣсколько словъ о буддйскихъ жатакахъ“. Ж. М. Н. П. 1872. VI. 201—203.

²⁾ Неизвѣстна пока въ санскритскомъ оригиналѣ; полупереводъ, полупересказъ съ китайскаго перевода въ книгѣ *Beal. S. The romantic legend of Śākya Buddha*. London. 1875, стр. 332—340.

³⁾ См. *Kāraṇḍavyūha*. Calcutta 1873, стр. 52—59. Краткій пересказъ по распространенной стихотворной редакціи см. Burnouf. E. *Introduction à l'histoire du Bouddhisme Indien*. Paris. 1844. I. 223—224. Другой пересказъ: *Rajendralāla Mitra*, *The Sanskrit Buddhist Literature of Nepal*. Calcutta, 1882, стр. 96—97.

⁴⁾ *Mémoires sur les contrées occidentales par Hiouen Thsang*. Trad. par Stanislas Julien. Paris. 1858. II. 131—140 стр. *Beal. S. Buddhist records of the western world*. London 1884. II. 240—246.

⁵⁾ *Wenzel H. A jātaḥa tale from the Tibetan*. J. R. A. S. XX. 503—511, и въ XXI.

⁶⁾ *Divyāvadāna* ed. Cowell-Neil. Cambridge. 1886. 523—528. Тамъ, гдѣ пропускъ, стоитъ слѣдующая отмѣтка: подробно все должно быть разсказано въ сутрѣ о *rākṣasī*.—⁷⁾ *Ib.* 119—12. 2

⁸⁾ Этотъ эпизодъ попалъ въ мусульманскую версію повѣсти о Варлаамѣ и царевичѣ Иосафѣ. См. Персидскій изводъ повѣсти о Варлаамѣ и Иосафѣ. Зап. Вост. Отд. Арх. О. IV. 247—248.

krāmanasūtra, 3) Kāraṇḍavyūha, прозаическая версія, 4) тибетскій текстъ. Ко второй: 1) Divyāvadāna, 2) Kāraṇḍavyūha, стихотворная версія, 3) Сюан-Цзанъ

Легенда въ общихъ чертахъ слѣдующая ¹⁾:

Бдуть купцы торговать и терпятъ крушеніе; попадаютъ они къ побѣдающимъ людей rākṣasī, которые, принявъ на себя видъ прекрасныхъ женщинъ, соблазняютъ ихъ и дѣлаютъ своими мужьями. Глава купцовъ достается на долю царицъ rākṣasī. Ночью смѣхъ лампы въ спальнѣ возбуждаетъ его любопытство, и онъ отъ лампы узнаетъ, что его жена и жены всѣхъ купцовъ—rākṣasī ²⁾; потихоньку отъ жены онъ выходитъ и въ южной сторонѣ находитъ желѣзный городъ, откуда раздаются стоны заключенныхъ въ немъ людей. Отъ лампы онъ узнаетъ затѣмъ, что они тоже потерпѣли крушеніе и, попавъ въ руки rākṣasī, были заключены въ этотъ городъ ³⁾. На вопросъ его, какъ ему и его товарищамъ спастись, лампа отвѣчаетъ: есть на этомъ островѣ на берегу моря царь коней, владыка, по имени Valāha, милосердый ко всѣмъ покинутымъ и несчастнымъ; онъ, наѣвши цѣлебной травы garuḍa (вся бѣлая) и покатавшись на золотомъ пескѣ, вытягиваетъ тѣло и, вытянувъ его, кличетъ кличъ: „кто хочетъ перейти черезъ море (трижды)“? Тогда ты скажи: „я, владыка, хочу перейти“.

На слѣдующій день купецъ сообщаетъ товарищамъ все, что узналъ; они отыскиваютъ Valāha, который велитъ имъ сѣсть къ себѣ на спину и не открывать глазъ. Купцы не выдерживаютъ, падаютъ въ воду; и rākṣasī съѣдаютъ ихъ; въ Jambudvīpa попадаетъ только глава купцовъ.

Второй эпизодъ: Rākṣasī упрекаютъ царицу въ томъ, что она выпустила своего мужа, и угрожаютъ съѣсть ее, если она

¹⁾ Главныя отступленія разныхъ текстовъ отмѣчены; рассказъ по Kāraṇḍavyūha

²⁾ Лампа является только въ Kāraṇḍavyūha, въ другихъ версіяхъ купецъ самъ находитъ желѣзный городъ. Мотивъ говорящей лампы встрѣчается въ легендахъ о Vikramāditya. Preta очень часто изображаются живущими въ желѣзныхъ городахъ.

³⁾ Въ другихъ версіяхъ это сообщаютъ заключенные въ желѣзномъ городѣ.

не приведетъ его назадъ. Она отправляется въ Индію и является къ нему, онъ гонить ее прочь; она обращается къ его друзьямъ, родителямъ, выдавая себя за царскую дочь, на которой онъ женился и которую покинулъ. Они убѣждаютъ его взять ее къ себѣ, но онъ отказывается, заявляя, что она *rākṣasī*. Она идетъ къ царю, который соблазняется ея красотою и предлагаетъ купцу уступить ему его жену. Тотъ убѣждаетъ царя, что она *rākṣasī*, но царь все таки беретъ ее къ себѣ. Она вмѣстѣ съ другими *rākṣasī* сѣждаетъ его и всѣхъ жителей дворца. Царемъ избираютъ главу купцовъ.

Подробности о *Valāha*, который встрѣчается и въ брахманской литературѣ, см. Böhtlingk-Roth. Sanskrit-Wörterbuch, подъ словами *Balāhaka* и *Valāhaka*. Sénart E. Essai sur la légende du Buddha. Paris. 1875, стр. 27—31. Изображеніе его см. Alabaster H. The wheel of the Law. London. 1871, стр. 286⁴.

Г. Ольденбургу, кромѣ этой замѣтки библиографической, я обязанъ также указаніемъ еще на одну легенду объ Авалокитешварѣ, которую съ санскритскаго перевелъ Кауэлъ (*Cowell*. The Northern buddhist legend of Avalokiteśvara's descent into the hell Avichi—въ The Journal of Philology, vol. VI, p. 222). Легенда эта находится въ той же Карандавьюхѣ, какъ и легенда о конѣ *Bhalāha*.

Когда Авалокитешвара приблизился къ аду, гдѣ въ котлахъ варились твари, адъ сдѣлался холоднымъ, появились лотусы, какъ колеса и пр. Стража донесла объ этомъ Ямѣ. Яма спрашиваетъ, что это за богъ явился. Или это Махешвара или Нарайна? Увидѣвъ Авалокитешвару, онъ поклонился ему и прославилъ. Послѣ того Авалокитешвара посѣтилъ *preta*'евъ и освободилъ ихъ.

Объ легенды—объ Авалокитешварѣ, обратившемся въ лошадь и объ Авалокитешварѣ, спустившемся въ адъ,—заклчаются въ одной и той же книгѣ Карандавьюха. Точно также объ эти темы, хотя и съ нѣкоторымъ отклоненіемъ отъ санскритской редакціи, заклчаются въ монгольскомъ духовномъ стихѣ, который я записалъ отъ дурбютскаго хурчи (бандуриста) около озера Убса. Я называю это произведеніе народнаго творчества стихомъ, потому что оно распѣвается. И Карандавьюха написана въ двухъ рецензіяхъ, прозаической

и стихотворной. Содержаніе дурбютскаго стиха такое: у Багма-хатунъ ¹⁾ родился сынъ Аю-бодисатта (т. е. бодисатва), но на третій день онъ исчезъ. Онъ похищенъ Сайнъ-Галбиномъ и заключенъ въ 365 вазъ (бамбу); Багма-хатунъ ищетъ его, оплакивая потерю, но никто не можетъ ей ничего сказать о мѣстѣ нахождения ея сына. Наконецъ, одинъ знахарь открываетъ мѣсто заточенія Аю; она отправляется къ Сайнъ-Галбину, чтобы наняться къ нему въ служанки. Въ это время Аю самъ разрушаетъ свои узы. Они удаляются вдвоемъ, чтобы поселиться у горы Бодулынъ-ала (т. е. у Поталы). Дорогой они находятъ нищаго ламу, голоднаго, томимаго жаждою. Они счищаютъ съ него пыль и грязь, утоляютъ его жажду и голодъ, и потомъ, поднявъ на свои плечи, относятъ его въ прохладное мѣсто, чтобы его не пекло солнце. Когда они жили у Бодулынъ-алы, однажды около ихъ жилища очутилась лошадь Намчи-хара, съ золотымъ хвостомъ, съ серебряною гривой, привязанная къ золотой веревкѣ. Аю поймалъ лошадь, отправился на ней въ адъ Ерлика, и опросталъ его. Сынъ Ерлика обратился къ отцу съ вопросомъ, почему это прежде три ада въ день наполнялись, а теперь три ада въ день опрастываются.

Вышелъ Ерликъ, увидѣлъ серебряный и золотой хиты, построенные Багма-Хатуной и ея сыномъ, поклонился ей. Сынъ Ерлика укралъ у Аю лошадь Намчи-хара и заперъ ее въ горячій адъ, но она внесла въ него двѣнадцать прохладъ; онъ заперъ ее въ студеный адъ, она внесла двѣнадцать теп-

¹⁾ Багма-хатунъ вѣроятно есть Дорджи-Багмо, женщина гегенъ, резиденція которой находится въ монастырѣ на островѣ или полуостровѣ Palte или Yamdok въ Цзавѣ, т. е. въ самой южной провинціи Тибета. См. *Ritter, Erdkunde*, III, 229. Озеро это замѣчательно своимъ кольчатымъ очертаніемъ. Имя этой женщины-гегена Дордже-пагмо (*Magnae renatae Lhamissae Turseramo* у Георги) переводится „священная мать свиньи“. Во время неурядицъ конца XVII вѣка, возбужденныхъ въ Тибетѣ Teba sandza'ой, она приняла видъ священной матери свиньи (phag) и спаслась въ Цзавъ, откуда и ея имя. Въ китайской географіи о Дорджи-Багмо сказано, что она считается воплощеніемъ Большой Медвѣдицы (*eine incarnation des Genius des grossen Bären*). Въ послѣднее время резиденцію этой женщины-гегена посѣтилъ въ 1887 г. путешественникъ индѣецъ Babu Sarat Chandra Das. Онъ называетъ ее Dorje Pagma, и переводить это имя „свинья съ громовой стрѣлой“. (*The Contemporary Review*, july, 1890 p. 74. London)

лоть; онъ заперъ ее въ мрачный адъ, но она выпустила всѣхъ грѣшниковъ и стала у дверей Галдынь-тенгри. Дочь послѣдняго, Зандынъ-дагне, увидѣла лошадь и захотѣла ее поймать. Ея проводникъ Янсынъ-Улакчинъ, по приказанію дагне, хочеть изловить лошадь, но она сама запуталась въ своей серебряной гривѣ. Дагне съѣла на нее; лошадь увезла ее къ Аю, который на ней и женился. Однажды утромъ Аю замѣчаетъ, что лошади Намчи-хара нѣтъ; а на крышѣ хита онъ замѣтилъ Бурхана-бакши ²⁾, сидящаго среди трехъ тысячъ ламъ. Богъ сказалъ Аю-бодисаттѣ: „Помните ли, какъ вы съ матерью нашли дорогой голоднаго ламу, связали съ него грязь, напоили и накормили его и отнесли въ прохладное мѣсто? Это былъ я. Обратившись въ лошадь, я отплатилъ вамъ“. (Очерки, IV, 310—319).

Изъ сопоставленія этого монгольскаго стиха съ Карандавьюхой выходитъ, что Аю есть Авалокитешвара (Арья-Бало); Аю, подобно Авалокитешварѣ, спускается въ адъ; здѣсь также есть и богъ, обратившійся для исполненія дѣла милосердія въ лошадь, хотя это не Аю, а Бурханъ-бакши, т. е. самъ Будда. Приуроченное мѣстожителство Аю у горы Бодулынъ-алы, т. е. у Потапы, также говоритъ за отождествленіе Аю съ Арья-Бало. Какъ мыѣ сообщили г. Ольденбургъ, Карандавьюха не заключаетъ въ себѣ, кромѣ приведенныхъ выше, другихъ легендъ; притомъ, эпизодъ о лошади въ Карандавьюхѣ не совсѣмъ соответствуетъ параллельному эпизоду въ монгольскомъ стихѣ; изъ этого надо заключить, что стихъ объ Аю не происходитъ отъ Карандавьюхи, а идетъ изъ другого общаго съ нею источника.

Въ монгольскомъ народѣ и теперь можно слышать рассказы о странѣ, лежащей на отдаленномъ западѣ и населенной людюдами. Эти людюды называются Нохой-эртэнъ (Очерки IV, 322) или Нохой-ирить. Мужчины этого народа имѣютъ видъ собакъ, но у женщинъ человѣческой образъ; нохой-иритей по монгольски: „имѣющія собакъ мужьями“. Въ моихъ „Очеркахъ“ помѣщенъ рассказъ, какъ одинъ человѣкъ попалъ къ этимъ людюдамъ, жилъ съ одной изъ ихъ женщинъ, а потомъ

²⁾ Бурханъ-бакши—Будда.

сбѣжалъ. Сходные рассказы живутъ въ южной Россіи о народѣ волохахъ, живущемъ гдѣ-то далеко за моремъ, народѣ страшномъ и непохожемъ на обыкновенныхъ людей: эти волохи живутъ въ норахъ, они „волохатые“, т. е. обросшіе шерстью. Одинъ рассказъ о попавшемъ къ нимъ человѣкѣ передается такъ: одинъ казакъ поплылъ по морю и попалъ на островъ, гдѣ жили волохи; женщина волошка спасла его и запрятала въ земляную нору, гдѣ сама жила. У нея отъ казака родился ребенокъ, который былъ на половину въ отца, на половину въ мать; одна половина его была покрыта шерстью, другая была бѣлая, безъ шерсти. Однажды казакъ увидѣлъ корабль и началъ махать; корабельщики пристали къ острову и взяли его на корабль. Его жена бросилась на берегъ и увидя, что супруга болѣе нѣтъ, растерзала своего ребенка: половину его тѣла, похожую на себя, зарыла въ землю, другую бросила въ море и сама затѣмъ утопилась ¹⁾.

Всѣ эти рассказы повидимому не договариваютъ до конца; герой рассказа вѣроятно возвращался не съ пустыми руками, а съ похищенной у ракшасы драгоценностью. Тибетскій рассказъ, переведенный Г. Венцелемъ кончается такъ: конь Bhalāha говоритъ купцамъ, что они, сѣвши на него, не должны смотрѣть на оставляемый островъ и жалѣть дѣтей, прижитыхъ съ ракшасами. Но купцы не выдержали; ракшасы, замѣтивъ ихъ бѣгство, прибѣжали и показали имъ своихъ дѣтей; купцы взглянули и попадали внизъ. Одинъ только старшій купецъ просидѣлъ, закрывъ глаза, и былъ отнесенъ на родину; остальные погибли.

Тутъ мы имѣемъ мотивъ, который встрѣчается въ рассказахъ о добываніи драгоценныхъ предметовъ, и увозѣ дѣвицъ. Увозимой дѣвицѣ вмѣняется въ обязанность не оглядываться на оставляемую родину. Въ записанномъ мною, но еще не напечатанномъ тибетскомъ рассказѣ тибетскій вельможа запрещаетъ китайской принцессѣ, которую онъ везетъ въ жены своему царю, останавливаться на перевалѣ и оглядываться на покидаемую родину. Въ тибетскомъ вариантѣ о

¹⁾ Въ рус. былинкахъ подобный эпизодъ связанъ съ сюжетомъ боя отца (Илья) съ сыномъ. См. «Этногр. Обзор.» V, 267 (Срв. о боѣ отца съ сыномъ «Э. О.» V, 116—129 и II, 7 слѣд.). „Волохатые“ люди, см. „Э. О.“ VII, 266.

Гэсэрѣ отецъ будущей матери Гэсэра прокликаетъ свою дочь за то, что она съ перевала не оглянулась назадъ въ сторону, гдѣ ея родители. Въ киргизской (*Radloff*, *Proben*, IV, 449) увозимая невѣста по просьбѣ отца до двухъ разъ оглядывается, и всякій разъ часть скота, взятая ею изъ родительскаго дома, возвращается къ родителямъ. Въ алтайской (*Очерки*, IV, 429) конь совѣтуетъ богатырю, везущему отъ Ернигъ-хана джиракы (винокуранный снарядъ), ѣхать, зажимувъ глаза.

Въ „Бѣлорусскомъ Сборникѣ“ Романова (Витебскъ, 1887 в. III, стр. 205) Дикій Бурьма добываетъ костыль, панахиду и царскую корону. Товарищи оставляютъ его соннаго, а три вещи (гурбан-эрдэни?) увозятъ. Онъ живетъ у какой-то женщины, приживаетъ съ ней дѣвочку и мальчика и уплываетъ въ торокѣ (лодкѣ); женщина разрываетъ дѣвочку ¹⁾ и бросаетъ ему въ торокѣ, а торокѣ тонетъ; Дикій Бурьма спихиваетъ дѣвочку въ воду, и торокѣ поднимается вверхъ ²⁾. И такъ происходитъ до трехъ разъ. Далѣе идетъ эпизодъ о томъ, какъ Бурьма попалъ къ Дѣду Шкуропету съ однимъ окомъ; Бурьма заликаетъ его смолой. У Добровольскаго въ „Смоленскомъ Сборникѣ“ (Спб. 1891, ч. 1 стр. 150), Федоръ Барма пьяница похитилъ „скипитръ-диржаву“ изъ змѣйнаго города, кругомъ котораго лежитъ змѣй, голова и хвостъ вмѣстѣ. На обратномъ пути Барма обобранъ товарищами и попадаетъ къ Козьмѣ Кривому. Барма заликаетъ у него послѣдній глазъ и спасается тѣмъ, что ухватился за брюхо козла. Козма, осердившись, выбросилъ козла за стѣну, а съ нимъ и Барму ³⁾.

Эпизодъ о великинѣ, въ пещерѣ котораго очутился похититель вещей изъ змѣйнаго города, не возвратилъ-ли насъ опять къ Пилигриму?

¹⁾ Разрываніе сына на двѣ части совершаетъ въ монгольско-бурятскомъ сказаніи жена Гэсэра.

²⁾ Сходные мотивы перечислены въ *Очеркахъ*, IV, 848.

³⁾ Объ одноглазѣ см. *Этн. Об.* IV, 25—43, 94—5; VI, 236.—Эпизодъ о пальцѣ Барим, который прилипъ и который онъ отрубаетъ ср. въ монгольскомъ сказаніи съ нижней частью статуи, которая прилипла къ скалѣ и которую Абатай отрубаетъ (*Оч.* IV, 383 и слѣд.) и въ урянхайской съ пальцемъ Кодду-Вурхана, который отрубаетъ Эртэне—Мергенъ (*Оч.*, IV, 424).

Разсказы о великанахъ (иногда слѣпыхъ), которые выжимаютъ изъ камней сохъ, раскаленную палицу принимаютъ за протянутую руку, нынѣшнихъ людей, пашущихъ пашню, принимаютъ за червяковъ и т. п., — записаны у русскихъ, у кавказскихъ горцевъ, у тюрокъ сѣверной Монголіи и у Румынъ (uriasa). [См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстн. и пл. Кавказа, VII, стр. 90 (о св. Симонѣ), 16; наши Очерки, IV, 225; Магнитскій, Матер. о стар. чуваш. вѣрѣ, Казань, 1881, стр. 251].

Въ одномъ русскомъ сказаніи Илья Муромецъ идетъ къ слѣпому Старчищу-многолѣтищу Билогремищу, иначе Старчищу-Дивищу, который носилъ вмѣсто шишака колоколъ въ триста пудовъ. Старчище проситъ руку, Илья подаетъ ему раскаленную мѣдную палицу. (Записано Д. Минаевымъ, напечатано сначала въ „Библ. для чтенія“, 1864 № 9, потомъ приведено Л. Майковымъ въ Ж. М. Н. П., 1868, май, стр. 624).

Недавно напечатаны двѣ русскія сказки, въ которыхъ является имя Пилигримъ или Палугримъ, одна изъ Верхоянскаго округа Якутской области (Зап. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Георг. Об. по этн., т. I, в. 3, стр. 268), другая изъ Смоленской губ., (*Добровольскій*, Смоленскій этнограф. сборникъ, Спб. 1891, ч. I, стр. 455). Содержаніе ихъ не сходно.

Въ смоленской сказкѣ главное лицо царевичъ Игръ (Игръ Игравичъ). Онъ одинъ изъ трехъ братьевъ. Братья поочередно пробуютъ съѣздить въ чужую землю, но на границѣ царства на дубу сидитъ старикъ Палугримъ или Полугримъ. За непочтительное обращеніе Палугримъ стегаётъ кнутомъ двухъ старшихъ братьевъ, такъ что они возвращаются домой сконфуженные. Младшему Игру Палугримъ даетъ коня, на которомъ Игръ доѣзжаетъ до Ирины, дочери муромскаго царя. На пути къ Иринѣ Игръ проѣзжаетъ поочередно мимо трехъ дѣвицъ, которыя даютъ ему на смѣну лошадей. Приѣхавъ къ цѣли поѣздки, онъ входитъ въ шатеръ къ спящей Иринѣ. Проснувшись, Ирина гонится за нимъ. Убѣгая, Игръ опять проѣзжаетъ мимо трехъ дѣвицъ; одна даетъ ему щетку, которая потомъ превращается въ мхи и болота, другая — гребень, превращающійся въ лѣсъ, третья — хустку, превращаю-

шуюся въ море. Игрѣ благополучно возвращается къ Палугриму.

Въ томъ же сборникѣ помѣщенъ другой вариантъ сказки объ Игрѣ. Три царевича поочередно объѣзжаютъ царство: кто объѣдетъ, тотъ будетъ царь. Удастся объѣхать только младшему брату Игру. Этотъ Игрѣ получаетъ указаніе, гдѣ ему взять коня, но не отъ Ивашки, сѣрой сирымяжки, который тутъ появляется, а отъ встрѣтившагося человѣка; Игрѣ самъ ловить коня, когда онъ приближалъ къ криницѣ пить. На этомъ конѣ ѣдетъ онъ въ Царь-Горыдѣ. Дорогой проѣзжаетъ поочередно мимо трехъ дѣвицъ, которыя даютъ ему лошадей на смѣну и совѣтъ—взять въ Царь-Горыдѣ живой и мертвой воды. Въ Царь-Горыдѣ онъ находитъ спящую дѣвицу; онъ оставляетъ у ней на груди надпись: „былъ чужеземецъ“. Садится на коня, конь не можетъ его поднять, падаетъ; Игрѣ отяжелѣлъ. Конь заставляетъ его мыться. Отъ мытья Игрѣ сталъ легче, но все-таки не какъ слѣдуетъ. Перескакивая черезъ стѣну, конь зацѣпилъ за струну. По всему Царь-Граду и пошла тревога; дѣвица пробудилась, схватила огненный щитъ, который за двѣнадцать верстъ печетъ, и гонится за Игромъ. Игрѣ махнулъ полотенцемъ, даннымъ ему одной изъ трехъ придорожныхъ дѣвицъ, явилась рѣка; гонимая дѣвица махнула, явился мостъ черезъ рѣку. Игрѣ переѣхалъ по мосту, дѣвица не могла, потому что она поѣхала, не омывшись ¹⁾. Игрѣ вернулся въ свое царство и

¹⁾ Въ предыдущемъ вариантѣ спасительное море является отъ взмаха хусткой, который сдѣлалъ самъ Игрѣ. Ср. съ этой темой легенду о рѣкѣ Орхонѣ: рѣка пропускаетъ однихъ и увеличиваетъ и губитъ, когда черезъ нее пошли другіе; (Живая Старина, 1891, в. III, стр. 238). Олеть (потомки Цороса, слѣдовательно могли бы назваться и цоросами) совершили нашествіе на долину Орхона и напали на монастырь Эрденн-цау. Въ рукахъ ихъ предводителя какое-то орудіе, отъ вращенія котораго происходитъ моръ въ чужомъ войскѣ (Очеркъ, IV, 410). Мнѣ кажется, это орудіе было въ рукахъ осажденныхъ. Въ преданіи объ одномъ городѣ, лежащемъ въ развалинахъ въ долинѣ Желтой рѣки, въ рукахъ царицы осажденного города знамя, отъ вращенія котораго происходитъ моръ въ лагерьъ осаждающихъ. Эта царица, кажется, нѣкто иной, какъ Дара-экэ или Арья-Бало; преданіе приписываетъ осаду Чингисъ-хану, и потому осажденная царица, вѣроятно, есть та самая женщина, которой легенды приписываютъ смерть Чингисъ-хана, то есть жена царя Шидургу, принимаемая за воплощеніе Цыганъ-Дара-экэ (богини Лхамо или Арья-Бало). Арья-Бало или Гуанъ-инъ-луса счи-

заснулъ подъ деревомъ. Здѣсь увидѣли его братья и столпились въ подземное царство. Здѣсь онъ нашелъ мечъ царя Чалубея. Слышитъ онъ, что въ одной сторонѣ плачутъ, въ другой смѣются. Онъ идетъ туда, гдѣ плачутъ. Царевна обречена на сѣдѣніе Чудъ. Онъ засыпаетъ, пробуждается отъ горячей слезы царевны и убиваетъ Чуду; головы его прячетъ подъ камень. Ванька водовозъ бросаетъ соннаго Игра въ воду и присваиваетъ себѣ его подвижъ; но царевна выневодила тѣло Игра, нашла на немъ пузырьки съ живой и мертвой водой и оживила его.

Въ этой сказкѣ можно указать на слѣдующія параллели съ монголо-тибетскимъ сказаніемъ о Гэсэрѣ. Въ послѣдней также три брата царевича пробуютъ объѣхать царство, но удается это только одному изъ нихъ, именно Гэсэру. Въ монголо-тибетскомъ сказаніи о Гэсэрѣ также есть рассказъ о ловлѣ коня у ключа во время водопоя. Бурятскій вариантъ даетъ Гэсэру трехъ небесныхъ сестеръ, которыя иногда выручаютъ его изъ бѣды. Спящей царевнѣ Иринѣ будетъ соотвѣтствовать небесная мать Гэсэра; онъ опаиваетъ ее виномъ и во время ея сна похищаетъ драгоценности (эрдэни). Въ Смоленской сказкѣ предметы, одаренные таинственными свойствами, получаютъ отъ трехъ дѣвицъ, встрѣченныхъ на дорогѣ—это щетка, гребень, хустка. Эрдэни избавляютъ Гэсэра отъ гибели; одно эрдэни спасаетъ его, когда онъ брошенъ въ огненный адъ, другое, когда онъ брошенъ въ яму со змѣями и т. п. И въ смоленской сказкѣ подарки дѣвицъ имѣютъ подобное же спасительное значеніе.

тается китайцами властительницей моря; ей китайцы молятся о дарованіи дождя. Она нѣкогда укротила Лунъ-вака, царя водъ, и онъ теперь подчиняется ея волѣ. Во время засухъ китайцы совершаютъ процессіи въ кумирни, построенныя въ честь этой богини, и опускаютъ въ источникъ конецъ шелковой нити. Вѣрять, что послѣ этого будутъ дожди. Можетъ быть въ Орхонской легендѣ утратилась подробность; царица-богиня (Эрдэни-цау) произвела губительный для напавшихъ варваровъ разливъ рѣки Орхона, опустивъ въ рѣку хадакъ (шелковое полотенце). Ср. съ повѣртіями о камнѣ джада, сата, который вызываетъ дождь. Если его опустить въ рѣку, можетъ произойти галавъ, всемірный потопъ. Ср. у Садовникова, Сказки и преданія Самарскаго края, № 12: „Морская есть за тридевять богородица;“ когда морская богородица въ воду уходитъ — ясно, когда наружу — па-смурно. Въ одномъ сибирскомъ заговорѣ (газета „Сибирь“, 1883, № 27, стр. 7): „богородица сама Климовша папы римскаго“.

Появленіе рѣки отъ взмаха полотенцемъ ср. съ появленіемъ на небѣ Млечнаго пути отъ молока, брошеннаго матерью Гесера, послѣ того, какъ онъ похитилъ ея драгоцѣнности. (Записки Вост.-сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. I, стр. 127).

Верхоянская сказка рассказываетъ о Пилигримѣ совсѣмъ не то, что Смоленская. Верхоянскій Пилигримъ въ „Смолен. сборникѣ“ является подъ именемъ Дивнаго старика. Въ вологодскомъ собраніи сказокъ г. Иванецкаго (Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи вып. II. Труды Этн. Отд. И. О. Люб. Ест., Антр. и Этн. т. XI. Москва, 1890, стр. 175) онъ называется Дивнѣйшій мужъ. Дивнѣйшій старикъ сидитъ въ столбѣ; въ верхоянской сказкѣ Пилигримъ сидитъ въ тюрьмѣ: царь держитъ его въ видѣ диковинки, потому что онъ во-первыхъ золотой, а во-вторыхъ обладаетъ особеннымъ даромъ рѣчи. Случайно въ тюрьму залетаетъ стрѣла царевича, который забавлялся стрѣльбой. Пилигримъ соглашается подать царевичу стрѣлу, только подъ условіемъ освобожденія изъ тюрьмы. Царевичъ открываетъ тюрьму; заточенный удаляется. Царь въ гнѣвѣ изгоняетъ сына изъ царства, давъ ему въ товарищи сына водовоза. Дорогой Ванька водовозъ заставилъ царевича обмѣняться съ нимъ своимъ званіемъ; они приходятъ въ царство (въ смоленскомъ вариантѣ) царя Димьяна, царевичъ подъ видомъ Ваньки водовоза, а Ванька-водовозъ подъ видомъ царевича. На этой службѣ съ царевичемъ творятся бѣды, но всякій разъ его выручаетъ Пилигримъ (или Дивнѣйшій старикъ). Онъ всякій разъ сначала уноситъ царевича въ свое жилище, гдѣ царевичъ получаетъ какой-нибудь подарокъ; потомъ Пилигримъ заставляетъ его выпить напитокъ, послѣ котораго у царевича всякій разъ прибываютъ силы. Подарки служатъ поводомъ къ знакомству царевича съ дочерью царя, но за нее сватается другой, въ Смоленской сказкѣ царевичъ Лукаперъ. Царевичъ убиваетъ этого претендента, но Ванька водовозъ присваиваетъ эту побѣду себѣ. Кончается разоблаченіемъ ¹⁾.

¹⁾ У Аоян., Р. Н. Ск., 1861 г., в. 5, № 37 и 38. Мѣсто Пилигрима въ № 37: Ныкаюръ-богатырь; въ вариантахъ къ этому номеру: Чудище, Вихоръ Вых-

Пилигримъ или Палугримъ сказокъ ничѣмъ не напоминаетъ пилигрима въ смыслѣ паломника. Это какое-то сказочное существо, карликъ съ длинной бородой, существо, живущее на дубѣ, летающее по воздуху, способное носить на себѣ человека. Изгнаніе изъ отечества, коварство товарища по изгнанію, обмѣнъ именами и званіями, обращеніе царевича въ конюха, и наконецъ обличеніе коварнаго товарища — все это сближаетъ эту сказку съ переданными нами въ „Этногр. Обзор.“ кн. VШ, стр. 141—6, сказками объ Эрдэни-Хараликѣ и Егъ-таму-нцо, т. е. объ Арья-Бало. Летающій по воздуху Пилигримъ съ другой стороны напоминаетъ намъ коня Bhalāha'у, т. е. опять таки того же Арья-Бало (Авалокитешвару). Пилигримъ носитъ царевича по воздуху и оказываетъ ему услуги за то, что царевичъ освободилъ его, Пилигрима, изъ тюрьмы. Въ сказаніи объ Аю-бодисатвѣ Бурханъ-бакши (это можетъ быть имя Авалокитешвары, а не Будды, какъ обыкновенно монголы толкуютъ), воплотившись въ тѣло коня, оказываетъ бодисатвѣ услуги за то, что онъ и мать его напоили и накормили его, омыли и отнесли въ прохладное мѣсто, когда онъ лежалъ въ пустынѣ голодный и жаждущій, покрытый пылью и мучимый солнечнымъ зноемъ.

Въ этомъ дюрбютскомъ сказаніи летающему Пилигриму будетъ соотвѣтствовать Бурханъ-бакши, воплощенный въ коня; царевичу—Аю-бодисатва. Мотивъ заточенія есть и здѣсь, но только заточникомъ является не Бурханъ-бакши, какъ вытекаетъ изъ сопоставленія, а персонажъ, соотвѣтствующій царевичу. Аю-бодисатва заточенъ въ 365 вазъ; онъ изъ нихъ самъ освобождается. Въ былинѣ о Потокѣ также есть мотивъ заточенія; заточникомъ является Потокъ, а Пилигримъ его освободителемъ ¹⁾.

рѣвиль, Кошей сѣдой старичекъ, самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ; въ № 38: мосенжн (желто-кѣднѣй) дзядокъ.

¹⁾ Приведенный обмѣнъ званіями срв. во французской сказкѣ у Cosquin'a, Contes popul. de Lorraine, Paris, vol. I, p. 32; сказка называется Le roi d'Angleterre et son filleul. Коскенъ говоритъ, что въ главныхъ своихъ частяхъ эта сказка связана съ темой о дѣвицѣ съ золотыми волосами и о живой и мертвой водѣ; онъ отсылаетъ читателя къ примѣчаніямъ къ № 73, La Belle aux cheveux d'or (vol. II). Содержаніе послѣдней: къ человеку, у котораго родился сынъ, никто

Въ формахъ Пилигримъ или Палугримъ нужно видѣть древній, до-христіанскій терминъ. Если это западно-христіанскій терминъ, то разнообразіе формъ, въ которомъ онъ вляется (Пилигримъ, Полугримъ Палугримъ, Билогримище), можно еще объяснить порчей слова, непонятнаго сказителямъ, но едва-ли этой же порчей можно истолковать разложеніе этого термина на два члена: *пили* и *гримъ* (Угрюмище). Мы объяснили быэтотакъ: русскимъ фольклоромъ былъ усвоенъ варварскій двусложный терминъ *пили-гримъ*, члены котораго являлись въ разсказѣ то спаренными, то отдѣльно; спариваться они могли различно, то этотъ членъ впереди, то тотъ; когда они являлись разъединенными, одинъ изъ членовъ могъ спариваться съ какой нибудь третьей формой. Въ нашемъ эпосѣ это имя распадалось на два члена *пили* и *гримъ*. Это видно изъ того, что вмѣсто Пилигримище въ былинѣ о Буслаевѣ является Угрюмище, а также членъ *пили* спаривается не съ *гримъ*, а съ другимъ членомъ: *Бѣло-андрихъ*. Есть также „белица, змѣиные крыльца,“ Тугаринъ Белевичъ вмѣсто вмѣевичъ. Въ одномъ случаѣ сынъ Ильи Муромца, дерущійся съ отцомъ, носить имя Бѣль-Борисъ Козловъ (Кир., I, № 4, стр. 6—7); въ другомъ Аполонище; въ третьемъ Васька (Буслаевъ?), сынъ Сиверьяничны.

Примыкая къ обще-принятому толкованію, что нашъ Пилигримъ есть западный терминъ, усвоенный нашимъ эпосомъ

нейдетъ въ крестине отцы; пришелъ самъ Богъ подъ видомъ человѣка, но съ условіемъ что на 7-мъ году ребенокъ будетъ отданъ ему. Въ урочный день Богъ является и уноситъ мальчика на себѣ. Далѣе мальчикъ терпитъ отъ зависти товарищей, подобно крестнику англійскаго короля. Подобно тому, какъ этотъ крестникъ получаетъ порученія отъ англійскаго короля достать отъ великана мула, дрозда и фонарь, который освѣщаетъ стражу на сто лѣ кругомъ, и все это достать, и кромѣ того освободить королевскую дочь, ему помогаетъ частью кака-то старуха, частью самъ великанъ,—такъ и въ № 73-мъ мальчикъ долженъ доставать чудесную птицу, живую воду и красавицу съ золотыми волосами, а ему помогаетъ совѣтами его крестный отецъ, который является всякій разъ, какъ являлся во всѣхъ этихъ случаяхъ подъ видомъ мула потому, что крестникъ, обращаясь къ нему или призывая его, всегда называетъ его муломъ. Коскенъ продолжаетъ: Dans la plupart des contes de ce type, le héros est aidé dans ses entreprises par un cheval merveilleux, et nous ajouterons que dans un de ces contes, recueilli en Basse-Bretagne, la Sainte—Vierge est envoyée par Dieu au jeune homme sous la forme d'une jument blanche.

въ смыслѣ паломника, мы дѣлаемъ празднымъ сведеніе и сопоставленіе темъ, связанныхъ съ этимъ именемъ. Такое сведеніе—это само собою вытекаетъ изъ такого предрѣшенія—не можетъ привести ни къ какимъ результатамъ. Другое дѣло, если мы допустимъ, что Пилигримъ древняя до-христіанская эпическая форма; въ этомъ случаѣ всѣ появленія этого имени въ былинахъ и сказкахъ могутъ быть поняты, какъ слѣды древняго органическаго развитія представленій объ этомъ персонажѣ. Сличеніе мѣстъ, въ которыхъ появляется это имя, не должно въ этомъ случаѣ оказаться безплоднымъ. И можетъ быть, когда будетъ собранъ болѣе обильный матеріалъ о Пилигримѣ или Полугримѣ, на отдѣльныхъ точкахъ эпоса найдутся совпаденія, связанные съ этимъ именемъ. Илью поятъ странники, т. е. пилигримы, чтобы придать ему силы ¹⁾. Пилигримъ даетъ напитокъ Ивану Царевичу, чтобы у него прибыло силы. Конечно, пилигримы былины ближе къ типу благочестивыхъ паломниковъ; слѣдовательно, если Пилигримъ происходитъ отъ паломника, былина ближе къ источнику, чѣмъ сказка. Но едва-ли въ этомъ случаѣ былина повліяла на сказку. Скорѣе напитокъ, дающій силу, явился въ обоихъ случаяхъ потому, что онъ былъ связанъ съ древними представленіями о Пилигримѣ, стоящими на томъ заднемъ планѣ, гдѣ берутъ начало и сказка и былина.

Г. Потанинъ.

¹⁾ Ср. о Евѣмніи Иберѣ, которому приписывается первый переводъ на греческій повѣсти о царевичѣ Іоасафѣ и Варлаамѣ. Ewthym Géorgien отправился въ Константинополь и совершенно забылъ грузинскій языкъ. Знаніе это возвратилось къ нему чудомъ. Онъ лежалъ больной. Ему явилась la reine, mère de Dieu, и спросила. „Quels sont tes chagrins, o Ewthym?“—„Святая царица, я сильно боленъ“. Она сказала: „Встань и говори по-грузински, потому что ты будешь здоровъ и оставишь ложе болѣзни“. Онъ всталъ и, хотя забылъ языкъ грузинскій, началъ говорить на немъ съ краснорѣчіемъ, затмѣвающимъ Гомера. Тогда онъ перевелъ много книгъ на грузинскій, особенно Библію. *H. Lotenberg, Notice sur e line de Barlaam et Joasaph. Paris, 1886, p. 8.*

Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ.

(Матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія
Кулянскаго уѣзда).

III.

1. *Ап. Петро въ легендахъ и повѣр'яхъ (продолж.)*.

Разсмотрѣнныя нами въ предыдущихъ статьяхъ ¹⁾ народные сказанія объ ап. Петрѣ, при бѣгломъ знакомствѣ съ ними, легко могутъ быть отнесены къ разряду простыхъ народныхъ побасенокъ, выдуманныхъ для проведенія тенденціозной морали и свидѣтельствующихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишь о невѣжествѣ составителей ихъ и грубости нравовъ народа. На такое скорое заключеніе наводятъ отчасти сами малороссы, которые подобнаго рода рассказы съ элементомъ чудеснаго, сказочнаго называютъ побрехеньками. Но мы впали бы въ большую ошибку, если бы свою оцѣнку народныхъ сказаній строили на подобныхъ шаткихъ основаніяхъ.

Цѣнность всякаго человѣческаго произведенія опредѣляется не только стоимостью матеріала и изяществомъ отдѣлки его, но также и тѣмъ, на сколько отражается въ немъ, характеръ времени и народнаго быта, насколько оно характерно вообще для своей эпохи и своего народа.

Даже въ томъ скудномъ по количеству матеріалѣ, какой собранъ нами въ Кулянскомъ уѣздѣ, мы находимъ въ обрисовкѣ личности ап. Петра яркія черты, характеризующія малоросса такимъ, какимъ онъ выступаетъ передъ нами въ своемъ прошломъ и какимъ остается отчасти и теперь, не смотря на измѣнившіяся условія гражданственности. Сильно развитое чувство личности, протестующее противъ фатализма стремленіе къ общественной справедливости, вызывающее неустанное исканіе правды на землѣ, не взирая на всякаго

¹⁾ Этнограф. Обзор. V, 142 и VII, 71.

рода тревога и разочарованія, сопряженные обыкновенно съ такими поисками; личная инициатива въ возбужденіи и рѣшеніи вопросовъ какъ нравственныхъ, такъ равно и общественныхъ; братская любовь къ людямъ, исключаящая, однако, всякую мистическую темноту, смотрящая прямо на людскіе недостатки,—вотъ важнѣйшія нравственныя черты личности, отмѣчаемыя въ этихъ легендахъ.

При реалистическомъ взглядѣ на жизнь, наказаніе не могло быть исключено изъ числа средствъ, содѣйствующихъ скорѣйшему осуществленію на землѣ лучшихъ идеаловъ, уже потому, что оно является неизбѣжнымъ элементомъ жизни вездѣ, гдѣ признается исконная борьба двухъ началъ: добраго и злого. И мы видимъ, что въ народныхъ сказаніяхъ ап. Петръ часто прибѣгаетъ къ наказанію. Мало того: требованія практической жизни получаютъ иногда въ этихъ сказаніяхъ перевѣсъ надъ требованіями морали или находятъ себѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторое оправданіе. Короче сказать, въ извѣстныхъ намъ малорусскихъ легендахъ объ ап. Петрѣ, онъ выступаетъ не новаторомъ, а просто дѣятельнымъ членомъ общества, крѣпко отстаивающимъ свои права и свои взгляды, причѣмъ рѣшеніе возникшихъ споровъ или предоставляется третейскому суду, или подыскиваются ясныя до очевидности доказательства.

Въ одной изъ вашихъ рождественскихъ колядокъ говорится, между прочимъ, что Господь съ Петромъ заспорили о томъ, что больше: земля или небо?

Господь каже, що небо бильше,
А Петро каже, що земля бильше.
— Ой ты, Петре, Петре—суперечнику!
Заклучимъ мы та два янголы,
Нехай измиряють небо и землю.
— Якъ измирялы, то й извирили....

(Ср. Чубинскій, т. III, стр. 344—346; Головацкій, кн. II стр. 32).

Такая неуступчивость въ спорѣ и настойчивая защита своего взгляда составляетъ не случайно попавшую въ колядку черту, а основной фонъ, выясняющій внутреннюю сущность характера малороссіянина. Малороссъ любитъ самъ обсудить всякое дѣло, рѣшить всякій вопросъ, и не легко

заставить его потомъ поступиться разъ принятымъ рѣшеніемъ и измѣнить его. Такимъ стремленіемъ все обсуждать самому, все пересудять объясняется и данное ап. Петру въ нѣкоторыхъ изъ народныхъ заговоровъ названіе „пересудья“, какъ напр. въ заговорахъ „отъ перелоговъ“:

1) Ишовъ судья, за нымъ пырысудья; судья найшовъ рукавыци, а пырысудья—нагалыцю. Пишли воны соби въ чисте поле. Въ чистимъ поли вырба стоитъ; за тію вырбою скамья стоитъ, на скамьи прывсята матъ Богородыця сыдыть. „Прывсята матъ Богородыця, розсуды насъ! судья найшовъ рукавыци, пырысудья—нагалыцю“.—Тоби, судья, рукавыци, а тоби, пырысудья, нагалыцю. А вы, пырылогы, пидить туды, де витерь ны віе, де Божій глазъ нызаходы! (Сл. Преображенная). А что „пересудью“ въ настоящемъ заговорѣ названъ именно ап. Петръ, а не кто-либо другой, это видно изъ слѣдующаго заговора противъ той же болѣзни:

2) Господы, поможи! Въ чистимъ поли престолъ; за тымъ престоломъ Маты Хрыстова и Спасъ. За столомъ святыи Петро, а передъ столомъ лукавыи у пороги. Божа Маты плытеть Спасу рукавычкы, святому Петру—наговычкы, лукавому—перелогы на роги. Иды соби въ ухаба, въ очерета, въ болота, де витерь не віе, де сонце не гріе, зъ усякого скота духъ, гласъ не заходе. Зъ билои кости, зъ разной шерсти перелогы одвесты (Хуторъ Маліевъ).

Усматривая такимъ образомъ во всѣхъ подобныхъ народныхъ легендахъ, значительную цѣнность для серьезнаго этнографа, и признавая научное изслѣдованіе ихъ весьма желательнымъ, мы предлагаемъ еще нѣкоторые изъ относящихся сюда сырыхъ матеріаловъ, находящихся у насъ.

На поляхъ Украйны, при дорогахъ и по межамъ, между нивами, часто встрѣчается дикій цикорій (*Cichorium intybus* L.), по малорусски „Петривъ батигъ“ (хлысть, кнутъ). Рас-теніе это съ длиннымъ стеблемъ и голубыми цвѣтами, сидящими на концахъ вѣточекъ одиночно, а въ пазухахъ листь-евъ пучками, извѣстно въ малороссіи подъ именемъ „Пет-ровы батоги“. Проф. А. Потенія въ своемъ сочиненіи „Объ-ясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень“ (Вар-шава 1883, I, стр. 98) говорить относительно малорусскаго

названія дикаго цикорія слѣдующее: „названіе растенія *cichorium intybus*, *Петриѣ батигѣ* (великор. солнцева сестра), съ голубыми цвѣтами, сидящими какъ узлы на плети, не можетъ быть вполне выведено изъ христіанскаго преданія“. Но намъ удалось узнать о происхожденіи народнаго названія этого растенія нѣсколько разсказовъ.

1. Однажды Спаситель съ учениками своими шелъ изъ одного селенія въ другое. Дорога лежала мимо того мѣста, гдѣ мальчики пасли овецъ. Увидавъ Господа, пастушки бросили свои стада, побѣжали съ кнутиками въ рукахъ на дорогу, по которой шелъ Христосъ и окружили Его со всѣхъ сторонъ, такъ что мѣшали Ему продолжать путь. Прикрикнувъ на нихъ ап. Петръ, чтобы они разступились, но они, не обращая вниманія на его окрикъ, продолжали лѣзть къ Спасителю, цѣловать Ему руки, ноги и края одежды. „Вотъ я васъ!“ крикнувъ на нихъ снова ап. Петръ и схватилъ у одного изъ мальчиковъ, бывшій у него въ рукахъ кнутъ; но пастушокъ, не выпуская изъ своихъ рукъ кнута, сталъ плакать и вырывать его изъ рукъ Петра. Петръ уступилъ, мальчику, отдалъ кнутъ его, а самъ наклонившись сорвалъ стебелекъ растенія и, размахивая имъ, повторялъ: „геть зъ дороги, а то покуштуете (попробуете) моего батижка!“ Пастушки со смѣхомъ разступились, дали дорогу Христу. Петръ бросилъ тогда бывшій у него въ рукахъ стебелекъ и сказалъ шутя: „а що? злякались (испугались)! озымитъ теперь соби и мій батижокъ“. Мальчики подняли брошенное ап. Петромъ растеніе и назвали его Петровымъ батогомъ. А такъ какъ цвѣты у этого растенія напоминаютъ по своей формѣ кисточку, то и пастушки стали съ тѣхъ поръ украшать свои кнутики махорками (кисточками) изъ кожи. (Сообщила О. Дѣдухова).

Если настоящій разсказъ воспользовался евангельскимъ повѣствованіемъ о недопущеніи учениками дѣтей къ Христу, а отчасти быть можетъ кое-чѣмъ и изъ талмудическихъ сказаній о томъ, что еврейскія дѣти всегда сбѣгались къ Христу и толпой сопровождали Его, потому что Онъ приносимыхъ ими слѣпленыхъ изъ глины птичекъ оживлялъ своимъ дуновеніемъ, чѣмъ и привлекалъ къ себѣ дѣтей, то въ слѣдующей легендѣ ап. Петръ выступаетъ предъ нами съ чертами

какого-то языческаго бога полей, покровителя жатвы. Онъ, какъ говорила сообщавшая намъ это старуха, „бывъ даже до всего любопытный“: ему извѣстны названіе и жизнь всякой полевой козявки; онъ знаетъ, чѣмъ каждая изъ нихъ питается. Шествіе его по полямъ уподобляется шествію бога полей: жучки, пчелки, мушки, бабочки пестрыми роями окружаютъ его, предшествуютъ ему и сопровождаютъ его.

2. „Иде св. Петро по межи, возьме бурьяныну и хлѣсное, якъ батижкомъ. А жучки и мушки, яки сидятъ по колоскахъ, вже и знаютъ: вси слетають и не сміють портыть хлѣба. Пройде межу, кине свій батижокъ на землю, винъ тамъ и прыймитця и росте. А вси жучки и мушки вже добре знаютъ, що ту ныву, де росте Петривъ батигъ, треба обходити: отто жъ вони и не сміють ту ныву трогати. Се бъ то було колысь, а теперъ и Петривъ батигъ не спасае хлѣба“. (Отъ кр. Пр. Туровой).

Дѣятельность ап. Петра, по легендамъ, весьма разнообразна: онъ—то суровый учитель правды, то горячій защитникъ слабыхъ, то властный покровитель хлѣбныхъ полей, то скромный пастырь кроткихъ овецъ. Стада его бываютъ видны то на небѣ: это—тѣ мелкіе кучевыя легкія облачка, что извѣстны подъ названіемъ барашковъ,—то на землѣ: это—тотъ легкій, струящійся и бѣгущій надъ полями паръ, что бываетъ виденъ въ теплые солнечные дни надъ свѣже-вспаханной нивой или послѣ дождя.

3. „Въ сояшни (солнечные) дни бува часто видно, що якъ будто въ поли бѣгаютъ фыли (волны); це то фыли въ народи и зовуця „Петровы сгоны,“ або — „Петро погнавъ овецъ пасты“. Разъ винъ якъ гнавъ овецъ пасты, то у ёго не було ни батога, ни палки, и встритывъ винъ дорогою неидому траву съ длинными прутками, зирвавъ собі пруть и погнавъ имъ овецъ пасты. Съ тыхъ пиръ це растеніе и зветця Петривъ батигъ“. (Слоб. Ново-Николаевка. Сообщ. учит. А. Склобинская).

Съ мая мѣсяца въ Малороссіи появляются большія мухи слѣпни (разные виды рода *Tabanus*, L: *Tab. rusticus*, *Tab. solstitialis*, *Tab. bovinus* и др.), которыхъ крестьяне называютъ вообще оводами; къ Петрову дню количество этихъ насѣкомыхъ сильно увеличивается, такъ что въ это время преслѣдуемый ими рогатый скотъ, съ ревомъ скачетъ по полямъ,

что крестьяне обозначаютъ словомъ „дроковыця“. Гдѣ нѣтъ знанія, тамъ всегда удобная почва для посѣва и произрастанія легендъ. Совпаденіе времени появленія наибольшаго числа оводовъ съ Петровскимъ постомъ вызвало, вѣроятно, желаніе найти въ жизни ап. Петра такой случай, который могъ бы послужить для объясненія такого явленія, какъ нападеніе оводовъ на рогатый скотъ. А при сильномъ желаніи это не можетъ представить большого затрудненія: подходящій случай всегда отыщется или сочинится. Впрочемъ, въ виду нашей задачи, то и другое имѣетъ для насъ одинаковую цѣнность.

4. „Колысь було такъ, шо вивци дровичысь, а рогата скотына стояла у кучци такъ, якъ тыперъ у дроковыцю стоять уси вивци у кучци (дроковыця бува саме у Петривку). Одынъ разъ святий Петро йшовъ по полю и захотилось ёму воды: у горли пырысохло. Зайшовъ винъ до чырыдыка, который пасъ рогату скотыну, та носе за собою ослинычкѣ (свამеечку) и сыдыть на ёму, а скотына ны бигае: стоять на одному мисти, якъ укупана. Дило було саме у Петривку. Ото св. Петро прыйшовъ и каже: „дай минни, чоловиче добрый, воды напыця!“ А той чырыдыкѣ тоди сыдивъ на ослинычику и латавъ (чинилъ) свыту, тай каже: „вась такыхъ багато, шо прыходять воды пыты, а минни іи нынаносыця для усякой сволочи. Ступай прочь! А колы хочышь напыця, то бачъ де вода!“ Ногою указуе, а самъ сыдыть на ослинычику; коло ёго и вода була у глечикѣ (кувшинѣ), а винъ, бачъ, и ны давъ. Тоди св. Петро пишовъ до вивчаря, который пасъ овецъ. И бигае винъ за вивцями, та псе ихъ пырыймѣ, и нымѣ ёму спокою ны капылькы. Ото св. Петро прыйшовъ до ёго и каже: „дай, пожалуста, минни воды напыця, а то скоро умру безъ воды“. А той вивчаръ каже: та у мене й була вода, та оце (воть) ныдавно выпывъ. Св. Петро сказавъ: „ну пиды прынысы“. А вивчаръ отвичае: „та я бѣ пишовъ бы и прынысь бы, та то горе, шо якъ пиду, то уси вивци рожбижаця и одныи тоди ны найду“. Св. Петро й сказавъ: „иды, воны ны розбижаця, стоятымуть, помы прыйдышь“. Той вивчаръ побигъ и прынысь воды; св. Петро напывся и поблагодарывъ того вивчаря и сказавъ: „тыперъ вивци ни-

колы ны будутъ дровича, а будутъ стояты и пастысь на одному мисти; рогатыѣ же скоть тыперъ буде здорово дровича, такъ шой ны пырейме нихто“. Тико винъ це сказавъ, якъ начала скотына бигаты того пастуха, шо выдаѣ воды св. Петру. Винъ, той чырыдникъ, тоди ѣ бросывъ свѣй ослинчикъ и начавъ бигаты за скотыной, и ны було вже ёму никоы спокою, а вивчаревы вивци стоялы на мисти, паслысь, а билшъ и ны дровичысь. Съ тыхъ поръ скотына начала дровича, а вивци ни. Тыперъ якъ дровича скотына, то уси пастухи прохлыняють того чырыдника, шо св. Петру выдавъ воды и росердывъ ёго. А якъ бы винъ ны росердывъ св. Петра, то цѣго бѣ ничого ны будобъ, а то чырызъ одного пастуха, та всимъ горе, шо скотына дровича“. (Хут. Малиевъ. Отъ учт. М. Нетребы. Ср. у Мажуры: Чого вивци душаться, а скоть дровичься)

Слѣдующее сказаніе объ установленіи ап. Петромъ по просьбѣ женщины поста должно быть отнесено по своему происхожденію къ одной съ предъидущимъ серіи рассказовъ, возникающихъ обыкновенно въ объясненіе извѣстныхъ явленій, причины которыхъ остаются для народа непонятными. Въ подобнаго рода объясненійхъ за основной ихъ мотивъ берется простое случайное совпаденіе или какая-нибудь изъ сторонъ даннаго же явленія, черезъ что оно становится уже легко доступнымъ народу, такъ какъ для пониманія его не требуется никакихъ особенныхъ знаній, а лишь знакомство съ самымъ фактомъ, вызвавшимъ объясненіе.

5. „Кажуть, шо въ старыну отъ Велыкодня ажъ до первого Спаса булы все мясныци: мужики и поидалы все молошне, а бабамъ ни съ чого було справыты ни для себе, ни для дитей. Отъ разъ зибралысь жинки и пишлы до Петра и Павла просыты, шобъ ти положиы четвертый пистъ, шобъ було время бабамъ зибраты маслычка, смытанки, сырца, шобъ було за вищо справыты, шо треба, для дитей и для себе, тай Богу свичечку поставыты. Святый Петро, якъ бувъ зъ мужикивъ, такъ вже добре знавъ бабьячи нужды, и заразъ согласывся поставыты пистъ, а св. Павло не соглашавсь, — винъ бувъ зъ купцивъ и державъ руку мужикивъ, — и каже Петру: „Ни, я не согласенъ. Оце все бабы выгадки. Якъ же можно мужикамъ безъ скоромного обійтысь, колы у нихъ

тыперъ така важна работа: треба сино косыты и убираты,— не согласенъ!“—„Ии, брате Павле, ця работа ны дуже важна: попомидаты съ сыривчикомъ та цибулькою оселедця та горячои кашки зъ олійкою, та й потягнуть. А отъ жинкамъ якъ буты бязъ копійки при души? У ихъ дочки подроствають, треба въ скрынню кой-що готовыты: то скатыртыну, то рушнычокъ, то хустыну; та й соби и очипка ни за що купыты, хоть простоволоса ходы. Треба имъ уважиты, треба пистъ поставыты!“ Довго винъ водывся съ Павломъ, а все такы уломавъ ёго, та тико и ёму уступочку здилавъ, каже: „нехай одынь годъ пистъ буде довшій, а другый — коротшій“. Того жъ и Пытривка разна бува, одна довга, а друга коротка“. Поэтому и постъ получилъ названіе Петровки, а не Павловки, и въ нѣкотрыхъ слободахъ въ день ап. Петра и Павла (29-го іюня) крестьяне служатъ ап. Петру молебны. (Сл. Кабаня. Сообщ. учпт. Марусомъ).

По взгляду народа, три главные момента въ жизни каждаго челоуѣка опредѣляютъ судьбу его; это—рожденіе, бракъ и смерть. И во всѣхъ этихъ моментахъ по малорусскимъ сказаніямъ ап. Петръ принимаетъ участіе или прямое, непосредственно вліяющее на долю челоуѣка, или косвенное, какъ это видимъ, напр., въ слѣдующемъ ниже разсказѣ, уясняющемъ, почему, для чего та или иная участь суждена челоуѣку.

6. Однажды Христосъ съ ап. Петромъ проходили полемъ и увидѣли тамъ красивую крестьянскую дѣвушку, которая такъ усердно жала жито, что даже не взглянула на нихъ. Петръ обращается къ Господу и говоритъ: „Господи, кому эта красавица достанется?“ Господь ничего ему на это не отвѣтилъ. Идутъ дальше и видятъ: стоитъ яблоня, а подъ той яблоней лежитъ, разинувъ ротъ, здоровенный паренъ, смотритъ на висіяція надъ его головой яблоки и говоритъ: „нѣтъ, нѣтъ, да наконецъ упадетъ же мнѣ въ ротъ хоть сдно изъ этихъ яблокъ!“ Господь обратился къ Петру и говоритъ: „та красавица, о которой ты спрашивалъ меня, достанется вотъ этому дураку, что лежитъ подъ яблоней“. — Почему же это такъ, Господи?—„А вотъ почему: этотъ дуракъ рожденъ глупымъ и ни къ чему неспособнымъ,—онъ и про-

кормить себя не можетъ; та же красавица—умница и труженица: она прокормить и себя и его“. (Сл. Ново-Николаевка).

Изъ настоящаго разсказа вытекаетъ, что, по взгляду на рода, личное счастье или несчастье не есть дѣло слѣпого случая, а высшаго промысла, устрояющаго все къ общему благу. Эта же цѣль—раскрыть въ жизненныхъ явленіяхъ, иногда по видимому противорѣчащихъ идеѣ справедливости, сокрытый въ нихъ утилитарный принципъ, положена въ основаніе извѣстной, приведенной у Афанасьева, сказки „Людська доля“ (т. 3, стр. 425), гдѣ говорится, какъ св. Николай связывалъ попарно хорошее съ плохимъ воловня лыка, обозначавшія, какъ это онъ объяснилъ спросившему его о томъ казаку, людскую долю, и дѣлалъ онъ это для того, что если бы вѣнчали отдѣльно все злыхъ со злыми, а добрыхъ съ добрыми, то первые не могли бы и жить на свѣтѣ, а вторые забыли бы Бога.

Религіозная пытливость не ограничивается предѣлами земной жизни; вопросы эсхатологическіе, вопросы о кончинѣ міра и будущей загробной жизни неизбѣжно возникаютъ въ умѣ не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлаго народа, особенно во времена общественныхъ бѣдствій, во времена религіозныхъ преслѣдованій, международныхъ столкновеній и междоусобныхъ войнъ. Малороссія втеченіе своей исторической жизни испила полную чашу всевозможныхъ бѣдствій какъ въслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ, такъ въ особенности въслѣдствіе вѣншихъ нападений и притѣсненій. Но и среди кровавой борьбы на жизнь и смерть встрѣчали малороссы между представителями разныхъ національностей и религій людей съ любвеобильной душою, людей, въ которыхъ билось человеческое сердце, полное сочувствія къ страданію ближняго, будь этодъ ближній даже изъ числа враговъ. Такіе примѣры не могли пройти безслѣдно. Цѣною тяжкаго опыта научились малороссы уважать человѣка не за то, что онъ принадлежитъ къ тому или иному общественному строю, къ той или иной націи, религіи, а за его дѣла. Въ мирное время религіозный фанатизмъ и національная исключительность должны были уступить мѣсто другому руководящему началу жизни, другому принципу и формальному, и мораль-

ному. Въ этомъ, такъ сказать, скептическомъ отношеніи малоросса къ формальной правдѣ, въ этомъ, такъ сказать, раціонализмѣ мы находимъ ключъ къ объясненію появленія въ Малороссіи слѣдующей легенды, по которой рай равно доступенъ для всѣхъ, безъ различія вѣроисповѣданія, людей, если они умерли согласно съ требованіями своей религіи.

7. Стоитъ апостолъ Петръ съ ключемъ въ рукахъ у дверей рая, появляется передъ нимъ еврей съ обрывкомъ веревки на шеѣ и проситъ отпереть райскія двери и пропустить его въ рай къ праотцу Аврааму. „Кто ты, откуда и какъ попалъ сюда?“ спрашиваетъ ап. Петръ. — Я еврей изъ Бердичева, повѣшенъ татарами за вѣру. — „Какой же ты вѣры?“ — Моисеева закона. — „Сядь тамъ, подожди!“ сказалъ ему Петръ, указавъ головой въ ту сторону, гдѣ стояла длинная скамья. Не успѣлъ еврей и трехъ шаговъ отойти отъ райскихъ дверей, какъ на его мѣстѣ стоитъ уже татаринъ съ обломкомъ пики въ груди. „Кто, откуда и какимъ образомъ попалъ сюда?“ снова слышенъ голосъ Петра: — Татаринъ изъ Бахчисарая, убитъ казакомъ въ сраженіи съ невѣрными. — „Какой вѣры?“ продолжаетъ допросъ. — Послѣдователь ислама. — „Посиди вонъ тамъ, на скамьѣ!“ Важно поклонился Петру татаринъ, медленно подошелъ къ скамьѣ и сѣлъ сбоку еврея, кивнувъ ему головой. А передъ Петромъ ужъ новый претендентъ на райское блаженство — казакъ съ разрубленнымъ черепомъ. Слѣдуютъ обычные вопросы: кто, откуда, какъ? и отвѣты: запорожскій казакъ, убитый ляхомъ въ битвѣ за православную вѣру. „Подожди съ тѣми,“ отсылаетъ ап. Петръ и казака къ сидящимъ уже на скамьѣ просителямъ. Между тѣмъ къ Петру подходитъ полякъ и на предложенные ему Петромъ вопросы отвѣчаетъ: „шляхтичъ изъ Кракова, застрѣленъ москалемъ - схизматикомъ въ сраженіи за католическую вѣру“, и, получивъ предложеніе обождать, отходитъ къ скамьѣ и садится сбоку казака. Появляется русскій съ раной во лбу. На вопросы Петра говорить: „изъ московскихъ боярскихъ дѣтей, православной католической вѣры, положилъ животь на брани за вѣру, царя и отечество.“ Онъ отсылается также на скамью, гдѣ и садится рядомъ съ полякомъ. А тѣмъ временемъ къ Петру подходитъ, низко кланяясь хохолъ, съ из-

битой спиной и спрашиваетъ его: „скажить, будьте ласкави, чи пускають сюды(указывая на рай) такихъ, якъ оце мы?“ — А кто ты? — „Та якъ бы вамъ сказати: булы мы колись не наче бѣ казаки, а теперъ — крыпакы, звать насъ и черкасы. Такъ, выбачайте, не можу вже и самъ сказати, шо мы за людѣ“, — посматривая на сидящихъ, — „крестьянина та й годи.“ — Ну ладно. А вѣры какой? — „Якои виры? Та вже-жъ и виры мабуть крестьянской“. — Христіанской? — „Аже-жъ“. (Къ сожалѣнію листикъ, на которомъ записано было продолженіе бесѣды хохла съ ап. Петромъ, затерянь, поэтому помѣщаемъ окончаніе легенды). Когда и хохолъ усѣлся на скамьѣ, встаетъ еврей и говоритъ: „братья! чего мы молча сидимъ, развѣ мы всѣ не дѣти одного Бога? Будемъ же каждый по своему славословить Его святое имя!“ Всѣ поднялись и начали прославлять правосудіе Божіе, а Петръ обратился къ нимъ и говоритъ: „давно бы такъ — идите всѣ въ рай!“

Настоящая легенда записана со словъ бывшего учителя начальнаго училища въ слободѣ Сеньковѣ, Куп. у., крестьянина Ив. Тура, весьма симпатичной личности, похищенной смертію на 5-мъ году служенія народной школѣ. Эту же самую легенду, но въ нѣсколько измѣненной редакціи, слышали мы отъ одного изъ мѣстныхъ священниковъ, наконецъ, одно знакомое намъ въ г. Купянскѣ лицо передавало ее, какъ историческій анекдотъ изъ жизни Фридриха II Великаго, въ слѣдующемъ видѣ: Въ прусскомъ государственномъ совѣтѣ поднятъ былъ вопросъ объ установленіи въ Пруссіи государственной религіи. Состоялось нѣсколько засѣданій совѣта, не приведшихъ ни къ какому положительному результату. Тогда король Фридрихъ II объявилъ, что онъ самъ явится лично въ засѣданіе по этому вопросу, и назначилъ день и часъ. Въ назначенное королемъ время собрался весь совѣтъ. Короля нѣтъ. Проходитъ въ ожиданіи часъ, другой, а король все не идетъ. Наконецъ, отворяется дверь и входитъ въ залъ совѣта Фридрихъ, потагиваясь и зѣвая, и говоритъ: „Извините, господа, что заставилъ васъ такъ долго себя ожидать: проспалъ. Какой чудный сонъ я видѣлъ. Представьте, сижу я передъ райскими дверями на скамьѣ, а у дверей стоитъ апостолъ Петръ. Появляется еврей да такъ прямо и лѣзетъ въ рай. Часовой

говорить: „не время, подожди тамъ на скамьѣ“. Еврей сѣлъ рядомъ со мною. За евреемъ у дверей рая появился полякъ, за нимъ русскій, далѣе турокъ, калмыкъ и всѣхъ ихъ апост. Петръ отослалъ ко мнѣ на скамью. Сидимъ мы всѣ рядкомъ на скамьѣ и молчимъ. Скучно намъ становится, а ап. Петръ ни малѣйшаго на насъ вниманія не обращаетъ. Вдругъ встаетъ еврей и говоритъ: „воспоемъ славу Отца нашего небеснаго“, и запѣлъ; остальные подхватили, каждый по своему. Петръ отперъ рай и говоритъ: „входите всѣ, всѣ идите: для всѣхъ васъ найдется мѣсто“. Тутъ я и проснулся“. Сказавши это, Фридрихъ снова зѣвнулъ и, сказавъ: „прощайте, господа!“ вышелъ изъ зала.

Насколько въ приведенномъ анекдотѣ есть фактическая подкладка, мы не знаемъ; но интересно уже и то, что въ немъ усматриваютъ нѣмецкую основу, на которой вытканъ узоръ нашей малорусской легенды съ реалистическимъ фономъ. Хотя по нашему личному взгляду источникомъ данной легенды могли послужить вообще международныя столкновенія, но если допустить, что въ образованіи ея нѣмецкія вліянія играли значительную роль, то все же мы готовы видѣть въ ней скорѣе отраженіе протестантскихъ идей въ формѣ крайняго соцініанства, столь сильно распространеннаго въ концѣ XVI вѣка во многихъ частяхъ Малороссіи, чѣмъ новѣйшія протестантскія вліянія, выражающіяся между прочимъ въ штундѣ.

2. Васильки (*Ocimum basilicum*, L.).

Въ „Этнографическихъ замѣткахъ“ проф. Сумцова, помѣщенныхъ въ III-ей книгѣ „Этнограф. Обзорѣнія“, въ статьѣ „Васильки“ (стр. 123), сказано: „религіозное значеніе васильковъ основывается на древней греческой легендѣ о нахожденіи креста, въ которой рассказывается, что на мѣстѣ, гдѣ еврей умышленно закопали крестъ Спасителя, выросла трава пахучая и врачующая; врачи зовутъ ее *okimon*, а народъ *basilikon*—украинскіе васильки (Мочульскій, О Голуб. книгъ, 169)“. Считаемо не лишнимъ привести здѣсь слѣдующія извѣстныя намъ легенды о происхожденіи названія васильковъ.

а. Сняли со креста пречистое тѣло Христа, помазали его благовонными мазями, обвили чистыми пеленами и похоронили въ саду, въ пещерѣ. И приказали жида закопать въ горѣ пречестный крестъ Господень; мѣсто надъ нимъ разровнять, навалить потомъ на него навозу и всякаго мусору и засѣять сѣменами вонючаго бурьяна, чтобы люди и близко не подходили къ нему. Такъ и сдѣлали. Навозили на святое мѣсто навозу и всякаго мусору и посѣяли тамъ сѣмена дѣрева (дурмана, *Datura stramonium* L.) и блекоты (бѣлены, *Hyosciamus niger* L.). Видитъ Богъ злобу жидовскую, даетъ Василию (какому—неизвѣстно) сѣмянъ „пахучаго зилья“ и посылаетъ посѣять ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ посѣяны дѣрево и блекота. И стало то мѣсто свято, а вокругъ него мерзость запустѣнія. И вспало царицѣ Еленѣ на мысль отыскать честный крестъ Господень. И пріѣхала она въ Іерусалимъ, и приказала копать гору Голгоѳу. Копали гору, копали, шукали креста, шукали—не найдуть. И молилась благовѣрная царица Елена Богу, слезно просила: „дай, Господи, найти Твой честный крестъ!“ И услышалъ Господь молитву благовѣрной царицы Елены. Явился къ ней нѣкто и говорить: „шуйте пахучаго зилья Василья; де его найдете, тамъ и крестъ обращете“. Пошли на гору Голгоѳу, нашли среди мусору мѣсто, поросшее васильками, стали тамъ копать и отрыли три креста. Два изъ нихъ положили, вынувши изъ ямы, на мусоръ, а третій, крестъ Господень, межъ васильки. Съ тѣхъ поръ и убирають крестъ василькамъ. (Купянскъ. Отъ М. Столяровской).

У Безсонова (Калѣки переходіе. М. 1863. в. 5, стр. 61—62), въ стихахъ изъ западной Болгаріи, Македоніи, объ обрѣтеніи креста сообщаются нѣкоторыя черты, дополняющія нашъ разсказъ о василькахъ. Тамъ говорится, что на вопросъ: гдѣ тутъ кресты Христовы? такъ отвѣчала жидовка-вдовица: „Въ работницы здѣсь нанята я—поливать мнѣ велику навозную кучу: растеть ночью здѣсь трава вонючка, растеть ночью, а полю на утро; денно-ночно сижу себѣ здѣсь я. Сказали (объ этомъ) ему, царю Константину. Царь пустилъ молодцовъ триста видѣть, что тамъ за чудо велико. Не была то, не была трава вонючка: только былъ то Христовъ василькъ. И стали тогда молодцовъ триста открыли велику навозную кучу, была

она куча очень маленька: въ глубину была она триста сажень, въ ширину она полтораэта. И нашли они кресты Христовы“.

Въ настоящихъ стихахъ мы не находимъ объясненія для чего вдова-еврейка должна поливать навозную кучу и полоть вырастающую тамъ за ночь вонючку. Но цѣль такой работы станетъ для насъ понятна, если мы обратимъ вниманіе на помѣщенный выше разсказъ Купянской крестьянки. Евреи наняли вдову поливать навозную кучу для того, чтобы скорѣе взошли и выросли посянные тамъ ими дурманъ и бѣлена. Но какъ, вмѣсто этихъ сорныхъ растений, на навозной кучѣ вырастаютъ за ночь душистые васильки, которые еврейка называетъ вонючкой, то вдовѣ этой и приходится днемъ выпалывать ихъ. Такимъ образомъ эпизодъ о поливкѣ навозной кучи, стоящій безъ мотивировки въ стихахъ, записанныхъ въ западной Болгаріи, находитъ себѣ достаточное объясненіе въ словахъ крестьянки въ г. Купянскѣ.

б. По словамъ другихъ разсказчицъ, васильки получили свое названіе отъ имени св. Василія Великаго, который, молъ, при жизни очень любилъ цвѣты и зелень и всегда украшалъ ими свою келію. Когда потомъ открытъ былъ гробъ съ мощами Василія Великаго, то нашли въ немъ пахучее растеніе съ скромными цвѣточками. Въ честь святителя это любимое имъ растеніе названо Василькомъ. (Купянскъ. Отъ А. Кортыковой).

в. Въ слободѣ Двурѣчной, Куп. у., ходитъ объ этомъ растеніи иная разсказъ. Въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго жилъ въ Москвѣ Василій блаженный, Христа ради юродивый. Ходилъ онъ по Москвѣ и зиму, и лѣто босой, въ одной сорочкѣ, съ веригами на плечахъ. Бывалъ онъ въ царскихъ палатахъ, и въ боярскихъ хоромахъ, и въ крестьянской избѣ. Ночевалъ всего чаще на кладбищахъ; тамъ же и умеръ. Нашли тѣло его въ травѣ. Вокругъ него такъ хорошо пахло. Думали, что то тѣло угодника Божія пахнетъ, а оказалось: пахла та трава, въ которой онъ лежалъ. И назвали ту траву травой Василія, васильками. И теперь эта трава пахнетъ ладаномъ и мертвецомъ. (Сообщ. гр. Гр. Коломійцевъ).

Приводимъ здѣсь кстати сообщенное намъ преданіе о томъ, какъ Василій блаженный выплеснулъ въ окно вино,

поднесенное ему царемъ (срв. *Архим. Іосифъ. Путеводитель къ святынь и св. достопам. Москвы. М. 1882., стр. 100*).

Въ древнія времена жилъ въ Москвѣ одинъ святой, по имени Василій. Однажды въ праздничный день пошелъ Василій въ церковь. Въ церкви было тотъ день много сановниковъ, а также царь и царица. По выходѣ изъ церкви царь подозвалъ Василю и спрашиваетъ: „А что, Василій блаженный, много-ли народу было сегодня въ церкви?“—Нѣтъ, царь-батюшка, только двое: я да царица; да и царица-матушка была лишь до половины обѣдни, а затѣмъ ушла себѣ домой и была тамъ до конца службы. „Какъ же такъ?“ сказалъ царь: „развѣ ты не видишь, сколько народу было въ церкви,—посмотри! Да неужели ты не замѣтилъ, что и я былъ въ церкви?“—Нѣтъ, государь, ты не былъ въ церкви, отвѣчалъ Василій: ты строилъ на одномъ островѣ городъ. „Правда, твоя, Василій блаженный!“ сказалъ царь, вспомнивши, что, стоя въ церкви, онъ дѣйствительно думалъ о томъ, какъ бы построить на одномъ островѣ городъ. Потомъ царь пригласилъ Василю къ себѣ во дворецъ. Когда святой вошелъ въ царскія хоромы, царь поднесъ ему чарку вина. Василій взялъ чарку, подошелъ къ окну и выплеснулъ черезъ открытое окно вино изъ чарки на дворъ. Царь, не говоря ни слова, поднесъ Василю еще двѣ чарки, но и тѣ онъ вылилъ за окно. И только четвертую чарку выпилъ. Тогда царь и спрашиваетъ его: „Скажи же мнѣ, Василій блаженный, для чего ты первыя три чарки вина вылилъ за окно?“—А вотъ для чего я это сдѣлалъ, отвѣчалъ святой: въ Іерусалимѣ горитъ монастырь, такъ я подалъ туда помощь. Государь тотчасъ же послалъ въ Іерусалимъ гонца, чтобы убѣдиться въ справедливости словъ святого. Когда гонецъ возвратился изъ Іерусалима, то разсказалъ, что тамъ дѣйствительно загорѣлся было монастырь и пожаръ сталъ сильно распространяться, но набѣжали изъ Россіи одна за другою три дождевыя тучи и залили пожаръ. (См. Араповка. Отъ учит. М. Скубака).

І. Мандельштамъ въ своемъ „Опытѣ объясненія обычаевъ, созданныхъ подъ вліяніемъ миеа“ (С. Петербургъ. 1882, стр. 58) говоритъ, ссылаясь на Маркевича, что „о Васильѣ существуетъ разсказъ, что нѣкогда это былъ молодой и кра-

сивый юноша, котораго въ Троицынъ день заманила русалка въ поле, защекотала и превратила въ цвѣтокъ; поэтому и цвѣтокъ называется именемъ Василя^а. Но этотъ разсказъ о превращеніи юноши въ растеніе отнесемъ Маркевичемъ не къ душистому васильку малорусскихъ пѣсень, какъ ошибочно заключаетъ г. Мандельштамъ, а къ малорусскимъ волош-камъ (*Centaurea Cyanus* L), какъ объ этомъ опредѣленно сказано у Маркевича (см. *Маркевичъ. Обычаи, повѣрья и пр. Кіевъ. 1860, стр. 86*).

1. Въ числѣ собранныхъ нами въ г. Купянскѣ сказокъ находится одна, въ которой говорится о превращеніи мальчика въ душистое растеніе—василекъ. Приводимъ ее здѣсь для пополненія циркулирующихъ въ народѣ разсказовъ объ этомъ столь любимомъ малороссами растеніи.

Въ большомъ лѣсу жилъ старый лѣсникъ съ дочерью-красавицей Машей. Отецъ ежедневно ходилъ на охоту, а дочь занималась домашними работами. Сидитъ-ли подъ окномъ за работой, собираетъ-ли въ лѣсу валежникъ, идетъ-ли къ рѣкѣ за водой,—звонкая пѣсня всюду выдаетъ ея присутствіе. Веселый смѣхъ Маши также нерѣдко нарушалъ тишину темнаго лѣса. И полюбила красавица Маша водяному ужу, что жилъ за рѣкою, въ озерѣ. Какъ только подходила къ рѣкѣ Маша, тотчасъ на противоположномъ берегу появлялся молодецъ и слушалъ пѣніе Маши, не сводя съ нея глазъ. Сперва Маша, увидя незнакомаго человѣка, переставала пѣть, но такъ какъ онъ всегда начиналъ умолять ее продолжать пѣніе, то она чувствовала себя не въ силахъ отказать ему въ этомъ, и потомъ незамѣтно для себя самой стала все чаще и чаще приходить къ рѣкѣ не только за водой, но и съ работой, и по долгу просиживать на берегу. Маша разсмотрѣла, что незнакомецъ строенъ, молодецъ и красивъ, только какая-то непонятная ей грусть замѣчалась и въ словахъ и во взглядахъ его. Прошла весна и лѣто было уже на исходѣ. Однажды къ старому лѣснику, въ его скромную хату, явился богато одѣтый молодой человѣкъ съ товарищами, такими же, какъ и онъ, молодыми людьми, и сталъ просить руки красавицы Маши. При этомъ назвался онъ владѣльцемъ озера съ окружающими его лугами. Лѣсникъ благодарилъ за честь, но не хотѣлъ разставаться съ единственной дочерью и

тѣмъ болѣе выдавать ее замужъ за человѣка ему совершенно неизвѣстнаго. Но когда на эти слова своего отца Маша объяснила ему, что она уже давно знакома съ молодымъ человѣкомъ и даже давно любить его, лѣсникъ вынужденъ былъ согласиться принять предложеніе незнакомца и отпустить съ нимъ свою дочь, такъ какъ это происходило въ то время, когда бракъ не освящался еще церковью, а совершался по благословенію однихъ родителей. Получивъ благословеніе, женихъ и невеста сѣли въ прекрасный экипажъ и въ сопровожденіи свиты сѣхали со двора стараго лѣсникаго, который со слезами на глазахъ провожалъ свою красавицу Машу до самыхъ воротъ, а тамъ, въ послѣдній разъ поцѣловавши и благословивши ее, громко зарыдалъ, глядя въ слѣдъ экипажа, быстро уносившаго его послѣднее сокровище. Поѣздъ скоро подкатилъ къ рѣкѣ, женихъ щелкнулъ, и на рѣкѣ мгновенно появился красивый мостъ съ желѣзными перилами. Переѣхали на другой берегъ; снова щелкнулъ женихъ, и моста какъ не бывало. Вотъ и озеро; экипажъ, не останавливаясь, вѣхалъ въ воду и погрузился на дно. Маша очутилась въ великолѣпномъ хрустальномъ дворцѣ, горѣвшемъ всѣми цвѣтами радуги. Маша прожила въ этомъ подводномъ дворцѣ съ мужемъ-ужемъ нѣсколько лѣтъ счастливо и имѣла уже двухъ дѣтей: мальчика Васю и дѣвочку Горпушу. И захотѣлось Машѣ провѣдать своего старика отца. Долго не соглашался ужъ отпустить свою жену съ дѣтьми къ тестю, но наконецъ уступилъ просьбамъ и слезамъ жены, но предварительно взялъ клятву сохранить его тайну: не открывать своему отцу, что мужъ ея ужъ. Опять появился прекрасный экипажъ; ужъ съ женою и дѣтьми сѣлъ въ него и тотчасъ же очутились на берегу озера. Поѣхали далѣе по цвѣтущему лугу къ рѣкѣ и остановились на берегу ея. Здѣсь ужъ вышелъ изъ экипажа, наклонился надъ водой и вдругъ перекинулся черезъ рѣку красивымъ деревяннымъ мостомъ, по которому Маша съ дѣтьми и переѣхали на другую сторону. Подъѣзжая къ своей тихой хаткѣ, Маша подтвердила Васѣ и Горпушѣ, чтобы они ни за что не открывали дѣду, кто ихъ отецъ, не говорили бы, что ихъ отецъ ужъ, иначе со всѣми случится бѣда. Старый лѣсникъ сильно обрадовался, увидѣвъ послѣ столькихъ лѣтъ

разлуки свою любимую дочь да притомъ еще съ внукомъ и внучкой. Разспрашивалъ ее о житьѣ-бытьѣ, ласкалъ то ее, то дѣтей; лаская выговаривалъ, что не собралась раньше провѣдать его. Маша хвалилась отцу, что они съ мужемъ живутъ въ прекрасномъ дворцѣ, что мужъ ея весьма богатъ, а главное и до сихъ поръ очень любить ее. Но лишь только старый лѣсникъ начиналъ разспрашивать дочь о томъ, далеко ли отъ рѣки ихъ дворецъ, потому что ни о какомъ дворцѣ вблизи рѣки онъ никогда не слышалъ, какъ веселость покидала Машу и, вмѣсто точныхъ отвѣтовъ, она отдѣлывалась неопредѣленными: нѣтъ, не далеко, совсѣмъ не далеко, и спѣшила переимѣнить предметъ разговора. Такая уклончивость дочери отъ прямого отвѣта показалась лѣснику подозрительной; онъ понялъ, что здѣсь скрывается отъ него какая-то тайна, и порѣшилъ вывѣдать ее отъ дѣтей. Послѣ обѣда, когда Маша по предложенію отца прилегла отдохнуть, лѣсникъ повелъ Васю и Горпушу въ садъ, началъ угощать ихъ разными фруктами и лаская спросилъ Васю: „скажи мнѣ, Вася, какъ вы въ экипажѣ переѣхали черезъ рѣку, вѣдь она очень глубока, ни моста, ни парома на ней нѣтъ,—какъ же вы черезъ нее переѣхали?“ — Папа сдѣлалъ мостъ, мы переѣхали,—отвѣчалъ Вася. Но Горпуша возразила: „нѣтъ, не такъ: папа легъ на воду и самъ сдѣлался мостомъ, а мы по папѣ и переѣхали; онъ и теперь еще лежитъ мостомъ и ждетъ, пока мы переѣдемъ назадъ, на другую сторону рѣки. „Кто-жъ такой, Горпушенька, вашъ папа, что самъ сдѣлался мостомъ?“ Хотя Вася и останавливалъ свою сестру и напоминалъ ей о запрещеніи матери, но Горпуша увлеклась своей болтовней и все рассказала дѣду: и гдѣ они живутъ, и кто ихъ отецъ, и что онъ лежитъ теперь черезъ рѣку красивымъ деревяннымъ мостомъ. Дѣдъ расцѣловалъ внучку, одѣлилъ дѣтей румяными яблоками и сладкими грушами и оставилъ ихъ играть въ саду; самъ же пошелъ въ сарай, взялъ острый топоръ, отправился къ рѣкѣ и изрубилъ мостъ въ куски. Прогостивъ у отца до вечера, Маша сѣла съ дѣтьми въ экипажъ и быстро покатила къ мосту. Подъѣзжаютъ къ рѣкѣ — моста нѣтъ, а на берегу, о, ужасъ! гдѣ былъ мостъ, вездѣ кровь. Сразу поняла Маша все: „кто же изъ васъ, дѣти,

ты ли, Вася, или ты, Горпуша, сказалъ дѣдушкѣ, что отецъ вашъ сдѣлался мостомъ, кто?" вскричала рыдая Маша. „Что же вы молчите! ты, Вася?“—Нѣтъ, мама, я ничего не говорилъ дѣдушкѣ, отвѣчалъ Вася, плача.—„А, такъ значитъ это ты, Горпуша, сдѣлала насъ всѣхъ несчастными? Ну, будь же ты за это крапивою! Пусть твою сердцевину постоянно такъ же точатъ черви, какъ теперь мое сердце точитъ злое горе! И будешь ты всегда причинять людямъ жгучую боль, какъ теперь ты причиняла ее мнѣ! А ты, мой милый Вася, будь ты душистымъ василькомъ. Люди будутъ наслаждаться твоимъ запахомъ и будутъ они всегда имѣть тебя и въ своихъ хатахъ и въ своихъ церквахъ!“ И еще сильнѣе зарыдала Маша и полетѣла въ лѣсъ кукушкою, а дѣти остались на берегу рости: Вася—душистымъ василькомъ, а Горпуша—жгучей крапивою. (Купянскъ. Отъ крест. Ив. Тура).

Такая же сказка доставлена намъ изъ сл. Араповки; кромѣ того, въ нашемъ собраніи сказокъ находится еще одна, но въ ней говорится о превращеніи мальчика въ соловья, а дѣвочки въ лягушку. (Ср. Эрленвейнъ. Нар. русскія сказки, стр. 169. Про ужака. Записки о южной Руси, т. 2, стр. 33: близнецы превращаются въ соловья и кукушку).

3. Двѣ легенды на мотивъ о золотой рыбкѣ.

Кому изъ насъ неизвѣстна прелестная сказка „о рыбацѣ и рыбкѣ“ Пушкина? Въ ней золотая рыбка играетъ ту же роль, какую въ приведенныхъ ниже разсказахъ исполняютъ дерево—липа и кумъ—Богъ. Помѣщаемъ оба эти разсказа въ виду, во-первыхъ, того, что въ нихъ высказывается взглядъ народа на вѣчное недовольство людей своимъ положеніемъ, какъ бы хорошо оно ни было, и на безграничное стремленіе ихъ все къ высшему и высшему; во-вторыхъ, потому, что въ этихъ разсказахъ такая ненасытная жадность къ власти приписывается не одной женщинѣ, какъ это обыкновенно выводится въ подобнаго рода сказкахъ, но болѣе сообразно съ дѣйствительною жизнію—и мужчинѣ, и, наконецъ, потому, что въ нашихъ разсказахъ дается отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи медвѣдей,—вопросъ, уже вызвавшій нѣсколько цѣнныхъ сообщеній на страницахъ „Этногр. Обзорѣнія“ (IV, 101 и VI, 143, 233).

1. *Липа*.— „Изъ чего, дѣдушка, медвѣди?“ спросилъ однажды маленькій внучекъ своего стараго дѣдушку, сидя съ нимъ вечеромъ на печи. „Отчего, дѣдушка, лапы и ноги у медвѣдей похожи на людскія?“ — Видишь, внучекъ, медвѣди изъ людей. — „Какъ, дѣдушка, изъ людей?“ — А такъ, внучекъ. Вотъ слушай и замѣчай. Жилъ себѣ да поживалъ мужичекъ бѣдно, пребѣдно: ни кола, ни двора, ни зерна; день ѣлъ, а два въ пустую печку глядѣлъ; зипунишка—вотъ и весь его пожитокъ. И надоѣло мужичку сидѣть въ холодной хатѣ: взялъ салазки, топоръ и побрелъ въ лѣсъ нарубить дровецъ. Долго-ли, коротко-ли ходилъ онъ по лѣсу—неизвѣстно, началъ онъ рубить дрова и встрѣтилась ему липа; онъ и захотѣлъ срубить ее. Поднялъ уже топоръ, чтобы рубнуть, какъ отзовется къ нему липа: „Мужичекъ, мужичекъ! не рубай меня; я тебѣ буду въ великой пригодѣ!“ Мужикъ опустил свой топоръ и спрашиваетъ липу: „въ какой-такой ты будешь пригодѣ?“ — Я тебѣ дамъ все, что тебѣ нужно. „Ежели такъ“, говоритъ мужикъ: „то вотъ мой дворъ не огороженъ, на немъ ни хлѣвушка, ни амбарчика съ хлѣбомъ, ни скотинки, ни курочки, да и мы съ бабой не одѣты и не обуты. Словомъ: голъ, какъ соколъ, зипунишка—весь пожитокъ. Такъ сдѣлай, чтобы мой дворъ былъ огороженъ и чтобы въ немъ было всего много: и хлѣба, и скота, и птицы. чтобы мы съ бабой были и сыты, и одѣты, и обуты“. Липа ему отвѣчала: „ступай себѣ домой, всего этого добра будетъ у тебя много“. Пришелъ мужикъ домой, а у него скотина ужъ въ загородѣ мычить, хозяйка встрѣчаетъ, а старуха ключами отъ амбара бряжчить, да зерно птицѣ посыпаетъ. Хорошо зажилъ мужикъ. Пожилъ немного да и снова пошелъ въ лѣсъ къ липѣ. Приходитъ, подошелъ и ударилъ ее обухомъ топора. Липа и спрашиваетъ: „чего пришелъ мужичекъ? чего тебѣ нужно?“—Вотъ у меня жена старая, рябая и хвора: сдѣлай такъ, чтобы она была молодая, красивая и здоровая. „Ступай себѣ домой: все будетъ по твоему“. Приходитъ мужикъ домой, встрѣчаетъ его жена—красавица писаная. Живетъ мужикъ, поживаетъ; всего у него много, жена красавица,—словомъ, живетъ въ свое удовольствіе. Вдругъ не понравилось ему ломать шапку передъ старшиною. Снова пошелъ въ лѣсъ къ липѣ. Приходитъ

въ лѣсъ, подошелъ и ударилъ ее обухомъ. Липа и спрашиваетъ: „чего пришелъ мужичекъ? чего тебѣ нужно?“—„Вотъ я ломаю передъ старшиной шапку: сдѣлай такъ, чтобы я самъ былъ старшиною“. „Ступай себѣ домой“, сказала липа: „все будетъ по твоему“. Не успѣлъ онъ домой придти, какъ звенить уже колокольчикъ: подѣхало нѣсколько почетныхъ людей, просятъ его въ волость и поздравляютъ старшиною. Послужилъ онъ немного старшиною и не захотѣлъ служить больше потому, что приходилось ему шапку ломать и передъ становымъ, и передъ исправникомъ, и передъ губернаторомъ. Пошелъ онъ опять къ липѣ. Приходить, ударилъ по ней обухомъ и говоритъ: „Липа, я хочу тебя срубить“.—„Чего пришелъ, мужичекъ? спрашиваетъ его липа: чего тебѣ еще нужно?“ Отвѣчаетъ ей мужикъ: „вотъ я передъ становымъ, исправникомъ и губернаторомъ шапку ломаю: сдѣлай такъ, чтобы я самъ былъ губернаторомъ“.—„Ступай себѣ домой“, сказала ему липа: „все будетъ по твоему“. Назначили мужика губернаторомъ, но все же ему пришлось ломать шапку передъ царемъ. Пошелъ онъ опять въ лѣсъ къ липѣ и намѣревается ее рубить. „Чего же тебѣ еще нужно? спрашиваетъ мужика липа: развѣ ты не губернаторъ?“—„Губернаторъ то я, губернаторъ, отвѣчаетъ ей мужикъ: а все приходится ломать шапку: сдѣлай-ка такъ, чтобы былъ я царемъ“. Тогда липа сказала мужику: „вспомни-ка, мужичекъ, что ты былъ и чѣмъ сталъ, и чего тебѣ еще нужно? Быть царемъ! да вѣдь царь избирается самимъ Богомъ, а ты хочешь быть царемъ; такъ будь же ты медвѣдемъ, а жена твоя медвѣдицей!“ И въ ту же минуту мужикъ сталъ медвѣдемъ, а жена его—медвѣдицей. „Такъ вотъ видишь, внучекъ, изъ чего медвѣди, и почему у нихъ ноги и лапы похожи на людскія“, сказалъ дѣдушка своему внуку. (Сл. Преображенная. Отъ крестьянина И. Галенко).

Въ Кулянскомъ уѣздѣ кромѣ того извѣстенъ разсказъ общераспространенный о происхожденіи медвѣди изъ человѣка, желавшаго испугать Христа и ап. Петра, когда они проходили по мосту.

Кумъ.—„Бувъ соби чоловѣкъ та жинка; воны жылы въ лиси и бидно. Родылась у ихъ дотынка,—чоловѣкъ и пишовъ шукаты кумивъ, шобъ дытыну перехрыстыты. Куму найшовъ,

а кума такъ не найды: никто ны хочыть. Винъ уже три дни ходывъ, и никто ны согласыся до ёго иты кумуваты, шо винъ дуже бидный. Отъ иде винъ додому тай плачыть. На дорози зустривъ ёго старый, старый дидъ тай пыта: „чого ты, чоловиче добрый, плачышь?“ — Якъ мини, дидусю, ны плакаты, шо третій день кума не найду: прыйдыця моему сыночкови ище остатця нехрыщеному. Дидъ той и кажы: „та давай я пиду покумую“. Чоловикъ обрадовався, повивъ ёго въ свою хату. Кума все ждала,—снарядыла и отправыла кумивъ съ дetyною до попа хрыстыты. Вони пишли, перехрыстылы, принесли до дому. Кумъ и каже: „ну, вы закускойты, а я до дому пиду. Ты, кума, одужуй та кормы сына, а шобъ швыдче поправлялась, такъ возьмы, кумъ, мишокъ та ходимъ, я тоби насыплю пшеныци, шобъ було шо куми исты“. Чоловикъ взявъ мишокъ и пишовъ за старымъ дидомъ, своимъ кумомъ. Той прививъ ёго въ лисъ густый, густый, пидвивъ до товстого дуба, одиткнувъ у нѣму чипъ—пшеныця, якъ золото, и полылась изъ дуба. Цей пидставывъ мишокъ, насыпавъ повенъ изъ верхомъ и завязавъ. Старый кумъ кáжы: „якъ поистѣ цю пшеныцю, такъ прыйдышь ище,—я ище дамъ пшеныци“. Якъ прынисъ чоловикъ додому пшеныцю, жинка рада и гомонить: „отъ, Богъ давъ, нажылы кума, такъ кума! Це такый кумъ, шо опчаслыве насъ“. Якъ не стало пшеныци, жинка кажы: „беры, чоловиче, мишокъ та йды до кума за пшеныцею, та попросы у ёго сто рубливъ грошей на волы“. Винъ иде дорогою и думаетъ: „якъ бы кумъ давъ двисти рубливъ, тоди бъ мы зажылы ны такъ!..“ Прыйшовъ до кума и сказавъ, шо жинка просыла, кромѣ пшеныци, ще сто рубливъ грошей. „Та ни, куме“, сказавъ ёму старый дидъ: „ты, куме, дорогою думавъ двисти рубливъ грошей попросыты, такъ на тоби двисти рубливъ, та купи волы“. Той узявъ гроши и пшеныцю, подякувавъ и пишовъ додому. И ради булы вони, шо розжылысь на гроши. Сичасъ купылы воливъ и корову—начала богатиты. Упять жинка кажы своему чоловикови: „пиды, чоловиче, до кума и попросы ёго, шобъ наставывъ тебе началныкомъ“. Пишовъ винъ до кума, поздоровався и говóры: „ты знаишь, куме, чего я до тебе прыйшовъ?“—А чого?—„Поставъ мене якымъ-небудь

начальникомъ!“ Винъ узавъ и наставивъ ёго старостою. По ходивъ, не похोдивъ винъ старостою,—жинка упьять до кума посылла: „Пиды такы, чоловиче, до кума, ныхай винъ устроить тебе царемъ“. (Воны, бачъ, уже щиталы своего кума за самого Бога, чого и надіялысь на ёго що все винъ зможы зробыты). Чоловикъ прыходыть до кума и просыть наставыты ёго царемъ. Кумъ ничого, — поставивъ ёго царемъ. Оце винъ уже и царюи. Жинци показалось нызько буты и царыцею: посылла вона своего чоловика-царя ище до кума, шобъ винъ зробивъ ёго Богомъ, — бачъ, ій захотилось побуты богынею. Прыйшовъ винъ до старого кума и просыть зробыты ёго богомъ. Кумъ сказавъ ёму: „шожъ, пожалуй, я зроблю тебе и богомъ, та тилкы гляды, хто шо не буды робыты, хотъ якъ несправедно, такъ ты мовчы, не осуждай никого и никому ничого ны кажы“. Винъ согласывся, — и посадывъ ёго дидъ богомъ на драбынцы.. Сыдыты винъ вгори на драбынцы и богуи надъ усимъ. Отъ дывыця: два браты стали дилыця; прыйшлося имъ розсыпаця пшеныцею, а миркы не було. Одынъ изъ ихъ и побигъ до сусида за миркою, а той братъ, шо остався, черкъ коробкою пшеныци та въ свои мишкы, шобъ той ны бачывъ. Богъ той, шо на драбынцы сидивъ, якъ закрывыть: „а що ты, дьяволивъ сыну, робышъ, на шо ты соби крадышъ!“ Оце вже, бачъ, богъ, шо на драбынцы, не исповывъ своего обещання кумови. Отъ прыходы до ёго старый кумъ и кажы: „чого жъ ты, боже, не исповывъ мого приказання? Не будь же ты богомъ, а будь выдмедемъ!“ Тай турнувъ ёго изъ драбыны геть додому. И побигъ той чоловикъ выдмедемъ. Такъ выдмеди изъ людей и пишлы плодыця, отъ того чоловика, шо бувъ богомъ. Того выдмеди здорово и похожи на людей, шо воны изъ людей. Первый выдмедь, шо бувъ богомъ, побигъ до жинкы додому,— тилкы прытулывся до ней и до дитыны, воны тожъ сичасъ зробылысь медвежыхою и медвыжамъ, и вси трои побиглы въ лисъ, тамъ стали и жыты“. (Сл. Ново-Екатеринославль. Записаль крест. Ів. Рудичъ).

П. И.

Дѣтскія игры бѣлорусскихъ евреевъ.

Въ исполненіе одного изъ безчисленныхъ предписаній талмуда, еврейскія дѣти, собственно мальчики, обязаны, по достиженіи пяти или шести-лѣтняго возраста, посѣщать хедеры, еврейскія школы, въ которыхъ невѣжественные меламеды-фанатики обучаютъ ихъ еврейской грамотѣ и начаткамъ вѣроученія по талмуду. ¹⁾ Въ извѣстномъ Описаніи Могилевской губерніи г. Дембовецкаго мѣстный гебраистъ Жуковскій совершенно справедливо говоритъ, что меламеды имѣются вездѣ, гдѣ есть малѣйшее поселеніе еврейское, хотя бы, прибавимъ отъ себя, одна изба. По наружному виду они кажутся идиотами и въ сущности не имѣютъ никакихъ, даже самыхъ элементарныхъ, научныхъ свѣдѣній, и умѣя только читать, передаютъ это умѣнье (самыми допотопными приѣмами) своимъ ученикамъ безъ всякихъ разъясненій. Книжки, читаемыя здѣсь, исключительно талмудистическія. ²⁾

Въ этихъ грязныхъ и вонючихъ хедерахъ дѣти правовѣрныхъ евреевъ проводятъ почти все свое дѣтство, до тѣхъ поръ, пока по достиженіи извѣстнаго возраста (13 лѣтъ и 1 дня) будутъ приняты въ число членовъ синагоги и получаютъ право употреблять при молитвѣ традиціонное полосатое покрывало и надѣвать на руки и на лобъ *тефилинъ*—гузы,

¹⁾ Въ настоящее время, по сообщенію газетъ, этотъ вопросъ обратилъ на себя вниманіе правительства, и составленъ проектъ преобразованія системы начальнаго обученія еврейскихъ дѣтей. Нижніе хедеры съ меламедами и ихъ помощниками бегельеерами, а также бесъ-гамидроши, или молитвенныя школы, имѣютъ быть замѣнены правительственными учрежденіями, въ которыхъ обученіе будетъ происходить подъ контролемъ особой инспекціи. *Ред.*

²⁾ Томъ I, стр. 729.

какъ зовутъ ихъ бѣлоруссы, — и слѣдовательно фанатическимъ ученіемъ, въ духѣ ненависти къ иновѣрцамъ, еврейскія дѣти пропитываются съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Неудивительно поэтому, съ одной стороны, полное почти отсутствіе свободныхъ, чисто дѣтскихъ игръ у еврейскихъ дѣтей, а съ другой стороны тотъ проникнутый религіозною вѣтерпимостью характеръ, который приданъ немногимъ существующимъ играмъ.

Можетъ быть, наши долготѣнія наблюденія и поверхностны, но намъ удалось найти у еврейскихъ дѣтей *только одну* игру, не имѣющую никакого отношенія къ религіи. Это — игра въ *косточки*. ¹⁾

Игра эта состоитъ вотъ въ чемъ. Играющіе берутъ 11 косточекъ (изъ бараньей ноги) и усаживаются на полу или на гладкой землѣ. Здѣсь они устанавливаютъ между собою очередь въ игрѣ и условливаются въ величинѣ „пульки“. Мальчики въ этой игрѣ принимаютъ участіе весьма рѣдко, и она сдѣлалась почти исключительно игрою дѣвочекъ.

Итакъ, первая по очереди участница игры беретъ въ обѣ руки косточки и бросаетъ ихъ на полъ, стараясь бросить такъ, чтобы онѣ не легли группами. Затѣмъ изъ ихъ числа выбираетъ одну, которая лежитъ ближе къ другимъ, и, подбрасывая ее кверху, въ то же время хватается съ пола другую косточку и опять ловитъ на лету первую, не давая ей упасть на землю. Когда такимъ образомъ въ рукѣ будетъ двѣ косточки, играющая одну откладываетъ въ сторону, а другую снова подбрасываетъ кверху и хватается съ пола третью, не давая упасть и подброшенной. Когда будутъ схвачены съ пола такимъ образомъ всѣ десять косточекъ, кончится первая фигура игры. Тогда играющая снова беретъ всѣ косточки въ обѣ руки и бросаетъ ихъ на полъ, стараясь, чтобы онѣ

¹⁾ Дѣвушки изъ еврейскихъ семей, изолированно живущихъ въ деревняхъ, нерѣдко принимаютъ участіе въ играхъ бѣлорусской молодежи; онѣ прекрасно говорятъ по-бѣлорусски, и часто, принявъ христіанство, выходятъ замужъ за бѣлорусскихъ парней — участниковъ игръ. Еврейскія дѣтскія *забавы* носятъ характеръ болѣе или менѣе коммерческій. Въ настоящее время распространилась игра «въ классы» (царства, городки), но она перенята исключительно въ городахъ и дальше не распространяется.

уложились или группами или невдалекѣ одна отъ другой. Затѣмъ берется косточка, которая лежитъ неудобно—въ данномъ случаѣ слишкомъ далеко отъ другихъ; подбрасывая ее кверху, играющая хватается съ полу по двѣ косточки, ловя каждый разъ на лету и косточку, подброшенную кверху. При третьей фигурѣ съ пола хватается по три косточки. Четвертая фигура заключается въ томъ, что дѣвочка беретъ въ одну руку всѣ косточки и подбрасываетъ ихъ слегка кверху, стараясь уловить перевернутою рукою (ладонью книзу). Подхваченныя такимъ образомъ косточки сейчасъ-же подбрасываются снова кверху и подхватываются опять же перевернутою рукою (ладонью кверху). Каждая подхваченная такимъ образомъ косточка считается за *десять*, и условленная пулька уменьшается на столько десятковъ, сколько въ послѣдній разъ подхвачено косточекъ. Игру начинаетъ тогда слѣдующая по очереди участница. Но если игравшая подхватить перевернутою рукою (ладонью книзу) всего одну косточку, или при вторичномъ подхватываніи (ладонью кверху) уронить косточку, то ходъ считается проиграннымъ, и игра передается слѣдующей. Равнымъ образомъ ходъ считается проиграннымъ и тогда, если въ первыхъ трехъ фигурахъ играющая не успѣетъ подхватить на лету подброшенную вверхъ косточку, или вмѣсто одной схватитъ двѣ, вмѣсто двухъ одну и т. д. Когда очередь снова дойдетъ до первой, она начинаетъ игру съ той фигуры, на которой она ошиблась — „спортилась“, какъ говорятъ бѣлоруссы. Пулька назначается обыкновенно не менѣе 100 и не болѣе 400. Въ южной части Могилевской губерніи косточекъ бываетъ только пять, но фигуры сохраняются всѣ. Тамъ впрочемъ это любимая игра всѣхъ дѣтей, въ томъ числѣ и христіанскихъ. Но бѣлоруссы и великоруссы играютъ не косточками, а „камушками“. А игра въ камушки, какъ извѣстно, распространена и въ другихъ мѣстахъ Россіи. ¹⁾

Всѣ остальные извѣстныя намъ игры еврейскихъ дѣтей имѣютъ большее или меньшее отношеніе къ религіи, почти

¹⁾ Покровский, Дѣт. игры, стр. 341; Ивановъ, Дѣт. игры Кулян. у. 39. Баловъ, Этн. Обзор. VI, 112.

всѣ проникнуты религіозномъ фанатизмомъ, или, какъ выражается одна изъ нашихъ почтенныхъ корреспондентокъ, „установлены въ память великихъ событій еврейской исторіи“. Но и такихъ игръ весьма немного.

Главное мѣсто среди нихъ принадлежитъ игрѣ *въ орѣхи*. Это, можно сказать, національная еврейская игра.

Какъ извѣстно, давать дѣтямъ орѣхи въ первыя двѣ ночи Пасхи предписывается тѣмъ же всепроникающимъ талмудомъ, въ тѣхъ видахъ, вѣроятно, чтобы дѣти не засыпали во время безконечнаго чтенія, на древнееврейскомъ языкѣ, исторіи о выходѣ евреевъ изъ Египта. Такимъ образомъ, съ невинной повидимому игрой въ орѣхи у еврейскихъ дѣтей уже связывается память о „великомъ событіи“ въ жизни ихъ предковъ. Самая причина, по которой дѣтямъ даются для игры именно орѣхи, а не другое что, также оригинальна. По толкованію ортодоксальныхъ евреевъ, *орѣхъ есть подобіе еврея*, какъ-бы его символъ. Сильнѣйшее сходство между ними оказывается вотъ въ чемъ: Божій избранникъ, еврей, силою обстоятельствъ принужденъ вращаться среди такихъ нечистыхъ созданій, какъ *иш*, то есть хрістіане. Но еврей—орѣхъ. Какъ бы онъ наружно ни загрязнился сношеніями съ нечистыми гоями, внутренній міръ его остается всегда однимъ, чистымъ и невредимымъ, какъ ядро въ испачканномъ случайно орѣхѣ. Признаніе, слышанное лично нами, весьма характерное.

Существуетъ нѣсколько видовъ игры въ орѣхи; болѣе обыкновенный слѣдующій: играющіе ставятъ на конъ по орѣху, одинъ за другимъ (отъ играющихъ, но не въ рядъ, не справа налево) становятся на десять—двадцать шаговъ отъ коня, нѣсколько въ сторону и катятъ по очереди чугунные шарики, по-бѣлорусски—галки, въ конъ, стараясь непременно попасть въ орѣхи. Если галка попадетъ въ первый орѣхъ, попавшій въ него беретъ только этотъ одинъ орѣхъ, если во второй—берется два орѣха, въ третій—три, въ послѣдній—всѣ. Выигрывающій имѣетъ право бросать галку до тѣхъ поръ, пока не промахнется или не выиграетъ всѣ орѣхи, стоящіе на кону. Съ другой стороны, если покотившій ядро промахнется или покатитъ его такъ слабо, что оно столкнувшись съ орѣхомъ, не сдвинетъ его съ мѣста, то ходъ считается проиграннымъ и проигравшій

приставляетъ на конъ еще орѣхъ. Когда такимъ образомъ отъ частаго проигрыша конъ приблизится къ играющимъ, тогда проигрывающіе начинаютъ ставить орѣхи перпендикулярно къ первому ряду, дѣлая для него такимъ образомъ прикрытіе, которое не должно затрогиваться ядрами при дальнѣйшей игрѣ.

Второй видъ игры въ орѣхи составляетъ катанье ихъ съ лубка или съ доски, подобное нашему катанью яицъ на Пасхѣ, съ тою только разницею, что у насъ, при столкновеніи яицъ, выигравшимъ берется одно яйцо, а у евреевъ при столкновеніи орѣховъ, берутся всѣ находящіеся у лубка орѣхи.

Для третьяго вида игры въ орѣхи берется остроконечная ермолка (которая надѣвается подъ шапку евреями); на вдавленную нѣсколько вершину ея играющіе кладутъ по орѣху, и затѣмъ по очереди стараются на нѣкоторомъ отдаленіи выбить изъ ермолки сначала однимъ орѣхомъ два, потомъ двумя три, тремя, пятью, и т. д. Въ случаѣ же неудачи, брошенные орѣхи остаются въ ермолкѣ вмѣстѣ съ ставкою. Въ Могилевской губерніи игра эта имѣетъ много варіацій, нося названія: патэс, сэлэ-мэлэ-бомбэ и др.

Наконецъ четвертый видъ игры съ орѣхами состоитъ въ слѣдующемъ. Три игрока складываютъ по два орѣха. Одинъ игрокъ остается съ орѣхами, прочіе уходятъ въ другую комнату. Оставшійся беретъ три тарелки и прячетъ подъ ними орѣхи: подъ одной одинъ, подъ другой два, подъ третьей три. Тогда входитъ одинъ изъ выходившихъ игроковъ и вскрываетъ любую тарелку, выигрывая находящіеся подъ нею орѣхи. Второй выбираетъ уже изъ двухъ тарелокъ. Тому, который пряталъ орѣхи, остается послѣдняя. Затѣмъ по очереди у тарелокъ остается второй игрокъ и т. д.

Какъ уже сказано выше, игра въ орѣхи предписывается талмудомъ только въ Пасху; но въ виду отсутствія, вѣроятно, другихъ игръ она допускается и въ нѣкоторые другіе праздники (говорю — въ праздники, такъ какъ въ будни дѣти сидятъ въ хедерахъ съ утра до вечера). Къ такимъ праздникамъ принадлежатъ Пятидесятница, Куши и день Освященія (ханука), установленный въ память побѣды Маккавеевъ.

Въ этотъ послѣдній праздникъ, впрочемъ, дѣти играютъ

еще въ волчекъ или юлу, на деньги, также и на орѣхи. Вол-

ש ה ה ז

чекъ выливается обыкновенно изъ свинца. Онъ состоитъ изъ небольшого кубика, съ конической ножкой внизу и небольшой ручкой вверху. По боковымъ сторонамъ кубика или на крыльяхъ, которыя нерѣдко прикрѣпляются къ его боковымъ ребрамъ, вырѣзываются четыре еврейскія буквы: н, з, х, ш, по одной на каждой сторонѣ. Это на-

чальные буквы древне-еврейскихъ словъ: *нэс, юдэа, хойё, шом*, означающихъ въ переводѣ: великое чудо совершилось тамъ (въ Палестинѣ).

Такимъ образомъ, и такая невинная игра, какъ волчекъ (кажется *юръ*), имѣетъ также религіозную подкладку. Практическія дѣти замѣнили впрочемъ древнееврейскія слова словами жаргона: *nichts, gar, halb, stell-zu* (ничего, совсѣмъ, половина, приставъ). Каждый изъ играющихъ по очереди пускаетъ волчекъ и, смотря по тому, какою буквою вверху онъ ляжетъ, играющій или ничего не получаетъ изъ ставки, или беретъ все, половину, или приставляетъ къ прежней ставкѣ новую. Эта игра должна продолжаться недѣлю,

Къ числу праздничныхъ дѣтскихъ игръ сами евреи относятъ и слѣдующіе обычаи и обряды:

Въ девятый день *Куцей* въ синагогѣ читаются послѣднія главы Пятикнижія, чѣмъ завершается годовой кругъ чтенія его при богослуженіи. Къ этому дню каждый мальчикъ заранее приготовляетъ цвѣтную свѣчу, разукрашенную палочку, въ видѣ подставки для свѣчи, и специально для этой цѣли изготовленную картинку краснаго, зеленаго и т. п. яркихъ цвѣтовъ. На оригинальной картинкѣ этой съ одной стороны въ центрѣ находится изображеніе священной торы, увѣнчанной короною и поддерживаемой символическими звѣрями и птицами. Подъ торою одни сыны Израиля, въ древнихъ костюмахъ, несутъ въ сопровожденіи дѣтей свитки закона, а другіе правовѣрные пируютъ съ чашами въ рукахъ и танцуютъ, такъ какъ, по предписанію талмуда, въ этотъ день (шалѣное свято) всякій еврей непременно долженъ быть пьянъ, иначе онъ будетъ сочтенъ за еретика,

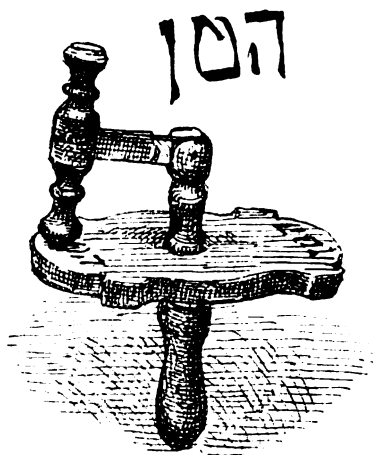
не радующагося Моисееву законодательству. Здѣсь же находится и надпись: радуйтесь, радуйтесь празднику Шимхасъ-торѣ! На другой сторонѣ картинки изображаются символическія животныя, чаще всего левъ и олень, съ соотвѣствующими надписями, въ родѣ: будь силенъ, какъ левъ, и быстръ, какъ олень, въ исполненіи заповѣдей Божіихъ. Видовъ такихъ картинокъ есть нѣсколько. Продѣвая картинки эти сквозь помянутыя подставки для свѣчей, дѣти дѣлають изъ нихъ родъ флага, съ которымъ при наступленіи вечера, зажегши свѣчи, толпами бѣгутъ въ синагогу и тамъ участвуютъ въ процессіи семикратнаго обнесенія свитковъ вокругъ алтаря, „восхваляя Моисея за его законодательство“. Само собою разумѣется, что мальчишки стараются перещеголять другъ друга красотою своей картинки, свѣчи и палочки.

Затѣмъ, готовясь къ празднику *Пуримъ*, въ который воспоминается избавленіе евреевъ Эсфирью отъ поголовнаго истребленія, дѣти начинаютъ копить деньги и покупають на нихъ специально изготовленные къ этому празднику еврейскими кондитерскими сахарныя фигурки животныхъ, посуды, утвари и т. п. Съ наступленіемъ Пурима дѣти, поиражая взрослымъ, рассылають чрезъ бѣдныхъ мальчишковъ эти фигурки въ подарокъ своимъ товарищамъ, по ихъ старшинству, всячески стремясь къ тому, чтобы взаимно получить болѣе дорогой подарокъ, и приходя въ отчаяніе отъ подарка болѣе дешеваго. Желаніе узнать поскорѣе, не обманетъ ли товарищъ отвѣтнымъ подаркомъ, настолько сильно овладѣваетъ дѣтьми, что они, не дожидаясь возвращенія своего посланца, сами бѣгутъ къ дому товарища и, притаившись у дверей или у окна, наблюдаютъ за его дѣйствіями ¹⁾.

Съ праздникомъ Пурима соединяется и еще одна дѣтская игра. Какъ извѣстно, въ чтеніяхъ этого дня упоминается имя Амана, царедворца Ксеркса, который, вѣроятно, по чувству патріотизма, намѣревался освободить свою родину отъ евреевъ, употребивъ для этого средство во вкусъ того времени—поголовное истребленіе. Намѣреніе Амана не осуществилось. Но евреи его не забыли, хотя съ того вре-

¹⁾ Подробности эти сообщены намъ еврейкою.

мѣни прошло 2365 лѣтъ, и весьма оригинально выражаютъ свою ненависть къ Аману. Къ этому дню дѣтьми устраивается особая трещотка. Она состоитъ изъ трехъ частей: доски эллиптической формы, продѣтой чрезъ нее ручки, съ длиннымъ концомъ поверхъ доски, и молотка. Молотокъ прикрѣпленъ на шарнирѣ къ выдающемуся поверхъ доски концу ручки такъ, что свободно ударяетъ по обоимъ концамъ доски. На этихъ концахъ, въ точкахъ ударовъ молотка, вырѣзано имя Амана.

И вотъ этими-то молотками еврейскія дѣти бьютъ Амана при каждомъ упоминаніи въ чтеніяхъ имени ненавистнаго амаликитянина. Старые евреи при этомъ немилосердно стучатъ каблуками, а молодежь заранѣе припасенными палками.

Не свободна отъ вліянія религіи и слѣдующая игра, представляющая нѣчто въ родѣ нашихъ *жмуровъ*. Одинъ изъ играющихъ садится на стулъ; другой нагибается къ нему лицомъ на колѣни, чтобы не видѣть происходящаго сзади; остальные играющіе кладутъ ему на спину свои руки, въ кругъ, кромѣ одного, который, читая строфу изъ *утренней молитвы*, бьетъ по очереди, при каждомъ словѣ, по рукамъ играющихъ. На чьей рукѣ пришелся ударъ при послѣднемъ словѣ, на той и останавливается читавшій и спрашиваетъ у лежащаго: чья это рука? Если лежащій угадываетъ, его замѣняетъ тотъ, чья рука; въ противномъ случаѣ игра продолжается по прежнему, но читаемая строфа начинается уже съ руки другого мальчика, чтобы послѣднее слово ея не приходилось на одномъ и томъ же.

Вотъ и всѣ игры несчастнаго еврейскаго ребенка.

Отъ комментариевъ мы воздержимся. Это скорѣе дѣло газетной прессы. Наша же цѣль была—приподнять нѣсколько завѣсу, отдѣляющую отъ насъ этотъ своеобразный, во многомъ еще ветхозавѣтный міръ...

Е. Романовъ.

О народной медицинѣ въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской губ.

Настоящія замѣтки составлены по личнымъ наблюденіямъ въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской губ., въ волостяхъ: Демянской, Скопецкой и Барышевской. Мѣстность эта до сихъ поръ сравнительно мало подвергалась вліянію городской и фабричной жизни. Ближайшій большой городъ (отъ названныхъ волостей въ 60—80 верстахъ) привлекаетъ изъ Переяславскаго уѣзда сравнительно мало рабочихъ. Много крестьянъ, особенно молодежи, уходитъ на заработки, но не въ большіе города, а „на низъ“,—въ губерніи Екатеринославскую, Херсонскую, и въ Кубанскую область. Населеніе же этихъ мѣстностей въ большинствѣ однородно съ населеніемъ Полтавской губерніи по языку и міровоззрѣнію. Гораздо болѣе сильное, чѣмъ города и отхожіе промыслы, вліяніе на народныя понятія имѣютъ мѣстныя причины. Уже съ давнихъ поръ духовенство и администрація ведетъ борьбу съ народнымъ „язычествомъ“, съ вѣрой въ силу заклинаній и ворожбу всяческихъ видовъ. Но борьба эта по настоящее время не даетъ ощутительныхъ результатовъ, и, не смотря на строгіе законы, народные цѣлители—ворожки продолжаютъ благоденствовать. Нерѣдко даже приходится наблюдать, какъ само начальство проникается вѣрою въ силу предрассудковъ, прибѣгаетъ къ помощи ворожекъ или борется съ знахарями ихъ-же оружіемъ. Для уничтоженія „закрутки“ и дурныхъ послѣдствій отъ нея, въ нѣкоторыхъ селахъ крестьяне обращаются къ священнику, который, за извѣстное вознагра-

деніе, вызъжаетъ на мѣсто найденной закрутки и читаетъ надъ нею заклинанія по старинному требнику Петра Могилы.

Если духовенство и администрація безсильны поколебать міросозерцаніе, сложившееся вѣками, то задачу эту съ замѣтнымъ успѣхомъ выполняетъ народная школа и земская медицина. Народные учителя стараются освободить своихъ учениковъ отъ предрасудковъ, — и села, гдѣ давно существуетъ школа, даютъ наибольшее количество больныхъ, обращающихся за помощью въ земскія амбулаторіи. Но школъ сравнительно мало (число ихъ колеблется отъ 30 до 33 на 120 тысячъ населенія уѣзда), народныхъ библиотекъ и читателей совсѣмъ нѣтъ, а сами учителя не всѣ свободны отъ суевѣрій и предрасудковъ. Не имѣя возможности продолжать умственное развитіе послѣ школы чтеніемъ хорошихъ книгъ, читая только изданія лубочныя, крестьяне вносятъ въ свои взгляды на жизнь и природу новые элементы, весьма сомнительнаго достоинства,—получается новая путаница въ міровоззрѣніи, хуже прежней. Не имѣя умственныхъ силъ и подготовки отвѣтить на столь близкіе для человѣка вопросы, какъ вопросы о жизни, болѣзни, смерти,—многіе крестьяне, въ сознаніи своего безсилія, рѣшаютъ, что объ этомъ „грѣхъ думать“.

И на народное міровоззрѣніе вообще, и на народную медицину въ частности, имѣетъ замѣтное вліяніе земская медицина, благодаря, главнымъ образомъ, практичности своей постановки и доступности для народной массы. До введенія земскихъ учрежденій въ уѣздѣ былъ только одинъ врачъ, внушавшій народу страхъ и отвращеніе своими разѣздами для производства судебныхъ слѣдствій и вскрытій. Собственно лѣченіемъ народа онъ не занимался, да это было бы для него и невозможно. Теперь въ уѣздѣ имѣется 4 врача и 21 фельдшеръ (съ 1891 г.—5 врачей), и всѣ они завалены работой. Число больныхъ, обращающихся за помощью въ земскія амбулаторіи, быстро растетъ (въ 1889 году было около 80 тысячъ на 120 тысячъ населенія).

Но большинство крестьянъ видитъ въ медицинѣ не раціоналистическое искусство, а тоже область мистическую, знахарскую, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ доморощен-

ная медицина. Приемы изслѣдованія и вся обстановка врача (постукиваніе, выслушиваніе, термометръ и всякіе приборы и инструменты) настолько же непонятны и таинственны для крестьянина, какъ и приемы ворожекъ. Лѣкарство, получаемое крестьяниномъ въ земской амбулаторіи, есть для него всё то же „зилья“. Рѣдкостіе этого многіе крестьяне лѣчатся попеременно то въ земскихъ амбулаторіяхъ, то у ворожекъ. Земскій медицинскій персоналъ не старается распространять свѣдѣнія по естествознанію, физиологіи и гігіенѣ, отчасти по недостатку времени, отчасти по отсутствію сознанія въ необходимости взять на себя эту культурную задачу ради цѣлей научной медицины.

Въ отношеніяхъ крестьянъ къ ворожбѣ и всякимъ суевѣріямъ не замѣчается существенной разницы по поламъ. Съ перваго взгляда кажется, что мужчины свободнѣе отъ этихъ суевѣрій, чѣмъ женщины. На самомъ дѣлѣ они только сдержаннѣе, скрытнѣе въ этомъ отношеніи. Если только кто нибудь, особенно изъ ихъ-же среды, будетъ серьезно отрицать сверхъестественныя знанія и силу ворожекъ, крестьянинъ обыкновенно проявляетъ непріязнь и нетерпимость къ такому свободомыслію. Молодежь вообще свободнѣе отъ этихъ предразсудковъ, отчасти по своему легкомыслію, отчасти потому, что выросла при новыхъ условіяхъ. Солдаты и люди, жившіе въ городахъ, также часто проявляютъ это свободомысліе по отношенію къ вѣсному старомодному и самобытному и съ большимъ довѣріемъ обращаются за помощью къ земской медицинѣ.

На болѣзни вообще смотрятъ какъ на службу Богу, искупленіе за содѣянные грѣхи. Наказаніе можетъ быть ниспосылаемо главнымъ образомъ за несоблюденіе праздникова; въ такихъ случаяхъ обыкновенно говорится, что „покаравъ“ тотъ святой, праздникъ котораго былъ нарушенъ работой: „покаравъ святой Иванъ Воинный“, или „святой Полу-Петро“ и т. п. Болѣзни можетъ приключиться и отъ нѣкоторыхъ урочныхъ дней: такъ, за пряденіе въ пятницу можетъ разболѣться рука („пучку скрутило, — свята Пятинка покарала“). Вообще, по народнымъ понятіямъ, высшія существа требуютъ для себя почитанія празднованіемъ дней,

посвященныхъ имъ, и сердятся за несоблюденіе этой обязанности. Отъ этой причины могутъ происходить всякія болѣзни, но преимущественно слѣдующія: внезапный обморокъ, апоплексическій и солнечный ударъ, острые заболѣванія желудка, подпираніе подъ ложечкой, рвота; далѣе — раненіе ножомъ или топоромъ себя или домочадца или скотину и всякія несчастныя случайности, особенно во время самой работы. Большая часть этихъ болѣзней происходитъ во время лѣтнихъ полевыхъ работъ, когда по недостатку времени чаще всего приходится нарушать небольшіе праздники.

Далѣе я ограничусь простымъ перечисленіемъ признаваемыхъ народомъ въ данной мѣстности причинъ болѣзней, такъ какъ онѣ уже много разъ были описаны. Отъ „уроку“ (сглаза) можетъ разболѣться и распухнуть рука или нога, что также чаще всего случается во время лѣтнихъ полевыхъ работъ. Кромѣ того, „урокъ“ можетъ причинить и общія страданія дитяти: бессонницу, исхуданіе безъ видимыхъ причинъ и т. п. Отъ „прыстриту“ происходятъ: легкое недомоганіе, ознобъ, зѣвота, колюще въ бокахъ, „пропасныця“ (лихорадка).

Далѣе слѣдуютъ, какъ причины болѣзней, злые умыслы и дѣянія людей, владѣющихъ для того особенною силою или знаніями. Отъ „закрутки“, смотря по тому, съ какимъ умысломъ она сдѣлана, можетъ произойти тяжелая болѣзнь и смерть. Чаще всего сюда относятся болѣзни: тифъ, тяжелыя формы воспаленія легкихъ, скоротечная чахотка. Отъ „дання“, т. е. отравы зельемъ или снадобьемъ изъ гадюкъ, ящерицъ, и всякой „погани“, можетъ произойти боль въ животѣ, хроническое страданіе желудка и другихъ органовъ. Въ такихъ случаяхъ говорятъ, что въ желудкѣ заводятся гадюки, жабы и пр. Отъ „дання“ же происходятъ и страданія центральной нервной системы, — ипохондрія, меланхолія, тихое помѣшательство, страданія любви. Въ этихъ случаяхъ „дання“ обыкновенно состоитъ изъ отвара мозга кошки, птицы сойки, который даютъ пить и имъ же кропятъ того, на кого хотятъ подѣйствовать.

Отъ „скаженной“ (бѣшеной) собаки часто заболѣваютъ люди: у нихъ появляются подъ языкомъ маленькіе „щеняты“;

болѣе тяжелыя заболѣванія встрѣчаются рѣдко. Названное страданіе приключается не только отъ укушенія бѣшеной собаки; для этого достаточно, чтобы на человѣка повѣялъ вѣтеръ съ той стороны, гдѣ она пробѣжала.

Если кто ступитъ на то мѣсто, гдѣ „качалась“ лошадь, то у него могутъ появиться прыщи, лишай, сыпь на рукахъ и ногахъ.

Къ прилипчивымъ болѣзнямъ, по народнымъ понятіямъ, относятся: венерическія болѣзни, чесотка, всякіе прыщи, угри, бородавки. Передаваться онѣ могутъ не только черезъ прямое соприкосновеніе съ больнымъ человѣкомъ. Бородавки и прыщи можно передать другому такъ: вымыть больныя руки мыломъ, или сосчитать число бородавокъ, и вырѣзать по числу ихъ зарубки на трости или маленькіе дырочки на лентѣ, и оставить эти предметы, кусокъ мыла, или трость, или ленту, гдѣ нибудь на дорогѣ; кто возьметъ ихъ, къ тому и перейдетъ болѣзнь. Въ заразительность дифтерита, скарлатина, дизентеріи и прочихъ эпидемическихъ болѣзней народъ не вѣритъ. Онѣ признаетъ только фактъ множественности однородныхъ заболѣваній и говоритъ, что это „пѣшесть“, т. е. эпидемія, что болѣзнь „тягаеця“ по селу на подобіе того, какъ напр. ходитъ смерть. Отъ болѣзни и смерти въ такихъ случаяхъ нельзя спастись даже „замазавшись“ въ печи, а потому всякія мѣры предосторожности бесполезны. Исключеніе представляетъ развѣ оспа: не мало крестьянъ вѣритъ въ полезность оспопрививанія. Новое поколѣніе, учившееся въ школахъ и побывавшее въ солдатахъ, охотнѣе исполняетъ мѣры предосторожности, предписываемыя медицинскимъ персоналомъ, духовенствомъ и полиціей.

Въ отношеніи народа къ смерти преобладаетъ убѣжденіе, что „одъ смерти не (о)дперты“, что каждый человѣкъ живетъ именно столько, сколько ему предназначено; а потому и лѣченіе помогаетъ больному въ томъ только случаѣ, когда ему суждено жить: „якъ на вѣкъ, то й ликъ“. Но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ смерть домохадца оцѣнивается далеко не одинаково; это опредѣляется значеніемъ, какое имѣлъ умершій для семьи. Смерть маленькаго ребенка, когда у родителей, особенно не богатыхъ, уже и такъ много дѣтей,—яв-

ляется желанною. Но насильственное лишеніе жизни ребенка во всякомъ случаѣ почитается великимъ грѣхомъ; фактовъ такого рода мнѣ не приходилось наблюдать въ супружеской жизни крестьянъ. Даже и среди „пóкрытокъ“, родившихъ дѣтей внѣ брака, такіе случаи весьма рѣдки. Но вытравленіе плода отъ незаконнаго сожителства очень распространено, и почти всѣ „согрѣшившія“ женщины или дѣвушки прибѣгаютъ къ различнымъ способамъ избавиться отъ общественнаго позора.

Среди населенія Переяславскаго уѣзда сильно развита жажда стяжанія земли. А потому смерть домохозяина часто оцѣнивается съ экономической точки зрѣнія: старшіе братья бываютъ довольны смертью меньшаго, въ надеждѣ получить въ наслѣдство и его долю. А люди религіозные,—чаще старые,—утѣшаются тѣмъ, что умершіе дѣти блаженствуютъ на томъ свѣтѣ, потому что они безгрѣшны. Тамъ они молятся за грѣхи родителей, и потому Богъ часто беретъ именно лучшихъ дѣтей, какъ болѣе способныхъ молиться и служить ему. Во всякомъ случаѣ смерть дитяти не имѣетъ такой важности, какъ смерть взрослого человѣка, особливо мужа и отца: „якъ умерла дытына, то щаслива година, а якъ умерла дружина, то лыхая година!“ Но смерть очень старыхъ людей, выжившихъ изъ силъ и ума, является желанною, даже и среди зажиточныхъ семействъ.

Персоналъ народной медицины распредѣляется очень не равномерно по различнымъ спеціальнымъ отдѣламъ. Прежде всего есть средства, знаніе цѣлебной силы которыхъ свободно циркулируетъ въ массѣ народа; или же знаніе это является случайнымъ результатомъ личнаго опыта людей, не занимающихся спеціально ворожбой и лѣченіемъ. Обыкновенно средства эти предлагаются нуждающимся не только бесплатно, но даже и безъ просьбы.

Умѣнье „замовлять кровь“ хотя и является принадлежностью спеціалистовъ, но спеціалисты эти, въ лицѣ людей обоихъ половъ и весьма различныхъ возрастовъ, имѣются въ каждомъ „кутѣ“, маленькомъ участкѣ села. Люди эти по большей части не умѣютъ лѣчить никакихъ болѣзней, кромѣ кровотеченія. Умѣнье „замовлять кровь“ состоитъ въ знаніи „молитовки“ и несложныхъ пріемовъ. Передается оно кому

угодно, безъ различія пола, но съ условіемъ, чтобы перенимающій былъ моложе передающаго.

Типичными представителями сельской бабы-знахарки являются лица, умѣющіе шептать отъ зубной боли, „прыстриту“, „пропасныци“, „сонышныцъ“ (острый желудочно-кишечный катарръ), „уразу“ (маточная болѣзнь; крестьяне вѣрятъ, что и у мужчинъ есть матка), „порухи“ (боль живота отъ тяжелой работы), „бышыхи“ (рожа). Такихъ бабъ бываетъ по нѣскольку (3—4) въ каждомъ селѣ. Знанія приобрѣтаются ими по наслѣдству отъ матери или свекрови, если послѣдняя не имѣла дочерей или не пожелала передать имъ своихъ знаній. Такія бабы не отличаются отъ толпы ни образомъ жизни, ни какимъ-либо особеннымъ отношеніемъ къ нимъ крестьянъ; развѣ только въ ссорѣ сосѣдка назоветъ ее вѣдьмою, но, по общему убѣжденію, весьма неосновательно, потому что такая знахарка не дѣлаетъ никому зла, и для облегченія страждущихъ шепчетъ „молитовки“, въ которыхъ нѣтъ ничего худого или богопротивнаго. Вознагражденія за услуги берутъ онѣ самое скромное: „палыныца“ (небольшой мягкій хлѣбъ), полдесятка яицъ и, самое большее, кусокъ полотна „на рукава“ (ок. 2 арш.).

Лицъ, умѣющихъ лѣчить отъ укушенія змѣй и бѣшеныхъ животныхъ, а также отъ „данна“ (отравленіе, дѣйствующее хронически, производящее страданія желудка и другихъ внутренностей, а также психическія болѣзни),—гораздо меньше, чѣмъ лицъ предыдущаго типа: знахари этого рода имѣются даже не въ каждой волости. Обыкновенно это мужчины—старики, но есть и бабы. За свои чрезвычайныя таинственныя знанія они пользуются большимъ уваженіемъ, и къ нимъ ѣдутъ пациенты часто за десятки верстъ, привозя вознагражденіе въ видѣ мѣшковъ муки или зерна и денегъ до 1 рубля. Специалисты этого рода обыкновенно уже не работаютъ какъ всѣ, т. е. не занимаются земледѣліемъ, отчасти по своей старости, отчасти потому, что обезпечены своимъ ремесломъ. Знанія свои они передаютъ одному изъ сыновей, наиболѣе любимому, а за отсутствіемъ его—постороннему человѣку, оказывавшему помощь и уваженіе старику.

Настолько же, если не болѣе, малочисленны ворожки

отъ „закрутки“, онѣ же угадчицы и прорицательницы по всѣмъ вопросамъ, съ какими къ нимъ обращаются. Обыкновенно это не старыя, часто совсѣмъ молодыя, женщины, ловкія пройдохи, сознательно надувающія народъ. Дѣлаются онѣ ворожками, какъ онѣ сами рассказываютъ, по особому вдохновенію, высшему велѣнію, получаемому во снѣ или въ часы уединенія. Народъ не столько ихъ уважаетъ, сколько боится, и ходитъ много рассказовъ о томъ, что онѣ сами дѣлають закрутки, чтобы потомъ уничтожать ихъ за плату. Онѣ отгадываютъ, кто испортилъ корову, кто укралъ лошадь и куда увелъ, возмуть ли парня въ солдаты и т. п. Гадають на водѣ, водѣхъ, картахъ. Отвѣты даютъ неопредѣленные, двусмысленные. Нѣкоторые изъ такихъ ворожекъ прикрываются строгой набожностью, вносятъ ее въ свою систему ворожбы. Такъ, покинутой дѣвушкѣ предлагаютъ отслужить панихиду по покинувшемъ, вслѣдствіе чего тотъ долженъ возвратиться. Ворожки эти мало занимаются обыкновеннымъ крестьянскимъ дѣломъ, потому что ихъ хорошо обезпечиваетъ ремесло и отнимаетъ много времени: для уничтоженія закрутки иногда нужно выѣзжать на мѣсто верстъ за 20—30. Къ этому типу близко подходятъ по своей дѣятельности цыганки-ворожки. Онѣ тоже надувають сознательно, тоже даютъ отвѣты на всякіе вопросы, гадають по всѣмъ способамъ. Но онѣ, какъ люди бродячіе и неизвѣстные, не пользуются такимъ довѣріемъ, и имъ рѣдко поручають, напримѣръ, такое важное дѣло, какъ уничтоженіе закрутки.

Есть еще одинъ типъ представительницъ народной медицины, занимающихся лѣченіемъ „пранцивъ“ и всякихъ хроническихъ худосочныхъ болѣзней. Это нѣчто вродѣ знаменитой Сумской бабы (Харьковск. губ.). Всякая полуграмотная или безграмотная попадья, дьячиха, небогатая „пани“, живя въ селѣ, занимается, между прочимъ, лѣченіемъ больныхъ, изъ состраданія и любви къ искусству. Обыкновенно она предлагаетъ страждущимъ сушеную малину, шалфей, мятъ, варенье. При случайныхъ обстоятельствахъ изъ такой „любительницы“ можетъ выработаться заправская знахарка. Если мужъ умретъ, она останется безъ дѣтей и безъ средствъ къ жизни, то ей остается утилизировать свои скромныя зна-

нія по медицинѣ. Отъ ея способностей и такта будетъ зависѣть—добиться большей или меньшей популярности. Во всякомъ случаѣ это уважаемая народомъ женщины. Ремесло доставляетъ имъ хорошее обезпеченіе. Онѣ устраиваютъ у себя дома нѣчто вродѣ маленькихъ больничекъ, куда принимаютъ больныхъ, требующихъ продолжительнаго и сложнаго лѣченія (напр. декоктомъ, отваромъ сарсапарилли, ваннами и проч.). Иногда онѣ совмѣщаютъ собственно свою профессію съ гаданіемъ на картахъ и ворожбою другихъ видовъ.

Остается еще упомянуть о всякихъ святошахъ, странныхъ людяхъ и юродивыхъ, тоже играющихъ нѣкоторую роль въ народной медицинѣ. Почти въ каждомъ селѣ есть нѣсколько личностей, выбившихся изъ обычной колеи, чаще всего по причинѣ органическихъ ненормальностей, пороковъ юности, приведшихъ къ хроническимъ заболѣваніямъ центральной нервной системы. Если они не кончаютъ смертельнымъ пьянствомъ, поступленіемъ въ такъ называемую „босую команду“, а оттуда въ тюрьму, то уходятъ въ крайній мистицизмъ. Народъ относится къ этимъ людямъ съ уваженіемъ, нѣкоторыхъ считаетъ чуть ли не святыми и пророками. Жизнь свою они оканчиваютъ на попеченіи благочестивыхъ людей или въ психіатрическихъ больницахъ.

Близко стоящіе къ нимъ юродивые, дурачки отъ рожденія, въ настоящее время очень рѣдко играютъ роль прорицателей и знахарей. Народъ называетъ ихъ калѣками, относится къ нимъ съ состраданіемъ и мало обращаетъ вниманія на ихъ болтовню. Причиною такого калѣчества признается грѣхъ матери или козни злыхъ людей надъ ребенкомъ. Есть легенды, указывающія на то, что въ прежнее время такіе больные играли иногда роль „божіихъ людей“ и предсказателей.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы постараемся впослѣдствіи посвятить отдѣльную замѣтку описанію разныхъ приемовъ лѣченія, практикуемыхъ въ народѣ описываемой мѣстности, причемъ перечислимъ извѣстныя намъ лѣкарственныя средства.

Г. Коваленко.

† Л. П. Загурскій.

25 Апрѣля скончался въ Тифлисѣ Леонардъ Петровичъ Загурскій, *) правитель дѣлъ Кавк. Отдѣла Русскаго Геогр. Общества. Смерть этого человѣка лишила Кавказъ одного изъ неутомимыхъ дѣятелей въ области этнографіи Кавказа и въ особенности библіографіи по Кавказовѣдѣнію. Не смотря на свои преклонныя лѣта, не смотря на свою болѣзнь, Л. П. постоянно и съ юношескимъ рвеніемъ занимался какъ изученіемъ кавказскихъ языковъ, такъ и кавказскою этнографіею. Широко образованный и начитанный, онъ былъ пріятнымъ и полезнымъ собесѣдникомъ для молодыхъ людей, занимающихся Кавказомъ въ томъ или другомъ отношеніи; его оцѣнка ученыхъ произведеній по Кавказу (напр.: „Краткій списокъ книгамъ, статьямъ и изданіямъ, относящимся къ Кавказовѣдѣнію“) отличалась остроуміемъ и широтою взгляда; это не былъ кропотливый труженикъ и компиляторъ, подобно многимъ изъ кавказскихъ научныхъ дѣятелей; всегда и вездѣ онъ обнаруживалъ свои критическія способности; словомъ, это былъ безспорно талантливый человѣкъ. Не получивъ спеціальнаго лингвистическаго образованія, онъ подъ вліяніемъ отчасти бар. Услара, въ особенности-же благодаря почтенному профессору В. Ө. Миллеру, принялся за изученіе лингвистики для того, чтобы примѣнить результаты этого изученія къ изслѣдованію Кавказскихъ языковъ. Къ сожалѣнію, такихъ изслѣдованій, въ смыслѣ этнографическихъ работъ, посвященныхъ спеціальному изученію одного какого-либо языка, покойный Л. П. не оставилъ. Изъ болѣе или менѣе серьезныхъ работъ, которыя можно отнести къ лингвистикѣ, извѣстна его: „Замѣтка объ изслѣдованіи Кавк. языковъ“, въ которой онъ обстоятельно излагаетъ литературу этого пред-

*) Некрологи Л. П. Загурскаго были въ Тифлискихъ газетахъ („Нов. Обоз.“ № 2525; „Иверія“ № 89); въ „Русскихъ Вѣд.“ № 115.

мета и результаты научных работ. Въ последнее время онъ готовилъ къ печати изслѣдованіе о Табассаранскомъ языкѣ, котораго не докончилъ покойный бар. Усларъ. Неумолнимо съѣдавшая жизнь его болѣзнь и многочисленныя работы его, какъ правителя дѣлъ Отдѣла, не давали ему возможности привести въ систему и выпустить въ свѣтъ многія изъ рукописныхъ лингвистическихъ работъ его; редактированіе „Извѣстій“ и „Записокъ“ Отдѣла отнимало у него положительно все время, тѣмъ болѣе, что онъ былъ очень аккуратенъ относительно срока выпусковъ этихъ трудовъ Отдѣла. Кому приходилось видѣть „Извѣстія“ или „Записки“, тотъ, вѣроятно, не станетъ отрицать, что покойный Л. П. въ своей болѣе, чѣмъ 10-ти лѣтней дѣятельности въ качествѣ правителя дѣлъ Отдѣла былъ безукоризненъ; самъ Отдѣлъ, безъ сомнѣнія, понесъ почти незамѣнимую утрату въ лицѣ покойнаго.

Если дѣятельность Л. П. въ качествѣ лингвиста была не особенно обширна, то въ качествѣ этнографа она была и обильна и весьма плодотворна; онъ былъ лучшій знатокъ Кавказ. этнографіи; написалъ много статей, какъ въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, такъ и въ „Извѣстіяхъ“ и „Запискахъ“ Отдѣла. Всякій занимающійся этнографіею Кавказа не могъ обойтись безъ совѣтовъ и указаній покойнаго Л. П., всегда съ готовностью оказывавшаго услуги какъ своими познаніями, такъ и подробнымъ указаніемъ литературы вопроса. Статьи его по этнографіи Кавказа не всѣ представляютъ одинаковую научную важность и серьезность; но между ними есть весьма цѣнныя, напр.: „Этнологическая классификація Кавк. народовъ“ (Прилож. къ „Кавк. календ.“ за 1888 г.); въ этой статьѣ, правда, небольшой, можно найти статистическія данныя, географич. размѣщеніе, этнографическую группировку Кавк. народовъ и краткую исторію каждаго изъ нихъ. Перечислять другія его этнографическія работы мы не станемъ, ихъ очень много и онѣ не представляютъ особенныхъ научныхъ достоинствъ; но не можемъ обойти молчаніемъ одной его антропологической работы, также небольшой, какъ всѣ вообще работы покойнаго Л. П.: „Слѣдуетъ-ли бѣлую расу называть Кавказскою“; работа эта впрочемъ въ печати появилась урѣзанною по какимъ-то цензурнымъ, кажется, соображеніямъ. При несомнѣнныхъ и неоспоримыхъ способностяхъ своихъ, покойный Л. П. не оставилъ, къ большому сожалѣнію друзей и учениковъ его, объемистыхъ научныхъ трудовъ, но и то, что удалось ему сдѣлать въ области Кавказовѣдѣнія, весьма цѣнно; и если бы не побочныя его занятія, какъ преподавателя въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и не общественная обстановка,

неблагопріятная для научной дѣятельности, мы бы имѣли много серьезныхъ и цѣльныхъ ученыхъ трудовъ его.

Покойный Л. П. былъ не менѣе извѣстенъ, какъ педагогъ, оставившій лучшія воспоминанія въ ученикахъ своихъ, изъ которыхъ нѣкоторые—извѣстные профессора. Преподаваніе исторіи, которымъ онъ занимался въ теченіе 40 лѣтъ, у него велось не рутиннымъ порядкомъ „отселѣ доселѣ“; онъ старался выяснить своимъ юнымъ слушателямъ значеніе ея въ ряду другихъ гимназическихкихъ предметовъ; картинно представлялъ прошлую жизнь человѣчества и съ любовью останавливался въ особенности на изложеніи новой исторіи; ученики его имѣли представленіе объ исторіи, уже какъ наукѣ, а не какъ „повѣствованіи“, какъ обыкновенно понимаютъ воспитанники средне-учебн. заведеній: онъ старался заинтересовать ихъ и вводилъ въ область научной разработки исторіи.

Какъ человѣкъ, Леонардъ Петровичъ отличался всю жизнь честностью и иногда былъ весьма строгъ къ поступкамъ другихъ; эта черта и въ особенности мнительность и подчасъ недоувѣріе по отношенію къ окружавшимъ его лицамъ усилили его болѣзнь, разстроили нервы. Но никто не помянетъ его зломъ; это былъ человѣкъ, который никому въ жизни не повредилъ, и если въ немъ были недостатки, то они развились благодаря неудачамъ послѣдней его жизни и той атмосферѣ кавказской ученой и общественной жизни, которая отличается своею специфичностью. Мы отступаемъ отъ обыкновенной поговорки: *de mortuis aut nihil, aut bene*; но правда всегда необходима; эта правда во всякомъ случаѣ не во вредъ покойному Л. П., котораго память дорога для всѣхъ его друзей и учениковъ.

М. Тк—ов.

† Францъ Миклошичъ.

Въ субботу 23 февраля (7 марта), послѣ продолжительной болѣзни, скончался въ Вѣнѣ, на 78 году, знаменитый славистъ Францъ Миклошичъ.

Миклошичъ родился 8 (20) ноября 1813 года въ Радмештакѣ, что въ Лютомерскомъ (Луттенбергскомъ) округѣ юго-восточной Штиріи, значить въ словенской части этой почти оѣмеченной области.

Покойный не сразу попалъ на тотъ путь, который доставилъ ему ученую славу: хотя уже въ гимназіи онъ выка-

зываетъ любовь и способность къ изученію языковъ, но въ университетѣ не избралъ ихъ своею спеціальностью, а занялся преимущественно философіей, а также (совсѣмъ уже уклоняясь въ сторону) правовѣдѣніемъ. Гимназическое образованіе Миклошичъ получилъ въ Мариборѣ (Марбургѣ) и въ Вараждинѣ; университетское, по юридическому и „философскому“ факультетамъ,—въ Градцѣ (Gratz). Приобрѣтши тамъ степень доктора философій, Миклошичъ въ 1837 году началъ въ томъ же градецкомъ университетѣ преподавать философію. Но уже въ слѣдующемъ году онъ бросилъ эту науку и, переселившись въ Вѣну, начинаетъ адвокатскую карьеру и приобретаетъ степень доктора правъ. Въ Вѣнѣ однако Миклошичъ встрѣтился съ человѣкомъ, который далъ его дѣятельности совершенно иное направленіе, при коемъ ей суждено было принести обильные плоды; человѣкъ этотъ былъ землякъ его, знаменитый славистъ Варѣоломей Копытарь (или, какъ обыкновенно неправильно произносятъ, Копитаръ). Подъ вліяніемъ Копытаря Миклошичъ занялся славистикой и въ 1844 году, бросивъ адвокатуру, получилъ мѣсто бібліотекаря при Вѣнской императорской бібліотекѣ. Въ 1848 онъ сдѣлался экстраординарнымъ профессоромъ славянской филологіи въ Вѣнскомъ университетѣ, а въ 1850, когда ему предлагали ординатуру въ Бреславльскомъ университетѣ, былъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора. Впослѣдствіи Миклошичъ занималъ также должность декана философскаго факультета, а потомъ ректора.

Покойный, благодаря своимъ многочисленнымъ и важнымъ сочиненіямъ, можетъ считаться наставникомъ всѣхъ современныхъ славистовъ, изъ числа же непосредственныхъ учениковъ его можно назвать громкія имена сербскаго ученаго Юрія Даничича († 5 (17) ноября, 1882 года) и Игнатія (Ватрослава) Викентьевича Ягича.

Отличительную черту сочиненій Миклошича составляетъ чрезвычайная сжатость изложенія при богатствѣ содержанія. Ради краткости же онъ въ своей Сравнительной грамматикѣ обыкновенно излагаетъ только свой собственный взглядъ на разсматриваемыя явленія, и было бы совершенно ошибочно видѣть въ этомъ неуваженіе къ чужимъ мнѣніямъ: въ монографіяхъ мнѣнія предшественниковъ всегда приводятся и разбираются, притомъ вполне серьезно и дѣловито. Нерѣдкій у иныхъ ученыхъ (столь неумѣстный особенно въ научныхъ разборахъ) пренебрежительный тонъ мы встрѣчаемъ у Миклошича только въ его отвѣтѣ на рецензію Вячеслава Ганки; но тамъ этотъ тонъ былъ вызванъ придирчивою и вмѣстѣ невѣжественною критикой, а сверхъ того обиднымъ обвиненіемъ въ

плагиатъ, будто-бы совершенномъ надъ дорогимъ наставникомъ Копытаремъ. Не могу не упомянуть здѣсь объ одномъ мелкомъ, но довольно характерномъ случаѣ изъ моихъ личныхъ сношеній съ Миклошичемъ—о научномъ спорѣ, который мнѣ пришлось вести съ покойнымъ, когда я посѣтилъ его въ Вѣнѣ, будучи еще совсѣмъ молодымъ кандидатомъ: съ какою любезностью знаменитый ученый выслушивалъ мои возраженія и какъ спокойно онъ ихъ опровергалъ, напирая исключительно на факты, а не на свой научный авторитетъ!

Миклошичъ, хотя былъ добрымъ австрійскимъ гражданиномъ, а сочиненія свои писалъ почти исключительно по-нѣмецки (отчасти по-латыни), отнюдь не былъ чуждъ славянскимъ симпатіямъ: не даромъ всѣ выдающіеся ученики его принадлежатъ къ славянскому племени. Если же эти симпатіи не проявляются въ его сочиненіяхъ, такъ тому причина—съ одной стороны, самое свойство разбираемыхъ (больше всего грамматическихъ) вопросовъ, а съ другою—вполнѣ объективное къ нимъ отношеніе.

Приводимъ возможно полный библиографическій перечень ученыхъ работъ Миклошича, который указываетъ на плодотворность его дѣятельности и на разнообразіе затронутыхъ имъ научныхъ вопросовъ. Выдѣляя особо труды чисто-этнографическіе, мы этимъ не хотимъ сказать, что въ другихъ отдѣлахъ нѣтъ ничего, касающагося этнографіи, хотя бы и одной ея стороны—народнаго творчества и языка.

Труды Миклошича.

По этнографіи:

Die Rusalien. Ein Beitrag zur slavischen Mythologie. Sitzungsab. XLV. 1864 *).
Ueber die Nationalität der Bulgaren. Miscellanea di filologia dedicata alla memoria dei professori Caix e Canello. Firenze 1885.

Die Blutrache bei den Serben. Denkschriften XXXVI. 1887.

По литературѣ:

Die serbische Epik. Oesterreichische Revue. 1863 II.

Die Volksepik der Kroaten. Denkschriften XIX. 1870

Beiträge zur Kenntniss der slavischen Volksepik. I.

Psaltir s tumačenjem pisan 1346 za Branka Mladenovića. Starine na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija. Knj. IV. U Zagrebu 1872.

По исторіи:

Marija kei Angjelina i Konstantin Arijanit. Rad Jugoslavenske Akademije. Knjiga XII. U Zagrebu 1870.

Die serbischen Dynasten Crnojević. 1881.

Ueber die altrussischen Kolbjäger. Arch. f. slav. Phil. B. X. Berlin 1887.

*) Т. к. сочиненія М—ча почти всѣ изданы въ Вѣнѣ, то мѣсто изданія въ этомъ спискѣ болѣею частью не будетъ указываться.

По грамматику:

Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen: I Vergleichende Lautlehre 1852, 2-е изд. 1879. II. Vergleichende Stammbildungslehre. 1875. III. Vergleichende Formenlehre. 1856, 2-е изд. (Vergl. Wortbildungslehre) 1876. IV. Vergleichende Syntax. 1868—1874.

Altslovenische Formenlehre in Paradigmen. 1874.

Ueber den reflexiven Gebrauch des Pronomens *оу* und der damit zusammenhängenden Formen für alle Personen. Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der Kais. Akademie der Wissenschaften. I. 1848.

Lehre von der Conjugation im Altslovenischen. Denkschriften der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 1850.

Lautlehre der altslovenischen Sprache. 1850.

Formenlehre der altslovenischen Sprache. 1850, 2 изд. 1854.

Lautlehre der bulgarischen Sprache. Slavische Bibliothek *). B. I. 1851.

Ueber die Sprache der ältesten russischen Chronisten, vorzüglich Nestors. Sitzungsberichte. XIV. 1854.

Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen. Denkschriften. VII. 1856.

Die Bildung der Nomina im Altslovenischen. Denkschr. IX. 1858.

Verba intensiva im Altslovenischen. Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung, I B. Berlin 1858.—Das Suffix *-ъ, -и* im Altslovenischen. Тж.

Die Wurzel *srъ* im Slavischen. Тж.—Suffix *и*. Slavische Bibliothek. B. II. 1858.

Zusätze zu meiner Abhandlung „Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen“. Тж.

Die Bildung der Personennamen in den slav. Sprachen. Denkschr. X. 1860.

Die slavischen Elemente im Rumunischen. Denkschr. XI. 1861.

Ueber die nominale Zusammensetzung im Serbischen. Denkschr. XIII. 1863.

Die slavischen Ortsnamen aus Personennamen. Denkschr. XIV. 1864.

Die Verba impersonalia im Slavischen. Denkschr. XV. 1865.

Die slavischen Monatsnamen. Denkschr. XVII. 1867.

Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. 1867.

Die Negation in den slavischen Sprachen. Denkschriften. XVIII. 1869.

Ueber den Accusativus cum infinitivo. Sitzungsberichte LX. 1869.

Ueber die Genitivendung *go*. Sitzungsberichte LXII. 1869.

Die slavischen Elemente im Neugriechischen. Sitzungsberichte. LXIII. 1869.

Die slavischen Elemente im Albanesischen. Denkschriften. XIX. 1870. (1 выпускъ „Албанскихъ изслѣдованій“—Albanesische Forschungen).

O slovima 3, s. Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Knjiga IX. U Zagrebu. 1870.

Die slavischen Elemente im Magyarischen. 1871. 2-е изд. 1884.

Die slavischen Elemente im Zigeunerischen. 1872. (1 выпускъ изслѣдованія „Ueber die Mundarten und Wanderungen der Zigeuner Europas“).

Ueber die zusammengesetzte Declination in den slavischen Sprachen. Sitzungsberichte. LXVIII. 1871.

Ueber das Imperfect in den slavischen Sprachen. Sitzungsber. LXXVII. 1874.

Ueber den Ursprung einiger Casus der pronominalen Declination. Sitzungsberichte. LXXVIII. 1874.

Beiträge zur altslovenischen Grammatik: 1) Das Part. praet. act. I. 2) Das Part. praes. act. auf *e* statt auf *y*. 3) Aorist. 4) Die Personalsuffixe der Dualis 5) Imperativ. 6) Sing. loc. der consonantischen Stämme. Sitzungsber. LXXI. 1875.

Die christliche Terminologie der slav. Sprachen. Denkschriften. XXII. 1875.

Ueber den Ursprung der Worte von der Form altslovenisch *Trot*. Denkschriften. XXVII. 1877.

*) Журналъ или вѣстѣе сборникъ, издававшійся М.—чемъ сначала однимъ а потомъ вѣстѣе съ историкомъ Іос. Фидлеромъ. Вышло 2 тома,

Ueber den Ursprung der Worte von der Form altslovenisch Trêt und Trat. Denkschriften. XXVIII. 1878.

Ueber die Steigerung und Dehnung der Vocale in den slav. Sprachen. Тж. Ueber die langen Vocale in den slav. Sprachen. Denkschriften. XXIX 1879. Subjectlose Sätze. 1883.

Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen. Denkschriften XXXIV. 1883.

Ueber Fremdwörter. Archiv für slavische Philologie. B. XI. Berlin 1888..

Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen. 1884—1890.

Разборъ Сравнительной грамматики Боппа: Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Gothischen und Deutschen. Berlin 1833—1840. (Со II тома сюда вошелъ староцерковный языкъ). Wiener Jahrbücher der Literatur 1844.

Разборъ Восточскаго изданія Остромирова Евангелія. Тж. 1847.

Разборъ славянской части Аuerовой Sprachenhalle *) (выстъ съ Вукъмъ Стефановичемъ Караджичемъ). Sitzungsberichte. 1848. I.

Entgegnung auf Herrn Wenzel Hanka's Albernheiten und Lügen. Slav. Bibl. I. 1851.

Словарные труды:

Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti. 1850. 2-е изд.: Lexicon palaeo-slovenico graeco-latinum emendatum auctum. 1862—1865.

Radices linguae slovenicae veteris dialecti. Lipsiae, 1845.

Die Wurzeln im Altslovenischen. Deukschriften. B. VIII. 1858.

Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen 1886.

Изданія:

S. Joan. Chrysostomi homilia in ramos palmarum slavice, latine et graece. 1845.

Vitae sanctorum. Accedunt epimetra grammatica. 1847.

Vita S. Clementis episcopi Bulgarorum. 1847.

Popevka od Sviljevića. Slav. Bibl. B. I. 1851.

Glagolitiches Fragment: Evang. Joann. 19, 9 bis 19, 28. Тж.

Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice suprasliensi. 1851.

Apostolus e codice monasterii Sigatovac. 1853.

Chrestomathia palaeo-slovenica. 1854.

Evangelium S. Matthaei palaeo-slovenice e codicibus. 1856.

Lex Stephani Dušani. Fasc. I textum continens. 1856.

Barth. Kopitars Kleinere Schriften sprachwissenschaftlichen, geschichtlichen, ethnographischen und rechts-historischen Inhalts. I Theil. 1857.

Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii. 1858.

Das Recht von Pskov („Псковская судная грамота, составленная на вѣтъ въ 1467 г.“ Н. Мауркевича. Одесса 1847). Slav. Bibl. II, 1858.

Denkmal der neuslovenischen Sprache. Aus einer Handschrift der XV Jahrhunderts. Slav. Bibl. II. 1858.

Die altslovenischen Legenden vom heiligen Wenzel. Тж.

Brief des hl. Brun an Kaiser Heinrich II.

Zum Glagolita Clozianus. Denkschriften X. 1860.

Chronica Nestoris. 1860.

Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. V. I 1860. V. II. 1862. (Выстъ съ Иос. Мюллеромъ).

*) Отче нашъ на 608 языкахъ и нарѣчійхъ съ прибавленіемъ „Die Schriftzeichen des gesammten Erdkreises in 104 Alphabeten — изданіе извѣстнаго вѣнскаго типографа Ауера.

Monumenta spectantia ad unionem ecclesiarum graecae et romanae. (Вѣстѣ съ Тейнеромъ).

Словенская христоматія: Slovensko berilo za osmi gimnazijalni razred. 1865.

Die Legende von Heiligen Cyrillus. (Вѣстѣ съ Эрнстомъ Доммеромъ). Denkschriften. XIX. 1870.

Trojanska priča Starine. Izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Knj. III. U Zagrebu 1871.

Izvještaj od god. 1772 o manastirih Fruškoj gori u Srijemu, padastrt kr. dalm.-hrv.-slav. namjestnickomu vieću. Тж. VIII. 1876.

Brief von Niebuhr an Kopitar. Arch. f. slav. Philol. B. I. 1876.

Novonadjeni spomenici iz IX a XI vieka za panonsko-moravsku, bugarsku i hrvatsku poviest. (Вѣстѣ съ Рачкичъ). Тж. XII. 1880.

Briefe Dobrovsky's an Kopitar. IV, V, VI. 1880—1882.

Eine Sprachprobe des kroatischen Dialektes von Neuprerau bei Nikolsburg. Тж. XII. 1890.

Романъ Брандтъ.

† И. Я. Порфирьевъ.

Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ, профессоръ Казанской духовной академіи, извѣстный своими цѣнными трудами въ исторіи русской литературы, умеръ 26 октября 1890 г. Смерть его не можетъ быть обойдена молчаніемъ на страницахъ нашего изданія въ виду его заслугъ въ области изученія народно-апокрифической литературы. Онъ былъ сынъ сельскаго священника Вятской губ., Урюмск. у., с. Атаръ; родился въ 1823 г., учился въ Вятской семинаріи, потомъ окончилъ казанскую академію, гдѣ по окончаніи курса состоялъ преподавателемъ въ теченіе 42 лѣтъ. О своей молодости до поступления въ академію покойный оставилъ воспоминанія, которыя еще не напечатаны, а его пространная біографія, начиная съ поступления въ академію, помѣщена въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1890 г. (ноябрь). Неизвѣстный біографъ характеризуетъ покойнаго какъ образецъ „симпатичной и многосторонне развитой личности, идеально благородной, какой-то эстетически-изящной, глубоко-человѣчной и любящей души“. Въ то же время покойный былъ типомъ истиннаго труженика, всею душою преданнаго своей наукѣ, и еще за нѣсколько дней до смерти писалъ о литературной дѣятельности Крылова; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ готовилъ къ печати Карамзинскій періодъ русской словесности, долженствовавшій составить продолженіе его „Исторіи русской словесности“. Оба эти сочиненія вѣроятно будутъ изданы. Свободное отъ академическихъ занятій время покойный посвящалъ учено-литературной дѣятельности, которая выразилась въ двухъ направленіяхъ: 1) въ оригинальныхъ сочиненіяхъ и 2) въ изданіи памятниковъ письменности, которые обыкновенно сопровождалась его учеными предисловіями, замѣтка-

ми и цѣлыми изслѣдованіями. Большая часть памятниковъ изданы имъ по Соловецкимъ рукописямъ. Изъ его оригинальныхъ сочиненій, кромѣ всѣмъ извѣстной обширной „Исторіи русской словесности“ (въ 2-хъ частяхъ, изъ которыхъ 1-я печатается 5-мъ изданіемъ), мы перечислимъ только то, что ближе насъ касается.

А именно:

Употребленіе книги Псалтирь въ древнемъ быту народа. П. С. *) 1857. IV, 314.

О чтеніи книгъ (о почитаніи книжномъ) въ древнія времена Россіи. П. С. 1858 II, 173, 443.

О почитаніи среды и пятницы въ древнемъ русскомъ народѣ. П. С. 1859. I, 181.

Объ источникахъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ въ древнія времена Россіи. П. С. 1860. I, 181.

Аллегорическія изображенія временъ года. П. С. 1860. I, 441.

Домострой Сильвестра П. С. 1860. III, 279.

Объ успѣхахъ церковной проповѣди въ народѣ. Правосл. Обзор. 1862, кн. 1.

Апокрифическія сочиненія въ древней русской письменности. П. С. 1869. II, 62, 156.

Народные духовные стихи и легенды. П. С. 1869. III, 56, 134.

Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ (докторская диссертация). Казань. 1873.

Апокрифическія сказанія о ветхозав. лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой бібліотеки. (Собраніе памятниковъ ихъ). Сборникъ отдѣленія рус. языка и словесн. Имп. Акад. Наукъ, т. XVII, № 1, и отдѣльно СПб. 1877.

Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой б-ки. Сборникъ 2-го Отдѣленія И. Ак. Н. и отдѣльно, СПб. 1890.

Разборъ сочиненія В. Мочульскаго: „Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ, составленный для И. Ак. Наукъ. См. Отчетъ о присужд. награды гр. Уварова въ 1889 г.

О Соловецкой бібліотекѣ, находящейся въ Каз. дух. академіи, — рефератъ, читанный на IV археол. съѣздѣ (въ Казани). Труды съѣзда, т. II. Казань. 1878.

Апокрифическія молитвы по рукописямъ Соловецкой бібліотеки, — рефератъ, читанный на томъ же съѣздѣ. Тамъ же.

Я.

*) П. С. — „Православный Собесѣдникъ“, откуда мы заимствуемъ и этотъ перечень. (1890, нояб.).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

1. Книги, ученые и справочныя изданія.

Michael von Žmigrodzki. — Die Mutter bei den Völkern des arischen Stammes. Eine anthropologisch—historische Skizze als Beitrag zur Lösung der Frauenfrage. München. 1886 (*М. Жмигродзкій, Мать у народовъ арійскаго племени*).

Желаніе автора этой книги, приславшаго ее въ редакцію нашего журнала съ просьбой о рецензій, заставляетъ насъ дать о ней нѣсколько запоздавшій отзывъ. Если мы не ошибаемся, изслѣдованіе это очень мало извѣстно въ Россіи и вызвало только одну (правда прекрасную и обстоятельную) рецензію въ «Кіевской Старинѣ», написанную покойнымъ Чернышевымъ (1887, сент., стр. 159—174), а между тѣмъ оно, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Во введеніи г. Жмигродзкій разсматриваетъ вопросъ о первобытномъ населеніи Европы (*Urbevölkerung Europas*), въ частности поднимаетъ вопросъ о разселеніи аrio-европейцевъ, преимущественно славянъ, и о скифахъ. По его мнѣнію для вопроса о разселеніи славянъ, громадное значеніе имѣютъ „die *reinslavischen* Sagen“. Авторъ особенно упираетъ на „*reinslavischen*“, мотивируя это такъ: „denn man nimmt häufig alle grossrussischen Sagen als slavische an, obwohl der grössere Theil derselben den benachbarten slavisch-finischen oder slavisch-tartarischen (?) Stämmen angehört und zuweilen nicht eine Spur vom slavischen Character an sich trägt“. Чисто-славянскими преданіями онъ считаетъ тѣ, „которые разсказываются населеніемъ Кіевской губ. Волыни и Подолія“. (стр. 1—2). Не говоря уже о странности и ненаучности такихъ терминовъ, какъ „*slavisch-finische* und *slavisch-tartarische* Stämme“, можно указать автору на тюркское вліяніе, размѣры котораго пока не опредѣлены точно, но несомнѣнно были на югѣ очень велики, и на западноевропейскія вліянія (главнымъ образомъ нѣмецкое) въ южной Руси (черезъ Польшу и Чехію), сыгравшія тоже видную роль въ южно-русской народной поэзіи. Съ другой стороны, очень смѣло, при настоящемъ состояніи разработки литературъ, отрицать присутствіе чисто-славянскихъ элементовъ въ сѣверно-русской поэзіи; кромѣ того, сравни-

тельно-литературная критика съ полной несомнѣнностью обнаружила массу инородческихъ примѣсей въ народной поэзіи *всѣхъ* русскихъ племенъ.

Г. Жмигродскій довольно своеобразно оперируетъ надъ этими „*gerin-slavische Sagen*“: его приемы напоминаютъ отчасти нѣкоторыя подробности извѣстнаго изслѣдованія г. Стасова о происхожденіи русскихъ былинъ. Въ этихъ сагахъ упоминаются деревья съ золотыми яблоками (это, конечно, *Pomeranzen und Zitronen*) деревья съ серебряными листьями (конечно, *Lorbeerbäume und asiatische Pappeln*); упоминаются въ нихъ и „*lebendige, singende und spielende Bäume*“: это, конечно, „*Ausgeburt der Volksphantasie*“, но и въ нихъ есть „*kern der Wahrheit*“, нужное автору: „*ein ungebildetes mit frischer Phantasie begabtes Volk von der Ueppigkeit der ihm vor Augen stehenden Natur so angesprochen und bezaubert werde, dass es dieselbe aufs höchste idealisirte*“ (стр. 3). Если вы перейдете къ міру животныхъ въ этихъ сагахъ, то встрѣтите много такого, чего нѣтъ и не можетъ быть въ Россіи, но что свойственно южной Азіи; тоже относительно растений: „*Glühvogel mit einem grossen feurigen weitleuchtenden Schweife*“—конечно, „*eine phantastische Darstellung des Paradiesvogels*“ (ib.); попадаются обезьяны, слоны (гдѣ?), верблюды, которые носятъ названія, свойственныя только славянскому языку (*słoń, małpa, wielbłąd*) и пр. Герои этихъ сагъ тоже часто приводятъ насъ къ востоку. Всѣ эти подробности „*keineswegs von Aussen gekommen, sondern aus dem Volke selber entstanden sind*“ (стр. 7), ибо вѣдь народъ неграмотенъ и не могъ почерпнуть эти свѣдѣнія изъ книгъ. Онѣ принесены славянами съ мѣста ихъ прародины и такимъ образомъ ясно указываютъ на нее и даютъ возможность довольно подробно характеризовать даже праславянскій бытъ: славяне уже земледѣльцами покинули свою азіатскую прародину, выселились по принужденію, гонимые социальной борьбой. Для приблизительнаго опредѣленія времени ихъ переселенія авторъ переходитъ къ вопросу о скивахъ и литовцахъ, которые, по его мнѣнію, жили на теперешнихъ своихъ мѣстахъ еще до Геродота, даже до переселенія скивовъ; собственно скивами были кочевники; ихъ рабы, земледѣльцы, были аріицы, остатки киммерійцевъ и треровъ, съ которыми ихъ господа впоследствии слились совершенно и пр. Все это приводитъ автора къ такимъ выводамъ: „*ganze arische Stamm, aus dem im Laufe der Zeit die einzelnen slavischen Völker entstanden sind, ungefähr um die gleiche Zeit in Europa eingewandert ist*“ (стр. 86); „*die Arier des nordöstlichen Europa sind mit den Ariern des südlichen Europa zur selben Zeit nach Europa gekommen*“ (стр. 89); „*die primäre arische Bevölkerung Europas etwa in der Nähe des heutigen Konstantinopel einwanderte und sich von hier austheilte; ein Theil zog nördlich von Balkan Gebirge, ein anderer gelangte nach Griechenland hinab*“ (стр. 90).

На такихъ нехитрыхъ подпоркахъ зиждутся столь широкіе выводы! Все очень просто и ясно, даже черезчуръ; для автора такъ-таки и не существуютъ результаты, добытые послѣдователями сравнительно-истори-

ческого метода въ исторіи языка и всеобщей литературы! Мы не будемъ спорить съ авторомъ, но думаемъ, что его „Einleitung“ не можетъ имѣть никакого научнаго значенія, ибо все оно построено на „щучьемъ велѣніи“ и переполнено фантастическими гаданіями.

Далѣе г. Жмигродскій переходитъ къ характеристикѣ той культурной ступени, на которой стояли „первобытные аріицы Европы“ (стр. 97); для этого онъ считаетъ нужнымъ сравнить саги, нравы и суевѣрія по крайней мѣрѣ двухъ племенъ — Славянъ и Германцевъ и выбираетъ 4 пункта, наиболѣе чисто сохранившіе, по его мнѣнію, старину: Краковщину, Баварію, Украину (правый берегъ Днѣпра) и Бретань. Подобный выборъ мотивированъ нѣсколько странно: напр., Украинцы ни отъ кого не могли позаимствовать своихъ преданій, ибо они держатся очень замкнуто, настолько, что „unser Bauer geneigt ist nur sich allein den Namen“ Mensch „zu geben und ihn allen über ihm stehenden Ständen zu verweigern“ (стр. 44, 102). Печатныя и рукописныя этнографическія данныя относительно этихъ 4 пунктовъ г. Жмигродскій кладетъ въ основу своего изслѣдованія, даже не сдѣлавши попытки разобраться въ нихъ, даже не допуская, видимо, возможности разновременныхъ историческихъ наслоеній. Намъ кажется, что авторъ пошелъ по совершенно ложному пути: нужно много еще потрудиться надъ очисткой матеріала, не ограничивая его узкими предѣлами нѣсколькихъ областей, подобрать не только современныя, но и древнія указанія, и только тогда перейти къ реконструировкѣ. Авторъ облегчаетъ себѣ работу — конечно, не въ пользу ея серьезности и научности. Его знакомство съ этнографической и этнологической литературой очень поверхностно, вездѣ чувствуется недостатокъ методологической подготовки; въ особенности слабо у него знакомство съ современной постановкой затрогиваемыхъ имъ вопросовъ.

Придерживаясь схемы, предложенной Бахофомъ и давно ужъ признанной далеко не удовлетворительной, авторъ подбираетъ данныя изъ своихъ немногочисленныхъ источниковъ, доказываетъ существованіе въ современномъ народномъ быту отголосковъ различныхъ эпохъ семейной эволюціи, намѣчаетъ исторію матери и развитія ея власти въ быту „первобытныхъ аріицевъ“. По пути онъ дѣлаетъ много счастливыхъ замѣчаній, но чаще предается гаданіямъ, безъ всякой критики повторяетъ давно отвергнутые зады, перемешая ихъ слабо обоснованными собственными гипотезами.

Заключение носитъ публицистическій характеръ и трактуетъ о „Lösung der Mutterfrage“. Приложенія посвящены вопросамъ о „Volksornamenten, Volksmelodien und Tänze“ и „Mongolomanie“. (Поверхностная полемика съ бенфеевскимъ направленіемъ). Въ концѣ приложено нѣсколько рисунковъ.

Мы очень жалѣемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ болѣе остановиться на подробностяхъ главной части труда нашего автора: это заняло бы слишкомъ много мѣста; большей части ихъ намъ придется еще касаться въ своихъ будущихъ работахъ, гдѣ и можно будетъ поговорить

о нихъ болѣе детально: послѣднее уже и сдѣлано отчасти Чернышовымъ, съ которыми мы въ общихъ чертахъ согласны.

Трудъ г. Жигродзкаго имѣетъ много недостатковъ, крупныхъ и мелкихъ промаховъ, но заслуживаетъ вниманія, какъ попытка сказать по многимъ вопросамъ свое слово, не всегда, правда, вѣское и убѣдительное.

К.

Матеріалы для этнографіи Латышскаго племени Витебской губерніи. Собралъ и снабдилъ объясненіями Э. А. Вольтеръ. Часть I. Спб. 1890 г. (Изд. И. Р. Георг. Общ.).

Новый трудъ неутомимаго изслѣдователя литовской и латышской народностей г. Вольтера представляетъ результатъ двухъ поѣздокъ, предпринятыхъ имъ въ 1882 и 1884 годахъ въ Витебскую губернію, съ цѣлью изученія быта и языка Латышей уѣздовъ Динабургскаго, Рѣжичаго и Люцискаго. Латышское населеніе названныхъ уѣздовъ было до сихъ поръ рѣдко затрогиваемо русскими изслѣдователями, и русская литература о немъ крайне бѣдна. Но зато польская и отчасти нѣмецкая литература относительно богата статьями и изслѣдованіями объ этихъ бѣлорусскихъ Латышахъ (X).

Матеріалы, напечатанные г. Вольтеромъ въ I-й части, даютъ массу разнообразныхъ и точныхъ свѣдѣній объ обрядовой сторонѣ жизни Латышей и ихъ пѣсенномъ творествѣ. Въ первомъ отдѣлѣ, озаглавленномъ „Праздники Витебскихъ Латышей“, собраны и размѣщены въ календарномъ порядкѣ пѣсни, приуроченныя къ извѣстнымъ днямъ и временамъ года, а также сопровождающіе ихъ обряды, вѣрованія, примѣты и прибаутки. Особый интересъ представляютъ пѣсни объ Юсинѣ (стр. 7 слѣд.) и этюдъ г. Вольтера, посвященный этому доселѣ загадочному эпическому имени въ связи съ русскимъ пѣсеннымъ Овсеньемъ. Авторъ видитъ въ латышскомъ Юсинѣ (Усенѣ) языческаго бога, замѣненного въ послѣдствіи св. Георгіемъ (стр. 31). Сравненіе различныхъ пѣсенныхъ мотивовъ выясняетъ, что Усень то же, что солнце, въ особенности „весеннее солнце“. Русский *Овсень* восходитъ этимологически къ тому же корню (*us*, лат. *urere*, лит. латыш. *aust*, *aušti*—свѣтать, санскр. *ushas*—заря etc.) и первоначально имѣлъ то же значеніе. Передвиженіе праздника Усена на зиму и приуроченіе къ Васильеву вечеру объясняется введеніемъ новаго календарнаго (январскаго) года, между тѣмъ, какъ земледѣльческій годъ крестьянина-хлѣбопашца начинается весною (стр. 42). Въ общемъ съ этимъ объясненіемъ личности Юсиня (Усена) нельзя не согласиться, хотя при объясненіи отдѣльныхъ выраженій относящихся сюда латышскихъ пѣсень авторъ иногда слишкомъ поспѣшно прибѣгаетъ къ мѣологіи. Такъ, въ одной пѣснѣ у Спрогиса (Пам., стр. 105 № 1), обращенной по началу къ жаворонку, говорится несма странно:

Жаворонокъ пташечка, не спи при дорогѣ!
Завтра поѣдутъ большіе господа.

Заберутъ тебя въ карету,
 Повезутъ въ нѣмечину,
 Тамъ заставятъ тебя *молоть бобы*,
 Бить въ мѣдный барабанъ.

Пѣсня представляетъ, очевидно, комическое искаженіе чего-то другого и не производитъ впечатлѣнія глубокой старины. А между тѣмъ г. Вольтеръ комментируетъ: „*молоть бобы*“ — это означаетъ борьбу бобовъ-звѣздъ съ ночнымъ „свѣтомъ“; оборотъ „*бить въ мѣдный барабанъ*“ относится, можетъ быть, къ звуку свѣтиль, о которомъ говорятъ Л. Воеводскій. (Введеніе въ міеологію Одиссея, стр. 15—25); жаворонокъ замѣняетъ Усена и солнце (стр. 35). Конечно, ставъ на *эту* точку зрѣнія, можно (вмѣстѣ съ г. Воеводскимъ) найти міеологію въ чемъ угодно, но, къ сожалѣнію, мало гарантій въ томъ, что эта міеологія—*древняя*, а не міеологія конца XIX-го столѣтія. *Нѣсколько* правдоподобіе предположеніе г. Вольтера (стр. 39), что *заяцъ*, упоминаемый въ пѣсняхъ вмѣстѣ съ Усинемъ, фигура міеологическая. Если Усинь, что довольно вѣроятно, былъ древнѣйшимъ языческимъ богомъ у Латышей, то я припоминалъ бы литовскаго „заячья бога“, упоминаемаго Волынской лѣтописью: „жрише (Миндогъ) богомъ своимъ в(ъ) тайнѣ, первому Нънадъеву, и Телявели¹⁾, и Диверикъзу *заячечу богу*, и Мѣйдѣйну: егда выѣхаше на поле и выбѣгнаше заяцъ на поле, в лѣсъ рождѣнія не вохожаше вну и не смѣяше ни розгы уломити“²⁾

Впрочемъ, г. Вольтеръ лишь изрѣдка увлекается міеологіей. Напротивъ, онъ иногда находитъ простыя и научныя объясненія тамъ, гдѣ другіе предполагали міеологію. Такъ, онъ весьма успѣшно изгналъ изъ латышскаго „пантеона“ богиню Лигу, водворившуюся въ немъ съ весьма сомнительными правами на божественность, собственно говоря, лишь на основаніи пѣсеннаго припѣва. „О богинѣ *Лиго, Лиги*, говоритъ онъ (стр. 56), не можетъ быть и рѣчи: лиго, лейго не богъ, а повелительное наклоненіе отъ глагола *лейгот* и значить: играй, сіяй, плясай (читай: пляши).

Второй отдѣлъ, озаглавленный „короткія пѣсни-четверостишія“, содержитъ *семейныя* пѣсни: А. Родинныя и крестинныя. В. Свадебныя. С. Похоронныя. Привода пѣсни, г. Вольтеръ всюду сопровождаетъ ихъ детальнымъ описаніемъ обрядовъ, при которыхъ онѣ поются. Особенно богата въ этомъ отношеніи рубрика свадебныхъ пѣсенъ, въ которой мы находимъ рядъ свадебныхъ обрядовъ изъ разныхъ волостей Динабургскаго уѣзда. Насколько плодотворны и обильны результатами были повѣзки г. Вольтера въ Витебскую губернію, можно судить по тому, что во 2-й части своихъ „Матеріаловъ“ онъ предполагаетъ дать полную характеристику отличительныхъ особенностей быта и языка Латышей Витебской губерніи

¹⁾ Искажено изъ *теваллис*—„батьюпка?“.

²⁾ Лѣтоп. по Ипатск. списку. 1871, стр. 542.

и представить: а) пѣсни четверостишія: общественныя, гулевыя, рабочія, мѣщескія и символическія; б) длинныя пѣсни или зыгесъ; в) сказки и легенды; г) пословицы, загадки и разные мелкіе этнографическіе тексты; е) свѣдѣнія о языкѣ; ф) извлеченія изъ путевого дневника; г) указатели предметовъ, лицъ и мѣстностей (стр. XII). Въ виду извѣстной тщательности, съ которою собираетъ и обрабатываетъ г. Вольтеръ этнографическіе и лингвистическіе матеріалы, трудъ его несомнѣнно будетъ капитальнымъ вкладомъ въ литературу по быту и языку Витебскихъ Латышей.

М.

Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891 г. Москва, 1891. Стр. 582,8^о. Ц. 4 р.

Весьма цѣннымъ для исторіи русской литературы изданіемъ подарилъ насъ Общ. Люб. Рос. Слов. Общество обладаетъ интереснымъ архивомъ, считаетъ въ ряду своихъ членовъ многихъ извѣстныхъ литераторовъ и ученыхъ, во главѣ его стоитъ такой знатокъ русской литературы, какъ академикъ Н. С. Тихонравовъ, и однако изданія Общества принадлежатъ къ явленіямъ крайне рѣдкимъ: долгіе годы отдѣляютъ выпуски трудовъ Общества. Причина такой скупости Общества очень прозаическая — недостатокъ средствъ. Общество Л. Р. Сл. бѣдно, страшно бѣдно. Оно живетъ безъ ренты, безъ субсидіи... даже безъ членскихъ взносовъ, и только случайное стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ даетъ ему возможность дарить насъ рѣдкими, но цѣнными изданіями.

Главное содержаніе Сборника, за исключеніемъ мелкихъ (по объему и содержанію) беллетристическихъ произведеній (П. Д. Боборыкина, Л. Н. Розиной), составляютъ разные историко-литературные матеріалы. Одно изъ первыхъ мѣстъ между ними занимаетъ юношеская драма В. Г. Бѣлинскаго — „Димитрій Калининъ“. Какъ драматическое произведеніе, пьеса знаменитаго критика крайне слаба. Написана она всецѣло въ романическомъ пошибѣ, наивно сентиментальнымъ языкомъ начала нынѣшняго вѣка. Дѣйствующія лица изливаютъ свои чувства въ длинныхъ по нѣскольку страницъ тирадахъ въ самомъ приподнятомъ романическомъ тонѣ. Но для характеристики самого автора пьеса имѣетъ несомнѣнно важное значеніе: она написана съ искреннимъ, горячимъ чувствомъ пылкаго и честнаго юноши, до слезъ, до шемящей душевной боли возмущеннаго неправдою жизни. Это горячій и страстный протестъ противъ главной болѣзни нашего дореформеннаго періода, крѣпостнаго права.

Подробный разборъ содержанія этого интереснаго изданія, конечно неумѣстенъ на страницахъ Этногр. Обозр., — исторія литературныхъ нравовъ и судьбы литераторовъ пока еще стоятъ за предѣлами задачи этнографа... Однако и въ этомъ историко-литературномъ изданіи нашлась крупинка для этнографа: О. М. Бодянский въ своемъ весьма любопытномъ дневникѣ передаетъ народную легенду, которую считаемъ не лишнимъ отбѣтить здѣсь.

„Пріѣхавшій изъ Петербурга П. А. Б—шъ (Булишъ) сказывать, что онъ въ повздѣ на чугуикѣ встрѣтился съ однимъ помѣщикомъ, недавно купившимъ имѣніе въ Орловской губ., который между прочимъ и о слѣдующемъ поразившемъ его обыкновеніи въ его деревнѣ, передавалъ. «Разъ, легши уже спать, вдругъ пробужденъ я былъ, говорилъ онъ, какимъ-то страннымъ шумомъ на дворѣ; гляжу въ окно: вся деревня, т. е. та часть, которая была въ виду моего дома, освѣщена, словно въ какой высокотожественный день; выбѣгаю на дворъ, и что же вижу? Девять бабъ (именно девять) съ распущенными волосами, въ бѣлыхъ сорочкахъ, съ пучками лучинъ въ рукахъ и косей, о которую молотками и другими желѣзными орудіями, что есть силы, ударами и производили тѣмъ страшный шумъ, идя рядомъ, одна за другой чинно и важно по улицѣ. На вопросъ мой у дворовыхъ людей, что бы это значило, отвѣчали, что бабы, де, наши прогоняютъ смерть, отъ которой вотъ намнѣсь пало нѣсколько въ ихъ деревнѣ коровъ да быковъ, безъ всякой видимой причины. При этомъ я замѣтилъ, что онѣ тащили за собою и соху, которую, вышедши на поле, собирались провести борозду кругомъ деревни, послѣ чего, по мнѣнію ихъ, лиходѣйка не посмѣетъ больше показаться въ ихъ пріютъ. Говорятъ, что когда попадется имъ въ ту пору незнакомый человѣкъ, то плохого до смерти заколотятъ, полагая, что это-то и есть то самое, что онѣ прогоняютъ изъ своего жилища». Бто при семъ не вспомнить (замѣчаетъ О. М. Б—скій) остатки нашей языческой старины, когда за тысячу и больше лѣтъ назадъ предки наши точно такъ провожали зиму, какъ символъ смерти, передъ наступленіемъ первыхъ вешнихъ дней, известную у нѣкоторыхъ славянъ подъ именемъ Мораны, Мараны и т. п.“ (Стр. 117—118).

Этнографическій интересъ имѣетъ недурной рассказъ Д. Мамина: „Баймаганъ“—сценка изъ нравовъ киргизовъ. Любопытенъ словарь словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ Н. В. Гоголя. Составъ словаря весьма тщательно разобранъ въ объяснительной къ нему статьѣ Н. С. Тихомравова.

Л.

Ал. С. Фамицынъ. — Гусли—русскій народный музыкальный инструментъ. *Историческій очеркъ*. СПб. 1890.

Настоящій очеркъ г. Фамицына является только началомъ цѣлаго ряда работъ по очень мало еще разработанному вопросу объ исторіи русскихъ народныхъ музыкальных инструментовъ. Нельзя не приветствовать такого начинанія, особенно въ виду того, что въ лицѣ г. Фамицына мы имѣемъ удачное соединеніе замѣчательнаго знакомства съ исторіей музыки и рѣдкой начитанности въ этнографической литературѣ.

Настоящая книга распадается на 3 главы: 1) Гусли—струны, струнный инструментъ вообще, 2) гусли какъ спеціальныи русскій народный инструментъ и 3) постепенное усовершенствованіе формы русскихъ гуслей. Въ приложеніи авторъ говоритъ о цимбалахъ—инструментѣ, родствен-

номъ русскимъ гуслямъ-псалтирю, даетъ дополненія къ тексту и ноты для гуслей, взятыхъ изъ сочиненія: „Новѣйшая полная школа или Самоучитель для гуслей“ *Θ. Кушенова-Дмитревскаго*, 1808 г.

Слово „гусли“ (отъ густы, гудѣть) свойственно всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, хотя не вездѣ оно употребляется въ одинаковомъ значеніи; по мнѣнію автора это слово сначала соотвѣтствовало. вѣроятно, латинскому *fides*, *choroda*, затѣмъ обозначало струнный инструментъ вообще и только позже специализировалась. Въ русскихъ историческихъ памятникахъ гусли въ тѣсномъ значеніи этого слова встрѣчаются не раньше первой половины XVI столѣтія. Многочисленные факты, собранные авторомъ изъ всевозможныхъ источниковъ, приводятъ его относительно русскихъ собственно гуслей къ такимъ выводамъ: гусли струнный, не смычковый инструментъ, ручной, легкій, небольшого размѣра; состоятъ онѣ изъ доски, струнъ, шпечечка; играютъ на нихъ всегда сидя. Въ 3-й главѣ г. *Фамицынъ* слѣдитъ за различными фазами развитія и усовершенствованія этого инструмента. Старинныя миниатюры даютъ ему возможность намѣтить характеръ первобытныхъ русскихъ гуслей, параллельное явленіе къ которымъ представляютъ: *Kantele* Финновъ, *Kannel* Эстовъ, *Kankles* или *Kanklys*, *Kankle*, *Kanklai*, *Kunkles* и т. п. Литовцевъ и *Ku°kles* Латышей. Авторъ предполагаетъ, что инструментъ этого типа первоначально вошелъ въ употребленіе въ средѣ одного котораго-нибудь изъ названныхъ народовъ, а затѣмъ уже отъ него заимствованъ прочими (стр. 51); въ виду того, что „гусли“ вполне естественно объясняются изъ славянскаго языка, между тѣмъ какъ о другихъ названіяхъ подобнаго нельзя сказать,—авторъ отдаетъ первенство гуслямъ славянскимъ: по его мнѣнію, которое кажется намъ не особенно убѣдительнымъ, *Ku°kles* произошло изъ *Kankles*, *Kaukles* и *Kannel* изъ *Kantele*, послѣднее изъ гусль или гусли. Создателями гуслей были Славяне южные, отъ которыхъ заимствовали ихъ русскіе. Дальше г. *Фамицынъ* прослѣживаетъ, насколько это позволяли имѣвшіеся у него подъ руками матеріалы, исторію гуслей отъ ихъ первобытной формы до формы новѣйшей, усовершенствованной, при чемъ даетъ довольно много поясняющихъ рисунковъ.

Богатство собранныхъ данныхъ, оригинальность нѣкоторыхъ выводовъ и новизна темы *) дѣлаютъ трудъ г. *Фамицына* цѣннымъ вкладомъ въ этнографическую литературу; нѣкоторыя положенія его вызываютъ въ читателѣ сомнѣнія, но разрѣшить ихъ можетъ только тотъ, кто произведетъ надъ сырымъ матеріаломъ такую же гигантскую работу, какую произвелъ г. *Фамицынъ*.

К.

Сборникъ матеріаловъ для статистики Самаркандской области за 1887—88 гг. Вып. I. Изд. Самарк. област. Статист. Комитета, подъ ред. и л. Секретаря *М. М. Вирскаго*. Самаркандъ. 1890. Стр. XXI + 444. 4°.

*) Если мы не ошибаемся, эту тему затрогивали въ своихъ статьяхъ только *Кугачъ* и проф. *Сумцовъ* (Култ. пережив.). *Gołębiowski* въ соч. „*Ory i zabawy*“ (Wargz. 1831) мимоходомъ упоминаетъ о гусляхъ (стр. 220, 241).

Настоящій сборникъ является первымъ опытомъ свода статистическихъ свѣдѣній по Самаркандской области на основаніи болѣе достовѣрныхъ данныхъ, собранныхъ Комитетомъ отъ административныхъ учреждений, а также другихъ вѣдомствъ и частныхъ лицъ. Названная область, недавно учрежденная и существующая всего лишь четыре года, представляется чрезвычайно интересною въ культурномъ, экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Но новизна дѣла, сопряженная еще притомъ здѣсь съ особенными мѣстными затрудненіями, потребуетъ еще многихъ усилій, чтобы можно было прійти хоть къ установленію какихъ нибудь прочныхъ и вѣрныхъ приѣмовъ изслѣдованія, не говоримъ ужъ о выводахъ. Такъ, напр., первый вопросъ представляющійся для статистика основнымъ, вопросъ о числѣ населенія въ краѣ, можетъ быть рѣшенъ при настоящихъ условіяхъ лишь весьма приблизительно, такъ какъ со времени занятія области русскими подробныхъ списковъ населенія не велось; въ таблицахъ эта цифра показана по приблизительному расчету 5 душъ на каждыя дворъ или кибитку. Вышло всего населенія въ области въ 1888 г. 712,420 душъ, изъ коихъ 1, 42% европейцевъ (славянъ), 68,74% узбековъ, 23,04% таджиковъ, 2,4% арабовъ, 2,86% киргизовъ, 0,78% францевъ, 0,63% евреевъ, 0,09% авгановъ, 0,03% цыганъ, 59 чел. индусовъ и 20 ч. татаръ. При средней плотности 10,7 на 1 кв. вер., изъ четырехъ уѣздовъ: Самаркандскаго, Катта курганскаго, Ходжентскаго и Джизакскаго, — плотнѣе всего населенъ второй (24,3), и менѣе всего послѣдній (4,7). Долина р. Зеравшана, отдѣльно взятая, по плотности (128,9) населенія не уступаетъ населеннѣйшимъ частямъ Европ. Россіи, причѣмъ число жителей на каждое населеніе или аулъ приходилось тамъ въ 1888 г. почти вдвое болѣе, чѣмъ въ Евр. Россіи. Что касается движенія населенія въ области, то свѣдѣній по этому вопросу Комитетъ пока дать не могъ, такъ какъ въ Туркестанскомъ краѣ метрическихъ записей туземцевъ не существуетъ. Съ 1888 г. Стат. Комитетъ принимаетъ мѣры къ тому, чтобы организовать какъ-нибудь отчетность по этому вопросу: имъ рассылаются по всѣмъ имамамъ, раввинамъ, народнымъ судьямъ и т. п. особыя книги для записи рожденій, браковъ, и смертности туземцевъ магометанскаго и еврейскаго исповѣданій. Эти данныя, по ихъ обработкѣ, войдутъ въ слѣдующій выпускъ сборника. Въ настоящемъ же выпускѣ даны пока итоги, вромѣ вышеуказанныхъ, также по торговлѣ, промышленности урожаю, ирригаціи, народному здоровію, нравственности, просвѣщенію и пр., при чемъ каждый отдѣлъ представленъ въ подробныхъ числовыхъ таблицахъ. Въ видѣ пособія для ориентировки при пользованіи матеріалами Сборника къ нему приложена фотографическая карта области въ масштабѣ нѣсколько большемъ 40-верстной карты Туркестанскаго военнаго округа, съ которой и снята фотография.

Туркестанскій край представить еще немало хлопотъ для статистиковъ, но, судя по сдѣланному Самаркандскимъ Комитетомъ началу, можно ожидать отъ мѣстныхъ изслѣдователей хорошихъ результатовъ. Усиліяхъ мѣстной статистики порадуется и этнографъ, которому поневолѣ приходится

нѣрѣдко имѣть дѣло со статистическими выводами, особенно, когда рѣчь зайдетъ о малоизслѣдованномъ краѣ.

Я.

Н. Маевъ.—Туркестанская выставка 1890 г. *Путеводитель по выставкѣ и ея отдѣламъ*. Ташкентъ. 1890. in 8°. Стр. 162.

Туркестанская выставка 1890 г. по мнѣнію автора даетъ наглядное понятіе о томъ, что представляетъ изъ себя Туркестанъ черезъ 25 лѣтъ владычества надъ страню русскихъ. Разсматривая различные отдѣлы выставки (отдѣлы: военно-историч., садоводства, винодѣлія, охоты, горной промышленности, шелководства и т. д.), авторъ даетъ краткія и вмѣстѣ съ тѣмъ не безынтересныя свѣдѣнія о положеніи различныхъ отраслей промышленности и хозяйства какъ у туземцевъ, такъ и у русскихъ въ странѣ. При описаніи отдѣла охоты и рыболовства приведены различные приемы охоты, способы уногребленія нѣкоторыхъ орудій охоты; нѣсколько страничекъ посвящены охотѣ соколиной и любимому удовольствію туземцевъ: бою различныхъ животныхъ—рябчиковъ, верблюдовъ, барановъ и т. д. Интересенъ также краткій обзоръ научныхъ изслѣдованій о Средней Азій. Бѣ сожалѣнію, слишкомъ коротко описанъ павильонъ кустарныхъ промысловъ.

Х.

Извѣстія Общ. Археологій, Исторіи и Этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ, т. IX, вып. 1. Казань, 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Н. Ойрсовъ разсматриваетъ „вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ“, какъ онъ былъ поставленъ и рѣшенъ въ комиссіи для составленія проекта Нового Уложенія при Екатеринѣ II (1767).—**Н. А. Ойрсовъ** (предсѣдатель Общества) помѣстилъ статью „памяти П. Д. Шестакова“ (перваго предсѣдателя Общества), въ которой изложилъ „мысли его объ общественномъ воспитаніи въ Россіи вообще и о просвѣщеніи инородческаго населенія сѣв.-восточной Россіи въ частности“. Въ заключеніи авторъ между прочимъ говоритъ, что полезно было бы издать особую книгой труды Шестакова по исторіи и этнографіи.—**Н. З. Тиховъ** напечаталъ „Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища“. Въ данный очеркъ входитъ только „Болгарскій домъ и относящіеся къ нему пристройки по даннымъ языка и народныхъ пѣсенъ“. **В. К. Магнитскій** представилъ статейку „объ прихахъ (домашнихъ идолахъ) у чувашъ“, въ которой онъ даетъ сводъ существовавшихъ до сихъ поръ свѣдѣній о нихъ и присоединяетъ свои.—**А. И. Соколовъ** доставилъ сборникъ русскихъ „мірскихъ“ именъ (т. е. ненаходящихся въ святцахъ) и прозвищъ, извлеченныхъ изъ рукописныхъ документовъ, касающихся Казанскаго и Нижегородскаго края и относящихся къ XVII столѣтію. Списку предпослано небезынтересное предисловіе, освѣщающее вопросъ о значеніи подобныхъ именъ и прозвищъ. На первый взглядъ мы бы подумали, что такія имена, какъ Потѣха, Невѣжа, Жданъ и т. п., ничто иное, какъ прозвища (фамиліи), но выра-

женія въ родѣ: Потѣха Ивановъ сынъ Опаринъ, или Жданъ Клементьевъ сынъ Облоуховъ и т. п. ясно указываютъ, что Потѣха, Жданъ и т. д. имена личные, замѣняющія собою христіанскія. Интересно, что еще въ XVII в., судя по приводимому списку, употреблялись многія имена и прозвища, напоминающія собою имена былинныхъ, сказочныхъ и т. п. лицъ. Напримѣръ, *имена*: Буславъ, Будило, Добрыня, Дружина, Жданъ, Кисель, Залѣшенивъ, Кобякъ, Май, Манъ, Несмѣянъ, Нечай, Рахманъ, Садоника, Салтанъ, Соловей, Чура, Шебяка, Уланъ, Юшманъ, и др.; *прозвища*: Басарга, Буслай, Вишата, Дунай, Дюкъ, Бирша, Ладило, Муромецъ, Скоморохъ, Сотко, Суханъ, Торопъ, Тутаринъ, Шемяка, Ярило и др. *).—Томъ заканчивается интересною статьею *М. Н. Пинегина*: „Свадебные обычаи Казанскихъ татаръ“. Авторъ, не довольствуясь подлиннымъ описаніемъ обычаевъ, попытался во второй главѣ, на основаніи данныхъ языка, коснуться семейно-общественнаго устройства въ болѣе отдаленную эпоху жизни татаръ и разбираетъ вкратцѣ такіе вопросы, какъ магіархатъ, патриархатъ, левиратъ и т. п.

Л.

Памятная Книжка Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Москва 1890. стр. II+234.8°. Ц. 2 р.

Книжка распадается на два отдѣла: I. Составъ Архива и обзоръ хранящихся въ немъ документовъ (156 стр.) II. Управленіе Архивомъ и его дѣятельность. Цѣль изданія книжки, по словамъ введенія, двоякая: съ одной стороны—дать въ руки постороннимъ лицамъ, посвящающимъ Архивъ для ученыхъ занятій, пособие къ первоначальному знакомству съ общимъ составомъ архива и въ частности съ тѣми видами историческихъ документовъ, которые въ немъ хранятся, съ—другой для служащихъ въ Архивѣ справочную книгу по всѣмъ предметамъ, которые входятъ въ кругъ ихъ обязательныхъ занятій. Выѣстъ съ тѣмъ Пам. кн. можетъ служить отчетомъ о нынѣшнемъ состояніи и текущей дѣятельности Архива, просуществовавшего со времени своего образованія 38 лѣтъ. Эта цѣль несомнѣнно вполне оправдываетъ изданіе книжки и достигается ею. Для насъ, конечно, болѣе важна первая часть книжки: она даетъ вполне ясное представленіе о содержимомъ Архива, отличающагося значительнымъ богатствомъ. Вся эта часть раздѣлена на главы и подраздѣленія, но трудно указать точно, которыя изъ нихъ болѣе интересны въ этнографическомъ отношеніи, и какія не представляютъ интереса. Въ каждой почти главѣ можно найти указанія на матеріалъ для характеристики внутренняго русскаго быта прошлыхъ вѣковъ или въ сословномъ отношеніи, или въ экономическомъ, или въ семейномъ и т. д. Напримѣръ, одни дѣла Вотчиннаго архива, Суднаго и Сысканаго приказовъ, дѣла Юстицъ-коллегіи выѣстъ съ разными грамотами (напр. мировыми) могли-бы дать матеріалъ для вполне яркой характеристики старинныхъ нравовъ какъ городского, такъ и сельскаго населенія. Кромѣ дѣлъ, касающихся непосредственно Москвы и нынѣшней центральной

*) См. ниже, Библиографъ (журналы).

Россіи, здѣсь хранятся также дѣла, относящіяся къ окраинамъ, каковы: дѣла Малороссійскаго и Сибирскаго приказовъ, дѣла, касающіяся Литвы и Бѣлороссіи (Шкловское имѣніе, Литовская метрика), Остзейскаго края и т. д. Изъ II отдѣла книжки представляетъ интересъ глава 8-я о дѣятельности Архива по составленію описей и приведенію въ извѣстность важнѣйшихъ документовъ, а также перечень изданій Архива (въ 9-й гл.) и біографія управляющаго Архивомъ достоуважаемаго Нила Александровича Попова съ подробнымъ указателемъ его учено-литературныхъ статей и сочиненій (всѣхъ 227) за 1854—1889 гг. Помѣщены также въ этомъ родѣ свѣдѣнія о другихъ лицахъ, служащихъ въ Архивѣ. Однимъ словомъ, это изданіе для лицъ, интересующихся Архивомъ и особенно живущихъ въ Москвѣ, является весьма полезнымъ.

Я.

Матеріалы къ изученію способовъ народнаго врачеванія въ Восточной Сибири. 1) Сообщение *В. Гандельсмана* съ предисловіемъ и дополненіями *В. Крутовскаго*. 2) Сообщение *Г. Ф. Черневскаго*. Красноярскъ. 1891 (Печатано по опредѣленію Общества врачей Енисейской губ.). 39 стр.

Въ первой статьѣ указано болѣе сорока, во второй около тридцати народно-врачебныхъ средствъ; матеріалы г. Гандельсмана собраны въ селѣ Илринскомъ Минусинск. окр., матеріалы г. Черневскаго въ дер. Ершовой Карацакской вол. по р. Ангартъ. Г. Гандельсманомъ записано 35 мѣстныхъ названій растений, и кромѣ того сообщены народныя повѣрья о болѣзняхъ и заговоры, въ томъ числѣ два заговора отъ уроковъ, т. е. отъ наколованныхъ болей. Въ заговоръ № 2 встрѣчается представленіе обѣ островѣ среди океанъ-моря, на островѣ Божья церковь, въ ней престолъ, на престолѣ серебряное блюдо, на которомъ лежить 77 ножей; у престола сидитъ Пресвятая Богородица, Иисусъ Христосъ и всѣ святители. Въ № 9 отъ уроковъ же: „Матушка всевостощница, Соломонида, катися и валися въ океанъ-море, смывай крутые берега и желтые пески“.... Уроки могутъ быть „выколоты“ (ножами?) или смыты (рѣкой?) Соломонидой.

II.

Статистическій Сборникъ Саратовской губерніи. 1890 г. Сост. секретарь стат. комитета *Ф. С. Шиманскій*.

Протоколъ годичнаго Собранія Саратовскаго Губернскаго Статистическаго Комитета 24 февраля 1890 г. даетъ нѣкоторые свѣдѣнія о движеніи научной разработки края. Свѣдѣнія бібліографическаго характера можно почерпнуть въ отдѣлахъ Сборника: „Свѣдѣнія о состояніи Комитета за 1889 г.“, и „Приложенія“, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ въ особенности замѣтить „Перечень работъ Стат. Комитета за 1885—1889 гг.“, и записку *Н. Ф. Хованскаго* о значеніи статистики. „Историческій очеркъ заселенія края“ помѣщенъ въ въ отдѣлѣ „Статистическое Обзоріе Саратовской губерніи за 10-лѣтіе 1880 — 1889 гг.“, въ которомъ тща-

тельно обозрѣвается статистика губерній, въ особенности ея населеніе съ весьма разнообразныхъ сторонъ (23 рубрики), и обзоръ иллюстрируется значительнымъ количествомъ таблицъ.

Б.

Труды Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи. Саратовъ. 1890. Т. II, вып.—2. А. Н. Минхъ. 1) Историческій очеркъ начала заселенія Саратовскаго уѣзда. 2) Матеріалы для исторіи заселенія Саратовскаго края.—С. А. Харизоменовъ. Матеріалы по четвертному землевладѣнію Саратовской губерніи.—С. С. Краснодубровскій. На раскопкахъ „Будеярова Обрыва“, о которомъ см. „Этногр. Обзор.“ VIII, 256. — Свѣдѣнія о движеніи научной разработки матеріаловъ по исторіи и этнографіи края можно найти въ „Протоколахъ Общихъ Собраній Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи“. Остальныя статьи имѣютъ болѣе историческій интересъ.

Новороссійскій Календарь на 1891 г., издаваемый Одесскимъ Городскимъ Обществен. Управленіемъ при Городской Публичной Библіотекѣ. Ц. 1 р.

Календарь содержитъ справочныя свѣдѣнія по Херсонской губ., Таврической, Бессарабской, Екатеринославской, и Одесскому градоначальству. Въ числѣ литературныхъ приложеній прежде всего находимъ «библіографическую справку» о «Новороссійскомъ Календарѣ», въ которой между прочимъ перечислены научныя статьи, появившіяся въ этомъ изданіи съ 1839 г. Далѣе слѣдуетъ обширная статья В. Яковлева (пользовавшаяся также рукописными работами по тому же вопросу покойнаго О. В. Юрченка): «Аббатъ Николь и первые годы Ришельевского Лицея». Статья представляетъ весьма интересную страницу изъ исторіи просвѣщенія Россіи вообще и Новороссійскаго края въ частности. Іезуитъ Доминикъ Шарль Николь (род. 1758 г., умеръ 1835 г.) былъ въ Россіи съ 1793 по 1820 г., былъ другомъ герцога Ришелье и директоромъ его лицея въ Одессѣ, для котораго онъ написалъ и уставъ, поставившій лицей внѣ зависимости отъ Харьковскаго университета, на ряду съ высшими учебными заведеніями. Обладая замѣчательными педагогическими способностями, онъ былъ также извѣстенъ отчасти и какъ политическій дѣятель (во Франціи). Подробностей статьи, не имѣющей прямого отношенія къ этнографіи въ тѣсномъ смыслѣ, мы не передаемъ, и прямо переходимъ къ «Опыту программы—вопросника для собиранія географическо-историческихъ свѣдѣній по Новороссійскому краю (его мѣстностямъ и поселеніямъ)», сост. А. А. Матвѣевымъ (къ юбилею Имп. Рус. Геогр. Общества). Составитель этой программы извѣстенъ уже изданіемъ 3-хъ выпусковъ своихъ программъ подъ общимъ заглавіемъ: «Бъ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи» (вып. I—Этнографія, вып. II—Программа историко-географич. свѣдѣній, вып. III—Археологія). Одесса. 1884. Эти изданія, которыя были приноврелены къ Одесскому археологическому

сѣбѣду, давно разошлись, и г. Матвѣевъ, пользуясь предложеніемъ редакціи возобновившагося изданія «Новороссійск. Календаря», счелъ полезнымъ напечатать новый «вопросникъ», съ нѣсколькимъ инымъ планомъ. «Желаніе наше, — говоритъ онъ въ предисловіи (стр. 102), — замѣнить бывшія спеціальныя программы и инструкціи одной общей программой, въ которой если не детально, то зато по возможности въ полномъ комплектѣ фигурировали бы всѣ отдѣлы, подъ рубрики которыхъ можно бы подвести и естественно-историческій, и этнографическій и экономическій, и историко-археологическій матеріалъ». Конечно, составленіе программы по такимъ разнообразнымъ вопросамъ однимъ лицомъ можетъ и должно отразиться невыгодно на самой программѣ, потому что врядъ ли одно лицо можетъ обладать такими энциклопедическими познаніями со стороны теоретической и даже самой практики, какія для этого требуются, тѣмъ болѣе при такомъ характерѣ программы, какъ настоящая, въ которой составитель не ограничивается одними вопросами, но старается исполнѣть цѣлесообразно «снабдить отдѣлы программы должными на каждый случай объяснительными примѣчаніями и инструктивными замѣтками». Авторъ впрочемъ и не считаетъ свой трудъ исполнѣть безупречнымъ и совершенно справедливо замѣчаетъ, что, благодаря указаніямъ работающих по программѣ лицъ, недостатки ея могутъ быть устранены. Программа распадается на 3 части: 1) *Страна* (физико-географическая часть), 2) *Населеніе* (этнографія съ народнымъ хозяйствомъ), 3) *Исторія* (со включеніемъ археологій). Но напечатана пока только 1-я часть. Какъ всѣ предыдущія изданія г. Матвѣева, такъ и это имѣетъ въ виду главнымъ образомъ южную Россію, въ частности Новороссію, и результаты преслѣдуемой авторомъ цѣли представляются ему въ такомъ видѣ: «Собранный матеріалъ можетъ послужить наукѣ къ составленію или географическо-историческаго описанія Новороссіи или къ не менѣе полезному изданію историко-географическаго словаря ея, гдѣ бы географическія территориальныя единицы не лишены были точныхъ и подробныхъ (даже до урочищъ включительно) топографическихъ элементовъ, были снабжены физико-географическимъ матеріаломъ, этнологическими и этнографическими данными, а послѣднія обставлены статистическими и экономическими картинами быта и дѣятельности населенія; въ свою очередь исторія края и мѣстныхъ народностей, освѣщенная этнологіей и этнографіей, имѣла бы для себя документальный матеріалъ въ общественныхъ памятникахъ мѣстности, указанныхъ и описанныхъ въ современномъ ихъ состояніи, не лишена была бы археологическихъ данныхъ и т. п. Такой словарь есть давнишнее желаніе русской науки, а письменному и вещественному для него матеріаламъ, — смѣемъ думать, говоритъ авторъ, — всегда найдется пріютъ и желанный научный ходъ въ стѣнахъ возникающаго Одесскаго музея» (103). Само собою разумѣется, что такого рода работа требуетъ извѣстнаго средоточія въ спеціальномъ мѣстномъ ученномъ учрежденіи, которое могло бы руководить этой работой. Въ крайнемъ случаѣ трудъ могъ бы быть раздѣленъ между мѣстными университетскими обществами соотвѣт-

ственно ихъ специальности, а еще несравненно лучше цѣль могла бы быть достигнута однимъ обществомъ, имѣющимъ отдѣлы географіи, этнографіи и археологій. Въ Одессѣ такого общества нѣтъ, и намъ кажется, что прямая задача мѣстныхъ ученыхъ была бы составить подобное общество и взять въ свои руки мѣстный музей. Во всякомъ случаѣ трудъ г. Матвѣева и высказанныя авторомъ мысли во введеніи вызываютъ къ себѣ полное сочувствіе съ искреннимъ пожеланіемъ наилучшихъ результатовъ. Программа несомнѣнно будетъ заготовлена и распространена въ значительномъ количествѣ отдѣльныхъ оттисковъ, иначе она тѣмъ менѣе достигнетъ своей цѣли.

Я.

Памятная книжка Волынской губ. на 1891 г. Изд. Губ. Стат. Комитета. Составлена подъ ред. Секретаря Комитета *И. Ф. Мацкевича*. Житомиръ. 1890 г.

Литературно-научныхъ приложений книжка за текущій годъ не имѣетъ, и вся она занята статистикой, разработанной довольно подробно и разнообразно. Статистическія данныя здѣсь помѣщены за два года 1888 и 1889, а прошлый годъ еще не вошелъ, такъ что свѣдѣнія разрабатываются Комитетомъ довольно медленно. Притомъ годъ 1888 представлятъ уже въ выводахъ, а 1889 только въ подробныхъ таблицахъ безъ выводовъ. Мы, конечно понимаемъ, что Комитетомъ сдѣлано то, что можно было сдѣлать, но не можемъ не сказать, что если бы были даны выводы и за 1889 г., то это дало бы возможность по нѣкоторымъ рубрикамъ провести сравненіе, которое такъ или иначе могло бы для насъ освѣтить тотъ или иной вопросъ, теперь же не всегда это возможно безъ особенныхъ вычисленій. Населенія въ губерніи въ 1889 г. считалось 2,351,051 душъ (въ 1888 г. — 2,303,602 д.), а такъ какъ пространство ея равняется 63126 кв. верстамъ, то слѣдовательно приходится около 37,2 ч. на 1 кв. версту, что не свидѣтельствуетъ о сильной плотности населенія. По вѣроисповѣданіямъ въ 1889 г. населеніе распредѣлялось такимъ образомъ въ процентномъ отношеніи: правосл. 73,2%, еврейск. 13,4%, католич. 8,2%, протест. 4,4%, чехо-гуситск. ок. 0,3%, раскольник. 0,2%, баптист. тоже 0,2%, кромѣ того магометанъ ок. 0,02% и каримовъ ок. 0,004% (180 ч.). Сравненіе съ предшествующимъ 1888-мъ годомъ указываетъ только на уменьшеніе чеховъ на Волыни (въ 1888 г. ихъ считалось 9614 ч., а въ 1889 г. — 8003 ч.), что вѣроятно объясняется ихъ обратными переселеніями болѣе, чѣмъ смертностью. Данныхъ, характеризующихъ составъ населенія по народностямъ, въ книжкѣ мы не находимъ, и только по указаннымъ вѣроисповѣднымъ отношеніямъ можемъ составить себѣ объ этомъ нѣкоторое представленіе, хотя, конечно, очень не точное. Словныя таблицы также не могутъ помочь выясненію этого важнаго для мѣстной этнографіи вопроса. Мы не будемъ останавливаться на другихъ вычисленіяхъ, укажемъ еще только, что помѣщенный въ книжкѣ списокъ озеръ съ обозначеніемъ ихъ вели-

чины по уѣздамъ (большинство ихъ сосредоточено во Владиміровынскомъ и Ковельск. уу.) даетъ намъ нѣкоторое представленіе о физическомъ устройствѣ страны и ея поверхности (болѣе 100 кв. в. подъ озерами), а списокъ городовъ и мѣстечекъ можетъ служить полезной справкой.

Я.

Памятная книжка Ковенской губ. на 1891 г. Изд. Губ. Стат. Комитета. Сост. Секретарь Комитета *К. Гукowski*.

По примѣру прошлагодней эта книжка представляетъ интересъ своими послѣдними отдѣлами. Отдѣлъ III даетъ намъ краткій „Статистическій обзоръ“ губерніи за 1889 г. (главнымъ образомъ въ итогахъ по обычнымъ рубрикамъ). Отдѣлъ IV содержитъ въ себѣ двѣ статьи: одна — члена Комитета *П. М. Силина* — „Сурдескій Св.-Духовскій третеклассный монастырь“ въ Вилкомирскомъ уѣздѣ; другая, подъ заглавіемъ: „Вилкомірскій уѣздъ“, принадлежитъ г. Секретарю *К. Гуковскому* и представляетъ собою болѣе или менѣе цѣльный очеркъ уѣзда, имѣющій значительный интересъ для этнографа. Очеркъ написанъ приблизительно по той-же программѣ, что и описаніе Тельшевскаго уѣз. того-же автора въ Пам. кн. за прошлый годъ (Этн. Обзор. кн. VII, 203). Вслѣдъ за описаніемъ географическимъ (топографія, флора, фауна и т. д.) авторъ подробно трактуетъ о населеніи уѣзда, которое принадлежитъ къ группѣ собственно литовцевъ (всего 130,000 д.), отличающихся отъ соплеменныхъ жмудинцевъ по языку и по сравнительно большей культурности. Языкъ мѣстныхъ литвиновъ разсматривается авторомъ не подробно, а указываются вкратцѣ главнѣйшія отличія его отъ западныхъ верхне-литовскихъ говоровъ въ отношеніяхъ фонетическомъ, морфологическомъ и лексическомъ. Важнѣйшую часть статьи представляетъ глава о народно-юридическихъ обычаяхъ, составленная по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ. Далѣе довольно много мѣста удѣлено экономическому очерку уѣзда. Наконецъ, небольшія замѣтки посвящены самому г. Вилкомиру и достопримѣчательностямъ уѣзда, интереснымъ болѣе для археолога.

Я.

Труды Курляндскаго Губернск. Статистич. Комитета, т. XVIII, изд. подъ ред. Секретаря Комитета *Я. И. Лудмера*. Митава. 1890. Ц. 1 р. Стр. 338, 8^о

Въ настоящемъ томѣ можно отмѣтить лишь тѣ главы, которыя свѣдѣтельствуютъ о томъ, какая печальная судьба постигаетъ болѣею частью разныя хорошія начинанія вслѣдствіе инертности и неотзывчивости нашего образованнаго общества къ научнымъ вопросамъ и другимъ обстоятельствамъ. Такъ, напр., Имп. Академія художествъ обратилась въ 1886 г. къ начальникамъ губерній и другимъ лицамъ съ программой для собранія свѣдѣній о русскихъ древностяхъ, могущихъ характеризовать древнее отечественное искусство. Программа была разслана кому слѣдуетъ по губерніи (она напечатана въ этомъ томѣ и содержитъ всего 13 вопросовъ) По-

лучено всего 41 отвѣтъ, изъ которыхъ большая половина ничего не даютъ, а остальные даютъ очень мало (отвѣты тоже напечатаны). Также окончилось и воззваніе С.-Петербургскаго Общ. Естествоиспытателей объ устройствѣ мѣстнаго естественно-историческаго музея, и обращеніе Моск. Археол. Общества по случаю Ярославскаго съѣзда (стр. 38). Слѣдуетъ отмѣтить еще доставленный библіотекаремъ Моск. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ И. Ѳ. Токиаковымъ перечень матеріаловъ по Курляндской губ., хранящихся въ названномъ Архивѣ (стр. 110).

N.

Памятная книжка Съдлецкой губ. на 1891 г.

Второй отдѣлъ книжки занять статью Н. Янчуки: „Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Константиновскаго уѣз. Съдлецкой губ. Статья перепечатана (съ пропусками) изъ VII кн. Трудовъ Этнографич. Отдѣла Имп. Общ. Люб. Естествозн., Антр. и Этногр. („Извѣстія“ Общества, т. 48, вып. 1) Эта перепечатка можетъ имѣть значеніе, между прочимъ для мѣстныхъ любителей этнографіи, для которыхъ изданія ученыхъ обществъ остаются неизвѣстными. Можно только пожелать чтобы среди этихъ любителей нашлись желающіе подражать примѣру автора въ описаніи мѣстныхъ обычаевъ и другихъ особенностей народнаго быта, тѣмъ болѣе, что эти особенности на этой окраинѣ сглаживаются все быстрѣе и быстрѣе подъ вліяніемъ не только общихъ условій, разрушающихъ повсюду старину, но и специально-мѣстныхъ.

N.

Ярославскій Календарь на 1890 г. (Изд. Губ. Стат. Комитета).

Д. А. Невскій Указатель матеріаловъ по Ярославской губерніи, помещенныхъ въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ дѣлъ съ 1829 по 1861 г.

2. Журналы.

Библиографъ, 1890, № 7—8. Чечулинъ. Личныя имена въ писцовыхъ книгахъ XVI в., не встрѣчающіяся въ православныхъ святцахъ. Отмѣтимъ въ этой любопытной статьѣ имена, приводящія насъ къ былевымъ именамъ и прозваніямъ или интересныя сами по себѣ. Стр. 76 (прим.): Соловей ямщикъ, стрѣлецъ Суловецъ, стрѣлецъ Смородинка, боярскій сынъ Жаворонокъ, Рыба Аверкіевъ, Соболь Олферьевъ, Коземъ Зенденинъковъ, Волкъ Курицынъ; стр. 77 (прим.): Беркутъ Глѣбовъ, Дунай Кузьминъ, Ратмиръ Антиповъ с. Казарына, Персидъ Никитинъ; стр. 79: Семень Разманинъ; стр. 80: Друмина, Воробей, Ворона, Соловей, Суханъ, Чернава, Чужаня, — какъ личныя имена; стр. 81: Селянинъ, Селяникъ, Мурикъ, Тарханъ; стр. 82: Добрыня, Дородка, Жданъ, Путило, Путята, Ратай, Томила, Чудило, Чурила, Шумило, Шумята, Шеланъ, Шуръ, ПЦурка, Вола, Дунай; стр. 83: Батута, Казаринъ, Лотычъ, Мамай, Макоша, Мажуша, Манко, Ратманъ, Ратмиръ, Разманинъ, Разманко, Рыкуня, Садыкъ, Селюта, Смита, Созыка, Сура, Сурикъ, Сурьянъ; стр. 84: Хотко, Хотый, Чуръ, Шаерукъ, Шахъ, Шемьяка, Ярецъ, Юрило, Кутава, Духанъ, Некраа. (См. выше, стр. 169).

Wislą, 1891, zeszyt I. Smoleńcówna. Gry dziecięce (дѣтскіе гуси, птичка, заяцъ,

птица или цвѣта, котъ и мышь, просо, морковь, перстень, граница и забава взрослыхъ парней). *Korotyński*, Ze starej książki: нѣсколько легендъ, выбранныхъ изъ книгъ 1683 и 1730 года (любопытна на стр. 25—6 легенда о Владиславѣ, поставившемъ черту 2 свѣчки, а святымъ по одной). *Karłowicz*, Raz jeszcze do Brzozy Gryźniakiej (наказаніе дѣтей за непочтительность къ родителямъ, намѣренье ихъ побить или убить). *Jastrzębowski*, Sobotka we wsi Mikołowie (gmina Wojchiesowice w powiecie opatowskim): 6 пѣсень и нѣсколько повѣрій. *Iks*, Корепнаска: авторъ считаетъ корепнаска или корепноска „przekreśleniem wугазу Kupała—поска“ (?); замѣтка не уясняетъ этого страннаго названія (приведено 6 купальскихъ пѣсень и нѣсколько обрядовъ). *Karłowicz*, Podanie o Małdeju: нѣсколько дополненій къ прежнимъ статьямъ на основаніи печатныхъ и рукописныхъ источниковъ. *Wasorzeniecki*, Okienko w chatach i zakonczenia daschów. *Biegeleisen*, Motywy ludowe w balladzie A. Mickiewicza: „Lilje“. *Jabłonowski*, Najnowsze teorje heraldyczne pochodzenia polskiego społeczeństwa szlacheckiego, ze stanowiska etnograficznego (по поводу „Studja heraldyczne“ Малепцкаго и „O dynastycznym szlachty polskiej pochodzeniu“ Пемосинскаго). *Zabawki dziecięce*. *Mo...du*, Bajka-zagadka o zabitym kochanku (къ литературѣ вопроса прибавимъ трудъ по мифологіи Воеводскаго, разобранный В. О. Миллеромъ въ „Критическомъ Обзорѣи“). *Wieśniak z Radzyńskiego*. (съ рис.). *Dougird*, Buława kamienna. *Sembrzycki*, Zagadki mizerskie. *Karłowicz*, Piosnka o babuleńce i jej koziołku. *Małinowski*, Народная медицина. *Kolberg*, *Gacki i Skrzyńska*, Kula. *Plichta*, Chata. *Jastrzębowski*, A pochylone. *Ciszeński*, pismo obrazowe (на основаніи замѣчаній Neurla и Václavka). *Krzywicki*, Półkallnie. *Ciszeński i Wasorzeniecki*, Nicienie ognia przez tarcie. *Rokossowska*, названія коровъ и воловъ, *Gloger*, Najdawniejsza wiadomość o pisankach. *Ciszeński*, Pisanki w Serbji. *Rokossowska i Dowojna-Sylwestrowicz*, Liście makowe. *Z. W.*, W sprawie czytelnictwa ludowego (замѣтка Радославскаго) *Lubicz*, Sobotka (подробныя и недурно составленныя программы). Рецензія на „L'evolution juridique“ Let urneau. „Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы“ (хожденіе по мукамъ и изъ исторіи демонологіи), „Къ вопросу объ антроп. типѣ Литовцевъ“ Н. А. Янчука. Обзоръ журналовъ: *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*, Живая Старина, *Revue des traditions populaires*, La tradition, *Revue mensuelle de l'École d'Anthropologie de Paris*, *Květy*, *Vesna*, *Liter-rni Listy*, *Vienac*, *Iavor*, Русскій Филологическій Вѣстникъ, *Gazeta Lubelska*, *Gazeta Radomska* и *Słowo*. *Sembrzycki*, Rogi jelenie jako rąjaki. *Вл. Калманъ и Ciszeński* Skalecz ne nazwiska polskie (см. Этн. Обзоръ, VIII, 219) *Krauss* M. kro kumstwo, *Sembrzycki*, Starożytne rągi kamienni. Очень короткій некрологъ Миклосича.

Вѣстникъ Европы. *Мартъ. Ив. Ив. Янжулъ*: Изъ психологіи народовъ. Экономическое значеніе „времени“ и „пространства“. Эта статья была прочитана проф. Янжуломъ въ засѣданіи Этнографич. Отд. Имп. Общ. Люб. Естест., Антроп. и Этнографіи. Написанная на основаніи книги Эммануила Германа: „Sein u. Werden in Raum und Zeit“ (Wirtschaftliche Studien) эта статья доказываетъ, что чѣмъ культурнѣе народъ, тѣмъ больше онъ цѣнитъ какъ время, такъ и пространство.—Рец. на кн. А. Карпѣва: Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи „Физиолога“. Изд. Имп. Общ. любителей древней письменности. СПБ. 1890.—Рец. на кн. Н. Сумцова: Культурныя переживанія. Изд. журн. „Кіевская старина“. Кіевъ. 1890.—Рец. на кн. Ch. Letourneau: L'evolution juridique dans les diverses races humaines. Paris 1891.—Рец. на кн. гр. Сергія Шереметева: Суздаль. СПБ. 1891.—*Апрѣль. О. О. Воропоновъ*: Среди молдаванъ Изъ путевыхъ замѣтокъ. Статья посвящена способамъ владѣній землей у молдаванъ Бессарабской губерніи.—Рец. на кн. „Алтай“. Историко-статистич. сборникъ по вопросамъ экономического и гражданскаго развитія алтайскаго округа. Изд. В. А. Г—ва. Подъ редакціей П. А. Голубева. Томскъ. 1890.—Рец. на кн. Fustel de Coulanges: Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. La Gaule romaine—Ouvrage revu et complété sur le manuscrit et d'après les notes de l'auteur par Camille Julian. Paris. 1891.

Джеджили, кн. III (журналъ на грузинскомъ языкѣ, „Нива“). Легенда о

пастухъ. Содержание легенды заключается въ томъ, что Богъ заранее предрѣшаетъ судьбу живущихъ и счастье или несчастье, свыше определенное, не можетъ быть измѣнено человѣческими усиліями.—Сказка о томъ, какъ одинъ крестьянинъ спасъ своего царя отъ смерти.—Пѣсня грузинскаго раисода.

Живая Старина. III—Письма *Прейса* къ Куторгѣ, Срезневскому, Шафарiku и др. Эти письма представляютъ драгоценный матеріалъ для характеристики чрезвычайно симпатичной и, къ сожалѣнію, мало извѣстной у насъ личности *Прейса*, одного изъ первыхъ русскихъ славистовъ.—*Приклонскій*. Три года въ Якутской области. Интересны данныя относительно того, что мужъ, во время беременности жены, подчиняется тѣмъ же правиламъ и ограниченіямъ, какъ и она (стр. 62—3), зарожденіе отъ вѣтра (стр. 66), преданіе о закапываніи жени при похоронахъ мужа (стр. 77) и пр. Вообще въ этой статьѣ много интересныхъ и новыхъ данныхъ. *Паткановъ*. Стародавняя жизнь остяковъ и ихъ богатыри, по былинамъ и сказаніямъ (глава I, остяцкая эпическая поэзія; глава II, княжество и ихъ центры—городки; глава III, внѣшній видъ и образъ жизни прежнихъ остяковъ).—*Потебня*. Этимологическія замѣтки (богачъ, богачъ, богатѣ—жаръ, горячіе уголья; бѣднѣ—моментъ поминковъ, отличный отъ трапезы; Бѣлая Русь; буртальники—колдунъ, предсказатели; бычокъ дристунокъ; превращеніе воды въ вино; волотъ, велетенъ; обичай втыкать на колъ лошадинъ черепъ; подопръ—свѣтъ; пона въ рѣшетѣ возить; русалки и петрушка; Соколей Разбойникъ на дубахъ; туръ печной; пигмей; агунъ; арчукъ, марчукъ).—*Майковъ*. Отрывокъ былинъ въ Сибирской лѣтописи.

Отдѣлъ II. Ермакъ взялъ Сибирь (перепечатка изъ Древ. Рос. Стихотв. изд. 1818 г.). *Майковъ*. Заговоры Донскихъ казаковъ (изъ рук. XVII в.). Свадебный обрядъ въ Угорской Руси. Болгарскія нар. пѣсни, записанныя въ Прилѣпѣ (ювачки). *Минаевъ*. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палійскаго Кавона. *Приклонскій*. Якутскія нар. повѣрья и сказки. Рецензіи о Сборникѣ лирич. пѣсенъ Лопатина и Прокунина, „Култ. пережив.“ Сумцова, Этногр. Обзор. VII. *Ольденбургъ*, Шемакинъ судъ (указатель литературы). *Лосъ*, Библиографическій указатель изслѣдованій и наблюденій по польской діалектологіи. *Евсеевъ* и *Успенскій*, О псковскомъ говорѣ. *М. И. Соколовъ*, Урочные посты, русская гигиена XVI в. и Лунникъ. *Мамакинъ*, Народныя дѣтскія игры (игра въ тюлена и въ ворона или коршуна). *Балозъ*, Слѣды древнихъ вѣрованій въ народномъ иконопочитаніи. *Н—ій*, Къ вопросу о религіозныхъ вѣрованіяхъ и культѣ Черемисъ. *Врайловскій*, Праздникъ „Рипей“ и способъ лѣченія отъ слезу. *Отромъ*, Похоронный обрядъ у Латышей въ 40-хъ годахъ. *Соснинъ*, Замѣтки о Русскихъ и Калмыкахъ (клады, отношеніе калмыковъ къ русскому населенію). *Потанинъ*, Монгольскія легенды о монастырѣ Эрдені—Цзу. *В. И. Ламанскій*, Прусскіе вѣмцы и Судонскіе Габери въ Кимре „на дубахъ“, Бѣлая Русь, некрологъ Миклошича, слово проф. Ягича о Миклошичѣ въ Нео-филологическомъ Обществѣ. Журналъ засѣданій отдѣленія Этнографіи И. Р. Геогр. Общ.

Иверія. Мартъ. 1891 г.. Большая историческая монографія подъ названіемъ „Царь Ираклій II“, соч. царевича Теймураза. Разсказъ о вторженіи въ Грузію Ага-Магометъ-хана, шаха персидскаго, сопровождается нѣкоторыми указаніями, имѣющими этнографическое значеніе. — *Апрѣль*. Царь Соломонъ и рыболовъ, народная легенда. Содержание легенды касается того цикла сказаній, который А. Н. Веселовскій назвалъ сказаніями о Соломорѣ и Китоврасѣ. На грузинскомъ языкѣ напечатаны три варианта этой легенды.—Народный разсказъ о Таріелѣ, героѣ поэмы XII вѣка Шота Руставели. Записанный въ Тіонетскомъ уѣздѣ, этотъ разсказъ представляетъ новый и весьма любопытный вариантъ извѣстныхъ намъ народныхъ сказаній о Таріелѣ. Вопросъ объ отношеніи народнаго Таріела къ герою Шота Руставели въ poemѣ „Барсова Кожа“ настолько важенъ, что требуетъ, по крайней мѣрѣ, цѣлой статьи на первое время.—Хевсурскія народныя пѣсни.

Кіевская Старина 1889. Сентябрь.*) *К. А. Трутовскій*, Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи (съ рисунками). *Васильевъ*, Рекрутчина въ малорусской пѣснѣ. *Сумцовъ*, Культурная переживанія: „водить тополъ“; игра въ короля; игра

въ куглики; игра въ воротаря; Кострубовько; кулачки; пацы; глиняныя свистульки-сопника; бандура; къ исторіи южно-русскаго бандуристовъ; къ вопросу о происхожденіи думы о смерти казака бандуриста; цимбали, гусли. *Боржковский*, Лирики (пѣсни для выпрашиванія милостыни, „жебранка“, дума о Коновченкѣ, панщина, правда и неправда, житіе, приказанія, сыртка, Олексій, Григорій, Іосифъ, псалма св. Василю, псалмы страсти, страшный судъ, 12 пятницъ, суха бабка, теща, беда; словарь, въ которомъ попадаются любопытныя слова, напр.: бармусъ—шуба, гальонный—большой, кримъ—грѣхъ, терига—земля, хаза—хата, хоры—село, сисара—4, дикона—10 (см. также апрѣль 1890).—*Равита*, Ёма Падурра. *Познанскій*, Забѣтки о саранчѣ, бывшей въ Кіевщинѣ въ 1861 г. *Манжура*, Легенда о „Петровомъ батогѣ“ (см. выше, стр. 112). У гуцуловъ (изъ Країа, съ подписью Enigma), *Кравченко*, Изъ народныхъ разсказовъ о проклятыхъ дѣтяхъ.

Октябрь. *Сумцовъ*, Культурн. переж.: къ исторіи развитія понятій народа о нравственномъ значеніи кумовства; кувада; наказанія мужа за родовыя боли жены; развѣзываніе узловъ и отмыканіе замковъ при родахъ; ночные роды; обрядовое употребленіе перстня при родахъ; дѣтская сорочка; предпочтеніе мальчика; обрядовое усновленіе; одишна; обрядная продажа ребенка; размывки; коронуванія; досвитки; малорусская свадебная терминологія.—*Старицкая*, Живая могила (малорусская легенда).—*Диниченко*, Два дѣла о волшебствѣ.—Рецензія на *Этногр. Обзор.*, I, *Вісѣ* 1887—1888.—*И. З.*, По поводу слова „перемоть“.

Ноябрь. *Познанскій*, Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. *Сумцовъ*, Культ. переж.: палка сватовъ; могориць; пость невѣсты; значеніе „весняль“; гарбуза пиднести; состязаніе загадками; пѣкрытка; остриженіе волосъ, какъ наказаніе; обмываніе дѣтскаго головы и волосъ; обычай запрятать въ телѣгу или надѣвать хомутъ; свадебный разводъ; злудия; демоническое значеніе болѣзней; гостецъ; лихорадка—пропасница; поганка; пристригъ; дання; сглазъ; урокъ; божевильный; обмираніе; украинскіе знахари.—*Левинскій*, Очеркъ стариннаго быта Волыни и Украины. Рецензія на „Сборникъ рус. нар. лир. пѣсень“ *Лопатина* и *Прокунина*.

Декабрь. *Сумцовъ*, Культ. переж.: цыганка—ворожка; ворожба по слѣду; ворожба по волосамъ и ногтямъ человѣка; ворожба по восковой фигурѣ человѣка; обидящая свѣча; веревка отъ висѣльника; могильная земля; свѣча изъ человѣческаго жира; закрутка; порча коровъ; собираніе росы.

1890. *Январь*. *Г. Лебедевъ*, О борьбѣ духовныхъ властей въ бывшей епархіи бѣлгородской съ суевѣріями. Въ этой статьѣ приведенъ цѣлый рядъ цѣнныхъ этнографическихъ данныхъ, интересъ которыхъ еще болѣе увеличивается тѣмъ, что онѣ относятся къ XVII—XVIII вв. и взяты авторомъ статьи изъ нежданыхъ, главнымъ образомъ, источниковъ. *Гжа Юне*, Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. *Проф. Сумцовъ*, Культурныя переживанія: похищеніе звѣздъ; къ статьѣ о ворожбѣ надъ тучами; происхожденіе упирей; нападеніе упирей на село; повѣріе о чертахъ, бросающихъ въ домахъ камни; украинскіе никубы и суккубы; обрядовое прикосновеніе къ землѣ; гаданія (метеорологическія, по снамъ, фзіологическія, по слову, письменныя, по жребіямъ, по животнымъ, по птицамъ, лѣпами, по водѣ, по растопленному воску, олову, золоту, по огню, по золѣ, по хлѣбу, на рѣшетѣ, по камню, по полѣнымъ дровамъ, по кольямъ, палкамъ, на зеркалѣ); сравнительно-этнографическія аналогіи и параллели къ русскимъ, въ частности малорусскимъ, примѣтамъ и повѣрьямъ; поговорка про женскую разговорчивость; флѣндра, флѣрка, финдюрка; бабье лѣто; лѣсъ—bonum nullius. *Проф. Потѣбня*, Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. (прод. въ февр. и мар.). *Манжура*, Къ статьямъ проф. Сумцова: „Культурныя переживанія“ (къ вопросу о кумовствѣ). *Левитскій*, Къ вопросу о церковныхъ и монастырскихъ псалмахъ. *Яшурджинскій*, Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи.

Февраль. *Проф. Сумцовъ*, Культ.: переж. повѣрья о томъ, что ужъ любить

*) См. *Этн. Обзор.*, кн. II.

молоко и сосетъ коровъ; конь малыковатый; повѣрья и обряды, связанные съ покупкой лошади; повѣрья о пчелахъ; повѣрья о саранчѣ; зинське щена. *Я. III.* Убійство упыря въ Киевщинѣ во время чумы 1770 года. *Архив. Леонидъ*, Отрывокъ изъ записокъ русскаго паломника первой половины XVII в., о Киевѣ (новое драгоценное извѣстіе о Чеботкѣ). *Х.*, Записка объ археологической выставкѣ при VIII арх. съѣздѣ въ Москвѣ.

Мартъ. Проф. Виталь, VIII Археологическій съѣздъ въ Москвѣ. Рецензія на „Бѣлорусскія древности“ Сементовскаго.

Апрѣль. Влассиескій, Первобытныи челоѣкъ на берегахъ Днѣпра вблизи г. Киева. *Проф. Сумцовъ,* Культ. переж.: пѣтухъ царикъ; происхожденіе зозули; вѣщее значеніе кукушки; превращеніе кукушки въ ястреба, крагулець; сычъ и сова; волове очко; ремезъ; Божія коровка—солнышко; вырѣй; кодро и кубло; полозъ. *Миронъ,* Сожженіе упырей въ с. Нагуевичахъ въ 1831 г. *Николайчикъ,* Отголосокъ лринцкаго языка (нѣкоторые слова интересны, напр.: гальмо—молоко, деканъ—10, пленный—бѣлый, хаза—хата, терыга—земля, гальомый—великій*). *Степановичъ,* Записка къ статьѣ проф. Потебни о лѣчебникахъ. *Манжура,* Къ повѣрьямъ о томъ, что уже любить молоко и сосетъ коровъ.

Май. Сумцовъ, Культ. переж.: повѣрья объ орлѣ; повѣрья о дятлѣ; кукушка и удождъ; о происхожденіи и значеніи слова харцызъ; изъ остатковъ жертвоприношенія животныхъ (бросаніе золь въ лицо солда, сохраненіе костей быка); украинскій народный массажъ, чесаніе пьтокъ, „сыканіе“ въ головѣ, медвѣжий массажъ, сѣченіе крапивой. *Хлопчикъ,* Отъ Случи до Буга (на стр. 359 отрывокъ пѣсни о Дмитріи Вашневѣцкомъ). *О. Л.,* Пасхальныя вирши въ спискѣ XVIII ст.

Іюнь. Проф. Сумцовъ, Культ. переж.: сабры; толока; разбойничьи братства; нищенскія братства; пеховыя братства; церковныя братства; парубокскія братства. Рец. на „Игры крестьянскихъ дѣтей въ Кулявскомъ уѣздѣ“, П. Иванова.

Іюль. Проф. Сумцовъ, Культ. переж.: шпитали; шпитальныя, какъ сторожа у кѣвороты; полевые кресты, или фигуры; религіозно-мистическое значеніе каменныхъ бабъ; къ вопросу о значеніяхъ и происхожденіи слова „кабыца“; женитьба свѣчки. *Кудринскій,* Цеховыя братства въ м. Степани. *В. М.,* Свадебныя пѣсни въ Лубен. у., Полт. губ.

Августъ. Васильевъ и В. К., Малорусскіе похоронные обряды и повѣрья. *Банковскій,* Изъ народныхъ разсказовъ, характеризующихъ національные типы (казаки, вѣмцы, малороссы, татары, евреи). *Катружинъ,* Разсказъ о происхожденіи табаку. *В. М.,* Свадебныя пѣсни.

Сентябрь. О. Рылскій, Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія (прод. въ окт. и ноябр.). *Левицкій,* Украинскіе шутники и юмористы (прод. въ окт., ноябр. и дек.). *О. К.,* Урна со женными челоѣческими костями въ Хотинскомъ уѣздѣ и погребеніе мертворожденныхъ въ горшкахъ. *В. М.,* Свадебныя пѣсни. *Соколовъ,* Свадьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровка Александр. у., Херсон. губ. (оконч. въ дек.).

Октябрь. Сумцовъ, Культ. переж.: дукаты и намысты; обрядовое употребленіе хустки; амулеты; демоническое значеніе удачной стрѣльбы; днѣ; обаянныя; многочисленность небесъ; основа земли; аунный челоѣкъ; призываніе дождя; роковое значеніе громового удара; повѣрье, что пожаръ отъ молніи можно потушить только молокомъ; рго дошо зна. *Твердохлбовъ,* Къ литературной исторіи разсказа: „Вусъ“. *Манжура,* Полозъ.

Ноябрь. Арх. Леонидъ, Келейный лѣчебникъ Варлаама Лнинцаго. *Яшуржинскій,* Записка о купальскомъ праздникѣ въ Уманскомъ у. Рецелзіи на „Нову збирку приказокъ“ Комарова и на „Древности сѣв.-зап. краѣ“. (С. П. Б. 1890 г.).

Декабрь. И. Ж., Лубочныя картинки на малорусскія темы. *Мякотинъ,* Дѣло о волшебствѣ. *Яшуржинскій,* Колладки.

*) См. также сентябрь 1889 г. и Э. О. VIII, 253.

1891. *Январь*. Рецензія на „Опытъ указанія книгъ и статей, относящ. къ Херсон. губ.“ (въ этомъ „опытѣ“ указаны и этнографическія изданія).

Февраль. Галицко-русскій „savoir vivre“. Н. В., Указъ о кулачныхъ бояхъ и вечерницахъ. Рецензія на „М. Дмитровка. Опытъ ист.—стат. и этн. описанія“ и „Пинчукъ, этн. очеркъ“.

Мартъ. *Яшуржинскій*, О превращеніяхъ въ малорусскихъ сказкахъ (сводъ отдѣльныхъ случаевъ превращеній, приведенныхъ въ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова (оконч. въ апр.)).

Апрѣль. *Миросъ*, Мистерія страстей Христовыхъ. А. Л. Мамаевъ дубъ. Е. С., Семейная жизнь въ Подолинъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка.

Май. *Проф. Суминовъ*, Писанки (см. ниже: Извѣстія и Замѣтки). Рецензія: В. Я. на „Этнографическое Обозрѣніе“ и „Живую Старину“; Я. Щ. на „Литературное наследіе“ Костомарова.

Мужесом (журналъ духовно-нравственный на грузинскомъ языкѣ). Начиная съ конца прошлаго года по настоящее время печатаются „грузинскіе церковные акты — гудвары“, проливающие, между прочимъ, свѣтъ на состояніе горцевъ въ ту эпоху, когда распространялось среди нихъ христіанство. Проповѣдники часто прибѣгали или къ угрозамъ, или къ наградамъ за крещеніе.

Русская Мысль. 1891. *Февраль*. *Некрасова*, Журналы для народа.—Рецензія на „Вотачковъ“ г. Смирнова и „Сборники землевѣдѣнія“, I. Замыскаго.

Мартъ. Гл. И. Успенскій, Кочевники и русскіе переселенцы. *Некрасова*, Журналы для народа. Рецензія на „Сочиненія“ Котляревскаго, I и II, „Слово о нѣкоемъ старцѣ“ Лопарева и „Матеріалы и замѣтки по старинной русской литературѣ“ Майкова.—В. О. Миллеръ, Экскурсы въ область русскаго эпоса, II, Добрыня-змѣборецъ. „Имена Владимира и Добрыни такъ тѣсно связаны въ нашей лѣтописи, что естественнымъ представляется вопросъ, сохранились ли хоть какіе-нибудь историческіе отголоски въ эпическомъ Добрынѣ“. Прежніе изслѣдователи считали былевой типъ Добрыни менѣе определеннымъ, чѣмъ типъ Ильи Муромца, и признавали былинны и сказки о немъ довольно пестрой мозаикой, состоящей изъ не особенно хорошо сплоченныхъ кусковъ, заимствованныхъ изъ разныхъ источниковъ и подвергнутыхъ самой незначительной переработкѣ (Безсоновъ, Ровинскій, О. Миллеръ, О. И. Буслаевъ). Дѣйствительно, сопоставленіе былинъ о Добрынѣ и духовныхъ стиховъ (главнымъ образомъ о Георгій) обнаруживаетъ цѣлый рядъ сходныхъ чертъ въ сказаніяхъ о Добрынѣ, Георгій и Ѳеодорѣ Тиронѣ. „Вопросъ—чѣмъ объясняются вышеприведенныя совпаденія въ деталяхъ между былинами о Добрынѣ змѣборцѣ и духовными стихами о Егоріи, Ѳеодорѣ Тиронѣ,—рѣшается предположеніемъ взаимодействія этихъ пѣсней, вслѣдствіе сродства въ основномъ сюжетѣ, иначе сказать—нѣкоторыя черты изъ стиховъ о святыхъ змѣборцахъ могли быть перенесены на Добрыню, и, быть можетъ, наоборотъ“. „Гораздо интереснѣе другой вопросъ: почему эпическій мотивъ борьбы съ змѣемъ былъ прикрѣпленъ въ нашемъ эпосѣ именно къ богатырю Добрынѣ, который вънемъ является змѣборцемъ по преимуществу“. „Для насъ. въ связи съ общимъ нашимъ взглядомъ на генезисъ былинъ, стоитъ на первомъ планѣ то обстоятельство, что богатырь—змѣборецъ носитъ имя историческаго лица Добрыни, дяди историческаго князя Владимира, и мы считаемъ поэтому далеко не празднымъ вопросъ, почему ближайшій помощникъ кн. Владимира, его лѣтописный дядя, его воспитатель и руководитель, сначала ревностный поборникъ національнаго идолослуженія, затѣмъ ревностный распространитель христіанства, получилъ въ нашемъ эпосѣ ту же роль, которая въ духовныхъ стихахъ принадлежитъ Егорію или Ѳеодору Тирону“. „Формулируя свою гипотезу такъ: нельзя ли объяснить змѣборство Добрыни, какъ эпическій отголосокъ какихъ-нибудь народныхъ преданій объ историческомъ Добрынѣ, дядѣ князя Владимира?“ „Кто слѣдилъ за судьбами историческихъ народныхъ пѣсней, за искаженіями историческихъ фактовъ въ народной памяти, вслѣдствіе контактовъ ихъ со сказочными мотивами, для того а priori не покажется фантастичнымъ и невозможнымъ предположеніе, что змѣборство можетъ быть эпической оболочкой, подъ которой скрывается какой-нибудь историческій фактъ, поближшій въ народной памяти“. „Въ виду множества примѣровъ фантастической разма-

левки исторических фактовъ въ народныхъ сказаніяхъ, а ригіи ничего нельзя сказать противъ нашего предположенія, что въ змѣборствѣ Добрыни можетъ скрываться какое-нибудь глухое историческое воспоминаніе, принявшее фантастическую окраску". Детальное сопоставленіе былинъ о Добрынѣ и извѣстнаго разсказа т. наз. „Іоакимовской лѣтописи“ о крещеніи новгородцевъ приводитъ автора къ тому выводу, что „прикрѣпленіе сюжета змѣборства къ историческому имени Добрыни“ основано было на „глухихъ отголоскахъ древнихъ уже забытыхъ народныхъ преданій о какой-то упорной борьбѣ, въ которыхъ имя Добрыни поминалось, вѣроятно, вмѣстѣ съ именемъ Путяти“. Такова основная точка зрѣнія почтеннаго автора; по пути онъ даетъ рядъ драгоцѣнныхъ указаній для литературной исторіи былинъ о Добрынѣ и сюжета змѣборства вообще.

Апрѣль.—В. Θ. Миллеръ, Экскурси въ область русскаго эпоса Ш. Ильи и Рустема. Между эпическими подвигами Ильи Муромца и похожденіями нравскаго Рустема нѣтъ „такого поразительнаго сходства, которое давало бы основаніе для выставленія нашей гипотезы, предполагающей вліяніе восточнаго типа Рустема на былевой типъ Ильи“. „Чтобы представиться убѣдительнымъ, наше предположеніе, что личность Рустема *значительно* повліяла на образованіе эпическаго типа Ильи Муромца, должно быть обставлено подробными и детальными разсказами, которыя должны, между прочимъ, уяснить путь, которымъ нравскіе отголоски достигли Южной Руси, и послѣдовательныя измѣненія, постигнувшія личность Ильи Муромца въ развитіи нашего эпоса“. Въ дальнѣйшемъ изложеніи В. Θ. Миллеръ руководствуется слѣдующимъ планомъ: сначала онъ сопоставляетъ Илью и Рустема въ общихъ чертахъ характера и уясняетъ сходство въ основномъ типѣ, затѣмъ подробно разсматриваетъ отдѣльные эпизоды эпической исторіи того и другого богатыря. Указавъ цѣлый рядъ сходныхъ чертъ и ситуаций, авторъ приходитъ къ тому выводу, что „между *личностями, типами* нравскаго и русскаго главнаго богатыря существуетъ значительное сходство и что для дальнѣйшаго сопоставленія того и другаго въ ихъ *дѣятельности* есть достаточное основаніе“. Въ концѣ этого экскурса В. Θ. Миллеръ разсматриваетъ нѣкоторыя свойства русскаго матеріала, надъ которымъ ему приходится оперировать, говоритъ о томъ состояніи, въ которомъ дошли до насъ сказанія нравскаго эпоса въ поэмѣ Фирдоуси, и доказываетъ, что Исфендіаръ—alter ego Рустема, въ виду чего сказаніями о первомъ можно пользоваться наравнѣ со сказаніями о послѣднемъ.

Русское Обозрѣніе. 1891. Январь.—Е. М. де-Вотье: Недѣля въ Самаркандѣ. Краткія замѣтки и наблюденія, вынесенныя изъ недѣльнаго пребыванія автора въ Самаркандѣ. —Е. Θ. По вопросу объ египетской мѣтологіи и религіи. Гл. I—III. (Оконч. см. февр.) Авторъ, основываясь на сочиненіяхъ извѣстныхъ египтологовъ (какъ напр. Видеманъ, Мариеттъ, Пичжанъ, Масперо и др.), указываетъ на трудность изученія египетской религіи, опровергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, которые склонны видѣть въ египетской религіи стремленіе къ монотеизму и указываетъ на преобладаніе среди египтянъ вѣры въ магію. Подробно статья касается божественнаго происхожденія царской власти въ представленіи египтянъ, поклоненія животнымъ, кот. авторъ признаетъ за наслѣдіе фетишизма, и представленій египтянъ о загробной жизни. (Гл. IV и V.)—Рец. на кн. проф. Э. Ю. Петри: Антропологія. Т. I. Основы Антропологіи.—Рец. на „Жизну Старину“ Вып. I. СПб. 1890.—*Апрѣль.*—Димитрій Гессе: Новый изслѣдователь центральной Африки. Рец. на книгу E. Trivier: Mon voyage au continent noir. 1891.

Сборникъ Херсонскаго Земства 1891. № 2. „Щербановская волость. Историко-этнографическое и хозяйственно-статистическое описаніе“. III—IV главы.—Указавъ на взаимныя отношенія мѣстныхъ національностей (малоруссовъ и молдаванъ), авторъ описываетъ ихъ внѣшній бытъ; затѣмъ даетъ краткую „характеристику національныхъ особенностей населенія Щербановской волости“. Слѣдующая (IV) глава посвящена описанію „семейныхъ отношеній, обычаевъ, игръ, удовольствій и времяпрепровожденія“. Большая часть этой главы посвящена обычному праву, и хотя не заключаетъ въ себѣ никакихъ новыхъ свѣдѣній, но тѣмъ не менѣе представляетъ интересъ, благодаря той тщательности, съ кот-

рою авторъ отнесся къ своей задачѣ.— „Статистическое описаніе Ананьевского уѣзда“. Отдѣлъ II: Землевладѣніе и земледѣліе.

Сѣверный Вѣстникъ.—*Мартъ. Г. И. Кудиковскій*, Изъ быта охотниковъ Олонекскаго края.—*А. Елисейевъ*: Опіумъ, гашишъ и ихъ аналоги. Психологическій этюдъ. (Оконч.).—Рец. на „Этнографическое Обозрѣніе“, кн. I—VII. М. 1889—1890, и на „Живую Старину“. В. I. СПб. 1890.—

Апрѣль. А. Кауфманъ: Вліяніе переселенческаго элемента на развитіе сельскаго хозяйства и общинной жизни въ западной Сибири. (Къ вопросу о сравнительной характеристикѣ переселенца и коренного сибирскаго крестьянина). Авторъ доказываетъ, что вопреки сложившемуся въ литературѣ мнѣнію вліяніе переселенцевъ на старожиловъ сибиряковъ весьма незначительно.—*Н. Астыревъ*. Въ гостяхъ у духоворцевъ Иркутской губерніи.

Ученныя Записки Имп. Казанскаго Университета.—1890 г. С е н т я б р ь—О к т я б р ь. *Н. Тихомировъ*: Очеркъ грамматики западно-болгарскаго нарѣчія по сборнику болг. пѣсенъ В. В. Казановскаго (продолжается еще и въ текущ. году).—*Н. Н. Вирсовъ*: Изъ области народныхъ картинъ. Авторъ на основаніи матеріаловъ, изд. Ровинскимъ, разсматриваетъ три вопроса: 1) злоупотребленіе виномъ (критическое отношеніе къ пьянству), 2) любовныя похищенія (образцы романа), 3) нравственный идеалъ.—*И. Смирновъ*: Некрологъ М. П. Веске.—

1891. Я н в а р ь—Ф е в р а л ь. Оконч. упомянутой статьи *г. Тихомирова*—*Мартъ—Апрѣль. Тихомировъ*, реценз. на соч. Миклошича: Die slavischen, magyarischen und rumunischen Elemente im türkischen Sprachschätze. Т—с, рец. на Академич. изданіе труда *И. И. Срезневскаго*: Матеріалы для словаря древнерус. языка по письм. памятникамъ. Вып. I, СПб. 1890.

3. Г а з е т ы.

Алмалинскія Обл. Вѣд.—7, 9, 11, 12. Очеркъ крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства въ зап. Сибири.

Ардзганъ (Эхо, арман. еженед., изд. въ Тифлисѣ). 1890.—1. „Кейноба и карнавалъ“. Описаніе грузинскаго карнавала, въ первый день Великаго поста. (См. Э. О. I, 156). Съ 1617 г. послѣ нашествія Шахъ-Абаса, Грузія подпала подъ власть Персіи. Во время Теймураза I (1635 г.) народъ возмутился и прогналъ персовъ. Въ память этого событія въ первый день Великаго поста по Тифлису ходятъ группы туземцевъ съ мѣстной музыкою въ маскарадныхъ костюмахъ. Въ процессіяхъ фигурируютъ также лошади, ослы и верблюды. Во главѣ процессіи ѣдетъ всадникъ, представляющій изъ себя шаха.—2. *А. Е.* „Кульпинскіе солонные промыслы“. Описаніе промысловъ и жителей селенія Кульмы (Эриванской губ.). Кульпинскія пѣсни и хороводы.—3. *Н. К.* „Письмо въ редакцію“ по поводу реферата о новомъ армянскомъ божествѣ „Ангехъ“, читаннаго проф. Г. А. Хаматянцъ на археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ.—4. *С. Зелинский*: „Дѣтскія игры“. Авторъ описываетъ армянскую игру „Зли“ или „Пелквоцъ“, которую онъ видѣлъ въ деревнѣ Ярмича (Эриванской губ. Нахичеван. у.). Къ статьѣ приложена небольшая программа для собранія свѣдѣній о дѣтскихъ играхъ.—5. „Ахарцинскій монастырь“. Описаніе армянскаго монастыря въ Елизаветпольской губ. Названіе „Ахарцинъ“ (игра орла), по преданію, произошло отъ того, что во время освященія храма св. Духъ въ образѣ орла явился въ церкви.—6. *С. Зелинский*. „Шахсей-Вахсей“—изъ религиозныхъ обрядовъ магометанъ. Во время междоусобицъ послѣ смерти Магомета сынъ его племянника, Гуссейнъ, вслѣдствіе преслѣдованій халифа Ездры, высланный изъ Аравіи. У рѣки Ефрата его лошади отказались вступать въ воду. Перекрѣпили 40 лошадей, но то-же явленіе повторилось. Тутъ его настигаетъ войско халифа. Всѣ спутники Гуссейна, отрѣзанные отъ воды, или погибли отъ жажды, или были убиты, когда шли за водой. Остались въ живыхъ только Гуссейнъ, его больной сынъ Зейнъ-аль-Абуанъ, племянникъ Касымъ и женщины. Женѣ Касима на своей дочери, Гуссейнъ благословилъ его пойти за водой. Касима убиваютъ. На слѣдующій день идетъ

за водой самъ Гуссейнъ и погибаетъ, а женщины и его сына берутъ въ плѣнъ. Въ память этого событія ежегодно съ 1 до 10 числа мѣсяца „мхарламетъ“ у мусульманъ-шитовъ совершается религиозное торжество, состоящее въ томъ, что самые благочестивые ходятъ по улицамъ, нанося себѣ раны кинжалами и пашками. Въ послѣдній день бывають народныя представленія, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ трагической исторіи Гуссейна.—21. *Пуширванъ*. Рецензія на „Путешествіе по Турецкой Арменіи“ Леона Саргисянца, печатавшееся въ журналѣ „Мурчъ“. (Э. О., VIII, 221 съ искаженнымъ именемъ автора).

Варшавскій Дневникъ. 1891 — 26. Замѣтка объ этногр. выставкѣ въ музеѣ промышленности и сельскаго хозяйства въ Варшавѣ (о коллекціи Нестеровича изъ ю. Америки). — 41. *К. Я. Коляда* въ Холмской Руси. Сообщаются нѣкоторыя интересныя подробности, не общеупотребительныя въ Холмской Руси, но, къ сожалѣнію, не указана точно мѣстность описываемыхъ бытаевъ.

Витебскія Г. В. 1891 — 18, 22, 23 и 24. Бѣлоруссія и Литва. Очеркъ изъ исторіи городовъ въ Бѣлоруссіи.—29. О племенѣ Шивинъ въ Африкѣ. У людей этого племени вмѣсто ушей—одни только продолговатая отверстія. (Гражд.).

Владивостокъ. — 5. *И. К.* Торгово-промышленный вопросъ восточныхъ окраинъ Сибири (эксплоатація чукчей иностранными промышленниками).—*А. Г.* О „полѣ“ (судебномъ поединкѣ).—7. *И. К.* Промисель котиковъ.

Владимірскія Г. В. 1891.—1, 8, 10, 12, 14. Историческій очеркъ города Шум.

Волжскій Вѣсти. 1891. — 43. „Вредныя суевѣрія“—корр. изъ с. Чардаво Елисаветп. г. о заразныхъ болѣзняхъ, кот. считаются въ Закавказьи посѣщеніемъ особаго духа Хрештакъ и почитаются за милость Божью: заболѣвшаго и его семью поздравляютъ и лѣчить болѣзнь не позволяютъ („Кавказъ“).—58. *Иин. Амарскій*. Записка о карагазахъ, посвященная вымирающему племени сибирскихъ аборигеновъ. (Вост. Обзор.).

Волынъ. 1890 г.—15, 49. Тараща. О новой сектѣ штундистовъ въ этой мѣстности (изъ Киев. Сл.) 20, 21. *В. Вернацкій*: Скионы, геты, готы. Авторъ доказываетъ, что это одинъ и тотъ же народъ, и видитъ въ нихъ рассу не—монгольскую, основываясь на Геродотѣ и Аристотелѣ. Онъ отрицаетъ, что „скиаеъ“ есть греч. передѣлка слов. „чуудъ“—chtchoud, и приводитъ названіе народа „схета“, побѣжденнаго египетскими царями (иероглиф. надписи), сближаетъ съ нимъ также и названіе „геты“, отсюда—тирагеты (на р. Тирасѣ—Днѣстрѣ), тиссагеты (на Волгѣ) и массагеты (или большіе геты, на Яксартѣ). Другіе источники: Страбонъ, Геродотъ и арабск. географъ Эдризъ (сагита). Далѣе, между прочимъ, по китайскимъ лѣтописямъ упоминается народъ хунъ-ну, въ кот. авторъ видитъ гунновъ. О готахъ авторъ думаетъ, что это—геты, но скорѣе не дунайскіе, а принадлежавшіе къ найдревнѣйшему племени скиновъ, носившихъ имя боговъ: Bohae (опечатка: Bohae?), Boghae. Эти скионы, пришедши въ землю германцевъ и слившись съ ними, сохранили свое завоевательское имя, но только на германскомъ нарѣчій: готы, т. е. боги, отъ Gott-богъ. Так. обр., авторъ видитъ въ скиахъ, гетахъ и готахъ разныя этническія и мѣстныя названія одного и того же народа.—64. С. Галчица Бердич. у. (изъ К. Сл.). О вѣдунахъ.—74—83 *С. Гамченко*. Памятники старинн бассейна р. Корчеватой. Авторъ касается преимущественно археологической стороны.—81. Рец. на книгу И. П. Филевича: Борьба Польши и Литвы—Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе С.-ПБ 1890.—96. *Маленькій фельетонъ*: О древности малороссійскаго табаководства. Такъ какъ у насъ на Руси существуютъ особыя повѣсти о табакѣ и его многочисломъ происхожденіи, то интересно было бы, конечно, знать древность существованія самаго табака на Руси для опредѣленія древности повѣстей о немъ. Но фельетонъ этотъ разрѣшаетъ затронутый имъ вопросъ очень неудовлетворительно. Указывается на очень распространенное мнѣніе, будто бы до 1560 г. табакъ не былъ извѣстенъ въ Европѣ, куда онъ въ этомъ году былъ привезенъ изъ Америки, а потомъ есть ссылка на статью В. Котельникова (послѣдн. № „Земл. Газеты“), который полагаетъ, что впервые это зелье появилось не изъ Америки, а отъ крымцевъ и турокъ или даже отъ монголовъ центр. Азіи во время нашествія потомъ

ковъ Чингисхана на южную Русь.—126. *Ом. Ренъжъ*. Толока (этнографическій очеркъ). — 144, 146, 158 — 157. *В. Михайловъ*. Городъ Овручъ (историческій очеркъ). Исторія его существованія съ X в. по источникамъ: „Г. Овручъ“ А. Сендульскаго, „Памятники“ П. Батюшкова, „Исторія Малороссіи“ И. Маркевича и др.—152. С Ясноградъ, Житомир. у. Небольшой ист. очеркъ этого села. Преданіе говорить, что въ давнія времена здѣсь былъ большой городъ, а ныне относятъ эту давность къ каменному вѣку, судя по находкамъ каменныхъ вещей, сходнымъ съ жѣсткими каменными породами — 158, 172, 175, 178, 180, 186, 191 и 196 *Н. Горбачевскій*. Георгій Конисскій и его время.—161. М. Трояновъ, Житомир. у. (корр.) Толки о холерѣ. Какъ о предвѣстницѣ холеры говорятъ о какой-то страшной женщинѣ съ распущенными до плечъ волосами, окутанной длиннымъ бѣлымъ саваномъ. Она ходитъ ночью и подъ окнами жалобно плачетъ. Мы слышали зимой 1890 г. приблизительно то-же самое въ Смоленскѣ отъ жителей среднего класса, только они не называли женщину, а просто высокого человѣка съ большое пяти-или шести-саженное дерево. По другому сказанію въ Трояновѣ предвѣстницей холеры считается собака на курьихъ ногахъ съ саженнымъ хвостомъ, такъ-же, какъ и женщина, жалобно плачущая — 210. „Забужный край“. Историко-этнографическій очеркъ.—217. С. Корковцы, Жит. уѣз. (корр.). Объ эпидеміи. Крестьяне устраивали на погостѣ около церкви обѣды для дѣтей, думая этимъ прекратить всякія болѣзни.—219. Луцкій уѣз. (корр.). О празднествахъ на Андрея Первозваннаго (30 ноября), которыя, по своему содержанію и пѣснямъ, поющаеся въ этотъ день, не имѣютъ ничего общаго съ личностью апостола.

Восточное Обозрѣніе.—6. *Иин. Амарскій*. Замѣтки о карагазахъ (положеніе женщины и воспитаніе дѣтей).—7. *С. Ч. Реценз.* на кн.: „Алтай“. Историко-статистическій сборникъ по вопросамъ экономическаго и гражданскаго развитія Алтайскаго горнаго округа. Изданіе В. А. Г.—ва, подъ ред. П. А. Голубева, Томскъ, 1890. Ц. 2 р. 50 к.—8.—11. *В. Вашигъ*. Эрикъ Лаксманъ („Эрикъ Лаксманъ, его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка“. Съ шведскаго перевелъ Э. Паландеръ. Изд. Имп. Акад. Наукъ. СПб., 1890 г.).—10. Женщина, какъ проводникъ общечеловѣческой культуры среди инородцевъ.—11. *А. Иваносскій*. Театръ въ сѣверной Маньчжуріи. — Свѣд. І. П. Родіоновъ (некрологъ). Покойный въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ трудился надъ составленіемъ монголо-бурятскаго словаря, который скоро появится въ печати.—12. Къ вопросу о Камчаткѣ и торговлѣ на берегахъ Охотскаго моря (объ эксплуатациі чукчей иностранцами).—*М. З.* Инородческое управленіе (у бурятъ и татаръ Минусин. окр.).—13. Отчетъ о засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Вост.-Сиб. Отд., въ которомъ сдѣланы были сообщенія: *И. А. Подіорбунскаго* — „Объ установленіи въ изданіяхъ Отдѣла разнообразной транскрипціи монгольскихъ звуковъ русскими буквами“ и *Д. А. Клемента* — „О дикихъ людяхъ Челюдаляхъ“ (по поводу труда проф. Д. Н. Анучина: „О человѣкахъ незнаемыхъ въ восточной странѣ“).—13, 14. *А. Гейхель*. Надписи долины Орхона.

Донская Пчела. 1891.—15. *Ө.* „Мустафа“ (турецкая сказка).

Донскія Епарх. Вѣд. 1891.—8. Краткое описаніе станицъ Области Войска Донскаго. II. Станции по Донцу: 25) Усть-Быстринская; курганы: Поповъ, Каменный, Юхневы. 26) Екатерининская; курганы: Частые, Казанскіе.

Екатеринбургская Недѣля. — 13, 16. *Копаловъ*. Памятники старинны въ Киргизской степи.

Енисейскія Г. В.—6. *Ник. Байкай*. О составленіи переписныхъ книгъ городовъ Мангазена и Туруханска во второй половинѣ XVII вѣка.

Иркутскія Г. В.—9, 11. Общественное призрѣніе въ селахъ.

Казанскій Вѣстникъ. 1891.—8. Торговля людьми въ Иркутской губ. (корресп.). Сообщеніе о рабствѣ у инородцевъ Иркутской губ. (Нов. Вр.).—7. Плоды суевѣрія. Сообщеніе изъ Люблина о похищеніи съ кладбища головы, ногъ и рукъ похороненнаго тамъ еврея вслѣдствіе суевѣрія, что голова, руки и ноги умершаго еврея придадутъ особенную цѣлебность лѣкарствамъ, въ которыя будутъ положены.—Сообщеніе о появленіи въ Воронежской губ. новой

секты „атетугевъ“.—8. Китайцы въ канунъ новаго года. Объ умиловителнѣнн ими злого духа.—25. Минусинскіе татары и китайскіе сарты.—28, 30. *П. Пономаревъ*. „Древній Укекъ исчезаетъ“. I. Краткій обзоръ данныхъ о древнемъ городѣ Укекѣ, близъ Саратова. Печальная судьба укекскихъ древностей. Возможныя заключенія объ Укекѣ и его культурѣ. Вопросъ о раскопкѣ Укекскаго городища. Попытка связать съ мѣстностью монгольскаго Укека представленіе о двухъ предшествующихъ ему культурахъ — греческой и буртасской. Исключительныя условія быстрого разрушенія Укекскаго городища и гибели его бытовыхъ памятниковъ.—84. Засѣданіе Общества археологін, исторін и этнографін. Сообщеніе *А. А. Пшугенберга* объ одной изъ могилъ Спасскаго у.; *А. И. Александрова*: „Внѣшній бытъ сербовъ“; *И. З. Тихова*: „о Болгарскомъ жилищѣ“.—85. Индійскіе похороны (въ Америкѣ).—41, 42. Казачьи промыслы на морѣ (Уралецъ). Свообразная организація труда въ этихъ промыслахъ.—47. Продажа престарѣлыхъ родителей. Корреспонденція изъ с. Петровскаго Одесскаго уѣзда.—57. Сообщеніе о появленіи въ Кіевской губ. новой секты „малеванцевъ“.—61. Въ засѣданіи Общества археологін, исторін и этнографін. *И. Н. Смирновъ*: О семейномъ и общественномъ бытѣ Пермьковъ.—62. Вѣрованія китайцевъ въ загробную жизнь.—63. Въ шабрахъ. Выдержки изъ сочиненія Загоскина: „Казанскіе матежи въ первые пять лѣтъ послѣ покоренія Казани русской державѣ.“—66. Переселенцы въ Бразилію. Выдержка изъ письма г. Дыгасинскаго о положеніи польскихъ переселенцевъ въ Бразилію.—67. Новооткрытыя катакомбы (на берегу рѣки Орето, въ окрестностяхъ Палермо).—72. Засѣданіе Общества археологін, исторін и этнографін. *М. И. Пинетимъ*: „О свадебныхъ обичаяхъ Казанскихъ татаръ“; *И. Н. Смирновъ*: „О погребальныхъ обичаяхъ и остаткахъ языческой старини у пермяковъ“.—74. Бытъ „сидячихъ чукчей“. Описанъ Норденшильдомъ.—75. У сектантовъ. Описаніе новой секты „христіанъ“. (Самар. Газ.).—86, 87. *А. Л.—ій*. Рецензія на статью „Періоды бытовой жизни народовъ“, помещенную въ журналѣ „Помощь самообразованію“.—89. Засѣданіе Общества археологін, исторін и этнографін. *В. К. Матвѣичъ*: О чувашскомъ идолопоклонствѣ (моленіе духу „приху“). Этотъ докладъ вмѣстѣ съ другими здѣсь перечисленными вошелъ въ составъ IX т. „Извѣстій“ Каз. Общ. (см. выше).

Казанскія Г. В. 1891.—11, 13, 15. Очерки народнаго юридическаго быта. 3. Бирки и внородческіе знаки собственности сравнительно съ русскими.—12, 14, 18.—Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанской губ. съ краткимъ описаніемъ ихъ. Ланшевскій уѣздъ. VIII. Казанская волость.—17. Очерки народнаго юридическаго быта. 4. Употребленіе знаковъ для рукоприкладства, официальныхъ распоряженій и другихъ цѣлей въ значеніи письменъ.—20. Очерки народнаго юридическаго быта. 5. Условія существованія юридическихъ знаковъ.—21, 23. Очерки народнаго юридическаго быта. 6. Роль знаковъ собственности, какъ доказательствъ на судѣ.—89. Городища и замѣчательныя мѣстности въ Сарапульскомъ уѣздѣ (Прав. Вѣст. № 24).—40. Развалины Укека близъ города Саратова. **Кіевское Слово. 1890.**—1184. Рождество въ Малороссіи. (Не обозначена точно мѣстность).

Киргизская Газета (особое прибавл. къ „Акмола. Обл. Вѣд.“).—7. Китайцы въ канунъ Новаго года (жертвы, приносимыя китайцами злому духу Гуй-ца).—Народный судъ у киргизовъ (извлеч. изъ „Положенія объ управленіи степными областями“).—11. Охота въ Туркестанскомъ краѣ.—12. *Ө. Иолотбековъ*. Описаніе ловушки „стунъ“ и способовъ ловли ею дичи.—13. Честность или розовый кусти (восточ. сказка).—14. Тазъ—тагъ или Лылая гора (киргиз. легенда).—*Султанъ Зукарниамъ Чокмекъ Нурали-хановъ*. Нѣсколько словъ о послѣднихъ ханахъ Букеевской орды.—15. *Ею-же*. Значеніе слова: „орда“.—16. Скотоводство и коневодство въ Средней Азій.

Костромскія Г. В. 1891.—3, 4. *И. Миловидовъ*. Новыя свѣдѣнія о древностяхъ Костромскаго края, полученныя Архивной Коммиссіей. 1) Свѣдѣнія о городищахъ и старинныхъ насыпяхъ. 2) О курганахъ. 3) О пещерахъ и ямахъ (могилахъ). 4) О плитахъ и камняхъ. 5) О старинныхъ монетахъ. 6) О находкахъ оружія и разныхъ старинныхъ вещей. 7) О церковныхъ древностяхъ.

Крымскій Вѣстникъ 1891—4. Рабство у бурятъ и другихъ инородцевъ Иркутской губерніи (Нов Вр.)—36 Большое, „соборное“ моленіе черемисовъ Вятской губ., Уржумскаго у., доброму духу (Юмо). (Волж. Вѣстн).—56 Сообщенія объ открытіи въ с. Америкѣ пещеры съ человѣческимъ скелетомъ въ гол-стомъ, и глубокомъ пластѣ каменнаго угля, въ окрестностяхъ Чарльстоуна.—59. Обрядъ обрѣзанія волосъ въ Сіамѣ (Восточно-Азіатскій Ллойдъ)

Крымт. 1891.—10. Экспедиція кап. Громбчевскаго. Выдержки о его экспедиціи въ Центральную Азію.—24. В. В. Жизнь древне египетскихъ женщинъ (Изъ Berl. Tageblatt).—39. Восточная легенда, рисующая отношеніе визирей другъ къ другу и къ султану. (Переводчикъ).—40, 41, 42. А. Ярошко. „Характерники“ (чародѣи). Народный взглядъ на предводителей „гайдамачины“ и на чумаковъ, какъ на чародѣевъ.—42. Засѣданіе Архивной комиссіи. Сообщеніе Косиошко-Валюжича „О стѣнѣ Страбона“ между Казачьей бухтой и берегомъ моря.—44. Сообщеніе о находкѣ въ Судакской генуэзской крѣпости плиты, надписи на которой упоминаетъ о двухъ Солдайскихъ консулахъ; Бернардо ди Амиго и Бартоломео ди Санто Амброджіо (1471 г.).—45. Описаніе Китая въ рукописи конца XVII или начала XVIII-го вѣка; доставлено И. Русс. Геогр. Обществу.—46. Вербное воскресенье въ XVII столѣтіи. „Шествіе на осли“.—50. День Св. Георгія. Празднованіе Юрьева дня въ Новороссіи и въ Сѣверныхъ губерніяхъ. Юрій — покровитель скота. Народная пѣсня, въ которой выражается просьба, обращенная къ Юрію, побережь скотину: Мы вокругъ поля ходили, Егорья окликали: Егорій, ты, нашъ храбрый, ты спаси нашу скотину въ полѣ и за полемъ, подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ, подъ краснымъ солнышкомъ, отъ волка отъ хищнаго отъ медвѣдя лютата, отъ звѣря лукаваго.—Легенда объ Александрѣ Македонскомъ. (О покореніи Чернаго моря).—„Первообразъ“. (Индійская легенда о сотвореніи Магадевой женщины).

Минскія Г. В. 1890 г.—58. Объ этнографич. изученіи Сѣверо-Зап. края за истекшій годъ.—60. „Историческій музей въ Калугѣ“. Кал. дворянство хотатайствуетъ объ устройствѣ этого музея въ домѣ Марии Мнишекъ. Въ Калугѣ хранится много историческихъ предметовъ эпохи самозванцевъ.—81. Памятникъ прошлому: о церкви въ Посошкѣ Смол. г., Ельн у., построенной, по преданію, Петромъ I, по случаю ослѣпленія лошадей, на которыхъ ѣхала его дружина мимо того мѣста, и исцѣленія ихъ водою изъ тамошней „криницы“. Эта церковь построена въ честь Св. Фрола и Лавра (18 авг.), покровительствующихъ животнымъ, и въ ихъ день окрестные жители служатъ молебны, приведши лошадей, кот. окропляются освященной водою.—88. О суевѣріи и предрасудкахъ. Между прочимъ рассказывается, что въ с. Обвалѣ Чебарбарскаго у. крестьяне вырыли трупъ псаломщика и положили его въ трясины, чтобы этимъ вызвать дождь во время засухи.—119. Фальсифицированная молитва. Письмо о Іоанна Кронштадтскаго объ апокрифической молитвѣ, которую ложно приписываютъ ему.—122. Данилевичъ. Идеаль воспитанія у калмыковъ (по книгѣ И. Тимошенкова: „Борьба съ земельнымъ хищничествомъ“.—1891—1, 4, 5, 6. Т. Объ интел-лектуальномъ развитіи полѣшукъ (жителей Полѣсья). Представленія ихъ 1) о Богѣ (разказы о превращеніи Христомъ курны въ черепаху, о воскрешеніи птицъ и др.), 2) о добрыхъ и злыхъ духахъ (ангелы, ангелицы, ангелыта,—черти, чертихи, чертата), 3) о душѣ (отличіе ея отъ „иары“, принадлежащей скотинѣ, яду и т. п.). Въ характерѣ такихъ представленій о Богѣ, о духахъ и о душѣ авторъ видитъ ту косность традицій, чуждую яснаго сознанія и пониманія, которая легко миритъ въ полѣшукъ религію съ суевѣріями и по-вѣрьями и дѣлаетъ его глухимъ ко „вновь навѣваемымъ вѣроисповѣднымъ убѣжденіямъ“. Традиционность въ мировоззрѣніи полѣшукъ отразилась и на ихъ преданіяхъ о принятіи православной вѣры, по мнѣнію автора, еще во времена Св. Ольги: Іовжинны колодцы (Іовга—Ольга); отношенія къ лицамъ христіанскаго времени: Спаситель („образное“), Ілья и Юрій (языческое); роль польск. королевы Боны въ исторіи Полѣсья—нравственная, политическая и даже географическая (отъ ея проклятій полѣсская мѣстность получила теперешнюю свою форму, сюда же относятся и нѣсколько другихъ легендъ и сказаній). Рож-

деніе, бракъ, болѣзни, несчастія, знахаря (значеніе завітки, или завітки, изъятіе вѣдьмами молока у коровъ и т. п.), судьба, вліяніе школы, духовенства, „соціальныя“ отношенія полѣшукъ (простота, цѣломудріе и скромность) Матеріальное состояніе полѣшука, роль евреевъ, бытовая обстановка (жилище, костюмъ, обыденное времяпровожденіе, пища), физическое состояніе, проявленіе мысли (бесѣды, ворожба и гаданіе, пѣсни), языкъ, характеръ жизни (замкнутость, робость, напр. передъ судомъ и т. п.). Авторъ оговаривается, что рисовалъ лишь основной типъ полѣшанъ, но что есть среди нихъ и исключенія.

—2. Покупка дѣтей у иородцевъ Иркутской губ.—„Крещенскій вечерокъ“ (2, 3 и 4 янв.).—5, 10 и 15 В. Л. Т...чз. Народныя пѣсни. Пѣсни, записанныя въ Пяньскомъ уѣздѣ. Вотъ начало ихъ:

- (1). Кажуть людѣ, я щастлива,—я съ того тишуся;
А не знають, якъ дѣтина, я слезой заляюся и т. д.
- (2). Ой, стояла труна двадцать штири роки,
А на двадцать пятомъ стала промовляти:
Докуль же я буду порожня стояти? и т. д.
- (3). Осталася я самал, якъ былинка въ поли;
Нема кому жалувати мене молодон и т. д.
- (4). Ой, поихавъ мій мыленькій на поле гораты,
Кинувъ мене молодѣньку обидъ готувати и т. д.
- (5). Бувайте здорови тутейши пороги,
Кудю ходили мои били ноги и пр.
- (6). Ой, воли жъ мои, да й половни,
Чому жъ сами не горетъ? и т. д.
- (7). Чумаць воли попасає, да й до дому приговає и т. д.
- (8). Заснивай, сирота, съ горя писенку и т. д.

Особенности говора повидимому не точно соблюдены собирателемъ.

— 8 А. Слутскій. Вѣглий обзоръ исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ до присоединенія ихъ къ Россіи.—18. Периодическая печать. Извлеченіе изъ „Кіевск. Слова“ о рукописяхъ, принадлежащихъ мѣстному домовладѣльцу П. С. Соломѣ: 1) росписъ походу царя Івана Васильевича на Полодѣтъ изъ Новгорода въ 1568 г. (безъ конца); 2) больш. рукоп. книга официальныхъ записей, выходивъ и приѣмахъ царскихъ съ 1589 по 1610 г.; 3) тоже за 1668 г. и другіе (въ громаднѣмъ свѣтѣ); 4) нѣск. грамотъ Алексѣя Мих. 5) „Сказаніе о Задонскомъ бою“ XVII в. 6) повѣсть Евстратія о Тушинскомъ самозванцѣ. XVII в.; 7, 8, 9 и 10) письма государственныхъ и церковныхъ XVII, XVIII и XIX вв.

Могилевскія Г. В. 1890.—44. М. Ф. День въ Шкловѣ. Дорога туда отъ Могилева; описаніе города.—46. Я. К. Заклинанія: 1) отъ лихорадки (упоминаются „Ироды“ „Иродовы дочки“ числомъ девять-семь, св. отцы Ісакъ и Іаковъ, бѣлая и Святая Русь, дорогу на которую должны забыты иродовы дочки), 2) отъ укушенія змѣи (упом.: Архистр. Михаилъ, чудный Іерема). 3) отъ „звизу“ (вывиха: Бѣжавъ звизъ по зеленому лугу“ и т. д.), 4) отъ суропы (дурнаго глаза), 5) отъ худого глаза, 6) заклинаніе ружья (упом. Михаилъ Архангелъ, стрѣляющій съ небеси), 7) на успѣшный ловъ рыбы удочкой (упом. „царь Неутунъ“). —1891. 8. Гаданье надъ больнымъ: воскъ, плывущій по водѣ на востокъ, знаменуетъ скорое выздоровленіе, на югъ—нескорое, на сѣверъ—смерть послѣ долгой болѣзни, на западъ—смерть скорую (изъ Горещъ и Могил. уѣздовъ).—58. М. Ф. Нѣсколько словъ о Могилевскомъ музеѣ.—60. Что такое южная Сибирь? (По поводу помѣщенного въ одной изъ одесс. газетъ перевода обширной статьи о Сибири изъ нѣм. газ. Köln. Zeit.)—78. В. Штернъ. День въ Самаркандѣ.—95. Суевѣрія и предразсудки простого народа въ отношеніи небеси. свѣтъ: падающій и неподвижны звѣзды (первымъ, между пр., придается значеніе огненныхъ змѣй, летающихъ къ женщинамъ, лишившимся мужей, и дѣвушкамъ потерявшимъ отца, мать или близкаго человѣка: при этомъ приводится заговоръ: „Иду я по чистому полю, на встрѣчу бѣгутъ мнѣ бѣсы съ полунодами“ и т. д.); затмѣнія солнца и луны. Связь этихъ суевѣрій съ временами языческими.

Московская Иллюстрированная Газетка. 1891 — 17. Дѣпровскій уѣздъ (Корресп.). О появленіи новой секты „марьяновцевъ“. (М. В.)—Вильно (Корресп.). О вынутіи изъ могилы трупа повѣсившейся старухи и о зарытіи ея въ болотѣ вслѣдствіе существующаго у литовцевъ предрасудка, что душа самоубійцы ходитъ послѣ смерти и причиняетъ много зла. — 18. Начало книгопечатанія въ Китаѣ (Смѣсь).—19. Привислянскій Край (Корресп.). Сообщение объ обычаяхъ мѣстныхъ жителей ставить кресты при дорогахъ, на перекресткахъ и пр.—27. Старинный англійскій обычай „приношенія королемъ золота, ладоны и мирры“. —29. Открытіе египтолога г. Гробо двухъ сотъ гробницъ жрецовъ Аммона.—30. Сообщение Б. Л. Громбчевскаго о своемъ путешествіи въ Центральную Азію въ Моск. Политехнич. Музеѣ.—33. Карнавалъ въ Римѣ.—Послѣдній вождь Ирокезовъ, Томъ Старръ.—37. Строгость публики въ прошломъ столѣтіи. (Смѣсь) —45. Масляничный карнавалъ въ Москвѣ при Петрѣ Великомъ.—50. Открытіе пещеры въ Америкѣ (въ толстомъ слоѣ каменнаго угля, съ письмами на стѣнахъ). —64. Вопросъ объ учрежденіи въ Курскѣ архивной комиссіи для изученія и сохраненія памятниковъ древности документальныхъ и вещественныхъ.

Московскія Вѣд. 1891.—69. „Церемонія круговращенія Майдари у Калмыковъ“; ея введеніе въ кругъ буддійскихъ обрядовъ со временъ Цзонхавы въ 1409 году по Р. Х. Приготовленіе двухколесной тележки, въ формѣ большой арбы, на которой совершается круговращеніе идола Майдари. Шествіе изъ кумирни съ идоломъ Майдари, который ставятъ на тележку; порядки процессіи. Въ калмыцкихъ степяхъ Астраханской губ. эти процессіи не многолюдны по сравненію съ Монголіей. Самое круговращеніе состоитъ въ обнесеніи статуи Майдари съ молитвами кругомъ храма.—71. *Мур-еъ*. Письма изъ Персіи. Суевѣрія Персидскаго народа и слѣпая вѣра въ астрологию, многочисленныя поводы для гаданій; гаданіе по лунѣ и звѣздамъ; священное гаданіе по Корану; гаданіе по четкамъ; поддержка суевѣрій въ народѣ духовенствомъ съ корыстными цѣлями; семь классовъ духовенства; дервиши или странствующие монахи, власть духовенства и его антагонизмъ со свѣтской властью. Совершеніе займовъ въ Персіи и частые обманы кредиторовъ должниками.—72 *И. Востоковъ*. Штунда въ Рязанской губ.—82. *Гульбатъ* (псевд.). „Тритино“—грузинская легенда.—84. *И. „Археологическая загадка“*,—развалины города, находящіяся въ южной Африкѣ, среди земель Кафровъ, у подошвы холма, на которомъ расположились ставовища Мамова, и называемыя мѣстными жителями Симбabwe; описаніе этихъ развалинъ. Предположеніе покойнаго географа Петермана, что Симбabwe, находящійся почти среди золотonosныхъ полей Южной Африки, и есть городъ Офортъ или Сафиръ, о которомъ упоминается въ Книгѣ Царствъ и куда Соломонъ посылалъ за золотомъ для храма. Возраженіе берлинскаго профессора Роберта Гартмана, основанное на томъ, что характеръ построекъ Симбabwe и нѣкоторые найденныя предметы указываютъ, что городъ былъ построенъ первоначальными чернокожими обитателями Южной Африки, потомки которыхъ дошли до современнаго низкаго состоянія культуры. Опроверженіе этого послѣдняго мнѣнія Поссельтомъ на основаніи скульптурныхъ находокъ, напоминающихъ финикійскія изображенія. (См. № 108).—88. Дѣти у племени Карагазъ, населяющаго Иркутскую губернію (извлеченіе изъ статьи Н. Ангарскаго въ Восточномъ Обзорѣннѣ). Близость къ исчезновенію этого племени, единственными въ литературѣ памятниками существованія котораго могутъ остаться, насколько извѣстно автору, 15 страницъ священника Преловскаго и 2, 3 стран. въ сочиненіи одного нѣмецкаго путешественника. Животина у Карагазъ является въ юртѣ полновластной хозяйкой; о дѣтяхъ ея забота ограничивается кормленіемъ и пеленаніемъ; отсутствіе ухода за ребенкомъ со стороны матери; роль собаки въ воспитаніи; лакомство дѣтей—„бурдукъ“, приготовляемый изъ растенія сарани; приученіе ребенка къ звѣропромышленности и жестокое обращеніе, проявленіе самолюбія охотника. — 90. *В. П.—ло*. Засѣд. Имп. Московскаго Археологич. Общества (26 марта). Рефератъ *Р. И. Сизова* о коллекціи предметовъ, найденныхъ при разрытіи Дьякова городища и въ курганахъ деревни Котларово подъ Москвой. Первобытныя обитатели городища повидимому принадлежали къ тѣмъ же народно-

стятъ, которыя населяли когда-то Пермскій край и Вятскую губернію; предметы эти резко отличаются отъ вещей, находимыхъ въ курганахъ Московскаго типа. По мнѣнію референта, насельники городища жили въ періодъ перехода каменнаго вѣка въ бронзовый и въ первый періодъ желѣзнаго вѣка. Въ сообщеніи графини *П. С. Уваровой* говорится о населеніи Закаспійскаго края, которое состоитъ изъ Таджиковъ иранскаго племени, самыхъ древнихъ насельниковъ, и Узбековъ тюркскаго происхожденія, позднѣйшихъ покорителей края. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ народностей живутъ еще Арабы, Индѣйцы, Евреи, Цыгане; въ горахъ Заравшанскаго округа живетъ народъ Галачане или правльѣе Гальчи, по мнѣнію многихъ горные Таджики, слѣдовательно арійскаго корня. Французскіе антропологи видятъ въ нихъ родственниковъ Кельтовъ. — 98. Похоронные обряды у Негровъ Африки (изъ *Hamburger Nachrichten*). Траурный дѣвъ у Негровъ (бѣлыя); мнѣніе Негровъ, что будущая жизнь не отличается отъ настоящей; принесеніе кушанья на могилу покойника, а у нѣкоторыхъ воинственныхъ племенъ желѣзнаго блуда съ кровью. Описаніе похоронныхъ обрядовъ. Вѣрованіе, что душа покойника переселится въ тѣло оставшагося въ живыхъ родственника, или мужа, или жены. — 99. Сообщеніе о Пермскихъ инородцахъ, сдѣланное *Д. П. Никольскимъ* въ С.П.Б. Географич. Обществѣ. Преданность старинѣ у инородцевъ, особенно Мещеряковъ; обычаи при похоронахъ, и при рожденіи дѣтей; въ то же время вѣра въ медицинскую помощь и почетъ ко врачамъ. Коллекція предметовъ быта и обстановки жизни, собранная референтомъ. — 100. *Гульбати* (песня). „Счастье внутри васъ есть“, — грузинская легенда. — 101. Празднованіе масляницы у Жмудиновъ (изъ Ковенскихъ Губ. Вѣд.). Съ перваго дня масляницы толпа раженихъ отправляется на саяхъ, привязанныхъ одинъ къ другому, въ сосѣднія деревни, требуя со встрѣчныхъ извѣстной платы, евреевъ же обмазываютъ дегтемъ, приговаривая: „чертенка надо сдѣлать чертомъ“; встрѣча раженихъ въ деревнѣ и требованіе „бурно“ (выпивки) за вѣдъ; угощеніе; танецъ „ринге“, напоминающій русскую „барыню“. — 102. *Н. Балабуха*. „Обряды и Легенды Страстной недѣли въ Тавридѣ“. Первое изъ приведенныхъ преданій связано съ Лазареву субботой и рассказываетъ о чудесномъ исцѣленіи красавицы Пелагіи, дочери Мангуискаго князя, правившаго еще во время владѣнія Крымомъ православными греками; когда мѣстные врачи отказались спасти заболѣвшую княжну, Мангуискій князь послалъ въ Цареградъ за знаменитымъ врачомъ Никифоромъ. Вечеромъ въ Лазареву субботу, когда князь и народъ ожидали съ нетерпѣніемъ прибытія Никифора, у городскихъ воротъ появился благообразный старецъ, назвавшійся врачомъ; его привели къ княжнѣ, но она лежала уже мертвой; старецъ утѣшилъ отца ея и велѣлъ принести вина, князь самъ принесъ кубокъ и увидалъ дочь свою здоровою; врачъ не взялъ предложеннаго вознагражденія и велѣлъ раздать его нищимъ, а самъ удалился, далеко за городъ, сопровождаемый молодежью съ факелами въ рукахъ. Но ко всеобщему удивленію ночью вернулись посланные для встрѣчи Никифора царедворцы и принесли вѣсть, что корабль, на которомъ плылъ цареградскій врачъ, еще молодой человѣкъ, утонулъ. Кто былъ старецъ, исцѣлившій княжну узнали черезъ много лѣтъ: Пелагія, не желавшая по сметри отца править страной удалась въ монастырь, гдѣ снова заболѣла, и таинственный врачъ опять явился, на этотъ разъ — во свѣтъ епископу Мангуна, и сказалъ ему, что онъ Лазарь четырехдневный и что тогда, не желая омрачить горемъ Мангунцевъ въ день своего воскресенія, онъ просилъ у Бога разрѣшить ему явиться на землю для исцѣленія больной, теперь же дни ея сочтены. Въ Крыму существуетъ обычай въ Лазареву субботу устраивать за городскія ворота скачку, — это молодежь спѣшитъ встрѣтить Лазаря и княжну Пелагію; обычай этотъ отъ грековъ перешелъ и къ малороссамъ Таврической губерніи, хотя у нихъ обратился въ простое состязаніе въ ловкости и въ силѣ коней. Обычай въ Вербную субботу ходить въ крестномъ ходѣ съ вѣями за городъ въ воспоминаніе входа Господня въ Іерусалимъ, при чемъ въ Симферополѣ еще недавно верба освящалась „за столбами“, т. е. за городской стѣной, теперь же въ центрѣ города на площади. Строгий постъ у грековъ въ Страстную недѣлю; собраніе въ первые три дня

бабами первых травъ, которыя хранятся, какъ лѣкарства; вечерній столъ въ страстной четвергъ; обычай на утрени подъ платницу выносить на середину церкви крестъ, который и остается тутъ до Воскресенія Христова. Къ чистому четвергу относится слѣдующее преданіе: жившій во времена хановъ въ Бахчисараѣ скупой и жестокой купецъ-грекъ, христіанинъ Михалаки, былъ строго наказанъ Богомъ: всѣ дѣти его умерли, а тѣло его покрылось тринадцатью гнойными ранами, по числу 13 разоренныхъ имъ христіанскихъ семей. Послѣ тщетнаго лѣченія Михалаки покаялся въ грѣхахъ своихъ и обратился за помощью къ праведному отшельнику-схимонаху, жившему въ Георгіевскомъ монастырѣ (нынѣ Георгіевскій-Балаклавскій). Старецъ сказалъ ему, что Михалаки исцѣлится, когда подъ великій пѣтокъ прочтутъ 13 евангелій, и дѣйствительно черезъ много лѣтъ, когда, по случаю совпаденія Благовѣщенія съ великимъ пѣткомъ, было прочитано тринадцать евангелій, лѣзы Михалаки закрылись сами собой, потому что, какъ объяснилъ ему впоследствии отшельникъ, нѣтъ выше и святѣе дня, когда зачатіе Сына Божія, грядущаго для искупленія грѣховъ, совпадаетъ съ самымъ искупленіемъ. Въ Крыму вѣрять, что въ день такого совпаденія молитва праведника имѣетъ двойную силу, и день этотъ называется „днемъ чудесъ“. Вынось плащаницы и особенность въ греческихъ и малороссійскихъ приходахъ. Вѣрованіе Болгаръ, что въ страстную субботу ходитъ по землѣ „черный гость“, т. е. изгнанный изъ ада дьяволъ. Болгарскій обычай—Георгіевскій курбанъ (турскаго происхожденія), заключающійся въ торжественномъ закланіи въ Георгіевъ день барашка на церковной оградѣ и угощеніи.—112. В. П. Желтиковская. „На берегахъ Ріона“ (пасхальный расказъ). Къ сожалѣнію, въ расказѣ нѣтъ указаній, есть-ли переданное дѣйствительно народное преданіе или же только вымыселъ автора. — Тамъ-же, въ отдѣлѣ „смѣсь“ — Земля Отчаянія (Огненная Земля). Нѣсколько словъ объ ея обитателяхъ—туземцахъ.—Л. Тихомировъ.—122. Сибирскіе вопросы. Авторъ, по его словамъ, является простымъ популяризаторомъ соображеній преосвященнаго Веніамина, изложенныхъ имъ въ трудѣ: Жизненные вопросы православной миссіи въ Сибири 1885. Особенное вниманіе обращаетъ онъ на сильное распространеніе ламанизма среди бурятъ, отчуждающее ихъ отъ русскихъ и производящее услѣхамъ христіанской пропаганды. „По отчету оберъ-прокурора, ламская организація росла съ ужасающею быстротой. Въ 1741 году за Байкаломъ было 150 ламъ, въ 1756—312, въ 1822—2,502, въ 1843 году 4,546 ламъ, въ настоящее время въ одномъ Забайкальѣ считается 15,000 ламъ. Соответственно росту организаціи ламъ растетъ количество населенія обращеннаго ими въ буддизмъ, которое нынѣ, конечно, далеко превышаетъ 200,000, и это не дикіе, слабые, разрозненные шаманцы, а крѣпкая, враждебная намъ организація, сплоченная духовно и матеріально. Изъ простаго этнографическаго матеріала Буряты этимъ путемъ превращаются въ народность. Обстоятельство тѣмъ болѣе досадное, что оно создано нашими собственными ошибками, какъ это ясно доказано преосвященнымъ Веніаминомъ и сдѣлано общеизвѣстными прекрасными статьями г. Воронца“ По мнѣнію автора, усиленіе средствъ миссіонерской дѣятельности, русско-православное просвѣщеніе обращенныхъ, обдуманное приселеніе Русскихъ—и непремѣнно *православныхъ*, а не сектантовъ, повсюду гдѣ нуженъ примѣръ русской жизни и школа русскаго языка, уничтоженіе инородческихъ вѣдомствъ и самого понятія объ инородцѣ, сліяніе Русскихъ и инородцевъ въ однихъ общихъ волостяхъ, подъ одинаковыми общимъ закономъ, допущеніе въ волостную администрацію лишь вполне обрусѣлыхъ инородцевъ, уничтоженіе офіціального значенія ламанизма—такими главнѣйшими пунктами системы, которая должна наконецъ сдѣлать среднюю Сибирь *русскою областью*“.—123. Е. Вяземскій.—Курьозные промыслы Авторъ описываетъ 2 курьозные промысла—профессиональное воровство и нищенство, существующіе въ нѣкоторыхъ волостяхъ Пензенск губерніи Единственный промыселъ одной половины деревни Шуриновки Керенск. уѣзда со времени крѣпостного права—воровство: „если который-либо шуриновскій крестьянинъ не сидѣлъ въ своей жизни въ острогѣ или не участвовалъ въ кражахъ, то онъ не пользуется уваженіемъ среди своихъ односельчанъ: ни одна дѣвушка-невѣста не

пойдетъ замужъ за такого парня, который не таскался по острогамъ и не судился за какія-либо воровскія продѣлки. Такимъ образомъ, воровство среди шуринцевъ обратилось въ форменную профессію и считается молодечествомъ". Объясняется это явленіе тѣмъ, что предки шуринцевъ—воровъ находились въ крѣпостной зависимости отъ какого то помѣщика, который въ видѣ оброка со своихъ крестьянъ самъ посылалъ ихъ на воровской промыселъ и ставилъ предѣлъ, ниже котораго крестьянинъ не могъ принести домой, вернувшись съ подобнаго заработка. — Въ Саранскомъ уѣздѣ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ волостей — Воеводской, Нерлейской и Архангельско-Голицынской развито нищенство, какъ профессія. Въ теченіе лѣта жители с. Архангельскаго-Голицынскаго обрабатываютъ землю, а на зиму заколачиваютъ дома и уѣзжаютъ на промыселъ преимущественно на югъ, Донъ, Кавказъ, Уралъ, и даже доѣзжаютъ до Восточной Сибири, живя Христовымъ именемъ, причемъ назойливость и умѣнье разжалобить голицынскихъ нищихъ доведены до артистичности. Такіе нищіе достигаютъ большой зажиточности и ѣздятъ на заработокъ съ своими работниками, которыхъ они нанимаютъ исключительно для нищенства, плата имъ по два рубля въ недѣлю. — 187. *Г. Гзелиевъ*. Двѣ грузинскія легенды. Авторъ безъ указанія источниковъ сообщаетъ легенду о царицѣ Тамарѣ и объ Александрѣ Македонскомъ. Обѣ легенды уже извѣстны. (Срав. Сборн. матер. для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа, вып. X, отд. 3, стр. 35 и 40).

Новое Время. 1891. — 5367. *Н. Оксанинъ*. Въ странѣ рыбка и векши. Очерки древней Біарміи; путь отъ бассейна Камы до бассейна С. Двини. — 5368. (Приложеніе). Генри Стенли. Карлики великаго африканскаго лѣса. (Окончаніе). — 5372. 5380. *М. И. П.* „Какъ ѣли встарину (въ XVII в.)“. — 5374. Габріель Бонвало. Сообщение о путешествіи его по Тибету. — 5381. О разрытіи кургановъ въблизи города Новозыбкова, причемъ отысканы слѣды сожженія труповъ. — 5388. Въ Географич. Обществѣ. *Л. В. Вейнберъ*: „О слѣдахъ Хазарской народности въ предѣлахъ Воронежской губерніи. — 5389. *Ө. Вуликовъ*: Африканскіе ужасы и вопросъ о рабствѣ. Рецензія на книгу Раззати: „Десять лѣтъ въ Экваторіи и возвращеніе съ Эминомъ-пашей“. Данныя о каннибализмѣ и человѣческихъ жертвоприношеніяхъ въ Африкѣ. — 5397. Въ Антропологическомъ Обществѣ: докладъ *Н. М. Ядринцева* (6 марта) въ годичномъ собраніи общества О „кочевыхъ народахъ и объ отношеніи ихъ къ общечеловѣческой цивилизаціи“. — Грамотность въ древней Руси. — Рецензія на книгу Пышина „Исторія Русской Этнографіи“. (Приложеніе). — 5398. *В. В. Вурубовъ*: „О зубангорскихъ татаррахъ“. — 5400. Сообщение объ открытіи г. Ядринцевымъ въ долинѣ рѣки Орхона, въ Монголіи, древней столицы Монгольскихъ хановъ—Каракурума. — Возрѣніе кавказскихъ мусульманъ на тюремное заключеніе (Каспій). — 5401. Въ вольно-экономическомъ обществѣ. *А. А. Кауфманъ*: „О вліяніи переселенцевъ на мѣстное населеніе Сибири“. — 5404. Сообщение *Г. Е. Грумъ-Гржимайло*. Его докладъ о своемъ путешествіи на Тянь-Шань и на Куку-Норъ. — 5412. Въ Географич. Общ. *Д. П. Никольскій*: „О пермскихъ мещерахахъ“. — *В. П. Гайдебуровъ*: „О значеніи подарковъ въ свадебномъ обрядѣ русскихъ крестьянъ“. — Въ археологическомъ обществѣ. Баронъ *Р. Лозенъ*: „Теорія Галени о происхожденіи монгольскаго животнаго цикла“. — 5417. (Приложеніе). *В. О. Ключевскій*: „Земскіе соборы въ древней Русѣ“. Изложеніе статей, помѣщенныхъ въ Рус. Мысли въ 90 и 91 гг. — Сообщение объ открытіи въ Ойвахъ г. Гребо 180 мумій жрецовъ Амона. — 5418. Въ Географич. Общ. *Д. П. Никольскій*: О бытѣ пермскаго пнородческаго населенія. — 5425. (Приложеніе). Женская доля въ Африкѣ и въ Азій. Нѣсколько извлеченій изъ сочиненія Антона Нагеле о положеніи женщины у различныхъ народовъ Азій и Африки. — 5427. Изъ Ровненскаго у. (Корресп.). Сообщение объ ожиданіи евреями пришествія „Месіаша“, который поведетъ евреевъ въ Бразилію (Волны). — 5430. Объ умиканіи дѣвницъ въ Сербіи (*Pester Lloyd*). — 5431. Новгородскіе раскольники, — корр. *А. Г. С.* — 5440. *Ал. Амфитеатровъ*. Свѣтлый праздникъ. (Исландская легенда). Олафъ и царина эльфовъ (стихотвореніе). — 5442. Пасха при Петрѣ Великомъ. Извлеченіе изъ дневника Берггольца: описаніе пасхи 1722 г. — Пасха при Екатеринѣ II. (Въ приложеніи). — 5448. Въ Историческомъ Обществѣ. *С. А. Бершадскій*: Объ

общественной организаціи крестьянъ въ началѣ XVI вѣка.—5447. Японская коллекція В. В. Линдстрема, поступившая въ этногр. музей Имп. Академіи наукъ.

Новое Обозрѣніе. 1891. — 2502, 2503, 2509, 2519, 2537, 2540. Статьи г. Ерицова: „Католицизмъ въ Грузіи“, гдѣ приводятся любопытные отзывы миссіонеровъ о нравахъ и обычаяхъ населенія Мингрелін и Грузін. — 2508. Легенда „Тамара и Каспій“. — 2515. Легенда объ Александрѣ Македонскомъ *Иа. Хонели*. — 2521. *Мохаммедъ Ая Шахтахтинскій* Ремезанъ, мусульманскій постъ. Постъ заключается въ томъ, что правовѣрные отъ разсвѣта до заката солнца воздерживаются отъ всякой пищи, скоромной и постной, а съ наступленіемъ вечера принимаютъ и ту и другую безразлично. Во время поста грамотный мусульманинъ какъ можно больше читаетъ коранъ. Кто самъ не хочетъ читать, возлагаетъ этотъ трудъ на мулла за деньги. — 2530. Библиографическая замѣтка о „Живой Старинѣ“ (вып. I и II) *А. Хах-ова*. — 2529. Библиографическая замѣтка *Н. Гулака* о переводѣ на нѣмецкій языкъ грузинской поэмы Шота Руставели „Барсова кожа“.

Новороссійскій Телеграфъ. 1891.—5050. *А. Скалковскій*: „Нѣсколько документовъ для исторіи Запорожья“. Письма Луки Татищева и Павла Левашева къ Кошевому запорожскаго войска. — 5059. *В. Шерцъ*: „Китайскіе обычая“. Очерки обществ. жизни китайцевъ. — Проф. *А. И. Маркевичъ*: „О колонизаціи Слободской Украйны“ (докладъ въ историко-филологическомъ обществѣ). — 5073. Проф. *А. И. Маркевичъ*: „Южная Россія при Петрѣ Великомъ“ (публ. лекція). — 5083. Подземные города. Сообщение Бойера объ открытіи ихъ въ окрестностяхъ Шахъ-Ира подземнаго города, построеннаго королемъ Афросіабомъ. — 5096. *В. Шерцъ*: О воззрѣніяхъ, народной поэзіи и философіи китайцевъ, поскольку онѣ отразились въ ихъ сказкахъ.

Новости 1891 г.—82. Причины переселенія въ Бразилію польскихъ крестьянъ изъ Ломжинской губ. (Варшав. Дневн.). *Дымасинскій*: Положеніе польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи (Варш. Курьеръ). — 84. *М. Венюковъ*: Новая дорога въ Тибетъ. Сообщение о путешествіи гг. Бонвало, д'Орлеана и Декена. — 85. Эмиграція польскихъ крестьянъ въ Бразилію. (Варш. Дн.). — 89. Приемъ у Москвитинскаго короля. (Изъ Нью-Йоркскихъ газетъ). — 40 *Э. И. Чернышовъ*: Тиманская экспедиція: Сообщение объ изслѣдованіи Тиманскаго хребта. — 41. О празднованіи астраханскими калмыками своего національнаго праздника „уаганъ-сара“ (С. От.). — 42. *Л. А. Ровинскій*: „Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ“ (Рецензія на трудъ Ровинскаго подъ указаннымъ заглавіемъ). — 44. С. Петровское (корресп.) Сообщение о продажѣ сыномъ отца и матери „на вѣки“ за 25 р. (Южанинъ). — 45. О путешествіи Бонвало черезъ Тибетъ въ Ганой. — 46. *Гребо*. Свѣдѣнія о раскопкахъ его въ древнихъ Ѣгиптахъ. (Journal des Debats) — 58. *Л. В. Вейнберъ*: О свѣдахъ хазарской народности въ предѣлахъ Воронежской губ. (Докладъ въ географич. общ.). — 59. Ровно (корресп.) Сообщение о переселеніи въ Америку изъ Волыни русскихъ крестьянъ (Кіев. Сл.). — 64. Проф. *Э. Ю. Петри*: Въ полярныхъ странахъ. Научные результаты путешествія Фритюфа Нансена черезъ Гренландію. — 65. *Д. И. Еварицкій*: Народная легенда о происхожденіи водки (по словамъ легенды хлѣбная водка создана І. Христомъ). — 68. Письмо изъ Бразиліи польскаго крестьянина, переселившагося туда. (Варш. Дн.). — 70. Кочевой бытъ народовъ и его значеніе въ культурѣ (докладъ *Н. М. Ядринцева*). — 71. Сообщение объ открытіи Н. М. Ядринцевымъ развалинъ древняго (VIII в.) города Каракорума—столицы Монгольскихъ хановъ въ долинѣ р. Орхона.—Перепеч. изъ „Нов. Обзор.“ описаніе обычая въ Кутанс. уѣздъ, называемаго „Маріамъ-шеноби“ и заключающагося въ томъ, что старшая изъ женщинъ въ четверть масопустной недѣли зажигаетъ по всѣмъ угламъ дома восковыя свѣчи и проситъ Богородицу о размноженіи куръ. — 72. Нѣсколько свѣдѣній о результатахъ экспедиціи Г. Е. Грумъ-Гржимайло. — 73. Экспедиція Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Его докладъ въ Географическомъ обществѣ. — 85. *Шерцъ*. Китайскіе обычая (изъ Новор. Телегр.). — 95. *В. Португаловъ*: Будизмъ. — 96 *Е. С.* Рецензія на книгу Анны Столповской: „Очеркъ исторіи культуры“. — 99 Проф. *В. Жуковскій*: Изъ прошлаго Султанбена—

плотины на Мургабѣ. Краткая исторія этого края съ X вѣка (съ указаніемъ источниковъ).—102. *Е. Т. Смирновъ*: Способъ хивинскихъ рыбаковъ „мергеней“ бить рыбу острогой (Туркестан. Вѣдом.).—105 Начало пароходства на Волгѣ. Отношеніе народа къ первымъ пароходамъ (Каз. Г. Вѣд.).—107 *Ивановскій*: Манджурскій театр; описаніе одного представленія. (Восточное Обозр.).—*Мирзогевъ*: Нѣсколько изрѣченій восточныхъ мудрецовъ (Новое Обозр.)—108 Въ Нео-филологическомъ обществѣ. *Г. И. Потанинъ*: Параллели изъ Монгольскихъ сказокъ къ нѣмецкимъ средневѣковымъ поэмамъ о Вольфдтрихѣ, Гуддтрихѣ и Ортинѣ.—111 *В. П. Желиховская*: Пасха у Кавказскихъ народовъ. Празднованіе пасхи, соблюденіе православныхъ постовъ всѣми народами Кавказа, не исключая и мусульманъ. Обряды, сопровождающіе празднованіе пасхи.—118. Обычай носить церковныя иконы во время Святой. Описаніе „богоносцевъ“. (Смол. Вѣст.).—Нѣсколько изреченій восточныхъ мудрецовъ (Новое Обозр.).—115 *Клемансъ-Ройе*: Древность человѣческой расы въ Америкѣ.—116. Празднованіе пасхи у литовцевъ католиковъ. Обрядъ учрежденія стражи у Распятия. (Ковен. Губ. Вѣд.) — *О. Іоаннъ Шиповичъ*: О пасхальныхъ писанкахъ (Кіевское Слово).—Выдержка изъ доклада въ Подольск. стат. Комитетѣ. Проф. *С. А. Бершадскій*: Общественная организація крестьянъ въ Литвѣ въ началѣ XVI вѣка. (Докладъ въ Историческомъ обществѣ).—118. *А.* Положеніе польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи. (Разсказъ эмигранта Мартина Цесля).

Новости дня 1891 г.—2717. *Н. Бочаровъ*: Народныя примѣты, приуроченныя ко дню Св. Аванасія.—2727. *А. Дыасинскій*: О положеніи польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи. (Варш. Кур.)—2729. *Н. Бочаровъ*: Народныя примѣты, приуроченныя къ первымъ днямъ февраля. Историческія справки. Заговоръ на мышей, имѣющій особенную силу на Трифона (1-го февраля): „Какъ желѣзо на водѣ тонетъ, такъ и вамъ, гадамъ, стелуть въ преисподнюю, въ смолу кипучую, во адъ крошечный, не жить вамъ на бѣломъ свѣтѣ, не выдать вамъ травы муравой, не топать вамъ росы медвяной, не ѣсть вамъ бѣлозрой пшеницы, не таскать вамъ золотого ачменя, не грызть вамъ полноцѣлой ржи, не таскать вамъ пахучаго сѣна. Заклинаю васъ мышей моимъ крѣпкимъ словомъ на вѣки вѣковъ, слово мое ничѣмъ-же нарушится“. Повѣрье, считающее грѣхомъ дальнія поѣздки послѣ Срѣтенія, и относящаяся сюда легенда.—2751. *Д. М.* Памятникъ Колумбу. Выдержки изъ его тайнаго дневника, веденнаго имъ во время пути, приведшаго его къ открытію Америки.—*Н. Бочаровъ*: Народныя примѣты, приуроченныя ко дню Обрѣтенія главы І. Предтечи (24 февр.) Дѣйство страшнаго суда при патріархахъ.—2752. Народные обычаи, приуроченные къ масленицѣ.—2755 *Н. Бочаровъ*: Народныя примѣты, приуроченныя къ 28 февраля. Колада.

Одесскій Вѣстникъ 1891.—83. Причины выселенія польскихъ крестьянъ Ломжинской губ. въ Бразилію (Варш. Дневн.).

Одесскій Листокъ 1891.—81 и 42. *Дыасинскій*: О положеніи польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи (Варш. Кур.)—41. *Оса* „Индійская легенда“ о превращеніи вождя краснокожихъ „Орлиное крыло“ въ коня.—48. Карнавалъ въ Римѣ; его обычаи и исторія.

Одесскія Новости 1891.—1822. „Китайцы въ канунъ Нового года“. Обычай китайцевъ умолять различными приношеніями въ канунъ Нового года злого духа.—1880. Торговля дѣтьми среди инородцевъ Иркутской губ. (Сибир. Вѣстн.).—1883. Путешествіе Б. Л. Громбчевскаго. Нѣсколько данныхъ изъ его экспедиціи по Центральной Азіи. (Пр. В.)—1841, 2. *Карменъ Сильва*. „Омулъ“—карпатская легенда.

Оренбургскія Г. В. 1891.—17. Указъ Екатерины Великой о высылкѣ изъ Россіи евреевъ.—18—15. *И. Юдинъ*: Исеть Кутебаровъ. Одинъ изъ степныхъ батырей, типъ ханчика киргиза. (Изъ дѣлъ Оренбургскаго Центрального Архива за 1853—56 гг.).

Орловскія Г. В. 1891.—3. Способъ китайцевъ выдавать паспорта.—Объ уничтоженіи въ Китаѣ обычая лишенія себя жизни вдовами по смерти мужа.—12. Какъ читаетъ книги китайскій богдыханъ.

Пензенскія Г. В. 1891.—89. Н. Н.-ъ: Ледокольные артели въ Пензѣ.—44. **О. О. Чекалина:** Древнѣйшіе изъ городовъ Пензенской губ. Свѣдѣнія о древнѣйшемъ населеніи Пенз. губ.—85 **С. Н. Н.** Письма изъ деревни. Сообщение о мочальномъ промыслѣ въ с. Юловѣ, Городищенскаго уѣзда.

Пензенскія Еп. Вѣд. 1891.—6. Н. Выстровъ, свѣщ. Поученіе противъ обычая давать невѣстѣ, на время совершенія таинства брака, списокъ „Сна Богородицы“. Противъ нехристіанскаго обычая молодежи развѣзжаты, во время совершенія таинства брака, вокругъ церкви, пѣть пѣсни, водить хороводы и пр.—8. **Свящ. О. Тихомировъ.** Празднованіе русскими царями XVI и XVII вв. Свѣтлага Христова Воскресенія.

Пермскія Г. В. 1891.—17 и 18. М. И. П. „Какъ и что ѣли встарину, (Н. Вр. 5372).—19. Сообщение о появленіи среди черемисовъ новой секты „Кугу-Сарта“ (Влг. Губ. Вѣд.).—24. **И. Н. Смирновъ:** „Семейный и общественный бытъ пермяковъ“ Извлеченіе изъ доклада, читаннаго въ засѣданіи Казанскаго Общества, Арх. Ист. и Этнографіи.—25, 27 и 28. Программа для собранія матеріаловъ для изученія Уральскаго края въ археологическомъ и антропологическомъ отношеніяхъ.—29. Проф. **И. Н. Смирновъ:** О погребальныхъ обычаяхъ и остаткахъ языческой старины у пермяковъ.—Пасха у евреевъ.—30. Засѣданіе Пермской комиссіи Уральскаго Общества любителей естествознанія. Сообщение объ открытіи вещей каменнаго вѣка въ бассейнахъ рѣкъ Европейской и Азіатской Россіи.—30 и 31. **В. В. Антоновичъ:** О погребальныхъ типахъ въ курганахъ Кіевской губ.—33. **Д. П. Никольскій:** О Пермскихъ мещерякахъ. Вѣщивый бытъ.

Полтавскія Г. В. 1891.—2. А. Лисовскій. Святочная пѣсня:

Ой сивъ Христось вечерати; прийшла до його Божа Матирь:

Отдай, Сыну, райски ключи, одимкнути рай и пекло,

Выпустыти гришны души, одніи души не выпустити,

Що отця и неньку налаяла, не налаяла, а подумала.

Припѣвъ: „Щедрий вечеръ, добрый вечеръ“. (Ср. Труды Этногр. Отд., кн. 13, стр. 20).—4. Капитанъ **Ирстъ.** Легенда среди Сѣверо-Американскихъ индѣйцевъ о второмъ прішествіи І. Христа, для спасенія индѣйцевъ, причемъ два воина индѣйскихъ уже видѣли Христа. (С.-П.-В.)—6. **В. Станиславскій.** Валн, городища и курганы въ Кобелякскомъ у. Полтав. губ.—10: **В. Станиславскій.** Записки Т. В. Калениченка о м. Голувѣ Кобелякск. у.—15. **Земскій Начальникъ:** Взглядъ крестьянъ на земельную собственность. (Кур. Г. В.).

Полтавскія Еп. В. 1891. 6. В. III. Библиографическая замѣтка о грузинскомъ Евангеліи, находящемся въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ муж. монастырѣ. (Первое евангеліе, напеч. въ Грузіи на груз. яз.).—8. Свящ. **Николай Пирскій.** Историко-статистическій очеркъ села Солошина Кобелякскаго уѣзда.

Русскія Вѣдомости 1891—74. А. Хат-ова. Реп. на трудъ М. М. Ковалевскаго: Законъ и обычай на Кавказѣ.—92. Корр. изъ Кіева о штундистахъ.—102. Московское Археологическое Общество. Докладъ **В. И. Сизова:** Раскопки въ Дьяковомъ городищѣ, близъ с. Коломенскаго, на берегу Москвы-рѣки. Описание найденныхъ тамъ предметовъ древняго происхожденія. Докл. зр. **Уваровой:** О поѣздкѣ въ Самаркандъ. Древнее городище „Афросіаба“ близъ Самарканда.—115 **В. Л. Б.** Рецензія на Нижегородскій Сборникъ, въ которомъ помѣщено нѣсколько статей по этнографіи.

Рязанскія Г. В. 1891.—25. И. П. Золотницкій: Матеріалы для историко-статистическаго описанія населенныхъ мѣстъ Рязанской губерніи. VIII. Касимовъ.—27. **М. И. П.** Какъ и что ѣли въ старину. (Нов. Вр. 5372).

Саратовскія Г. В. 1891.—14. Объ островѣ Цейлонѣ. Наружность цейлонцевъ и ихъ уличная жизнь.—19. Кр. **П. М. Суховъ:** Деревня Андреевка, Нижне-Добринской волости, Камышинскаго уѣз. Указанъ одинъ мѣстный обычай: передъ новымъ годомъ ходять по дворамъ и поють пѣсню съ припѣвомъ „Тауся Дуда“, спросивъ сперва разрѣшенія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Чанни ворота, посконная борода! не кричать-ли „Таусю Дуду?“ (самою пѣсню не приведено).—20. Обряды передъ выѣздомъ на пахоту. А) Въ с. Руднѣ, Камышинскаго у., глава семьи

собираетъ вокругъ себя всѣхъ семейныхъ, кладетъ на столъ хлѣбъ-соль, хозяйка зажигаетъ лампаду передъ образомъ и начинаются поклоны и молитвы. В). Въ с. Пылковѣ, Кузнецкаго у. раннимъ утромъ хозяйка готовитъ пахарямъ обильный завтракъ, въ который непременно входитъ личица. Позавтракавъ, пахарь запрягаетъ лошадь, окончательно снаряжается, затѣмъ входитъ опять въ избу. На божницѣ зажигаютъ восковую свѣчу, всѣ домашніе присаживаются на минуту, затѣмъ встаютъ и кладутъ по три земныхъ поклона. С). Здѣсь-же, въ нѣкоторыхъ мордовскихъ домахъ на столъ приносится мѣра овса, въ нее вставляется восковая свѣча, причѣмъ хозяйка спѣшитъ для чего-то прислонить заслонку въ печи. Глава семьи беретъ изъ мѣры двѣ горсти овса и бросаетъ ихъ подъ столъ, чтобы Богъ уродилъ на всѣхъ. Затѣмъ уже кладутъ три земныхъ поклона, произнося: „Зароди намъ, Вышній Создатель“.—24. *Беляковъ*: С. Русская Норка, Мачкасскаго вол., Петровскаго у. Приведены двѣ наиболѣе распространенныя въ настоящее время среди молодежи пѣсни новѣйшаго происхожденія.—25—28. *А. Н. Миксъ*: Преданія объ основаніи городовъ Саратовской губ. Исторія ея заселенія.—26.—*Смѣй*. Сл. Романовка (Корресп.) Моленія на дому передъ пахотой.—28 Вербное воскресенье въ древней Руси. (Моск. Вѣд. 1888 г.).—*Фед. Ерохинъ*. Слобода Большая Екатериновка, Аткарскаго у. Обычай и обряды мѣстныхъ малороссовъ. Свадьба. Посидѣлки. Приведены пѣсни.—30. Легенда о „голомя“ чело-вѣкѣ и „мохпатомъ“. Мохнатый разорвалъ голога на пашнѣ на части и пред-сказалъ крестьянамъ урожай.

Семипалатинскія Обл. В. 10—12. *Вл. фан-Гернъ*. Киргизскія пословицы. Сибирскій Вѣстникъ.—22. *Н. Джетбыбаевъ*. Киргизская легенда о Тазъ-Татъ (одна изъ вершинъ Тарбагатай). 35—36, *И. Ковригинъ*. По рѣкѣ Енисею (этнограф. очерки): крестьян. свадьба.

Сибирскій Листокъ.—1,3 *Н. Н. Н.* Поѣздка въ Целинскій край.—8,9. О рыбо-промышленности тобольскихъ.—9,10. Терсукская волость, Ялаторов. окр., Тоболь-ской губ. (сел.-хоз. очеркъ). 11,23. *С. М.—ъ*. Попытки водворенія хлѣбопаше-ства въ Сургутскомъ краѣ.—13,14. Нѣсколько дней у ояковъ.—18,19. Очерки окраинъ Сибири: Тункинскій край Иркутской губ.—20,21. *В. Штилле*. Земле-владѣніе и земледѣліе въ Алтайскомъ горномъ округѣ.

Смоленскія. Еп. Вѣд. 1891 г.—3. Историко статистическое описаніе села Засижу, Васильевскаго тожъ, Дорогобужскаго уѣз. Религіозно-нравственное состояніе прихожанъ. Суевѣріе ихъ и его проявленія.

Смоленскій Вѣстникъ 1891.—29. Въ корреспонденціи изъ Сычевки гово-рится о „хватуей недѣлѣ“ (послѣдней недѣлѣ Рождествен. мясотода). На этой недѣлѣ задумавшіе, но не успѣвшіе жениться „хватаютъ“ поскорѣ невестъ и совершаютъ свадьбы „уходятъ“ (самокрутки). Это особенно распространено среди старообрядцевъ. Нерѣдко бываетъ, что послѣ „запойнъ“ и „рукобитья“ невеста не идетъ за нареченнаго жениха, а помощью какой-нибудь хитрости, напр., уѣздомъ въ кадушкѣ, является къ милому и, ничуть не медля, ѣдетъ съ нимъ вѣнчаться. Обманутому же жениху отецъ платитъ „за опороченье“.—36. 38. *Ив. Виноградовъ*: Историческіе очерки Смоленской губерніи. I. Состояніе образованности въ г. Вязьмѣ прежде и теперь.—38. Отъ Музея. Приобрѣтенъ между прочимъ рисунокъ каменнаго изваянія, находящагося при д. Болваны, Рослав. ѣск. уѣз.—43. 51. *Деревенскій житель*. Дневникъ сельскаго обывателя.—45. Городскія извѣстія: содержаніе проекта устава Смоленскаго Общества Любителей Археологій, Исторіи и Этнографіи.—Въ корреспонденціи изъ Рославля, по по-воду возникшаго вопроса о невозможности продавать рославльскую городскую землю нерославлянину, приводятся нѣкоторыя весьма интересныя историч. справки, ярко характеризующія рославльцевъ въ ихъ историческомъ прошломъ.—53. *К. Ровинскій*. Необходимость учрежденія въ Смоленскѣ ученой комиссіи для собранія и разработки археографическаго матеріала. Указавъ въ довольно длинной замѣткѣ на богатый археографическій матеріалъ, хранящійся въ Смо-ленскихъ архивахъ за XIX столѣтіе (все, хранившееся отъ другихъ вѣковъ было сожжено великимъ смоленск. губернаторомъ въ 1812 году), и на безпоощадное гнѣніе его въ сырыхъ помѣщеніяхъ, авторъ считаетъ необходимымъ образоватъ

археогр. комиссію при Смол. Историко-Археологическомъ Музеѣ, чтобы, съ одной стороны, охранять старину, а съ другой, расширить дѣятельность Музея.

Ставропольскія Ен. Вѣд. 1891.—5. Свящ. *Петръ Даниловъ*: Свѣдѣнія о сектантахъ ст. Кальниболотской, Кубанской обл. Шалопутская іерархія. Приведены слѣд. двѣ пѣсни, которыя поютъ шалопуты на своихъ молитвенныхъ собраніяхъ:

1. Помоги намъ, Духъ Святый, тайну Божию открыть,
Намъ про Батюшку Отца, про Искупителя Творца.
Хочетъ Батюшка родимый посмотрѣть златой престолъ.
Поскакалъ нашъ Государь по высокимъ облакамъ,
По соборамъ и церквамъ, по царямъ и кораблямъ.
Онъ такую рѣчь держалъ:

Вы, садовнички въ садахъ, прививайте деревья,
Вы пастыри въ церквахъ, погодите своихъ овецъ,
А вась Батюшка родимый облекесть въ златой вѣнецъ.

2. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ народились богатырь,
Какъ по имени Порфиръ.
Его люди дже знали и за Бога почитали.
Порфиръ людей набиралъ, къ Саваоу отсылалъ.
Саваоу какъ увидалъ, и радостно закричалъ:
Эхъ, Порфиropy сыны, пожалуйте вы суди!
И вась, дѣтки, поселю во златые сады.
Сына моего вы узнали, слова его исполняли.
И вась, дѣточки, прославлю, безъ награды не оставлю.

Тверскія Г. В. 1891.—19. Тверской музей и его приобрѣтенія въ 1889 г.

- I. Орудія каменнаго вѣка. Костяныя орудія.—21. То же II. Курганные предметы. III. Христіанскія древности.—22. То же (прод.) III. Христіанскія древности.

Туркестанская Туз. Газета.—11. *Закирджанъ Фиркатъ*. О музыкѣ и музыкантахъ, объ ихъ инструментахъ и производимомъ музыкой впечатлѣніи.

Уральскія Вѣд.—16. Коневодство въ Средней Азіи.

Уфимскія Г. В. 1891.—11. Д-ръ *Д. П. Никольскій*: Изъ пѣздовъ по Башкиріи. (Прод.; см. № 38, 1890 года). Вышній бытъ башкиръ деревни Сырекулякова, Саринской волости, на р. Такризакъ. Внутренняя обстановка башкирской избы. Распределение населенія деревни по поламъ и возрастамъ.—12 То же, прод.: Занятіе земледѣліемъ жителей-башкиръ деревни Пимикъ.

Харьковскія Г. В. 1891.—3. Рецензія на книгу Я. Шульгина „Очеркъ Колѣвщины“.—4. Причины эмиграціи польскихъ крестьянъ въ Бразилію (Варш. Дн.)—Положеніе польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи (см. также № 16 и 76).—Новохоперскій уѣздъ (корресп.): появленіе новой секты „атегуевъ“, основныи принципіи которыхъ—общность женъ.—6. Святки въ Малороссіи. Село Х. Полтавской губ., Переяславскаго у. Приведено много „колядокъ“ и „щедривокъ“.—10. Китайцы въ канунъ новаго года.—25 *Г. Чурилина*. С. Жихорь, Харьковскаго уѣзда Обычай, по которому женихъ, добившись расположенія невесты и ея согласія на бракъ, даетъ приданое невестѣ, которое передается отцу, въ размѣръ 30—100 руб., хотя это женихово приданое не имѣетъ характера мусульманскаго „калма“.—67. Проф. *В. П. Бузескулъ*. Шлиманъ и его раскопки въ Троѣ, Микенахъ и Тиринѣ.—76.—Смѣсь: „Мусульманская легенда“ о сотвореніи человека.—77. *Т. М. Зміевъ*. (корресп.): Вечерушки крестьянской молодежи.

Черниговскія Г. В. 1891.—4. Новозыбковъ (корресп.). Сообщеніе о разрытіи нѣсколькихъ кургановъ, въ которыхъ найдено много угля и золы, что указываетъ на обычай трупосожженія.—14. *Ник. Вильяшевскій*: Святныя Руины. Нѣсколько данныхъ изъ исторіи (велико-княжеской) с. Старогородки, древняго „Города Остерскаго“.

Южный Край. 1891.—3436. „Новый годъ въ старое время“.—3437. Объявленіе китаицами злого духа „Гуй-ца“ въ канунъ новаго года.—3438. Капитанъ *Прастъ*. Ожиданіе С. Америк. Индѣйцами втораго пришествія І.

Христа. Легенда о явленіи Его двумъ краснокожимъ воинамъ. (С. Петерб. Вѣд.).—3439. Люблинъ (Корресп.). Суевѣрное представленіе жителей мѣстности Модлибужице о цѣлебной силѣ дѣкарствъ, въ составъ которыхъ входятъ голова, руки и ноги еврея—покойника. (Моск. Лист.)—3440. „Крещенскіа святки“. Гаданія дѣвушекъ „по звѣздамъ“. Цѣлебная сила свѣга, собраннаго со стоговъ.—День Богоявленія въ древней Руси.—3443. Челнокъ съ оо. Фиджи.—Дрѣ Фелькинъ у короля Уганды Мшези. (Смѣсь).—3447. Иркутскъ (корресп.). О продажѣ дѣтей—дѣвочекъ.—3451. *Н. Н. Балабуха*. Письма о Слободской Украинѣ. I. Когда и какъ населялась Слободская Украина. Древніе казачьи города. Время возникновенія Сумъ, ихъ прошлое и настоящее.—Смѣсь. Способъ дѣвушекъ Галатіи заставлять своихъ возлюбленныхъ брать ихъ замужъ (ожиданіемъ рассвѣта у ихъ дверей).—3454. *Рудольфъ IIIмидт*. „Тайны ночи“. Финская народная сага.—3455. *Н. Н. Балабуха*. Письма о Слободской Украинѣ. II. Г. Сумы, его прошлое и настоящее. Сумскій казачій поселенный полкъ и его участіе въ исторіи Слободской Украины. Царь Петръ въ Сумахъ. Шведская война.—Вильно (корресп.). Фактъ погребенія живой женщины, ярко рисующій суевѣріе населенія. (Вил. Вѣстн.).—3457. Черниговская губ. (корресп.). Сообщеніе о разрытіи кургановъ въ окрестностяхъ г. Новозыбока, съ признаками трупосожженія.—3463. *Н. Н. Балабуха*. Письма о Слободской Украинѣ. III. Бѣлгородъ. Историческое прошлое его.—3464. *Д. И. Эваричицкій*. „Вольности запорожскихъ казаковъ“. (Библиограф. зам.).—3469. *Н. Н. Балабуха*. Письма о Слоб. Украинѣ. IV. Сѣверозападный уголокъ Сумскаго уѣзда. Городъ Бѣлополье. Виры и другія древнія поселенія. Прошлое и настоящее этой части уѣзда.—3472. *Н. Н. Балабуха*. Тоже: V. Сѣверная часть Сумскаго уѣзда. Данія о ея прошломъ и настоящемъ. Выѣздъ изъ Сумъ. Села: Бассы, Верхняя и Нижняя Сыроватки.—3477. *А. Дыасинскій*. Прошеніе польскихъ эмигрантовъ, рисующее ихъ бытъ въ Бразиліи. (Варш. Дн.).—Смѣсь: Портретъ стараго вождя племени прокезовъ, Тома Старра.—3478. *Н. Н. Балабуха*. Письма о Слоб Украинѣ. VI. Окончаніе описанія Сумскаго уѣзда. Село Бездринъ: его преданія. Пасхальная ночь на Украинѣ. Народные обычаи.—3488. *Н. Н. Балабуха*. Тоже: VII. Ахтырскій уѣздъ. Г. Ах. ырка. Происхожденіе и время основанія его.—3486. Тоже. VIII. Ахтырка. Преданіе рода графовъ Паниныхъ. Уча.тіе Ахтырскаго полка въ войнахъ казачко-татарскихъ и въ борьбѣ Петра I съ Карломъ XII, равно дальнѣйшая его судьба.—3489. *Б. И. Куракинъ*. „Исторія о Царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ“. (Архивъ князя Куракина). Утвержденіе православія на Волыни.—3490. Масляница въ древней Руси. Колодка или „Колодѣй“. Маски. Карнавалъ въ Римѣ. Карнавалъ въ нынѣшнемъ году.—Смѣсь: потомки ацтековъ въ берлинскомъ Паноптикумѣ.—3493. *Павелъ Чулуевъ*. Поззія масляницы на Украинѣ.—3499. *Н. Н. Балабуха*. Письма о Слоб. Украинѣ. IX. Бывшій городъ Котельва; его исторія. Слободы: Бѣлка, Хухра, Скельское и Бѣльское городища. Общій взглядъ на эту часть Ахтырскаго уѣзда.—„Голоданіе переселенцевъ въ Кокчетавскомъ уѣздѣ“. О положенія русскихъ переселенцевъ въ Сибирі. (Сибир. Вѣстн.).

Ярославскія Г. В 1891.—2, 6, 28. *А. Архангельскій*. Пѣсни и причеты Дмитревскаго прихода, Пошехонскаго уѣзда, Яросл. губ.—4. Приложенія къ статьѣ *С. Я. Дерунова*. Село Козьмодемьянское Щетинской волости, Пошех. у. Мѣстныя народныя сказки.—5. Тоже (прод.): сказка о двухъ хитрушкахъ.—7. II, 13, 16, 17, 21, 27. Тоже: Пѣсни и причитанья.—19. *А. Князевъ*. Праздники и ихъ препровожденіе въ Рыбинскомъ уѣздѣ.

Указатель этнографическихъ статей и замѣтокъ, содержащихся въ сибирскихъ изданіяхъ отъ начала ихъ существованія.

Сост. А. А. Ивановскій.

Библиотека:

ученая, экономическая, правоучительная, историческая и увеселительная въ пользу и удовольствіе всякаго званія читателей. Печатано съ указнаго дозволенія въ Тобольскѣ, въ Типографіи у В. Корнильева 1).

1793 г.—I—V. Краткое повѣствованіе о происхожденіи художествъ: чело-вѣческое одѣяніе, искусство тканія, шелкъ, крашеніе, разные образцы и по-крои одеждъ, архитектура или зодчество, земледѣліе, медицина, мореплаваніе, писаніе, дѣланіе стекла, глиняная посуда, верховая ѣзда, зѣвѣнная и рыбная ловля, плавленіе металловъ.—II. О Алкоранѣ.—II, IV. Описаніе брачныхъ об-рядовъ нѣкоторыхъ народовъ: у Галловъ, Гевебровъ, послѣдователей Сабейзма (секта въ Персіи), Персіянъ, Индѣйцевъ, Нанровъ (Каликутскихъ дворянъ), въ Гренландіи, Исландіи, Мах. Бухаринъ, Сіамѣ, на Филиппинскихъ о-вахъ, въ королевствахъ Юндскомъ и Ардрасскомъ (въ Африкѣ), на берегахъ Ориноко, на о-въ Цейлонъ, Формозъ, въ Лаоскомъ королевствѣ, въ Конго и на о-въ Танти. IV. Понятіе Американцевъ о будущей жизни (о Марратонѣ, видѣвшемъ міръ духовъ).—V. Гюльпа и Шалюмъ,—китайская сказка.

1794 г.—VII. О играхъ древнихъ народовъ (Олимпійскія, Писійскія, Немей-скія и Истмійскія).

В л а д и в о с т о к ъ 2).

1883 г.—1, 3, 5. Изслѣдованія Ив. Сем. Полякова на о-въ Сахалинѣ.—9. Дикіе на Формозѣ (о путешествіи Ханкока изъ „Jap. n Daily Herald“).—23. До-ина Сучана.—29—32, 36. По поводу колонизаціи Уссурійскаго края.—36. Зѣв-ринный промыселъ въ Камчаткѣ.

884 г.—1. Поѣздка въ корейскую деревню Тянигау.—5. Мисс. Ф. Типцовъ. Нѣсколько словъ о корейцахъ и ихъ хлѣбопашествѣ.—9. Мисс. Ф. Типцовъ. Успѣхи православной миссіи среди корейцевъ.—16, 20. М. Ироновъ. Къ вопросу о колонизаціи Южно-Уссурійскаго края.—17. Наши сношенія съ корейцами.—29. Изъ записокъ миссіонера (о корейцахъ, гилъкахъ, гольдахъ, тунгусахъ, якутахъ, орочонахъ, чукчахъ, корякахъ и самогирцахъ).—39, 40. Китайцы и Амурскій край.—44—46. Сѣверно-Уссурійскій край (о китайцахъ, гольдахъ и орочонахъ).

1885 г.—2. Новый годъ въ Китаѣ.—2, 4, 5. Взглядъ на колонизацію Южно-Уссурійскаго края.—7—9 О корейцахъ.—17. В. П. Маргаритовъ. Бухонные остатки, найденные на берегу Амурскаго зал., близъ устья рѣчки Седими.—34—36, 38, 44. Поземельный вопросъ въ Приамурскомъ краѣ.

1886 г.—4—8, 10. Инородческое населеніе Уссурійской страны (манзы, гольды, орочоны и корейцы).—19. Миронъ Тугаринъ. О мѣстныхъ корейцахъ.—34—36. О положеніи Зейскаго населенія.

1887 г.—5. Экономич. застой въ Нерчинскомъ краѣ.—11. С. Люсьенъ. Освя-щеніе новой кумирни въ г. Хунчунѣ.—32—38, 40, 41, 44—48. П. Першинъ. По Амуру.—37, 38. П. Першинъ. Нѣсколько дней на берегу Кореи.—39. Наши отношенія къ сосѣдямъ (по поводу ст. Н. Матюнина: „Наши сосѣди на край-немъ Востокѣ“ въ „Вѣстн. Евр.“ 1887 г. № 7).—45. Корея,—пут. замѣтки.—48—52. Рабочій вопросъ и колонизація въ Приамурскомъ краѣ.

1888 г.—10. По поводу лекціи г. Буссе: „О древностяхъ, находящихся по берегамъ р. р. Улу, Улахъ и Даубихъ.“—24. Наша сосѣдка Корея.—25. Наши

1) Издавалась въ 1793 и 1794 гг.; вышло XII частей.

2) Издается въ г. Владивостокѣ съ 17 апрѣля 1883 г.

сѣв.-вост. окраины и американцы.—81, 82, 85. *Ф. Гекк.* Отъ Владивостока до мыса Наваринъ.—83. Роль и значеніе общества изученія Амур. края.—85. Къ вопросу о составленіи біографіи И. С. Полакова.—86, 87. *Ф. Гекк.* Отъ мыса Наваринъ къ мысу Сердце—Камень и обратно въ Владивостокъ (продолж.; см. №№ 31, 32 и 35).—89. *Ф. Гекк.* Положеніе чукчей и китобойный промыселъ 51, 52 *В. К.-г.* Повозка въ Хуньчунь.

Восточное Поморье ¹⁾.

1865 г.—8, 4. Краткій обзоръ дѣйствій Амурской К^о за 7 лѣтъ ея существованія на Амурѣ (маньчжуръ, гилаки).—10. Извѣстіе изъ Гишиги (чукчи и коряки).—12. О тресковомъ промыслѣ.—13—15. *Бродягин.* О рыбномъ промыслѣ около Николаевска.—17, 18, 21. Изъ поѣздки на р. Амгунь акад. Мейера въ 1857 г.—18. О женъ-шенѣ.—20. *Н. Бочаровъ.* Нѣсколько словъ объ Удскомъ краѣ.—27. *Иером. Николай.* Число народонаселенія въ Японіи.

1866 г.—1, 3, 5. Вліяніе Николаевского климата и пищи на человѣка.—2—4. Изъ поѣздки въ Анадырьскъ въ 1860 г.—5—9. *В. Линдгольмъ.* Замѣтки объ Охотскомъ морѣ.—12. Нѣсколько словъ о населеніяхъ Амурской обл.—18. Объ языкахъ страны, пройденной пограничною комиссіею въ 1861 г., и въ частности объ языкѣ китайскомъ.—Мѣстонахожденіе каменныхъ орудій въ 10 вер. отъ Николаевска по дорогѣ къ м. Чыпрахъ, на р. Патха.—Шаманство у гилаки.—21, 22. Корейская свадьба.—21—23. Обзоръ мѣстности о—ва Сахалина.—24. Кембанъ (объ японскихъ играхъ).

Енисейскія Губернскія Вѣдомости ²⁾.

1858 г.—48—45, 47. *М. Кривошапкинъ.* О причинахъ цынги въ Енисейскомъ окр.: 1) жизнь остяковъ, 2) жизнь тунгусовъ и самоедовъ, 3) жизнь русскихъ отъ Енисейска къ морю и 5) г. Енисейскъ.—48, 49. *Князь Н. Костровъ.* Бельтиры (см. IV кн. „Запис. Зап.-Сиб. Огд. И. Р. Г. О.“).

1859 г.—11—13, 15, 16, 20—27. *Кн. Костровъ.* Замѣтки о минусинскихъ инородцахъ и обитаемой ими мѣстности (татары, качинцы, сагайцы, койбавы).—30. *Кн. Костровъ.* Пѣсни минусинскихъ татаръ.—37. *И. Кирпещъ.* Объ измѣреніи времени у древнихъ народовъ (изъ популяр. астрономіи Араго).—43. *Кн. Костровъ.* Теснинская пещера (въ Минусин. окр.).—45. *Кн. Костровъ.* „Страна мравковъ“ араб. путешественника Ибнъ-Батуты.—46—52. *М. Кривошапкинъ.* Изъ статист. описанія Енисейскаго окр.: остатки, происхожденіе ихъ, историч. данныя, ихъ настоящее.

1860 г.—1—4, 22—34, 36—51. *М. О. Кривошапкинъ.* Изъ статист. описанія Енисейскаго окр. (продолж.): тунгусы, самоеды, якуты (интересныя данныя о звѣропромышленности).—19, 20. *Кн. Костровъ.* День рожденія у древнихъ Римлянъ.—35. *Кн. Костровъ.* Чертежъ Шүшенской вол. Минусинскаго окр.—42. *Кн. Костровъ.* Чешскія пѣсни.

1861 г.—2, 3, 6, 8—15, 19—24. *М. Кривошапкинъ.* Статистич. описаніе Енисейскаго окр. (продолж., см. 1859 и 1860 гг.).

1866 г.—36. Нѣсколько словъ о самозванныхъ лѣкаряхъ и лѣкаркахъ (знахари и знахарки).

1867 г.—5. *Свящ. П. Исполотовскій.* Предразсудки, какъ зло для здоровья и хозяйства (изъ „Тр. И. Вол.-Экон. Общ.“).—45. Китайское земледѣліе (изъ „Сиб. Г. В.“).

1868 г.—14. Нѣсколько словъ о невѣжествѣ и предразсудкахъ, обусловливающихъ иногда жестокое обращеніе съ животными.

1871 г.—24. Погребеніе у мусульманъ въ Тифлисѣ (изъ „Віслен. Вѣстн.“).—25. Народные киргизскіе обычаи (похороны)—42—44. О народныхъ обычаяхъ:

¹⁾ Издавалось въ Николаевѣ на Амурѣ (съ 5-го іюня 1865 г.), подъ ред. О. Лихмова; закончилось изданіе 24-мъ № 1866 г.

²⁾ Издаются въ Красноярскѣ съ 2-го іюля 1857 года. За 1857, 1862—1865, 69, 1870, 1872—1884, 1886—1888 г.г. етнографич. статей нѣтъ.

семейная жизнь въ Зарайскомъ у. Рязан. г., крестины, свадьба, похороны, болѣзни и повѣрья (изъ „Рязан. Губ. Вѣд.“).

1885 г.—89, 41—43. *А. Е. Завадскій-Краснополскій*. Очеркъ Енисейской губ. (геогр., этногр. и статист.).

Енисейскія Епархіальныя Вѣдомости *).

1884 г.—7. *Мисс. Сусловъ*. Поездка къ озеру Есеевъ въ Туруханскомъ краѣ, Енисейской губ. (объ якутахъ и тунгусахъ).—13, 15, 19—21. Путевой журналъ священника-миссіонера Мих. Суслова при поездкѣ къ озеру Есеевъ.—13, 14, 18. П. 6. Т. Листки изъ записной книжки, веденной при архіепископскомъ обозрѣніи инородческихъ приходовъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ: 1) встрѣча съ шаманомъ; 2) нѣчто о шайтанахъ и 3) инородческіе улусы по берегамъ р. Чулыма.—18. Нѣсколько словъ объ инородцахъ (татарахъ) Кызыльской степной думы.—21. *Свящ. П. Суховскій*. Остатки языческой обрядности у кивинскихъ инородцевъ.

1885 г.—1, 5, 9, 12, 16, 19, 20. *Свящ. Н. Путиловъ*. Усинскій край.—3. *Свящ. Мих. Солодчинъ*. Къ статьѣ „Усинскій край.“—7. *Свящ. Путиловъ*. Отвѣтъ на замѣтку объ Усинскомъ краѣ.—17. *Свящ. Путиловъ*. Шаманы въ роли врачей.—23. *Свящ. Орфеевъ*. Брачные обычаи инородцевъ Минусинскаго окр.—24. *Свящ. Орфеевъ*. Суевѣріе простолюдина во время чумы рогатаго скота (опахиваніе села дѣвками).

1886 г.—1. *Свящ. Н. Орфеевъ*. Шаманство у инородцевъ Минусинскаго окр.—3. *Свящ. Н. Орфеевъ*. Суевѣрія и предрасудки инородцевъ Минусинскаго окр.—4—8. *Свящ. М. Сусловъ*. Поездка къ устью р. Енисея, на мѣста рыбной ловли при р. Гольчихѣ (о самоѣдахъ).—8. *Свящ. Н. Орфеевъ*. Поминки у инородцевъ Минусинскаго окр.—11, 12, 14, 15. *Свящ. Ник. Путиловъ*. Урянхай или сойоты.

1887 г.—7, 8, 11. *Свящ. Ник. Путиловъ*. Урянхай или сойоты.—12. *Свящ. Н. Орфеевъ*. Занятіе, жилище и пища инородцевъ Минусинскаго окр.—15, 16. *Свящ. Н. Орфеевъ*. Матеріалы для изученія инородческихъ вѣрученій: мѣсто обитанія душъ умершихъ людей—подземное царство; духи, управляющіе имъ, и наказанія грѣшниковъ, по сказаніямъ минусинскихъ инородцевъ (между прочимъ, о людоедѣ Талай-ханѣ и о дочери Изитъ-хана, превращавшейся въ „черную лисичку“).—16. *Свящ. Н. Орфеевъ*. Умственная пища инородцевъ Минусинскаго окр. (богатыр. поэмы; подвиги богатырей съ младенческаго возраста; богатыр. кони).—17. *Свящ. Н. Орфеевъ*. Бытъ минусинскихъ инородцевъ, какимъ онъ изображается въ ихъ поэмахъ (татар. поэма о князьяхъ, жившихъ на Абаканѣ и Енисеѣ).—21. *М. Александровъ*. Къ характеристикѣ религіозныхъ вѣрованій самоѣдовъ язычниковъ и ихъ быта (по ихъ сказкамъ и пѣснямъ).

1888 г.—1—4, 6. *М. Александровъ*. Къ характеристикѣ религіозныхъ вѣрованій самоѣдовъ-язычниковъ и ихъ быта (оконч.): сказки: 1) о Богѣ, принявшемъ видъ человека; 2) Итл (о людоедѣ Пинегуссе); 3) о самоѣдѣ, убившемъ, по совѣту куропатокъ, свою жену въ надеждѣ разбогатѣть; 4) споръ изъ-за первенства двухъ татибеевъ (шамановъ); 5) о семи дѣвушкахъ, прилетающихъ съ неба на землю, о душѣ человѣческой и о переселеніи нѣкоторыхъ людей на небо; 6) объ одногомѣ, однорукомъ и одноглазомъ старикѣ (здѣсь-же—вѣщій сонъ, оживленіе мертвыхъ и превращеніе людей въ камни); 7) эпическая пѣсня о богатырѣ Катѣ Мань-Пучѣ (о похищеніи невесты и о войнѣ, возгорѣвшейся по этому поводу между богатыремъ и братомъ невесты и другимъ женихомъ, „низовскимъ богатыремъ“, пришедшимъ съ войскомъ мстить Катѣ Мань-Пучу).—7—9, 12—18. *М. Александровъ*. О религіозномъ міросозерцаніи минусинскихъ инородцевъ.—11. *Свящ. Н. Орфеевъ*. Преданія о курганахъ у инородцевъ Минусинскаго окр. (сказанія о богатыряхъ-великанахъ и людяхъ, обращенныхъ въ „каменные бабы“).

*) Издаются въ г. Красноярскѣ съ 1 февраля 1884 года.

С М Ъ С Ъ.

Отголоски Рустеміады у Курдовъ

Въ моей статьѣ „Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ“ *) я рассмотрѣлъ нѣкоторые наиболѣе популярныя эпизоды изъ походовъ Рустема, извѣстные Грузинамъ, Сванетамъ, Пшавамъ и Осетинамъ. Къ такимъ эпизодамъ относится бой Рустема съ сыномъ и освобожденіе Рустемомъ Бижана (Бежана). Не меньшей популярностью въ Иранѣ и за его предѣлами пользуется борьба Рустема съ *дьявами*, особенно съ *Бланнымъ дьявомъ*, предпринимаемая имъ въ Мазендеранѣ съ цѣлью освободить изъ плѣна персидскаго царя Кейкауса. Отголоски нѣкоторыхъ эпизодовъ мазендеранскихъ походовъ персидскаго національнаго пехлевана сохранились въ одной обширной курдской сказкѣ, напечатанной въ курманджійскомъ текстѣ съ русскимъ переводомъ г. Егіазаровымъ во 2-мъ выпускѣ XIII книжки „Записокъ Кавказскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества“. Сказка, озаглавленная „Махмудъ-охотникъ, Озмани-богатырь и Асады-вонель“, содержитъ среди обычныхъ сказочныхъ походовъ трехъ братьевъ (напр. борьба съ разными *дьявами* съ цѣлью освобожденія похищенныхъ ими красавицъ) одинъ эпизодъ, живо напоминающій походъ Рустема въ Ауладъ.

Озмани-богатырь во время своихъ странствованій доѣхалъ до одного луга и свѣзъ съ своего коня. Когда онъ сталъ привязывать свою лошадь, то замѣтилъ группу всадниковъ. Послѣдніе, подъѣхавъ къ нему, сказали: „О безумный всадникъ! развѣ ты не слышалъ, что даже птицы не пролетаютъ отъ страха надъ этимъ лугомъ, который принадлежитъ Зоръ-Асланъ-беку“. Озмани просилъ ихъ оставить его въ покоѣ, но они потребовали, чтобы онъ явился къ ихъ владетелю, и хотѣли его схватить. Тогда богатырь, обнаживъ мечъ, однихъ ранилъ, другихъ убилъ, а остальные бѣжали и рассказали Зоръ-Аслану о случившемся. Разгнѣванный владетель пріѣхалъ на лугъ, разразился угрозами противъ Озмани и потребовалъ, чтобы онъ поцѣловалъ его стремя и сталъ его слугою. Озмани отвѣчаетъ ему угрозами, и оба богатыря вступаютъ въ бой. Зоръ-Асланъ уже хотѣлъ было нанести Озмани ударъ мечемъ, но тотъ схватилъ его за руку, вырвалъ у него мечъ, подналъ его съ сѣдла, бросилъ на землю и *связалъ* ему руки и ноги. Зоръ-Асланъ молить о пощадѣ и общается съ своими слугами служить Озмани. Дѣйствительно, онъ сообщаетъ ему о красномъ дивѣ, похитившемъ дочь у китайскаго царя Шаха Исмаила, и показываетъ къ нему дорогу. Озмани побѣдилъ дива, отрубилъ ему голову, освободилъ царевну и привезъ ее въ городъ къ ея отцу. Царь выдалъ дочь за Озмани, а Зоръ-Аслана назначилъ *наместникомъ одной провинціи*. (Стр. 91—97 отд. оттиска).

Сравнимъ съ приведеннымъ эпизодомъ то, что рассказываетъ Фирдоуси о Рустемѣ и Ауладѣ.

Отправившись въ Мазендеранъ, страну дьявовъ, съ цѣлью освобожденія Кейкауса, Рустемъ достигаетъ красивой мѣстности, гдѣ рѣшается отдохнуть. Разнуздавъ коня (Ракша), онъ приготовилъ себѣ на землѣ ложе изъ травы. Въ это время сторожъ поляны прибѣгаетъ съ крикомъ, ударяетъ Рустема палкой по ногамъ и ругаетъ его. Рустемъ вскочилъ и оборвалъ сторожу уши. Тотъ побѣжалъ къ владетелю этой области, молодому богатырю Ауланду, который въ то время охотился въ лѣсу съ своей свитой, и сообщилъ ему о поступкѣ чужестранца. Разгнѣванный Ауладъ поскакалъ къ Рустему за объясненіемъ и съ угрозами спрашиваетъ его имя. Рустемъ отвѣчаетъ такими же угрозами и вступаетъ въ бой со всей дружиной Аулада. Онъ многихъ убилъ, многихъ ранилъ и обратилъ въ бѣгство всю дружину, настигъ Аулада и, набросивъ на него арканъ, стащилъ его съ коня на землю. Затѣмъ онъ *связалъ* ему руки, объявилъ

*) Этн. Обзор. Кн. II, стр. 1—36.

его своимъ плѣнникомъ, впрочемъ общалъ ему не только пощаду, но и корону Мазендерана, если онъ будетъ служить ему вѣрнымъ проводникомъ въ странѣ *диавола*. Дѣйствительно, Ауладъ оказался вѣрнымъ проводникомъ: онъ сопровождалъ Рустема во время его битвы съ дивомъ Арзенгомъ, съ Бѣлымъ дивомъ, съ царемъ Мазендеранскимъ, предупреждая его о предстоящихъ встрѣчахъ, и за это былъ Рустемомъ награжденъ по заслугамъ. Когда послѣдній, окончивъ свои подвиги, освободилъ царя Кейкауса, то просилъ его, чтобы онъ *назначилъ* Аулада царемъ Мазендерана Кейкаусъ исполнилъ желаніе Рустема. (См. Mohl Livre des rois. I, pp. 415—418, 418).

Сходство разсмотрѣннаго эпизода курдской сказки съ эпизодомъ Рустеміады на столько близко въ общемъ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ, что въ заимствованіи курдами этого сюжета у персовъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Замѣчу кстати, что въ той же курдской сказкѣ встрѣчается птица Рокъ, соответствующая персидскому Симургу, покровителю Рустема (стр. 89), и Бѣлый дивъ (Deve Spi=перс. Deve Sefid)—самый страшный прогнѣвникъ персидскаго Рустема. (стр. 98).

В. М.

Новые варианты сюжета о Полноѣмѣ (одноглазѣ) *).

а) Киргизскіе рассказы.

На восьмомъ археологическомъ сѣздѣ, происходившемъ въ Москвѣ 8—24 января 1890 года, между разными другими сообщеніями, докладъ В. Ө. Миллера былъ посвященъ выясненію кавказскихъ народныхъ сказаній о циклопахъ **). „Сообщеніе проф. Миллера,—сказано въ одномъ отчетѣ о сѣзданіяхъ сѣзда,—было добавлено весьма интересными указаніями И. Н. Смирнова на подобные же варианты, сохранившіеся въ вотскомъ эпосѣ: одноглазый и однорогий великанъ, Палась-муртъ, расщепливаетъ дерево и заземляетъ свою руку, по предположенію „Прошлаго года“. Учеремись тоже есть сказанія о богатыряхъ, которые причуютъ людей въ карманы“ ***).

Считаю съ своей стороны не лишнимъ передать содержаніе двухъ киргизскихъ рассказовъ на тему объ одноглазомъ циклопѣ, еще неизвѣстныхъ въ литературѣ.

Въ народныхъ киргизскихъ рассказахъ до сихъ поръ упоминаются разные демоническія существа, вѣра въ которыя представляетъ собою остатокъ древней (шаманской) старини. Съ полною увѣренностью въ дѣйствительности существованія такихъ существъ и съ видимымъ страхомъ передъ ними, киргизы рассказываютъ о разныхъ встрѣчахъ своихъ съ *албасти*, *жезъ-тырнакъ*, *уббе*, *жалмаузы-кемиръ*, *кюлдымынъ* и другими подобными существами. Рассказы объ этихъ существахъ до сихъ поръ еще не приведены въ извѣстность; только недавно Г. Миропіевъ напечаталъ въ запискахъ Императ. Русск. Геогр. Общества (т. X, вып. 3, С.-ПБ. 1888 г.) 27 рассказовъ киргизъ о разныхъ демоническихъ существахъ. Въ этихъ рассказахъ (№№ 10, 11 и 12) упоминаются *жезъ-тырнаки*, особые челоѣкообразныя существа съ мѣдными когтями на рукахъ. Они живутъ на землѣ и рожаютъ дѣтей, а отъ кого—неизвѣстно. Повидимому, они ищутъ встрѣчъ съ мужчинами, и всякій разъ стараются обольстить ихъ и умертвить своими когтями. Въ чемъ кроется такая необъяснимая вражда *жезъ-тыр-*

*) См. выше, стр. 102.

**) Докладъ напечатанъ въ „Этнограф. Обзорніи“, кн. IV; краткое изложеніе его см. въ отчетахъ о сѣздѣ, напр. „Занятія VIII Арх. Сѣзда“ (брош., напеч. по распоряж. Моск. Арх. Общ., стр. 135); „Журн. Мин. Нар. Просв.“, май 1890 г.

***) „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1890, май. Современ. лѣтопись: „Восьмой археологическій сѣздъ“, стр. 40—41.

наковъ къ людямъ, изъ напечатанныхъ разсказовъ не видно, и намъ не удалось выяснитъ это. Обыкновенно они встрѣчаются съ мужчинами гдѣ-нибудь вдали отъ человѣческаго жилья, въ глухой степи, притомъ ночью. Запоздаетъ ли охотникъ въ степи, или путешественникъ расположится ночевать вдали отъ человѣческаго жилья, жезъ-тырнакъ принимаетъ видъ молодой красивой женщины, подходитъ къ расположившемуся около разведеннаго костра киргизу и, желая соблазнить его на предстоящую ночь, пристально смотритъ ему въ глаза, а кисти своихъ рукъ тщательно скрываетъ въ рукавахъ своей одежды. Откушавъ пищи съ обольщаемымъ путникомъ, жезъ-тырнакъ уходитъ отъ него до наступленія утренней зари. Но смѣливый киргизъ догадывается, что соблазнительница—никто другой, какъ жезъ-тырнакъ и потому пользуется ея уходомъ, кладетъ на мѣсто предназначенное для сна обрубокъ дерева или камень, прикрываетъ его своей одеждой, а самъ отходитъ въ сторону; если же встрѣча произойдетъ близъ дерева, то киргизъ укрывается на деревѣ и поджидаетъ прихода опасной предестиницы. При наступленіи зари, жезъ-тырнакъ приходитъ и, принявъ закрытый одѣждою чурбанъ за спящаго киргиза, бросается на этотъ чурбанъ, пролизаетъ его своими мѣдными когтями и такъ крѣпко запускаетъ ихъ въ предполагаемаго мужчину, что ужъ бываетъ не въ состояніи высвободитъ ихъ. А подстерегающій жезъ-тырнака охотникъ стрѣляетъ тогда по ней и обрѣзаетъ кисти ея рукъ съ мѣдными ногтями, которыя забираетъ съ собой домой.

Вотъ обыкновенная фабула киргизскихъ разсказовъ о жезъ-тырнакахъ. Объясненіе появленія ихъ на свѣтѣ и ихъ вражды къ мужчинамъ должны составлять задачу мѣстной этнографіи. Нужно предполагать, что въ отдаленномъ прошломъ у жезъ-тырнаковъ были какія-нибудь близкія отношенія къ людямъ: самый наружный видъ этихъ существъ ясно указываетъ на то, что они близки къ человѣку. Намъ, впрочемъ, приходилось слышать, что жезъ-тырнаки имѣютъ туловище человѣка, голову собаки, мѣдные ногти на рукахъ и козьи копыта на ногахъ; когда жезъ-тырнаки хотятъ обольстить человѣка, то принимаютъ видъ молодой красивой женщины, у которой мѣдные ногти всегда наготовѣ и позвякиваютъ, когда она идетъ.

Въ какихъ отношеніяхъ находятся жезъ-тырнаки къ одноглазому циклопу, о которомъ будетъ сейчасъ рѣчь, намъ не удалось хорошо уяснить себѣ. Изъ записаннаго г. Миропіевымъ разсказа (№ 12) видно, что одноглазый жилъ въ аулѣ и имѣлъ сына, котораго утащилъ у него медвѣдь. Одноглазый отецъ, по совѣту баксы, три года бродилъ по разнымъ мѣстамъ и въ поискахъ за сыномъ встрѣтился разъ съ барантачами и остановился съ ними ночевать въ степи. Когда ночью подошла къ нимъ неизвѣстная молодуха, то одноглазый тотчасъ же догадался, что это жезъ-тырнакъ, и совѣтовалъ своимъ товарищамъ бѣжать съ этого мѣста, боясь, что жезъ-тырнакъ умертвитъ ихъ всѣхъ. Но рѣшившись ночевать въ степи, одноглазый принялъ мѣры предосторожности: онъ наложилъ камней и накрылъ ихъ одеждой, а самъ со своими спутниками спрятался. Въ полночь пришла жезъ-тырнакъ и начала искать одноглазого. Подошедши къ камню, покрытому одеждой, она бросилась на этотъ камень, впустила въ него свои мѣдiane ногти и завязила ихъ. Тогда спрятавшіеся юноши—барантачи выстрѣлили въ нее и убили ее, а одноглазый раздѣлилъ между спутниками золото, которое оказалось на тѣлѣ жезъ-тырнака.

Мнѣ привелось слышать разсказъ, въ которомъ также упоминается жезъ-тырнакъ и одноглазый; подробности этого разсказа представляютъ тотъ особенный интересъ, что напоминаютъ собой весьма художественный разсказъ Гомера о встрѣчѣ Одиссея съ циклопомъ Полифемомъ (Одисс. п. IX). Привожу этотъ разсказъ въ томъ видѣ, какъ онъ записанъ мною со словъ Утгуна Маддибаева, киргиза Шаръ-бахтинской вол. Лепсинскаго уѣз., аула № 10: „За Лепсой въ горахъ Чибинды жилъ—былъ киргизъ охотникъ; звали его Буранъ-батыръ *).

*) Это имя ясно указываетъ на стихійную природу богатыря: „Бураномъ“, какъ извѣстно, называется у киргизъ сильный вертящійся вѣтеръ, поднимающій съ земли столбы снѣга. *Дет.*

Каждый годъ, съ наступленіемъ весны, онъ забиралъ съ собой ружье (?) и уходилъ на охоту въ самыя отдаленныя и глухія мѣста въ горахъ и возвращался къ женѣ своей уже глубокою осенью, когда наступали холода. Однажды онъ замѣтилъ въ горахъ самку марала (олени) и застрѣлилъ ее. Около убитой самки оказался только что родившійся теленокъ, который всталъ на ноги и ушелъ въ лѣсъ. Тогда Буранъ-батыръ снялъ съ убитаго животного шкуру, разрѣзалъ мясо его на части, развелъ костеръ и сталъ жарить мясо на вертелѣ. Вдругъ на вершинѣ горы показалась красивая молодая женщина и закричала, что корова убита. Буранъ-батыръ, услышавъ этотъ неожиданный голосъ въ такомъ дикомъ пустынномъ мѣстѣ, удивился. Когда мясо изжарилось и онъ сѣлъ бѣсъ его около костра (день клонился уже къ вечеру), подходитъ къ нему красивая молодая женщина и сѣла противъ охотника, поджавъ одно колѣно подъ себя. Буранъ-батыръ не сводилъ глазъ съ женщины, а она съ него. Когда охотникъ уже доѣдалъ мясо, то воткнулъ одинъ кусокъ на ножикъ и предложилъ незнакомой женщинѣ. Она взяла кусокъ рукой, тщательно прикрытой рукавомъ одежды. Когда Буранъ сталъ глотать кости, она воскликнула: „Ахъ, алмазъ рѣжетъ алмазы!“ (значеніе этого восклицанія мы не могли узнать отъ рассказчика). Покончивъ съ костями, Буранъ началъ вытирать руки о траву. Женщина увидѣла это и сказала: „сало саломъ обтираешь!“ Послѣ этого она стала уходить отъ костра задомъ, т. е. не спуская глазъ съ охотника. Охотникъ подумалъ тогда, что это не простая женщина и, отрубивъ кусокъ дерева длиною и толщиною съ себя, положилъ его на приготовленную изъ травы постель и накрылъ своей одеждой, а самъ взлѣзъ на дерево съ ружьемъ и зорко слѣдилъ. Передъ разсвѣтомъ та самая женщина подошла къ постели сажени на три, а затѣмъ однимъ прыжкомъ бросилась на прикрытый одеждой отрубокъ дерева. Охотникъ услышалъ, какъ захрустѣло и затрещало дерево, и тотчасъ выстрѣлилъ въ женщину. Она подстрѣленная отпрыгнула и сказала: „не уйдешь ты, Буранъ, изъ нашихъ рукъ: кто-нибудь убьетъ тебя, либо отецъ мой, либо братъ, либо сестра,“ и умерла. Буранъ со страху не слѣзая съ дерева до наступленія утра. Когда разсвѣтало, онъ слѣзъ и подошелъ къ убитой. Оказалось, что у нея пальцы были мѣдине. По этому онъ догадался, что это была „джезъ-тырнанъ“. Буранъ обрѣзалъ обѣ кисти ея рукъ, спряталъ ихъ въ карманъ и пошелъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ убилъ брата этой женщины. Осенью онъ возвратился домой, прозимовавъ съ женой вмѣстѣ, а весной опять собрался на охоту; обрѣзанные мѣдине пальцы онъ спряталъ въ сундукъ, тайно отъ жены, и сундукъ заперъ. Теперь онъ пошелъ на охоту съ товарищемъ вдвоемъ. Когда они ходили опять по горамъ, то увидѣли одинъ разъ много разнаго скота и старика-пастуха съ палкой. Буранъ подошелъ къ незнакомому старику, который стоялъ опершись на свою палку и опутивъ голову. Когда они поздоровались со старикомъ и старикъ поднялъ голову, то оказалось, что онъ былъ съ однимъ глазомъ на лбу. Одноглазый старикъ спросилъ охотника, кто онъ? и когда узналъ, что это былъ Буранъ-батыръ, старикъ сказалъ: „я давно васъ ждалъ, пойдемъ же ко мнѣ въ горы!“ Старикъ подвелъ ихъ къ горной пещерѣ, загналъ въ нее весь свой скотъ, и когда гости также вошли въ пещеру, одноглазый завалилъ входъ въ пещеру большимъ камнемъ. Ружья по приказанію старика они должны были оставить внѣ пещеры. Внутри перегородка отдѣляла помѣщеніе скота отъ помѣщенія самого старика. Расположившись на мѣстѣ, старикъ сказалъ своимъ гостямъ: „ну, теперь вы никуда не уйдете отъ меня; я лягу спать, а вы, по добровольному соглашенію, заколите одного изъ васъ и мясо его сварите въ этомъ котлѣ.“ Когда Буранъ-батыръ зарѣзалъ своего товарища и положилъ его мясо въ котель, тогда одноглазый подаль Бурану желѣзное остріе и сказалъ: „ты подкладывая огонь подъ котель, а самъ этимъ остріемъ пробуй мясо, и когда желѣзо покраснѣетъ, тогда ты разбуди меня.“ Мясо стало уже поспѣвать, а одноглазый заснулъ. Тогда Буранъ разжегъ до красна желѣзо на огнѣ и выколотъ единственный глазъ у старика, а самъ перепрыгнувъ черезъ перегородку и спрятался между животными. Одноглазый отъ боли проснулся и закричалъ: „ну, все равно, не уйдешь ты отъ меня, Буранъ! Завтра когда я стану выпускать изъ пещеры скотину, я

найду тебя!" Но Буранъ выбралъ самого большого козла, перерѣзалъ ему горло и, не отдѣляя головы и ногъ, снялъ шкуру и влѣзъ въ нее, такъ что голова, все туловище и копыта на ногахъ скрывали его обманъ. Утромъ старикъ отвалилъ камень отъ пещеры, сталъ при выходѣ и, пропуская каждое животное между своихъ ногъ, ощупывалъ его. И Буранъ въ козлиной шкурѣ благополучно прошелъ между ногъ старика и вышелъ наружу. Когда всѣ животныя вышли, старикъ закричалъ: „ты гдѣ же, Буранъ, выходи!“ Но Буранъ уже вѣлъ пещеры отвѣчалъ: „я уже здѣсь.“ Тогда старикъ съ отчаяніемъ воскликнулъ: „теперь я долженъ погибнуть, убей меня и возьми мой скотъ себѣ!“ Сказать это, старикъ подставилъ грудь свою Бурану. Буранъ выстрѣлилъ и убилъ старика, но скотъ его не взялъ, потому что это были все дикія неприрученныя животныя. Потомъ Буранъ возвратился домой. По смерти одноглазого старика, за скотомъ его никто болѣе не смотрѣлъ; разбрелись его животныя по горамъ и расплодись. Отъ нихъ-то и произошли разныя извѣстныя въ настоящее время дикія животныя: олени, куланы, архары и т. п.

И Буранъ батырь дожилъ наконецъ свой вѣкъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ разсказалъ окружающимъ его людямъ всѣ свои приключенія и показавъ имъ мѣдныя пальцы, отрѣзанные имъ въ разное время жезъ-тырнаковъ. Кромѣ того, своей дочери онъ сказалъ: „я убилъ мать, дочь и сына жезъ-тырнаковъ, но мнѣ не удалось убить другую послѣднюю дочь, такъ ты берегись ея“. Что было потомъ съ дочерью Буранъ-батыря—неизвѣстно: записанный мною разсказъ заканчивается смертью Бурана.

Другой разсказъ объ одноглазомъ циклопѣ доставленъ мнѣ ученикомъ VI класса Ташкентской классической гимназіи, Алиемъ Кутебаровымъ, киргизомъ, уроженцемъ Перовскаго уѣзда Сыръ-Дарьинской области. Вотъ этотъ разсказъ въ русскомъ переводѣ.

„Въ давно прошедшія времена жилъ ханъ. Онъ имѣлъ привычку охотиться на дикихъ звѣрей со свитою изъ 40 человекъ. Однажды ханъ, въ сопровожденіи 40 своихъ приближенныхъ и многихъ другихъ подчиненныхъ ему людей, выѣхалъ въ степь съ цѣлью потѣшать себя охотою на дикихъ козъ. Съ самаго утра до часа пополудни бродилъ онъ по степи, не встрѣчая ни одного звѣря, только около двухъ часовъ на краю горизонта, между высокими горами, показался столбъ пыли, при видѣ котораго ханъ приказалъ одному изъ своихъ слугъ немедленно разузнать, что это за пыль. Будучи не въ силахъ отказаться отъ порученій хана, бѣдный слуга поскакалъ по указанному направленію. Не успѣвъ еще посланный отъѣхать на разстояніе одной версты, какъ начала выдѣляться изъ этой пыли фигура всадника. Въ рукахъ онъ держалъ лукъ, на поясѣ у него висѣла дорогая сабля изъ хорошо закаленной стали; стрѣлы имѣли 60 локтей въ длину, и ими былъ наполненъ весь колчанъ. Скачегъ онъ прямо къ ханскому посланному, прицѣливаясь выстрѣлить во что-то. Въ ту же минуту передъ всадникомъ показалась дикая коза, съ бѣлымъ туловищемъ и черною головою. Коза эта ростомъ была съ лошадь, а рога у нея были изъ чистаго золота. Человекъ, гнавшійся за козой, пускалъ въ нее стрѣлы, но онъ не могли свалить козу съ ногъ, хотя и попадали въ нее. Какъ только увидѣлъ посланный хана, то сейчасъ же повернулъ лошадь назадъ и началъ погонять ее изо всѣхъ силъ. Не смотря на то, что лошадь летѣла какъ птица, ему не доскакать до хана раньше козы. Еще издали завидѣвъ передъ собой скачущаго человека, коза впадала въ невольный страхъ и своротила въ гору. Было около трехъ часовъ. Всадникъ, который гнался за козой, прискакалъ къ хану вмѣстѣ съ его посланнымъ. Не теряя времени, посланный началъ разсказывать все, что видѣлъ, а незнакомый охотникъ подтвердилъ его слова. Выслушавъ обоихъ, ханъ приказалъ дать сигналъ. По этому сигналу собрались всѣ провожатые хана. Онъ передалъ имъ то, что ему разсказали, и приказалъ гнаться за дикою козой. Небольшой отрядъ всадниковъ, предводительствуемый ханомъ, поскакалъ за козой. Благодаря своей многочисленности, отрядъ хана черезъ нѣсколько времени окружаетъ козу между высокими горами. Видя, что быстрота ногъ не спасетъ ее, она спряталась въ глубокомъ ущельѣ. Тогда незнакомый охотникъ, первый гнав-

иійся за козой, по приказанію хана, сошелъ съ лошади и, держа въ рукахъ лукъ наготовѣ, пошелъ искать ее въ ущельѣ. Все стараніе его найти козу оказалось тщетнымъ, тогда весь отрядъ сошелъ съ лошадей и усилилъ поиски. Пѣшіе они разсѣялись по склонамъ горъ, какъ муравьи; и самъ ханъ принималъ участіе въ поискахъ козы. Прошло такимъ образомъ столько времени, сколько потребовалось бы, чтобы вскипятить полный котелъ молока, и толпа охотниковъ находитъ козу, скрывавшуюся въ ущельѣ. Пока не испугали ее, дали знать незнакомому охотнику, который умѣтилъ ей стрѣлу прямо въ глазъ. Тутъ она, по волѣ Бога, испустила необыкновенно сильный стонъ; поверхность земли покрылась густымъ мракомъ, а вслѣдъ за тѣмъ поднялась страшнѣйшая буря, вслѣдствіе чего охотники потеряли другъ-друга и пошли блуждать врозь. Но ханъ вмѣстѣ съ своими 40 приближенными очутился совсѣмъ въ другой сторонѣ. Въ этотъ день до самаго заката солнца мракъ не разсѣивался. На слѣдующее утро пошелъ сильный дождь, послѣ чего погода утихла, пыль улеглась и мракъ разсѣялся. Ханъ увидѣлъ себя вмѣстѣ съ своими 40 приближенными и незнакомымъ стрѣлкомъ въ глубокомъ ущельѣ. Въ тотъ день они бродили съ утра до вечера и не находили ничего съѣстного; передъ самымъ закатомъ солнца, будучи не въ состояніи уже больше бродить, они едва добрались до подножія одной горы, чтобы отдохнуть. Тамъ они увидѣли множество козъ, пасущихся на свободѣ. При видѣ козъ, голодные охотники очень обрадовались и, говоря, что это Богъ оказываетъ имъ свою милость, направились къ козамъ. Козы, завидя приближающихся людей, убѣжали въ горы и тамъ скрылись въ ущельѣ. Ханъ созвалъ охотниковъ; они подошли и увидѣли пещеру, а изъ пещеры выходилъ дымъ. Тогда ханъ сказалъ своимъ спутникамъ: „теперь намъ грозитъ неизбежная гибель отъ голода; быть можетъ, мы спасемся, если войдемъ въ эту пещеру“. Спутники хана, считая слова его правильными, вошли въ пещеру. Тамъ жаль какой-то великанъ. Охотники, изнуренные голодомъ, не обращая вниманія ни на что, начали ѣсть мясо, которое варилось въ котлѣ. Черезъ столько времени, сколько потребовалось бы, чтобы вскипятить полный котелъ молока, охотники, утоливъ свой голодъ, начали осматриваться и увидѣли себя въ огромномъ домѣ. Домъ до того былъ великъ, что въ одной сторонѣ его находился одноглазый великанъ *) ростомъ и дородствомъ съ маленькую гору, а въ другой сторонѣ далѣе находились его бараны. Этотъ великанъ заразъ съѣдалъ по 40 барановъ. Когда пришли къ нему охотники, онъ спалъ, и когда всталъ, то не нашелъ ничего въ котлѣ, потому что все было съѣдено охотниками. Разсердился великанъ и, открывъ свой глазъ, увидѣлъ непрощенныхъ гостей, которые съ удивленіемъ разсматривали принадлежности дома. Тутъ одноглазый, не долго думая, схватилъ за ноги того охотника, который преслѣдовалъ золоторогую козу, ударилъ его о камень и, убивъ, началъ пожирать его. Сожравъ несчастнаго охотника, циклопъ приказалъ прочимъ зарѣзать 40 барановъ и сварить мясо ихъ въ котлѣ, при этомъ онъ объявилъ, что каждый день будетъ съѣдать по одному охотнику за то, что они долго преслѣдовали его золоторогую козу и даже вышибли ей стрѣлой одинъ глазъ. Такъ сказалъ великанъ и улегся у выхода. Охотники псугались угрозъ великана и не знали что предпринять. Сначала они зарѣзали 40 барановъ и начали варить въ котлѣ ихъ мясо. Увидѣвъ это, великанъ заснулъ, думая, что охотники не уйдутъ никуда. Когда же раздался его храпъ, ханъ созвалъ своихъ людей на совѣщаніе, но всѣ 40 ничего не могли придумать. Тогда ханъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „что съ вами? вѣдь въ мирное время каждый изъ васъ казался достойнымъ быть правителемъ отдѣльнаго государства, а теперь вы и соединенными силами не можете придумать средства, какъ избавиться отъ одного великана: Но, друзья! мы такъ или иначе должны погибнуть, а пока есть время, надо рѣшиться на что нибудь. Я думаю, что каждый изъ насъ могъ бы, зарѣзавъ по барану и покрывшись его шкурой, выбраться отсюда, еслибы выколотъ единственный глазъ у этого страшнѣйшаго“. Мысль хана всѣ одобрили и рѣшились попытать счастье. Между тѣмъ,

*) По киргизски: *бөрү кизил дйу*.

пока великанъ спалъ, ханъ положилъ въ огонь желѣзный вертелъ, и когда вертелъ накалился, ханъ воткнулъ его въ единственный глазъ великана, находившійся у него на лбу. Отъ боли великанъ началъ орать и искать руками пришедшихъ къ нему охотниковъ. Но какъ онъ ни искалъ, не могъ найти никого, потому что всѣ, по совѣту хана, спрятались между барабанами. Послѣ тщательныхъ поисковъ великанъ сказалъ: „все равно, вамъ не уйти отъ меня; если не сегодня, то послѣ, когда-нибудь, я поймаю васъ, а пока вы подождите“. Затѣмъ онъ опять заснулъ у дверей, а охотники, каждый выбравъ себѣ по большому барану, убиваютъ и сдираютъ съ нихъ шкуру цѣликомъ. На другой день они покрылись этими шкурами и стали вмѣстѣ съ барабанами. Утромъ проснулся великанъ и отворилъ двери, чтобы выпустить барановъ на пастбище. Онъ сталъ у двери и началъ пропускать барановъ, предварительно ощупывая каждого рукой, чтобы охотники не ушли вмѣстѣ съ баранами. Такимъ образомъ онъ выпустилъ по счету всѣхъ барановъ и началъ говорить такъ: „Охотники, гдѣ вы? Идите сюда!“ А они кричали ему уже снаружи: „Эй, глупый, проклятый, мыздѣсь!“ Не будучи въ силахъ перенести подобную обиду охотниковъ, великанъ началъ кричать и наконецъ умеръ отъ досады, ударившись головой о стѣну. По смерти циклопа, охотники, завладѣвъ его богатствомъ, возвратились домой, и всѣ желанія ихъ исполнились. Есть у киргизъ изреченіе, оставшееся отъ древнихъ: „У хана умъ равняется уму сорока человѣка“. По словамъ киргизъ Перовскаго уѣзда, изреченіе это появилось послѣ того, какъ съ помощью хана охотники избавились отъ одноглазого великана.

Н. Остроумовъ.

Гор. Ташкентъ.

3 Января 1891 года.

б) Алтайскій вариантъ.

Нѣкоторыя русскія сказки перешли къ туркскимъ инородцамъ Алтая. Въ своей статьѣ „Сказка у Алтайскихъ инородцевъ“ (напеч. въ „Томск. Губерн. Вѣдом.“, 1888 г., № 15), покойный В. Верибскій приводитъ слѣдующій эпизодъ изъ алтайской сказки объ Иванѣ Царидычѣ (Царевичѣ), представляющій вариантъ широко-распространеннаго сказочнаго сюжета о великанѣ людоедѣ. „Иванъ Царидычъ, возвращаясь изъ царства змѣй, увидалъ на дорогѣ дворецъ, вошелъ въ него и узналъ, что этотъ дворецъ принадлежитъ слѣпому ельбегеню (чудовищу-многоглавому великану). Хозяинъ хотѣлъ было схватить гостя и съѣсть, но Иванъ Царидычъ остановилъ его и, назвавшись лѣкаремъ, обѣщавъ вылѣчить его глаза. „Если ты мнѣ вылѣчишь глаза, я дамъ тебѣ большую награду“. Иванъ Царидычъ растопилъ кусокъ олова, связалъ ельбегеня желѣзнымъ арканомъ и влилъ лѣкарство прямо въ слѣпые глаза его. Ельбегень вскочилъ, разорвалъ желѣзный арканъ и началъ шарить-искать Ивана Царидыча. Но лѣкарь выбѣжалъ на дворъ. Ельбегень, смѣнивъ бѣгство врага своего, приказалъ воротамъ затвориться, и они затворились сами собою. Ельбегень началъ искать Ивана Царидыча по двору. Иванъ Царидычъ поймалъ овцу и, крѣпко ухватившись за нее, подсунулъ задъ ея подъ руки ельбегеня. Ельбегень схватилъ овцу и со словами: „моя же овца лѣзетъ на меня!“—швырнулъ овцу вмѣстѣ съ Иваномъ Царидычемъ черезъ заборъ. Иванъ Царидычъ, перекатившись черезъ ограду, кричалъ ельбегеню: „Спасибо, ельбегень, что отпустилъ меня!“—„Ну, хитеръ же ты, Иванъ Царидычъ! За твою мудрость я передаю тебѣ свое счастье и силу, потому что я скоро умру. На, возьми!“—и бросилъ Ивану Царидычу бѣлый камень. Иванъ Царидычъ побоялся взять камень, но маленько задѣлъ его мизинцемъ. Камень такъ прицѣпился къ пальцу, что нельзя было оторвать его. Тогда ельбегень сказалъ: „Что, попался!“ Но Иванъ Царидычъ отрѣзалъ свой мизинецъ и убѣжалъ“.

Сообщ. М.

в) *Грузинскій вариант **.

...Мы отправились. Шли мы три дня, и вотъ видимъ, какая-то женщина сидитъ и плачетъ. Мы спросили ее: въ чемъ твое горе? Она такъ намъ сказала: „будьте нашими; я вотъ подумала о сынѣ Бадріамана, объ этомъ львѣ, и объ немъ я плачу. Тогда, когда посредствомъ чародѣйства его схватили девы, то и меня увели въ плѣнъ, за нимъ я сюда пришла и нахожусь съ этими чертами. Теперь пожалуйте, садитесь обѣдать“. Какъ разъ въ эти дни мы не наловили дичи и были голодны. Мы отправились, впереди насъ повела эта женщина. Мы пришли къ подошвѣ скалы; она же отбросила дверь, вошла и, введя туда Амирава, заваляла дверь большимъ камнемъ; она, какъ оказалось, была девъ. Мы остались снаружи. Когда вошелъ внутрь туда Амиранъ, то тамъ сидѣлъ одинъ человѣкъ, у котораго былъ глазъ на лбу. Тотъ сказалъ: „горе тебѣ, Амиранъ, сынъ Дареджана, горе тебѣ, что ты задумалъ сюда придти!“ Амиранъ по своему обычаю, какъ онъ это дѣлалъ при бѣдѣ, этотъ левъ изъ львовъ, закричалъ и сказалъ: „Думай лучше, что горе тебѣ. Лучше было бы, Господи, если бы ты его не видѣлъ!“ Пришелъ маленькій мальчикъ, сталъ у этого человѣка съ глазомъ на лбу и такъ сказалъ: „папаша, я знаю, что ты хочешь убить этого человѣка, лучше дай мнѣ, я его убью“. Мы же стояли у дверей и не могли войти. Амиранъ, сынъ Дареджана, засмѣялся надъ этимъ маленькимъ мальчикомъ, схватилъ его за ногу, пустилъ имъ въ лицо его отца, ударилъ и убилъ маленькаго мальчика. Тогда къ нему прыгнулъ этотъ старикъ, обвилъ его руками и долго боролся. Наконецъ Амиранъ одолѣлъ, вынулъ кинжалъ, ударилъ его въ глазъ и глазъ вырвалъ. Женщина-девъ закричала: „не убивай его, ты, молодецъ!“ Амиранъ бросилъ старика-дева, схватилъ ту женщину, которая насъ обманула, и сказалъ: „такъ ты и другого кого-либо обманешь?“ Съ этими словами онъ ее убилъ, отворилъ намъ двери и мы вошли. Девъ же лежалъ, чуть живой и не думалъ умереть отъ сына Дареджана. Но Усиль вынулъ мечъ и убилъ его. Амиранъ разсердился. Тотъ-же такъ сказалъ: „не гнѣвайся, господи, а то онъ и другого кого-либо могъ обмануть“. Мы тамъ нашли большой складъ сокровищъ, запечатали его и ушли.

Примеч. Дѣло происходитъ послѣ того, какъ Девы увозятъ спутника Амирава, Бадріаманова сына, и тотъ отправляется на его поиски. Усиль—имя проводника Амирава. Все это рассказываетъ старецъ, сынъ Саварсима царя Индѣицель.

Собщ. А. Грена.

Монгольское сказаніе о Хутула-ханѣ **).

(Къ былинному сюжету о продолжительной поѣздкѣ богатыря).

Въ монгольскомъ сказаніи о Гэсэръ-ханѣ находится между прочимъ тема о продолжительной поѣздкѣ его, во время которой его жену принуждаютъ выйти замужъ. Та же тема и въ русской былинѣ о Добрынь. Объ этомъ я говорю въ своей статьѣ о Гэсэрь, напечатанной въ сентябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1890 г. Въ образцахъ, обращающихся въ народной памяти въ Монголіи, этой темы пока не встрѣчено; нѣтъ ея, кажется, и въ сборникахъ академика В. В. Раддона (Ргобен).

Въ ряду же книжныхъ сказаній сюда, можетъ быть, относится рассказъ о Хутула-ханѣ, который сообщаетъ въ Исторіи Монголовъ персидскій историкъ

*) Взять изъ грузинскаго рыцарскаго романа „Амиранъ сынъ Дареджана“, приписываемаго Моисею Хонели (рукопись принадлежитъ моей библіотекѣ). Объ истинномъ времени написанія романа не могу сказать ничего положительнаго, хотя въ немъ и очень ярки слѣды вторженія арабовъ на Кавказъ, а затѣмъ борьбы ихъ съ хозарами.

**) См. Этн. Обзор. кн. VIII, стр. 143, 260.

Рашидъ-Эдинъ *). Хутула-ханъ (у Рашидъ-Эдина Хутула-каанъ) былъ одинъ изъ предковъ Чингисъ-хана. У Рашидъ-Эдина объ немъ сообщаются слѣдующія извѣстія.

Хутула-ханъ былъ одинъ изъ шести сыновей Хабуль-хана. «Хотя братья его всѣ были молодцы», говоритъ Рашидъ-Эдинъ, «онъ превосходилъ и ихъ силою и храбростію. Монгольскіе стихотворцы сложили много пѣснопѣній въ похвалу его и составили описаніе храбрости и богатырства его» (стр. 40). Подъ этими пѣснопѣніями, въ которыхъ описывались храбрость и богатырство Хутулы, намъ кажется, слѣдуетъ разумѣть богатырскія былины. То, что Рашидъ-Эдинъ рассказываетъ о необычайной силѣ Хутулы, можетъ только поддерживать догадку, что Хутула былъ монгольскій богатырь.

Вотъ дальнѣйшій текстъ Рашидъ-Эдина: «Говорятъ, у него былъ такой громкій голосъ, что звукъ крика его переходилъ за семь холмовъ и походилъ на эхо, раздающееся въ горахъ и горномъ хребтѣ. Пятерни его были подобны пятернѣ медвѣдя; человѣка, который не былъ крѣпче и сильнѣе его, онъ схватывалъ двумя руками, безъ труда и усилія переламывалъ на двое, какъ деревянную стрѣлу, сломивъ ему спину. Повѣствуютъ такъ, что въ зимнія ночи онъ клалъ деревья въ огонь и спалъ нагой подлѣ; отъ огня, который онъ жегъ, горячіе угли падали на его тѣло и жгли, онъ же не обращалъ на то вниманія, а когда просыпался, то думалъ, что его кусаетъ вошь, чесалъ тѣло и опять засыпалъ. Пишею его всякій разъ былъ одинъ большой баранъ и одинъ большой чанъ кумысу, и этимъ онъ еще не насыщался» (ibid.).

Приведенный отрывокъ изъ Рашидъ-Эдина повидимому есть общее мѣсто изъ древнихъ монгольскихъ былинъ, потому что одна изъ упомянутыхъ тутъ чертъ, именно переламываніе человѣка пополамъ, приписывается тѣмъ же Рашидъ-Эдиномъ и другому лицу монгольской исторіи, брату Чингисъ-хана, Хасару. О послѣднемъ Рашидъ-Эдинъ говоритъ слѣдующее: «Второй сынъ (Эсу-кэя) былъ Джучи-Хасаръ; Джучи есть имя, а значеніе Хасара—левъ. Такъ какъ онъ былъ великъ силою и крѣпостію, то онъ былъ обозначенъ этимъ свойствомъ. Говорятъ, что плечи и грудь его были такъ широки, а середина до такой крайности тонка, что, когда онъ спалъ на боку, собаки проходили подъ его бокомъ. Сила у него была такая, что, взявши человѣка обѣими руками, перегибалъ пополамъ на подобіе деревянной стрѣлы, такъ что переламывалъ спину» (ibid., 54).

Обоимъ и Хутулѣ и Хасару у Рашидъ-Эдина одинаково приписано переламываніе живого человѣка.

Рассказъ о богатырѣ, который не чувствуетъ боли, встрѣчается еще и въ современномъ эпосѣ монголовъ. Въ сѣверо-западной Монголіи я записалъ сказаніе о богатырѣ Сартактаѣ, которому во снѣ волки кусали пятки, а онъ думалъ, что его кусаетъ вошь (Очерки СЗ. Монг., IV, 287). Въ алтайскихъ сказаніяхъ имя богатыря Сартактаѣ спаривается съ именемъ Кэзэръ (Кэзэръ-Сартактаѣ (Radloff, Proben, I, 188).

Еслибъ насъ не останавливалъ вопросъ о филологическомъ тождествѣ именъ Кэзэръ и Хасаръ, то мы могли бы подумать, что мы тутъ имѣемъ двойное уравненіе; въ одну сторону Хутула приравнивается къ Кэзэру (своей нечувствительностію къ боли), въ другую къ Хасару (переламываніемъ спины человѣка); выходитъ, какъ будто всѣ три имени: Хутула, Кэзэръ и Хасаръ—имена одного и того же богатыря. Но осторожнѣе пока будетъ конечно такое пониманіе этихъ сближеній: черты, которыми былъ обрисованъ какой-то богатырь, наприм. перенесены на личность, носившую созвучное имя Хасаръ, а также и на Хутулу. Хасаръ и Хутула считаются историческими личностями; историческій характеръ Хутулы впрочемъ очень слабъ. Но если и былъ действительно предокъ у Чингиса съ этимъ именемъ, пѣснопѣнія, о которыхъ говоритъ Ра-

*) Сборникъ лѣтописей. Исторія Монголовъ, соч. Рашидъ-Эдина, перев. И. Н. Березина въ Трудахъ Восточн. отдѣленія И. Археолог. Общества, ч. XIII (1868), стр. 40—45.

пидь-Эддинъ, могли быть сложены не о немъ, а о другомъ, эпическомъ Хутулѣ, и на историческаго могли быть перенесены позднѣе разсказчиками, отъ которыхъ записывалъ Рапидь-Эддинъ.

Тѣми фразами, которыя приведены нами выше, не ограничивается разсказъ Рапидь-Эддина о Хутулѣ. Далѣе онъ сообщаетъ объ этомъ богатырѣ цѣлый эпизодъ, который мы здѣсь и излагаемъ вкратцѣ.

Амбагай-ханъ пріѣхалъ сватать невѣсту къ татарамъ, но они схватили его и передали Алтынъ-хану; Алтынъ-ханъ приказалъ пригвоздить его къ деревянному ослу. Нѣкто Булгачи, плѣненный выѣстъ съ Амбагай-ханомъ, далъ знать народу Амбагай-хана и его сыну Хаданъ-Тайши, что отецъ послѣдняго казнень. Получивъ это извѣстіе, множество племенъ и улусовъ монгольскихъ составили совѣтъ, чтобы предпринять отмщеніе за смерть Амбагай-хана; на совѣтъ на ханство избрали Хутула-каана; были собраны войска и подъ начальствомъ Хутулы отправлены въ Китай противъ Алтынъ-хана. Войско Алтынъ-хана было разбито, и монголы возвратились съ большой добычей. На обратномъ пути Хутулъ, увлекшись охотой съ птицами, отдѣлился отъ войска; племя Дурбэны, увидѣвъ его одинокаго, напали на него. Спутники Хутулы разсѣались, самъ онъ бѣжалъ и достигъ одного большого болота; лошадь съ разбѣга завязла въ болотѣ; Хутула прыгнулъ съ нея на берегъ. Дурбэны подумали, что монголъ безъ лошади безпомощенъ и безсиленъ сдѣлать вредъ, и прекратили свое преслѣдованіе. Хутула вытащилъ коня изъ грязи и поѣхалъ.

Разбѣжавшіеся спутники Хутулы были увѣрены, что Дурбэны убили его. Когда они съ такой вѣстью прибыли домой, Эсукъ-бахадуръ, приготовивъ поминальную трапезу, понесъ ее къ людямъ Хутулы и къ его женѣ, чтобы они услышали вѣсть о событіи и приняли бы заупокойную чапу. Дѣти Хутулы стали вопить громкимъ голосомъ, но жена Хутулы, услышавъ новость, не повѣрила. Она стала отрицать возможность событія въ родѣ того, какъ Настасья, жена Добрыни, не вѣритъ разсказамъ Алеши Поповича, будто онъ видѣлъ въ полѣ тѣло убитаго Добрыни.

Не былъ ты, Алеша, во чистомъ поли,

Не видалъ ты Добрыни убитаго,

А былъ ты съ собаками на задворки (Гильф. 969, 1026),—
говоритъ Настасья Алеши.

Жена Хутулы говорила: „Не даромъ о Хутулѣ сказали, что голодъ его подобенъ оху, достигающему до небесъ, и рука его подобна лапѣ трехъ-годовалаго медвѣдя. Не такой это человекъ, чтобъ Дурбэны могли его убить. Онъ занятъ какимъ-нибудь дѣломъ и, дастъ Богъ, неожиданно пріѣдетъ“.

Между тѣмъ Хутула не только не погибъ отъ руки Дурбэновъ, но еще успѣлъ отмстить имъ за нападеніе. Онъ заѣхалъ въ ихъ табуны, поймалъ хорошаго жеребца, отшибъ косякъ кобылицъ и погналъ ихъ домой. Тогда была весна; онъ нашелъ въ степи много яицъ дикихъ утокъ. Онъ снялъ съ ногъ сапоги, наполнилъ ихъ яйцами дикихъ утокъ, повѣсилъ въ торокахъ своей лошади и, сѣвши нагой (босой?) на жеребца, продолжалъ гнать кобылицъ. Онъ прибылъ домой какъ разъ въ то время, какъ Эсукъ принесъ заупокойную трапезу и когда приступили къ поминакамъ. Жена Хутулы тогда сказала: „Не говорила ли я, что онъ не такой, чтобъ его могли убить“.

Конецъ этого разсказа отчасти напоминаетъ сюжетъ былины, въ которыхъ описывается, какъ богатырь увлекся охотой и замедлил свое возвращеніе домой, а въ это время жену его увѣряютъ, что онъ убитъ; такая тема въ русскихъ былинахъ, какъ сказано было выше, отнесена къ Добрынѣ, въ монгольскихъ къ Гэсэру. Въ разсказѣ объ охотѣ Хутулы нѣтъ одной черты, именно жену Хутулы не принуждаютъ выходить замужъ за другого мужа; ее заставляютъ только принять участіе въ поминакахъ.

Разсказъ Рапидь-Эддина содержитъ только слабый намекъ на былинную тему. Мы сочли все-таки полезнамъ сдѣлать это сопоставленіе въ расчетѣ, не вызоветъ ли оно у собирателей степныхъ сказаній желанія поискать у кочениковъ подобной темы. Можетъ быть наша догадка, что въ разсказѣ Рапидь-

Эддина содержится древняя монгольская былина, и подтвердится открытіемъ въ какомъ-нибудь уголкѣ Монголіи быliny о Хутулѣ.

Еслибъ эта догадка оправдалась, эпизодъ съ сапогами, наполненными утиными яицами, могъ бы объясниться народной этимологіей. „Гутулъ“—по-монгольски „сапогъ“. Въ былинѣ могло быть указаніе, что этотъ-то эпизодъ и подаль поводъ назвать богатыря именемъ Хутулы, подобно тому, какъ герой одной барабинской сказки Идыгъ получилъ имя отъ турецкаго „игукъ“—сапогъ. Идыгъ былъ найденнымъ; старикъ, который нашелъ его на степи и потомъ воспиталъ его,—нашедши ребенка, засунулъ его за сапогъ и въ сапогѣ привезъ его къ своей жемѣ. По этому-то случаю мальчику и дали имя Идыгъ (R a d l o f f, Proben, IV, 35).

Ханскій титулъ, приданный Хутулѣ, не мѣшаетъ подозрѣвать въ рассказѣ Рашидъ-Эддина богатырскую былинку. Въ тюркскихъ и монгольскихъ сказкахъ богатыри являются иногда съ такимъ титуломъ; въ монгольскихъ сказкахъ наприм. Гэсэръ-ханъ.

Въ китайскихъ лѣтописяхъ имя Гудулу встрѣчается два раза въ ряду ойхорскихъ (уйгурскихъ) хановъ и два раза въ ряду тукюэскихъ (O. I a k i n e z, Собрание свѣдѣній о народахъ Средней Азіи, I, 322 и 386, 403—411).

Г. Потанинъ.

Буддѣйская параллель къ ростовской легендѣ объ ордынскомъ царевичѣ Петрѣ.

Въ весьма замѣчательной по многимъ бытовымъ, историческимъ и легендарнымъ подробностямъ повѣсти о татарскомъ царевичѣ Петрѣ, переселившемся изъ орды въ Ростовъ и принявшемъ здѣсь христіанство во второй половинѣ XIII вѣка, разсказывается между прочимъ о томъ, какъ царевичъ вымѣнялъ на торгу три иконы и какъ купилъ у князя ростовскаго землю для постройки на ней церкви. Замѣчательнѣе всего самый способъ уплаты денегъ: царевичъ поверхность покупаемыхъ предметовъ выкладываетъ монетами. Вотъ сущность разсказа. По принятіи крещенія благочестивый царевичъ разъ во время соколиной охоты заснулъ на луку близъ Ростовскаго озера. Во снѣ явился ему святые апостолы Петръ и Павелъ и сказали, что они посланы Богомъ вознаградить его за усердную молитву и щедрую милостивую (царевичъ, отправляясь въ Ростовъ, раздалъ все богатое имущество, оставшееся ему отъ отца, бѣднымъ). „И вѣдаша ему мѣща и глаголаша: возми сія мѣща, въ единомъ ти злато, а въ друзѣмъ сребро; утро идеши въ градъ и вымѣниши три иконы, икону святыхъ Богородица со Младенцемъ, икону святаго Димитрія и святаго Николая, и вѣдаси за нихъ, еже просить мѣнящія“. На вопросъ царевича: „Господіе мой, аще воспросить мѣнящія мѣщевъ за иконы, что сотворю“,—апостолы отвѣчали: „мѣща сія держи у себя въ пазусѣ, нѣмъ невѣдоми, а просить мѣнящія 9 серебряныхъ, а 10-ю злата, и ты дай же по единому, и возмѣ иконы да идеши ко владыцѣ и рече ему: Петръ и Павелъ, Христова апостола, посласта мя къ тебѣ, да устроиши церковь, гдѣ же спашъ при озерѣ, а се знаменіе ея: иконы сія вымѣниши, а мѣща сія вѣдаси ми, да что ими велиши сотворити“. Петръ поступилъ по указанію апостоловъ. Владыка и князь проводили царевича Петра съ иконами на колѣсницѣ на мѣсто, гдѣ овъ спашъ при озерѣ, а „людіе клѣтъ (храмину *вар.*) соградиша повелѣніемъ князя и привезше изъ града плотомъ оградиса и возвратишася. И ту Петръ иконы постави. Князь же, вѣдѣ на конѣ и глумася, изрече Петру: „Петре, владыка тебѣ церковь устроити, а азъ мѣста не дамъ, что сотвориши?“ Петръ же рече: Повелѣніемъ, княже, святыхъ апостоловъ азъ куплю у тебе, елико отлучитъ благодать твоя, и земля сія“. Князь „рече играя Петру: „Петре, вопрошу ты, ажеже вѣда на иконахъ, сиче по моей земли кладеша ли 9 литръ серебра, а десятый злата, сотвориши ли тако?“ Петръ же рече: „святія апостола рекоса ми, ажеже владыка ми повелитъ сотворити, сотвори, да вопрошаю, господіне“. И вопросиша владыки. Владыка же... рече: „чадо Петре, Господь рече своими устн: всакому просящему дай, и ты убо

не пощади родителей твоихъ, явится бо: чванецъ масла не умалися, горсть муки не оскудѣ... дай же князю волю, якоже захочетъ". Петръ же поклонился владыкѣ до земли, вѣруя въ глаголы его, и пришедъ ко князю, рече ему: „да будетъ, княже, воля святыхъ апостоловъ и твоа". И повелѣ князь изыскати вервь отъ воротъ до воды и отъ воротъ до угла, отъ угла возлѣ озера, се мѣсто великое. Петръ же рече: да повелиши, княже, ровъ копати, якоже въ Ордѣ биваетъ, да не будетъ погубленъ мѣсто тому". И бысть тако. Граждане же, иже провождаху иконы, въ той часъ ископаша ровъ, иже есть и до нынѣ. Петръ же нача отъ воды класти, емля изъ мѣшецъ по одному 9 литръ серебра, а десятый златъ. И наполниша возниа петровыхъ кунъ и тѣя колесница, на нихъ же клѣтъ вожаху, едва можаху какъ подымати ихъ. Видѣвъ же князь и владыка множество злата и серебра, еже бысть 10 выходъ дати, а мѣшци цѣли, и рекоста къ собѣ: „что се есть, Господи, не по нашимъ грѣхомъ сіа сотворишася, велию бо благодать человекъ сей обрѣче предъ Богомъ во силѣ святыхъ апостолъ" ¹⁾.

Способъ прибрѣтенія царевичемъ земли для церкви сравнивали съ преданіемъ о прибрѣтеніи земли Кареагенской въ такомъ количествѣ, сколько можетъ покрыть воловьшя шкура. Гораздо болѣе сходства съ ростовскимъ сказаніемъ представляетъ одна буддійская легенда. Въ книгѣ покойнаго И. П. Миннаева: „Буддизмъ. Исслѣдованія и матеріалы. Сиб. 1887", въ главахъ V и VI описывается Бхархутская ступа — буддійскій алтарь, построенный столѣтія за полтора до Рождества Христова и украшенный рельежными изображеніями разныхъ легендарныхъ сюжетовъ съ надписями. Въ одной изъ такихъ надписей рѣчь идетъ о покупкѣ земли съ религіозною цѣлю. Въ надписи читается: „Жетъ (садъ) Анаѣтхипендикъ даритъ выкладываніемъ десяти миллионъ купившій (его)". „Слова эти, говоритъ И. П. Миннаевъ, поясняютъ легенду, рассказанную въ чулавагѣ и изображенную на барельефѣ: Анаѣтхипендикъ, одинъ изъ вѣрующихъ богачей, купилъ для Будды у Жетъ садъ; купилъ это мѣсто за дорогую цѣну, деньгами уложивъ всю почву. На это обстоятельство и намекаютъ слова надписи: „выкладываніемъ десяти миллионъ (т. е. монетъ)". Въ текстѣ чулавагъ, гдѣ рассказывается самая легенда, встрѣчается подобное же выраженіе, т. е. говорится слѣдующее: „Анатхипендикъ домохозяинъ на телѣгахъ золота приказалъ свезти, Жетъ садъ десяти миллионъ выкладываніемъ приказалъ выложить". „Въ болѣе позднемъ текстѣ (Jātaka, I, 92) при изложеніи той же легенды стоятъ слова: „выкладываніемъ десяти миллионъ... купилъ" ²⁾.

Сходство ростовской и буддійской легенды весьма замѣчательное: и тамъ и здѣсь земля прибрѣтается для религіозной цѣли; и тамъ и здѣсь поверхность покупаемой земли выкладывается монетами. Это сходство сказанія о татарскомъ царевичѣ съ буддійской легендой особенно интересно въ виду той роли, какая приписывается монголамъ въ перенесеніи восточныхъ сказаній на западъ.

М. Соколовъ.

Изъ южно-русскихъ легендъ.

Легенды объ ап. Петрѣ въ родѣ тѣхъ, какія разобраны были въ предыдущихъ книгѣхъ Этногр. Обзорѣя (V, 142 и VII, 71) ³⁾, очень распространены повсюду среди южно-русскаго населенія. Намъ случилось записать подольскій вариантъ, который сообщаемъ въ дополненіе къ собраннымъ уже другимъ сказаніямъ этого цикла.

¹⁾ Мы приводимъ, текстъ сказанія по изданію: „Блаженный Петръ, царевичъ Ординскій, Ростовскій чудотворецъ. Н. К. Ярославль. 1880. По другой рукоп. текстъ изданъ въ „Прав. Собес." за 1859 г. и въ „Русской Хрестоматіи" Ф. И. Буслаева.

²⁾ И. П. Миннаевъ, Буддизмъ, стр. 138—139.

³⁾ См. также выше стр. 110.

„Дуже давно не було: ще тоді, якъ Господь за святими Петромъ и Павломъ ходили по землі. Якось, одного часу, Господь пославъ св. Павла въ свѣтъ, а самъ зостався зъ св. Петромъ. Отто, йдучи разъ шляхомъ, заходять вони въ трахтову коршму. Була тоді зима и вже зовсімъ смерилося. Змерали Господь и Петро крипко, да й давай проситця у арендаря, щобъ позволивъ имъ обігритися, та підпочувать, бо на двори къ ночи бравъ страшный морозъ. Въ коршми никого не було: коршмаръ не тільки що позволивъ, але навіть кинувъ имъ подушку и стареньку кожущинку. Въ трахтовихъ коршмахъ, якъ звисно, кожаний має притулокъ, хрещений и нехрещений. Отто заснули Господь и Петро, положившись на полу (кровати) біля теплої грубки (печки). Коли, отце після полуночи, такъ, якъ четверти півни засипали, въ коршму ввалююця москалі (солдати), Померзли дрижать—зразу такъ и кинулись до грубки, де спали Господь зъ Петромъ: Господь зъ краю, а Петро підъ самою грубкою, — та й почали згоняти ихъ зъ полу. Господь зразу послухавъ, — вставъ и опроставъ місце на полу; Петрови жъ дуже не хотілось зоставлять тепленьке місце и кожущину. Отто вінъ зразу не послухавъ, та ставъ сперечатця. Якъ розсердяця москалі, якъ почнуть штовхати Петра кулаками, а дали, якъ стагнуть на дилъ (полъ) та почнуть лущить по своєму, то Петро ледве—ледве піднявся на ноги—такъ ёго москалі побили. Після такого оказія нічого вже було оставатися въ коршмі; а тутъ якъ разъ и на день почало благословятця. Зібрався вони, тай пішли зъ коршми. Отъ св. Петро, одійшовши гонъ двисті отъ коршми, озирнувся назадъ, чи нейдуть ззаду москалі, да и каже Господеви: „Боже милосерный! Чи вжежъ Ты, Господе, не покараєшъ отихъ москалівъ, що такъ безневинно знівчили мене?“ Господь ёму и каже: „Гараздъ, Петре. Надруга надъ тобою дасця въ тямки москалімъ до страшного моего суку. Я ихъ тяжко покараю. Якъ тільки прийдеця москалімъ выступать въ походъ, то завше буде сѣта (слакоть), холодъ, морозъ, хуртовина.“ Зъ того часу, якъ тільки москалімъ повскажуть выступать въ походъ, заразъ таке робитця, що не можна и сказати: лютимъ—дощъ, градъ, буря, сѣта; а зимою — замить, та хуртовина. Такъ-то Господь покаравъ москалівъ за св. Петра.

(Записана въ с. Степановѣ, Гайсинскаго уѣзда, Подольской губерніи).

Сообщ. Т. І. Вержбицкій.

Извѣстія и замѣтки.

Въ Имп. Рус. Географ. Обществѣ, какъ сообщаютъ газеты (Спб. Вѣд.), было внесено предложеніе о снаряженіи экспедиціи для изслѣдованія Приамурскаго края, къ участію въ которой предложено пригласить Общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ. Для выработки программы экспедиціи иѣется въ виду образовать соединенную комиссію изъ членовъ обоихъ обществъ. Задачею экспедиціи послужить, между прочимъ, изученіе современнаго положенія Приамурскаго края и результатовъ его колонизаціи. Надо полагать, что къ этому дѣлу будетъ привлечено и мѣстное общество изслѣдователей Приамурскаго края, находящееся въ Благовѣщенскѣ.

По предложенію Имп. Рус. Географ. Общества, Г. Е. Грумъ-Гржимайло изъяснилъ согласіе стать во главѣ новой большой экспедиціи, снаряжаемой въ Центральную Азію. Экспедиція разсчитана такъ, чтобы она пересѣкала Среднюю Азію въ наименѣе изслѣдованной части и вышла въ Остъ-Индію или Тонкинъ.

Въ началѣ мая выѣхали изъ Петербурга участники экспедиціи въ Монголію, снаряженной Имп. Академіею Наукъ, для подробнаго изслѣдованія открытій въ третьемъ году Н. М. Ядринцевымъ развалинъ большихъ городовъ въ долині р. Орхона. Въ составъ экспедиціи входятъ: акад. В. В. Радловъ, его сынъ, Н. М. Ядринцевъ и правитель дѣлъ Вост.-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г.

Общ.—Д. А. Клеменцъ. Въ распоряженіе экспедиціи ассигновано 12,000 руб. Исслѣдованія продлятся четыре мѣсяца.

5 мая вышла изъ Самаркандъ экспедиція кап. Барщевскаго, направляющаяся въ южн. Бухару, Памирь и Кафиристанъ на 4 мѣсяца для научныхъ изысканій, собиранія коллекцій и снятія возможно большаго количества фотографій мѣстныхъ достопримѣчательностей и типовъ.

Въ „Восточ. Обзор.“ пишутъ изъ Парижа, что Парижская Академія вѣдшей и изящной литературы отправляетъ нѣтъшнимъ лѣтомъ экспедицію въ Центральную Азію, преимущественно въ Китайскій Туркестанъ. Она будетъ состоять изъ двухъ лицъ: Дотрейля де Рена (Dutreil de Rhins), географа, недавно издавшаго обширный трудъ о Центр. Азіи, и г. Гренара (Grenard). Кромѣ географическихъ изслѣдованій, цѣлью экспедиціи будетъ и собираніе лингвистическаго и этнографическаго матеріала.

Въ послѣднихъ числахъ мая проѣхалъ чрезъ Москву г. Мартэнъ, командированный Географическимъ Обществомъ въ Стокгольмъ въ Зап. Сибирь и Туркестанъ для этнографическихъ и археологическихъ изслѣдованій.

Между 15 іюля и 10 августа настоящаго года въ Уральскѣ, при посѣщеніи города Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, имѣетъ быть открыта областная выставка мѣстныхъ произведеній. Выставка будетъ состоять изъ отдѣловъ: сельско-хозяйственнаго, кустарно-ремесленнаго и историко-этнографическаго.

Въ г. Омскѣ къ пріѣзду Наслѣдника Цесаревича предполагено открыть киргизскую этнографическую выставку. Въ другихъ сибирскихъ городахъ, какъ напр. въ Нерчинскѣ, Иркутскѣ, Минусинскѣ, къ пріѣзду Его Высочества мѣстные музеи приведены въ возможно лучшій видъ, для чего сдѣланы большіе заказы въ Москвѣ (напр. манекены по фотографіямъ мѣстныхъ народностей и т. п.).

Комитетъ Минусинскаго музея, вслѣдъ за перемѣщеніемъ коллекцій музея въ специально для него выстроенное зданіе (открыто 20 мая 1890 г.), озабоченъ изданіемъ „Краткаго описанія Музея и перечня его коллекцій“. (Напечат. отдѣльной брошюрой, какъ приложение къ „Отчету по Минусинскому Мѣстному Музею и Общественной библіотекѣ за 1890 г.“). Не ограничиваясь этимъ, Комитетъ имѣетъ въ виду издать болѣе подробный путеводитель по музею. Полные и подробные каталоги по отдѣламъ имѣются уже и теперь въ рукописяхъ. Музей состоитъ изъ 9-ти отдѣловъ, въ которыхъ по указанному описанію числится 33,255 №№. Отдѣлы слѣдующіе: I. Естественнo-историческій (классъ 1: минералогія, геологія, геогнозія; кл. 2: ботаника; кл. 3: зоологія и зоотомія; кл. 4: палеонтологія). II. Антропологическій отдѣлъ (кл. 1: антропологія; кл. 2: этнографія; кл. 3: народная медицина; кл. 4: предметы религіознаго культа инородцевъ). III. Археологическій отдѣлъ (каменные орудія, костяные орудія, глиняные предметы, издѣлія изъ стекла и цвѣтныхъ камней, мѣдные, бронзовые и латунные предметы, золотые и серебр. предм., желѣзные и чугуны. предм., глиняные предм., принадлежности лѣтъ, каменные бабы и столбы, археол. карты, планы, рисунки и т. п.). IV. Промышленный отдѣлъ (1, промышленность добывающая; 2, заводская; 3, соляная; 4, золотопромышленность; 5, производство желѣза, чугуна и стали; 6, кустарные промыслы, ремесла и рукодѣлія; 7, охотничій промыселъ; 8, рыболовство). V. Сельско-хозяйств. отдѣлъ (1, почвовѣдѣніе; 2, полеводство; 3, земледѣльческія орудія; 4, огородничество и бахчевничество; 5, садоводство; 6, скотоводство; 7, птицеводство; 8, пчеловодство; 9, лѣсоводство; 10, вредныя животныя и растенія; 11, молочное хозяйство; 12, техническія и селѣско-хоз. производства). VI. Нумизматическій отдѣлъ: (1, Востокъ; 2, Россія; 3, Зап. Европа и Америка). VII. Образовательный отдѣлъ. VIII. Педагогическій отдѣлъ (учебныя пособія); IX. Лабораторія и рабочій кабинетъ. Кромѣ того, при Музее имѣется метеорологическая станція и складъ земледѣльческихъ орудій. Такимъ образомъ изъ провинціальныхъ музеевъ Минусинскій является едва ли не самымъ обширнымъ и прекрасно устроеннымъ. Что касается въ частности этнографіи, то она

представлена во II (антропологич.) и въ VII (образоват.) отдѣлахъ. Именно, три послѣдніе класса антропологическаго отдѣла имѣютъ чисто-этнографическій интересъ; здѣсь довольно полно представленъ бытъ качинцевъ, сагайцевъ (Минус. окр.) и сойотовъ (жив. по Енисею); коллекціи, рисующія другія ижородческія племена Минусинскаго края и окрестныхъ мѣстностей (финны, латыши, мордва, белътири, алтайцы, русскіе коренные сибиряки) пока только намѣчаются. Всего этнографическихъ предметовъ болѣе 1,000. Въ образовательномъ отдѣлѣ по классу этнографіи числится 863 предмета. Здѣсь богато представлены группы китайская и остяцкая (первая пожертвована Д. М. Мельниковымъ изъ ю.-зап. Китая, вторая — А. В. Адриановымъ изъ Нарымскаго края); кромѣ того, здѣсь же фигурируютъ въ меньшемъ обиліи предметы, японцы, корейцы, тунгусы и др. сибирскіе и туркестанскіе инородцы. Прилагая всѣ старанія, чтобы Музей приносилъ возможно больше пользы мѣстному населенію въ образовательномъ смыслѣ, комитетъ Музея извѣщаетъ къ мѣстнымъ образованнымъ людямъ придти къ нему на помощь, чтобы открыть систематическія общедоступныя объясненія коллекцій, какъ это дѣлается, напр., въ Московскомъ Политехническомъ музеѣ, чтобы публика „выносила изъ своихъ посѣщеній музея, кромѣ стройнаго и отчетливаго представленія о немъ, и болѣе или менѣе значительный запасъ общеобразовательныхъ и практически-полезныхъ познаній“. (Отчетъ, стр. 7).

Находящійся при Томскомъ университетѣ музей археологій и этнографіи изъ года въ годъ пополняется частными пожертвованіями и коллекціями отъ научныхъ командировокъ, снаряжаемыхъ университетомъ. Въ „Отчетѣ о состояніи Имп. Томскаго университета за 1890 г.“^{*)}, читаемъ между прочимъ, что къ 1 янв. 1891 г. по каталогу музея въ немъ находилось около 5 тыс. Мѣ разныхъ предметовъ, относящихся къ сибирской археологій и этнографіи, не считая значительнаго собранія монетъ, медалей, рисунковъ и атласовъ, которые до сихъ поръ не разобраны за малочисленностью штата служащихъ, не описаны и хранятся въ особыхъ ящикахъ.

Профессоръ Казанскаго университета И. Н. Смирновъ прочелъ въ апрѣлѣ (6 и 12-го) въ Казани двѣ публичныя лекціи по этнографіи, въ пользу Казанск. Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи. Первая лекція была посвящена выясненію задачъ и значенія этнографіи. Почтенный лекторъ далъ при этомъ предварительно краткій очеркъ исторіи народовѣдѣнія; говорилъ далѣе о видѣленіи этнографіи изъ географіи, объ отношеніи ея къ антропологій и исторіи культуры, о жизненномъ значеніи культурно-историческихъ обобщеній; выяснилъ современныя задачи этнографіи общей и частной; указывалъ на практическое значеніе мѣстной этнографіи и на то, что можетъ сдѣлать мѣстная интеллигенція нормальной постановки этнографическихъ изслѣдованій въ краѣ. Вторая лекція, посвященная вопросу о собираніи и обработкѣ этнографическаго матеріала, имѣла слѣдующую программу: виды этногр. матеріала (постройки, одежда, утварь, орудія; произведенія народнаго творчества; вѣрованія и обряды; нравы и обычаи); культурно-историческое значеніе каждаго изъ этихъ видовъ; необходимая для этнографа-наблюдателя подготовка; методъ обработки этнографическаго матеріала. Эти лекціи въ дополненномъ видѣ составили отдѣльную брошюру: „Задачи и значеніе мѣстной этнографіи“. Каз. 1891. Стр. 18.

Въ Харьковѣ на Страстной недѣлѣ (14 апр.) процесс. университета Н. О. Сумцовъ прочелъ въ пользу Харьковской общественной бібліотеки (на постройку дома) публичную лекцію о писанкахъ по слѣдующей программѣ: возникновеніе въ наукѣ интереса къ писанкамъ; обрядовое употребленіе крашенныхъ яицъ у древнихъ языческихъ народовъ; народныя сказанія, связанныя съ писанками; распространеніе писанокъ въ настоящее время и простонародные способы ихъ приготовленія; формы писаночныхъ рисунковъ: геометрическія, растительныя и животныя; архаическія черты писаночной орнаментики; употребленіе писанокъ въ народнѣйшей медицинѣ и въ дѣтскихъ играхъ. Эта лекція напечатана съ дополненіями въ „Кіевской Старинѣ“ (1891, май—іюнь).

^{*)} Напечат. въ „Извѣстіяхъ И. Томск. университета“ за 1891 г. и отдѣльно.

Съ 1-го по 10-е сентября (н. ст.) этого года въ Лондонѣ будетъ происходить IX-й международный конгрессъ ориенталистовъ. Желаніе принять участіе въ конгрессѣ должны обращаться съ заявленіями къ секретарю организационнаго комитета конгресса (Dr. Leitner, Woking). Членскій взносъ—одинъ ф. стерлинговъ. Всѣ свѣдѣнія о конгрессѣ печатаются въ журналахъ: „Asiatic Quarterly Review“, „Arabic Critical Quarterly Journal“ и „Sanskrit Critical Monthly Journal“.

По сообщенію газетъ (Моск. Вѣд., № 104), въ 1892 г. въ Парижѣ предполагается устройство международной выставки человѣческихъ племенъ, на которой имѣютъ быть собраны живые представители всѣхъ народностей.

Чехи дождались открытія въ Прагѣ собственной Академіи Наукъ, которая именуется Чешской Академіей Имп. Франца Іосифа (Ceská Akademie Cisare Frantiska Josefa pro vědu, slovesnost a umění). Первое торжественное собраніе состоялось 6 (18) апр. въ присутствіи покровителя Академіи Эрцгерцога Карла Людовика.

Въ Прагѣ Чешской съ сентября мѣсяца будетъ издаваться чешскій антропологическо-этнографическій журналъ, посвященный главнымъ образомъ изученію чешскаго народа въ антропологическомъ, этнографическомъ и вообще культурномъ отношеніяхъ. Ближайшими руководителями изданія будутъ извѣстные чешскіе ученые: антропологъ и археологъ Луборъ Нидерле и фольклористъ Ченекъ Зибертъ, при содѣйствіи не только мѣстныхъ, но и иностранныхъ (въ томъ числѣ и русскихъ) научныхъ силъ. Интересующіеся новымъ изданіемъ могутъ адресоваться въ Прагу къ г. Нидерле (Prague, Jesna ulice, 29. Lubor Niederle).

Вопросъ объ учрежденіи на Востокѣ Русскаго Археологическаго Института, поднимавшійся не разъ на русскихъ археологическихъ сѣздахъ, въ настоящее время близится къ осуществленію. Лучшимъ пунктомъ для учрежденія подобнаго института признанъ Константинополь. Проектъ устава и штата новоучреждаемаго института уже вырабатывается въ министерствѣ.

Поправки и добавленія.

				Вм.	Чит.
Кн. VIII.	Стран.	3	строка	15 сн.	619 6196
Кн. IX.	„	108	„	18 св.	виѣвичъ Зиѣвичъ
	„	160	„	4 сн.	Gebirde Gebirge
О „Петровомъ батогѣ“ (стр. 112 — 114) см. въ „Кіев. Стар.“ 1889, сент., стр. 763 (легенда, сообщ. И. Манжу-рою) и у Роговича — въ „Зап. Ю.-Зап. Отдѣла“ И. Р. Георг. Общ.					

На стран. 169, стр. 16 св., слѣдуетъ добавить случайно пропущенныя строки: На-дняхъ вышелъ также изъ печати 2-й вып. этого тома, заключающій изслѣдованіе проф. И. Н. Смирнова: „Пермяки, историко-этнографическій очеркъ.“ Стр. 289. Ц. 1 р. 75 к. Отчетъ объ этой книгѣ постараемся дать въ ближайшемъ будущемъ.

Библиографическій указатель статей,

касающихся этнографіи киргизовъ и каракиргизовъ *).

Составилъ А. Н. Харузинъ.

1734—1800 гг.

Ватзенъ.—Извѣстія о киргизскихъ и башкирскихъ народахъ (С.-Петербургскія Вѣдомости 1734 г. 8, 11, 15 и 18 апрѣля).

Мѣсячныя историческія, генеалогическія и географическія примѣчанія.

П. Рычковъ.—Топографія Оренбургская, т. е. обстоятельное описаніе Оренбургской губерніи. Спб. 1762.

Это сочиненіе содержитъ массу въ высшей степени интересныхъ свѣдѣній какъ по топографіи края, такъ по этнологіи и отчасти зоологіи. Слѣдуетъ, преимущественно, отмѣтить главу о народностяхъ, гдѣ авторъ, между прочимъ, даетъ интересныя данныя и о киргизахъ. Въ 1887 году, это сочиненіе было въ исправленномъ видѣ переиздано Оренбургскимъ отдѣломъ И. Русскаго Географическаго Общества въ Оренбургѣ; къ этому изданію относится изданіе ландкарты (см. 1880 г.).

П. Палласъ (P. Pallas).—Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. St.-P. 1771.

Въ главѣ „Nachrichten von den Kirgisen“ („извѣстія о киргизахъ“), авторъ сводитъ всѣ полученныя имъ свѣденія о киргизахъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться въ 1769 г. Описаніе касается одежды, религіи, знахарей, скотоводства, охоты, болѣзней, могилъ.

Н. Рычковъ.—Дневныя записки путешествія въ киргизъ-кайсацкой степи 1771 года. Спб. 1772.

Капитанъ Рычковъ участвовалъ въ (неудачномъ) походѣ Генераль-Маіора Траубенберга, командированнаго съ цѣлью возвращенія бѣжавшихъ съ Волги калмыковъ на ихъ мѣсто жительства. Огрядъ выступилъ 12 апрѣля 1871 года изъ Орска и прослѣдовалъ къ рѣкѣ Таргутъ, гдѣ соединился съ киргизами, предводительствуемыми ханомъ Малой орды Нураліемъ. Въ своихъ „Дневныхъ запискахъ“ Рычковъ даетъ описаніе похода. Описываетъ свадебные обряды киргизовъ, обрядъ погребенія, говоритъ о могилахъ и затрагиваетъ другія стороны быта киргизовъ.

Фишеръ.—Сибирская исторія. Спб. 1774.

Помѣщены краткія свѣдѣнія о киргизахъ, ихъ происхожденіи, происхожденіи ихъ наименованій и объ ихъ жизни.

*) Литературная связь между киргизами и каракиргизами такъ велика, что мы не имѣемъ возможности въ нашемъ библиографическомъ указателѣ отдѣлить одну народность отъ другой. Тѣ, впрочемъ, немногочисленныя статьи, которыя посвящены исключительно каракиргизамъ, мы обозначаемъ звѣздочкой.

А. Миллеръ.—Описание всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ. Спб. 1776.

Блуменбахъ (Blumenbach).—Decades craniorum. I. 1790.

На это сочиненіе ссылается Причардъ, говоря, что Блуменбахъ даетъ изображеніе и описаніе киргизскаго черепа; но въ первой части, которую я имѣлъ случай просмотрѣть, этого описанія нѣтъ; оно, вѣроятно, во второй части.

Сиверсъ (Sievers).—Briefe aus Sibirien. 1796.

І. Георги.—Описание всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ (съ нѣмецкаго). (Спб. 1799. Часть I: О народахъ финскаго племени—киргизы.

Авторъ описываетъ исторію киргизскихъ ордъ, типъ киргизовъ; говоритъ о сословности, обычномъ правѣ, жилищахъ, свадебныхъ и погребальныхъ обрядахъ, питаніи, одеждѣ и болѣзняхъ.

1800—1820 гг.

Н. Мамышевъ.—Пріемъ и угощеніе у киргизовъ (Вѣстникъ Европы ч. XLIV. 1809).

Авторъ, на трехъ страницахъ, описываетъ угощеніе у султана, на которое онъ былъ приглашенъ (въ 1807 г.).

Хозяйственное описаніе Астраханской и Кавказской губ. Спб. 1809.

Помѣщены свѣдѣнія географическія о Букеевской степи, а въ концѣ сочиненія имѣется краткая замѣтка о киргизахъ Малой орды. Приложена карта.

Статистическое Обзорѣніе Сибири. Спб. 1810.

Помѣщено краткое описаніе киргизовъ и ихъ образа жизни, а также описаніе нѣкоторыхъ частей Киргизской степи.

Сибирскій Вѣстникъ. 1818. ч. II.

Въ третьей главѣ (сбораніе свѣдѣній о Сибири и странахъ, сопредѣльныхъ оной) находятся небольшія, отрывочныя свѣдѣнія о киргизахъ.

Сибирскій Вѣстникъ. 1818. ч. III.

Ефремовъ.—Странствованіе въ Киргизской степи, Бухаріи, Хивѣ, Персіи, Тибетѣ и Индіи. Казань. 1818.

1820—1830 гг.

А. Левшинъ.—Свиданіе съ ханомъ Меньшой Киргизъ-Байсацкой орды. (Вѣстникъ Европы. 1820. № 22).

А. Левшинъ имѣлъ свиданіе съ ханомъ Ширгази въ 1820 г. (16 октября). Въ статьѣ описывается ханъ, его семейство и церемоніаль пріема.

Сибирскій Вѣстникъ. 1820. ч. IX, X и XI.

Ф. Назаровъ.—Записки о нѣкоторыхъ народахъ и селеніяхъ средней части Азіи. Спб. 1821.

Авторъ, посланный въ Коканъ въ 1813 и 1814 годахъ, даетъ не мало интересныхъ свѣдѣній о Киргизской степи и о самихъ киргизахъ.

Киргизы. (Вѣстникъ Европы. 1821. № 16).

Изъ записокъ Назарова, бывшаго въ Коканъ въ 1813 и 1814 годахъ. Вся статья на 7 страницахъ; свѣдѣнія кратки.

Германъ.—О киргизахъ. (Вѣстникъ Европы. 1821. № 22).

Авторъ на 15 страницахъ даетъ краткій очеркъ исторіи и быта киргизовъ Малой орды.

С. Большой.—Записки о приключеніяхъ въ плѣну у киргизъ-кайсаковъ въ 1803 и 1804 гг. (Сынъ Отечества, ч. 76, 77 и 80, 1822 г.).

Савва Большой участвовалъ, въ качествѣ врача, въ экспедиціи, направленной въ 1802 г. въ Бухарію. Экспедиція вскорѣ послѣ своего выступленія была разбита и разграблена киргизами, и авторъ былъ взятъ въ плѣнъ. Въ первыхъ двухъ частяхъ (ч. 76 и 77) онъ описываетъ свое плѣненіе и жестокое обращеніе съ нимъ киргизовъ; въ послѣдней же части (ч. 80) даетъ на 20 страницъ очеркъ быта киргизовъ.

Сибирскій Вѣстникъ. 1822. Ч. XIX.

Сибирскій Вѣстникъ. 1823. Ч. I и III.

Тимковскій.—Путешествіе въ Китай черезъ Монголію въ 1820 и 1821 гг.—Спб. 1824.

Въ 5 главъ I части помѣщены „свѣдѣнія о киргизахъ, ѣздившихъ въ 1819 году на поклоненіе Богдыхану“ съ данью. Къ этой главѣ приложена выписка изъ книги Сюй-винъ-уэичъ-лу о киргизахъ и каракиргизахъ. Эта же выписка помѣщена въ сочиненіи монаха Іакимова (см. ниже).

Мейендорфъ (Baron G. de Meyendorff).—*Voyage d'Orenbourg a Boukhara* а 1820. Paris. 1826.

Кромѣ отрывочныхъ и интересныхъ данныхъ, разбросанныхъ по всему сочиненію, можно встрѣтить въ 4-й главѣ I части много цѣнныхъ свѣдѣній, относящихся къ обществу и къ образу жизни киргизовъ.

*** Клапротъ (I. Klaproth).**—*Tableaux Historiques*, Paris. 1826.

Говорится, между прочимъ, о первомъ извѣстіи о кара-киргизахъ, а въ главѣ „Peuples de race blonde“—объ исчезнувшихъ племенахъ, имѣющихъ отношеніе къ антропологии киргизовъ.

Азіатскій Вѣстникъ. Февраль и май 1826.

И. Потоцкій (Le Com'e I. Potoski).—*Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase*. Paris. 1829.

Въ этомъ интересномъ сочиненіи путешественника конца прошлаго и начала этого столѣтія можно найти указанія (во II т. 3—8 главахъ) о киргизахъ: дѣленіе на орды, ихъ мѣста кочеванія, торговля и т. д., а также краткія свѣдѣнія о кара-киргизахъ.

Іакинѣвъ (Монахъ). Описаніе Чжунгаріи и восточнаго Туркестана (переводъ съ китайскаго). Часть I, Спб. 1829.

Въ этомъ описаніи „иностранныхъ владѣній“, киргизамъ посвящены двѣ главы: „Казакъ“ и „Бурутъ“—каждая въ 2 страницы. Въ первой говорится о киргизъ-кайсакахъ; во второй о кара-киргизахъ. Эти, хотя и краткія главы, интересны тѣмъ, что взяты изъ китайскаго источника: „Исторія старшей династіи (Уань-хань-шу)“,—относящагося къ срединѣ XVIII столѣтія.

О Киргизъ-Кайсанахъ Средней орды. (Сынъ Отечества, т. IV. 1829).

Авторъ даетъ краткій очеркъ физическаго типа киргизовъ, ихъ характера, религіозныхъ вѣрованій и быта.

1830—1840 гг.

Броневаскій.—Записки о киргизъ-кайсакахъ Средней орды. (Отечественныя Записки. 1830. Т. XLI, XLII и XLIII).

Авторъ этой статьи (на 100 сляшкомъ страницахъ) приводитъ киргизскія преданія объ ихъ происхожденіи, даетъ далѣе нѣкоторыя историческія данныя объ этой народности,—пишетъ о значеніи хановъ въ ордѣ, о султанахъ и ходжахъ и объ ихъ значеніи въ Средней ордѣ, о барантахъ, о продажѣ невольниковъ,

о некоторых сторонах быта, о народонаселении, податях, земледелии и скотоводстве.

А. Левшинъ.—Описание киргизъ-казачьихъ ордъ и степей. Спб. 1832

Это сочинение состоитъ изъ трехъ томовъ, которые заключаютъ въ себѣ результаты четырехлѣтней работы автора. Первый томъ содержитъ 264 страницъ, второй—332 и третій—304—слѣдовательно все сочинение состоитъ изъ 1000 (хотя и небольшихъ) страницъ. Это сочинение, нѣкогда классическое, занимаетъ и теперь въ литературѣ о киргизахъ первое мѣсто по полнотѣ. Тотъ трудъ о киргизахъ тѣмъ болѣе дѣненъ, что составленъ исключительно на основаніи достоверныхъ и лично авторомъ проверенныхъ и извѣстныхъ источниковъ. Первый томъ посвященъ „извѣстіямъ географическимъ“ и заключаетъ описание географическаго положенія киргизскихъ степей, ихъ границъ, климата; далѣе—почвы, топографіи, „естественныхъ произведеній трехъ царствъ природы“, путей сообщенія и древностей. Къ этому тому приложена карта киргизскихъ степей и разрѣзъ Усть-Урта. Второй томъ заключаетъ „извѣстія историческія“ и состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: объ имени киргизъ-кайсаковъ и отличіи ихъ отъ дикокаменныхъ (кара-киргизовъ), объ источникахъ для исторіи киргизъ-кайсаковъ, о состояніи киргизъ-кайсаковъ до ихъ вступленія въ подданство Россіи (до 1740 г.), историческое обозрѣніе Большой орды съ 1730 г. до „настоящаго времени“, историческое обозрѣніе Средней и Малой орды. Къ этому тому приложены таблицы родословной киргизскихъ хановъ. Третій томъ заключаетъ этнологію киргизскаго племени и состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: число народа, раздѣленіе, главныя мѣста кочевовъ, образъ жизни, физическія свойства, пища и питаніе, одежда, вооруженіе, вѣра и суевѣрія, нравы и обычаи, просвѣщеніе, управленіе, законы, рукодѣлье, торговля. Къ этому тому приложены: типъ киргиза и двухъ киргизовъ, таблица тамговъ, ноты двухъ пѣсенъ и планъ киргизской пашни. Сочиненіе это имѣетъ помимо своей полноты еще то значеніе, что включаетъ свѣдѣнія о киргизахъ древнѣйшихъ авторовъ, въ томъ числѣ и китайскихъ писателей.

Заволжскій Муравей. 1832. № 12.

Описание киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей. (Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Ч. VIII. 1833).

Эта статья есть ничто иное, какъ конспектъ, только что упомянутаго сочиненія А. Левшина. Авторъ этого конспекта, какъ онъ самъ выражается, „сводитъ во едино“ тѣ свѣдѣнія, которыя у Левшина изложены въ трехъ частяхъ.

Статистическое обозрѣніе Астраханской губерніи. (Журн. Мин. Вн. Дѣлъ. 1833. Ч. VIII).

Въ концѣ статьи помѣщена (кратко) исторія присоединенія киргизовъ къ Россіи и ихъ численность. О горѣ Богдо и преданіи калмыковъ о происхожденіи ея.

Нафтанниновъ.—Арасланъ-Бабръ. (Заволжскій Муравей. 1833. № 5).

Монахъ Іоанинфъ.—Историческое обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ съ XV столѣтія. Спб. 1834.

Это сочиненіе заключаетъ разбросанныя свѣдѣнія, имѣющія отношеніе до исторіи киргизовъ и кара-киргизовъ.

Ф. Миллеръ (F. Müller).—Der Ugrische Volksstamm. Berlin. 1837.

На 28 страницахъ говоритъ этотъ авторъ о топографіи страны, занимаемой киргизами, о трехъ киргизскихъ ордахъ, о физическомъ типѣ киргизовъ, о ихъ характерѣ и торговлѣ. Все написано на основаніи сочиненій (преимущественно) Левшина, Георги, Палласа, Эверсмана и Рычкова.

Риттеръ (K. Ritter). Die Erdkunde. T. VII. B. III. West-Asien. Berlin. 1837.

Имѣется много весьма интересныхъ свѣдѣній о Киргизской степи, а также о некоторыхъ исчезнувшихъ народностяхъ, имѣющихъ отношеніе къ киргизамъ и кара-киргизамъ.

Гёбель (Göbel).—Reise in die Steppen des südlichen Russlands. Bd. I и II. Dorpat. 1838.

Гёбель посѣтилъ Букеевскую орду въ 1835 году съ физико-химическими цѣлями. Онъ былъ на Элтонѣ, Баскунчакѣ, въ ставкѣ хана Джангира (Ханской Ставкѣ), на Камышъ-Самарскихъ озерахъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ первомъ томѣ своего сочиненія онъ даетъ общее описаніе своей поѣздки—описываетъ свое пребываніе у хана Джангира, рассказываетъ разные эпизоды своего пути и даетъ подробное описаніе одежды киргизовъ: мужчинъ, дѣвушекъ и женщинъ. Во второмъ томѣ даетъ результаты своихъ лабораторныхъ трудовъ надъ собраннымъ имъ матеріаломъ: анализъ воды различныхъ соленыхъ озеръ, анализъ золь солончаковыхъ растений и т. д. и результаты своихъ ходометрическихъ наблюденій.

Гессъ, Бэръ, Ленцъ и Бонгардъ.—Разборъ сочиненія пр. Гёбеля. «Reise in die Steppen des südlichen Russlands. (Изв. Акад. Наукъ т. VII). 1838.

Шопенъ (M. Chopin).—Russie T. I. (L'univers Histoire et description de tous les peuples). Paris. 1838.

Помѣшено, между прочимъ, краткое описаніе жизни киргизовъ, кочевовъ, скотоводства и раздѣленія на отдѣльныя орды.

С.-Петербургскія Вѣдомости. 1838. №№ 1, 80 и 81.

Здѣсь помѣщены статьи И. Казанцева о киргизахъ „Восточной“ части и Букеевской орды.

И. Казанцевъ.—О киргизахъ Западной и Средней частей, называемыхъ Оренбургскими или Зауральскими. (С.-Петербургскія Вѣдомости. 1839. №№ 16, 17 и 18).

Авторъ говоритъ объ исторіи Малой орды доѣя раснаденія, о топографіи мѣстности и о происхожденіи трехъ поколѣній Малой орды.

П. Аноровъ.—Замѣчаніе о степяхъ Оренбургской, Симбирской и Саратовской губерній. (Сынъ Отечества 1839, Т. VII).

Эта статья содержитъ краткое описаніе характера почвы Оренбургской киргизской степи, говорится объ обработкѣ земли и о сильномъ истребленіи лѣсовъ.

1840—1850 гг.

О Внутренней или Букеевской киргизъ-кайсацкой ордѣ. (Сынъ Отечества. Т. V. 1840).

Вся статья напечатана на 14 страницахъ и содержитъ исторію орды, описаніе топографіи степи, физическаго типа мужчинъ и женщинъ, описаніе одежды, и наименованіе родовъ. Далѣе описывается внѣшность хана Джангира и его женъ; наконецъ въ этой статьѣ помѣщена краткая замѣтка о скотоводствѣ.

Гельмерсенъ (G. Helmersen).—Reise nach dem Ural und der Kirgisensteppe in den Jahren 1833 und 1835. Ab. I и II. St.-Pt. 1841.

Въ послѣдней главѣ первой части (Reise in die Kirgisensteppe) помѣщены краткія и отрывочныя свѣдѣнія о жизни киргизовъ, а во второй части напечатаны результаты барометрическихъ и психометрическихъ наблюденій въ Киргизской степи, а также и геогностическія изслѣдованія.

Внутренняя киргизская орда. (Сѣверная Пчела. 1842. № 111).

Статья перепечатана изъ Астраханскихъ Губернскихъ Вѣдомостей и содержитъ: перечисленіе границъ орды, численность народонаселенія, управленіе ордою, подати, платимыя киргизами хану Джангиру (закегъ и сугумъ).

Буналинская орда.—(С.-Петербургскія Вѣдомости. 1842 № 17).

Описаніе праздниства въ Ханской ставкѣ въ день тезоименитства (16 декабря 1841 г.) Государя и пріема поздравленій Джангиромъ (заглавіе „Букалинская орда“, вѣроятно, опечатка вмѣсто „Букеевская“).

Хронологическій обзоръ важнѣйшихъ путешествій, совершенныхъ по Россіи или изъ Россіи въ XVIII и XIX ст. (Изв. Академіи Наукъ). 1843.

Н. Ханыновъ.—Описаніе Бухарскаго ханства СПБ. 1843.

Содержитъ нѣкоторыя, весьма немногочисленныя свѣдѣнія о киргизахъ.

С.-Петербургскія Вѣдомости. 1844 г. № 175.

Въ этомъ номерѣ помѣщенъ Высочайшій указъ о пограничной Комиссіи и Положеніи управленія киргизами Оренбургскаго вѣдомства.

И. Причардъ (I. Prichard).—*Naturgeschichte des Menschengeschlechts—deutsch herausgegeben von R. Wagner und. T. Will. Band III. 2 Ab. Asiatische Nationen. Leipzig 1845.*

На 7 страницахъ авторъ говоритъ объ именахъ „киргизъ“ и казакъ о происхожденіи киргизовъ, о мѣстѣ ихъ жительства и о типѣ киргизовъ (о ростѣ—на основаніи 7 измѣреній).

О судопроизводствѣ Букеевской орды (С.-Пет. Вѣд. 1845, №66).

Статья перепечатана изъ прибавленія къ Саратовскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ и содержитъ интересное описаніе порядка судопроизводства въ Букеевской степи при ханѣ Джангирѣ.

Бэръ (Baer.)—*Nachrichten aus Sibirien und der. Kirgisen—Steppe. Leipzig, 1845*

А. Леопольдовъ.—Историческій очеркъ Саратовскаго края.

Говорится, между прочимъ, о кочеваньи киргизовъ между Волгою и Ураломъ до перехода Букея и о нападеніяхъ киргизовъ на русскихъ и на нѣмецкія колоніи.

Чихачевъ (P. Tchihatcheff).—*Voyage scientifique dans l'Altai oriental. Paris. 1845.*

Авторъ въ III главѣ говоритъ о происхожденіи киргизовъ и, кромѣ того, даетъ разбросанныя свѣдѣнія о жизни ихъ.

Линдау (Lindau).—*Sibirien. Dresden und Leipzig. 1846.*

Въ первомъ томикѣ во II главѣ этого сочиненія помѣщено описаніе топографіи мѣстности, киргизовъ, внѣшняго вида, одежды, жизни и быта ихъ

Рожденіе, смертность и браки жителей Оренбургской губерніи магометанскаго закона сравнительно съ православнымъ исповѣданіемъ за 1845 и 1846 гг. (Оренбургскія Губерн. Вѣдомости. 1847. № 18).

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1847 г. №№ 3, 17 и 19.

Обзоръ современнаго состоянія Оренбургской губерніи въ статистическомъ и географическомъ отношеніи. (Оренбург. Губ. Вѣд. 1847. №№ 26—35, 39. 1848. №№ 2, 3, 14, 20, 33, 50 и 52).

Базинеръ (Th. Basiner).—*Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa. (Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches St. P. 1848).*

Авторъ помѣщаетъ во второй главѣ первой части своего сочиненія („Reise von Orenburg bis zur Hohebene Ustjurt“) и въ пятой главѣ первой же части („Rückreise von Chiwa nach Orenburg“) нѣкоторыя немногочисленныя свѣдѣнія изъ жизни киргизовъ и описаніе ихъ степи.

Баронъ У-ръ.—Четыре мѣсяца въ Киргизской степи. (Отечественныя Записки. 1848. № 10).

Баронъ У-ръ, офицеръ, участвовалъ въ 40-хъ годахъ въ походѣ противъ шайки киргизовъ, возставшей подъ предводительствомъ Кенисары. Онъ былъ

рапенъ нулей и взяты киргизами въ плѣнъ. Въ своей статьѣ даетъ онъ не безъ интересна свѣдѣнія о бытѣ киргизовъ и подробности о бунтѣ.

Нѣшель.—Замѣчанія о Киргизской степи между Орскою крѣпостью и Аральскимъ моремъ. (Географическія Извѣстія, издаваемые Императорскимъ Рус. Геогр. Общ. 1848, вып. 5).

На 5 страницахъ помѣщено описаніе природы степи, почвы ея, (орошенія полей киргизами), возвышеній и впадинъ степи.

Арсеньевъ.—Статистическіе очерки Россіи. Спб. 1848.

М. Киттары.—Гора Богдо и озеро Баскунчакское. (Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1848 ч. XXIV).

Статья эта (въ 21 ст.) содержитъ не безынтересное описаніе горы Большое Богдо и Баскунчакскаго озера: ихъ мѣстоположенія, вида и т. п., а также сказанія, сазанныя съ горою и озеромъ. Статья того же автора и подъ тѣмъ же заглавіемъ была помѣщена въ Астраханскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (1848 г. № 47 и 48), но насколько послѣдняя тождественна съ этой, сказать трудно, такъ какъ намъ не удалось найти эти нумера Астрахан. Губ. Вѣд.

Бларамбергъ.—Земли киргизъ-кайсаковъ Оренбургскаго Вѣдомства (Военно-статистич. обзоръ Россійской Имперіи. Т. XIV ч. 3). 1848.

Эта книжка (около 200 стр.) содержитъ двѣ части: первая посвящена Букеевской ордѣ и заимствована, преимущественно, изъ статьи Ханникова; вторая, болѣе интересная—относится къ Малой Зауральской ордѣ и обнимаетъ описаніе топографіи мѣстности (70 стр.) съ орографіею, гидрографіею и т. п. Наибольшій интересъ представляетъ списокъ родовъ и отдѣленій Малой орды. Есть также указанія на образъ жизни киргизовъ, промышленность ихъ и пр. Приложенія не лишены также извѣстнаго интереса.

Черемшанскій.—Описаніе Оренбургской губерніи въ экономическомъ, статистическомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Уфа, 1849.

Сочиненіе это признано удовлетворяющимъ требованіямъ конкурса, объявленнаго Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ въ 1851 г., и авторъ его удостоенъ ученымъ Комитетомъ награды золотою медалью.

И. Березинъ.—Шейбаниада. (Исторія монголо-тюрковъ). Казань 1849.

Здѣсь можно встрѣтить весьма древнія, хотя и краткія, свѣдѣнія о „казакахъ“, т. е. киргизахъ, а также и о происхожденіи кара-киргизовъ (въ V приложеніи „объ ойратахъ и уйгурахъ“).

М. Киттары.—Киргизскій туй. (Журналъ Мин. Вн. Дѣлъ. 1849, ч. XXV).

Авторъ даетъ въ небольшой статьѣ описаніе киргизскаго праздника и пира, на которомъ онъ присутствовалъ.

М. Киттары.—Ставка хана Внутренней Киргизской орды. (Журналъ Мин. Вн. Дѣлъ 1849. ч. XXVIII).

Въ этой статьѣ авторъ даетъ весьма подробное описаніе Ставки и дворца хана. Она тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что столь подробнаго описанія этого интереснаго въ свое время поселка въ литературѣ не существуетъ.

П. Савельевъ.—Средняя Азія. (Карманная И. Русск. Геогр. Общества книжка любителей землезнанія. 1848). Спб. 1849.

Эта статья посвящена исторіи сближенія Средней Азіи съ Россіею—она имѣетъ прямое отношеніе къ исторіи нашего сближенія съ Киргизскою степью.

Я. Ханниковъ.—Очеркъ состоянія Внутренней киргизской орды въ 1841 году (Записки Импер. Русск. Геогр. Общ. кн. 1 и 2-я 1849 г.)

Этот очеркъ содержитъ: дѣленіе степи по почвѣ на 4 участка, описаніе водъ, горъ, песковъ, климата. Затѣмъ слѣдуетъ перечень родовъ, отдѣленій и подотдѣленій — и мѣстъ ихъ кочевокъ. Далѣе говорится о переходѣ киргизовъ этой орды изъ-за Урала, о ханствованіи Букея и Джангира; затѣмъ о количествѣ населенія за разные годы, о количествѣ земли и скота и о торговлѣ. Все на 28 страницахъ.

1850—1860 гг.

Китары. (M. Kittara)—Ein kirgisischer Tui. (A. Ermans's Arch. für wissensch. Kunde v. Russ. B. VIII. H. 3. Berlin. 1850).

На 27 страницахъ описанъ киргизскій туй (пиръ), происходившій въ окрестностяхъ Ханской ставки, на которомъ присутствовалъ и авторъ статьи. Статья эта была раньше помѣщена въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ дѣлъ 1849 г. ч. XXV (см. выше).

Потѣдка Поспѣлова и Бурнашева въ Ташкентѣ, 1800 (Вѣстникъ Импер. Русскаго Географическаго Общества. 1851 г. ч. I кн. 1)

Въ этой интересной статьѣ, заключающей въ себѣ 44 стр., половина посвящена киргизамъ; въ ней приложены интересныя примѣчанія Я. Ханикова.

Н. Сысоев.—Обозрѣніе главнѣйшихъ путешествій и географическихъ открытій въ десятилѣтіе съ 1838 по 1848 г. Статья II— Азія (Вѣстникъ И. Русскаго Географическаго Общества 1851 г. ч. I, книга 1).

Описаніе, между прочимъ, касается путешествій и открытій въ киргизской степи.

* **Свѣдѣнія о дикокаменныхъ киргизахъ** (доставлены отъ генералъ-губернатора Западной Сибири; помѣщены въ запискахъ И. Рус. Геогр. Общ. 1851, кн. 5).

Здѣсь говорится о происхожденіи кара-киргизовъ, политическомъ состояніи этой орды, управленіи, числѣ жителей, границахъ, топографіи, гидрографіи, путяхъ сообщенія, растительности, животномъ мірѣ, минеральныхъ богатствахъ, климатѣ, древностяхъ, вооруженіи, также о хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. Все очень кратко.

Евреиновъ.—Внутренняя или Букеевская киргизъ-кайсацкая орда. (Современникъ. 1851. Отд. II—10).

Евреиновъ былъ въ Букеевской степи въ 1846 и 1847 годахъ. Эта статья его (48 страницъ) содержитъ подробное описаніе перехода киргизовъ изъ Азіи по сѣверную сторону Урала. Далѣе—мѣстоположенія и границы, наименованіе урочищъ, описаніе ставки, ординскихъ трактовъ. Затѣмъ говорится о сословіяхъ о духовномъ и гражданскомъ управленіи, о наименованіи родовъ и отдѣленій, власти хана, податяхъ; описываются кочевья и зимовья киргизовъ, кибитки; говорится также о характерѣ киргизовъ, о торговлѣ, скотоводствѣ, скачкахъ, народныхъ увеселеніяхъ и знахаряхъ.

Кипертъ (Kiepert).—Turan zu Ritter's Erdkunde. 1852.

* Nachrichten über die sogenannten schwarzen Kirgisen. (Arch. für Wissen. Kunde v. Russ. —A. Hermann. B. XI. H. 3. Berlin. 1852).

Въ этой краткой статьѣ (13 стр.) помѣщены преимущественно свѣдѣнія, касающіяся топографіи мѣстности, орошенія и путей сообщенія, а также (на одной страницѣ) и объ образѣ жизни кара-киргизовъ.

А. Л.—Отношеніе русскихъ къ киргизамъ. (Самар. Г. Вѣд. 1852, № 5).

Жарновъ.—Записки Саратовскаго купца о киргизахъ (Библіотека для чтенія. 1852. Т. 114 и 115).

Баронъ Сильверсгелъмъ.—Киргизская степь Западной Сибири. (Военно-статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи. Т. XVIII Ч. 3 Спб. 1852). Это сочиненіе содержитъ описаніе топографіи мѣстности, описаніе рѣкъ и другихъ водъ, почвы и климата. Далѣе говорится о промышленности, торговлѣ, объ естественныхъ произведеніяхъ края, о путяхъ, сообщеніяхъ и о религіозномъ и умственномъ образованіи киргизовъ.

П. Небольсинъ.—Очерки Волжскаго низовья. (Журналъ Мин. Вн. Дѣл. 1852. Ч. 39).

Въ IX главѣ авторъ на 23 страницахъ описываетъ Бумеевскую орду: происхождение ея, наименованіе родовъ, отношеніе Джангира къ своимъ киргизамъ, Ставку, торговлю, одежду киргизовъ. Затѣмъ авторъ говоритъ о происхожденіи 3 киргизскихъ ордъ и объ исторіи Малой орды.

С. Гуляевъ.—О древностяхъ, отырываемыхъ въ Киргизской степи (Вѣстникъ И. Р. Геогр. Общ. 1853. кн. III).

А. Влангаи.—Геогностическіе поѣздки въ восточной части Киргизской степи въ 1849 и 1851 годахъ 2 Ч. Спб. 1853.

Авторъ этого сочиненія, штабсъ-капитанъ корпуса горныхъ инженеровъ, даетъ преимущественно описаніе топографіи страны и разныхъ горныхъ породъ, но въ многочисленныхъ расказахъ затрагиваетъ и бытъ киргизовъ: ихъ поминки, устройство могилъ, и. т. д.

Вельяминовъ-Зерновъ.—Историческія извѣстія о киргизахъ-кайсакахъ и сношеніе Россіи съ Средней Азіею Уфа. 1853. Ч. I.

А. Сулоцкий.—Киргизъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ русскими и палестинскими. (Москвитининъ 1853. Т. VI).

Авторъ рассказываетъ (частный случай) о крещеніи киргиза и объ его поѣздкѣ на богомолье. Этотъ разсказъ, хотя и касается одного лишь лица, можетъ пролить извѣстный свѣтъ на характеръ киргизовъ и на вліяніе русскихъ на нихъ и рисуетъ также сцену изъ быта киргизовъ.

Я. Ханыновъ.—Матеріалы для статистики народонаселенія Оренбургской губерніи (Оренбургскія Губ. Вѣд. 1853, № 2).

А. Терещенко.—Слѣды Дештипчака и Внутренняя киргизъ-кайсацкая орда. (Москвитининъ 1853. Т. VI).

Авторъ посѣдилъ степь въ 1851 году. Въ своей статьѣ онъ описываетъ дорогу отъ урочища Хорахой до Ставки; даетъ краткій очеркъ исторіи Малой (Зауральской) орды, описываетъ Ставку, говоритъ объ управленіи, о ханѣ Джангирѣ, его семействѣ, о духовенствѣ, религіи, характерѣ киргиза, семейномъ устройствѣ, податяхъ, скотоводствѣ; описываетъ также одежду киргизовъ. Все на 35 мелкочастныхъ страницахъ.

П. Небольсинъ.—Разказы проѣзжаго. Спб. 1854.

Авторъ (въ IX главѣ) кратко описываетъ зауральскихъ киргизовъ. Эта статья была напечатана въ 1853 г. въ январской и февральской книжкахъ Отечественныхъ Записокъ.

Идаровъ.—Киргизская степь Сибирскаго вѣдомства и новоучрежденная въ ней Семипалатинская область. (Журн. Мин. Вн. Дѣл. 1854. Ч. VII).

На 35 страницахъ говорится о пространствѣ земель, занимаемыхъ Большою и Среднею ордами, объ ихъ административномъ раздѣленіи Далѣе въ этой статьѣ затрагиваются: хлѣбопашество, скотоводство, промышленность, торговля и карантинные пути. Наконецъ помѣщены исторія Семипалатинска и Усть-Каменогорска и управленіе Семипалатинской области.

Вельяминовъ-Зерновъ.—Историческія извѣстія о киргизахъ отъ 1764—1783 гг. Оренбургскія Губ. Вѣд. 1854, № 27.)

Гагенмейстеръ. — Статистическое обозрѣніе Сибири. СПб. 1854 г.

Въ первой и третьей части помѣщены разбросанныя, но очень интересныя, данныя о киргизахъ и Киргизской степи, а во второй — киргизамъ посвящена отдѣльная глава, преимущественно, географическаго содержанія.

* **И. Березинъ.** — Библіотека восточныхъ источниковъ. Т. III, гл.

1. Исторія Абуль-Гази. Казань 1854 г.

Среди многочисленныхъ преданій о турецкихъ племенахъ помѣщены также свѣдѣнія о „киргизахъ“, т. е. о кара-киргизахъ — отчасти въ связи съ завоеваніями Чингизъ-Хана.

Вельяминовъ-Зерновъ. — Историческія извѣстія о киргизъ-кайсакахъ и сношенія Россіи съ Средней Азіей. Часть 2-я. 1855.

Г. Колмогоровъ. — О промышленности и торговлѣ въ Киргизскихъ степяхъ Сибирскаго вѣдомства. (Вѣстникъ И. Русск. Геогр. Общ. 1855. Ч. XIII).

Авторъ на 38 страницахъ говоритъ о промышленности и торговлѣ, сравниваетъ развитіе ихъ въ 50-хъ годахъ съ минувшимъ временемъ, затрагиваетъ также и самую жизнь киргизовъ.

И. Корниловъ. — Извлеченіе изъ донесенія и совершенной поѣздки въ Астраханскую губернію и киргизско-калмыцкую степь въ 1854 г. (Вѣстникъ И. Рус. Геогр. Общ. 1855. кн. 3.)

Авторъ статьи описываетъ свою поѣзду изъ Москвы чрезъ Нижній Новгородъ, Царицынъ и Сарепту въ Область Войска Донскаго, затѣмъ — черезъ Черный Яръ на Баскунчакъ, гдѣ онъ былъ вмѣстѣ съ геологомъ Ауэрбахомъ. Заслуживаетъ вниманія только описаніе красильныхъ коренцевъ степныхъ растений (кизиль-буяль и томаръ-буяль для красной и желтой красокъ).

П. Небольсинъ. — Очеркъ торговли Россіи съ Средней Азіей. (Зап. И. Р. Геогр. Общ. кн. X. 1855).

Кромѣ разбросанныхъ свѣдѣній, имѣющихъ отношеніе къ быту киргизовъ, помѣщена замѣтка о барантѣ: ея значенія и причинахъ, вызывающихъ ее.

Статистическія свѣдѣнія о степи Сибирскихъ киргизовъ за 1853 г. (Журналъ Мин. Вн. Дѣлъ. 1855 Ч. IX).

На 11 страницахъ даны свѣдѣнія о количествѣ земли, занимаемой киргизами, и о народонаселеніи степи.

Статистическія свѣдѣнія о степи Сибирскихъ киргизовъ за 1853 годъ (Журналъ Министерства Внутр. Дѣлъ. 1855 г. ч. X).

Здѣсь на 11 страницкахъ помѣщены краткія свѣдѣнія о народонаселеніи, сельскомъ хозяйствѣ, промышленности, торговлѣ, податяхъ, повинностяхъ, народномъ здоровіи и т. п. въ области сибирскихъ киргизовъ. Статья представляетъ извлеченіе изъ отчета, представленнаго исправ. должность Пограничнаго Начальника Сибирскихъ киргизовъ.

Sitten der Kirgisen. — Arch. f. wissen. Kunde v. Russland von Erman, B. XIV, 1. Berlin. 1855).

Описывается асъ, байга, конокрадство, могилы и говорится о сказкахъ. Статья представляетъ переводъ и извлеченіе изъ сочиненія Влангали (см. выше).

Sitten der Kirgisen. — (A. Erman's Arch f. wissensch. Kunde v. Russ. B. XIV, H. 2. Berlin 1855).

На трехъ страницахъ помѣщены рассказы о барантѣ и барантатахъ, о леченіи лошади и сказаніе объ образованіи горъ Кизылъ-Геку.

А. Маншеевъ. Показаніе сибирскихъ казаковъ Милюшина и Батарышкина, бывшихъ въ плѣну у Еоканцевъ въ 1849 по 1852 г. (Вѣстникъ И. Русскаго Географическаго Общества. 1856 г. кн. IV).

Во время своего плѣна, казаки эти неоднократно сталкивались съ киргизами и передаютъ нѣкоторыя данныя о нихъ.

Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. СПб. 1857.

Во II томѣ, 2 части, 7-й книгѣ (раздѣлы I, V, и VI) помѣщены узаконенія, касающіяся какъ зауральскихъ, такъ и внутреннихъ киргизовъ.

П. Семеновъ. Письмо изъ Семипалатинска (Вѣстникъ Русскаго Географическаго Общества. 1857 г. ч. XXI).

Письмо заключаетъ географическія свѣдѣнія о Тянь-Шанѣ и окрестностяхъ озера Иссык-Куля.

П. Кеппенъ.—Девятая ревизія. —Исслѣдованія о числѣ жителей въ Россіи 1851 году. СПб. 1857 г.

Въ приложеніи помѣщены свѣдѣнія о киргизахъ Большой, Средней, Букеевской и Черной орды; говорится тутъ также о раздѣленіи орды, о мѣстожителствѣ и количествѣ населенія.

Аткинсонъ (Atkinson). Oriental and western Siberia. London. 1857.

Въ этомъ обширномъ сочиненіи (600 стр.) авторъ посвящаетъ слѣдующія главы киргизамъ: the Kirghis steppe among the kirghis; adventures in the steppe; rambles among the kirghis (XV—XVIII), — гдѣ чрезвычайно живо и ярко рисуетъ бытъ этого народа; рассказы еще болѣе выигрываютъ, благодаря приложеннымъ рисункамъ, искусно исполненнымъ съ натуры самимъ авторомъ.

И. Штуненбергъ.—Статистическіе труды. Т. I. Описаніе 24 губерній. СПб. 1858.

Въ четвертой главѣ (Астраханская губернія) въ 24 параграфѣ помѣщено краткое (на 6 страницахъ) описаніе Букеевской орды, касающееся главнымъ образомъ почвы и торговли орды.

Дрова въ Киргизской степи (Тобольскія Губернскія Вѣдомости. 1858 г. № 9).

О. П.—Образъ управленія и законы киргизовъ (Томскія Губернскія Вѣдомости 1858 г. № 45).

* **Исторія Монголовъ,** сочиненіе Рашидъ-Эддина, переводъ съ примѣчаніями И. Н. Березина (Труды Восточнаго Отдѣла И. Археологическаго Общества, ч. V). СПб. 1858.

Въ этомъ сочиненіи, во первыхъ, говорится о кара-киргизахъ, а, во вторыхъ, объ исторіи тюркскихъ племенъ, какъ напр. найманахъ, кипчакахъ и др., вошедшихъ въ составъ современныхъ киргизовъ. Сочиненіе заключаетъ въ себѣ много весьма интересныхъ фактовъ.

Семеновъ (P. Sémenoff).—Lettre sur le voyage dans la steppe Kirghise. (Extraits des publications de la Soc. Im. Géog. de Rus. StP. 1859, pag. 38, 58, 156).

Ө. Лазаревскій.—Очеркъ киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства. (Русскій дневникъ. 1859. № 14 и 15).

А. Артемьевъ.—Нѣсколько замѣтокъ о киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства. (Сообщено изъ Центральнаго статистическаго комитета и составлено А. Артемьевымъ). (Жур. Мин. Вн. Дѣлъ. 1859. Октябрь).

Говорится объ исторіи нашихъ сношеній съ киргизами, о преобразованіи управленія. Затѣмъ описываются границы Малой орды, пространство и почва ея, климатъ, народонаселеніе, скотоводство, хлѣбопашество и торговля. Въ качествѣ прибавленія къ этой статьѣ напечатанъ кракій (на 3 страницахъ) очеркъ Букеевской орды (компиліція изъ сочиненій Китгары, Ханькова и др.)—Исторія возникновенія ея, границы, пространство, почва, управленіе, населеніе, скотоводство.

Астраханскія Губерн. Вѣдомости 1859 г. №№ 14, 22, 25, 29, 30 и 34.

П. Семеновъ.—Земаевѣдѣніе Азіи Карла Риттера. СПб. 1859.

Въ этомъ весьма интересномъ и въ все время полное сочиненіи помѣщено много географическихъ свѣдѣній о Киргизской степи, а также исторіи древнихъ народовъ, имѣющихъ отношеніе къ киргизамъ и кара-киргизамъ.

Влангали (Wlangali's).—Reise nach der Oestlichen Kirgisen—Steppe.

Переводъ съ русскаго Лева, Изданіе Гельмерсена. Это сочиненіе, помѣщенное на русскомъ языкѣ въ Горномъ журналѣ 1853 г. №№ 4, 5, 6, и 7 (см. выше), было переведено на нѣмецкій языкъ не ранѣе 1854 г. и помѣщено въ Beitrage zur Kennt. des Russ. Reichs. В. XX. Отдѣльный оттискъ.

Варадиновъ.—Лѣченіе кумысомъ (Библіотека Медицинскихъ Наукъ. 1859 г., №№ 32 и 33).

Медино-топографическое описаніе Киргизской степи (Томскія Губернскія Вѣдомости. 1859 г. № 36—42).

Н. Абрамовъ.—Каменная пирамида надгробный памятникъ Базу-Курпечу и Баянъ-Сулы въ Киргизской степи. (Тобольскія Губернскія Вѣдомости. 1859 г., № 40).

З. Островскій.—Поездка во Внутреннюю Киргизъ-Кайсацкую орду. (Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1859, январь, февраль и май).

Авторъ, профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго училища, былъ командированъ въ 1855 г. въ Букеевскую степь съ цѣлью ознакомленія съ породами домашняго скота у киргизовъ, изслѣдованія болѣзней и собранія свѣдѣній относительно чумопрививанія. До отъѣзда въ Букеевскую степь авторъ посѣтилъ окрестныя мѣста, какъ-то: Область Войска Донскаго, Калмыцкую степь и др., и оттого его статья, помѣщенная въ трехъ книгахъ вышеупомянутаго журнала, содержитъ многое, къ Букеевской степи неотносящееся. Въ Букеевской степи авторъ посѣтилъ горы Б. и М. Богдо, Хаки и Ханскую Ставку. Его описаніе заключаетъ въ себѣ характеристику почвы Букеевской степи и ея гидрографію; содержитъ также краткій очеркъ быта киргиза-букеевца и его болѣзней. Затѣмъ помѣщено изслѣдованіе породъ скота (верблюды, лошади, овцы, козы, рогатаго скота, собаки) и ихъ болѣзней. Въ майской книжкѣ журнала помѣщено описаніе Ханской Ставки и близъ лежащей ярмарки съ указаніями на торговлю. Въ заключеніе авторъ сводитъ результаты своихъ изслѣдованій скотоводства Букеевской и другихъ посѣщенныхъ имъ степей.

Очерки Зауральской степи и Внутренней или Букеевской орды. (Изданіе Б. Солдатенкова и Н. Щепкина). М. 1859.

На 90 страницахъ описываются: границы, почва и природа степей. Далѣе рисуются бытъ киргизовъ и нѣкоторые обряды. Эта компиляція сочиненій Гёбеля, Левшина, Нешеля, Небольсина и др. даетъ краткую, но вѣрную картину степей.

Д. Познякъ.—Двѣ недѣли въ Золотой Букеевской ордѣ. (Саратовскія Губернскія Вѣдомости. 1859 № 38).

Черемшанскій.—Описаніе Оренбург. губ. въ хозяйственномъ, статистическомъ, этнографическомъ и промышленномъ отношеніи. Уфа. 1859 г.

А. Сулоцкий.—Киргизъ-паломникъ. (Томскія Губ. Вѣд. 1859. № 4).

1860—1870 гг.

С.-Петербургскія Вѣдомости 1860, № 59.

И. Ильминскій.—Древній обычай распределенія кусковъ мяса, сохранившійся у киргизовъ (Изв. И. Археолог. Общ. т. II, в. 3. 1860 г.) (?)

Въ этой статьѣ авторъ описываетъ порядокъ угощенія у киргизовъ на торжественныхъ пирахъ. Обычай указываетъ на монголо-тюркскую старину, на остатки язычества и, въ частности, шаманства.

Бансы.—Разсказъ изъ киргизской жизни (Иллюстрированный Семейный листокъ 1860).

Н. Колачевъ.—Охота у киргизъ кайсаковъ. (Сынъ Отечества. 1860. № 11 и 12).

П. Небольсинъ.—Путешествующіе киргизы. (Русскій Вѣстникъ—Современная Лѣтопись. 1860. Т. 29).

Авторъ пишетъ (по поводу пріѣзда 15 киргизовъ въ С.-Петербургъ) о стремленіи киргизовъ къ образованію. Эта статья вызвала справедливое возраженіе со стороны І. И. Желѣзнова (Авторъ „Уральцы“) (посмертное изданіе. 1888 г.) въ Русскомъ Вѣстникѣ т. XXX—1860, и со стороны Плотникова, тамъ же.

І. Желѣзновъ.—Киргизоманія. (Русскій Вѣстникъ, Современная Лѣтопись. 1860. Т. 30).

Авторъ возражаетъ Небольсину на его статью „Путешествующіе киргизы“, главнымъ образомъ противъ будто бы существующихъ притѣсненій киргизовъ со стороны уральскихъ казаковъ и ихъ нежеланія содѣйствовать просвѣщенію киргизовъ.

Р.—Нѣсколько словъ о киргизахъ, бывшихъ въ Петербургѣ въ 1860 г. (Русскій Художественный Листокъ. 1861 № 21).

Портреты киргизской депутаціи. (Иллюстрація. 1860 № 116).

В. Стариковъ.—Краткое обзорѣніе Киргизской Степи въ географическомъ, историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ. (Томскія Губ. Вѣд. 1860. № 26 и 31).

Хаджа-Мухамедъ-Салихъ-Бабаджановъ. Замѣтки киргиза о киргизахъ. (Сѣверная Пчела 1861. № 4.)

Л. Плотниковъ.—По поводу статьи «Путешествующіе киргизы». (Русскій Вѣстникъ. Т. XXX. 1860). Современная Лѣтопись.

Авторъ этой статьи возражаетъ на статью Небольсина „Путешествующіе киргизы“, Авторъ, хваля другія произведенія Небольсина, замѣчаетъ, что данная статья была написана неряшливо и наскоро; указываетъ преимущественно на то, что Небольсинъ, назвавъ свою статью „Путешествующіе киргизы“, умолчалъ объ официальном характерѣ, который носила данная поездка—(они были депутатами), и на то, что Небольсинъ далъ характеристику лишь нѣсколькихъ изъ этихъ депутатовъ. Л. Плотниковъ, въ качествѣ пристава, самъ сопровождалъ этихъ киргизовъ, знаетъ ихъ лично и даетъ характеристику каждому изъ нихъ. Эти странички наиболѣе интересны въ статьѣ, такъ какъ онѣ бросаютъ свѣтъ на жизнь передовыхъ киргизовъ 50 гг.

М. С. Бабаджановъ.—Замѣтка киргиза о житіи бытѣ и участи его родичей. (С.-Петербургскія Вѣдомости. 1861. № 136).

М. С. Бабаджановъ.—Апелляція киргиза къ публикѣ, по поводу статьи Русскаго Вѣстника, подъ заглавіемъ „Киргизоманія“. (Сѣверная Пчела. 1861. № 131.).

*** Диконаменная Орда.**—Изъ статей г. Валиханова о Джунгаріи, помѣщенной въ запискахъ И. Русск. Географическаго Общества. (Сѣверная Пчела 1861 № 192).

Г.—Замѣтка о хлѣбопашествѣ въ Киргизской степи. (Газета для сельскихъ хозяевъ 1861 № 18).

Списокъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи. II—Астраханская губ. СПБ. 1861.

Помѣщена краткая замѣтка о Букеевской ордѣ, съ приложеніемъ списка родовъ, отдѣленій и подотдѣленій этой орды. У каждаго рода обозначено количество кибитокъ и мѣсто кочевки.

† П. Кеппемъ.—Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европейской Россіи. СПБ. 1861.

Въ этой обширной книгѣ, составленной подъ редакцію П. Кеппева, удѣлена глава и киргизамъ: „киргизы и киргизъ-кайсаки“, въ которой на 32-хъ страницахъ въ хронологическомъ порядкѣ изложены событія, касающіяся киргизовъ, съ 1567 до 1859 г.

Старновъ.—Браткое описаніе Киргизской степи. (Памятная книжка Тобольской губ. за 1861—1862 гг.).

Г. П. Дрова въ киргизской степи. (Газета для сельскихъ хозяевъ 1861 № 19).

Въ этой статьѣ говорится объ отсутствіи дѣса и топлива въ киргизской степи и о приготовленіи кияка, какъ единственнаго средства для топлива.

Н. Фридеринсъ.—Джюль и буранъ. Изъ записокъ о Западной Сибири. (Русскій Міръ 1861. № 96).

М. Ильминскій.—Матеріалы къ изученію киргизскаго нарѣчія. (Ученыя записки, издаваемые И. Базанскимъ Университетомъ 1861).

Въ 3-й книжкѣ этого года авторомъ помѣщено „Вступительное чтеніе къ курсу турецко-татарскаго языка“, имѣющее отношеніе къ киргизскому нарѣчію.

А. Ивановскій.—О киргизахъ Бухтарминскаго края. (Томскія губернскія Вѣдомости. 1861 № 15).

К. Калачевъ.—1. Султанжанъ. —2. Бурбанъ-байрамъ. (Библіотека для чтенія. 1862 № 11. стр. 227—231).

Два стихотворенія—сцены изъ киргизской жизни.

Л. Плотниковъ.—Письмо къ издателю Русскаго Вѣстника. (Русскій Вѣстникъ—Современная Лѣтопись. 1861. № 33. Августъ).

Авторъ возражаетъ Небольсину, напечатавшему въ № 5 „Современной Лѣтописи“ статью противъ помѣщенной Л. Плотниковымъ въ XXX Т. Русскаго Вѣстника статьи, обличающей Небольсина въ неправдѣ и искаженіи фактовъ въ его замѣткѣ „Путешествующіе Киргизы“.

Русановъ.—Взглядъ на экономическій и общественный бытъ киргизовъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ. (Томскія Губернскія Вѣдомости. 1861 №№ 36—44 и 48—49).

Русановъ.—Собраніе актовъ, договоровъ и грамотъ до киргизской степи относящихся. (Томскія Губернскія Вѣдомости. 1861 № 28—36.)

Статистическіе очерки Оренбургской губерніи. (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1861. № 13).

Семейная распря въ киргизъ - кайсацкой степи. (Часть Досуга. 1861 №№ 9 и 10).

Эта статья есть извлеченіе изъ повѣсти В. Даля „Букеи и Мауляна“, о которой будетъ сказано ниже).

Записна Мухамедъ Галия Тяукина: о хозяйствѣ ордынцевъ, кочующихъ въ Зауральской степи (Экономическія Записки. 1861, № 41).

А. Гренъ.—Изъ путевыхъ замѣтокъ (Инженерн. Журналъ. 1862 № 4). Гренъ участвовалъ въ экспедиціи для изслѣдованія теченія р. Давды-Дарыи.

Описание содержит дневник экспедиции: от форта № 1 (Казала) до форта № 2 (Кармакчи), форт № 2, остров Кош-курганский, разливы Караузяка и пути к форту Перовскому. Встрѣчается описание нѣкоторых бытовых сторонъ киргизскаго народа.

Оренбургскій край.—(Оренбургскія Губ. Вѣдомости. 1862 № 25).

И. Русановъ. О положеніи киргизъ-кайсаковъ, перешедшихъ въ XVІІІ столѣтіи въ передѣлы Томской Губерніи. (Томскія Губернскія Вѣдомости. 1862 №№. 32 и 33).

Т. Созонтовъ.—Киргизъ изъ окрестностей Гурьева городка. (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1862. №№ 2 и 3).

П. Слюзь.—Тризна у киргизовъ. (Сѣверная Пчела. 1862. № 283).

П. Медвѣдскій.—Внутренняя Букеевская орда. (Журналъ Мин. Госуд. Имущ. 1862. Іюль, Августъ и Сентябрь).

Содержаніе: Іюль.—Границы, почва и климатъ. Августъ.—Переходъ, надѣлы земли Джангиромъ, подробное описаніе зимовки (домовъ), тебеневокъ (мѣсть, избираемыхъ для зимовки), кочевья, движеніе ордынцевъ на кочевья, подробное описаніе кибитки, раздѣленіе народа (перечисленіе родовъ) и перечисленіе кибитокъ, верблюдовъ, лошадей, рогатаго скота, овецъ и козъ по отдѣленіямъ. Сентябрь.—Скотъ: зоологическое описаніе, польза, болѣзни, народныя средства, выдѣлываніе шкуръ и т. д.

Л—ій.—Свадебные обычаи у киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства. (Московскія Вѣдомости. 1862. №№ 151, 154 и 158).

На 17 столбцахъ помѣщено подробное описаніе обряда сватовства и свадьбы у киргизовъ; говорится также объ отношеніяхъ жениха къ невестѣ, мужа къ женѣ и о наложницахъ. Данныя эти тѣмъ болѣе цѣнны, что многое изъ нихъ относится уже къ отдаленному прошлому.

Султанъ Мендали Пираліевъ. — Изъ Зауральской степи. (День. 1862 №№ 28, 32, 35).

Въ первомъ письмѣ авторъ статьи помѣстилъ свою біографію, которая рисуетъ намъ въ интересной формѣ начало просвѣщенія, положенное въ степи Неплюевскомъ корпусомъ; далѣе авторъ говоритъ о недостаткахъ степного управленія. Во второмъ (наиболѣе интересномъ) письмѣ говорится объ имени „кайсакъ“, „казакъ“, „киргизъ“, описываются причины, побудившія киргизовъ принять русское подданство и говорится о ханской власти. Въ третьемъ письмѣ изложены наши сношенія съ киргизами по принятіи ими нашего подданства, объ административномъ устройствѣ и объ отношеніяхъ киргизовъ къ нашимъ властямъ. Эти три письма занимаютъ 20 столбцовъ. Общанное авторомъ четвертое письмо не появилось въ „Днѣ“ за 1862 г. и мнѣ неизвѣстно.

Шницлеръ (Schnitzler).—L'Empire des Tsars. Paris et Strasbourg. T. I et II. 1862.

Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ томѣ, авторъ даетъ описаніе Киргизской степи и киргизовъ съ кара-киргизами: топографію, народонаселеніе, дѣленіе на орды, происхожденіе имени и т. д.

В. Григорьевъ.—О передачѣ звуковъ киргизскаго языка буквами русской азбуки (Ученыя Записки Казанскаго Университета. 1862 г. вып. ІІ).

Статья эта—письмо къ Н. И. Ильминскому по поводу его Русской транскрипціи киргизской рѣчи. Авторъ говоритъ о практическомъ неудобствѣ этой транскрипціи и приводитъ въ заключеніе примѣры своей транскрипціи.

Радловъ (Radloff).—Observ. s. les Kirghiz (Jour. Asiat. 1863, № 9).

П. Семеновъ.—Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи. т. I. СПб. 1863.

Среди различных статей, имѣющихъ отношеніе къ Киргизской степи и къ киргизамъ, напримѣръ, „Большая орда“ и т. д., слѣдуетъ отмѣтить статью „Внутренняя орда“, гдѣ авторъ описываетъ топографію мѣстности, исторію образованія этой орды, рода киргизовъ и скотоводство.

Военный Сборникъ 1863 г. № 1.

Въ 54 и 55. примѣчаніяхъ къ статьѣ Голосова, „о Хивинскомъ походѣ, помѣщенныя свѣдѣнія о предшествовавшихъ этому походу „поискахъ“ въ Киргизской степи.

Вельяминовъ-Зерновъ.—Исслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. Ч. II. СПб. 1864.

Во второй части этого обширнаго и въ высшей степени цѣннаго сочиненія говорится о Касимовскомъ царѣ Уразъ-Мухаммедѣ, который былъ родомъ киргизъ. Разбирая родословную этого царя, авторъ переноситъ читателя на дальній востокъ, ничего, повидимому, не имѣющій общаго съ Касимовскимъ царствомъ, и даетъ интересныя и новыя свѣдѣнія о киргизахъ и кара-киргизахъ. Сама по себѣ родословная этого киргизскаго султана, проведенная до мельчайшихъ подробностей, проливаетъ новый свѣтъ на жизнь киргизскаго народа. Это исслѣдованіе, хотя оно какъ будто и занимаетъ второстепенное мѣсто въ сочиненіи, выдѣляетъ автора на первый планъ и среди исслѣдователей о киргизскомъ народѣ. Особенно цѣнны свѣдѣнія, приведенныя изъ сочиненія Тарихи-Рашиди, писаннаго Мухаммедъ-Хайдеръ Гурейканомъ.

Гордонъ.—Шесть лѣтъ въ Оренбургѣ. Воспоминанія поляка, разжалованнаго въ солдаты. Дрезденъ. 1864.

Сочиненіе это написано на польскомъ языкѣ. Нѣмекій переводъ его изданъ подъ заглавіемъ: *Sechs Jahre in Orenburg. Erlebnisse eines polnischen strafboll-daten. Aus dem polnischen.*

* **Шотъ (W. Schott).**—Ueber die ächten Kirgisen. (Aus den Abhandlungen der Königl. Akad. der Wissenschaften zu Berlin. 1863. 4°. 429 и 474).

В. Григорьевъ.—Оренбургскіе киргизы. (Народная Бесѣда 1864. кн. 1).

На 15 страницахъ сдѣланъ краткій очеркъ быта киргизовъ, „ихъ честности и умѣнья въ торговомъ дѣлѣ.“ Писано народнымъ языкомъ для простолюдиновъ.

Н. Губаревъ.—Киргизская степь. (Современникъ. Т. С. II. 1864. Отдѣлъ I).

Авторъ на 17 страницахъ описываетъ Коряковъ, Коряковское соляное озеро и Каркаралинскій округъ, природу и нѣкоторыя стороны киргизскаго быта—между прочими и „байгу“ (празднество).

М. Иванинъ.—Внутренняя или Букеевская орда. (Эпоха. 1864 № 12).

Авторъ этой статьи состоялъ Предсѣдателемъ Временнаго Совѣта и хорошо знакомъ съ ордою. Статья эта (48 страницъ мелкой печати) интересна тѣмъ, что въ ней затрагиваются тѣ стороны, которыя никѣмъ не описывались, а именно въ ней говорится: о недостаткахъ правленія Джангира, о несправедливомъ надѣлѣ землею, имѣвшемъ пагубныя слѣдствія для киргизовъ, о судебномъ разбирательствѣ, учрежденіи ссудной кассы для киргизовъ, о новомъ надѣлѣ земли; кромѣ того о почвѣ, торговлѣ, волненіяхъ въ степи и т. д.

—новъ.—Киргизы. (Воскресный Досугъ. 1864. № 72 и 73).

Говорится о смутномъ происхожденіи киргизовъ, общемъ характерѣ мѣстности; помѣщены описанія кибитки, характера киргизовъ, баранты, религіи, пѣсни и другихъ бытовыхъ сторонъ,—все на 10 столбцахъ. Приложены два рисунка: кибитки и киргизки.

Погребеніе у киргизовъ.—(Иллюстрированная Газета. 1864. № 45).

Статья заимствована изъ описанія путешествія Аткинсона. Рисуется обрядъ погребенія богатаго султана; указываетъ на остатки языческой старины. Приложены два рисунка.

В. Радловъ. (W. Radloff).—Beobachtungen über die Kirgisen. (Petermanns Mittheilung. 1864. p. 163—168).

Этотъ авторъ въ одной главѣ своего обширнаго сочиненія „Aus Sibirien“ изложилъ всѣ свои наблюденія надъ киргизами.

С. Бабаджановъ.—О каменной бабѣ, найденной въ Киргизской степи. (Этнографическій Сборникъ Император. Русскаго Географическаго Общества. Вып. VI. 1864 г.).

Авторъ пишетъ о найденной, въ юнѣ 1862 г., близъ Ханской Ставки, въ барханахъ, „каменной бабѣ.“ Длина ея— $2\frac{1}{2}$ арш., ширина— $\frac{3}{4}$ арш.; она изображаетъ сидящую женщину. Авторъ предполагаетъ, что это истуканъ калмыцкихъ или монгольскихъ временъ. Тутъ же найдены бронзовая стрѣла и осколки посуды. Авторъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное находкой на киргизовъ, и говоритъ также о муллахъ и народномъ леченіи.

The Russians in Central Asia. London. 1865.

Это сочиненіе, по своему содержанію, имѣетъ близкое отношеніе къ Киргизской степи (см. Извѣстія И. Рус. Геогр. Общества. 1865 г. т. I, № 7, стр. 146).

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1865 г. №№ 43, 45, 47, и 49. Курганы въ Приуральскихъ мѣстахъ Оренбургской губерніи.

Валихановъ (Walichanoff).—The Russians in Central Asia. London. 1865.

Говорится, между прочимъ, о кара-киргизахъ.

Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства (Петербургскія Вѣдомости. 1865. № 312)

Рецензія, на сочиненіе Л. Мейра, а также на переводъ сочиненія Вамбери „Путешествіе по Средней Азіи“.

П. Семеновъ.—Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи. СПб. 1865.

Во второмъ томѣ словаря, подъ словомъ „киргизъ-кайсаки“ и „киргизы“, помѣщены статьи о киргизахъ и кара-киргизахъ, касающіяся мѣстъ, занимаемыхъ ими, ихъ исторіи, происхожденія численности и т. д. Кромѣ того, помѣщена важнѣйшая библіографія по этимъ народностямъ. Кромѣ этого, во всѣхъ томахъ, подъ различными литерами, помѣщены интересныя статьи и замѣтки, относящіяся до географіи Киргизскихъ степей.

Б. Залескій (B. Zaleski).—La vie des steppes Kirghises. Paris 1865.

Авторъ провелъ въ разныхъ мѣстахъ зауральской киргизской степи 9 лѣтъ. Въ этомъ сочиненіи слѣдуютъ, въ цѣломъ ряду главъ, въ высшей степени ярко написанныя картины изъ жизни киргизовъ. Въ первой главѣ говорится вообще о жизни въ степи; далѣе слѣдуютъ главы, посвященныя живому описанію природы, киргизской женщинѣ, батырлѣмъ, затѣмъ главы: о питаніи, о деревьяхъ, почитаемыхъ священными, кибиткахъ, аулѣ, могилахъ и древностяхъ. Хотя авторъ и говоритъ въ предисловіи, что онъ не задается цѣлями этнографическими, но онъ даетъ столь полное описаніе быта киргизовъ, что это сочиненіе несомнѣнно имѣетъ этнографическое значеніе болѣе, чѣмъ многія другія сочиненія.

Альбомъ видовъ изъ киргизской степи. (Извѣстія И. Русскаго Географическаго Общества 1865. Т. I. № 9).

Статья извѣщаетъ о появленіи въ свѣтъ „La vie des steppes Kirghises. —Bronislav Zaleski.“ Paris 1865. Статья отзывається съ большою похвалою объ этой книгѣ.

В. Долгинскій.—Объ отношеніяхъ Россіи къ Средне-Азіатскимъ владѣніямъ и объ устройствѣ киргизской степи Спб. 1865.

Эта небольшая книжка (55 страницъ) представляетъ собою сборникъ интересныхъ статей, напечатанныхъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ за 1864 и отчасти за 1865 гг., по поводу занятія нами въ 1863 г. Туркестанской области, и посвященныхъ торговымъ сношеніямъ, мѣстному управленію и пр. Статьи, вошедшія въ эту книжку изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, слѣдующія: 1864 г. №№ 214, 215, 250, 305, 308 и 310 и 1865 г. № 24. Приложена карта.

Жизнь въ киргизскихъ степяхъ. (Биржевыя Вѣдомости. 1865 № 243).

Статья содержитъ рецензію на сочиненіе „La vie des steppes Kirghises, descriptions, et contes“ Вронислава Залескаго, изд. въ Парижѣ. Авторъ статьи отзывается о данномъ сочиненіи съ большой похвалой и приводитъ, какъ образецъ, „сравненіе степи съ моремъ“.

А. Кругорожнинъ. — Курбанъ-байрамъ. (Иллюстрированная газета 1865 №№ 47 и 48).

Разсказъ Уральскаго казака-офицера изъ жизни киргизовъ Малой орды. Есть указанія на киргизскія пѣсни. (На 6 столбцахъ).

Л. Мейеръ. — Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства. Спб. 1865.

Это сочиненіе (288 страницъ) содержитъ обширное введеніе, касающееся исторіи Малой орды, далѣе географическое описаніе Оренбургской киргизской степи, описаніе климата, естественныхъ произведеній края. Далѣе авторъ говоритъ о народонаселеніи, промышленности, торговлѣ и затрогиваетъ бытовую сторону киргизовъ.

М. Путинцевъ. — Отъ Семипалатинскаго до Копала. Изъ путевыхъ замѣтокъ. (Военный Сборникъ 1865 № 12).

На 22 страницахъ авторъ разсказываетъ о жизни казачьихъ офицеровъ на степномъ пакетѣ зимою и лѣтомъ; далѣе говоритъ о барантахъ и въ которыхъ другихъ сторонахъ быта киргизовъ.

С—овъ. — Этнографическія замѣтки о Зачуйскомъ краѣ. (Извѣстія Императорск. Русск. Геогр. Общества 1865 Т. 1 № 8).

* Кратко говорится о кара-киргизахъ, междуусобной ихъ борьбѣ, покореніи ихъ китайцами и коканцами, переходѣ ихъ въ наше подданство и отношенія ихъ къ Кокану.

А. Спонвиль (A. Sponville). — Chez les Kirghiz. Bullet. de la Soc. de Geogr. 1865 Mai.

А. Фонъ Этцель и Г. Вагнеръ. — Путешествіе по Сибири, пер. съ нѣмецкаго Н. Детша. Спб. 1865.

Это сочиненіе — компиляція изъ путешествій Аткинсона, Миддендорфа, Радке и др. — заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія изъ быта киргизовъ Средней Азіи, главнымъ образомъ взятія изъ записокъ Аткинсона (и его жены), который поставилъ себѣ задачею проникнуть чрезъ киргизскія степи до поднебесныхъ горъ.

А. Бекеръ (A. Becker). — Reise in die Kirgisen-Steppe nach Astrachan und an das Caspische Meer. Moskau 1866.

Бекеръ предпринялъ поѣздку въ 1865 г. въ Букеевскую орду съ цѣлью собрать для Петербургскаго ботаническаго сада корни, сѣмена и растенія. Онъ посѣтилъ Б. Богдо, гдѣ пробылъ нѣсколько дней, затѣмъ проѣхалъ на Чапчачи и возвратился на Ахтубу. Онъ даетъ описаніе посѣщенныхъ имъ мѣстностей и указываетъ на нѣкоторыя стороны быта киргизовъ. Въ концѣ своей брошюры 45 страницъ онъ приводитъ списокъ найденныхъ имъ растеній и насѣкомыхъ.

Марте (Dr. Marthe). — Aus dem Kirgisenlande (Zeitschr. d. Geogr. Gesell. in. Berlin—1866 № 4).

Генсъ. — Киргизскіе очерки. (Военный Сборникъ 1866 №№ 1, 6, 7 и 8).

На 129 страницахъ авторъ въ цѣломъ рядѣ разсказовъ знакомитъ со многими интересными сторонами киргизскаго быта и жизни въ степи.

Ф. Ло—чъ.—Корреспонденція изъ Оренбурга. (С.-Петербургскія Вѣдомости 1866 № 150).

О необходимости перемѣны существующаго административнаго строя.

М. Михайловъ.—Оренбургскія письма. Спб. 1866.

Книга содержитъ весьма краткія и отрывочныя свѣдѣнія о киргизахъ.

М. Михайловъ.—Киргизская степь (С.-Петербургскія Вѣдомости 1866 № 155).

Эта статья содержитъ очеркъ топографіи Оренбургской и Сибирской киргизскихъ степей. Описание ихъ въ болѣе полномъ видѣ вошло въ статью того же автора, помѣщенную въ Литературной Библіотекѣ. 1867 г. Январь.

Д. Романовскій.—О географическихъ изслѣдованіяхъ въ киргизской степи и Туркестанской области въ 1865 г. и т. д. (Извѣстія И. Русск. Географич. Общества. 1866 г. Т. II. № 1).

Авторъ говоритъ объ экспедиціяхъ въ 1865 году: гг. Гирса, Дютовскаго, Струве, Севѣрцева и Вамбери, говоритъ также о почвѣ степи, бытѣ и торговлѣ киргизовъ.

П. Семеновъ.—Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи т. III, СПб. 1866.

Среди различныхъ статей (напр. „Малая орда“), касающихся отдѣльных мѣстъ Киргизской степи, помѣщена большая статья „Область Оренбургскихъ киргизовъ“, гдѣ говорится о топографіи мѣстности, метеорологическихъ данныхъ, киргизскихъ родахъ, народонаселеніи и исторіи образованія области.

Барбадманъ.—Корреспонденція изъ Оренбурга. (С.-Петербургскія Вѣдомости. 1867. № 253).

Объ археологическихъ работахъ П. Н. Лерха въ Джанъ-Кентѣ, Аулиеатѣ и другихъ мѣстахъ.

М. Галкинъ.—Этнографическіе матеріалы по средней Азіи и Оренбургскому краю. (Записки Императорскаго Русск. Геогр. Общества, по отдѣлу Этнографіи. Спб. 1867 г.)

Во второй главѣ помѣщены дорожки черезъ Среднеазійскія киргизскія степи; въ пятой главѣ—„свѣдѣнія о мѣстахъ расположенія киргизскихъ родовъ Оренбургскаго края“ и нѣкоторыя разбросанныя свѣдѣнія о киргизахъ.

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1867. № 156.

В. Григорьевъ.—Старая погудка на новый ладъ. (Москва 1867 № 46).

Авторъ возражаетъ Петербургскимъ Академическимъ Вѣдостямъ на замѣтку о найденномъ будто бы новомъ „подземномъ городѣ“, у форта № 1, около Сыръ-Дарьи, и описываетъ развалины Джанъ-Кента.

Жизнь въ киргизскихъ степяхъ. (Биржевыя Вѣдомости. 1867. № 108).

Статья перепечатана изъ нѣмецкаго журнала „Gartenlaube“, помѣтившаго ее съ цѣлью предупредить нѣмецкихъ колонистовъ о трудностяхъ жизни въ степи. Рисуется живыми красками природа степей, спевки изъ быта киргизскихъ султановъ и говорится о невгодахъ и трудностяхъ кочевой жизни.

И. Завалишинъ.—Описание Западной Сибири. Т. III. Сибирско-Киргизская степь. М. 1867.

Говорится кратко о почвѣ степи, орографіи, гидрографіи, исторіи киргизскаго племени, и управленіе киргизами въ 60-хъ годахъ; также говорится о

жизни киргизовъ, языкъ ихъ, глгъ, характеръ, религiи, нѣкоторыхъ обрадахъ, нѣкоторыхъ сторонахъ быта и затѣмъ о торговлѣ, количествѣ населенiя и скотоводствѣ.

Записки Дмитрія Борисовича Мертваго. 1760—1824. Изд. Русскаго Архива. М. 1867.

Авторъ этихъ записокъ, въ концѣ XVIII стол. служилъ въ Оренбургскомъ краѣ. Во второй главѣ записокъ (стр. 37—97) встрѣчаются нѣкоторыя замѣтки о киргизскихъ станахъ Оренбургскаго вѣдомства.

И. Назанцевъ.—Описанiе Киргизъ-Байсагъ, Спб. 1867.

Заключаетъ преимущественно историческую часть, обширно-развитую, но не мало и интересныхъ бытовыхъ сторонъ. Въ видѣ прибавленiя на 23 страницахъ помѣщены очерки Букеевской орды: ея границы, почва, животный мiръ; также свѣдѣнiя о переходѣ изъ-за Урала; о родахъ, Букеѣ, Джангирѣ и его семействѣ; о скотоводствѣ и торговлѣ у киргизовъ; въ заключенiе объ изслѣдованiяхъ Ауэрбахомъ горъ Букеевской степи.

Михайловъ.—Киргизы. (Литературная Библиотека. 1867. Июнь).

На 10 небольшихъ страницахъ авторъ даетъ очерки киргизовъ: роды и родовыя подраздѣленiя, вѣроисповѣданiя, домашнiй бытъ, нравы и обычаи, занятiя и промыслы, нравственное и умственное развитiе киргизовъ.

Очерки внутренней торговли киргизской степи. (Сборникъ свѣдѣнiй и матеріаловъ по вѣдомству Министерства Финансовъ. Т. III, кн. IX. 1867).

Я могъ пользоваться только второй статьёю, въ которой имѣется общее описанiе характера степныхъ базаровъ; между прочимъ помѣщены цѣны на разные товары.

А. Тетереvниковъ.—Очерки внутренней торговли киргизской степи. Спб. 1867.

Авторъ въ своей брошюрѣ (на 72 страницахъ) кратко описываетъ: характеръ мѣстности, торговлю въ аулахъ и на базарахъ укрѣпленiй и даетъ много цифровыхъ данныхъ.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. По общей географiи. т. I. Спб. 1867.

Въ этомъ томѣ помѣщено много статей, касающихся Киргизской степи, а именно: Полторацкаго—Общiй обзоръ страны, лежащей къ западу отъ Закаспiйскаго края (съ картою); Ильина—Объяснительная записка къ картѣ полковника Полторацкаго; Н. Сѣверцева—Поѣздка въ западную часть Тянь-Шаня; П. Семенова—Поѣздка изъ укрѣпленiя Вѣрнаго къ западной оконечности оз. Иссыкъ-Куля въ 1856 г.; Н. Абрамова—Укрѣпленiе Вѣрное и его окрестности; Н. Абрамова—г. Колаль съ его округомъ въ 1862 г.; Н. Абрамова—станция Верхлеисинская въ 1864 г.; Путешествiе на оз. Зайсанъ К. Струве и Г. Потанина; Г. Потанина—Зимняя поѣздка на оз. Зайсанъ; Поѣздка по восточному Тарбагатаю К. Струве и Г. Потанина. Всѣ эти статьи даютъ очень много интересныхъ и весьма цѣнныхъ свѣдѣнiй о киргизахъ (собственно Г. Потанина) и Киргизской степи.

Корреспонденцiя изъ Ташкента (Голосъ 1867 г. № 169).

Говорится о Сыздыкѣ (Садыкѣ) и его восстанiи. Авторъ корреспонденцiи даетъ характеристику этой личности и отчасти его отца Кеяисары, описываетъ мятежъ и указываетъ на Сыздыка, какъ на паргизана.

Вамбери (H. Wambery).—Sagatasche Sprachstudien Leipzig. 1867.

М. Галкинъ.—Нѣсколько дорожниковъ чрезъ наши Киргизскiя степи въ Среднюю Азiю и между Бухарой, Коканомъ, Шехри-Сабзъмъ, Чаруемъ, Ташкентомъ и пр. (Уфимскiя Губернскiя Вѣдомости 1867 г.).

А. Вамбери.—Путешествiе по Средней Азiи въ 1863 году М. 1867.

Это сочинение, написанное въ привлекательной формѣ, заключаетъ, кромѣ нѣкоторыхъ разбросанныхъ данныхъ о киргизахъ, еще ихъ краткую характеристику (II отдѣлъ, глава 3).

П. Семеновъ.—Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи. т. IV. СПб. 1868

Помѣщены интересныя и довольно обширныя статьи о Семипалатинской и Семирѣченской областяхъ и др.

Н. Абрамовъ.—Станица Верхлепсинская. (Тобольскія Губернскія Вѣдомости. 1868. № 13 и 14).

Авторъ статьи говоритъ о принятіи частью Большой орды нашего подданства, въ 1830 г. о рѣкѣ Лепсѣ (одной изъ 7 Семирѣченскаго края), бывшей нашей границѣ, о положеніи Верхлепсинской станицы, о климатѣ Чубаръ-агачской долины, о растеніяхъ и животныхъ этой долины, о хлѣбопашествѣ и т. д.

В. Войновъ.—Народный киргизскій праздникъ по случаю прибытія въ Сибирь Великаго Князя Владиміра Александровича. (Современная Лѣтопись. 1868. № 24).

Описывается пріѣздъ Великаго Князя и устроенное по случаю его пріѣзда празднество (байга), заключавшееся въ единоборствѣ, бѣгѣ, скачкѣ и кукбурѣ.

Грабентъ въ степи, наказанный по народнымъ обычаямъ киргизовъ. (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1868 № 8)

Красовскій. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Область Сибирскихъ киргизовъ. Спб 1868. 3 тома.

Въ первомъ томѣ помѣщено описаніе топографіи страны, путей сообщенія, почты, торговли, населенія, съ обширнымъ историческимъ введеніемъ; затронута и бытовая сторона.

Во второмъ томѣ говорится о скотоводствѣ, хлѣбопашествѣ, горнозаводскомъ дѣлѣ, торговлѣ и религіозномъ, умственномъ и нравственномъ образованіи киргизовъ.

Въ третьемъ томѣ описано управленіе и бытъ: образъ жизни, семья, бракъ, праздники, погребеніе, древности и проч.

Корреспонденція изъ Оренбурга, 7 ноября 1867. г. (Современныя Извѣстія. 1868 г. № 257).

Корреспонденція изъ Оренбурга, 5 августа 1868. (Вечерняя Газета. Перепечатно въ Народной Газетѣ № 33.

Корреспонденція изъ Оренбурга. (Современныя Извѣстія 1868. Перепечатано въ „Голосѣ“ 268).

Савичевъ.—Отъ Кармановскаго форпоста. (Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1868. № 43).

Костенновъ.—Статистическо-хозяйственное описаніе Калмыцкой степи. Калмыцкая степь Астраханской губерніи по изслѣдованіямъ Куме-Маньчской экспедиціи) Спб. 1868.

Въ приложеніи къ 4 главѣ помѣщены тамги калмыковъ и другихъ инородцевъ, между прочимъ и киргизовъ. Остальныя тамги служатъ матеріаломъ для сравненія ихъ съ киргизскими тамгами.

Н. А.—Шайтанъ. (Воскресный досугъ. 1868. № 269).

Въ этомъ маленькомъ разсказѣ охарактеризовано суевѣріе киргизовъ, которые вѣрятъ въ шайтана.

С. Бабаджановъ. Споръ Уральскихъ казаковъ съ Киргизами Внутренней орды. (Дѣятельность. 1868. № 109).

Авторъ, самъ киргизъ, указываетъ на три спорныхъ участка: Межузеньскій.

Камышъ-Самарскія озера и песчаносолонцеватый участокъ на югъ отъ озеръ. Авторъ говоритъ, что обѣ стороны права на участки не имѣютъ, но что ихъ слѣдовало бы передать киргизамъ, въ виду ихъ худшаго экономическаго положенія; тутъ же авторъ рисуетъ, кратко и экономическое положеніе той и другой стороны. Передовая статья этого нумера служитъ дополненіемъ къ статьѣ Бабджанова.

С. Фустовъ — Замѣтки о торговлѣ Внутренней Киргизской орды (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1868 г. № 16).

Письма В. Радлова. (Извѣстія И. Русск. Географическаго Общества. 1868 г. т. IV, № 6).

Письма касаются преимущественно измѣненія Киргизской степи съ 1862 г. къ лучшему.

М. Венюковъ. — Путешествіе по окраинамъ Русской Азіи и записки о нихъ. СПб. 1868.

Въ этомъ интересномъ сочиненіи слѣдуетъ преимущественно отмѣтить свѣдѣнія по исторіи и быту киргизовъ и кара-киргизовъ, а также главы по топографіи страны: замѣчаніе объ озерѣ Иссык-Куль и очерки Закаспійскаго края.

А. Вамбери. — Очерки Средней Азіи (дополненіе къ „Путешествію по Средней Азіи“). Москва. 1868.

Авторъ въ XVI-й главѣ (Этнографическіе очерки тюркск. и иранск. племенъ Средней Азіи) говоритъ, между прочимъ, и о кара-киргизахъ и киргизахъ. На первыхъ онъ останавливается, описывая кратко (на одной страницѣ) ихъ вѣншій типъ, на вторыхъ же—болѣе подробно (на семи страницахъ), говоритъ объ ихъ типѣ, одеждѣ, даетъ интересныя свѣдѣнія объ языческихъ обрядахъ, гаданьяхъ, суевѣріяхъ и національныхъ кушаньяхъ.

П. Пашино. — Туркестанскій край въ 1866 году СПб. 1868.

Въ этихъ изящно изданныхъ путевыхъ замѣткахъ, украшенныхъ хорошими рисунками, можно найти разбросанныя свѣдѣнія о Киргизской степи и о киргизахъ.

Вѣдомость объ осенней ярмаркѣ Внутренней киргизской орды (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1868 № 51).

И. Русановъ. — Статистическій очеркъ Киргизской степи Сибирскаго вѣдомства (Томскія Губернскія Вѣдомости. 1868 г. №№ 24, 25 и 28).

Ибрагимовъ. — Киргизскія пословицы (Туркестанскія Вѣдомости. 1868 г. № 1 и 6).

По поводу волненій въ Киргизской степи (Голосъ. 1868 № 99).

Перепечатанное изъ „Русскаго Инвалида“. Сообщеніе о волненіяхъ въ Киргизской степи.

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1869. № 9.

Пріемъ депутаціи отъ киргизовъ Тургайской области Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ.

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1869 г. № 13.

Волненія въ Оренбургскомъ краѣ, предшествовавшія бунту киргизскаго султана Кенисары Касимова.

По поводу статьи „О причинахъ волненій въ Киргизскихъ степяхъ“. (Современная Лѣтопись. 1869. № 24).

Эта статья принадлежитъ перу бывшаго члена Степной Комиссіи и служитъ возраженіемъ на статью Л. Арасанскаго, помѣщенную въ № 22 „Современной Лѣтописи“ и указывающую, какъ на причину волненій киргизовъ, на недостатки „новаго положенія“.

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1869 г. № 34.

Вѣдомость о весенней ярмаркѣ во Внутренней киргизской ордѣ.

Послѣднія событія въ Киргизской степи (Русскій Инвалидъ. 1869 г. № 123).

Говорится о киргизскихъ волненіяхъ, обусловленныхъ „новымъ положеніемъ“ и о недостаткахъ его.

Всеобщая Газета 1869 г. № 67.

Въ „Экономическомъ Отдѣлѣ“ помѣщена статья о золотопромышленности въ Киргизской степи.

Л. Арасанскій. — Причины волненій въ киргизскихъ степяхъ (Современная Лѣтопись 1869 г. № 22).

Авторъ этой статьи (на 6 столбцахъ) говоритъ объ образѣ жизни киргизовъ, объ отношеніи Коканскаго правительства къ киргизамъ, о религіи киргизовъ, о барантахъ; говоритъ также о существовавшемъ административномъ строѣ, о генералъ-губернаторствѣ Чернылева и „новомъ положеніи“ — причинѣ волненій.

Л. Арасанскій. — Причины волненій въ киргизскихъ степяхъ. (Дѣятельность 1869. 22 іюня № 98).

Авторъ даетъ краткій очеркъ быта азіатскихъ киргизовъ, описываетъ административное устройство степи въ разное время, говоритъ о преимуществахъ административнаго устройства, установленнаго Чернылевымъ, и о недостаткахъ „положенія“ 1867 г., которое имѣло слѣдствіемъ волненія въ степи. Волненія, по мнѣнію автора, поддерживались султанами, утратившими свою власть; другая причина волненій — повышение подати съ 1 р. 50 к. съ кибитки на 7 руб.

Н. Бабновъ. — Общій взглядъ на устройство поселеній въ сѣверо-восточной части киргизской степи. (Извѣстія Императорскаго Русскаго Географ. Общ. 1869. Т. V № 1—2).

Авторъ говоритъ о необходимости заселенія степи; находитъ, что для этого болѣе удобенъ Зайсанскій край; дѣлаетъ краткій очеркъ топографіи мѣстъ Зайсанскаго округа. Авторъ избралъ мѣсто для будущей станицы на лѣвомъ берегу р. Жемини.

Изъ Оренбургскаго края. (Голосъ 1869 № 278).

О волненіяхъ киргизовъ, подстрекаемыхъ хивинцами. — Извлечение изъ „Русскаго Инвалида“.

Дѣла въ киргизскихъ степяхъ. (Московскія Вѣдомости. 1869 № 68).

Въ этой статьѣ говорится о волненіи киргизовъ въ Тургайской области при введеніи „новаго положенія“ и о столкновеніи казаковъ съ киргизами вооруженною рукою. Статья перепечатана изъ Биржевыхъ Вѣдомостей.

Дѣла въ Оренбургской степи. (Современныя Извѣстія 1869. № 176).

Статья посвящена волненіямъ среди киргизовъ Оренбургской степи.

Изъ Оренбурга. — (Современныя Извѣстія. 1869. № 121).

Авторъ возражаетъ на статью Биржевыхъ Вѣдомостей № 84, по поводу волненій въ киргизской степи.

Изъ Оренбурга. — Современныя Извѣстія. 1869. № 208).

Статья говоритъ о неутихающихъ волненіяхъ въ степи.

М. Галкинъ. — Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азій и Оренбургскому краю. Съ 12 видами, двумя планами и картою Спб. 1869.

Перепечатаны изъ I тома Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отд. этнографіи (1867). Къ этому изданію прибавлено нѣсколько главъ, между прочимъ (глава VI), „Видержки изъ дневника слѣдованія въ 1858 г. въ Оренбурга въ Хиву киргизской степи, и Аму-Дарьё“; эта глава содержитъ немногочисленныя указанія, касающіяся быта киргизовъ.

Корреспонденція изъ Оренбурга: о волненіяхъ въ киргизской степи, съ Урала. (Голось 1869. № 95).

Возраженіе на корреспонденцію киргиза—адаевца изъ Илецкой крѣпости, помѣщенную въ № 59 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей за 1869 г. и описывающую захватъ земли у киргизовъ Уральцами. Авторъ возраженія, „Янкъ-Горыновичъ“ указываетъ на несправедливость Адаевца и говоритъ, что его статья ничто иное, какъ киргизская клевета.

Корреспонденція изъ Оренбурга. Биржевыя Вѣдомости. 1869. № 39).

Статья посвящена „организациі уѣздовъ въ бывшей области Оренбургскихъ киргизовъ“.

Корреспонденція изъ Оренбурга. (Биржевыя Вѣдомости. 1869. № 76).

Статья посвящена разсужденіямъ по поводу введенія „новаго положенія“ въ Тургайской и Уральской территоріяхъ.

Корреспонденція изъ Оренбурга. (Биржевыя Вѣдомости 1869. № 123).

Статья написана по поводу устройства двухъ новыхъ укрѣпленій — одного въ Тургайской, а другихъ Уральской области противъ киргизовъ.

Корреспонденція изъ Оренбурга. (Биржевыя Вѣдомости. 1869 № 233).

Статья помѣщена по поводу окончившихся, благодаря административнымъ распоряженіямъ, волненій среди киргизовъ.

Киргизскій вопросъ. (Биржевыя Вѣдомости. 1869. № 185). Передовая статья.

Статья говоритъ о введеніи новаго положенія, о слухахъ, тревожившихъ киргизовъ, о волненіяхъ и прекращеніи ихъ.

Корреспонденція изъ Оренбурга (Биржевыя Вѣдомости. 1869. № 149).

Статья посвящена возраженію на статьи № 115 „Биржевыхъ Вѣдомостей“ и въ № 113 „Современныхъ Извѣстій“ за 1869 г. Говоритъ о положеніи дѣлъ въ киргизской степи при введеніи „новаго положенія“ и объ Оренбургскихъ казакахъ.

Корреспонденція изъ Оренбурга. (Современныя Извѣстія. 1869. № 134).

О киргазѣ Кутебаровѣ—мятежникѣ 1850-хъ годовъ.

Корреспонденція изъ Оренбурга. (Современныя Извѣстія. 1869. № 181 и 182).

Авторъ возражаетъ на статью въ № 76 „Биржевыхъ Вѣдомостей“ за 1869 г. о нецѣлесообразности „новаго положенія“ въ киргизской степи.

А Нисченновъ.— Киргизская степь и ея обитатели. (Всемирная Иллюстрація. 1869. № 41).

Компиляція изъ разныхъ статей—интересна приложенными рисунками: 8 вида, и 3 типа киргиза, двухъ киргизокъ и „киргиза во время кочевья“.

О волненіяхъ въ Киргизской степи. (Всеобщая газета. 1869. № 45).

Областной отдѣлъ.—(Всеобщая газета. 1869 № 11).

Говорится о волненіяхъ въ степи и причинахъ, побудившихъ киргизовъ къ нимъ.

О положеніи дѣлъ въ Киргизской степи. (Голось. 1869. № 249).

Статья говоритъ о „новомъ положеніи“ въ киргизской степи: отмініи судановъ-правителей, учрежденіи должности уѣздныхъ начальниковъ, увеличеніи покоситочной подати, освобожденіи киргизовъ отъ рекрутскаго набора и т. д.—какъ это было объявлено киргизскимъ депутатамъ въ Оренбургѣ.

Оренбуржецъ.— Корреспонденція изъ Оренбурга. (Современныя Извѣстія. 1869. № 146).

Авторъ разсказываетъ о ссорѣ киргизовъ между собою о схваткѣ, въ которой пострадала казачья команда; затѣмъ авторъ возражаетъ на статью въ № 113 „Биржевыхъ Вѣдомостей“ за 1869 г.: о безпорядкахъ въ киргизской степи.

Оренбургъ.—(Биржевыя Вѣдомости. 1869 № 156).

Статья говоритъ о столкновѣніяхъ съ киргизами отряда, вышедшаго изъ Оренбурга въ Эмбенскій постъ.

Оренбургъ.—(Биржевыя Вѣдомости. 1869. № 104).

Статья посвящена движенію казачьихъ сотенъ въ степи и столкновѣніямъ ихъ съ киргизами.

Оренбургъ. 17 мая.—(Биржевыя Вѣдомости. 1869. № 150).

Авторъ этой статьи рисуетъ положеніе дѣлъ въ степи послѣ введенія „новаго положенія“. Онъ возражаетъ на статью въ № 113 „Современныхъ Извѣстій“, которая, въ свою очередь, писана противъ статьи этого же автора, помѣщенной въ № 76 „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Оренбургъ.—(Биржевыя Вѣдомости. 1869. № 82).

Статья трактуетъ о началѣ волненій въ киргизской степи при введеніи „новаго положенія“ и объ оппозиціи киргизовъ противъ Коммиссіи, командированной по случаю введенія положенія.

Оренбургъ.—(Русскій Инвалидъ. 1869. № 40).

Авторъ говоритъ о „новомъ положеніи“ для киргизовъ, объ его введеніи и сочувственномъ отношеніи къ нему киргизовъ, о возникшихъ волненіяхъ, ихъ причинахъ и о мѣрахъ предупрежденія на будущее время такихъ волненій.

Современныя Извѣстія. 1869. № 149. Передовая статья.

Авторъ подтверждаетъ факты, описанные въ № 146 этой газеты; редакторъ даетъ добавленія къ его словамъ.

Биржевыя Вѣдомости. 1869, № 184. Передовая статья.

Статья посвящена волненіямъ киргизовъ въ Оренбургской степи. Авторъ представляетъ причиной волненій „новое положеніе“. Это положеніе было введено съ цѣлью освободить киргизовъ отъ давленія ихъ собственной аристократіи. Но „новое положеніе“ имѣло столь много непрактичныхъ мелочей, что вызвало неудовольствіе среди киргизовъ и, благодаря подстрекательству султановъ и мullah, даже возмущенія.

Послѣднія событія въ Киргизской степи. (Русскій Инвалидъ. 1869. № 119).

Авторъ говоритъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ волненій, о вторженіи хивинскихъ шаекъ и о столкновѣніи съ бунтовщиками нашихъ отрядовъ.

Султанъ Бекъ и рѣка Чурукъ-Су въ киргизской степи. (Воскресный Досугъ, 1869. № 331).

Эта краткая статейка представляетъ выписку изъ сочиненія Аткинсона и содержитъ описанія: приѣма Аткинсона у султана Бека и опасной переправы черезъ р. Чурукъ-Су. Помѣщенъ рисунокъ.

А. Самсоновъ.—Очерки Сибирскихъ киргизовъ. (Записки для чтенія, издав. Трубицковымъ. 1869 г. августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь).

Авторъ въ четырехъ очеркахъ говоритъ о кочевой жизни киргизовъ, объ ихъ свадебныхъ обрядахъ, пѣсняхъ и о татарской школѣ; есть и небезынтересныя указанія на бытъ киргизовъ.

Фурманъ (Fuhmann).—Die Kirgisen und ihr Leben. (Globus XV. 1869).

1870—1880 г.

Л. Костенно.—Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности. СПб. 1870.

Это сочиненіе заключаетъ въ себѣ довольно много разбросанныхъ свѣдѣній о киргизахъ. Слѣдуетъ отмѣтить II-ю главу, гдѣ находится описаніе быта киргизовъ и кара-киргизовъ.

* Г. Бардашевъ.—Свѣдѣнія о дикокаменныхъ киргизахъ (Туркестанскія Вѣдомости. 1870. № 15).

Изъ Киргизской степи.—(Корреспонденція „Голоса“ 1870. № 127).

Корреспонденція по поводу волненій киргизовъ-адаевцевъ на Мангышлакѣ.

Гросъ (Gross).—Die Kirgisen (Gaea. 1870).

А. Емурановъ.—Замѣтка по поводу статьи „киргизы - работники на морскихъ рыболовныхъ промыслахъ“. (Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1870. № 10).

Статья, противъ которой возражалъ Емурановъ, была помѣщена также въ „Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ“. Возражающая статья мало касается киргизовъ и говоритъ преимущественно объ Уральскихъ казакахъ.

Изъ Киргизской степи.—(Виржевыя Вѣдомости. 1870. № 261).

Статья говоритъ о возникшихъ среди газетъ („Современныя извѣстія“) недоразумѣніяхъ по поводу возмущившихся будто бы вновь и напавшихъ на Александровскій фортъ киргизовъ.

Изъ Уральска.—(Голосъ. 1870. № 112).

Въ этой замѣткѣ говорится о подробностяхъ взятія въ плѣнъ киргизами отряда подполковника Рукина и объ убійствѣ киргизами 14 нашихъ переселенцевъ.

Киргизскія пословицы.—Собр. Ш. Ибрагимовъ.—(Туркестанскія Вѣдомости. 1870. № 1 и 6).

Изъ забытыхъ тетрадей.—(Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1870 № 15).

Этотъ небольшой разсказъ рисуетъ картину степи и быта киргизовъ.

Г. Колпаковский.—О древнихъ постройкахъ, найденныхъ въ озерѣ Иссык-Куль. (Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 1870. VI. 3).

Свѣдѣнія, приводимыя г. Колпаковскимъ первыя по своей подробности, хотя объ этихъ развалинахъ писалось уже ранѣе, такъ наприм.: въ Географическо-Статистическомъ словарѣ Россійской Имперіи. изд. П. Семеновымъ; въ Запискахъ Географическ. Общ. 1861, кн. 3—статья Голубева; въ Вѣстникѣ Географическ. Общества. 1860, кн. 10—статья Веникова. Объ этихъ же развалинахъ говорится въ Китайскомъ сочиненіи Си-юйшуй-дао-изи, составленномъ Сюй-сунюмъ, который путешествовалъ въ первой четверти нашего столѣтія—перев. И. Захаровымъ.

П. Зенковъ.—Эксплуатація земной поверхности въ Киргизской степи (Туркестанскія Вѣдомости. 1870 г. № 11 и 13).

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1870 г. № 23.

Свѣдѣнія о ярмаркѣ 1869 г. при Ставкѣ Внутренней киргизской орды.

Титовъ.—Киргизская степь (Мірское Слово. 1870 г. № 11).

Авторъ говоритъ о постепенно исчезающихъ лѣсахъ въ Киргизской степи, объ остаткахъ лѣса и о мѣрахъ къ сохраненію его.

Двадцать казаковъ противъ 1000 киргизовъ (Донскія Войск. Вѣдомости. 1870 г. № 36).

А. Юдинъ.—Замѣтка по поводу статьи, „киргизы работники на морскихъ рыболовствахъ“. (Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1870 г. № 10).

Потѣзна въ Биргизскую степь.—(Томскія Губернскія Вѣдомости. 1870 г. №№ 38 и 40).

Осенняя и весенняя ярмарка 1869 и 1870 гг. при Ставкѣ Внутренней Биргизской орды (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1870 г. №№ 23 и 26).

Биржевыя Вѣдомости. 1870 г. № 167).

О взятіи въ плѣнъ киргизами на Мангышлакъ отряда полковника Руккина и вообще о волненіяхъ киргизовъ.

Султанъ Сайдалинь 2-й—О развитіи хлѣбопашества по бассейну рѣки Тургай (Записки Оренбургскаго отдѣла И. Рус. Геогр. Общества в. 1. Казань. 1870 г.)

Авторъ говоритъ о постепенно развивающимся у киргизовъ хлѣбопашествѣ, о бѣдности почвъ, объ орошеніи полей, о сѣвооборотѣ и объ естественныхъ причинахъ, не позволяющихъ киргизамъ оставить скотоводство.

Л. Баллюзень.—Новое административное дѣленіе Тургайской области (Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русск. Географ. Общества, в. 1., Казань. 1870 г.).

Заключаетъ между прочимъ, свѣдѣнія о количествѣ народонаселенія.

Алтынсаринъ.—Очеркъ обычаевъ при похоронахъ и поминкахъ у киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства (Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русск. Геогр. Общества, в. I. Казань 1870 г.).

Авторъ на пяти страницахъ описываетъ похоронный обрядъ и поминки у киргизовъ. Какъ на дополненіе этой статьи слѣдуетъ смотрѣть на помѣщенную тутъ же статью В. Плотникова „Асъ“.

Алтынсаринъ.—Очеркъ обычаевъ при сватовствѣ и свадьбѣ у киргизовъ Оренбургскаго Вѣдомства (Записка Оренбур. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., в. I. Казань. 1870 г.).

Довольно подробно (на 16 страницахъ) описываются свадебные обряды киргизовъ. Къ статьѣ приложена замѣтка В. Плотникова, частью возражающая, частью пополняющая статью Алтынсарина.

Киргизы и ихъ жизнь.—(Нива 1870. № 40).

Н. Ф.—Эпизодъ изъ послѣдняго киргизскаго возстанія. (Всемирная Иллюстрація. 1870. № 53).

Описываются атаки киргизовъ на отрядъ барона Штемпеля, шедшаго отъ озера Джиты-куль къ урочищу Казы-Бекъ на р. Уиль. Приложенъ рисунокъ.

Ө. Коноваловъ.—Нѣчто о преподаваніи киргизскаго языка въ Уральской гимназій. (Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1870. № 31).

Авторъ, указывая на преподаваніе татарскаго языка въ Казанской гимназій, высказываетъ желаніе, чтобы въ свою очередь въ Уральской гимназій былъ введенъ и киргизскій языкъ. Авторъ указываетъ необходимость киргизскаго языка для торговыхъ сношеній съ киргизами и другихъ практическихъ цѣлей. Авторъ, судя по содержанію статьи, очевидно не уяснилъ себѣ задачи Россіи въ ея отношеніяхъ къ киргизамъ.

Корреспонденція изъ Баракалы. (Семирѣченской Области). Биржевыя Вѣдомости. 1870. № 13).

Авторъ разбираетъ причины возмущеній и волненій въ нѣкоторыхъ частяхъ киргизской степи при введеніи „новаго положенія“ и возражаетъ статьѣ, посвященной тому же вопросу,—въ „Вѣстникѣ Европы“, 1869, октябрь.

Корреспонденція изъ Оренбурга: о среднеазиатскихъ и киргизскихъ дѣлахъ. (Биржевыя Вѣдомости. 1870. № 147).

Нападенія киргизовъ на русскій отрядъ. — (Биржевыя Вѣдомости. 1870. № 177).

Статья содержитъ подробности взятія въ плѣнъ отряда подполковника Рукина.

Н. Маевъ. — Путеводитель отъ С.-Петербурга до Ташкента. Спб. 1870.

Тутъ даны краткія, но небезынтересныя указанія: о происхожденіи имени „киргизъ“ и „кара-киргизъ“, — о кочевомъ образѣ жизни киргизовъ и ихъ дѣленіи на роды (на 4 страницы). Затѣмъ помѣщенъ „Краткій очеркъ распространенія русскаго господства въ киргизской степи и въ Средней Азій съ 1732 по 1868 г.“. Приложена карта.

О возмущеніи киргизовъ въ Мангышлакскомъ краѣ. (Голосъ. 1870. № 141).

Объ отрядѣ Рукина и осадѣ форта Александровскаго.

В. Плотниковъ. — Поминки (Асъ). Этнографическій очеркъ изъ быта Зауральскихъ киргизовъ. (Записки Оренбургскаго Отдѣла Император. Русск. Геогр. Общества. 1870 Вып. I).

В. Плотниковъ. — Очеркъ обычаевъ при сватовствѣ, свадьбѣ, при похоронахъ и поминкахъ у киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства. (Записки Оренбургскаго Отдѣла Императ. Русск. Географическ. Общества. 1870. Вып. I).

Переговоры кн. Меликова съ киргизами. — (Биржевыя Вѣдомости. 1870. № 304).

Тутъ описывается депутація киргизовъ, назначенная для „переговоровъ“ въ Александровскомъ фортѣ, и приводится рѣчь кн. Меликова.

Проповѣдники новаго ученія въ киргизской степи. (Туркестанскія Вѣдомости. 1870. № 14).

*** В. Радловъ. — Краткій отчетъ о поѣздкѣ въ Семирѣченскую область и на Иссык-Куль лѣтомъ 1869 г. (Извѣстія Императорскаго Русск. Географическ. Общества. Т. VI, № 3-й. 1870).**

Этотъ отчетъ (на 5 страницахъ) содержитъ, между прочимъ, краткую замѣтку о кара-киргизахъ.

И. Русановъ. — О кочевыхъ киргизахъ Акмолинской и Семипалатинской областей: лѣтнія перекочевки по степи и зимнія стойбища. (Томскія Губернскія Вѣдомости. 1870 № 41 и 42).

Результаты скачекъ во Внутренней киргизской ордѣ, 1870 года. (Журналъ Коннозаводства. 1870 № 8).

Статья напечатана со словъ увѣдомленія Временнаго Совѣта и содержитъ описаніе скачекъ: количество лошадей, принимавшихъ участіе въ скачкахъ, количество верстъ и времени, имена лицъ, взявшихъ призы, масти ихъ лошадей и вѣсъ сѣдоковъ.

В. Радловъ — Образцы народной литературы Тюркскихъ племенъ. Ч. III. Киргизское нарѣчіе. Спб. 1870.

Авторъ въ предисловіи даетъ краткій очеркъ быта киргизовъ, говоритъ объ ихъ языкѣ и литературѣ; затѣмъ, на 766 страницахъ, приводитъ образцы киргизской литературы: поговорки, свадебныя и состязательныя пѣсни, пѣсни бакси, маленькія пѣсни и пѣсни о богатыряхъ, маленькія рассказы и т. д.

Н. Серeda. — Бунтъ киргизскаго султана Кенисара Кашимова. (1838—1847). (Вѣстникъ Европы. 1870 № 8 и 9).

Въ этой статьѣ со всѣми подробностями описываются волненіе среди киргизовъ и такъ много въ свое время надѣлавшій шума бунтъ Кенисары; его

отношенія къ мѣстному начальству, агитація, движеніе нашихъ отрядовъ, усмиреніе степи и новыя возстанія по иниціативѣ Кенисары.

С. Бабаджановъ. — Внутренняя киргизская орда. (Дѣятельность. 1870. № 127).

Авторъ говоритъ о неудобствѣ пролегавшаго нѣкогда торговаго пути чрезъ киргизскую степь на Бухару и о необходимости колонизаціи степи русскими для сближенія съ киргизами и для улучшенія ихъ хозяйства.

Юр - но. — Очеркъ возстанія въ Уральской области. — (Голосъ, 1870. № 23).

Авторъ пишетъ о недостаткахъ стараго административнаго устройства у Зауральскихъ киргизовъ, о выгодахъ „новаго положенія“, отношеніяхъ между киргизами и казаками, о волненіяхъ въ степи и прекращеніи ихъ.

Юр — но. Событія въ степи Уральской области въ 1869 и началѣ 1870 года. (Голосъ, 1870, № 112).

Авторъ ссылается на свою статью въ „Голосъ“ 1870 г. № 23, продолженіе которой составляетъ данная статья, рисующая положеніе степи въ смутное время, возстаніе киргизовъ, вызваннаго „новымъ положеніемъ“, и описаніе волненій.

Плотниковъ. — Народные обычаи киргизовъ. (Записки Оренбургскаго отд. И. Русск. Геогр. общ. 1871 вып. I).

Л. Маншеевъ. — Географическіе, этнографическіе и статистическіе матеріалы о Туркестанскомъ краѣ. (Записки Император. Русск. Географич. Общ. Т. II. 1871).

Въ главѣ IV — „о туземномъ народонаселеніи края“ — говорится о количествѣ кочующихъ киргизовъ въ Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областяхъ.

Л. Миддендорфъ. — Бараба. (Записки Императорской Академіи Наукъ. Т. XIX кн. 2-я 1870).

Эта статья содержитъ подробное описаніе степи Бараба и нѣкоторыя разбросанныя свѣдѣнія о киргизахъ. Приложена карта.

Народные обычаи, имѣвшіе, а отчасти и нынѣ имѣющіе въ Малой Киргизской Ордѣ законную силу. (Записки Оренбургскаго Отд. И. Русск. Географ. Общества 1871 вып. I).

В. Радловъ (W Radloff) — Die Kirgisen. (Zeitsch. d. Geograph. Gesell. in Berlin 1871 p. 505).

С. Бабаджановъ, — Охота во внутренней киргизской ордѣ. (Журналъ Охоты. 1871 № 1 и 2).

Авторъ описываетъ двѣ охоты на волка въ Букеевской ордѣ, на островѣ Каспійскаго моря — Среднемъ Забуруньемъ.

С. Бабаджановъ. — Лошади и ихъ воспитаніе во Внутренней киргизской ордѣ. (Журналъ Охоты. 1871. № 6 и 7).

Авторъ говоритъ о границахъ орды, о почвѣ ея, и, въ двухъ словахъ, объ исторіи возникновенія орды, — также о киргизской лошади, воспитаніи ея и способахъ улучшенія ея породы.

П. Семеновъ (P. Semenov). — Die Graeber bei den Kirgisen (Mit. der Georg. Gesell. in Wien. 1871 p. 199).

Семеновъ (Semenov). — Bilder aus dem Leben der Kirgisen. (Mittheilungen d. Georg. Gesell. in Wien 1871. p. 119, 272).

Ф. Свисени (Fr. Swiceny). — Bilder aus dem Leben der Kirgisen. (Mittheil. d. Georg. Gesellsch. in Wien. 1871 № 4, № 6).

Изъ походныхъ записокъ о дѣйствіяхъ въ степи 1869. В. Голованова (Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1871 г. №№ 28—30, 33 и 34).

Дѣйствія противъ киргизовъ.

Н. Соронинъ.—Замѣтка о посмертныхъ киргизскихъ обрядахъ (Тобольскія Губернскія Вѣдомости. 1871 г. № 5).

Л. Плотниковъ.—О необходимости и средствахъ предупрежденія дальнѣйшаго развитія сыпучихъ песковъ въ степяхъ Внутренней киргизской орды (съ 2 картами) (Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русск. Геогр. Общества 1871, вып. 2).

Преданіе киргизъ-кайсаковъ о своемъ происхожденіи (Воскресный Досугъ 1871 г. № 32).

Передается преданіе о происхожденіи киргизовъ и кара-киргизовъ отъ двухъ плѣнницъ.

С. Бабаджановъ.—Охота и испытаніе лошадей во Внутренней киргизской ордѣ (Журналъ Охоты 1871 №№ 11 и 12).

Воскресный Досугъ. (Нородная Иллюстрація) 1871 г. № 32.

Помѣщена статья, перепечатанная изъ Русскаго Инвалида и касающаяся волненій въ Киргизской степи.

П. А. Шино.—Киргизскій бытъ (Дѣтское Чтеніе 1871 г. № 7).

На 11 страницахъ кратко рисуется бытъ киргизовъ. Есть интересныя указанія о могилахъ киргизовъ.

А. Нушаневичъ.—Свѣдѣнія о Ходженскомъ уѣздѣ (Записки И. Русск. Геогр. Общества.—По общей географіи т. IV СПб. 1871).

Въ главѣ „Населеніе уѣзда“ помѣщены краткія (на трехъ страницахъ) свѣдѣнія о киргизахъ.

Е. П.—Киргизы (Иллюстрированная Газета 1871 г. №№ 20 и 21).

Авторъ говоритъ о характерѣ киргизовъ, образѣ жизни, зимовьѣ, кочевкахъ сватовствѣ, положеніи женщинъ и религіи.

Нѣсколько словъ по поводу послѣдняго возстанія киргизовъ на Мангышлакскомъ полуостровѣ (Военный Сборникъ 1871 г. Т. 79, стр. 41—59).

Авторъ говоритъ о „новомъ положеніи“ и о вліяніи его на киргизовъ, объ условіи ихъ жизни и о причинахъ, побудившихъ адаевцевъ Мангышлака къ возстанію.

А. Шустовъ.—Изъ киргизскаго быта въ степи (Ирбитскій Ярмарочный Листокъ. 1871 г. №№ 10 и 15).

Мы могли получить только означенные нумера этой газеты и, такимъ образомъ, познакомиться только съ отрывками статьи, представляющей, повидимому, воспоминаніе проѣзжаго по киргизской степи.

Титовъ.—О дѣсов дѣствѣ въ Киргизской степи (Туркестанскія Вѣдомости 1871 г. №№ 15—21).

Ш. Ибрагимовъ.—О муллахъ въ киргизской степи (Туркестанскія Вѣдомости 1871 г. № 14).

Очерки исторіи киргизскаго народа съ 1732—1868 г. (Туркестанскія Вѣдомости 1871 г. № 3).

Ш. Ибрагимовъ. Матеріалы для этнографіи Средней Азіи (Туркестанскія Вѣдомости 1871 г. № 1).

Помѣщены киргизскія загадки (см. 1870 г. № 1 и 6).

* Загряжскій.—Замѣтки о народномъ самоуправленіи у кара-киргизъ. Туркестанскія вѣдомости 1871 г. № 2).

* П. Рейнталь.—По поводу замѣтокъ о народномъ самоуправленіи у кара-киргизъ (см. № 2) (Туркестанскія Вѣдомости 1871 г. № 9).

Населеніе Илійскаго края и его промышленность (Туркестанскія Вѣдомости 1871 г. № 16).

П. Зенковъ.—Эксплуатація земной поверхности въ киргизской степи (Туркестанскія Вѣдомости 1871 г. №№ 2, 10 и 24).

Очеркъ исторіи киргизскаго народа съ 1732—1868 г. (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1871 г. №№ 17—19-й).

Перепечатано изъ Туркестанскихъ Вѣдомостей 1871 г. № 3.

Народные киргизскіе обычаи (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1871 г. №№ 5 и 6).

Описываются: порядокъ гостепримства, байга, брачный союзъ, похороны, могилы, кочевья и зимовки, право собственности и пр.

* Замѣтки о народномъ самоуправленіи у кара-киргизъ (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1871 г. №№ 16 и 17).

Перепечатано изъ Туркестанскихъ вѣдомостей 1871 г. № 2.

* П. Рейнталь. По поводу замѣтокъ о народномъ самоуправленіи у кара-киргизъ (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1871 г. № 21—23)

Перепечатано изъ Туркестанскихъ Вѣдомостей 1871 г. № 9.

П. Зенковъ.—Эксплуатація земной поверхности въ киргизской степи (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1871 г. №№ 25 и 26).

Перепечатано изъ Туркестанскихъ Вѣдомостей 1871 г. №№ 2, 10 и 24.

И. Земляничинъ.—Построеніе г. Семипалатинска (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1871 г. №№ 31—36).

Народные киргизскіе обычаи (Енисейскія Губернскія Вѣдомости 1871 г. № 25).

Описывается обрядъ похоронъ у киргизовъ.

А. М.—Изъ путевыхъ замѣтокъ (Русскій Міръ 1872 г. № 38).

Авторъ даетъ не безынтересный, хотя и краткій, очеркъ Букеевской степи: Рынъ-песковъ, Ханской Ставки и пр.

Объ осенней ярмаркѣ при Ахунскомъ хуторѣ Внутренней киргизской орды (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1872 г. № 17).

Оренбуржецъ.—Тревожныя извѣстія изъ Киргизской степи (Недѣля 1872 г. №№ 39 и 40).

Авторъ пишетъ о новыхъ волненіяхъ въ Киргизской степи.

Потѣдна на полуостровъ Бузачи (Русскій Инвалидъ 1872 г. № 35).

Говорится о путешествіи съ военно-стратегическою цѣлью Ламакина къ адаевскимъ киргизамъ послѣ событій 1869 г. (въ 1871 г.).

Л. Плотноковъ.—О необходимости предупрежденій дальнѣйшаго развитія сыпучихъ песковъ въ степяхъ Внутренней Киргизской орды (Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русск. Географ. Общества, в. П. Казань 1872).

Авторъ говоритъ о постоянно распространяющихся пескахъ въ Букеевской степи, о причинахъ ихъ распространенія и указываетъ на мѣры, могущія предотвратить грозящее бѣдствіе.

М. Венюковъ.—Общій обзоръ постепеннаго расширенія русскихъ предѣловъ въ Азіи и способъ обороны ихъ (Военный Сборникъ. 1872 г. № 2).

Этот интересный обзор имеет прямое отношение и къ завладѣнію Киргизской степью.

Киргизы.—Этнографическій очеркъ (Туркестанскія Вѣдомости 1872 г. № 1).

Г. Загряжскій.—Очерки Перовскаго уѣзда (Туркестанскія Вѣдомости 1872 г. № 29).

А. Чайковскій.—Иссыкъ - Кульскія уѣзды въ 1869—1871 г.г. (Туркестанскія Вѣдомости 1872 г. № 45).

Гребенкинъ.—Русскій Туркестанъ 1872 г.

Матеріалы для исторіи, статистики и этнографіи Семипалатинской Области (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1872 г. №№ 33, 42 и 43).

Г. Адамоли (G. Adamoli). Ricordi di un viaggio nelle steppe dei Kirghisi (Bollet. d. l. Soc. Geogr. Ital. 1872 VII).

Балахонцовъ.—Байгуши. (Семипалатинскія Обл. Вѣдомости. 1872 № 9).

О киргизахъ, обитающихъ на правомъ и лѣвомъ флангахъ Сибирскаго казач. войска.

Матеріалы для статистики Туркестанскаго края — (Ежегодникъ вып. 1. 1872 года. Спб.).

Этотъ выпускъ содержитъ слѣдующія статистическія свѣдѣнія: статистическія свѣдѣнія по Семирѣченской области; о числѣ разнаго рода зданій въ Семирѣченской области; о сельско-хозяйственномъ распредѣленіи земель и о скотоводствѣ въ Семирѣчинской области за 1869 годъ; о населеніи г. Вѣрнаго по переписи 1 марта 1870 г.; о числѣ учебныхъ заведеній, учителей и учащихся въ Семирѣченской области за 1869 г.; о числѣ кочеваго населенія въ Семирѣченской области; киргизской волости Туркестанскаго района Чеминскаго уѣзда волости Вѣренскаго уѣзда и т. д.

Л. Мостенко.—Очерки Семирѣчья (Военный Сборникъ. 1872. № 11, гл. I—V и № 12, гл. VI—XI).

Въ VI главѣ на 3 страницѣхъ помѣщенъ краткій очеркъ киргизовъ-атабановцевъ. Кромѣ того даны краткія и разбросанныя свѣдѣнія о киргизахъ.

И. Ибрагимовъ.—Этнографическіе очерки киргизскаго народа. (Русскій Туркестанъ. Вып. II, М. 1872).

На 32 страницѣхъ авторъ излагаетъ уходъ за беременной женщиной, обряды при рожденіи ребенка и уходъ за нимъ, обряды при сватовствѣ, свадьбѣ и похоронахъ; приложена и замѣтка о леченіи болѣзней.

Киргизское правосудіе.—Виржевыя Вѣдомости. 1872. № 129).

Статья описываетъ убійство, совершенное киргизомъ надъ своей женой и ея любовникомъ и постановленіе народнаго суда: „считать убійцу отъ суда свободнымъ“. Перепечатано изъ Судебнаго Вѣстника.

Киргизы.—Этнографическій очеркъ. (Туркестанскія Вѣдомости. 1872. № 1 и 2).

А. Хорошхинъ—Байтукъ-Батуръ. (Рассказъ изъ кара-киргизской жизни. 1867 г. (Туркестанскія Вѣдомости. 1872. № 42).

І. Сотниковъ (священникъ).—Нѣсколько словъ о возможности учрежденія миссій между киргизами Средней орды.—(Православное Обозрѣніе. 1872. Май).

Авторъ этой интересной статьи говоритъ о малой религіозности киргизовъ, о причинахъ нераспространенія ислама, о присягѣ, о хождахъ и муллахъ, о постепенномъ роспространеніи ислама среди киргизовъ и о необходимости учрежденія миссій.

А. Хорошхинъ.— По кочевьямъ киргизовъ на сѣверо-востокъ отъ Тамбы. (Туркестан. Вѣдомости. 1872. № 46).

Уѣздный врачъ.—Русскій врачъ среди киргизовъ. (Недѣля. 1872. № 3).

Авторъ этой статьи говоритъ о трудности лѣченія киргизовъ въ степи, о тяжеломъ положеніи врачей Уральской области, о неудобствахъ при лѣченіи, и предлагаетъ устроить больницу для киргизовъ.

П. Зенновъ.—Эксплуатація земной поверхности въ киргизской степи. (Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ. Вып. II 1873).

Авторъ на 25 страницахъ говоритъ о почвѣ и объ ея эксплуатаціи; въ частности о лѣсоводствѣ, хлѣбопашествѣ, и орошеніи степей.

Зенновъ.—Звѣрный промыселъ въ Семирѣчьѣ. (Туркестанскія Вѣдомости, 1873. № 43).

Н. Маевъ.—Очерки исторіи Киргизскаго народа съ 1732 до 1868 г. (Мат. для стат. Турк. края. Вып. II. 1873 г.).

На 12 страницахъ изложена исторія киргизскаго народа по принятіи его (номинально) въ наше подданство, наши отношенія къ киргизамъ, какъ мотивы къ постояннымъ волненіямъ среди киргизовъ.

Киргизы Малой орды. (Иллюстрированная Недѣля 1873. № 18).

Статья имѣетъ интересъ лишь въ приложенномъ рисункѣ „киргизы Малой орды“. Содержаніе же небольшой (въ одинъ столбецъ) статьи не соответствуетъ истинѣ.

О состояніи скотоводства въ Туркестанскомъ краѣ.—(Матеріалы для статистики Туркестанск. края. Ежегодникъ, вып. II. 1873).

А. Тилло.—Первая народная перепись въ киргизской степи. (Извѣстія Императорскаго Русскаго Географич. Общ. 1873. Т. IX. № 2).

Статья заключаетъ въ себѣ результаты первой народной переписи въ киргизской степи, произведенной въ Николаевскомъ уѣздѣ Оренбургскаго края. Говорится о трудности переписи; перечисляются: наименованія родовъ и отдѣльный этого уѣзда, количество кибитокъ и скота, число жителей, болѣзны людей и скота, методы лѣченія ихъ и нѣкоторые другія статистическія данныя.

Г. Титовъ.—О лѣсоводствѣ въ киргизской степи (Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ. Вып. II. 1873).

На 3 страницахъ авторъ говоритъ объ истребленіи лѣсовъ въ киргизской степи, о причинахъ истребленія.

Матеріалы для статистики Туркестанскаго края.—Ежегодникъ. Вып. II. Спб. 1873 года.

Кромѣ вышеупомянутыхъ статей этотъ выпускъ содержитъ еще рядъ мелкихъ статей и замѣтокъ, имѣющихъ прямое и косвенное отношеніе къ киргизскимъ степямъ.

Туркестанскія Вѣдомости. 1873. № 43.

Г. Бардашевъ.—Замѣтки о дикокаменныхъ киргизахъ. (Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ, вып. III. 1874).

Краткія свѣдѣнія о топографіи, гидрографіи и благосостояніи страны.

Н. Михайловъ.—Приключенія русскаго торговца въ степяхъ Средней Азии и Хивѣ (Гражданинъ 1873 г. № 42).

Авторъ передаетъ разсказъ купца Абросимова о путешествіи его въ Хиву и столкновеніи съ киргизами. Есть нѣкоторые указанія на бытъ послѣднихъ.

Изъ киргизскихъ нравовъ. Статья Н. П...ва (Семирѣчскія Областныя Вѣдомости 1873 г. № 37).

Продажі адаевцевъ о святыхъ секты ханасріе, жившихъ и умершихъ на Мангышлакъ (Приложеніе „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ 1873 г. вып. 7).

Киргизская пѣсня. Статья А. Б. (Прибавленіе къ „Сборнику свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ 1873 г. вып. 7).

С. Смоленскій. — Дѣло двадцати казаковъ при имѣѣ Чаграѣ (Военный Сборникъ 1873 г. № 10).

Правдивый разсказъ передаетъ интересную подробность изъ бунта адаевскихъ киргизовъ. Здѣсь можно, между прочимъ, встрѣтить описаніе вооруженія адаевцевъ.

Съ береговъ Каспія (Биржевыя Вѣдомости 1873 г. № 2).

Говорится о подстрекательствѣ адаевскихъ киргизовъ на Мангышлакъ со стороны Хивы и описываются нѣсколько схватокъ.

Джамия (Семирѣчскія Областныя Вѣдомости 1873 г. № 37).

Разсказъ характеризуетъ отношеніе мужчины къ женщинѣ у киргизовъ.

Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 2.

Г. Загряжскій. — Киргизскіе очерки (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 1).

Киргизы (Нива 1873 г. № 5 и 8).

Эта статья написана по поводу прибытія въ Петербургъ депутаціи киргизовъ и заключаетъ краткій очеркъ внѣшняго быта киргизовъ и земледѣлія у нихъ. Приложено три рисунка.

Кальниниѣ. — Киргизскія поминки и нѣсколько словъ о киргизскомъ коневодствѣ (журналъ Коннозаводства 1873 г. № 5).

Авторы кратко (на пяти страницахъ) говорятъ о киргизскихъ „асъ“ и „байгъ“.

Султанъ А. Нурсинъ. — Аристократическая каста въ Кунградскомъ родѣ (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 43).

Объясненіе нѣкоторыхъ терминовъ, встрѣчающихся въ киргизскомъ судопроизводствѣ (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 42).

Путешествіе черезъ Киргизскія степи въ Хиву въ 1842 — 1843 г. доктора философіи Базинера (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. №№ 31 и 46).

Г. Загряжскій. — Очерки Токмакского уѣзда (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. №№ 9 и 10).

П. Зенковъ. — Колонизація Семирѣчья (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 8).

Ю. Балицкій. — Замѣтки о кочевомъ населеніи въ Вѣрненскомъ уѣздѣ (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 6).

Низовья Аму-Дарьи до Кунграда (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 3).

Голосъ изъ Семирѣчья. — (Корреспонденція „Церковно-Общественнаго Вѣстника“. 1874. № 132).

*Г. Загряжскій. — Замѣтка о народномъ самоуправленіи у кара-киргизъ. (Матеріалы для статистики Туркест. края. Ежегодникъ. Вып. III. 1874).

Замѣтка касается восточной гористой части Туркестанскаго генерал-губернаторства, преимущественно Иссыкульскаго и Токмакского уѣздовъ. Говорится о зависимости выборовъ отъ вліятельныхъ лицъ степи, о неправильномъ судѣ бѣевъ, чему приводятся примѣры. Приводитъ проектъ переустройства

мѣстнаго управленія, измѣненія должности (съ расширеніемъ правъ и обязанностей) уѣздныхъ начальниковъ.

***П. Рейнталь.** — По поводу замѣтокъ о народномъ самоуправленіи у каракиргизъ. (Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ. Вып. III. Спб. 1874).

Авторъ возражаетъ не противъ фактовъ, а противъ выводовъ Загряжскаго (см. выше) и противъ проекта измѣненія суда, даетъ съ своей стороны совѣты.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (По Отдѣлу Статистики т. IV. СПб. 1874 г.).

Этотъ томъ содержитъ двѣ статьи: М. Терентьева „Статистическія очерки Среднеазиатской Россіи“ и Л. Соболева „Географическія и статистическія свѣденія о Заравшанскомъ округѣ съ приложеніемъ списка населенныхъ мѣстъ округа“. Всѣ свѣдѣнія помѣщены на 600 слишкомъ страницахъ и представляютъ большую цѣнность. Статьи содержатъ, между прочимъ, описаніе топографіи мѣстности и данныя о киргизахъ. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что лица, составляющія статистическія данныя и помѣщающія свои статьи въ „Памятныхъ книжкахъ“ и другихъ періодическихъ изданіяхъ, упускаютъ очень важный факторъ — народность: авторы подробно описываютъ данныя по уѣздамъ, даже по волостямъ, сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ и лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ по народностямъ; это слѣдуетъ замѣтить и о статьяхъ гг. Терентьева и Соболева.

***Г. Загряжскій.** — Кара-киргизы. Туркестанскія Вѣдомости. 1874 г. № 41, 42, 44 и 45).

Я могъ просмотрѣть только №№ 41 и 42. Въ № 41, гдѣ говорится о границахъ земли кара-киргизовъ, приводится легенда о происхожденіи ихъ и нѣкоторые семейные обряды; въ № 42 рисуется жизнь кара-киргизскаго аула.

Матеріалы для этнографіи Средней Азіи. Киргизскія пословицы и загадки. Собраны III. Ибрагимовымъ въ киргизской степи Сибирскаго вѣдомства. (Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ. Вып. III. Спб. 1874).

Собрано 104 пословицы и 10 загадокъ съ разгадками. Загадки задавались извѣстной красавицей киргизкой Калипой киргизу Хассану — оба они славились пѣвцами. Разъ, какъ то, въ присутствіи многихъ гостей, стала она импровизировать въ стихахъ загадки, на которыя Хассанъ также отвѣчалъ стихами, прибавляя къ нимъ разгадку.

III. Ибрагимовъ. — 0 муллахъ въ киргизской степи. (Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ. Вып. III. 1874).

Говорится о томъ, какъ татаринъ (казанскій) — торгошъ ханженствомъ постепенно втирается въ среду киргизовъ и, постепенно, наживая богатство, прибавляетъ къ рукамъ киргизовъ, эксплуатируетъ ихъ и агитируетъ противъ русскихъ. Все это относится къ восточной части киргизской степи, т. е. къ бывшей области Сибирскихъ киргизовъ.

Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. — Ежегодникъ. Вып. III. 1874 г.

Кромѣ только что приведенныхъ статей, этотъ выпускъ содержитъ нѣсколько мелкихъ замѣтокъ (часть статистическаго содержанія), имѣющихъ отношеніе къ киргизскимъ степямъ.

И. Лосевъ. — Медицина въ киргизской степи (Московская Медицинская Газета. 1874. № 28).

Авторъ говоритъ о „тобанахъ“ и „баксахъ“ — народныхъ врачахъ киргизовъ, о главныхъ болѣзняхъ, о нѣкоторыхъ способахъ леченія и вѣрованіяхъ, сопряженныхъ съ появленіемъ болѣзней.

А. Лагашкинъ.—Нѣсколько словъ по вопросу о постоухахъ киргизахъ и о престѣченіи конокрадства на войсковой землѣ (Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1874. № 29 и 30).

Авторъ указываетъ на конокрадство (причиною котораго являются киргизы-пастухи), развившееся до крайнихъ предѣловъ, приводитъ мнѣніе нѣкоторыхъ лицъ по этому вопросу и затѣмъ предлагаетъ съ своей стороны мѣры для уничтоженія конокрадства, подтверждаѣя ихъ примѣрами.

Ник—въ.—Бое о чемъ изъ киргизской жизни и о кумысѣ. (Уральскія Войсковыя Вѣдомости № 21. 1874 г.).

Авторъ рисуетъ интересную обрядовую сторону изъ жизни киргизовъ, сопряженную съ первымъ доеніемъ кобылицъ весной.

И. Неплюевъ и Оренбургъ—Біографо-историческій очеркъ. (Уральскія Войсковыя вѣдомости 1874 № 33).

Эта статья помѣщена въ нѣсколькихъ номерахъ Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостей за 1874 г., изъ которыхъ мнѣ удалось имѣть только № 33, гдѣ заключаются свѣдѣнія о торговлѣ киргизовъ.

П. Р.—Киргизскія пѣсни. (Вѣстникъ Европы. 1874 г. кн. 12).

Авторъ приводитъ двѣ киргизскія пѣсни на русскомъ языкѣ, переложенныя въ стихи съ подстрочнаго перевода, сдѣланнаго султаномъ Сейдалиномъ П—мъ (вѣроятно Пираліевымъ).

Развалины Джанъ-Кента. (Мат. д. стат. Тур. края. Вып. III. Спб. 1874 г.).

(Съ 14 рисунками, могилы богатаго и простаго киргизовъ).

В. Григорьевъ.—Русская политика въ отношеніи къ Средній Азій (Изъ Сборника Государственныхъ знаній т. I.). 1874 г.

Въ этой небольшой (29 страницъ), но интересной брошюрѣ посвящено нѣсколько страницъ и нашей политикѣ въ отношеніи къ киргизамъ въ XVIII столѣтіи. Кратко и очень жѣтко рисуетъ авторъ наши промахи. Переведено на англійскій языкъ въ „Turkistan by P. Schuyler, vol. II“ и на нѣмецкій (въ переводѣ П. И. Лерха въ Russische Revue 1875, В. VII).

М. Терентьевъ.—Статистическіе очерки Средне-азиатской Россіи (Изъ IV т. Записокъ Отдѣла Статистики И. Русск. Географ. Общества). Спб. 1874 г.

Описаніе касается Сырь-Дарьинской линіи и Кураминскаго уѣзда и содержитъ описаніе естественныхъ произведеній, топографіи, общественнаго устройства, податей, народнаго здравія, просвѣщенія и проч., затѣмъ слѣдуютъ, какъ приложение, разныя статистическія свѣдѣнія. Что касается населенія („Этнографія уѣзда“), то тутъ кратко описываются таджики, сарты, киргизы и курама.

А. Рейпольскій.—Медико-топографическій очеркъ Киргизской, Внутренней орды и оспенная эпидемія въ ней въ 1874 г. (Протоколы засѣданій Общества русскихъ врачей за 1874 и 75 г.).

П. Золотовъ.—Семипалатинскъ 110-тъ лѣтъ тому назадъ (Семипалатинскія Области. Вѣдомости 1874 №№ 1, 11 и 12).

О рыболовствѣ киргизовъ (Туркестанскія Вѣдомости 1874 г. № 20).

Г. Арандаренно.—Значеніе власти аксакаловъ въ отдаленныхъ кншлакахъ (Туркестанскія Вѣдомости 1874 г. № 25).

Г. Загряжскій.—Бытъ кочеваго населенія долины Чу и Сырь Дарьн (Туркестанскія Вѣдомости 1874 г. №№ 25, 27—32).

Описывается киргизская юрта, домашняя утварь, киргизскій день, пища, сугумъ, права султановъ на сугумъ, гостепріимство, игры и забавы, музыкальные инструменты, ремесла и промыслы, добываніе соли и т. п.

П. Зенковъ.—Экономическія замѣтки по Киргизской степи отъ Иртыша до Иссык-куля (Туркестанскія Вѣдомости 1874 г. № 46).

Податная система въ Туркестанскомъ краѣ. (Голосъ. 1875. № 134. Передовая статья).

*** Вамбери (Vambery),**—Kara-Kirgisen. (Westerman's illustr. Monatsheft. 1875. October).

Вамбери (Vambery)—Kirgisen. (Westerman's illustr. Monatsheft) 1875. April).

Медино-топографическій очеркъ Внутренней киргизской орды. (С.-Петербургскія Вѣдомости. 1875. № 112).

Очеркъ этотъ представляетъ выдержку изъ стат. Рейпольскаго, помѣщенной въ „Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ, общественной гигиенѣ и проч.“ Т. I, 1875, и содержитъ краткое описаніе почвы степи, быта киргизовъ, употребленія въ Ханской Ставкѣ большого количества спиртныхъ напитковъ и болѣзней у киргизовъ.

О прозектѣ преобразованія административнаго устройства Внутренней киргизской орды. (Голосъ. 1875. № 338).

А. Хорошхинъ Очерки Семирѣчья. Ташкентъ 1875.

Г. Потанинъ.—О рукописи капитана Андреева о Средней киргизской ордѣ, писанной въ 1785 г. (Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 1875 Вып. II).

Авторъ говоритъ, что Андреевъ проѣхалъ отъ Усть-Каменогорской крѣпости до Прѣсногорьководской, самъ наблюдалъ киргизовъ и изучалъ ихъ бытъ по разспросамъ. Авторъ говоритъ объ этой рукописи, какъ о цѣнномъ матеріалѣ для сравненія съ настоящимъ временемъ по нѣкоторымъ обычаямъ, которые съ теченіемъ времени вывелись. Рукопись эта есть одинъ изъ первыхъ этнографическихъ трудовъ о киргизахъ.

За пять зѣтъ. Статья Юр—ко (Уральскія Войсковыя Вѣдомости 1875 № 8).

О реформахъ въ киргизскихъ степяхъ.

Львовичъ.—Киргизская степь. Разсказъ солдата 1875 Вып. I. Изд. «Досугъ и Дѣло».

Киргизы (Виленскій Вѣстникъ 1875 г. №№ 29 и 31).

Авторъ кратко описываетъ наружность киргизовъ, одежду ихъ, образъ жизни и т. д.

Образцы киргизской поэзіи (Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русск. Географическаго Общества В. III. 1875 г.).

Эти образцы собраны и переведены на русскій языкъ Т. К. Сейдалиномъ и С. I. Джантюринимъ, рѣмическій текстъ П. Н. Распопова.

Падшай (Случай изъ быта киргизовъ). К-нъ А-въ (Иллюстрированная Недѣля 1875 г. №№ 13 и 14).

Рисуется бытъ киргизовъ, имѣющій отношеніе, преимущественно, къ положенію женщины въ семьѣ.

О ходѣ торговли на осенней ярмаркѣ 1874 и 1875 гг. при Ахунскомъ хуторѣ Внутренней киргизской орды (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1875 г. №№ 1 и 41).

Ю. Назбековъ.—Цикловой годъ у киргизовъ и другихъ народностей Средней Азіи (Туркестанскія Вѣдомости 1875 г. № 6).

Кызы-быры.— „Волкъ-дѣвка“. Военныя игры въ киргизской степи (Всемирная Иллюстрація 1875 г. № 354).

Описывается киргизская игра и говорится о положеніи дѣвушки и женщины у киргизовъ.

Манъ-Гаханъ.— Военныя дѣйствія на Оксусѣ и паденіе Хивы. Москва 1875.

Это въ высшей степени интересное сочиненіе писано американскимъ военнымъ корреспондентомъ; настоящее изданіе переведено съ англійскаго, вышедшаго въ Лондонѣ въ 1874 г. (Campaigning on the Oxus and the Fall of Khiva). Кромѣ разбросанныхъ свѣдѣній о киргизахъ, помѣщенныхъ въ началѣ сочиненія, слѣдуетъ отмѣтить интересныя главы: киргизскій старшина, киргизскій романъ и домашній бытъ киргизовъ.

Л. Баллюзень.— Народная перепись въ Николаевскомъ уѣздѣ Тургайской области (Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русск. Географ. Общества, в. III. 1875 г.).

М. Терентьевъ.— Туркестанъ и Туркестанцы (Вѣстникъ Европы. Кн. 9, 10 и 11. Сентябрь, октябрь и ноябрь 1875 г.).

Эта интересная статья относится не къ однимъ киргизамъ, а вообще къ инородцамъ Туркестана. Авторъ подробно излагаетъ введенія „новаго положенія“ въ 1867—68 гг. и описываетъ внѣшній бытъ, бачетатство, болѣзни, духовенство, школьное образованіе, судопроизводство и управленіе—все на 113 страницахъ. Интересными свѣдѣніями и хорошимъ изложеніемъ статья эта заслуживаетъ вниманія.

М. Терентьевъ.— Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб. 1875.

Киргизская грамматика составлена г. Терентьевымъ по матеріалу Ильминскаго, проверена живой рѣчью и рассмотрѣна живымъ рѣчью и рассмотрѣна Султаномъ Джангиромъ Букевымъ и г. Ибрагимовымъ.

Положеніе миссіонерскаго дѣла въ семырѣченской области (Туркестанскія Вѣдомости 1875 г. № 34).

Ю. Назбековъ.— Праздникъ Зенги-ата (у киргизовъ) (Туркестанскія Вѣдомости 1875 г. № 34).

Ein Krähwinkel in der Kirgisiensteppe (Europa 1876 № 28).

И. Ибрагимовъ.— Очерки быта киргизовъ. (Древняя и Новая Россія. 1876. Т. III).

Авторъ посвящаетъ свою статью описанію Киргизскихъ поминокъ (асъ); говоритъ между прочимъ о мѣллахъ, киргизской пѣснѣ, охотѣ, скачкахъ и единоборствѣ. Очерки написаны въ интересной формѣ.

А. Загряжскій.— Юридическіе обычаи киргизовъ. (Мат. д. Стат. Тур. края вып. IV 1876 г.).

На 33 страницахъ изложены многочисленные обычаи киргизовъ, касающіеся: сословности, сватовства и свадьбы, семейнаго устройства и др. Эти страницы представляютъ цѣнный матеріалъ для изученія юридическихъ обычаевъ киргизовъ.

Musik, Gesang und Tanz der Baschkiren und Kirgisen. (Ausland. 1876. № 34).

Записки Императорскаго С.-Петербургскаго Минералогическаго Общества 1876 г. ч. X.

Туркестанскія Вѣдомости 1876 г. № 17.

Киргизскія сказки, переведен. Рахимомъ Шараповымъ Абдрахимовымъ (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1876 г. №№ 19—24).

Н. Савичевъ.—Исетай Таймановъ, старшина Внутренней орды (Уральскія Вѣдомости 1876 г. № 43—50 и 1877 г. № 1).

Киргизскія пословицы (Оренбургскій листокъ 1876 г. № 35).

Пословицы касаются слѣдующихъ сторонъ: отношенія къ Богу, внутренняго міра человѣка, отношенія къ правительству и законамъ, отношенія къ обществу, семьѣ, роднымъ и постороннимъ лицамъ--всѣхъ 83.

Вѣдомость о ходѣ торговли на весенней ярмаркѣ 1876 г. при Архунскомъ хуторѣ Внутренней киргизской орды (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1876 г. № 45).

Съ береговъ Иртыша (Сибирь 1876 г. № 33).

Сувѣріе о киргизахъ и казакахъ.

Въ киргизской степи (Живописное Обзорѣніе 1876 г. № 50).

Говорится объ интересной киргизской игрѣ кызъ-быры (волкъ-дѣвка). Приложенъ рисунокъ, взятый изъ *Illustrirte Zeitung*.

Киргизы Малой орды (Живописное Обзорѣніе 1876 г. № 25).

Помѣщена краткая замѣтка о киргизахъ, относящаяся къ приложенному къ статьѣ рисунку.

Д. Самонвасовъ.—Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ. Варшава 1876.

Въ концѣ книги (на 37 страницахъ) помѣщены „обычай киргизовъ“. Эта глава заключаетъ слѣдующіе отдѣлы: о богопочитаніи, судѣ и судьяхъ, свидѣтеляхъ, смертномъ убійствѣ, увѣчьяхъ, ранахъ, дракѣ и обидахъ, уприсѣ и укрывательствѣ преступниковъ, о содомскомъ грѣхѣ, насиліи и блудѣ, о заимствѣ, воровствѣ и грабежѣ, по исковымъ дѣламъ.

Киргизскія пословицы (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1876 г. №№ 14 и 15).

Кульмесенъ и Акылъ-Саза (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1876 г. №№ 19—24).

Киргизскія сказки.

Нѣсколько словъ о байгахъ, бывшихъ въ гг. Акмолинскѣ и Петропавловскѣ 21 и 27 іюля и выставкахъ при нихъ. (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1876 г. № 15).

Нѣсколько словъ о байгѣ, бывшей въ Омскѣ 10 іюля (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1876 года № 13).

Замѣтки о Семирѣченскомъ краѣ (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1876 г. №№ 6—8).

Матеріалы для исторіи Киргизской степи (Сборникъ газеты „Сибирь“ т. 1).

А. Кадомцевъ.—Отчетъ о поѣздкѣ въ киргизскія степи. (Извлеченія изъ отчетовъ гг. ветеринаровъ, командированныхъ въ киргизскія степи). Сиб. 1877).

Эта книжка (въ 107 страницъ) состоитъ изъ 6 главъ: I. Линія сибирскихъ киргизовъ. II. Киргизскія степи западной Сибири. Здѣсь говорится объ отсутствіи лѣсовъ, о маломъ количествѣ годной воды, о почвѣ и травахъ. III. Южная окраина Тобольской и Томской губерній IV. Содержаніе скота. Авторъ въ этой главѣ даетъ довольно полную картину содержанія скота и ухода за нимъ, говоритъ о кочевьяхъ и зимовьяхъ киргизовъ. V. Понавѣныя болѣзни на скотѣ. Тутъ говорится о болѣзняхъ скота, о средствахъ предупрежденія и о лѣченіи болѣзней. VI. Торговля, ярмарки и пути передвиженія скота.

Н. Савичевъ.—О неповиновеніи начальству двухъ киргизъ Внутренней орды (Уральскія Войсков. Вѣдомости 1877 г. №№ 4, 5 и 6).

Киргизскіе кудесники (Сѣверная Звѣзда 1877 г. № 23).

Со словъ г. Небольсина описываются фокусы, продѣлываемые киргизскими баками, какъ-то: кусаніе раскаленнаго желѣза, хожденіе въ огонь и т. д.

Г. Кравцовъ.—Отчетъ о поѣздкѣ въ Киргизскія степи (Извлеченіе изъ отчета гг. ветеринаровъ. СПб. 1877).

Весьма интересная работа, касающаяся преимущественно скотоводства у киргизовъ; кромѣ того, есть описаніе природы Киргизской степи и жизни киргизовъ. Всего 204 страницы.

Киргизскій судъ (Сибирь 1877 г. № 28).

Описаніе порядка разбора дѣлъ киргизскими бѣями.

Матеріалы по статистикѣ, географіи, исторіи и этнографіи Оренбургской губерніи. Выпускъ I. Оренбургъ 1877.

Въ этомъ сборникѣ помѣщены интересныя топографическія свѣдѣнія и отчасти статистическія данныя о киргизахъ. Слѣдуетъ отмѣтить библиографическій указатель сочиненій и статей, касающихся Оренбургской губерніи, помѣщенный на стр. 51—89 II-го отдѣла. Нѣкоторыя статьи и сочиненія, имѣющія прямое отношеніе къ киргизамъ, мы помѣщаемъ въ нашъ указатель, нѣкоторые же, въ виду ихъ общаго характера (судя по заглавіямъ), не включаемъ, но указываемъ на нихъ, желающимъ познакомиться съ ними.

***Корреспонденція изъ Оренбурга** (Голосъ 1877 г. №277),

Говорится объ усмиреніи мятежныхъ кара-киргизовъ генераломъ Скобелевымъ.

Лѣченіе падучей болѣзни у киргизовъ (Сибирь 1877 г. № 8).

Примѣры излеченія болѣзни захарями.

Пецольдъ (A. Petzholdt)—Umschau im Russischen Turkestan im Jahre 1871. Leipzig. 1877.

Уже въ первой части своего сочиненія авторъ неоднократно затрогиваетъ жизнь киргизовъ и даетъ описаніе страны, обитаемой, между прочими, и киргизами, но всѣ свѣдѣнія преимущественно о киргизахъ и кара-киргизахъ сведены имъ въ 3-й главѣ II-й части, гдѣ онъ даетъ интересныя данныя о характерѣ и вѣншемъ бытѣ.

Съ устьевъ Волги (Московскія Вѣдомости 1877 г. № 285).

Авторъ говоритъ о пригодности киргизскихъ кибитокъ для солдатъ во время военныхъ дѣйствій, о равнодушномъ отношеніи къ войнѣ буковскихъ киргизовъ и о поставкѣ ими 500 лошадей для войска.

Корреспонденція изъ Омска (Сибирь 1877 г. № 39).

Говорится объ юртѣ, отправленной киргизами Зайсанскаго приставства въ подарокъ Е. И. В. Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему и стоящей слишкомъ 10.000 рублей.

Корреспонденція изъ Омска (1877 г. № 52).

Объ интернатахъ для киргизскихъ дѣвочекъ.

Озеро Норъ—Зайсанъ и Черный Иртышъ (Туркестанскія Вѣдомости 1877 г. № 51).

Нѣсколько словъ о киргизскихъ интернатахъ Акмолинской области (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1877 г. № 23).

Киргизскія легенды (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1877 г. №№ 1—3).

Краткое извлеченіе изъ киргизской легенды: „Баянъ-Сулу и Козу-Курпечъ“.

Die Kirgisingeschichte. Russische Revue 1873). Номеръ неопубликованъ.

Ибрагимовъ.—Замѣтки о киргизскомъ судѣ. (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣлу Этнографіи 1878. Т. VIII № 2).

Парфеній (Инокъ). Первые извѣстія о русскихъ въ Кульдѣѣ и при-соединеніи къ Россіи киргизской области (Русскій Вѣстникъ 1878 Т. 137).

Эта интересная рукопись сообщена Д. Касяцкимъ, который снабдилъ ее предисловіемъ.

П.—Обычаи киргизовъ Семипалатинской области. (Русскій Вѣстникъ 1878. Т. 137. № 9).

На 42 страницахъ изложены свадебные обряды съ пѣснями, похоронные обряды съ причитающими, уходъ за родильницей и новорожденнымъ и списокъ употребительнѣйшихъ лекарствъ; кромѣ того приложены пословицы.

В. Радловъ (W. Radloff).—Les kourgans sibériens de la steppe des Kirghiz près de l'Altai. (Revue archéolog. XXXVI 1878).

А. Старчевскій.—Спутникъ русскаго человѣка въ Средней Азіи. Спб. 1878.

Авторъ составилъ этотъ „Спутникъ“ съ цѣлю доставить русскимъ пособие при изученіи нарѣчій нашего Туркестана. Глава третья „Спутника“ заключаетъ очеркъ грамматики киргизскаго языка, а седьмая глава—словарь киргизскихъ словъ.

Э. Соколовскій—Описаніе восточной части киргизской степи. (Журналъ Министерства Путей Сообщенія. 1878. Т. I Мартъ).

Авторъ описываетъ виды степи (озера, рѣки, подпочвенная вода), пески, растительность, горныя породы, климатъ (таблица двѣхмѣсячнаго наблюденія надъ температурой), народонаселеніе земледѣліе, промышленность и торговлю. Приложена карта.

*** Уйфальви (Ch. de Ujfalvy de Mezö-Kövesd) Le Kohistan, Ferghanah et Kouldja.** Paris. 1878.

Во второй главѣ (Ferghanah) авторъ даетъ краткую замѣтку о кара-киргизахъ и ихъ типѣ. Къ этому сочиненію приложены двѣ таблицы съ 26 измѣреніями кара-киргизовъ и киргизъ-кипчаковъ.

Ф. Лобисевичъ. Городъ Оренбургъ. Историко-статистическій очеркъ. СПб. 1878.

Нельзя не отмѣтить этой небольшой брошюры, какъ имѣющей отношеніе къ Киргизской степи и представляющей значительный интересъ при знакомствѣ съ этимъ краемъ.

Д. Мухинъ. (Священникъ). Нападеніе киргизовъ въ 1844 г. на Кваторининскій поселокъ (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1878 г. № 23).

С.-Петербургскія Вѣдомости 1878 г. № 108.

Газета даетъ отзывъ объ „Очеркѣ Киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства“ Лобисевича и дѣлаетъ нѣкоторые измеченія.

Корреспонденція изъ Семипалатинска (Сибирь 1878 г. № 36).

О причинахъ, побудившихъ 750 кибитокъ киргизовъ перекочевать изъ Усть-Каменогорскаго уѣзда въ Китай.

Киргизы.—Этнографическая Выставка 1867 года Императорскаго Общества Любителей Естествознанія (Извѣстія И. Общества Любителей Ест., Антропол. и Этнограф. т. XXIX. Москва 1878 г.)

Во второй отдѣлѣ („Составъ выставки. А—Инородческія племена“) помѣщено описаніе одежды сибирскихъ и оренбургскихъ киргизовъ: богатаго, бѣднаго и средняго состоянія, женщины, дѣвушки и дѣвочки.

Корреспонденція изъ Омска (Сибирь 1878 г. № 25).

О киргизской скачкѣ (байгѣ).

Труды Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества 1878 г. № 9.

Помѣщена рецензія на отчеты ветеринаровъ гг. Г. В. Кравцова, А. В. Кадомцева и Е. М. Кадомцева, командированныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ Киргизскія степи.

Кара-Ибанъ.—Среди киргизъ (Оренбургскій Листокъ 1878 г. №№ 4, 5 и 6 и 1879 г. № 15).

Рисуются картины изъ быта киргизовъ, касающіяся преимущественно перекочевки и зимовки.

Байга въ 1877 г. въ Акмолинскѣ (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1878 г. №№ 1—5).

Ф. Гельвальдъ.—Земля и ея народы. Т. IV. Живописная Азія и Австралія. Спб. 1879.

Въ VIII главѣ (Туркестанская низменность) помѣщенъ краткій очеркъ киргизовъ и каракиргизовъ. Это компиляція изъ сочиненій Радлова, Левшина, Фурмана, Залескаго (Zaleski) и Вагнера. Приложенъ рисунокъ.

И. Алтынсаровъ.—Начальное руководство къ обученію киргизовъ русскому языку. Оренбургъ. 1879.

Это руководство составлено для киргизовъ, поступающихъ въ русскія школы и незнающихъ ни слова по русски. Оно содержитъ этимологію и синтаксисъ и образцы для переводовъ. Это руководство въ томъ смыслѣ можетъ служить пособіемъ къ элементарному изученію киргизскаго языка, что въ немъ не мало киргизскихъ словъ, писанныхъ русскими буквами.

Киргизъ.—Киргизы-Джатаки. Этнографическій очеркъ (Русская Рѣчь. 1879. Августъ).

На 13 страницахъ рисуется положеніе пограничныхъ осѣдлыхъ киргизовъ. Отношеніе между ними и ихъ собратьями, кочующими въ степи.

Уйфальви (Ch de Ujtalvy de Mező-Kövesd.)—Le Syr-Daria. Paris. 1879.

Авторъ въ своемъ обширномъ сочиненіи даетъ описаніе Сырдарьинской области: характера ея мѣстности, народонаселенія и пр., затѣмъ описаніе Зарашана и Семирѣчья. О киргизахъ онъ говоритъ на 10 страницахъ въ первой главѣ этой книги: описываетъ типъ, раздѣленія на орды, бытъ киргизовъ. Къ этому сочиненію приложены двѣ таблицы съ измѣреніями 11 киргизовъ.

Еще о киргизскихъ школахъ. Г. В. (Новое Время 1879 № 1180).

Авторъ говоритъ объ устройствѣ въ Киргизской степи школъ и интернатовъ и о безполезности послѣднихъ.

Шиле.—Киргизы, Этнографическій очеркъ (Природа и Люди 1879 г. № 4).

На 59 страницахъ помѣщенъ очеркъ быта киргизовъ. Компиляція изъ сочиненій разныхъ авторовъ, впрочемъ не лишняя интереса.

Л. Полторацкая.—Виды и типы Западной Сибири (Антропологическая Выставка т. III ч. 2. Москва 1879—1880 г. Извѣстія И. Общества любителей Естествозн., Антропол. и Этнограф. т. XXXV ч. II. Труды Антропологическаго Отдѣла т. 5).

Это описаніе было составлено Л. Полторацкой къ присланной ею коллекціи типовъ и видовъ. Описаніе киргизовъ помѣщено на трехъ страницахъ (in 4⁰) петитомъ и содержитъ интересныя данныя о вѣншемъ бытѣ, одеждѣ, киргизской лошади, могилахъ и обрядѣ погребенія.

Корреспонденція изъ Оренбурга (Голосъ 1879 г. № 36).

Говорится о стычкѣ съ киргизами Алтайской волости.

А. Круссеровъ.—Браткій статистическій обзоръ Западной Сибири съ 1874 по 1878 г. (Адресъ—Календарь Западной Сибири на 1879 годъ).

1880—1890 гг.

Л. Костенко.—Туркестанскій край. Спб. 1880.

Обширное сочиненіе, состоящее изъ 3 томовъ (слишкомъ 1000 страницъ). Первый томъ заключаетъ топографію, орографію и гидрографію края, климатъ и нѣкоторые этнографическія свѣдѣнія объ инородцахъ, между прочимъ, и о киргизахъ. Второй томъ состоитъ исключительно изъ описанія путей сообщенія; третій содержитъ описаніе естественныхъ богатствъ края.

Разсказы о жизни киргизъ.—(Записки Оренбургскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 1880, Т. IV).

А. Маншеевъ.—Географическія свѣдѣнія книги Большаго Чертежа о киргизскихъ степяхъ и Туркестанскомъ краѣ. (Записки Императорскаго Русск. Географ. Общества. Т. IV. 1880).

На 36 страницахъ авторъ приводитъ свѣдѣнія, имѣющіяся о киргизской степи въ книгѣ Большаго Чертежа съ комментаріями. Въ концѣ приложенъ алфавитный указатель географическихъ названій, встречающихся въ книгѣ Большаго Чертежа и карта.

Б. Юзefовичъ.—О бытѣ киргизъ Тургайской области. (Русскій Вѣстникъ. 1880. Апрѣль).

На 37 страницахъ кратко изложено бытъ киргизовъ. Изложеніе это интересно нѣкоторыми фактическими данными, которыя передаетъ авторъ вполне безпристрастно; между прочимъ, онъ говоритъ объ экономическомъ положеніи киргизовъ.

Уйфальви (Ch. de Ujfalvy de Mezö-Kövesd).—Les Bachkirs, les Vêspes e. s. t... précédés des résultats anthropologiques d'un voyage en Asie Centrale. Paris. 1880.

Въ первой главѣ авторъ, описывая типы средней Азіи, включаетъ, и киргизовъ, а также даетъ результаты измѣреній киргизовъ и кара-киргизовъ. Въ концѣ книгѣ приложены таблицы съ средними цифрами измѣреній всѣхъ народовъ Средней Азіи—въ томъ числѣ и киргизовъ.

М. Толычева.—Киргизка. Москва 1880.

Народы Россіи.—Киргизы (Досугъ и Дѣло 1880).

И. А.—По поводу голода въ Киргизской степи (Оренбургскій Листокъ 1880 г. № 17).

Авторъ говоритъ о голодѣ въ Тургайской области, о стремленіи киргизовъ къ осѣдлой жизни и къ земледѣлію.

И. Райскій.—Дѣшій. Изъ быта киргизъ „Новой Линіи“, (Оренбургскій Листокъ 1880 г. № 33).

Разсказъ не имѣетъ почти никакого отношенія собственно къ быту киргизовъ.

И. Н.—Киргизская кибитка (Игрушечка 1880 г. № 2).

Краткое описаніе киргизской кибитки съ рисунками.

Г. Арандаренко.—Между туземцами Степнаго уѣзда (Туркестанскія Вѣдомости 1880 г. №№ 2, 3 и 5).

В. Радловъ.—Средняя Заравшанская долина (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. По отдѣлу Этнографіи. Т. VI. Спб. 1880 г.).

Авторъ (на 92 страницахъ) даетъ описаніе горъ и рѣкъ, искусственнаго орошенія, путей сообщенія и т. д. и, наконецъ, народонаселенія и въ томъ числѣ киргизовъ. Эта статья составляетъ одну главу II тома (X.—Das mittlere Serafschan-Thal) его сочиненія „Aus Sibirien“. (См. ниже, 1884 годъ).

Туркестанскія Вѣдомости 1880 г. №№ 1, 8, 9, 10 и 12.

В. Наливкинъ.—Очерки земледѣлія въ Наманганскомъ уѣздѣ (Туркестанскія Вѣдомости 1880 г. №№ 11, 13, 15, 18, 19, 24, 25, 27—29).

Матеріалы для статистики населенія Акмолинской области (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1880 г. №№ 14 и 15).

Д. К—ій.—Замѣтка о религіи киргизъ (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1880 г. № 45).

Н. Домоховскій.—Школьная практика въ киргизскомъ аулѣ. (Народная школа. 1881. № 10).

Авторъ для изученія киргизскаго языка и для сближенія съ киргизами провелъ въ киргизскомъ аулѣ 2 года. Въ его статьѣ есть интересныя указанія на бытъ киргиза.

Народы Россіи.—Т. II, Спб. 1881.

На 60 страницахъ авторъ даетъ описаніе быта киргизовъ: изъ образа жизни, свадебныхъ и похоронныхъ обрядовъ и проч. Статья, повидимому—компиляція. Приложено 6 рисунковъ; часть ихъ взята изъ сочиненія Аткинсона.

В. Наливкинъ.—Киргизы Наманганскаго уѣзда (Туркестанскія Вѣдомости. 1881. № 20 и 21).

Эта обширная (въ 12 полныхъ столбцахъ) статья посвящена экономическому положенію киргизовъ Наманганскаго уѣзда; хотя эта статья мало содержитъ фактическихъ данныхъ, но за то знакомитъ съ жизнью киргизовъ этого уѣзда.

О переустройствѣ Внутренней киргизской орды. (Новое Времѣ. 1881, № 2044)

Въ этой статьѣ говорится о неправильномъ и неравномѣрномъ надѣлѣ земли во Внутренней ордѣ, благодаря самовольнымъ дѣйствіямъ Джангира, и о проектѣ переустройства управленія орды.

Г. Потанинъ.—Очерки Сѣверо-Западной Монголіи. 4 выпуска. 1881—1883.

Во второмъ и четвертомъ выпускахъ помѣщены матеріалы этнографическіе и родословная киргизскихъ родовъ. Наиболѣе интересныя обширныя примѣчанія во II вып., посвященные филологическимъ разсужденіямъ.

La Steppe Kirghize. (Le Globe—journal de la Soc. de Georg. de Genève, 1881. T. IV).

Н. Ядрищевъ.—Инородческое просвѣщеніе на русскомъ востокѣ. (Порядохъ. 1881. № 322).

Авторъ говоритъ, что намъ сдѣлано очень мало для просвѣщенія нашихъ восточныхъ инородцевъ, между прочимъ киргизовъ, и ставитъ въ параллель дѣйствіе Англіи въ Индіи.

М. Хорошхинъ.—Военно-статистическій обзоръ казачьихъ войскъ. (Военный Сборникъ. 1881. №№ 5—11).

Здѣсь заключаются свѣдѣнія о казачьихъ войскахъ: Семирѣченскомъ и Сибирскомъ (Акмолинскомъ, Семипалатинскомъ и др.); имѣются также свѣдѣнія о нашемъ сближеніи съ Средней Азією и въ частности съ киргизами.

Н. Балашинъ.—Хронологическій указатель важнѣйшихъ событій изъ исторіи Западной Сибири съ 1465 по 1881 г. (Памятная книжка для Западной Сибири на 1881 г.).

Киргизы Зайсанскаго пристава (Сибирская Газета 1881 г. № 31).

Авторъ говоритъ объ образѣ жизни киргизовъ, домашнемъ и семейномъ бытѣ и религіи ихъ.

Павлодарскій уѣздъ Семипалатинской области (Сибирская Газета 1881 № 39).

Говорится о дурномъ хозяйствѣ киргизовъ и ихъ плохомъ экономическомъ положеніи

Ш.—Павлодарскій уѣздъ Семипалатинской обл. (Сибирская Газета 1881 г. №№ 41 и 42).

Говорится объ экономическомъ положеніи киргизовъ.

Н. Пантусовъ.—Свѣдѣнія о Бульджинскомъ районѣ за 1871—1877 годы. Казань 1881.

Въ этомъ трудѣ можно найти весьма много интересныхъ статистическихъ свѣдѣній о жителяхъ Кульджинскаго района, какъ-то: дунганахъ, калмыкахъ, таранчахъ и киргизахъ. Свѣдѣнія собраны изъ официальныхъ источниковъ.

Киргизы и Уральская администрація (Московский Телеграфъ 1881 г. № 156).

Авторъ статьи говоритъ о голодѣ въ Киргизской степи въ 1879—1880 г., о нераспорядительности администраціи и о раздачѣ казенныхъ пособій. Есть много цифровыхъ данныхъ.

С.—Похожденія въ Киргизскихъ степяхъ (Свѣтъ въ картинахъ 1881 г. №№ 8 и 9).

Разсказъ о нападеніи въ степи, взятый изъ воспоминаній Г. Басслера,

Памятная книжка Западной Сибири 1881 года. Омскъ. 1881.

Изданіе памятныхъ книжекъ было предпринято въ 1881 году съ цѣлью ознакомленія публики съ Западной Сибирью и замѣнило собой издаваемые раньше Адресъ-Календары. Первая книжка этого изданія заключаетъ въ себѣ кромѣ наименованій административныхъ лицъ, церковныхъ и справочныхъ свѣдѣній и др., весьма цѣнные статистическія данныя, относящіяся къ населенію края, его образованію, здравію, хлѣбопашеству, огородничеству, промышленности, торговлѣ и многимъ другимъ интереснымъ сторонамъ быта. Кромѣ того помѣщенъ на ста страницахъ интересный и подробный „хронологическій перечень событій, относящихся къ исторіи Западной Сибири съ 1466 по 1881 г.“ Какъ эти историческія, такъ и вышеупомянутыя другія свѣдѣнія, имѣютъ прямое отношеніе къ киргизамъ. Объемъ книжки 390 страницъ.

Б. Даулбаевъ.—Разсказъ о жизни киргизъ Николаевскаго уѣзда Тургайской области (съ 1830 по 1880 г.) (Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества. Вып. IV. Оренбургъ. 1881 г.).

На 19 страницахъ помѣщенъ разсказъ о жизни киргизовъ Кичкаскаго поколѣнія: ихъ обычай, обряды, религіозныя вѣрованія и проч.

Заселеніе киргизскихъ степей. (Восточное Обозр. 1882 г. № 19).

Авторъ этой статьи возражаетъ газетѣ „Новости“ по поводу необходимости заселенія киргизской степи нашими переселенцами и рисуетъ тяжелое экономическое положеніе киргизовъ.

Корреспонденція „изъ Оренбурга“. (Восточное Обозрѣніе. 1882. № 12).

Въ статьѣ говорится о тяжелой зимѣ, объ ея вліяніи на экономическое положеніе киргизовъ и о болѣзняхъ, появившихся среди нихъ

Изъ Ферганы (корреспон.) (Восточ. Обозрѣн. 1882. № 38).

Эта небольшая статья написана по поводу появившейся (въ Туркест. Вѣд. 1881 г. №№ 20 и 21) статьи г. Наливкина о вымираніи киргизовъ Наманганскаго уѣзда.

Объ измѣненіи подсудности киргизовъ Уральск. и Тургайской областей. (Голосъ 1882 № 204).

Краткая замѣтка о причинахъ, почему военный министр вошелъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ объ изъятіи киргизовъ изъ подсудности военному суду.

Н. И.—Къ характеристикѣ обитателей Киргизской степи (Астраханскій Справочный Листокъ 1882 г. № 128).

Авторъ говоритъ о селеніяхъ, царящей въ Букеевской степи и приносящей много вреда. Статья къ быту киргизовъ отношенія не имѣетъ.

Н. Ивановъ.—Въ защиту киргизовъ - рабочихъ (Астраханскій Справочный Листокъ 1882 г. № 116).

Статья написана въ отвѣтъ на статью казака съ Кольцовской ватаги, помѣщенную въ № 112 Астраханскаго Листка, и касается киргизовъ рабочихъ на Астраханскихъ промыслахъ.

И. Козловъ.—Обзоръ обычнаго права киргизовъ (Памятная книжка Западной Сибири на 1882 г.).

И. Б.—Байга у киргизовъ (Сибирская Газета 1882 г. № 13).

Описывается празднество, соединенное съ байгомъ.

А. Первушинъ.—Податныя тягости у киргизъ (Туркестанскія Вѣдомости 1882 г. № 41).

Лѣсное хозяйство въ Зайсанскомъ приставствѣ (Сибирская Газета 1882 г. № 43).

Говорится о безлѣсѣ и объ истребленіи остатковъ лѣса.

Стремленіе киргизовъ къ обрусѣнію и средства къ тому (Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости 1882 г. № 11).

Статья не соответствуетъ своему заглавію: приводится мнѣніе одного киргиза о пользѣ русско-татарской газеты, что, въ свою очередь, подтверждаетъ и авторъ статьи. Перепечатано изъ Астраханскаго Справочнаго Листка 1882 г. № 92.

М. Федоровскій.—Къ вопросу о брачномъ правѣ у туземцевъ (Туркестанскія Вѣдомости 1882 г. № 51).

Ишъ-Мухамедъ-Бунинъ.—Физическое и умственное воспитаніе у киргизъ. Ташкентъ. 1883. Типогр. Базилевскаго.

Назалинскъ.—(Корреспонденція. Восточное Обзорѣніе. 1883. № 16).

Здѣсь говорится о выборѣ волостныхъ старшинъ и о безпорядкахъ, бывающихъ при этомъ, — приведенъ примѣръ выборовъ 1880 г.

Корреспонденція изъ Оренбурга. (Восточное Обзорѣніе. 1883 № 6).

Авторъ этой статьи приводитъ два примѣра неправильнаго рѣшенія дѣлъ бѣлыми.

Отдыхъ киргизовъ послѣ охоты. (Нива. 1883 № 5).

Къ этому краткому описанію охоты у киргизовъ приложень изысканный рисунокъ Н. Каразина.

О скотоводствѣ у киргизовъ Западной Сибири, составл. по рукоп. записки **М. Ч. Чермаковымъ** (родомъ киргизъ). (Сельское Хозяйство и Лѣсоводство. Жур. Мин. Госуд. Имущ. 1883. Январь).

Статья говоритъ о породахъ киргизскаго скота, объ уходѣ за нимъ и о продуктахъ, получаемыхъ со скота.

Перовскъ.—(Корреспонденція. Восточное Обзорѣніе. 1883. № 28).

Краткая замѣтка о мировоззрѣніи киргизовъ: о землѣ, солнцѣ, звѣздахъ и пр.

Ф. Синьновскій.—Записки Алтайскаго миссіонера Черно-Ануйскаго Отдѣленія за 1876—1881 г. Москва. 1883.

Авторъ разсказываетъ о своихъ дѣйствіяхъ, въ качествѣ миссіонера, въ Черно-Ануйскомъ миссіонерскомъ отдѣленіи среди калмыковъ и киргизовъ. Описываетъ киргизскія помники и соединенныя съ ними скачки.

Изъ Харькова въ Киргизскую степь (Южный Край 1883 г. № 967).

Радловъ (W. Radloff).—Ethnographische Uebersicht der Türken-Stämme Sibiriens und der Mongolei. Leipzig. 1883.

Эта небольшая (29 страницъ) брошюра (отдѣльный оттискъ изъ „Vergleichende Grammatik der nördlichen Türkssprachen“) представляетъ, благодаря массѣ фактовъ, громадный интересъ особенно для лингвиста и этнографа и занимаетъ, на ряду съ сочиненіемъ Вамбери „Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen“ (см. ниже), въ классификаціи тюркскихъ племенъ, на основаніи языка, первое мѣсто.

Мацевскій и Поярковъ.—Братскія этнографическія замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района. Омскъ. 1883.

Въ этой весьма интересной, преимущественно своими антропометрическими данными, книжкѣ описано всего 12 народныхъ группъ, между прочимъ, и киргизы. Относительно киргизовъ авторы описываютъ ихъ жилища, одежду, свадебные обряды, хозяйство, болѣзни и характеръ. Кромѣ того, помѣщены весьма цѣнные данныя измѣреній 30 взрослыхъ киргизовъ Кульджинскаго района. Эта, весьма полезная своимъ матеріаломъ, книга представляетъ у насъ, въ Москвѣ, рѣдкость и только съ 18 декабря 1890 года, благодаря любезности Д-ра Ф. В. Пояркова, имѣется по одному экземпляру въ Библіотекѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ и въ Библіотекѣ И. Общества Любителей Естественнаго знанія.

Путешествія Г. С. Карелина по Каспійскому морю (Записки И. Русскаго Географическаго Общества. Т. X. Спб. 1883 г.).

Можно встрѣтить не мало интересныхъ свѣдѣній о киргизахъ.

Ишъ-Мухаммедъ-Букинъ.—Физическое и умственное воспитаніе у киргизовъ (Туркестанскія Вѣдомости. 1883 г. № 17).

Киргизскій судъ и присяга.—(Восточное Обзорѣніе. 1884. № 19).

Авторъ этой статьи говоритъ о недостаткахъ современнаго судоустройства и судопроизводства у киргизовъ и о значеніи присяги у киргизовъ.

В. Даль.—Букей и Мауляна. Соч. Т. VIII. Спб. 1884. Посмертное изданіе.

Въ этой повѣсти талантливо наложены жизнь и бытъ азіатскихъ киргизовъ Малой орды въ 30-хъ годахъ. Эта повѣсть даетъ для знакомства съ киргизами больше, чѣмъ многія спеціальныя статьи и сочиненія; въ ней встрѣчаются указанія на родовое и семейное устройство и на другія стороны быта киргизовъ.

С. Монастырскій.—Иллюстрированный спутникъ по Волгѣ. Казань. 1884.

На 13 страницахъ описывается тутъ Баскунчакъ, Эльтовъ, Чапчачи—дается много цифровыхъ данныхъ; далѣе на 3 страницахъ говорится о киргизахъ Буковской орды.

И.—Безобразіе въ киргизской степи. (Восточное Обзорѣніе. 1884. № 16).

Говорится о безпорядкахъ при выборахъ въ киргизской степи, собственно о неодобрительныхъ дѣйствіяхъ уѣзднаго начальника М-скаго. На эту статью было возраженіе Маіевскаго.

В. Маіевскій.—Возраженіе на корреспонденцію „Безобразіе въ киргизской степи“ (Восточное Обзорѣніе. 1884. № 49).

Авторъ отрицаетъ фактъ, передаваемый авторомъ статьи „Безобразіе въ кир-

степи“ и говоритъ о безпорядкахъ, возникающихъ при выборѣ волостныхъ старшинъ.

Е. Покровский.—Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ, преимущественно Россіи. Москва. 1884 г. (Извѣстія Имп. Общ. Любит. Естеств. и Этногр. Т. VII, вып. 1, 2, 3).

Содержитъ описаніе киргизской колыбели, далѣ замѣтку о кормленіи дѣтей у киргизовъ и о лѣченіи дѣтскихъ болѣзней (главы 17, 25 и 26).

Н. Стремоуховъ.—Киргизъ-пѣвецъ. (Киргизская сказка). (Дѣтское чтеніе. 1884 г. № 1).

На 17 страницахъ передаетъ авторъ интересный рассказъ киргиза-старика о сказочномъ киргизскомъ пѣвцѣ, очаровавшемъ своимъ пѣніемъ всѣхъ людей и животныхъ.

Э. Реклю—Россія Европейская и Азіатская. Т. II. Азіатская Россія. Спб. 1884.

Въ VI отдѣлѣ (населеніе Арало-Каспійской покатоги) III главѣ (Арало-Каспійская покатога) авторъ даетъ очеркъ быта киргизовъ. Статья представляетъ компиляцію изъ многочисленныхъ авторовъ: Левшина, Григорьева, Загорскаго, Ибрагимова, Вамбери, Радлова, Красовскаго, Тилло, Мейера и др. Приложено нѣсколько интересныхъ рисунковъ.

В. Радловъ (W. Radloff).—Aus Sibirien. Leipzig. 1884.

Сочиненіе это состоитъ изъ двухъ томовъ. Въ концѣ перваго удѣлено двѣ главы киргизамъ и кара-киргизамъ. Останавливаясь кратко (8 страницъ) на послѣднихъ, авторъ рисуетъ жизнь киргизъ-кайсаковъ на 100 страницахъ слѣшкомъ. Онъ говоритъ объ ихъ типѣ, одеждѣ, обрадахъ, суевѣріяхъ, гаданьяхъ, пѣснѣ, образѣ жизни и проч.; пишетъ также о хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. Это сочиненіе среди литературы о киргизахъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ.

Судьба киргизскихъ интернатовъ (Сибирская Газета 1884 г. № 47).

Авторъ статьи говоритъ о неудовлетворительномъ состояніи интернатовъ и привѣтствуетъ предлагаемыя земледѣльческія колоніи.

Е. Александровъ.—Пути кочевовъ киргизъ Малой орды (Туркестанскія Вѣдомости 1884 г. № 51).

Говорится о кочеваніи киргизовъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ.

Записки миссіонера киргизской миссіи, священника Филарета Синьковского (Томскія Епархіальныя Вѣдомости 1884 г. №№ 7, 8, 11 и 12).

Мартенъ (M. Vivien de Saint-Martin).—Nouveau Dictionnaire de Géographie Universelle.—26 Fascicule. Paris. 1885.

На 9 мелкопечатныхъ столбцахъ помѣщены довольно полныя свѣдѣнія о киргизахъ и кара-киргизахъ: описаніе страны, климатъ, исторія трехъ ордъ, типъ, языкъ, обычаи и народонаселеніе.

Вопросъ о заселеніи степи. (Восточное Обозрѣніе. 1885. № 40).

М. Готовицій.—Окончаніе дѣлъ полумиромъ по киргизскому обычному праву. (Юридическій Вѣстникъ. 1885. № 5).

Авторъ на двухъ страницахъ говоритъ о выполнявшемся въ обычномъ правѣ киргизовъ обычай ршеній, въ извѣстныхъ случаяхъ, дѣлъ полумиромъ.

М. Готовицій. Значеніе обряда присяги у киргизъ. (Юридическій Вѣстникъ. 1885. № 5).

Авторъ пишетъ о высокомъ значеніи присяги у киргизовъ и объ обрядѣ ея.

Н. Зеландъ.—Киргизы. Этнологическій очеркъ. (Записки Западно-Сибирскаго отдѣла Император. Русск. Географич. Общества. Кн. VII; вып. II. 1885).

Эта статья заключаетъ въ себѣ: описаніе природы страны зауральскихъ киргизовъ, климата ея; административное устройство, образъ жизни, питаніе, экономическій бытъ, промыслы, одежду, семейное устройство, общественная и умственная жизнь; физическій типъ; результаты антропологическихъ работъ. Авторомъ измѣрено всего 40 кара-киргизовъ Семирѣченской области, 10 киргизъ-кайсаковъ, 10 кара-киргизовъ и 10 киргизъ-кайсачекъ. Приложены таблицы измѣреній.—Переводъ этой статьи помѣщенъ въ *Revue d'anthropologie* S. III. T. I.—1886. Paris. Въ № 17 Восточнаго Обзорія за 1885 годъ передавалось кратко содержаніе работы Зеланда, когда она была еще въ рукописи.

Киргизы Акмолинской области (Правительственный Вѣстникъ. 1885. №№ 8, 9 и 13).

Авторъ говоритъ объ измѣненіяхъ, замѣчаемыхъ въ киргизскомъ народѣ со времени подчиненія ихъ Россіи. По его мнѣнію, киргизы сильно измѣнились въ образѣ жизни, религіозности, мало—въ отношеніи земледѣлія и почти не измѣнились въ семейномъ быту. Затѣмъ сдѣланъ очеркъ русскихъ школъ для киргизовъ и преподаванія въ нихъ.

А. Каличеръ—Киргизскій способъ приготовленія лошадей къ скачкамъ во Внутренней киргизской ордѣ. (Журналъ Коннозаводства. 1885. № 3).

Авторъ на 8 страницахъ пишетъ о физическихъ качествахъ, которыми должна обладать годная для скачки лошадь, и о способѣ выдерживанія лошади передъ скачкой.

Мозеръ (H. Moser).—A travers l'Asie Centrale. Paris. 1885.

Въ этомъ обширномъ (458 страницъ) и интересно написанномъ сочиненіи одна глава (II) специально посвящена киргизской степи и ея обитателямъ (40 страницъ съ рисунками). Тутъ въ привлекательной формѣ изложены многія стороны быта киргизовъ. Переводъ и извлеченіе изъ этой главы помѣщены въ брош. Васильевною Тимошукъ въ Русской Старинѣ 1885 г. T. LVII подъ заглавіемъ „Страны Средней Азіи“.

Н. Ядринцевъ—Древній Усунскій городъ на берегу озера Иссыкъ-Куля. (Восточное Обзоріе. 1885. № 3).

Авторъ пишетъ объ остаткахъ древняго города на берегу Иссыкъ-Куля и о вещахъ, найденныхъ тамъ въ разное время.

Ландель (H. Landsell).—Russisch Central Asien (Deutsche Ausgabe bearbeitet d. H. v. Wobeser). B. II, und. III. Leipzig, 1885.

19 и 20 главы I тома, а также 21 глава втораго тома посвящены киргизамъ. Описаніе касается: исторіи, религіи, семейнаго быта, обрядовъ, пѣсенъ, суда, одежды, питанія, болѣзней кочевника, типа его, земледѣлія и скотоводства. Въ этомъ сочиненіи находятъ разбросанныя бытовые картины. Есть рисунки: типъ киргиза и сцены изъ быта.

П. Р.—Образцы киргизской поэзіи въ пѣсняхъ эпического и лирическаго содержанія. Оренбургъ. 1885.

Приведено всего 16 пѣсенъ, переведенныхъ на русскій языкъ и переложенныхъ въ стихи. Въ этихъ пѣсняхъ ярко рисуются отношенія между молодыми людьми обоого пола, нѣкоторыя вѣрованія, преданія и обряды. Одна изъ пѣсенъ (XVI) представляетъ интересный эпосъ о Кенисарѣ.

*** В. Радловъ.—Образцы литературы сѣверныхъ Тюркскихъ племенъ.**

Ч. У. Нарѣчіе дикокаменныхъ киргизовъ. Спб. 1885.

Авторъ въ предисловіи говоритъ о каракиргизахъ, не входя въ подробности описанія ихъ и отсылая читателя къ своему сочиненію „Aus Sibirien. Leipzig. 1884“; за то даетъ интересный очеркъ краснорѣчія и пѣсни киргизовъ. Онъ сравниваетъ поэзію киргизъ-кайсаковъ (лирическа) съ поэзію каракиргизовъ (эпическа): даетъ характеристику эпоса послѣднихъ, сравниваетъ эпосъ ихъ съ греческимъ и финскимъ (Калевала) и приводитъ (на 600 страницахъ) образцы

литературы кара-киргизовъ. Существуетъ и нѣмецкое изданіе этого сочиненія Proben d. Volksliteratur d. Nördlichen Türkischen Stämme. 1885.

Яр.—Къ исторіи откочевокъ киргизовъ. Восточное Обозрѣніе. 1885. № 3).

Авторъ говоритъ объ уходѣ киргизовъ съ нашей территоріи за китайскую границу и о причинахъ этого движенія.

Ш.—Киргизское обѣдненіе (Восточное Обозрѣніе. 1885. №№ 6, 9 и 12).

Авторъ говоритъ о появившихся на рынкахъ серебряныхъ украшеніяхъ киргизовъ и о маломъ количествѣ скота у киргизовъ Павлодарскаго уѣзда.

Александровъ.—Изъ жизни степныхъ уѣздовъ (Туркестанскія Вѣдомости 1885 г. № 17).

Н. Емельяновъ.—Матеріалы для статистики Туркестанскаго края (Туркестанскія Вѣдомости 1885 г. № 30).

Изъ Киргизскихъ сказаній (Сибирская Газета 1885 г. № 19).

Сказаніе объ основаніи Баянъ-аула (Семиралатинской обл.).

Вамбери (H. Vámbéry)—Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig. 1885.

Въ этомъ сочиненіи авторъ удѣляетъ двѣ главы киргизамъ и кара-киргизамъ, гдѣ онъ говоритъ о ихъ происхожденіи, языкѣ, обычаяхъ, обрядахъ, образѣ жизни, пѣснѣ и т. д. Среди сочиненій о киргизахъ, эти главы должны быть поставлены въ первомъ ряду [по полнотѣ и освѣщенію фактовъ, которые даетъ авторъ].

А. Никольскій.—Путешествіе на озеро Балхашъ и въ Семирѣченскую область (Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Русск. Географическаго Общества. Кн. VII, в. I. Омскъ. 1885 г.).

Въ привлекательной формѣ изложено путешествіе вдоль береговъ Балхаша и по рѣкѣ Или. Авторъ передаетъ много интересныхъ геологическихъ, биологическихъ и метеорологическихъ наблюденій. Слѣдуетъ отмѣтить главу IV „звѣроловство и рыболовство“ и приложение, заключающее въ себѣ киргизскія названія многихъ животныхъ и растений. Есть также указанія на жизнь и бытъ киргизовъ (особенно въ главѣ V), безынтересныя для знакомства съ ними. Все на 93 страницахъ.

Г. Катанаевъ.—О поступательномъ движеніи киргизовъ Средней орды къ границамъ Западной Сибири (Алмолинскія Областныя Вѣдомости. 1885 г. № 14).

А. Дѣтковъ.—Киргизскія нужды (Туркестанскія Вѣдомости. 1885 г. № 14).

Въ плѣну у киргизовъ. Разсказъ казака. (Восточное Обозрѣніе 1886. № 36).

Небезынтересный разсказъ казака о его плѣнѣ у киргизовъ, въ которомъ рисуется отношеніе киргизовъ къ своимъ врагамъ.

Корреспонденція съ Зайсанскаго поста. (Восточное Обозрѣніе. 1886. № 3).

Маленькая замѣтка объ ухудшающемся экономическомъ положеніи киргизовъ.

Н. Я.—Кочевой бытъ и изслѣдованія въ степяхъ. (Восточное Обозрѣніе 1886 № 12).

Статья написана по поводу доклада г. Шестакова въ Западно-Сибир. отд. Им. Русск. Геогрф. Об. объ изученіи киргизскаго быта.

Материалы для изучения юридических обычаев киргизовъ. Вып. I. Семипалатинскій Област. Статистич. Комитетъ). Омскъ. 1886.

Составлены П. Е. Маковецкимъ по отвѣтамъ, присланнымъ изъ Семипалатинскаго, Павлодарскаго и Каркалинскаго уѣздовъ, на программы, разосланныя уѣзднымъ начальникомъ въ 1882 г. генералъ-губернаторомъ Западной Сибири. Эти материалы заключаютъ въ себѣ: I. семейное право (бракъ, заключеніе его, обрядъ сватовства и свадьбы, прекращеніе брака, отношеніе между членами семьи, опеки и попечительства). II. имущественное право (захватъ, владѣніе, договоры, личный наемъ). III. уголовное право (преступленіе и наказаніе вообще, преступленія религіозныя, преступленія противъ личности, нарушеніе правъ семейственныхъ, преступленія имущественныя).

Н. Остроумовъ.—Геоорація Тукестанскаго края. СПб. 1886.

Краткій очеркъ (66 страницъ) географіи страны, весьма полезный, впрочемъ, для первоначальнаго изученія края. Среди краткаго описанія инородцевъ помѣнены и киргизы.

М. Шестановъ.—Религія и легенды, похороны и рожденіе у киргизовъ (Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества. Кн. VIII, в. I. Протоколы, стр. 29. Омскъ. 1886 г.).

Г. Катанаевъ.—О поступательномъ движеніи киргизовъ Средней орды къ границамъ Западной Сибири (Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества Протоколы стр. 32, Омскъ. 1886 г.).

Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества. Кн. VIII, вып. 1. Омскъ. 1886

Въ протоколахъ (на стр. 15) значится, что Г. Н. Потанинымъ были доставлены въ Общество (по догадкамъ, принадлежащія Ч. Валиханову) двѣ статьи: „Вооруженіе киргизовъ въ древнія времена“ и „Слѣды шаманства у киргизовъ“. Эти статьи, вѣроятно находятся въ архивѣ Общества и мы отмѣчаемъ ихъ здѣсь въ виду большаго интереса, который онѣ (особенно послѣдняя статья), представляютъ.

Восточное Обозрѣніе. 1886 годъ №№ 5, 9, 12, 33, 36 и 38-й.

Джайяу.—Сибирская газета 1886 г. № 51.

О лѣтней стоянкѣ киргизовъ.

Петри (Petri)—Rechtsbegriffe der Kirgisen (Ausland. 1886. № 4).

Корреспонденція изъ с. Озеро-Бузнецовскаго (Сибирская Газета. 1886 г. № 30).

Объ отношеніяхъ киргизовъ къ земскимъ засѣдателямъ.

Н. Каразинъ.—Отъ Оренбурга до Ташкента. Путевой очеркъ. СПб. (Безплатное приложеніе къ „Всемирной Иллюстраціи“).

Рисуются, между прочимъ, сценки изъ быта киргизовъ. Изданіе украшено прекрасными рисунками, дающими вѣрное понятіе о вѣншемъ бытѣ киргизовъ.

Синьновскій (миссіонеръ).—Киргизская байга (Сибирская Газета. 1886 г. № 21).

На четырехъ столбцахъ живо рисуется толпа киргизовъ, собравшихся на байгу, которая, впрочемъ, не состоялась. Статья даетъ безынтересную картину жизни киргизовъ.

Экономическое положеніе Киргизской степи (Сибирская Газета 1886 г. № 21).

Эта статья имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ киргизамъ. Говорится объ усадѣхъ производотва и обнищаніи киргизовъ.

Памятная книжка Астраханской губерніи на 1886 годъ (Изданіе Губернскаго Статистическаго Комитета. Годъ 3-й. Астрахань. 1886 г.).

Въ этой книжкѣ на четырехъ страницахъ помѣщены небезинтересныя свѣдѣнія „о главнѣйшихъ соленыхъ озерахъ и копяхъ въ Астраханской губ.“ и краткія свѣдѣнія о скотѣ у киргизовъ Внутренней орды. Между прочимъ, авторъ указываетъ на сильное уменьшеніе киргизовъ—букеевцевъ.

Е. Малаховъ.—Могилы Семипалатинской области (Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла съ 1881—1886 г. Извѣстія И. Общества Любителей Естествознанія. Антропологи и Этнографи, т. XLIX (в. 3.) Труды Антропологическаго Отдѣла, т. IX, в. 1, стр. 24. 1886 г.).

Помѣщено описаніе нѣсколькихъ могилъ, раскопанныхъ въ Семипалатинской области. Рисунки см. Приложение т. IX, в. 3. 1890 г.

Л. Шестаковъ.—Статистика движенія киргизскаго населенія (Сибирская Газета. 1886 г. № 49)

См. отчетъ о засѣданіи Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества.

Компенты.—Сибирская Газета. 1886 г. № 45).

Корреспонденція о барантѣ у киргизовъ. Краткая замѣтка о нѣсколькихъ случаяхъ баранты. Посѣщеніе киргизской миссіи Степнымъ Генералъ-Губернаторомъ.

Александровъ.—Конокрадство въ средѣ киргизъ (Тукестанскія Вѣдомости. 1886 г. № 10).

Роскошный (Dr. Herman Roskoschny)—Die Wolga. Leipzig, 1887.

На 5 страницахъ краткія свѣдѣнія о киргизахъ Букеевской орды.

Д. Семеновъ.—Отечественнѣдніе. Т. VI. Тукестанскій край (учѣбное пособие для учащихся). М. 1887.

Въ XII главѣ говорится о киргизахъ; о происхожденіи ихъ; даются краткія свѣдѣнія объ исторіи, о раздѣленіи на орды, объ языкѣ, религіи, о кочевомъ бытѣ, кибиткѣ, аулахъ, рукодѣльѣ, охотѣ, земледѣліи и скотѣ, о семейномъ бытѣ. Эта глава представляетъ компиляцію изъ соч. Ханникова (образъ жизни киргизовъ) и Гр. Сиверса (семейный бытъ).

А. Ивановскій.—Поездка къ киргизамъ на озеро Наръ-Зайсанъ. (Русскія Вѣдомости. 1887. № 328).

Въ легкой формѣ описаны нѣкоторыя стороны быта киргизовъ. Говорится о джигитовкѣ, о бѣгѣ въ мѣшкахъ; послѣднее указываетъ, что игры азіатскихъ киргизовъ, столь многочисленныя, еще не совсѣмъ утратились. Далѣе описывается оригинальная охота на кабана и интересная охота съ мячикомъ на медвѣдѣ, наконецъ говорится о сватовствѣ у киргизовъ. Всего 14 фельетонныхъ столбцевъ.

И. Ивановъ.—Браткія свѣдѣнія о ярмаркѣ во Внутренней киргизской ордѣ (Памятная книжка Астраханской губ. 1887 г. Изданіе Губернскаго Статистическаго Комитета. Годъ 4-й. Астрахань. 1887 г.).

На семи страницахъ помѣщены краткія но интересныя свѣдѣнія и статистическія данныя съ историческимъ введеніемъ о ярмаркѣ.

Киргизскіе гимназисты-пансіонеры (Сибирская Газета. 1887 г. № 1).

Говорится о вновь учрежденной квартирѣ для гимназистовъ—киргизовъ.

Сибирская Газета. 1887 г. № 13.

Передовая статья посвящена вопросу о киргизахъ-бѣднякахъ (джатакахъ); здѣсь говорится объ ихъ бѣдственномъ положеніи и о мѣрахъ, могущихъ вывезти ихъ изъ этого положенія.

Корреспонденція изъ Акмолинска (Восточное Обзорніе. 1887 г. № 8).

О киргизскомъ самоуправленіи.

Восточное Обзорніе. 1887 г. №№ 18 и 50.

Шантръ (E. Chantre)—*Recherches anthropologiques dans le Caucase* Т. IV. Paris. 1887.

Останавливаясь на цѣломъ рядѣ народностей, авторъ даетъ на стр. 242 краткую замѣтку о Букеевской степи, а на стр. 250, ссылаясь на Н. Зеланда, упоминаетъ о головномъ указателѣ киргизовъ.

Протоколы Общаго Собранія Семинарнскаго Областнаго Комитета (Засѣданіе 7 ноября 1887 г.).

Помѣщена статья П. Маковецкаго о киргизахъ-джатакахъ.

А. Вилькинсъ.—Антропологическія темы въ Средней Азіи (Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла съ 1881—1886 г. Извѣстія И. Общества Любителей Естествознанія, Антропологій и Этнографіи. Т. XLIX (в. 5). Труды Антропологическаго Отдѣла т. IX, в. 4, стр. 326. 1887).

Авторъ на стр. 329 говоритъ, между прочимъ, и о физическомъ типѣ киргизовъ.

И. Козловъ.—Памятная книжка Акмолинской Области на 1887 годъ. Омскъ. 1887.

Содержитъ, главнымъ образомъ, списки лицъ, служащихъ въ Акмолинской области по вѣдомствамъ: гражданскому, военному, казачьему и духовному. Замѣтъ въ этой же книжкѣ помѣщены на 46 страницахъ интересныя географическія и статистическія свѣдѣнія.

В. Миллеръ.—Систематическое описаніе коллекцій Дашковского Этнографическаго Музея. Вып. I. Москва. 1887.

Въ этой, высшей степени полезной и цѣнной книгѣ, удѣлено мѣсто и киргизамъ. Помѣщена замѣтка о мѣстѣ жительства отдѣльныхъ ордъ, описаніе одежды киргизовъ, перечень предметовъ, относящихся къ быту киргизовъ и имѣющихся въ Музѣ, и библиографическій указатель—все на 13 страницахъ.

О джатачествахъ въ Киргизской степи (Сибирская Газета. 1887 г. № 13. Передовая статья).

На трехъ столбцахъ говорится о киргизахъ—бѣднякахъ (джатакахъ), о причинахъ обѣдненія и о мѣрахъ облегченія положенія ихъ.

Н. Веселовскій.—В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ 1816—1881 г. Съ приложеніемъ портрета и факсимиле. Спб. 1887.

Уже сама біографія человека, потрудившагося такъ много по изученію нашего Востока и, въ частности, Киргизской степи, должна быть упомянута въ нашемъ библиографическомъ указателѣ; кромѣ того должно отмѣтить тѣ разбросанныя свѣдѣнія, встрѣчающіяся въ этой книгѣ и особенно „приложеніи“, заключающія въ высшей степени интересныя статьи В. В. Григорьева о киргизахъ, касающіяся, преимущественно, экономическаго и политическаго положенія киргизовъ.

Е. Смирновъ.—Сыръ-Дарьинская область. Описаніе составлено по оффиціальнымъ источникамъ. Спб. 1887.

Это сочиненіе въ 355 страницъ даетъ очень много интересныхъ свѣдѣній. Изъ всѣхъ главъ слѣдуетъ отмѣтить главу III „Народонаселеніе“, въ которой, между прочимъ, говорится о киргизахъ и кара-киргизахъ, а также № 3-й приложенія, гдѣ перечисляются рода киргизовъ и кара-киргизовъ.

Бронгаусъ (Brockhaus) *Conversations - Lexikon*. XIII Auflage. Leipzig, 1882—1887.

Помѣщены статьи подъ различными литерами, какъ географическаго, такъ и этнографическаго содержанія, имѣющія отношеніе къ киргизамъ и Киргизской степи.

Грамотный киргизъ.—Киргизъ о „Киргизской газетѣ“ (Сибирская газета. 1888 г. № 25).

Авторъ говоритъ о недостаткахъ предпринятаго изданія и дѣлаетъ, съ своей стороны, указанія на тѣ отдѣлы, которые могли бы быть интересны въ Киргизской Газетѣ.

А. Ивановскій.— Киргизская байга. (Русскія Вѣдомости. 1888. № 187).

Эта статья того же автора, что помѣщенная въ № 328 1887 г., живо рисуетъ бытъ Зауральскихъ киргизовъ и отчасти ихъ характеръ. Въ концѣ статьи говорится о современной байгѣ у киргизовъ.

Намъ удалось узнать, что авторъ этой статьи, самъ мѣстный житель, знакомый съ киргизскимъ языкомъ, обладаетъ интереснымъ этнографическимъ матеріаломъ, который и готовитъ къ печати. Кроме того, г. Ивановскій занимается и антропологіею киргизовъ и для пополненія своего матеріала лѣтомъ 1889 года предпринялъ снова поѣздку на родину.

А. Харузинъ.— Стенные очерки (Киргизская Букеевская орда). Москва. 1888.

„Странички изъ записной книги“. Авторъ даетъ кратко исторію Букеевской орды, описаніе Ханской Ставки (столицы орды) описаніе природы Букеевской орды; рисуетъ бытъ букеевскихъ киргизовъ. Къ книгѣ приложено 13 фотографическихъ таблицъ: 5 типовъ киргизовъ, 3 типа киргизокъ, виды и сцены.

І. Желѣзновъ.— Уральцы. (Очерки быта уральскихъ казаковъ. Т. I, II и III. Изд. 2-е; посмертное) Спб. 1888 г.

Не могу обойти молчаніемъ это сочиненіе, посвященное очеркамъ быта уральскихъ казаковъ, на томъ основаніи что именно эти казаки находились въ постоянной борьбѣ съ киргизами и, именно, они въ постепенной неотступной борьбѣ привели киргизовъ къ нашему подданству, первые познакомили киргиза съ русскимъ человекомъ и до сихъ поръ продолжаютъ оказывать большое вліяніе въ смыслѣ руссификаціи киргиза. І. И. Желѣзновъ въ цѣломъ рядѣ привлекательныхъ разсказовъ рисуетъ борьбу казаковъ со стенными инородцами. Содержаніе трехъ томовъ слѣдующее: картины казацкой жизни, сайгацники, картины охотнаго рыболовства, башкирцы, Маринкинъ городокъ, отчего сайгаки покинули Уралъ, мысли казака о казачествѣ, критическія и другія мелкія статьи, преданія и пѣсни Уральскихъ казаковъ, преданія о Пугачевѣ, сказанія Уральскихъ казаковъ. Кроме того во II томѣ помѣщена статья „киргизоманія“—возраженіе на статью Небольсина: „Путешествующіе киргизы“ (Рус. Вѣстникъ). Статья „киргизоманія“ была уже напечатана въ Русск. Вѣстн. Здѣсь она перепечатана и дополнена „дополнительной замѣткой къ статьѣ: Киргизоманія“ Въ этой „замѣткѣ“ помѣщено письмо киргиза Внутренней орды Исенбаева къ атаману Уральскихъ казаковъ, по поводу пожертвованныхъ имъ 1000 руб., и просьба о перегонѣ скота на Уральскую землю.

М. Миропіевъ.— Демонологическіе разсказы киргизовъ. (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣлу Этнографіи. Т. X. Вып. II—1888).

Статья состоитъ изъ 26 разсказовъ, заключающихъ языческія повѣрья киргизовъ. Эти разсказы представляютъ особенный интересъ, такъ какъ въ литературѣ языческія вѣрованія киргизовъ затронуты весьма мало.

П. А.— Киргизская степь въ хозяйственномъ отношеніи. (Экономическій журналъ. 1888. № 8 [августъ]).

Эта интересная статья (25 страницъ) посвящена спеціально экономическому положенію азіатскихъ киргизовъ. Авторъ сначала говоритъ о природныхъ богатствахъ края; затѣмъ ссылается на разныя статьи, посвященныя этому вопросу, наконецъ, и самъ дополняетъ свѣдѣнія о тяжеломъ экономическомъ положеніи киргизовъ, выставивъ причины обѣдненія и тяжелатаго положенія.

Киргизская Газета (Восточное Обозрѣніе. 1888 г. № 7-й).

Статья касается „особаго прибавленія къ Акмолинскимъ областнымъ Вѣдомостямъ“ и разбираетъ первые нумера.

Отчетъ объ алтайской и киргизской миссіяхъ за 1887 г. Томскъ 1888.

Отчетъ касается преимущественно дѣятельности алтайской миссіи. Въ отчетѣ собственно киргизской миссіи мы усматриваемъ, что распространеніе христіанства среди киргизовъ пользуется относительно меньшимъ успѣхомъ.

Основанія брака и свадебные обычаи у киргизовъ (Оренбургскій Листокъ. 1888 г. № 11).

Авторъ говоритъ сперва о родствѣ и о степеняхъ его, воспрещающихъ вступити въ бракъ, потомъ о совершеннолѣтіи, о калымѣ и о свадебныхъ обрѣдахъ. Статья не окончена и продолжается въ послѣдующихъ нумерахъ, которыхъ намъ не удалось получить.

Eine Verlobung bei den Kirgisen (Austral. 1888. № 36).

3. Пенкина.—Закаспійскій край 1865—1885 г. Систематическій сборникъ библіогр. указаній книгъ и статей о Западномъ краѣ и сопредѣльныхъ странахъ. Спб. 1888.

Отдѣлъ II („Киргизы и Киргизская степь“) заключаетъ въ себѣ библіографическій указатель относящихся къ Киргизской степи статей; онъ цѣненъ въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ попреимуществу статьи, помѣщенные въ мѣстныхъ газетахъ и журналахъ.

Рацель (Dr. Fr. Ratzel)—Völkerkunde B. III. Die Kulturvölker der Alten und Neuen Welt. Leipzig, 1888.

Въ главѣ XVII, гдѣ авторъ говоритъ о монголахъ и тюркахъ, есть отрывочныя данныя о киргизахъ и кара-киргизахъ, причѣмъ эти двѣ народности сопоставлены съ другими тюркскими племенами (факты взяты преимущественно у Вамбери). Слѣдуетъ отмѣтить раскрашенную таблицу (помѣщенную послѣ 368 стр.), на которой изображены образцы киргизскаго орнамента.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ Ч. I. т. I. 1839—1848 г. Москва 1888.

Въ письмѣ отъ 17 іюня 1844 г. изъ Астрахани (стр. 154), а также въ письмѣ отъ 22 іюля (стр. 177) того же года И. С. Аксаковъ описываетъ хана Джангира: его вѣнчаніе, одежду и его внутреннюю политику.

Е. Бесе.—Путеводитель по средней Азіи. Москва. 1888.

На страницахъ 59 и 60 помѣщена краткая замѣтка о киргизахъ. Не отрицая общей пользы этого путеводителя, нельзя не отмѣтить оригинальнаго сибшенія киргизовъ съ сартами.

Астрахань.—Новое Время 18-го апрѣля 1889 г. (№ 47171).

Въ этой статьѣ говорится о дурномъ положеніи врачебной части въ киргизской Букеевской степи. Авторъ пишетъ о недостаткѣ количества врачей, объ отсутствіи больницъ, о сильномъ распространеніи сифилиса, о распространеніи этой болѣзни, благодаря ярмаркамъ и объ уходѣ за родильницею. Какъ не печально, но приходится сознаться, что все, что сказано въ этой статьѣ, дѣйствительно истина.

В. Радловъ.—Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Спб. 1888—1889.

Это полезное изданіе выходитъ выпусками и заключаетъ, между прочимъ, и киргизское нарѣчіе. Въ первомъ выпускѣ помѣщено интересное введеніе.

Н. Натоновъ.—Алфавитный указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ I и II томѣ „Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ“, собранныхъ В. В. Радловымъ. Спб. 1888.

Отчетъ объ алтайской и киргизской миссіяхъ Томской епархіи за 1888 годъ. Томскъ 1889.

Отчетный годъ отмѣчается, какъ весьма плодотворный. Слѣдуетъ отмѣтить записку киргизскаго миссіонера, о. Ф. Синьковского за 1888 годъ. Здѣсь можно найти много весьма интересныхъ свѣдѣній по распространенію православія среди киргизовъ, о продѣлкахъ татарскихъ муллъ и мусульманствѣ у киргизовъ.

А. Ивановскій.—Киргизскій народный поэтъ—пѣвецъ Ногойбай (Этнографическое Обзорѣніе. Кн. III. Москва. 1889).

Въ небольшой статьѣ (10 страницъ) авторъ очень живо обрисовываетъ характеръ знаменитаго киргизскаго пѣвца и этимъ проливаетъ свѣтъ на киргизскихъ пѣвцовъ—импровизаторовъ, на характеръ киргизской поэзіи и на почетъ, которымъ пользуются пѣвцы. Авторъ говоритъ и о джатакахъ (бѣднякахъ).

Киргизскія и сартовскія пѣсни (Этнографическое Обзорѣніе кн. III. М. 1889; см. также кн. IV, стр. 265, поправки. М. 1890).

Сартовскихъ пѣсенъ только двѣ (съ нотами)—онѣ записаны Р. Пфеннигомъ, авторомъ статьи „о киргизскихъ и сартовскихъ пѣсняхъ“ (см. ниже). Киргизскихъ же пѣсенъ 16-ть, изъ нихъ восемь записаны Р. Пфеннигомъ и къ нимъ приложены ноты, остальныя же 8-мъ записаны А. А. Ивановскимъ. Эти пѣсни служатъ живымъ дополненіемъ слѣдующихъ за ними двухъ статей.

Р. Пфеннигъ.—О киргизскихъ и сартовскихъ пѣсняхъ (Этнографическое Обзорѣніе кн. III. М. 1889).

Эта присланная на Антропологическую Выставку 1879 года статья на нѣмецкомъ языкѣ была переведена на русскій М. Н. Харузинимъ и напечатана въ „Этнографическомъ Обзорѣніи“. Авторъ говоритъ о тѣсной связи пѣсни у киргизовъ съ жизнью этого кочеваго народа, проводитъ параллель между киргизскою и сартовскою пѣснями и останавливается преимущественно на музыкальной и тональной сторонѣ пѣсни и этимъ отмѣчаетъ ту сторону, которая еще никѣмъ не была затронута.

М. Готовицкій.—О характерѣ киргизской пѣсни (Этнографическое Обзорѣніе кн. III. М. 1889).

Авторъ отмѣчаетъ интересныя стороны, подмѣченныя имъ въ киргизской пѣснѣ, говоритъ о существующей у киргизовъ эпической, лирической и драматической поэзіи, сравниваетъ киргизскую пѣсню съ сартовскою и указываетъ на сходство первой съ арабскою. Статья представляетъ живой интересъ для всѣхъ, занимающихся киргизскою поэзіею.

О. Ш. Отъ Орска до Казалинска. Изъ воспоминаній случайнаго туриста (Туркестанскія Вѣдомости. 1889 г. №№ 33, 36, 42 и 43).

Авторъ, описывая на 14-ти столбцахъ свои путевыя впечатлѣнія, говоритъ подробно объ устройствѣ кибитки и зимовки киргизовъ, пищѣ и положеніи женщины. Авторъ совершилъ свою поѣздку зимой и знакомитъ читателя съ интересными сторонами жизни киргизовъ въ это время года.

Акырпыкъ—Кокарэ.—Изъ охотничьихъ замѣтокъ (Сибирскій Вѣстникъ. 1889 г. № 122).

Авторъ рассказываетъ объ игрѣ „Кокарэ“ у киргизовъ, которой онъ былъ очевидцемъ.

А. Леонтьевъ.—Русская колонизація въ степяхъ Средней Азіи (Сѣверный Вѣстникъ. 1889 г. № 8. Областной Отдѣлъ).

Авторъ говоритъ объ эксплуатаціи киргизовъ казаками и объ ухудшеніи экономическаго положенія киргизовъ.

Тюри въ этнологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ (Особое приращеніе къ Акмолинскимъ Обл. Вѣд. 1889 г. № 36—48 и дальше).

Представляетъ переводъ съ нѣмецкаго сочиненія Вамбери (см. годъ 1885).

С. Ивановскій, миссіонеръ священникъ.—Изъ путевыхъ замѣтокъ миссіонера (Сибирскій Вѣстникъ. 1889 г. №№ 9 и 10).

Въ 10 номерѣ названной газеты авторъ описываетъ свое пребываніе въ киргизскомъ аулѣ, угощеніе и приѣмъ у киргизовъ и свадебный обрядъ, рассказанный ему киргизомъ (всего 5-ть фельетонныхъ столбцовъ).

Киргизская легенда (Ургальскія Войсковыя Вѣдомости 1889 г. № 18).

Передаётся киргизская легенда о томъ, почему первый годъ 12-ти лѣтней эры называется именемъ мыши. Къ сожалѣнію, легенда не передаетъ, почему именно, по мнѣнію киргизовъ, года названы именами тѣхъ, а не другихъ животныхъ. Перепечатано изъ прибавленія къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ.

А. Б. — Киргизскіе обычаи (Новое Время. 1889 г. 18 октября, № 4899).

Эта статья написана по поводу книги Н. И. Гродекова: „Киргизы и кара-киргизы Сыръ-Дарьинской области“ и заключаетъ рецензію на этотъ трудъ и извлеченія, какъ-то: о происхожденіи киргизовъ, о свадебныхъ Обрядахъ, поговорки и т. д. (На 5 фельетонныхъ столбцахъ).

Памятная книжка Астраханской губерніи на 1890 годъ. Астрахань. 1889 г.

Помѣщены, между прочимъ, свѣдѣнія о количествѣ народонаселенія въ Букеевской ордѣ.

В. Верещагинъ. — Китайская граница. Набѣгъ (Русская Старина. 1889 г. Октябрь).

На двадцати пяти страницахъ помѣщенъ живо написанный рассказъ о нападеніи нашего отряда на таранчей и киргизовъ на китайской границѣ. Художникъ былъ самъ участникомъ этого набѣга и его рассказъ безыинтересенъ для знакомства съ далекой окраиной, гдѣ, между прочими народностями, кочуютъ и киргизы.

Русскія Вѣдомости. 1889 г. № 274, 4 октября.

Въ этомъ номерѣ помѣщена слѣдующая замѣтка: „Акмолинскія Областныя Вѣдомости сообщаютъ, что между бумагами, оставшимися послѣ покойнаго знаменитаго натуралиста доктора Альфреда Брэма, найдены записки о семейной и общественной жизни киргизовъ. Сынъ покойнаго приступаетъ теперь къ опубликованію этихъ записокъ“. Нельзя не сочувствовать предполагаемому изданію, тѣмъ болѣе, что записки касаются столь интересной и мало изслѣдованной стороны жизни киргизской народности.

А. Ивановскій. Изъ Китая (Русскія Вѣдомости. 1889 г. № 256).

Въ этомъ „отрывкѣ изъ дневника“ упоминается интересный фактъ изуверства киргизовъ—пить кровь обезглавленнаго для увеличенія храбрости и силъ. Поѣздку авторъ предпринялъ лѣтомъ 1889 года изъ Зайсанскаго поста. По возвращеніи изъ Китая въ Зайсанскій постъ, онъ занимался антропологическими измѣреніями киргизовъ и раскопками кургановъ. Краткое описаніе экспедиціи А. Иванова было напечатано (въ видѣ корреспонденціи изъ Зайсанскаго поста 1889 г. 1 августа) въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1889 г. № 262 (Объ антропол. наблюденіяхъ см. наши „Киргизы Букеевской орды“, в. II, 1891 г.).

Н. Гродековъ. — Киргизы и кара-киргизы Сыръ-Дарьинской Области.

Т. І. Юридическій бытъ. Ташкентъ. 1889.

Этотъ трудъ занимаетъ до сихъ поръ первое мѣсто по своей полнотѣ. Содержаніе слѣдующее: преданія о происхожденіи киргизовъ и кара-киргизовъ, бѣлая кровь, старшинство, мѣстничество, родовое начало, степень родства, власть родителей, совершеннолѣтіе, родъ матери, усыновленіе, опека, побратимство, выдѣленіе сыновей, наслѣдство, брачный союзъ, обрядъ свадебный, пользованіе землей и водой, кочеваніе, гостепріимство, общее вѣжество, наемъ, находка, подарки, торговля, долги, преступленіе, воровство, баранта, устройство суда, присага, штрафы, игры, похороны и поминки, 658 пословицъ—все на 298 стра-

пицахъ. Кромѣ того перечень ураповъ (боевыхъ криковъ), списки и рисунки тамговъ, нѣсколько свадебныхъ пѣсень и до 400 рѣшеній дѣлъ біими — все на 205 страницахъ. Къ книгѣ приложена этнографическая карта Сиръ-Дарьинской области и 11 гравюръ. Книгу эту можно рекомендовать какъ наиболее полный сборникъ матеріаловъ для изслѣдованія юридическаго быта киргизовъ и кара-киргизовъ. Подробный разборъ этого сочиненія былъ нами помѣщенъ въ Этнографическомъ Обзорѣннѣ, изд. Обществомъ Любителей Естествознанія 1889 г. Кн. II. Кромѣ того были помѣщены рецензіи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1889 г. № 258, въ „Наблюдатель“ 1889 г. кн. 11, стр. 33 и въ „Вѣстникѣ Европы“ 1890 г. № 1-й. Г. Гродековъ предполагаетъ издать еще два тома слѣдующаго содержанія: историческія сказанія, поэмы, повѣрья, басни, загадки, заклинанія и пр.

Восточное Обзорѣніе. 1889 годъ. №№ 46 и 47.

Новое Время. 1889 г. 1 сентября. № 4882.

О взятіи Чимкента генераломъ Черняевымъ, объ его движеніи въ степи вообще, о завоеваніи и замирѣніи края. Статья имѣетъ отношеніе къ Киргизской степи въ смыслѣ замирѣнія ея и огражденія отъ вреднаго вліянія коканцевъ.

А. Орловъ.—Объ избраніи султана Ишима ханомъ Киргизъ-Кайсацкой Меньшой орды въ 1794 году (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1889 года. № 11).

Статья содержитъ замѣтку объ управленіи степью со времени принятія ею нашего подданства; затѣмъ помѣщены два подложныхъ документа: 1) прошеніе киргизъ Малой орды Баулинскаго и Семипродскаго поколѣній — біевъ, батырей, старшинъ и мурзъ, присланное Оренбургскому Военному Губернатору въ 1794 году и 2) прошеніе мулы Абьаса Сюшева въ Оренбургскую экспедицію пограничныхъ дѣлъ въ 1794 г., въ этихъ двухъ прошеніяхъ излагаются, между прочимъ, достоинства и заслуги Ишима. Все это проливаетъ свѣтъ на жизнь минувшихъ временъ въ Киргизской степи.

Д. Лобановъ.—Каталогъ Музея Уральскаго Общества Любителей Естествознанія въ Екатеринбургѣ. Отд. II. Екатеринбургъ. 1889.

Содержитъ краткія свѣдѣнія объ одеждѣ и домашней утвари киргизовъ.

А. Фортунатовъ.—Матеріалы къ вопросу о послѣдовательности и порядкѣ заростанія черепныхъ швовъ у инородцевъ Россіи, (Приложеніе къ LX тому Записокъ И. Академіи Наукъ. № 2. СПб. 1889 г.).

Авторъ среди другихъ череповъ просмотрѣлъ и 19-ть киргизскихъ пзъ музея Академіи Наукъ, описаніе которыхъ по отношенію степени сростанія черепныхъ швовъ помѣщено на стр. 59--64. Эти же черепа помѣщены имъ въ графическія таблицы, приложенныя къ работѣ. Черепа впоследствии были подробно измѣрены А. А. Ивановскимъ и цифры измѣреній переданы для обработки намъ.

Г. Арандаренко.—Досуги въ Туркестанѣ СПб. 1889.

Книга (659 страницъ) представляетъ сборникъ статей автора, напечатанныхъ имъ въ разное время и посвященныхъ преимущественно сельскохозяйственному, экономическому и административному положенію страны. Этнографическія свѣдѣнія, имѣющія отношеніе къ киргизамъ, можно найти въ первой главѣ: „Между туземцами степнаго узда“; судъ, присяга, гостепримство, характеръ, въ VII главѣ: „Народный Судъ“ и X главѣ: „О метеорологическихъ познаніяхъ туземцевъ“ и т. д. Подробный разборъ этого сочиненія былъ нами помѣщенъ въ „Этнографическомъ Обзорѣннѣ“ 1889 г. кн. 3.

Е. Смирновъ.—Султаны Кенисара и Садыкъ. Ташкентъ. 1889.

Книга заключаетъ біографическій очеркъ Кенисары и Садыка, написанный братомъ послѣдняго Ахметомъ Кенисариннымъ и обработанный для печати Е. Т. Смирновымъ. Этотъ очеркъ не лишенъ извѣстнаго интереса, хотя, по нашему мнѣнію, первое мѣсто слѣдуетъ уделить не біографіямъ, а тѣмъ примѣча-

ніамъ, которыя сдѣланы г. Смирновымъ. Интересны также приложенія, хотя они и не имѣютъ прямого отношенія къ киргизамъ. Рецензія: „Вѣстникъ Европы“ 1889 г. сентябрь, „Русскій Вѣстникъ“ 1889 г. августъ (см. ниже), „Акмолинскіе Обл. Вѣд.“ 1889 г. № 35 и въ особомъ прибавленіи къ нимъ „Киргизская Газета“ № 34 и „Русскія Вѣдомости“ 1889 г. августъ.

М. Черняевъ. — Султаны Кенисара и Садыкъ (Русскій Вѣстникъ. 1889 г. августъ).

Эта статья (въ 13 страницъ) написана по поводу изданной Областнымъ Статистическимъ Комитетомъ въ Ташкентѣ книги подъ заглавіемъ: „Султаны Кенисара и Садыкъ“ (см. выше). Авторъ отрицаетъ правдивость этихъ біографій и находитъ, что въ нихъ много прикрасъ и что Кенисары и Садыкъ не герои и не заслуживаютъ біографій и что самая интересная часть книги — приложенія, извлеченныя изъ Туркестанскихъ архивовъ и касающіяся военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи при покореніи Туркестанскаго края. Затѣмъ авторъ, извѣстный герой Туркестанской войны, даетъ нѣкоторые подробности о своемъ движеніи и о движеніяхъ отрядовъ Мейера и Мерха предъ взятіемъ Чокмента.

А. Н. — Цѣнный кладъ старины (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ 1889 г. № 47).

Говорится о старинномъ и падающемъ теперь киргизскомъ обычаѣ оказыванія помощи пострадавшимъ отъ случайныхъ причинъ.

Судьбы Киргизскаго народа (Восточное Обозрѣніе. 1889 г. № 28).

Авторъ говоритъ объ ухудшившемся и ухудшающемся экономическомъ положеніи киргизовъ, объ урѣзваніи земель въ пользу казаковъ, о наплывѣ переселенцевъ и вліяніи нѣкоторыхъ капиталистовъ.

Женщины въ кочевомъ быту (Туркестанскія Вѣдомости. 1889 г. №№ 33 и 34).

Авторъ говоритъ (на 10 столбцахъ) о положеніи женщины у киргизовъ отъ младенческаго возраста до вступленія въ бракъ. Пишетъ о случаяхъ умишанія невістъ, о сватовствѣ и свадьбѣ, о вступленіи женщины въ новую семью, о положеніи ея въ семьѣ, объ отношеніяхъ къ ней мужа и о правахъ и обязанностяхъ ея, и, наконецъ, о разводѣ.

Объ увозѣ киргизами въ плѣны русскихъ людей и объ угонѣ ими скота (Тобольскія Губернскія Вѣдомости. 1889 г. № 38).

Небольшая замѣтка о плѣненіи въ былыя времена русскихъ киргизами, приведены примѣры изъ дѣлъ 1788 г. Тобольскаго губернскаго архива.

А. Аленторовъ. — Какъ мы пишемъ теперь ученые книги (Оренбургскій Листокъ. 1889 г. №№ 33—35, 37—39 и 41).

Слѣдуетъ отмѣтить взглядъ автора на хана Джангира, котораго, впрочемъ, придерживаемся и мы, и нѣкоторыя подробныя небезынтересныя свѣдѣнія о школахъ.

А. Харузинъ. — Киргизы Букевской орды. Антрополого-этнологическій очеркъ. Выпускъ I (Извѣстія И. Общества Любителей Естествознанія, Антропологій и Этнографіи. Т. LXIII. Труды Антропологическаго Отдѣла. Т. X 1889 г.).

Содержаніе: исторія экспедицій въ Букевской степи, литература о киргизахъ, очеркъ исторіи Букевской орды, родовое устройство, сословное устройство, религіозныя представленія, образъ жизни, семейное устройство, судопроизводство и судопроизводство, возникновеніе поселковъ, ханъ Джангиръ, управленіе, школьное образованіе, движеніе населенія, экономическое положеніе, характеръ киргизовъ, физическія свойства, болѣзни, питаніе, типъ киргизовъ, измѣренія роста, туловища и конечностей, измѣренія головы, киргизскія черепа, бібліографическій указатель (отъ 1734 до 1889 г.) и курганы Букевской степи.

С. Чормановъ. — О скачкахъ въ степяхъ (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ. 1889 г. №№ 39, 40 и 41)

Говорится объ „асъ“ (поминки), „туй“ („той“) или празднествъ и о приготовленіи лошадей къ скачкѣ.

Памятная книжка Астраханской губерніи на 1889 годъ. (Изданіе Губернскаго Статистическаго Комитета. Астрахань. 1889).

Помѣщены, между прочимъ, краткія свѣдѣнія о количествѣ народонаселенія киргизской Букеевской орды и карта Астраханской губерніи.

Нурцонъ (N. G. Curzon). — *Rusia in Central Asia in 1889 and the anglo-russian question.* London, 1889.

Кромѣ разбросанныхъ, правда, немногочисленныхъ свѣдѣній о киргизахъ, приложенъ къ концу книги обширный библиографическій указатель сочиненій вышедшихъ преимущественно на англійскомъ языкѣ о Средней Азіи, изъ которыхъ многія имѣютъ отношеніе къ киргизамъ.

В. Витевскій. — **И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край.** Казань 1889—90.

Въ первомъ выпускѣ помѣщено въ главѣ VI „мнѣніе о Киргизской ордѣ Петра I и Ауль-Ханра-хана“, „Тевкелевъ въ Киргизъ-Кайсацкой ордѣ“ и „Киргизское посольство въ С.-Петербургѣ“, а во второмъ выпускѣ въ главѣ X—„пообщее являющихся казаковъ съ киргизами на рѣкѣ Утѣ“.

Г. Потанинъ. — Нѣсколько вопросовъ по изученіи повѣрій, сказаний, суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ у киргизовъ и сибирскихъ татаръ (Записки Западно Сибирскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества Кн. X. 1889 г. Омскъ).

Помѣщены интересныя вопросы о слѣдующемъ: космогоническія повѣрья, повѣрья о животныхъ, растеніяхъ, духахъ, болѣзняхъ, смерти и душѣ, сказанія (мотивы), шаманы или баксы и обряды.

В. Демичъ. — Очерки русской народной медицины: акушерство и гинекологія у народа (Врачъ. 1889 г. №№ 7, 9, 10 и 11).

Сообщены, между прочимъ, нѣкоторые обычаи, суевѣрія и обряды, сопровождающіе роды у киргизокъ.

Каульбарсъ (Le Baron Nicolas Kaulbars). *Aperçu des travaux géographiques en-Russie.* SPt. 1889.

Въ этомъ весьма полезномъ изданіи изложены труды по экспедиціямъ Военнаго Министерства и И. Русск. Географ. Общества въ различныхъ мѣстахъ Россіи и, между прочимъ, въ Оренбургскомъ краѣ, Западной Сибири и Киргизской степи съ 1716 года. Кромѣ того помѣщенъ хронологическій перечень имѣвшихся картъ.

Деникеръ (M. I. Deniker). — *Essai d'une classification des races humaines* Paris 1889.

Авторъ, между прочимъ, высказываетъ свой взглядъ относительно положенія къ системѣ (классификаціи) племенъ (по физическимъ признакамъ) и киргизовъ.

И. Яворскій. — Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана. Ч. I. СПб. 1889.

Авторъ неоднократно останавливается на Киргизской степи, на киргизахъ, и на киргизахъ. Слѣдуетъ преимущественно указать на главы о колонизаціи русскими, „процессъ осѣданія киргизовъ“, сартовская эмиграція въ Киргизской степи, а также на антропологическія данныя и выводы, сдѣланные на основаніи матеріаловъ Поаркова, Мацевскаго и Уйфальви.

Сибирскій Вѣстникъ 1889 г. №№ 133 и 138.

Въ этихъ нумерахъ помѣщена статья Алимбекова, возражающаго на статью мисіонера о. С. Ивановскаго „Церемоніальная киргизская свадьба“. Возраженіе на статью Алимбекова помѣщено въ № 22 „Сибирскаго Вѣстника“ за 1890 г. „Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ“).

1890 и 1891 гг. *).

Буйство киргизовъ (Русскія Вѣдомости. 1890 г. № 138).

Здѣсь описывается фактъ буйства киргизовъ, не стоявшій бы упоминанія, еслибы косвенной причиною буйства не былъ богатый сары-кулакъ.

А. Жаммонъ. — Областные киргизы (Московскія Вѣдомости 1890 г. №№ 161 и 173).

На 18 фельетонныхъ столбцахъ описывается образъ жизни Тургайскихъ киргизовъ: пища одежда, религія, образованіе, земледѣліе, выборное начало, судъ и конокрадство. Статья затрагиваетъ живыя многократно уже описываемыя стороны; далѣе авторъ говоритъ о построеніи Оренбурга, о караванной торговлѣ, о вліяніи русскаго купца на киргизовъ, о переселенцахъ и колонизаціи степи, въ заключеніе — о положеніи киргизской женщины. Есть указанія на интересныя стороны родового устройства.

А. И-въ. — Земельный вопросъ у киргизовъ (Русскія Вѣдомости. 1890 г. № 137).

Авторъ описываетъ споръ киргизовъ съ казаками изъ за земель, постепенно захватываемыхъ послѣдними съ 1765 до 1887 года, исторію возникновенія этого спора и его послѣдствія.

А. Ивановскій. — Черепа изъ озера Иссыкъ-Куля („Дневникъ Антропологическаго Отдѣла“ И. Общества Любителей Естествознанія 1890 г. вын. V. Труды Отдѣла т. XII).

Въ этой статьѣ говорится, съ одной стороны, о преданіяхъ киргизовъ о древнихъ обитателяхъ озера Иссыкъ-Куля, а съ другой стороны, высказывается предположеніе о генетической связи этого племени съ киргизами. Приложены цифры размѣровъ и отношеній трехъ Иссыкульскихъ череповъ.

А. Леонтьевъ. Обычное право киргизъ. — Судоустройство и судопроизводство (Юридическій Вѣстникъ. №№ 5 и 6, томъ V).

Авторъ говоритъ о вліяніи русскихъ законовъ и шаріата на обычное право киргизовъ, о бѣгахъ, третейскомъ судѣ, присяги, свидѣтеляхъ и о поединкахъ — все на 26 страницахъ. Нельзя не отмѣтить этой статьи, какъ разрабатывающей мало затронутый вопросъ.

А. Харузинъ. — О нѣкоторыхъ соотношеніяхъ размѣровъ головы и лица по возрастамъ у киргизовъ (Дневникъ Антропологическаго Отдѣла И. Общ. Любит. Естествозн. Москва. 1890 г. в. III).

Сопоставляются отношенія размѣровъ лица и головы у киргизовъ-букеевцевъ по возрастамъ.

А. Харузинъ. — Курганы Букеевской степи (Труды Антропологическаго Отдѣла И. Общ. Любит. Естествознан. т. XI, в. 2. 1890).

Описываются курганы, раскопанные авторомъ въ Букеевской степи, и сопоставляются съ курганами нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ, говорится о краниологическихъ признакахъ курганнаго племени, которое и сравнивается съ другими типами.

Журналъ курганныхъ раскопокъ въ Тургайской области Ф. Д. Нефедова и А. Б. Фишера. (Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла

*) 1891 годъ оканчивается мѣсяцемъ январь, т. е. мѣсяцемъ выхода въ свѣтъ даннаго указателя.

И. Общества Любителей Естествознания съ 1881 по 1886 годъ. Извѣстія Общества т. XLIX, в. 5. Труды Антр. Отдѣла, т. IX, в. 3, стр. 482; 1890 г.).

Помѣщены протоколы раскопокъ 1884 г. 32 кургановъ въ Тургайской области.

Н. Ядринцевъ.—Поѣздка по Сибири лѣтомъ 1886 года (Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла съ 1881 по 1886 г. Извѣстія И. Общества Любителей Естествознания т. XLIX, в. 5. Труды Отдѣла т. IX, в. 3, стр. 748, 1890 г.).

Краткая замѣтка о племени Усунь, имѣющемъ отношеніе къ киргизамъ.

Ф. Нефедовъ.—О раскопкахъ въ Тургайской области древнихъ могильныхъ кургановъ (Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла съ 1881 по 1886 г. Извѣстія И. Общества Любителей Естествознания т. XLIX, в. 5. Труды Отдѣла т. IX, в. 3, стр. 568, 1890 г.).

Описаніе кургановъ Тургайской области по раскопкамъ 1885 г.

П. Горбачевъ.—Антропологическія наблюденія надъ таранчами, дунганами, кашгарцами и киргизами Джаркента (Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла съ 1881 по 1886 г. Извѣстія И. Общества Любителей Естествознания т. XLIX, в. 5. Труды Отдѣла т. IX в. 3, стр. 606).

Помѣщено, между прочимъ, измѣреніе одного киргиза (37 лѣтъ).

Краткій обзоръ Уральской области (степная ея часть 1869—1890 г.) (Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1890 г. № 14).

О деспотическомъ управленіи киргизскихъ султановъ.

В. Миллеръ.—Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ (Этнографическаго Обзорѣнія. 1890 г. № 2).

Въ этой статьѣ авторъ помѣщаетъ интересный киргизскій вариантъ сказанія о боѣ отца съ сыномъ.

Матеріалы по антропологіи и этнографіи киргизовъ Семиркалинской области и обычное право киргизъ.

Подъ этимъ заглавіемъ поступилъ новый рукописный трудъ въ И. Русское Географическое Общество (см. „Этнографическое Обзорѣніе“ 1890 г. № 2, стр. 261).

Ю. Копеевъ.—Къ вопросу о тюркскихъ нарѣчіяхъ (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ 1890 г. № 23).

Авторъ говоритъ объ арабско-персидской транскрипціи въ киргизскомъ языкѣ.

Барлынь — (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ. 1890 г. № 26).

Говорится о горячихъ источникахъ, славящихся пѣлебностью.

Искъ.—Въ Кокчетаевѣ Акмолинской области (Сибирскій Вѣстникъ. 1890 г. № 71).

Небольшая, интересная замѣтка о киргизахъ.

А. Алекторовъ.—Образъ жизни киргизовъ (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. №№ 16 и 17).

Авторъ говоритъ о кочевой жизни (причемъ описываетъ кибитку и кыстау), о надѣлѣ земли, о невзгодахъ зимы и, наконецъ, передаетъ извлеченіе изъ сочиненія Махъ-Гахана (Военныя дѣйствія на Оксусѣ).

А. Алекторовъ.—Киргизская пѣснь (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. № 18).

Краткая замѣтка о плѣсн киргизовъ.

А. Аленторовъ. — Чѣмъ питаются киргизы (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. №№ 19 и 20).

О питаніи киргизовъ, отчасти о способѣ употребленія пищи и о приготовленіи кумыса на основаніи указаній Варадинова (Лѣченіе кумысомъ-Библиотека Медицинскихъ наукъ), Дала, Ягмина (Киргизъ-Кайсацкія степи и ихъ жители) и Островскаго.

А. Аленторовъ. — Баранда (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. №№ 22 и 23).

Помѣщена замѣтка о барантѣ и выдержка изъ повѣсти Кафтанникова „Арасланъ Бабръ“ („Заволожскій Муравей“ 1833 года), рисующая баранту.

А. Аленторовъ. — Экономическое положеніе осѣдлаго и кочеваго населенія степныхъ областей (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. № 25. Приложеніе: Листокъ объявленій 1890 г. № 69).

Авторъ приводитъ слова Милля о первобытной культурѣ челоуѣка и перенхъ шагахъ прогресса, указываетъ на пространство Киргизскихъ степей и количество жителей и даетъ, на основаніи официальныхъ источниковъ, количество жителей и скота по областямъ.

А. Аленторовъ. — Отъ Оренбургской Пограничной Комиссіи объявленіе киргизамъ Оренбургскаго вѣдомства (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. № 26).

Авторъ приводитъ объявленіе отъ Пограничной Комиссіи киргизамъ отъ 22 декабря 1851 года, по которому всѣ киргизы были обязаны выдать имѣющіеся у нихъ плѣнные.

А. Аленторовъ. — Изъ исторіи отношеній казаковъ къ киргизамъ (Оренбургскій Листокъ 1890 г. №№ 28, 29 и 30).

Авторъ касается поземельныхъ отношеній между киргизами и казаками. Замѣтка весьма интересная.

А. Аленторовъ. — Кочевали-ли киргизы между Ураломъ и Волгою до перехода сюда съ Букеемъ въ 1801 г ду (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. № 30).

Интересная историческая справка, относящаяся до исторіи образованія Внутренней киргизской орды.

А. Аленторовъ. — О раздѣлѣ имущества хана Джангира (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. № 30).

Краткая, небезынтересная замѣтка, имѣющая отношеніе къ исторіи Букеевской орды.

Г. Потанинъ. — Монгольское сказаніе о Гасэръ-ханѣ (Вѣстникъ Европы. 1890 г. кн. 9).

Говорится, между прочимъ, о киргизскомъ сказаніи о Козу-Курнешѣ и сказкѣ о Козаѣ.

Нарусъ (G. Carus). — Le Tait du Monde (Pamir). Paris 1890.

Авторъ говоритъ объ обычаяхъ киргизовъ и преимущественно кара-киргизовъ, рисуетъ также ихъ типъ. Конспектъ сочиненія въ L'Anthropologie 1890. Т. I. № 4. р. 449.

Русскія Вѣдомости. 1890 г. № 251.

Помѣщена замѣтка о предполагаемой депутаціи киргизовъ въ С.-Петербургъ съ цѣлью ходатайства о недопущеніи переселенцевъ въ Акмолинскую область (перепечатано изъ „Новаго Времени“).

Этнографическое Обзорѣніе, кн. VI, 1890 г. № 3.

На 171—174 страницахъ сдѣланы, по поводу статьи д-ра В. Демича, интересныя замѣтки А. Ивановскимъ о нѣкоторыхъ обрядахъ и обычаяхъ, сопровождающихъ роды у киргизовъ.

А. Алекторовъ. — Справедливъ ли былъ г. Харузинъ къ Ханской Ставкѣ? (Воляскій Вѣстникъ. 1890 г. № 217).

Авторъ этой статьи въ противоположность нашему мнѣнію считаетъ Ханскую Ставку весьма просвѣщеннымъ мѣстомъ и пытается доказать это свое мнѣніе.

Брэмъ (Dr. A. E. Brehm). — Vom Nordpol zum Aequator. Stuttgart, Berlin und Leipzig 1890.

Въ 7, 8 и 9 выпускахъ этого изданія (стр. 318—422) мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о Киргизской степи и о киргизахъ. Слѣдуетъ отмѣтить въ 9 выпускѣ (стр. 397) главу „Volks- und Familienleben der Kirgisen“, весьма живо рисующую слѣдующія стороны быта: байга, охота, пѣсни, игры, свадебные обряды, обряды погребенія и т. д.

А. Ж. — Корреспонденція изъ Оренбурга (Московскія Вѣдомости. 1890 г. № 314).

Въ статьѣ говорится о неудобствѣ путей сообщенія, и желательности желѣзной дороги отъ Оренбурга до Илецка и о русскихъ переселенцахъ на киргизскихъ земляхъ.

VIII Съѣздъ Русскихъ Естествоиспытателей и Врачей въ С.-Петербургѣ. СПб. 1890 г.

Въ восьмомъ отдѣлѣ этого тома: „Географія и Антропология“ помѣщены два сообщенія, сдѣланныя на Съѣздѣ: 1) Э. Ю. Петри — „Въ Киргизской степи“, гдѣ авторъ говоритъ о колонизаціи степи, народонаселенія, экономическомъ положеніи, земледѣліи и цивилизаціи въ степи, и 2) А. Н. Харузинымъ. — „О типѣ киргизовъ“, гдѣ авторъ указываетъ на отсутствіе единства въ типѣ киргизовъ, на причины этого и подтверждаетъ это нѣкоторыми антропометрическими данными.

А. Макишеевъ. — Историческій обзоръ Туркестана и наступательное движеніе въ него Русскихъ. СПб. 1890.

Собственно о киргизахъ говорится преимущественно во II главѣ („Туркестанъ въ XVI столѣтіи, подъ властью узбековъ, до подчиненія Россіи“), гдѣ авторъ пишетъ о происхожденіи киргизовъ и объ ихъ древней исторіи, и VI главѣ („Киргизъ-казаки подъ властью Россіи“). Последнюю главу слѣдуетъ отмѣтить, какъ содержащую въ высшей степени интересныя свѣдѣнія объ исторіи киргизовъ. Рецензія: см. „Вѣстникъ Европы“ 1890 г. кн. 12.

А. Ивановскій. — Смерть киргизскаго пѣвца Улгенбая (Русскія Вѣдомости. 1890 г. № 327).

Въ весьма привлекательной формѣ описывается предсмертная пѣснь киргиза-пѣвца, въ которой яркими красками рисуется побѣда добра надъ зломъ.

К. Е. — Обученіе у сибирскихъ киргизовъ (Школьное Обозрѣніе. 1890 г. № 17).

Говорится объ обученіи киргизовъ въ русскихъ школахъ, а также объ обученіи ихъ муллами, о способности киргизовъ и ихъ успѣхахъ въ ученіи.

А. Алекторовъ. — Чѣмъ и какъ мы способствуемъ укрѣпленію мусульманства въ киргизахъ (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. № 45—48).

Авторъ затрогиваетъ въ этихъ статьяхъ весьма живой вопросъ о распространеніи среди киргизовъ (первоначально язычниковъ) мусульманства и тѣхъ мѣрахъ, которыми мы невольно содѣйствовали распространенію ислама. Нельзя не отмѣтить того интереса, который представляетъ эта статья своей фактической стороной.

Корреспонденція изъ Акмолинской области (Новое Время. 1890 г. № 5255).

Авторъ говоритъ о большомъ количествѣ земли у киргизовъ и целесообразности переселенія русскихъ крестьянъ; статья богата фактическими данными и даетъ интересныя свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи киргизовъ. Въ переводной статьѣ помѣщена замѣтка къ этой корреспонденціи. Возраженіе см. „Новое Время“ № 5305.

Гази Вали-Ханъ.—По поводу корреспонденціи изъ Акмолинской области (Новое Время. 1890 г. № 5305).

Авторъ возражаетъ на статью, помѣщенную въ № 5255 „Новаго Времени“, и говоритъ о нецѣлесообразности и невозможности водворенія переселенцевъ внутреннихъ губерній въ Киргизской степи. Намъ нѣсколько удивляетъ подпись автора статьи: султанъ киргизъ-кайсаковъ“, кажется, было бы правильнѣе замѣнить ее просто „киргизъ-кайсацкимъ султаномъ“.

А. Головачевъ.—Страница изъ жизни Ильки (Русскія Вѣдомости. 1890 г. № 339).

Рисуется бытъ алтайскихъ киргизъ-промышленниковъ, закабаленныхъ у богатого кулака. Говорится о кедровомъ промыслѣ.

Г. Потанинъ.—Русская дѣвица Дарига въ киргизской сказкѣ (Этнографическое Обзорѣніе, кн. VII, 1890 г. № 4).

Замѣтка по поводу статьи В. О. Миллера „Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ“ (Этнографическое Обзорѣніе, кн. V), въ которой приводится киргизская сказка о боѣ отца съ сыномъ (см. выше). Авторъ указываетъ на монгольскій вариантъ того же мотива.

Обѣдѣніе киргизовъ (Киргизская Газета. 1890 г. № 36).

Выдержка изъ очерка Копальскаго уѣзднаго врача И. Колбасенка, помѣщенная въ „Вѣстникъ Общественной гігіены“.

В. Г.—Поѣздка въ долину озера Иссыкъ-Куля (Семиркалинскія Областныя Вѣдомости. 1890 г. №№ 31 и 33).

Авторъ говоритъ о причинахъ пониженія уровня озера, объ археологическихъ находкахъ и сказаніяхъ о древнихъ обитателяхъ.

А. Ивановскій.—1) Легенды о колосѣхъ и о маннѣ небесной и 2) Происхожденіе огня (Этнографическое Обзорѣніе, кн. VII, 1890 г. № 4, стр. 263 и 265).

Первая легенда представляетъ интересный киргизскій вариантъ подобныхъ же сказаній. Вторая легенда указываетъ происхожденіе огня изъ ада.

Н.—О переселенцахъ Акмолинской Области (Московскія Вѣдомости. 1890 г. № 23).

Авторъ говоритъ о весьма интересномъ и важномъ вопросѣ переселенія нашихъ крестьянъ на киргизскія земли. По мнѣнію автора этой статьи (и мы вполне съ нимъ соглашаемся), киргизы не терпятъ тѣхъ неудобствъ урѣзванія земли въ пользу переселенцевъ, на которыя часто указываютъ въ печати.

Замѣтка о жизни киргизъ въ степныхъ областяхъ Западной Сибири (Сибирскій Вѣстникъ. 1890 г. №№ 20. 21 и 22).

Авторъ статьи говоритъ объ обязанностяхъ киргизскихъ женщинъ, дѣвушекъ и мужчинъ, о перекочевкахъ и нѣкоторыхъ промыслахъ. Статья написана элементарно, но не лишена интереса.

Старый барантачъ (Сибирскій Вѣстникъ. 1890 г. № 42).

Авторъ передаетъ безынтересный разсказъ киргиза-старика о барантѣ въ былые годы.

О мѣстностяхъ стоянки киргизъ (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ. 1890 г. № 13).

Говорится о сокращеніи пастбищъ у киргизовъ и о развивающемся хлѣбопашествѣ.

Адыновъ. — Киргизская сказка (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ. 1890 г. № 16).

Передается сказка о царѣ, забывающемъ свои сны, и молодомъ челоѣкѣ, разгадывающемъ ихъ съ помощью бѣлой змѣи.

О тюркскихъ нарѣчіяхъ (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ. 1890 г. № 20).

Говорится, между прочимъ, о чистотѣ и неизмѣняемости киргизскаго говора.

А. Аленторовъ. — Ранніе браки (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ. 1890 г. № 28).

Говорится о нецѣлесообразности раннихъ браковъ у богатыхъ киргизовъ. Въ этомъ же номерѣ есть и другія замѣтки, касающіяся киргизовъ.

Наше земледѣліе на границѣ съ Китайской Имперіей (Восточное Обзорніе. 1890 г. №№ 4 и 8).

Статья заключаетъ въ себѣ весьма интересныя данныя о земледѣліи у киргизовъ Зайсанскаго пристаства.

Корреспонденція изъ Акмолинскаго уѣзда (Восточное Обзорніе. 1890 г. № 14).

Говорится о муллахъ и лжепророкахъ, какъ причинѣ обѣднѣнія киргизовъ.

Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ за 1890 г.

Помѣщено нѣсколько весьма интересныхъ по своему содержанію киргизскихъ сказокъ и басенъ.

Изъ исторіи развитія школьнаго дѣла въ киргизской Букеевской Ордѣ (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. №№ 50 и 51).

А. Солнцевъ. — Изъ религіозно-нравственной жизни киргизовъ Внутренней Букеевской Орды (Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости. 1890 г. №№ 8 и 11).

Сборникъ матеріаловъ для статистики Самаркандской области за 1887—88 г., в. I. Самаркандъ. 1890.

Помѣщены довольно многочисленныя статистическія данныя и о киргизахъ этой области.

Корреспонденція изъ Зайсана (Киргизская Газета. 1890 г. № 49).

О борьбѣ съ упадкомъ скотоводства у киргизовъ.

Сейсембай Кутуровъ. — Валяльно-войлочное мастерство въ Зайсанской киргизской сельско-хозяйственной школѣ (Киргизская Газета 1891 г. № 47).

А. Ивановскій. — Смерть киргизскаго пѣвца Улгенбая (Киргизская Газета. 1890 г. № 52 и 1891 г. №№ 1 и 2).

Переведено на киргизскій языкъ съ статьи того же автора, помѣщенной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1890 г. № 327 (см. выше).

П. Юдинъ. — Киргизы. Этнографическій очеркъ. (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1890 г. № 52 и 1891 г. №№ 1 и 5).

Эта обширная статья содержитъ описаніе характера степи, а также дѣленіе на орды, переходъ отъ кочевой къ полусѣдой жизни, хлѣбопашество, аулы, религіозныя обряды, магометанство, отсутствіе мечетей, обычаи, сопровождающіе

рожденіе ребенка, свадебные обряды, бракъ, джигитовка, музыкальные инструменты, пляска, пѣніе многоженство, положеніе женщины, похоронные обряды, недолговѣчность, языкъ и литература.

Народный судъ у Киргизовъ (Киргизская Газета. 1891 года №№ 4 и 5).

Извлеченіе изъ „Положенія объ управленіи степными областями“.

М. Имшенецкій.—Несмѣтное богатство, скрытое въ Киргизской степи (Киргизская Газета. 1891 г. №№ 1—5).

Авторъ убѣждаетъ киргизовъ заняться земледѣліемъ.

Сѣверный Вѣстникъ 1891 № 2.

Въ пятой главѣ („Изъ провинціальной печати“) II-го отдѣла этой книжки помѣщена замѣтка „Тургайская область и киргизы“, въ которой говорится объ экономическомъ положеніи киргизовъ и о судебныхъ процессахъ. Въ этой же книжкѣ слѣдуетъ отмѣтить статью М. Алексѣева, которая затрогиваетъ вопросъ о колонизаціи Туркестанскаго края. Правда она относится къ сартамъ, тѣмъ не менѣе касается до извѣстной степени и киргизовъ. Хотя мы и считаемъ выводы автора слишкомъ поспѣшными (какъ выражается и сама редакція журнала), тѣмъ не мѣнѣе отмѣчаемъ литературный интересъ этой статьи.

Новое Время. 1891 г. № 5362 (1 февраля).

Въ этомъ номерѣ газеты помѣщена слѣдующая весьма интересная телеграмма изъ Красноводска: „Красноводскъ, 31 января. Командированное начальникомъ Закаспійской области лицо для фактической проверки количества народонаселенія Красноводскаго уѣзда обнаружило нигдѣ не записанными и не платившими кибиточнаго налога въ теченіе десяти лѣтъ нѣсколько тысячъ кибитовъ туркменъ и киргизовъ“. Этому вопросу въ Букеевской степи мы посвятили мѣсто въ первомъ выпускѣ нашего труда (стр. 176, 200 и 201).

Дингельштетъ (V. Dingelstedt). — *Le régime patriarcal et le droit coutumier des Kirghiz.* Paris. 1891.

Этотъ весьма интересный трудъ представляетъ передачу отдѣльных главъ сочиненія Н. И. Гродекова „Киргизы и кара-киргазы“ (Ташкентъ. 1889. См. выше). Между тѣмъ какъ трудъ Гродекова представляетъ ничто иное, какъ сырой матеріалъ, въ которомъ трудно даже оріентироваться, г. Дингельштетъ облегчаетъ трудъ знакомства съ юридическимъ бытомъ киргизовъ. Мы отмѣчаемъ въ его трудѣ въ высшей степени интересное введеніе, которое, благодаря общему взгляду, бросаемому авторомъ, и сравнительно-этнографическому методу, освѣщаетъ намъ обычное право киргизовъ, хранящее въ себѣ много остатковъ сѣдой старины. Трудъ Дингельштета долженъ считаться однимъ изъ основныхъ при изученіи киргизской народности.

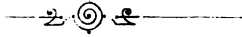
Внутренняя Киргизская орда. Братскій статистическій очеркъ. (Памятная книжка Астраханской губерніи на 1891 г., а также отдѣльные оттиски).

Эта весьма интересная и объемистая статья принадлежитъ перу Предсѣдателя „Временнаго Совѣта“ И. С. Иванова и, слѣдовательно, написана на основаніи строго официальныхъ данныхъ, чѣмъ и возбуждаетъ къ себѣ полное довѣріе и серьезный интересъ. Мы отмѣчаемъ въ этой статьѣ слѣдующія интересные главы: народонаселеніе, землевладѣніе и народное образованіе. Кромѣ того помѣщены слѣдующія свѣдѣнія: поселки въ ордѣ, земледѣліе, скотоводство, промыслы населенія, торговля, подати, натуральная повинности, народная нравственность, казенныя зданія, пожары, почта и телеграфъ, медицинскій персоналъ, аптеки, больницы, оспопрививаніе, сифилисъ, эпидемія, ветеринарная часть, эпизоотія, бібліотека и выписка журналовъ и газетъ въ Ханской Ставкѣ; имѣется также цѣлый рядъ приложеній съ цифровыми данными и дорожникъ Внутренней Киргизской орды.

А. Харузинъ.—Киргизы Букеевской орды. Антрополого-этнологическій очеркъ. Выпускъ II, часть первая. (Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Ант. и Этн., т. LXXII. Труды Антропологическаго отдѣла, т. XIV, в. 1-ый), 1891 года.

Данный выпускъ посвященъ исключительно сравнительной антропологiи киргизовъ и кара-киргизовъ на ряду съ узбеками, башкирами, туркменами, мешеряками, кичаками, касимовскими татарами, тируками, таранчами, бахчисарайскими, оеодосійскими, перекопскими, мелитопольскими и черневыми татарами, кумандинцами, телеутами, телесами, теленгитами, соёнцами, калмыками: алтайскими, чухарами, арбунсумунами, таргоутами и турфанскими, китайцами, манджурами, дунганами, самоёдами, лопарями, вепсами, эстами, ливами, тавастами, корелами, вотяками, пермяками, остяками, вогулами, мордвою, таджиками, гальцами, персіанами, осетинами, сартами, крымскими южно-бережными татарами, средне-азіатскими цыганами, авганцами, грузинами, имеретинами, мингрельцами, гурійцами, хевсурами, лазами, сванетами, абадзехами, кабардинцами, натухайцами, шапсугами, темиргойцами, чеченцами, нгушами, лезгинами, горскими татарами Кавказа и пидѣйцами племени Сіу.

Относящаяся къ этой части, часть вторая (второго выпуска) находится въ печати.

Годъ 3-й.

Кн. X.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1891, № 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла
Н. А. Янчука.

ЦѢНА 1 р. 50 к.

МОСКВА.

Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Петровка, д. Левенсонъ.

1891.

1891

1891

ИМПЕРАТОРСКОЕ

ОБЩЕСТВО

ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ

Печатать разрѣшается. Москва, 12 октября 1891 г.

Президентъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

Ординарный профессоръ Д. Анучинъ.

С. М. 1891

Въ Москвѣ, въ Типографіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

напечатано 1891 г.

Въ Москвѣ, въ Типографіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

А. М. 1891

Въ Москвѣ, въ Типографіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

1891

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
I. Месхи. (Этнографическій очеркъ). А. Хаханова...	1
II. Ставрѣ Гоудиновичъ и Гесэръ. I. Потанина.....	40
III. Станица Червленая. III. (Окончаніе) Г. Малякина.	50
IV. Заяцъ въ народной словесности. Н. Θ. Сумцова...	69
V. Очеркъ вустарной промышленности въ Тобольской губ. I и II. Н. Д—ди.....	85
VI. Обычные суды въ хуторахъ Донской области. А. Казмина.....	107
VII. Нѣсколько данныхъ для характеристики быта съ- верныхъ бурятъ. М. Ханалова.....	144
VIII. Кавказско-русскія параллели. I и II. В. Миллера.	166
IX. Критика и библиографія:	
1. Книги, ученые и справочныя изданія:.....	190—202
Труды IV. Археологическаго Съезда въ Россіи. Казань. Т. 1 (1884), т. II (1891). Н. X. (190).—Записки Зап.-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества. Кн. XI. А. И—скаго (193).—Извѣстія Вост.-Си- бирскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., т. XXII. Ею-же (194).—Отчетъ Якутскаго Областнаго Статист. Комитета за 1889 г. Н. X. (194).— Сборникъ матеріаловъ для статистики Сырѣ-Дарьинской области, подъ ред. И. И. Гейера. 1891 г. Ею-же (195).—Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XII. А. X—ова (196).—А. А. Цагарели: Сношенія Россіи съ Кав- казомъ въ XVI—XVIII ст. Ею-же (197).—Татарская учительская школа въ Казани. Н. X. (197).—Азбучный указатель горъ, озеръ, рѣкъ, населенныхъ мѣстъ и урочищъ, упоминаемыхъ въ Топографіи Оренбургской губ. Рычкова. Ею-же (198).—Свящ. Г. И. Соро- кинъ: Мѣстечко Дмитровка. Опытъ ист.-стат. и этнографическаго описанія. Ею-же (199).—А. А. Исаевъ: Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. Ею-же (200).—Виленскій Календарь на 1891 г.	
2. Обзоръ журналовъ.....	203—205
3. Обзоръніе газетъ.....	205—218
X. Указатель этнографическихъ статей и замѣтокъ въ сибирскихъ изданіяхъ отъ начала ихъ существо- ванія. („Записки“ и „Извѣстія“ сибирскихъ отдѣ- ловъ И. Русск. Геогр. Общ.; Записки Общ. изу- ченія Амурскаго края). Сост. А. А. Ивановскій...	219

XI. Смѣсь.

Замѣтки о народныхъ вѣрованіяхъ въ Вологодской губ.
(почитаніе огня и деревьевъ; вѣра въ превращенія; къ
исторіи погребальныхъ обрядовъ). *Н. Иваничкаго*..... 226

Посидѣлки (въ Тульск. и Веневск. уѣзд.). *Д. И. Успен-
скаго*..... 228

Литовскія легенды. Меч. *Довойны-Сильвестровича* и
М. Борейши..... 231

Споръ о пѣснѣ и сказкѣ. Сообщ. *Н. С. Тихонризовъ*. 234

„Адская Газета“. Сообщ. *П. А. Шилковъ*..... 235

Двоевѣрческій образъ. Сообщ. *С. П. Буренинъ*... 237

Изъ недавняго прошлаго (по поводу одной картины).
Сообщ. *Т. І. Вержбицкій*..... 238

Къ дуалистическимъ сказаніямъ. Сообщ. *Ал. Ивановскій*
и *Е. Ляцкий*..... 239

Къ статьѣ Г. Потанина: „Восточныя параллели къ нѣко-
торымъ русскимъ сказкамъ“. Сообщ. *М. К. Васильевъ*... 240

Къ малорусс. легендамъ объ Ильѣ Муромцѣ. *В. В. Калаша*. 241

XII. Извѣстія и замѣтки..... 242

Поправки 246

П р и л о ж е н і е: Библиографическій указатель книгъ
и статей о чукчахъ (на русскомъ и иностранныхъ
языкахъ). Сост. *А. А. Ивановскій*..... 1—9

Объявленія.

Списокъ изданій Этнографическаго Отдѣла.

Отъ редакціи „Этнографическаго Обзорія“.

М е с х и.

(Этнографическій очеркъ).

Историческій взглядъ на судьбу месховъ. Современное ихъ положеніе. Вѣрованія. Экономическій бытъ. Поэзія.

Границы Месхетіи или Саатабаго, въ послѣдствіи получившей названіе Верхней Карталиніи, показаны несогласно и противорѣчиво въ разныхъ историческихъ свидѣтельствахъ и документахъ, дошедшихъ до насъ. Мы имѣемъ возможность слѣдить за поразительнымъ колебаніемъ предѣловъ области месховъ на пространствѣ 25 вѣковъ до нашего времени. Первое упоминаніе объ этомъ народѣ находимъ въ Х гл. кн. Бытія, гдѣ въ числѣ прочихъ народовъ, извѣстныхъ пророку Моисею, названы Мешехъ и Тубаль. По истеченіи тысячелѣтія тѣже Месехъ и Тубаль, по показанію прор. Іереміи, занимаютъ пространство, указанное еще Моисеемъ, вдоль южнаго берега Чернаго моря, переходя на западъ р. Гались и до восточнаго берега того же моря, захватывая верхнюю часть бассейна р. Чороха. Галикарнассскій историкъ, жившій столѣтіемъ позже прор. Іезекіиля, вводитъ въ девятнадцатую сатрапію персидской монархіи между прочими народностями Мосховъ и Тибареновъ. Мешехъ или Месехъ Библии названы у Геродота Мосхами. Страбонъ знаетъ также Мосховъ и Мосхійскія горы, географическое положеніе которыхъ у этого географа и у царевича Вахушта совпадаютъ и другъ друга покрываютъ. Сопоставивъ извѣстія греко-римскихъ и грузинскихъ писателей съ ассирійскими надписями о мускахъ, мы заключаемъ, что нынѣшніе месхи, мосхи, Геродота, постепенно приближались

съ восточной части Малой Азіи къ той территоріи, которую нынѣ занимають ¹⁾.

Слѣды своего существованія по сѣверо-востоку М. Азіи за р. Галисъ месхи оставили въ названіи города Mazasa ²⁾. Въ честь имени этого народа названа деревня Мусхи въ 12 вер. отъ Ахалциха, заселенная нынѣ грузинами - месхами. Именованіе этой деревни Мусхи всего ближе подходит къ названію встрѣчающемуся въ ассирійскихъ клинописныхъ памятникахъ, которымъ Мосхи или Мосохи извѣстны подъ именемъ Мусхи или Мушки. Была удачна попытка поставить въ зависимость отъ названія Месховъ географическое происхожденіе Мухетоса, сына Картлоса, эпонима грузинъ. Тождественность корней *Мух* и *Месх* подтверждается тѣмъ фактомъ, что Ахалцихскій уѣздъ извѣстенъ и подъ именемъ Самцхе и подъ названіемъ Месхетія ³⁾. Существованіе города Мцхета вызвало въ народной фантазіи необходимость создать для этнологическаго объясненія Мцхетоса, строителя Мцхета, древнѣйшаго города Грузіи. Самъ Мцхетосъ можетъ служить олицетвореніемъ цѣлаго народа Месховъ, подобно тому какъ Эллинь является воплощеніемъ греческаго народа въ одномъ лицѣ, вслѣдствіе сознанія у мелкихъ греческихъ народностей общности своего происхожденія. Въ Сацхуметѣ, по географіи, приписывавшейся Моисею Хоренскому, нужно видѣть грузинское Самцхе, и такимъ образомъ можно возвести эту номенклатуру по крайней мѣрѣ къ VII в. по Р. Х., къ каковой эпохѣ относится составленіе названной географіи.

Месхія, до раздѣленія Иверіи на три отдѣльныхъ царства и пять самостоятельныхъ княжествъ въ 1469 г., составляла одну изъ наиболѣе отдаленныхъ провинцій грузинскаго царства. Въ XIV в. при Саркисъ II, владѣтель ахалцихскаго уѣзда, было даровано этому краю автономное правленіе. Правитель Самцхе, именовавшійся атабегомъ, Бека, по фамиліи Джакели (получилъ свое имя отъ замка Джаки, нынѣ деревня Джакисманъ), издалъ законы, которые, будучи пополнены вну-

¹⁾ См. мою ст.: „Древнѣйшіе предѣлы расселенія грузинъ по М. Азіи.“ стр. 1—4 и 31—3.

²⁾ Lenormant. Histoire de l' Orient I, 299.

³⁾ V.—S.—Martin. Recherches sur les populations du Caucase p. 48 et sq.

комъ его Агбугой въ XV в., вошли въ извѣстное уложеніе грузинскаго царя Вахтанга VI. Есть основаніе думать, что юридическія нормы, установленныя этими двумя просвѣщенными владѣтелями Самцхе-Саатабаго служатъ съ одной стороны отраженіемъ дѣйствующаго тогда обычнаго права и представляются съ другой стороны продуктомъ вліянія писанныхъ законовъ изъ римско-византійскаго источника.

Вторженіе въ XIII в. монголовъ въ Грузію, а въ XIV в. страшное нашествіе Тамерлана ослабило центральную власть, усилило стремленіе окраинъ къ приобрѣтенію большей свободы и независимости. Въ XV вѣкѣ послѣдовало пагубное по своимъ послѣдствіямъ для будущей жизни Грузіи ея раздробленіе на семь отдѣльныхъ политическихъ тѣлъ. На Манучара, правителя Самцхе-Саатабаго выпала печальная роль отдѣлиться отъ карталинскихъ царей и сдѣлать свою страну ареной кровавыхъ сценъ для турецкихъ янычаръ въ XVII в. Атабегъ Бека, убившій своего старшаго брата Манучара былъ признанъ султаномъ Османской имперіи правителемъ Ахалцихскаго уѣзда подъ именемъ Сапаръ-паши (1625 г.). За нимъ было сохранено право суда и расправы и прочіе атрибуты власти атабеговъ. Только въ XVIII в. турки лишаютъ фамилію атабеговъ ея земель и власти. Оставаясь по прежнему самостоятельными владѣтелями до половины XVIII в. представители рода атабеговъ при вступленіи въ должность паши соблюдали одну пустую формальность—испрашивали у порты барать на утвержденіе во владѣніи. Власть и владѣнія дворянства оставались наследственными, но на ряду съ нимъ стало много бековъ—турецкое служилое сословіе. Рядомъ съ измѣненіями, проникавшими въ среду высшаго сословія, народъ въ значительномъ числѣ переходилъ въ исламъ. Переходъ происходилъ въ силу гоненій за вѣру, а также въ виду того, что всѣ, принявшіе ученіе Магомета получали свободу отъ крѣпостной зависимости ¹⁾. Такъ шелъ усиленный переходъ православныхъ обитателей западной Грузіи въ мусульманство. Въ теченіе двухъвѣковаго владычества турокъ въ этой провинціи до присоединенія ея къ русскимъ владѣніямъ по Адрианопольскому миру въ 1829 г. нѣкогда процвѣ-

1) Загурскій. Поѣздка въ Ахалцихскій уѣздъ, стр. 3—4.

тавшее здѣсь христіанство было бы совершенно вытѣснено кораномъ, еслибы на помощь не явились итальянскіе миссіонеры, которые успѣли перевести послѣдователей греческаго вѣроисповѣданія въ католичество. Этимъ объясняется фактъ существованія грузинъ-католиковъ.

Древняя Месхетія, нынѣ Ахалцихскій уѣздъ Тифлисска. губ. занимаетъ 48,88 кв. м. съ населеніемъ 43,377 жителей обоого пола, при чемъ на одну кв. милю приходится 887,4 жителей, т. е. въ среднемъ менѣе чѣмъ во всей остальной части Тифлисска. губ. и въ Закавказьи, но болѣе, чѣмъ въ Европейской Россіи и на всемъ Кавказѣ. Въ г. Ахалцихѣ считается 18,269 жителей (по свѣдѣніямъ 1872—74 гг.). Такимъ образомъ городское населеніе въ уѣздѣ составляетъ около 42%.

Сельское населеніе Ахалцихскаго уѣзда весьма разнообразно, какъ по своему этнографическому составу, такъ и по своему имущественному положенію. Всѣ крестьяне уѣзда относятся къ разряду государственныхъ поселянъ. Подраздѣленіе ихъ основано на формѣ владѣнія землей. Поселяне же раздѣляются на слѣдующія группы: 1) единственнаго владѣнія казны; 2) общаго владѣнія казны и частныхъ лицъ; 3) единственнаго владѣнія частныхъ лицъ — а) не имѣющихъ право владѣть населенными имѣніями, б) имѣющихъ таковое право; и 4) собственныхъ. Кромѣ этихъ категорій, въ Ахалцихскомъ уѣздѣ есть нѣсколько селеній, въ коихъ крестьяне, пользуясь издавна владѣльческой землей, утратили право на полученіе этой земли въ свой надѣлъ въ силу того, что вошли съ земле-владѣльцами въ различныя договорныя отношенія. Эти крестьяне носятъ названіе поселянъ, „живущихъ по условію съ хозяевами“. Устройствомъ быта этихъ поселянъ озабочено въ настоящее время губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе ¹⁾.

Въ Ахалцихскомъ уѣздѣ проживаютъ слѣдующія народности: 1) грузины, раздѣляемые по вѣроисповѣданіямъ на три группы—католиковъ, православныхъ и сунитовъ; 2) армяне-католики и григоріане; 3) куртины (племени зиланскаго и

¹⁾ Эти свѣдѣнія заимствованы изъ труда г. Вермишева: Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ въ Ахалцихскомъ и Ахалкалакскомъ уѣздахъ Тифлисска. губ. Тифлисъ. 1886 г.

исмаилянскаго), принадлежащіе къ сунитскому ученію магометанской религіи; 4) таракоманы или таракамаэ, тоже сунитскаго толка; 5) туркмены—суниты. Русскіе (духоборы) и греки живутъ въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ. Процентныя отношенія различныхъ народностей къ общей массѣ населенія таковы: грузинъ 78,4%, куртинъ 5,75%, таракаманъ 3,9%, туркменъ 1,1% и армянъ 11,9%. Мужское населеніе преобладаетъ надъ женскимъ у всѣхъ народностей, за исключеніемъ духоборовъ, у которыхъ наблюдается обратное явленіе. По числу домовъ грузины вообще и въ частности грузины-суниты преобладаютъ надъ остальными народностями (54,5%). Наименьшій приростъ населенія у грузинъ-сунитовъ (2%) и наибольшій приростъ у грузинъ-православныхъ (30%).

Грузины различныхъ вѣроисповѣданій составляютъ коренное населеніе уѣзда. По вѣроисповѣданію они дѣлятся на магометанъ-сунитовъ, православныхъ и католиковъ. Образъ жизни и бытовые особенности этихъ трехъ группъ различны лишь на столько, на сколько судьба ихъ обуславливается вліяніемъ религіи. Всѣ грузины-христіане говорятъ по грузински и большинство грузинъ-мусульманъ хорошо объясняется на родномъ языкѣ. Лучшія народныя пѣсни я записалъ въ мусульманскихъ поселеніяхъ—Ацхури и Киде. Я не встрѣчалъ ни одного мусульманина-грузина, который считалъ бы для себя непонятной мою грузинскую рѣчь. Типическія черты лица грузина ясно и отчетливо сохранили мусульмане, лишь по костюму отличаясь отъ грузинъ православныхъ. Чалма изъ разноцвѣтной матеріи въ нѣсколько аршинъ (отъ 3 до 5) длины, узкіе шаровары около таліи расширяющіяся,—единственные вѣншіе признаки грузина-магометанина. Женщины усвоили привычку мусульманокъ закрываться чадрой, но теперь выводится этотъ обычай одновременно съ возстановленіемъ христіанства.

Духовѣковое владычество турокъ въ Саатабаго съ 1625 г., когда оно обращается въ оттоманскій пашалыкъ, до присоединенія его къ Россіи въ 1829 г. по Адрианопольскому трактату, прошло не безслѣдно въ сферѣ культурно-этнографическихъ особенностей края и его населенія. Крѣпостное право было уничтожено, христіанство уступило въ большинствѣ

селеній исламу, водворился турецкій языкъ, ставшій рядомъ съ роднымъ грузинскимъ, какъ языкъ религіи. Однако подъ этимъ вѣшнимъ измѣненіемъ быта населенія скрывается глубокій слой прежнихъ національных нравовъ, обычаевъ и вѣрованій, совершенно сходныхъ съ таковыми же особенностями грузинъ, карталинцевъ и кахетинцевъ. Даже изъ подъ мусульманскихъ обрядовъ открываются слѣды христіанскихъ традицій, господствовавшихъ среди населенія въ теченіе 13 вѣковъ. Мы укажемъ нѣсколько изъ нихъ. Въ день Пасхи ¹⁾ и Вознесенія Месхи — мусульмане на равнѣ съ христіанами красятъ яйца, ходятъ въ церковь, напр., Сафарскій монастырь пользующійся большимъ уваженіемъ у всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданій. Обязанность мѣстныхъ мусульманъ проводить ночи въ оградѣ храма по требованію святого во избавленіе отъ болѣзней и недуговъ хорошо напоминаетъ обычай всѣхъ грузинъ. Обычай обвивать три раза стѣны церкви нитями, жертвовать колокольчики, изображенія разныхъ частей тѣла, человѣческія фигуры, приводить жертвенныхъ животныхъ на закланіе — всѣ эти порядки должны быть отнесены къ эпохѣ домусульманской.

Кромѣ этихъ остатковъ христіанскаго ученія мусульманъ-месховъ съ грузинами связываетъ единство ихъ уцѣлѣвшихъ вѣрованій изъ языческаго періода. Эти повѣрія, имѣющія своимъ источникомъ Зороастрову религію пережили доктрины православія, поражая изслѣдователя своей живучестью.

Таковы представленія у месховъ о загробной жизни, столь хорошо извѣстныя намъ и изъ религіозныхъ вѣрованій пшавовъ, тушинъ и хевсуръ ²⁾. Мостъ изъ одного волоса, перекинутый чрезъ ущелье кипучей смолы, по которому проходятъ грѣшныя и праведныя для достиженія царства небеснаго, напоминаетъ „бицвисъ-хиди“ грузинъ, т. е. волосяной мостъ. Праведныя безъ труда проходятъ по этому опасному мосту, а грѣшныя падаютъ въ воспламененную смолу и жарятся нескончаемо. При вступленіи на мостъ всѣ души опрашиваются

¹⁾ Въ день Пасхи моютъ голову рано утромъ, наложивъ на себя обѣтъ молчанія, чтобы волосы отросли.

²⁾ См. мои очерки въ Этногр. Сбор. подъ ред. В. О. Миллера III вып. — „Мошевы“, „Пшава“ и въ Этногр. Обзор. кн. II — „Тушины“.

особыми судьями, взвѣшивающими на вѣсахъ добрыя и злыя дѣянія умершихъ. Если какая-нибудь грѣшная душа незамѣтно отъ судей проберется, то ее останавливаютъ грозные охранители подземнаго царства съ требованіемъ вернуться назадъ: „куда вы идете?—восклицаютъ они—„берегитесь, грѣхи ваши не пускаютъ васъ въ рай“. Праведники, наслѣдовавъ свѣтлое царство, въ будущей жизни питаются запахомъ яствъ приносимыхъ оставшимися на землѣ сородичами. Души очень мстительны: за невниманіе къ нимъ они насылаютъ болѣзни и неурожаи лицамъ, ва которыхъ падаетъ обязанность приносить имъ жертвы. Напротивъ онѣ благоволятъ за учашенное поминаніе, выражая свою благодарность размноженіемъ скотины, увеличеніемъ всѣхъ матеріальныхъ благъ. Поминаніе душъ происходитъ въ день погребенія, чрезъ мѣсяцъ, чрезъ годъ, въ установленные дни и въ каждую пятницу. Въ этотъ день для покойниковъ готовится особое кушанье изъ масла, поджаренаго лука, запахомъ котораго довольствуются души отошедшихъ въ вѣчность. Онѣ незамѣтно присутствуютъ при всѣхъ семейныхъ радостяхъ и несчастіяхъ, принимая живое участіе въ судьбѣ сородичей, какъ ангель-хранитель или злой духъ, ниспосылающей всѣ бѣды за измѣну прадѣдовскимъ обычаямъ.

Въ особености нужно опасаться давать недобрымъ геніямъ овладѣть ногтями и остриженными волосами. Ихъ немедленно нужно сжигать или прятать въ землю. Этотъ обычай хорошо извѣстенъ всѣмъ грузинамъ и объясняется вліяніемъ Авесты ¹⁾. Ничѣмъ не ссужать другихъ въ день Байрама или нашего Нового года, опоясывать главный столбъ дома нитями бѣлаго и краснаго цвѣта, не шить, не плакать, готовить особые хлѣба съ изображеніемъ человѣческой фигуры и представителей животнаго міра — все это должно восходить ко времени дружнаго сожительства месховъ-мусульманъ съ грузинами православными. Изгнаніе бѣсовъ и нечистыхъ тварей, проникнувшихъ въ человѣческій организмъ обыкновенно черезъ ротъ, происходитъ, какъ это дѣлается во всей Грузіи, посредствомъ перепрыгиванія черезъ зажженные костры въ среду на страстной недѣлѣ.

¹⁾ Hovelague. L'Avesta.

Я отмѣчу только нѣкоторыя подробности празднованія у месховъ Нового года, которыя не были извѣстны до сихъ поръ въ печати ¹⁾. Первый посѣтитель въ этотъ день, называющійся, какъ и у грузинъ, меквлѣ, т. е. прокладывающій стезю, долженъ сѣсть на усыпанное пшеницей мѣсто, при чемъ требуется, чтобы онъ крѣпко усѣлся, иначе урожай будетъ небогатый, а корова не отелился. На подносѣ передъ нимъ кладутъ хлѣбъ — „басила“ (въ честь Василія), тарелку меда и масла. Меквлѣ подходит съ вѣткой въ рукѣ къ камину и, ударяя по горячимъ угольямъ, приговариваетъ: „столько куръ, коровъ, быковъ“ и пр. Работать въ этотъ день воспрещается; кто будетъ шить, тому на томъ свѣтѣ проколотъ глаза иглой; рубить дрова нельзя, чтобы въ будущей жизни не пришлось подставлять голову подъ ударъ топора. Одолжить ничего нельзя изъ опасенія лишиться всего домашняго обилія и довольства.

Этотъ день не единственный когда месхи избѣгаютъ приступать къ какимъ-либо работамъ. Св. Еліа, по нашему Іліа, являющійся въ народномъ представленіи сильнѣе св. Георгія патрона всѣхъ грузинъ-горцевъ, строго внушаетъ имъ мысль воздерживаться отъ занятій. Его мѣстные татары на своемъ языкѣ зовутъ „бѣшенный (сердитый) Еліа“. Нарушить его волю значитъ навлечь на всю деревню гнѣвъ этого сильнаго святого, выражающійся въ страшномъ градѣ, немилосердно уничтожающемъ молодые побѣги плодовыхъ деревьевъ и первые отростки весенней нивы. Народъ въ трепетѣ предъ явнымъ недовольствомъ Еліа обращается съ мольбой: „спаси и защити насъ Еліа!“ Еліа строго преслѣдуетъ ихъ также за мученіе животныхъ въ случаѣ плохого ихъ кормленія или переутоленія излишней и тяжелой работой.

Представленія объ Еліа, какъ о божествѣ грома и молніи, катающемся по воздушному пространству на колесницѣ, влекомой парой быстрыхъ коней, испускающихъ искры изъ глазъ въ видѣ молніи, одинаково распространены какъ въ западной такъ и въ восточной Грузіи. Тожественны ихъ вѣрованія въ

¹⁾ См. мою ст.: „Празднованіе новаго года у грузинъ“ въ Этногр. Обзор., кн. III. Поздравленіе быковъ, украшенныхъ красными нитями, поздравленіе рѣкъ, хлѣба здѣсь распространено также, какъ и во всей Грузіи.

сонмъ нечистыхъ духовъ, населяющихъ лѣса, горы, ущелья, рѣки, заброшенныя зданія, мельницы, и пользующихся удобнымъ случаемъ завлечь сбившагося съ пути странника въ свои сѣти. Всѣ эти злые геніи являются въ образѣ человѣка, мѣняя свой обликъ на подобіе животныхъ въ нужныхъ случаяхъ. Мнѣ удалось собрать свѣдѣнія о выдающихся чертахъ, носящихъ особое названіе у народа и имѣющихъ свою особую сферу дѣятельности.

Первое мѣсто въ ряду геніевъ занимаетъ *Тчабуки*, представляемый въ образѣ красиваго юноши. Онъ считается неотлучнымъ домашнимъ певцомъ, незримо содѣйствующимъ благосостоянію семьи. Первую ночь новобрачная должна провести съ нимъ; за ослушаніе онъ умѣетъ жестоко мстить. Мнѣ рассказывали такой случай, выдаваемый за дѣйствительный фактъ. Одна изъ молодыхъ невѣстъ огромной семьи воспротивилась желанію Тчабуки и отказала ему въ правѣ *primaе noctis*. Злопамятный Тчабуки не замедлилъ проявить свою непреложную власть. Какъ только родился ребенокъ у нарушительницы священнаго обычая, Тчабуки лишилъ его жизни, а мать была разбита параличемъ; не довольствуясь этимъ мщеніемъ, онъ наказалъ ее еще присоединеніемъ къ параличу падучей болѣзни.

Али ¹⁾ второе лицо въ домѣ. Это представительница женскаго пола, тогда какъ Тчабуки принимается за молодаго человѣка. Али—красивая дѣвица, причесывающая свои золотистыя кудри золотымъ гребешкомъ. Она очень любитъ лошадей, непрестанно завиваетъ у нихъ гриву и катается ночью верхомъ, когда всѣ засыпаютъ. Чтобы овладѣть Али, достаточно какъ-нибудь отрѣзать у нея ноготь или волосокъ. Али тогда поступаетъ въ домъ въ услуженіе къ лицу, гдѣ спрятаны столь дорогія для нея частицы ея тѣла, и служить до тѣхъ поръ, пока ихъ не отстроетъ. Лучшее средство обезпечить за собою ея продолжительную службу—это зарыть ноготь или волосъ ея предъ каминомъ, гдѣ она не можетъ ихъ

¹⁾ „Али“ въ Имеретіи соответствуетъ „Тхисъ-кали“ (лѣсная женщина). Она молода, красива, даритъ дорогія вещи согласившемуся быть ея мужемъ. Противящихся ей волѣ она отпускаетъ помѣшанными или извѣтными. Дубровинъ. Исторія войны на Кавказѣ. I, 2, 244.

искать, не подозрѣвая, что они тамъ есть, или воздерживаясь приступать къ огню. Въ разговорѣ съ нею употребляется особая форма обращенія, называемая алури, т. е. альская. Она заключается въ томъ, что Али нельзя говорить ничего въ положительномъ смыслѣ, а все требуется выражать отрицательно: не дѣлай того-то, не ставь самовара, не мой посуды и т. д. Только въ такомъ случаѣ достигается цѣль службы; въ противномъ случаѣ, она опрокинетъ самоваръ, перебьетъ посуду и пр. Али умѣетъ ласкать дѣтей и своей любезностью хочетъ узнать у нихъ о мѣстопоименованіи искомымъ ею частицъ. Она общается имъ красное платье, красныя туфли, если вывѣдаютъ у родителей, гдѣ спрятанъ волосокъ. Рассказывавшій мнѣ увѣрялъ, что у его сосѣда долго служила Али, потомъ она чрезъ маленькую дѣвочку узнала, что волосокъ ея хранится предъ каминомъ, оцарапала ее до крови,—чѣмъ исполнила обѣщаніе одѣтъ въ красное платье, захватила съ собой волосокъ и исчезла безслѣдно ¹⁾.

Ропани—мужчина пожилыхъ лѣтъ, безъ волосъ, но съ хвостомъ. Онъ покровитель семьи и главный наблюдатель за ея состояніемъ. Если скотина оставалась въ полѣ и угрожала ей опасность, то Ропани будилъ всѣхъ поспѣшить ей на помощь или самъ отправлялся пригнать скотину домой. Онъ боится оружія, огня и св. Георгія. Иногда онъ любитъ представлять, тогда нужно призвать св. Георгія, или показать оружіе, огонь, и онъ немедленно отстанетъ.

Ави-сули (злая душа или злой духъ). Этотъ геній поселяется въ домѣ во время родовъ женщины. Онъ преслѣдуетъ родильницу и новорожденного ребенка. Для загражденія доступа къ ней, прибиваютъ на порогъ подкову или желѣзную цѣпь, чрезъ которую Ави-сули не рѣшается перешагнуть. Саму родильницу, а также ребенка покрываютъ сѣтью, кладутъ у изголовья кинжалъ и вертелъ. Послѣдній снабженъ тремя луковичками, запахъ которыхъ противенъ Али-сули; кинжалъ и вертелъ, какъ всѣ желѣзныя вещи, служатъ лучшимъ средствомъ отраженія вообще злыхъ духовъ. Однако всѣ эти

¹⁾ Въ Имеретіи силой креста овладѣлъ Али священникъ, но открывъ свой волосъ, этотъ духъ исчезъ, сваривъ предварительно дѣтей своего патрона въ котлѣ. „Иверія“ № 227, 1886 г.

мѣры предосторожности считаются не вполне достаточными для противодѣйствія Ави-сули. Необходимо прочесть особую молитву, произнести заговоръ, извѣстный мѣстной повивальной бабкѣ, слова которой повторяются и родильницей. Вотъ этотъ заговоръ въ русскомъ переводѣ:

Али ули али выучила женщину (т. е. родильницу).
 Кинжалъ, сѣтъ и гребень подложить подъ голову.
 Поймала Али скверную, мерзкую,
 Отрубила кинжаломъ голову, прогнала на дворъ.
 Петръ сидитъ у дверей. Павелъ же на кровлѣ,
 Цѣпъ лежитъ на порогѣ, а крестъ на кровлѣ.
 Господи, осѣни крестомъ здѣсь лежащую родильницу!

Если въ домъ родильницы придетъ путникъ ночью, то необходимо очистить его отъ Ави-сули, который вмѣстѣ съ нимъ могъ пробраться въ комнату. Для обезопасенія отъ этой нечистой силы путнику предлагается перепрыгнуть чрезъ разведенный костеръ и его окропляютъ св. водой.

Дьяволъ. Общее имя для всѣхъ злыхъ духовъ. Но повидимому, изъ родового понятія объ нихъ выдѣляется особый видъ чертей, не имѣющихъ родства съ вышеназванными недобрыми геѳіями. Дьяволъ представляется народу человѣкомъ низкаго роста съ длинной бородой. Эти духи живутъ семейно въ лѣсу, на берегу рѣчки, на вершинѣ горъ или въ ущельѣ между скалами. Они плодятся, размножаются, принимаютъ гостей, устраиваютъ веселые пиры. Запоздавшего путника они обманомъ увлекаютъ въ свое жилище. Рассказывали мнѣ, что одинъ крестьянинъ, очутившись у дьявола на пирушкѣ былъ пораженъ способомъ приготовленія яствъ. Дьяволъ поставилъ пустой котелъ на треножный таганъ и, размѣшивая ложкой, приговаривалъ: „гдѣ нѣтъ, пусть здѣсь будетъ“ ¹⁾. Котелъ наполняется. Кувшинъ такимъ образомъ наполнился виномъ. Тогда только бѣдный путникъ догадался, у кого онъ гостилъ. Разъ постучали дьяволы въ одной старухѣ, пови-

¹⁾ Поэтому у грузинъ принято не говорить никогда, что у нихъ нѣтъ, напр. хлѣба, когда сосѣди просятъ. Если даже ни одного хлѣба не имѣется нужно сказать: сундукъ полонъ. Это значить, что сундукъ пустъ, но не хотятъ радовать дьяволовъ.

вадной бабкѣ, и попросили идти къ родильницѣ. Здѣсь она видѣла одѣяло одной книгини, запачканное раньше сальной рукой самой бабки. Этотъ признакъ открылъ ей, къ какой родильницѣ она была призвана помочь при трудныхъ родахъ.

Кудіани—имя вѣдьмъ, представляемыхъ съ хвостомъ (куди). Предполагаютъ, что дѣвочку, оставшуюся некрещеною ко дню „кудіаноба“, празднуемаго нечистыми силами въ среду на страстной недѣлѣ, въ будущемъ ожидаетъ участь быть „кудіани“. Для охраны отъ поврежденія, наносимаго кудіани, въ великую среду зажигаются костры, чрезъ которые перепрыгиваютъ всѣ со словами: „алули кудіанебса!“ (пламя вѣдьмамъ съ хвостомъ). Въ день „чіакоконоба“ (зажиганіе костра) всѣ кудіани на кошкахъ совершаютъ путешествія на гору Эльбрусъ (Іалбузисъ-мта), гдѣ у чертей назначенъ всеобщій торжественный пиръ. Житель Хидистави увѣрялъ меня, что его невѣстка ночью на Великій четвергъ обмазала себя особымъ веществомъ, называемымъ нишадури и вылетѣла чрезъ отверстіе, служащее окномъ въ ихъ избѣ. Онъ успѣлъ схватить ее за кончикъ платья и на другой день вполне удостоившись въ ея принадлежности къ кудіани по разорванному платью невѣстки. Въ четвергъ на страстной недѣлѣ сохранивъ глубокое молчаніе, желающіе могутъ обсыпать себя золой „чіакокона“, подняться на персиковое дерево, посмотреть въ сторону Эльбруса чрезъ сито и очамъ ясно откроется празднество кудіановъ. Случалось, что по незнанію нѣкоторые изъ „христіанъ“ (называемыхъ такъ въ противоположность кудіанамъ) мазали себя веществомъ „нишадури“ или „квинтела“ слѣдуя примѣру кудіани и съ быстротою молніи прибывали вмѣстѣ съ ней на Эльбрусъ ¹⁾.

Маджиджуна (кошемаръ) имѣетъ власть надъ спящимъ человекомъ. Она ложится на него, давитъ его своей тяжестью и задерживаетъ его дыханіе. Однако остается путь для спа-

¹⁾ Кудіани приписываются появленіе чумы, неурскай, падежъ скота. Въ Мингреліи послѣ турецкой войны 1856—57 гг. распространился падежъ скота. Считая его дѣйствіемъ кудіани, начали ихъ бросать въ рѣку: которая тонула—та не вѣдьма, а которая не тонула—вѣдьма. Послѣднихъ нагихъ гнали между разложенными кострами, пока онѣ не признали за собою вины въ падежѣ скота. (Крѣп. состояніе въ Мингреліи. Зап. Кавк. отд. И. Р. Г. О. кн. VII).

сенія: у маджладжуна лишь одна ноздря, которой и покрывает ноздрю спящаго, оставляя другую ноздрю послѣдняго не стѣсненной. Чрезъ нее является возможность пользоваться воздухомъ и избѣгнуть задушенія.

Ави карі (злое повѣтріе). Вліяніе „ави карі“ проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда не во время, въ поздній часъ, ходятъ за водой къ рѣчкѣ или колодцу. Злой духъ незамѣтно бьетъ по головѣ (тавши чакраве) запоздалаго гостя и отнимаетъ у него рассудокъ. Результатомъ этого является помѣшательство, продолжающееся до тѣхъ поръ, пока больной не запишетъ именъ своихъ патроновъ. Записки бросаютъ въ огонь, и трескъ, издаваемый ими, вѣрный признакъ гибели „Ави карі“ и освобожденія больного отъ овладѣвшаго имъ недуга.

Каджи ¹⁾—злой духъ, являющійся человѣку въ различныхъ видахъ. Каджи въ образѣ знакомаго друга, поддѣлываясь подъ его голосъ, можетъ вызвать человѣка на дворъ, упрямивъ его слѣдовать за нимъ. Въ случаѣ отказа онъ бьетъ, терзаетъ до потери сознанія и самъ быстро исчезаетъ. Онъ можетъ являться въ образѣ собаки, кота, теленка и др. животныхъ. Мыъ рассказывалъ одинъ крестьянинъ, испытавшій ихъ силу, слѣдующее: онъ возвращался поздно домой, неся съ собой въ кувшинѣ наловленную имъ рыбу. Какіе-то „черные люди“ пристали къ нему, требуя, чтобы онъ продалъ рыбы. Крестьянинъ отказался. Тогда „черные люди“ превратились въ собакъ, избили его и бросили въ ближайшую рѣку. Мольникъ его вытащилъ изъ воды, гдѣ безъ его помощи онъ вѣрно утонулъ бы.

Ткисъ-каци (лѣсной человѣкъ). Онъ не боится огня, не стѣсняется людей и спокойно подсаживается къ охотнику раздѣлить съ нимъ трапезу ²⁾. Онъ вредить не можетъ, но надѣдаетъ своей неотвязчивостью.

Ужмури — это нечистый духъ, присущій всякому мѣсту и

¹⁾ Каджи — безсмертные мужчины и одарены блестящими качествами. *Дубровина*, op. cit. I, 2, 244. Этн. Обзор., кн. IV.

²⁾ „Иверія“ № 107 1889 г. здѣсь между прочимъ читаемъ, что у свановъ есть особое божество, покровительствующее звѣрямъ и въ особенности турамя. Оно носитъ названіе *Дам*.

легко пристающій къ человѣку въ особенности вечеромъ. Вставая съ травы имеретинъ считаетъ нужнымъ отряхнуть платье какъ бы этимъ приѣмомъ отгоняя отъ себя приставшую къ нему недобрую силу.

Чинки—особый видъ дьяволовъ, преимущественно извѣстныхъ въ Имеретин. Свѣдѣнія объ нихъ были приведены на грузинскомъ языкѣ въ „Иверин“, а на русскомъ языкѣ въ „Новомъ Обозрѣніи“. Я воспользуюсь для восполненія, возможности, перечня нечистыхъ силъ у грузинъ скастой замѣткой Ил. Хонели, изложившаго порусски повѣрія имеретинъ въ вышеуказанной газетѣ.

Авторъ статьи, даетъ сначала краткій обзоръ состоянія горы Табакелы—убѣжища злыхъ геніевъ, лежащей недалеко отъ мѣстечка Хони (въ Кутаис. г.). Высоты этой горы теперь необитаемы, скалы ея не знаютъ плуга земледѣльца, луга и долины ея не привлекаютъ стадъ окрестныхъ селеній. „А было время — Табакела не представляла собой пустыни. Густолиственный лѣсъ шумѣлъ на ея склонахъ, высокія пихты и сосны украшали ея вершину. Немолчный говоръ оглашалъ чащу лѣсовъ и веселые ручьи пѣли нескончаемыя пѣсни. Все живое — и звѣри, и птицы, гнѣздились на этихъ высотахъ“. Медвѣди, шакалы, барсы, волки, рыскали по лѣсамъ и ущельямъ, луга и долины пестрѣли стадами козъ и овецъ ¹⁾.

Увидѣвъ все это царь тьмы, и стало ему больно. Захотѣлось ему уничтожить жизнь на веселой горѣ, обратить рай земной въ мѣсто смерти и ужаса. Онъ собралъ духовъ, гнѣздившихся въ ущельяхъ Кавказа, и послалъ ихъ на Табакелу. Тѣ примчались, заплотнили гору, заселили ущелья, заняли скалы, и дохнуло смертью на окрестность. Вѣковой лѣсъ завялъ и высохъ, царственные пихты стали жертвою червоточины. Звѣри бѣжали, птицы улетѣли, родники и ручьи ушли въ землю. Человѣку пришлось сойти внизъ и оставить гору на жертву судьбѣ. Поднялся туманъ отовсюду, окрестныя горы стали посылать на Табакелу тучи и непогоду, и пророкъ Илья началъ поражать ее ударами молніи....

¹⁾ Нов. Обозр. № 2288. Въ мірѣ фантазіи. Ил. Хонели.

Съ тѣхъ поръ Табакела стала гнѣздомъ нечистыхъ тварей, царствомъ духовъ, средоточіемъ зла и порока. Косматый, молчаливый Каджи началъ шагать по уступамъ ея скалъ, блестя надгруднымъ топоромъ ¹⁾, стуча алмазными зубами. При вомѣ бури, при раскатахъ грома, въ темнотѣ ущелья и въ блескѣ молніи, онъ является тутъ очамъ путника, мрачный, неумолимый. Отъ его шаговъ колеблется земля, рушатся скалы; не спасаетъ отъ него ни оружіе, ни смѣлость, — ничто, кромѣ креста и молитвы. Онъ то бродитъ по пустынной горѣ, то спускается внизъ, на равнину, въ темныя, безлунныя ночи. А Али, а Чинки? Сколько ихъ, этихъ ужасныхъ созданий, въ мрачныхъ тѣснинахъ Табакелы?! Овраги, ущелья, долины и скалы одинаково полны ими—онѣ подстерегаютъ вездѣ, повсюду творя зло и развивая смуту. Прекрасныя, полногрудыя, съ глазами, полными чаръ и страсти, онѣ кружатся надъ несчастною горою въ дикихъ оргіяхъ веселья. Имъ подвластны всѣ, и еще женщина не рождала человѣка который могъ бы устоять противъ ихъ соблазновъ. Въ вѣнкѣ изъ огненныхъ волосъ, въ облакахъ пахучаго дыма, голыя и соблазнительныя, онѣ являются мужчинамъ, чтобы ловить ихъ въ свои сѣти. Сколько прекрасныхъ женъ, сколько нѣжныхъ матерей стало жертвами этихъ фурій! Онѣ злы, коварны и никогда не забываютъ нанесенной обиды. Женщины — ихъ прирожденные враги, и Чинки мстятъ имъ съ безумною жестокостію. Онѣ душатъ въ постели, вырѣзываютъ сердце, куски матеріи изъ платья и заставляютъ чахнуть и изнывать медленную смертью. Есть одинъ способъ приручить Чинку ²⁾. Это—остричь ей волосы и ногти. Тогда она дѣлается смирной и послушной, усердно прислуживая въ домѣ. Но услуги ея продолжаются до тѣхъ поръ, пока она не отыщетъ волоса. Тогда она снова превращается въ духа и, отмстивъ поработателю, улетаетъ на Табакелу...

Всѣ Чинки подвластны царицѣ „Дедо-Рукапи“. Она столь же безобразна, сколько прекрасны подчиненные ей духи. Старая, горбатая, вся въ прыщикахъ и язвахъ, Дедо-Рукапи вооружена

¹⁾ По народному повѣрію, у лѣшаго на груди топоръ, которымъ онъ, нависая на жертву, перерѣзаетъ ее пополамъ.

²⁾ Чинки въ этомъ отношеніи напоминаютъ Али.

длиннѣйшимъ хвостомъ и большими клыками. На лбу у нея единственный глазъ, который вертится колесомъ и позволяетъ видѣть все и вся. Ей невѣдомы ни милость, ни сожалѣніе, для нея нѣтъ радости кромѣ той, которую доставляетъ ей зло во всѣхъ формахъ и видахъ. Единственное назначеніе—вредить людямъ, цѣль—побуждать къ тому же подвластныхъ духовъ. Изъ послѣднихъ наибольшимъ уваженіемъ и любовью ея пользуется тотъ, кто сумѣлъ натворить больше зла и со- вратить побольше христіанскихъ душъ. Увы, не всѣ женщины противны Чинкамъ не со всѣми онѣ во враждѣ и ссорѣ! Въ средѣ отживающихъ вѣкъ старухъ у нихъ есть свои адепты, не менѣе страшныя, чѣмъ онѣ сами. Это—„Кудіанеби“, колдуньи, обладающія сверхъестественной силой. Онѣ также умѣютъ вырѣзывать сердца у людей, какъ и Чинки и въ той же чести у Дедо-Рукапи, какъ и тѣ.

Наканунѣ Успенія ¹⁾, вся эта нечисть приходитъ въ движеніе,—Табакела содрогается отъ дикой вакханаліи. Съ послѣднимъ лучемъ заходящаго солнца изъ всѣхъ разсѣлинъ горы вылетаютъ духи и разсыиваются по равнинѣ. Утверждаютъ, что ни звѣзды небесныя, ни песокъ морской не могутъ сравниться по количеству съ невидимой силой. Бурнымъ потокомъ расплывается она по равнинѣ и заполняетъ все пространство. Луга, селенія, пашни и лѣса одинаково полны духами. Въ каждомъ встрѣчномъ грозитъ опасность столкнуться съ Чинкою, въ каждомъ кустѣ найти ея логовище, въ каждый моментъ она можетъ промчаться передъ вами верхомъ на черной кошкѣ. Горе спящимъ въ эту ночь! Имеретинны знаютъ это, и заранѣе принимаютъ мѣры. Наканунѣ праздника дѣвушки запасаются вязанками дровъ и складываютъ ихъ въ открытыхъ мѣстахъ. Старики и отцы семействъ заготавливаютъ кресты и ставятъ ихъ вездѣ, гдѣ только есть опасность отъ духовъ. Виноградники, пашни, дворы и дома—все осынено символомъ мира. Въ этотъ часъ деревни представляютъ странную картину. Отовсюду слышны голоса, выкрикивающіе:

¹⁾ Кн. Р. Эристовъ въ путевыхъ запискахъ по Мингреліи сообщаетъ также съ этимъ праздникъ. Мозаквали (Колдуны). „Кавказ. Старина“ III, 79.

джвари ак'ет', джвари ак'ет'!
т'к'вени свит'да т'к'вени т'чамет'
чвенсас джвари дагвитцерет'!

„Да будетъ крестная сила съ нами! Ъшьте свое, пейте свое,—оставьте наше и освѣтите его крестомъ!“ Въ домахъ хозяйки тоже заняты дѣломъ. Онѣ лѣютъ восковыя свѣчи и воскомъ заплѣютъ пучки волосъ себѣ и дѣтямъ. Это страхование отъ опасности. Злые духи не смѣютъ прикасаться къ „мѣченной“, какъ не въ силахъ вредить дому на которомъ виденъ крестъ. Затѣмъ крѣпко накрѣпко запираются кошки, чтобы Чинки не ѣздили на нихъ. Съ наступленіемъ сумерекъ зажигаются костры, и молодежь прыгаетъ чрезъ нихъ, очищаясь огнемъ ¹⁾. Шутки, смѣхъ, игра на дайрѣ, пѣсни и выстрѣлы оглашаютъ воздухъ Толпы парней разгуливаютъ по улицамъ и площадямъ, не смыкая глазъ. Игры продолжаются до зари. Но едва лишь поблѣдетъ востокъ—опасность миновала, и всѣ расходятся по домамъ. Не заручившіеся охранительными средствами противъ козней духовъ, дѣлаются жертвами Чинки. Подъ утро, какъ только запоетъ второй пѣтухъ, наступаетъ конецъ вакханаліи духовъ. Они поспѣшно оставляютъ равнину и изъ мирнаго селенія направляются къ Табакегѣ. Чинки и Кудіанеби обязаны представить Дедо-Рукапи подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ за эту ночь. Верхомъ на кошкахъ, на давилянхъ, метлахъ сѣзжается нечистая сила во дворъ своей царицы. Она сидитъ на тронѣ изъ гадовъ въ сообществѣ гномовъ и змѣй, еще безобразнѣе, чѣмъ прежде. Блестя чудовищными клыками, сверкая огненнымъ глазомъ, мать порока обводитъ сонмы духовъ пронизывающимъ взглядомъ. Безконечной цѣпью тянутся они, дефилируя предъ своей владычицей. Доклады о своихъ подвигахъ, каждая изъ Чинокъ представляетъ ей вещественные знаки своихъ дѣяній. Одна кладетъ предъ трономъ кудри дѣтей, обреченныхъ смерти, другая—пылающія сердца любящихъ существъ, третья — вырѣзки изъ платья порченныхъ и пр. Тутъ же представляются ей новыя сподвижницы

¹⁾ Въ восточной Грузіи очищеніе чрезъ огонь происходитъ въ среду на Страстной недѣлѣ.

табакельскаго воинства. Колдуны и вѣдьмы, верхомъ на метлахъ, проносятся предъ ней тучей, гонимой ураганомъ. Царица привѣтствуетъ ихъ воплемъ радости одаряетъ способностью превращаться въ волка, пень, собаку, женщину, въ гору выше небесъ, въ мушку меньше булавочной головки. Блеснетъ наконецъ лучъ денницы—настанетъ праздникъ Успенія, и Табакела замираетъ на одинъ годъ. Духи ея снова удаляются въ тѣсвины и трущобы и лишь изрѣдка, блуждая, осмѣливаются спускаться на цвѣтущую равнину.

„Иверія ¹⁾ дополняетъ свѣдѣнія, извлеченныя нами изъ „Нов. Обзор.“. Чинкамъ посвящается мѣсяцъ октябрь, когда эти духи пребываютъ на землѣ съ 15 числа по 7 ноября. Чинка представляется ребенкомъ 3—4 лѣтъ съ длинными до земли волосами. Однако она обладаетъ громадной силой, способной поднять на воздухъ цѣлые дома. Приходъ ея 15 октября или уходъ сопровождается дождемъ. Въ первую ночь ея сошествія на землю нужно запечатлѣть изображеніе креста на камнѣ или кирпичѣ и бросить недалеко отъ винныхъ кувшиновъ или въ хлѣвъ. Прикасаясь этимъ камнемъ къ платью, приговариваютъ: „печать св. Георгія“. Чинка не можетъ приблизиться къ мѣсту нахождения этого священнаго камня. Родившихся между 15 окт. и 7 ноября необходимо дать имя Георгія и Маріи, иначе имъ угрожаетъ опасность быть введеннымъ обманомъ Чинки въ темное царство. Достаточно произнести имя Маріи или Георгія, чтобы освободиться изъ подъ власти Чинки. Рассказываютъ, какъ Чинка увлекла дѣвицу Соломію на пиръ нечистыхъ силъ. Когда онѣ пропѣли на хороводѣ ихъ пѣсню, оканчивающуюся словами: „да проклянетъ Чинокъ“—всѣ онѣ моментально пали въ безчувственномъ состояніи и Соломія спаслась отъ нихъ бѣгствомъ. Въ промежутокъ пребыванія Чинки на землѣ во всѣхъ работахъ требуется выдѣлить въ пользу ея извѣстную долю: если вяжутъ чулки, шали, то неизбѣжно въ миниатюрномъ видѣ приготовить такіе же вещицы для Чинки, чтобы избавиться отъ нанесенія вреда работѣ. 7 ноября является „Михаилъ, Гавріилъ—архангелъ“ свяжетъ всѣхъ Чинокъ вмѣстѣ и броситъ въ рѣку.

¹⁾ № 227. 1886 г.

Масса других суевѣрій месховъ имѣетъ много общаго съ таковыми же суевѣріями грузинъ. Общность условій, непрерывныя сношенія, племенное родство месховъ съ картвельскими народами объясняютъ сходство ихъ міровоззрѣнія, обрядовъ и поэтического творчества.—Подробности свадебныхъ обрядовъ у грузинъ хорошо извѣстны въ печати. Я скажу о нихъ только вкратцѣ и приведу нѣсколько пѣсней, которыя поются при этомъ торжествѣ. Обыкновенно переговоры съ невѣстой ведутся чрезъ посредство дяди жениха или свахи. Покончивъ съ предварительными переговорами невѣстѣ посылаютъ чрезъ брата „хелись-дасадеби“ — сахаръ и кольцо. Послѣ этого сговора назначается „пирись-нахва“ — день, въ который женихъ въ первый разъ является посмотреть лицо невѣсты. Шаферъ („меджваре“, „натлія“) дѣлаетъ приготовленія къ свадьбѣ, собираетъ молодыхъ людей („макари“) съ которыми женихъ идетъ въ баню. Въ день свадьбы онъ посылаетъ невѣстѣ „сакорцило“ — корову, овцу или свиней. Вотъ три момента свадьбы у грузинъ. Месхи говорили мнѣ, что они предпочитаютъ похищать невѣсту, чтобы священнику не платить за вѣнчаніе 10 руб. Въ день свадьбы идутъ пожертвованія въ пользу новобрачныхъ: каждый гость подноситъ отъ 1 до 3 руб. Невѣста приноситъ въ подарокъ роднымъ мужа носки, платки. Сама она получаетъ даръ за первую лезгинку (шабаши). Слѣдуетъ еще замѣтить, что она вѣнчается съ закрытымъ лицомъ и чрезъ три дня шаферъ приподнимаетъ саблей покрывало съ ея лица. Присутствующіе подносятъ новобрачной „пирись-санахави“ — подарокъ за смотръ лица. Чрезъ нѣсколько времени, наканунѣ какого-нибудь праздника, она получаетъ отъ отца „мосакитки“ (корову, барана, гуся и пр.). Женихъ получаетъ „пирись-гасажнели“ отъ тещи въ видѣ чулокъ, полотенца, и только послѣ этого женихъ проясняется и начинаетъ дѣлать трапезу съ веселой компаніей, во главѣ которой стоитъ „толумбаша“ — распорядитель пира. Обѣдъ сопровождается пѣніемъ, выстрѣлами изъ ружья, танцами, смѣхомъ и шутками. Не только обѣдъ, но каждый шагъ новобрачныхъ сопровождаются особыми пѣснями и выраженіями добрыхъ пожеланій. Нѣкоторыя изъ нихъ я привожу въ переводѣ.

При выходѣ жениха и невѣсты „макари“ поютъ:

Царь (т. е. женихъ), вѣнецъ твой да осѣнитъ крестомъ
Всевышняго!

Сладость да ждетъ тебя въ жизни съ твоей новобрачной!
Она даруетъ тебѣ семь сыновей и трехъ солнцеподоб-
ныхъ дочерей.

„Макарами“ опять мы будемъ, если твой первенецъ-дочь.

Отправляя невѣсту изъ дому, ее провожаютъ слѣдующею
пѣсней:

Ступай, Господь да запититъ тебя!

Онъ продлитъ дни твои и вручитъ ключи рая.

Обогатитъ тебя алмазомъ и семью сыновьями

Твоихъ дочерей солнцеподобныхъ мы будемъ „макарами“.

Женихъ съ невѣстой возвращаются изъ церкви домой, и
проходятъ чрезъ скрещенные надъ дверями вѣнчалы:

Идемъ и радуемся—ведемъ красную бабочку.

Счастлива мать жениха—роза засіяетъ предъ каминомъ.

Увы матери невѣсты!—крысы заскребуть предъ каминомъ.

Поднимая первый тостъ за здоровье новобрачныхъ толум-
башъ заканчиваетъ свою рѣчь пѣсней:

Слава Господу Богу, выпью еще разъ.

Вашего врага-недруга да пронзятъ горячая пуля.

Да не доживетъ до жатвы, ни молотбы!

Такъ Иванъ взмолился, а вино самъ пилъ.

За обѣдомъ кто-нибудь изъ присутствующихъ поетъ очень
длинную пѣсню, въ которой выражаются пожеланія гостей
дому молодыхъ. Въ пѣснѣ высказывается надежда на то, что
Богъ дастъ долгую жизнь новобрачнымъ, овецъ, коровъ, буй-
волоковъ, лошадей, быковъ для плуга, хлѣба,—все это будетъ
въ изобиліи. Матеріальное довольство довершится внукомъ
умнымъ, который составитъ гордость семьи. Миръ и спокой-
ствіе воцарится въ семьѣ, молодые будущія невѣсты ново-
брачнаго своей стройностью и красотой, искусствомъ вязать
ковры сдѣлаются предметомъ общаго вниманія и удивленія.
Врагъ и другъ всѣ будутъ завидовать счастію и благополучію
семьи.

Дѣйствительно, месхи, и православные, и католики, и мусульмане, продолжаютъ жить большими семейными общинами. Раздѣлы, у мусульманъ въ особенности, очень рѣдки ¹⁾, чѣмъ объясняется небольшой приростъ домовъ, наблюдаемый у грузинъ-сунитовъ. Въ Ацхурѣ жители не скрываютъ, что выдѣлившіяся семьи стремятся вновь воссоединиться съ коренной семьей родныхъ, такъ какъ жизнь врозь дѣлается, по словамъ ацхурцевъ, невыносимой при общемъ недостаткѣ средствъ. Во главѣ большой семьи стоитъ лицо, избранное совѣтомъ всѣхъ членовъ для управленія всѣми дѣлами семьи. Онъ не всегда является самымъ старшимъ. На избраніе вліяетъ не столько возрастъ, сколько личныя качества избираемаго главой дома. Женская половина имѣетъ особую надзирательницу, распредѣляющую между наличнымъ составомъ женщинъ хозяйственныя обязанности. При перекочевкахъ лѣтомъ въ пастбищныя мѣста, напр. изъ сел. Мусхи въ Занзоби, происходитъ временное дробленіе власти. Одна изъ старшихъ остается главой въ семьѣ въ Мусхи, а другая, избранная на лѣтнее время переселяется въ Занзоби и вступаетъ въ верховныя права домохозяйки. „Шаріатъ“ даже допускаетъ, чтобы имуществомъ въ случаѣ неспособности отца распоряжался старшій сынъ.

Движимое и недвижимое имущество считается общимъ достояніемъ всѣхъ наличныхъ членовъ семьи. Порядокъ наслѣдованія терпитъ различныя ограниченія у христіанъ и мусульманъ месховъ. У послѣднихъ порядокъ наслѣдованія согласуется съ требованіями „шаріата“, т. е. тѣхъ обычаевъ, которые вытекаютъ изъ ученія корана. „Путеводитель ревнителей вѣры“, или Мингаджъ, устанавливаетъ по отношенію къ нему слѣдующіе руководящіе принципы, которые находятъ точное примѣненіе въ дагестанской юридической практикѣ ²⁾. I. Къ наслѣдованію призываются одновременно отецъ и мать, сынъ и дочь и оставшійся въ живыхъ супругъ. Наличность этихъ наслѣдниковъ устраняетъ всѣхъ остальныхъ, каждый

¹⁾ *Вермишевъ*. Матеріалы для изученія быта госуд. крестьянъ, стр. 93. Число душъ въ семьѣ грузина—православнаго восходитъ къ 32, у грузинъ-сунитовъ иногда доходитъ до 40.

²⁾ *М. Ковалевскій*. Законъ и обычай на Кавказѣ. II, 206.

изъ нихъ наследуетъ только въ извѣстной долѣ имущества. При наличности всѣхъ перечисленныхъ наследниковъ, $\frac{1}{8}$ имущества идетъ женѣ, $\frac{1}{4}$ мужу, $\frac{1}{6}$ отцу и та же часть матери, за неимѣніемъ ихъ дѣду и бабушкѣ; остатокъ дѣлится между сыномъ и дочерью такимъ образомъ, что часть сына въ два раза больше части дочери.

У мекховъ-мусульманъ, согласно шаріату, сыновья наследуютъ имущество, которое дѣлится между ними на равныя доли, независимо отъ числа дѣтей у нихъ. Дочери имѣютъ долю въ садахъ и въ движимомъ имуществѣ, но въ пашняхъ и прочихъ земельныхъ угодьяхъ онѣ не участвуютъ. Во всякомъ случаѣ при наследованіи и этого рода имущества дочь получаетъ вдвое меньше сыновей ¹⁾. Месхамъ, какъ и всѣмъ грузинамъ извѣстенъ обычай введенія посторонняго лица въ качествѣ зятя (зедсидзе). Онъ наследуетъ земельное имущество тестя, если послѣдній оставитъ письменное завѣщаніе объ этомъ или выразитъ такое желаніе въ присутствіи двухъ свидѣтелей. По ученію мусульманскихъ юристовъ школы Шафая и другихъ законовѣдовъ, завѣщаніе имѣетъ силу не потому, что оно изложено на письмѣ, а потому, что воля завѣщателя можетъ быть засвидѣтельствована двумя, по меньшей мѣрѣ, лицами мужскаго пола, которымъ онъ предъ смертію открылъ свои намѣренія ²⁾. Поэтому въ Дагестанѣ до водворенія русскихъ на Кавказѣ „нузру“, замѣнявшее завѣщаніе было не письменнымъ, а устнымъ ³⁾. Ни майората, ни минората грузины не знаютъ; имъ неизвѣстенъ также раздѣлъ наследства между сыновьями на основаніи трудового начала, т. е. сообразно тому, въ какой мѣрѣ каждый участвовалъ въ накопленіи общаго имущества.

Общая черта формъ землевладѣнія всѣхъ государственныхъ крестьянъ ахалцикскаго уѣзда выражается въ правѣ общества вмѣшиваться въ распредѣленіе земель между своими членами. Оно проявляется въ отрѣзкѣ участка у многоземельнаго крестьянина и передачѣ его малоземельному, а также въ воспре-

¹⁾ Вермишевъ. *Op. cit.* Стр. 92.

²⁾ Torrance. *Le droit musulman*. 188.

³⁾ Сборн. свид. о Кавказ. горцахъ, вып. V. Горская лѣтопись, стр. 5.

щеніи дальнѣйшаго распаханія пустоющей части надѣла. Другимъ признакомъ, опредѣляющимъ значеніе общества въ дѣлѣ распоряженія мірскою землею, можетъ служить систематично проявляемое право общества на выморочные участки. Третьею чертой является общее пользованіе пастбищной землей, распаханіе которой допускается только съ согласія общества. Далѣе слѣдуетъ отмѣтить распредѣленіе налоговъ ¹⁾ пропорціонально количеству земли и броженіе населенія въ силу недовольства существующимъ распредѣленіемъ земли изъ стремленія уравнить земельные участки между всѣми нуждающимися. Эти черты характеризуютъ принципы общинной формы землевладѣнія въ изучаемомъ нами районѣ ²⁾. Здѣсь въ нѣкоторыхъ селеніяхъ (Вале) замѣчается рядомъ захватный способъ пользованія и развитые періодическіе передѣлы надѣловъ. Въ другихъ уже перешли (сел. Цхута-джваръ) отъ захватнаго способа къ правильнымъ подымнымъ передѣламъ на сроки отъ одного камеральнаго описанія до другаго; въ этотъ промежутокъ времени право на равный надѣлъ имѣетъ только домъ, записанный въ камеральное описаніе.

Вслѣдствіе неразмежеванности земель частныхъ лицъ и надѣловъ казенныхъ поселянъ усматривается чрезвычайная масса поземельныхъ споровъ. Источниками этихъ споровъ служатъ захваты казенной земли, лѣсной площади частными владѣльцами. Казенными лѣтними пастбищами пользуются 32 селенія осѣдлаго населенія и все кочевое ³⁾ населеніе (21 сел.). Послѣдніе пользуются почти исключительно бесплатно, и лишь въ недавнее время и они стали снимать за деньги казенныя пастбища. За извѣстный сборъ пользуются пастбищами грузины-христиане и мусульмане: съ головы крупнаго скота 25 коп., мелкаго — 6 коп. Селенія Мухъ, Мугаретъ, Цнисъ и Утхисубанъ пользуются пастбищами по контрактамъ. Казеннымъ лѣсомъ пользуются безденежно лишь нѣкоторыя

¹⁾ Также у турковъ (см. „Этногр. Об.“ кн. III).

²⁾ *Вермисевъ*. Ср. cit. 68—9.

³⁾ Кочевники соединены въ три этнографически различныя группы: 1) куртинъ племени Зиланскаго; 2) куртинъ племени Исмайланскаго и 3) изъ таракмазцевъ-парапазцовъ.

деревни. Другія принуждены пріобрѣтать строительные матеріалы въ лѣсахъ частныхъ лицъ.

Пахатныя земли, принадлежащія частнымъ лицамъ, находятся въ пользованіи крестьянъ на правѣ срочной и безсрочной или вѣчной аренды. Последняя представляетъ самую древнѣйшую и типичную форму пользованія чужой землей, выработанную прошлой экономической жизнью Ахалцхскаго уѣзда. Въ эпоху существованія Месхетіи въ видѣ провинціи грузинскаго царства несомнѣнно здѣсь господствовали тѣ самыя порядки отношеній между помѣщиками и крестьянами, какіе указаны мною въ изслѣдованіи: „Крѣпостное право въ Грузіи“¹⁾. Землевладѣлец сдавалъ участки имѣнія крестьянамъ для эксплуатаціи въ свою пользу, выдѣляя въ пользу землевладѣльца $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{7}$ урожая, —долю закономъ установленную сообразно съ плодородіемъ надѣла. Сверхъ этого крестьяне-арендаторы уплачивали извѣстные денежные налоги и отбывали массу натуральныхъ повинностей. Такимъ образомъ крестьянинъ былъ связанъ двумя узами, вытекающими изъ личной крѣпости и изъ поземельныхъ его отношеній къ помѣщику. Землевладѣлец давалъ ему право пользованія — *dominium utile*, оставляя за собою права верховнаго владѣтеля — *dominium directum*. Эти порядки, установленные въ Месхетіи одновременно съ Грузіей, уцѣлѣли во времена турецкаго владычества въ Ахалцхскомъ уѣздѣ и держатся еще теперь тамъ, гдѣ земля принадлежитъ дворянскому и служилому сословію, владѣвшему *наслѣдственно* населенными имѣніями²⁾.

Главное занятіе населенія Ахалцхскаго уѣзда составляетъ земледѣліе, садоводство и скотоводство. Каждая народность здѣсь имѣетъ излюбленную систему хозяйства. — Куртины, таракаланцы и туркмены —лучшіе представители кочевого быта. Грузины-суниты посвятили себя главнымъ образомъ садоводству и огородничеству. Грузины — православные являются наиболѣе типичными хлѣбопашцами. Однако стремленіе къ болѣе разностороннему развитію хозяйства замѣтно у

1) См. мое „Крѣпостное право въ Грузіи“.

2) Я не касаюсь особой формы владѣнія чужой землей извѣстной подъ именемъ тапкой. „Тапка“ выдавалась за извѣстную сумму денегъ и служила порукой вѣчнаго владѣнія и при смѣнившихся наслѣдникахъ

всѣхъ народностей Ахалцихскаго уѣзда. Онъ вполне заслуженно славится своими фруктовыми деревьями, процвѣтанію которыхъ способствуетъ замкнутое положеніе всей котловины, обиліе въ почвѣ извести, теплая и сухая осень. Нужно замѣтить, что виноградники встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, что мнѣ объяснили вліяніемъ ислама нетерпимаго къ вину. Во многихъ мѣстахъ вмѣсто лозъ посажены груши, яблоки, вишни, черешни, орѣхи, абрикосы, персики, туты, айва и пр. Во всемъ Ахалцихскомъ уѣздѣ всѣ плодовые деревья, за исключеніемъ туты, даютъ урожай по два года разъ. Торговля фруктами, т. е. вывозъ ихъ въ Тифлисъ и центр. Россію начинается въ сентябрѣ. Выдача денегъ за будущій урожай не практикуется.

Что касается системы полеводства и сѣвооборота, то она у кореннаго населенія паровая, зерновая, двухпольная, какъ и во всей почти Грузіи; у кочевниковъ тотъ видъ первобытной пастбищной системы, который носитъ названіе „альпійской.“ Средствомъ для обработки земель служатъ *супряги*, ¹⁾ въ особенности въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ примѣняется плужное паханіе. Нормы, выработанныя народомъ для дѣлежа работы между домохозяевами, составившими товарищество для обработки полей, весьма различны. Есть деревни, въ которыхъ домохозяева, соединяясь для совместной обработки полей, работаютъ для каждаго изъ членовъ такого союза столько, сколько это для него необходимо, и такимъ путемъ вспахиваютъ всѣмъ участникамъ товарищества все то пространство, какое они хотѣли бы засѣять. Въ другихъ деревняхъ напр. въ сел. Килоди жители выработали опредѣленные нормы, одинаковыя съ существующимъ порядкомъ въ этомъ отношеніи въ Грузіи. Артель пахарей, работая въ общемъ 24 дня, пашетъ для владѣльца плуга 2 дня, для двухъ ночныхъ погонщиковъ 4 дня, для пяти паръ воловъ 10 д., для пахара 2 д., для владѣльца упряжи 2 дня. При недостаткѣ рабочихъ силъ каждому члену товарищества приходится нанимать отъ себя работниковъ или за деньги, или за работу, которую производитъ для нихъ артель въ счетъ рабо-

¹⁾ Вермишевъ оп. с. 150.

ты, причитающейся тому владѣльцу скота, который не выставилъ самъ погонщика. Для вознагражденія такихъ наемныхъ рабочихъ установлена слѣд. норма: дневному погонщику—20 коп. или одинъ день работы; ночному погонщику—40 коп. или два дня работы; пахарю—50 коп. или четыре дня работы.

Домохозяинъ, не имѣющій скота, продолжаетъ вести хозяйство и не теряетъ связи съ землей. Онъ можетъ выставить свою личную рабочую силу или упряжь, входя такимъ путемъ въ артельное товарищество. Въ этомъ заключается великое значеніе подобныхъ земледѣльческихъ союзовъ.

Время посѣва и количество посѣваемого зерна на одной десятинѣ ¹⁾ въ различныхъ мѣстностяхъ находится въ зависимости отъ климатическихъ и почвенныхъ условій. Дымъ, располагающій рабочими силами или кормовыми средствами беретъ небольшое стадо овецъ, головъ въ 40 и въ теченіе трехъ лѣтъ содержать ихъ на свой счетъ, при чемъ ежегодно получаемые сыръ, масло и шерсть дѣлятся по поламъ; по истеченіи же трехъ лѣтъ все стадо дѣлится на двѣ части, изъ коихъ одна достается хозяину скота, а другая тому, кто кормилъ овецъ и смотрѣлъ за ними въ теченіе этого времени. Для лѣтней пастбы нанимаютъ пастуховъ, которымъ уплачивается съ каждой головы крупной скотины по кодѣ ячменя, т. е. около 30 коп. и съ телятъ $\frac{1}{2}$ коды, т. е. 15 коп. Наиболѣе внимательнымъ уходомъ и усиленнымъ кормленіемъ пользуются буйволы ²⁾.

Изъ кустарныхъ промысловъ самое важное значеніе имѣетъ для населенія производство шерстяныхъ издѣлій: ковровъ, суконъ, войлоковъ, переметныхъ сумокъ, серебряныхъ вещей, извѣстныхъ подъ именемъ ахалцыхскихъ серебрянныхъ издѣлій. Лѣсной промыселъ служитъ однимъ изъ крупныхъ источниковъ крестьянскаго заработка. Онъ явился важнымъ подспорьемъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ скудные земельные на-

¹⁾ Десятина равняется двумъ дгѣури. Последнее составляетъ участокъ земли, который можно распахать въ одинъ день.

²⁾ Вериншевъ, стр. 176.

дѣлы не въ состояніи были занять всѣхъ рукъ, ни удовлетворить вполне скромныхъ нуждъ крестьянской семьи. Мѣстами этотъ промыселъ заключается въ производствѣ исключительно такихъ издѣлій, какъ лопаты, кувшины, круглыя маслобойки и пр. Сплавъ лѣса по Курѣ служить специальнымъ занятіемъ только извѣстныхъ селеній. Это объясняется тѣмъ, что сплавъ сопряженъ съ большими опасностями, которыя можетъ преодолѣть человѣкъ, воспитанный съ дѣтства въ борьбѣ съ стихіей, владѣющій твердою рукою, вѣрнымъ глазомъ, полнымъ присутствіемъ духа, готовый смѣло взглянуть въ глаза смерти. Таковы свойства плотовщика „метиве.“

Государственные крестьяне платятъ въ казну подымную подать и земскій сборъ—общій по краю и губерніи. Размѣръ подымной подати варьируется отъ 3 до 6 руб.; земскій сборъ по всему уѣзду одинаковъ, онъ равенъ 6 р. 50 к., изъ коихъ общаго по краю сбора 4 р. 5 к. и губернскаго 2 р. 45 к. ¹⁾ Кроме того нѣкоторые селенія несутъ еще особую поземельную подать въ виду прирѣзки имъ новыхъ участковъ. Важное значеніе имѣютъ повинности общественныя. На обязанности сельскихъ обществъ лежитъ удовлетвореніе весьма тяжелыхъ сельскихъ нуждъ разработка дорогъ, починка мостовъ, перевозка войска и пр.

Для удовлетворенія религіозныхъ потребностей мусульмане нанимаютъ муллъ, которые исполняютъ всѣ требы и религіозные обряды. За это мулла получаетъ по одной кодѣ (4 пуд.) пшеницы съ каждаго молящагося, каковымъ долженъ быть каждый правовѣрный съ 12 лѣтъ; ему привозятъ дрова по одной арбѣ съ дыма, платятъ за свадьбу отъ 1 р. 50 к.; даютъ масло, сыръ и деньгами три рубля. Для него имѣются особый домъ, гдѣ онъ учитъ дѣтей корану, получая съ нихъ по кодѣ пшеницы въ годъ и по полуку дровъ зимой. Изъ приписной деревни муллѣ платятъ лишь $\frac{1}{2}$ коды пшеницы. За такое къ нему общественное вниманіе онъ долженъ въ день пять разъ молиться за правовѣрныхъ, въ 4 часа утра, въ 12 час., въ 6 час., въ 8 час. и въ 12 час.

¹⁾ Раскладка податей происходитъ или подымно или сообразно съ количествомъ и качествомъ земли, обрабатываемой плательщиками.

ночи. Не смотря на преданность и уваженіе народа къ учености, муллы онъ рѣдко знаетъ больше трехъ-четырехъ страницъ изъ корана. Однако онъ умѣетъ вселять въ сердцахъ послѣдователей магомета фанатизмъ и упорное отчужденіе отъ школъ христіанъ. Вообще образованность находится въ печальномъ положеніи среди мусульманскаго населенія, и на это слѣдовало бы обратить вниманіе „Обществу возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ“.

На сколько здѣсь нѣкогда процвѣтало христіанство, безмолвно свидѣтельствуютъ печальныя развалины величественныхъ церквей и монастырей, поражающихъ грандіозностью своей архитектуры и живописи. Одинъ Сафарскій монастырь доставлялъ убѣжище 600 монахамъ въ стѣнахъ своей мирной обители. Онъ состоитъ изъ тринадцати отдѣльныхъ церквей, сохранившихъ и нынѣ яркіе слѣды своего прошлаго величія. На ряду съ искусствомъ здѣсь развивались литература и наука. Изъ Ахалцхскаго уѣзда сел. Рустави происходилъ знаменитый грузинскій поэтъ XII в. авторъ „Барсовой кожи“ Шота, получившій прозваніе Руставели по мѣсту своего происхожденія. Изъ сел. Тмогва былъ родомъ грузинскій романистъ въ эпоху царицы Тамары Саргисъ Тмогвели, авторъ Диларіани. Ему же приписывается переводъ Висраміани, повѣсти, написанной съ большимъ знаніемъ челоувѣческаго сердца ¹⁾).

Тамъ, гдѣ шесть-семь вѣковъ тому назадъ образованность разливалась могучимъ потокомъ, затопляя своими ручьями всю Восточную Грузію, — провинція, служившая для всего царства передаточнымъ звеномъ византійской цивилизаціи, представляетъ плачевную картину разоренія, запущенія и невѣжества. Исламъ съ конца XVII в. привившійся здѣсь, наложилъ свою рѣзкую печать на населеніе, обрекши его на умственную ограниченность и на застой въ развитіи гражданственности. Коренное населеніе Месхетіи утрачиваетъ постепенно свой національный обликъ, сливаясь и ассимилируясь съ магометанскимъ элементомъ. Куртины и армяне, переселенные сюда гр. Паскевичемъ Эриванскимъ, имѣли свое

¹⁾ См. мой „Общій взглядъ на состояніе грузинологіи“.

пагубное вліяніе на туземцевъ. Послѣдніе были вытѣснены изъ многихъ селеній, уступая свои жилища враждебнымъ пришельцамъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ названія деревень, гдѣ живутъ армяне и куртины. Сел. Цхалъ-тбила (по груз. значить теплая вода), Идумала (тайна), Цхурти (жажда), Схвилиси (толстый) и др., нынѣ занятые армянами еще очень недавно были заселены грузинами, которые давали своимъ поселеніямъ названія, этимологически объясняемые лишь съ помощью грузинскаго языка. Нельзя сказать, чтобы эти армяне-католики представляли чистый армянскій элементъ: въ ихъ жилахъ нерѣдко течетъ не только грузинская кровь, но они часто считаются *армянами* - католиками только потому, что мы не хотимъ признавать, что есть грузины - католики. Однако мы хорошо знаемъ исторію перехода месховъ въ католицизмъ со времени владычества турокъ, когда прервались сношенія съ Грузіей и установились связи съ западомъ, откуда хлынула масса римскихъ миссіонеровъ, распространяя свою пропаганду на всемъ Кавказѣ ¹⁾. Отвергая большую частью національное происхожденіе ахалцыхскихъ католиковъ, наши статистики составляютъ невѣрные итоги о числѣ грузинъ, армянъ и пр. Нечего говорить, что нѣкоторые изъ грузинъ-мусульманъ, населяющихъ сел. Хертвиси, Аспиндза, Ахамети, Ацкури, Индуса, Отора, Еліа-Цминда, Георги-Цминда, Курти, Двири, Кикинети, Джурта-Джвари, Таташи-си, Свири, Цниси, Зикили, Чобарети, Сакунети, Ткемліани, Дчивинта, Вархани, Накурдеви, Орали, Цаканія и пр., причисляются къ татарамъ когда принимается за критеріумъ дѣленія не національность, а вѣроисповѣданіе.

Нѣтъ необходимости предлагать здѣсь читателямъ филологическое толкованіе названій этихъ деревень: корни ихъ несомнѣнно грузинскаго происхожденія. Все пространство ахалцыхскаго уѣзда по своей географической номенклатурѣ даетъ непреложные факты принадлежности его къ территоріи грузинскаго населенія, вытѣсненнаго сюда съ юга и запада—съ береговъ Чернаго моря и Малой Азіи ²⁾. Эта часть одна изъ

¹⁾ См. путешествіе Ламберти, Контарини, Барбаро, Шардена и др.

²⁾ См. мою ст. Древнѣйшіе предѣлы разселенія грузинъ по М. Азіи.

интереснѣйшихъ провинцій Грузинскаго царства въ археологическомъ отношеніи. Не менѣе любопытны архаическія выраженія, сохранившіяся только въ Месхетіи. Я приведу нѣсколько примѣровъ. Слово „взять“ (грузинское „гамотсѣва“) передается понятіемъ „цартсѣва“, что собственно значить „отнять“. „Рубить“ (по груз. дачра) месхи выражаютъ посредствомъ „дахева“, прямой смыслъ котораго „разорвать“, „разодрать“. „Дрова“ (груз. „шеша“) переводится чрезъ „хе“—„дерево“. „Покрытый“ грузины вообще передаютъ словомъ „дахурули“, а месхъ употребляетъ слово „дабурули“, имѣющее теперь другое значеніе въ карталинскомъ языкѣ—„дремучій“. „Взять что-либо съ просьбой“, или „попросить“ грузинъ выражаетъ посредствомъ глагола „тсховна“, а месхъ употребляетъ другой глаголъ „цартсѣва“, смыслъ котораго равняется понятію „отнять“. „Курить“ по грузински „цѣва“ (собственно значить „тянуть“), а месхъ скажетъ въ данномъ случаѣ „всвам“ (пью), напр.: „курю трубку“, онъ переводитъ „чибухе всвам“. Эти архаизмы переносятъ насъ въ ту эпоху, когда люди не умѣли выпрашивать добровольной уступки и отнимали насильно нужныя имъ вещи. Отсюда передача понятія „тсховна“ (просить) чрезъ „цартсѣва“. Изъ другихъ особенностей языка я отмѣчаю замѣну предлога „или“ (въ) посредствомъ „чи“: гулчи вм. гулши—въ сердцѣ, саксѣмечи вм. саксѣмечи—въ дѣлѣ и др. Эта черта языка сближаетъ говоръ месховъ, съ говоромъ грузинъ-горцевъ (тушинъ, пшавовъ, хевсуръ, мохевцевъ), съ которымъ онъ находится въ ближайшемъ родствѣ по отношенію къ акценту, выговору. Извѣстно, что горцы сохранили болѣе древнія формы въ склоненіи и спряженіи. Эти же морфологическія особенности грузинскаго языка извѣстны намъ изъ переводовъ священно-богослуженныхъ книгъ съ VI в. и уцѣлѣли въ языкѣ месховъ.

Не мало слѣдовъ архаичности въ народной повѣсти месховъ. Послѣ грузинъ-горцевъ месхи лучше всѣхъ остальныхъ народностей картвельскаго племени сохранили древнія пѣсни, легенды, сказанія. Здѣсь распѣваются стихи историческаго содержанія, извѣстныя во всей Грузіи. Одну особенность ихъ повѣсти составляютъ пѣсни на библейскіе мотивы. Изъ нихъ я приведу сказанія объ Ноѣ и Іовѣ.

Ты, святой Ной, прежде сталъ рубить корабль,
 Снаружи и внутри быстро кончилъ дѣло,
 Пригласилъ ты на смотръ всю живущую тварь,
 Въ набатъ ударилъ во время и собралъ ты всѣхъ.
 Буйволъ просить съ ревомъ ¹⁾ пустить его туда.
 „—Принять тебя не могу я, поди носи письмо“.
 Море вышло изъ береговъ, потопило все пространство.
 Потопъ длился сорокъ дней, померкли солнце и луна.
 Черезъ сорокъ дней опять вода вошла въ свои берега.
 Ной открылъ свой корабль, проливая горькія слезы.
 Послалъ онъ чернаго ворона обозрѣть всю вселенную.
 Полетѣлъ воронъ гадкій, мерзкій, туда, гдѣ завидѣлъ падалъ;
 Здѣсь остался преспокойно, проводя на ней дни и ночи.
 Тогда Ной послалъ голубя благаго, вѣрнаго.
 Ночью голодный вернулся онъ и молвилъ: все погибло
 подъ небесами.

Въ знакъ произрастанія подалъ масляную вѣтвь.
 Все это послѣ Ноя выросло, что видишь теперѣ.

Мнѣ приходилось отмѣчать грузинское сказаніе объ Іовѣ ²⁾.
 Нижеслѣдующій переводъ касается совершенно другой эпохи
 ветхозавѣтнаго страдальца.

Іовъ былъ богомольный,	Разукрашенныхъ алмазомъ.
Жену имѣлъ праведную;	Ихъ мученія и терзанія
Дочери его солнцеобразныя	Поднимаются выше къ небу.
Погибли всѣ въ одинъ день.	Заявился дьяволъ гнусный.
Послалъ сказать женѣ своей:	И говоритъ въ лицо Іову:
„Не печалься, безумная	„Въ чемъ согрѣшилъ ты предъ
Не оплакивай земныхъ дѣ-	Творцомъ?
тей!	За что Онъ сжегъ твой стада?“
Онъ далъ, Онъ же взялъ,	— „Поди прочь, дьяволъ гнус-
Воздадимъ Ему хвалу!“	ный!
Заявился дьяволъ гнусный	Горе мое—твое дѣло.
И говоритъ въ лицо Іову:	Онъ далъ, Онъ же взялъ
„Въ чемъ согрѣшилъ ты предъ	Воздадимъ Ему хвалу!“
Творцомъ?	Черви Іова заѣдаютъ,

¹⁾ Грузины говорятъ, что въ ревѣ буйвола слышатся имя Ноя. („Ное, Ное!“).
²⁾ См. „Этногр. обоз.“ кн. III стр. 176. (отд. библиографія).

За что Онъ отнялъ дѣтей? „	Его мукамъ нѣтъ конца.
— „Поди прочь гнусный дья-	На войлокъ его положили
волъ!	И выбросили въ навозъ.
Горе мое—дѣло твое!	Когда червь одинъ свалился,
Онъ далъ, Онъ же взялъ	Іовъ въ сердцѣ огорчился,
Воздадимъ Ему хвалу“.	Самъ поднялъ его на раны:
Загорѣлось огнемъ поле,	„Она Божье дарованье;
Стада Іова погибають	Ты пожирай плоть и кость,
Пять сотъ его верблюдовъ,	А смерти не страшися!“

Месхи сохранили пѣсни о Ростомѣ, Автаидилѣ и Амيرانѣ. Въ виду того, что о первомъ эпическомъ героѣ мнѣ приходилось говорить въ прежнихъ очеркахъ, я не стану приводить подробностей и останавлиюсь, на сказаніи объ Амيرانѣ, сдѣлавшемся предметомъ цѣлой повѣсти для Мосе Хонели, писателя XII в., эпохи царицы Тамары. Месхи запомнили тотъ моментъ изъ жизни Амирана, когда послѣдній вмѣстѣ со своими братьями отправился на охоту. На одной горѣ охотники замѣтили „олени съ золотыми рогами до небесъ“. Амيرانъ пустилъ въ него обоюдоострую стрѣлу и до крови ранилъ его въ плечо. Однако олень не остался на мѣстѣ: онъ помчался чрезъ девять горъ; за нимъ слѣдовалъ „по кровавой стезѣ“ Амيرانъ и настигъ его на десятой горѣ Алгетской (по варіанту на Сакриской). Здѣсь нашли они зданіе вершина котораго касается неба. Отыскать двери въ него не удалось Амيرانу: онъ толкнулъ ногой и стѣна, обрушившись, открыла ему входъ (по варіанту онъ ногой сорвалъ замокъ съ запертой двери). Внутри ихъ глазамъ представился несчастной трупъ „временъ Адама“. Въ рукахъ онъ держалъ письмо, изъ котораго они увидали его происхожденіе: я племянникъ Усупа; въ жизни моей истребилъ много враговъ, уцѣлѣлъ лишь одинъ Бакъ-бакъ-дэви: кто убьетъ его тому на счастье мое владѣніе (по варіанту „мой крылатый конь“); кто пріютитъ мою семью, тотъ пусть возьметъ мою булаву и копье. Амيرانъ спѣшилъ отыскать названнаго Дэви. На берегу рѣки, когда Амيرانъ началъ оттачивать саблю, замѣтилъ онъ медленнодвигающагося Дэви, подъ ногами котораго вся земля дрожала. Амيرانъ требуетъ съ него, чтобы

онъ называлъ свое имя. Тотъ отвѣчаетъ, что не зачѣмъ ему знать, кто онъ такой, идетъ онъ съѣсть племянника Усупа, недавно умершаго.—„Кто позволить тебѣ съѣсть сына Адама? Я готовъ бороться!“ Амиранъ ударилъ Дэви о каменистую почву, сломалъ ему плечо, онъ сталъ издавать страшные крики. (По варианту до борьбы съ Дэви Амиранъ снялъ голову съ осла принадлежавшаго старцу. Старецъ потребовалъ удовлетворенія. Герой ему предлагаетъ саблю въ сто драконовъ, а товарищъ его длинную рубаху. Старецъ все противится. Амиранъ тогда открываетъ, что еслибы старецъ извѣдалъ домъ осла, то послѣдній поѣлъ бы всю семью).

Сказанія объ Амиранѣ извѣстны всѣмъ народностямъ грузинскаго племени. Въ его лицѣ сочетались два элемента—злое и доброе. По однимъ сказаніямъ онъ является борцомъ противъ Дэвовъ, челоуѣкопожирающихъ существъ; въ другихъ сказаніяхъ онъ представляется олицетвореніемъ злого начала—нѣчто вродѣ Аримана. Быть можетъ онъ даже пополнить отсутствіе въ грузинской языческой религіи дуализма, при чемъ богъ добра Армахи—несомнѣнно Ормуздъ, а Амиранъ—Ариманъ, служители котораго Дэви и ешмаки (Aeschma) хорошо извѣстны въ грузинской міеологіи.

Одна поэма о Солагѣ-героѣ ¹⁾ извѣстна лишь месхамъ. Мнѣ удалось записать отрывокъ, повидимому, изъ очень длиннаго сказанія. Начинается разсказъ тѣмъ, что Солагъ отправился въ Стамбулъ и прибылъ ко дворцу султана. Визирь встрѣтилъ его у дверей, обнявъ его и спрашиваетъ зачѣмъ онъ пожаловалъ къ султану. Солагъ не успѣваетъ объяснить причины своего дальняго путешествія, какъ визирь предлагаетъ ему, какъ славящемуся во всей Грузіи борцу, вступить въ единоборство съ арабомъ, обѣщая въ случаѣ побѣды дать ему постъ паши въ Ахалцихѣ. Солагъ отказывается, но визирь настаиваетъ. Борецъ соглашается на предложеніе визиря; даютъ ему коня быстрого, сѣдло золотое. Въ пятницу весь городъ вышелъ на площадь. Арабъ летитъ на конѣ. Солагъ ему кланяется низко, но арабъ не терпитъ отлагательства—онъ хочетъ начинать бой. Онъ бросаетъ одно за

¹⁾ По фамиліи Конадзе.

другимъ три копыя, но Солагъ ловко отражаетъ удары. Тогда Солагъ направляетъ лошадь къ арабу, пускаетъ копье въ бокъ, арабъ падаетъ и умираетъ. Муллы приступили читать надъ трупомъ Коранъ. Солага берутъ во дворецъ, онъ опасается за свою жизнь. Султанъ принялъ его благосклонно, наградилъ его золотомъ и обѣщалъ поручить ему должность паши въ Ахалцихъ. Солагъ отказывается отъ этой чести, предпочитая силу ощущать въ рукѣ, чѣмъ въ занимаемой должности.

Въ этомъ сказаніи отражаются сношенія между Турціей и Месхетіей, когда послѣдняя была завоевана османами. Месхи сохранили массу воспоминаній объ этой тяжелой эпохѣ. Оставаясь въ душѣ христіанами, они много терпѣли отъ мусульманъ. Былъ установленъ надзоръ, чтобы по средамъ и пятницамъ месхи не постились. Поэтому они готовили что-либо на маслѣ и выбрасывали, а потомъ ѣли постное, вводя въ заблужденіе согладатаевъ запахомъ масла. Народная традиція помнитъ и теперь какъ одинъ изъ пашей Аджи-Агметъ за сочувствіе христіанамъ обезглавленъ по распоряженію турецкаго султана. Этому пашѣ приписывается построеніе ахалцихской мечети, обращенной теперь въ православный соборъ. Передаютъ, что для сооруженія мечети Аджи-Агметъ далъ такой планъ постройки, чтобы ее впоследствии можно было освятить въ христіанскую церковь. Этотъ коварный замыселъ былъ открытъ, и Аджи-Агметъ погибъ отъ рукъ возмущившихся мусульманъ. Теперь лишь полумѣсяцъ надъ которымъ возвышается крестъ въ знакъ побѣды христіанства свидѣтельствуетъ о прежнемъ назначеніи громаднаго изъ тесаннаго камня строенія. Народъ помнитъ еще одинъ фактъ изъ исторіи господства правовѣрныхъ въ Месхетіи. Рассказываютъ, какъ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья во время крестнаго хода, совершаемаго тайно въ Сафарскомъ монастырѣ, напали вооруженные мусульмане въ ту минуту, когда впервые небо огласилось радостнымъ восклицаніемъ: Христосъ Воскресе! ¹⁾

1) Нѣчто подобное мы видимъ въ нашествіи Шахъ-Аббаса на Кахетію, гдѣ въ день Христова Воскресенія онъ перебилъ въ одномъ монастырѣ 6000 монаховъ!

Періодъ владычества турокъ въ Ахалцихъ далъ много сюжетовъ для народной поэзіи. Давленіе мусульманъ на населеніе, его преданность христіанской вѣрѣ, борьба грузинскихъ царей съ „хондкаромъ“ (султаномъ) изъ-за Месхетіи давали обильную пищу для поэтического творчества. Нашествіе турокъ смѣнялось вторженіемъ персидскихъ шаховъ, производившихъ не меньше опустошенія, чѣмъ янычары султана. Одна пѣсня сохранила воспоминаніе о послѣдствіяхъ вторженія шахинъ-шаховъ. „Двинулся грозно Демуръ-каянъ (шахъ), оставилъ свой городъ Хаварашанъ (Хорасанъ), вступилъ онъ въ предѣлы Грузіи, городъ (Ахалцихъ) сжегъ, плѣнныхъ угналъ какъ стадо, а женщинъ и дѣвицъ роздалъ солдатамъ“. Въ другой пѣснѣ отразилось отношеніе Месхетіи къ Высокой Портѣ. „Усупъ-паша, (съ позволенія отца) въ виду опасности, грозившей ему лишеніемъ поста въ Ахалцихъ, отправился къ султану, сѣлъ возлѣ него и сладко вопрошалъ его: „зачѣмъ, государь, лишаешь меня сана? Ты знаешь, владѣтель Кахетіи (т. е. царь Ираклій II) ополчается на насъ. Велишь—приведу въ цѣпяхъ или, воткнувъ на копье его голову, преподнесу вамъ“. — „Если это ты исполнишь, возстановлю твою власть, одарю тебя халатомъ и дамъ тебѣ весь Гурджистанъ“ (Грузію).

Одна надежда ободряла жителей Месхетіи при турецкомъ владычествѣ—это помощь царя Ираклія. Взоры всѣхъ были обращены на него, онъ послужилъ предметомъ восторговъ и поэтическаго воодушевленія. Его побѣда надъ турками при Аспиндзѣ ¹⁾ (недалеко отъ Ахалциха) вдохновляла не только народныхъ пѣвцовъ-месховъ, но и лирическихъ поэтовъ Восточной Грузіи (кн. Орбелиани). Я перевожу одну изъ любимыхъ и распространенныхъ пѣсень у месховъ:

Небо тучами покрылось,
Дождемъ земля оросилась.
Иракль къ Ацверу стремился.
Онъ семь сутокъ здѣсь остался

¹⁾ Битва при Аспиндзѣ съ турками произошла въ 1769 г. Графъ Тотлебенъ, присланный на помощь Екатериной II, предъ сраженіемъ оставилъ Ираклія II. Грузины одержали блестящую побѣду. *Вуликовъ*. Матеріалы для исторіи Кавказа. I, 281—2.

У Аспиндзы укрѣпился
 И съ врагомъ тутъ вдругъ столкнулся.
 Въ битвѣ кровь лилась рѣкой,
 Делибашъ разбить совсѣмъ,
 Царь Ираклій прослезился,
 Когда „Русскій“ повернулся,
 Но Богъ далъ царю побѣду,
 Трупы бросилъ онъ въ Куру.

Ираклій — любимый герой народных пѣсенъ. Его имя пользуется всеобщимъ уваженіемъ въ виду того могучаго отпора, который онъ далъ вторженіямъ лезгинъ въ Грузію. „Трупы убитыхъ тобой, царь, лезгинъ гніютъ на Аспиндскихъ поляхъ, сдѣлавшись добычей хищныхъ воронъ, жадно выклевывающихъ глаза павшимъ врагамъ Грузіи“. Молитвы всѣхъ возносились къ небу о дарованіи долгоденствія „ловкому ѣздоку, неустрашимому воину“. На вопросъ падишаха, „кто такой Ираклій, народъ описываетъ его, согласно историческимъ даннымъ, грузинской лѣтописи. „Ираклій — милый ребенокъ¹⁾, въ которомъ бьется сердце слона, крѣпокъ, какъ неприступная скала, разрушаетъ крѣпости, какъ подгнившее дерево“. Самъ онъ вступалъ въ единоборство съ силачами враговъ и удачными ударами опрокидывалъ ихъ на землю.

Не мало сказаній сохранилось у месховъ о царицѣ Тамарѣ (XII в.). Съ ея именемъ связана масса легендъ, превратившихъ ее изъ строго-засвидѣтельствованной исторической личности въ полумифическую съ особенностями христіанской святой дѣвы или языческаго божества. У грузинъ-горцевъ она причисляется то къ лику святыхъ то считается цѣлительницей отъ всѣхъ недуговъ и болѣзней. Нѣтъ сомнѣнія, что популярной царицѣ приписали на Кавказѣ много чертъ ей не свойственныхъ, и не мало дѣяній и построекъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ и лицамъ. Разнохарактерныя наслоенія, сочетанія противорѣчивыхъ между собою качествъ отразились и на извѣстномъ стихотвореніи поэта Лермонтова: („Въ глу-

¹⁾ За небольшой ростъ Ираклій называется въ исторіи „патара Кахи“ — маленькій кахетинецъ. Это не мѣшало ему быть выдающимся полководцемъ, которымъ восторгался Фридрихъ Великій.

бокомъ ущельѣ Дарьяла“ и пр.), который, вѣроятно, согласно съ народными преданіями говорить, что Тамара была „прекрасна, какъ ангелъ небесный, какъ демонъ—коварна и и зла“... Месхи также помнятъ, что кизилбашскій владѣтель, очарованный небесной красотой царицы, хотѣлъ ее похитить, но попытки его были неудачны и кончились позорнымъ плѣненіемъ самого хана. Любопытно отмѣтить представленіе месховъ, какъ Тамара успѣвала воздвигать церкви и башни, приписываемыя исключительно ей, если только онѣ красуются на вершинѣ неприступной скалы или теряются въ тѣснинахъ дремучихъ лѣсовъ. Месхи увѣряютъ, что царица разставляла войско такъ, что послѣдній воинъ стоялъ на мѣстѣ постройки, а первый у подошвы горы, на берегу рѣки, и около нужнаго для строенія матеріала: такъ передавались изъ рукъ въ руки кирпичи, камни, вода, св. иконы и богослужебные предметы.

Изъ другихъ историческихъ пѣсенъ отмѣчу воспоминаніе о царѣ Арчилѣ. Ему совѣтуется, оставить Аліани и Челіани (деревни), угрожая въ противномъ случаѣ поразить его стрѣлой, „напитанной смертельнымъ ядомъ“. Эпоха феодализма, давленія дворянства на крестьянъ, купля-продажа ихъ дали поводъ излить накупившую горечь въ пѣсняхъ, часто проникнутыхъ глубокой ненавистью къ своимъ господамъ. „Ты, Эривастъ, владѣлецъ горъ и Арагвы, оставь торговать своими крестьянами, ты много уже продалъ дѣвицъ и женъ, украшенныхъ черными волосами и красивыми глазами“¹⁾.

Я ограничусь этимъ указаніемъ на историческія пѣсни, въ большомъ количествѣ сохранившихся во всѣхъ концахъ Грузіи.

Лирическія пѣсни отличаются лаконической сжатостью и краткостью и такими особенностями, свойственными грузинскому языку, которыя дѣлаютъ ихъ почти не переводимыми на русскій языкъ. Я приведу нѣсколько образцовъ, чтобы дать представленіе объ этомъ видѣ грузинской поэзіи. „Восходящей зарѣ и солнцу говорить она взойди! Насытиться

¹⁾ Эривастъ собственно значить—„глава народа“, а потомъ начальникъ области, наслѣдственный ея владѣтель съ политическими правами.

твоимъ созерцаемъ мнѣ не суждено, такъ вонъ измученная душа“. Это значить, что красавица, возлюбленная страдальцемъ можетъ соперничать съ утренней зарей по красотѣ, но ему не предопредѣлено считать ее своей подругой, и въ отчаяніи ему остается наложить руку на себя. Въ другой пѣснѣ влюбленный, не пользующійся взаимностью, проклинаетъ день своего рожденія: „я не ждалъ твоей разлуки. Когда вспоминая тебя, пламенная любовь сжигаетъ мнѣ сердце, и если суждено было разстаться съ тобой, то къ чему вырастила меня бѣдная мать!“ Иногда проявляется поразительная преданность выбранной сердцемъ, рѣдкая готовность пожертвовать за нее жизнью лишь бы на короткое время насладиться ея дружбой. „Еслибы кто-нибудь изрубилъ меня на куски, трупъ бросилъ на съѣденіе чернымъ воронамъ, а кровь пролилъ для утоленія жажды свободныхъ оленей, — все это я перенесъ бы легко, лишь бы остался съ тобой вдвоемъ“. Разъ загорѣвшееся чувство любви постепенно возрастаетъ, вытѣсняя всѣ помыслы о другихъ. Измѣна — позоръ, постоянство — достоинство любящихъ сердецъ. „Съ тѣхъ поръ какъ ты ушелъ, — говоритъ дѣвица своему возлюбленному, — я взора не бросала на другихъ; кровавые ручьи непрерывно текли изъ моихъ глазъ, окрашивая краснымъ цвѣтомъ безбрежное море“. Почтеніе къ старшимъ, уваженіе ко всѣмъ является обязанностью невѣстки. „Молодая должна быть стройна какъ тополь, лелѣять свекровь, почитать свекра какъ Бога, къ золовкѣ и деверю быть внимательной и всѣмъ услужливой, — ее будутъ за это ласкать, какъ невинную голубицу“. Вражда между невѣсткой и свекровью отразилась чрезвычайно характерно: „Не ѣшь — говоришь, что я голодна, ѣмъ — называешь меня грифомъ, тихо хожу — зовешь лѣнливой, тороплюсь — ругаешь „каджи“ (дьяволъ), сижу — зовешь калѣжкой, стану — обзываешь шестомъ. Что мнѣ дѣлать? — Какъ угодить злой свекрови своей?“

Особый видъ поэзіи составляютъ пѣсни, въ которыхъ отъ имени дѣвицы и ея возлюбленнаго дѣйствуютъ звѣри. Этотъ животный эпосъ очень богатъ и по количеству стиховъ и по внутреннему ихъ содержанію. Символически олень означаетъ влюбленнаго, голубь — влюбленную, лиса — непріятельницу ихъ, медвѣдь — грубую силу и пр. Я перевожу одну

пѣсню, гдѣ дѣйствующими лицами являются представители различныхъ классовъ животнаго міра.

У несчастной старухи крысы жнутъ ниву,
 Львы вяжутъ солому, а барсы въ пукъ снопы;
 Дѣви запряжены въ арбу и ведутъ ихъ на гумно;
 Молотильныя доски быстро вертятъ олени,
 На нихъ сидятъ ангелы, нѣжно напѣвая;
 Дчинки ¹⁾ знаны провѣять смолоченное пшено;
 Кабавы поправляютъ гумно, а лисы подметають;
 Медвѣди нагружены мѣшками и спускають хлѣбъ въ яму;
 Волки посланы на мельницу, чтобы молоть пшеницу;
 Жаворонка отправить въ небо чтобы собрать всѣхъ птицъ,
 Тетеревъ просѣваетъ муку, куропатка мѣситъ, сорока
 валяетъ
 Голуби пекутъ лаваши ²⁾, горлицы ихъ достаютъ (изъ
 печи въ землѣ);
 Гаріани (?) готовятъ, сайки кладутъ на подносы;
 Аминари и Гавари (?) сидятъ близко другъ къ другу;
 Фазана за красоту сажаютъ въ серединѣ между собою.
 Самы ѣдятъ, пьютъ, дворовую собаку гонять къ концу
 (стола),
 Скворца просятъ поближе поиграть на „гіанури“(скрипка).

Этими замѣтками о поэзіи месховъ я закончу свой очеркъ,
 оставляя пока въ сторонѣ хороводныя и обрядовыя пѣсни.

А. Хахановъ.

¹⁾ Нечистые духи (см. выше: чинки).

²⁾ Плоскій тонкій хлѣбъ въ видѣ салфетки.

Ставръ Годиновичъ и Гэсэръ.

А. Н. Веселовскій разсмотрѣлъ былинну о Ставрѣ Годиновичѣ въ Журн. М. Н. Пр., ч. CCLXVIII, отд. 2, стр. 26.

Содержаніе былинны: Ставръ посаженъ въ тюрьму; Василиса—жена его, одѣвается въ мужское платье и ѣдетъ будто царскимъ посломъ свататься за княжну. Отецъ или дядя княжны испытываетъ полъ посла; Василису заставляютъ идти въ баню, состязаться въ борьбѣ и стрѣльбѣ. Ставръ, выпущенный изъ тюрьмы, играетъ на пиру на гусяхъ, а потомъ Василиса выводитъ его въ поле для состязанія въ бою. Здѣсь онъ узнаетъ въ ней свою жену.

Г. Веселовскій приводитъ одну нѣмецкую пѣсню XVI вѣка, представляющую параллель къ нашей былинѣ. Александръ Von Metz уѣзжаетъ къ святымъ мѣстамъ и оставляетъ жену; на чужбинѣ онъ попадаетъ въ плѣнъ къ языческому царю Магомету, который заставляетъ его ходить въ плугѣ. Жена, открывъ мѣсто нахожденія мужа, остригаетъ свои волосы, надѣваетъ монашескія ряссы, беретъ гусли и отправляется въ языческое царство. Игра ея такъ понравилась царю, что онъ предлагаетъ ей подарки и по ея выбору даритъ ей своего плѣнника, ея мужа.

Гэсэръ монгольской версіи (въ переводѣ Шмидта: Die Thaten Bogda Gesser chan's St.-Ptb. 1839, стр. 273—282) какимъ то ламою, великаномъ волшебникомъ, обращенъ въ осла и исполняетъ ослиную работу. Жена Гэсэра Аджу-Мергенъ отправляется освобождать его; сначала она приготовляетъ свое оружіе, на что ей потребовалось нѣсколько мѣся-

цевъ, потомъ принимаетъ видъ безобразной старухи, старшей сестры великана волшебника съ выпученными глазами, съ бровями, висящими до груди, съ грудями висящими до колѣнъ; подъ этимъ видомъ она идетъ будто бы навѣстить своего брата. Великанъ хвалится своей побѣдой надъ Гэсэромъ, показываетъ добытыя разныя вещи и предлагаетъ сестрѣ выбрать, что ей понравится. Старуха говоритъ, что всѣ эти вещи очень хороши, но что ей старухѣ не нужны; пусть лучше ей отдастъ черного осла, на которомъ она могла бы спокойно ѣхать домой. Великанъ отдаетъ осла. Аджумергенъ отводитъ его домой, а потомъ къ своему отцу, царю драконовъ. Отъ новаго ухода осель принимаетъ видъ прежняго Гэсэра. Конецъ разсказа—помѣщаемъ его не въ интересъ сопоставленій съ русской былинной — Гэсэръ и Аджумергенъ отправляются вдвоемъ на охоту, встрѣчаютъ оленуху съ желтобѣлымъ пятномъ во лбу; Гэсэръ попадаетъ въ пятно и оленуха со стрѣлой убѣгаетъ въ домъ старшей сестры великана. Это была она сама въ обращенномъ видѣ ¹⁾).

Ордосскій монголъ Пунцукъ разсказывалъ мнѣ монгольскаго Гэсэра съ нѣкоторыми лишними противъ Thaten подробностями. Волшебникъ Лобсыга-лама по разсказу Пунцукъ заставилъ Гэсэра, обращеннаго въ осла, давать хлѣбъ (будай даруджи), по подробному объясненію Пунцукъ таскать или вращать *буму*, каменный цилиндрическій катокъ, вздѣтый на деревянную ось, т. е. заставилъ молотить. Къ Лобсыга-ламѣ пришла его старшая сестра (Эгичъ) и говоритъ ему: „Ты обратилъ Гэсэра въ осла; сколько онъ у тебя молотилъ въ день?“ „Тысячу“. „Отдай его мнѣ! Я заставлю его молотить десять тысячъ.“ Лобсыга-лама отдалъ осла; старуха повела его въ свой домъ. Въ это время Алу-мергенъ, жена Гэсэра, обратилась въ птицу, выхватила осла у старухи и отнесла его къ Хормустѣ; Хормуста омылъ осла аршаномъ трижды девять разъ и Гэсэръ былъ отвороченъ изъ осла въ человѣка.

¹⁾ За тѣмъ Гэсэръ строитъ для великана-волшебника домъ изъ тростника, обматывая каждый стволъ хлопчатой бумагой, напитанной масломъ и когда тотъ входитъ въ домъ, Гэсэръ зажигаетъ стѣны дома; вмѣстѣ съ домомъ сгораетъ и великанъ. Это можетъ быть обрядъ сожженія покойника. Ср. Позднѣвъ: Очерки быта буддійскихъ монастырей въ Монголіи. Спб., 1887 стр. 272.

Потомъ Гэсэръ и Алу-мергенъ поѣхали къ Лобсыга-ламѣ; на встрѣчу имъ бѣжитъ оленуха (Хо-мараль); въ ней была душа Лобсыги; Гэсэръ выстрѣлилъ и промахнулся; Алу-мергенъ выстрѣлила и попала въ бѣлое пятно на лбу; раненый олень убѣжалъ. Остальное сходно съ „Thaten.“

Въ „Thaten“ есть еще другой эпизодъ объ Аджу-мергенѣ (стр. 87). Гэсэръ очутился на охотѣ вмѣстѣ съ Аджу-мергенѣ, дочерью царя драконовъ. ¹⁾ Онъ пустилъ стрѣлу въ семь быковъ; стрѣла пронизала всѣхъ семерыхъ и воткнулась въ землю; выстрѣлила и Аджу-мергенъ; ея стрѣла пронизала насквозь девять быковъ и воткнулась въ скалу. Гэсэръ думаетъ: „Какъ мнѣ узнать, мужчина или женщина мой товарищъ?“ Встрѣтился еще быкъ; Аджу-мергенъ, ѣхавшая сзади Гэсэра, стрѣляетъ и убиваетъ быка. Гэсэръ побѣждалъ къ быку, вынулъ стрѣлу изъ раны, воткнулъ ее себѣ подъ мышку, легъ и притворился убитымъ. Аджу мергенъ подѣхала и говоритъ: „Сегодня я убила Гэсэра и уведу его бурюю лошадь!“ Она повела лошадь, а Гэсэръ остался на мѣстѣ. Потомъ Гэсэръ принимаетъ видъ другого человѣка и кричитъ: „Аджи-мергенъ убила Гэсэра; братъ Гэсэра и народъ Гэсэра собираются и хотятъ отмстить ей, убить ее и разграбить!“ Тогда Аджу-мергенъ распустила свои спрятанные волосы; косу одного виска опустила съ правой стороны, другую съ лѣвой, а теменую косу опустила вдоль спины. Гэсэръ подбѣжалъ къ ней, но отъ ея удара онъ падаетъ на колѣни; онъ говоритъ: „Мужчины борются до трехъ разъ.“ Начинается вновь бой и Гэсэръ роняетъ Аджу-мергенъ. Тогда онъ объявляетъ, что онъ возьметъ ее себѣ въ жены; она соглашается; Гэсэръ укололъ свой мизинецъ, Аджу-мергенъ слизнула кровь вмѣсто клятвы. Потомъ они пошли къ озеру пить воду. Гэсэръ раздѣлся, прыгнулъ въ воду и переплылъ на другую сторону; Аджу-мергенъ, разгоряченная и въ поту, не могла удержаться, также сняла свое платье и вошла въ воду. Тогда Гэсэръ свиснулъ и сдѣлалъ вихорь, который поднялъ

¹⁾ Въ бурятскомъ, еще не напечатанномъ варіантѣ, записанномъ г. Хангаловымъ, этой Аджу-мергенъ соответствуетъ Алма-мергенъ, дочь Ухавъ-Дубсынь-хана т. е. водяного Лубсыня царя. Гэсэръ встрѣчаетъ ее въ полѣ подъ видомъ богатыря.

платье Аджу-мергенъ и повѣсилъ на вершину дерева. Гэсэръ вернулся и надѣлъ свое платье, а Аджу-мергенъ замерзла безъ платья. Гэсэръ взялъ ее къ себѣ за пазуху

Въ „Thaten“ два эти эпизода рассказаны отдѣльно, разставлены на большое разстояніе и притомъ послѣдній эпизодъ вставленъ въ начало книги (стр. 87), а рассказъ о хожденіи Аджу-мергенъ для освобожденія плѣннаго Гэсэра помѣщенъ въ концѣ (стр. 273). Первый эпизодъ у озера имѣетъ видъ рассказа о первомъ свиданіи Гэсэра съ Аджу-мергенъ и о женитьбѣ его на ней.

Такъ какъ въ обоихъ отрывкахъ дѣло идетъ объ одномъ и томъ же персонажѣ Аджу-мергенъ, то мы можемъ предположить, что они составляли нѣкогда цѣльный рассказъ объ этой богатыршѣ, въ которомъ отрывки эти могли располагаться не въ той послѣдовательности, какъ они стоятъ въ Thaten (сначала испытаніе пола, потомъ поѣздка для освобожденія мужа изъ неволи), а въ обратномъ, какъ въ русской былинѣ: сначала поѣздка для освобожденія мужа, потомъ испытаніе пола. То есть рассказъ шелъ въ такомъ порядкѣ: Гэсэръ очутился въ неволѣ; жена его Аджу-мергенъ одѣвается въ мужское платье и отправляется выручать его; въ ней подозрѣваютъ женщину; слѣдуетъ рядъ испытаній: стрѣльба, борьба и купанье.

Сказки съ подобнымъ сюжетомъ записаны у бурятъ и у тюрковъ Сибири. У бурятъ записаны г. Хангаловымъ двѣ такія сказки; онѣ помѣщены въ Запискахъ Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Георг. Общ. по Этн., т. I, в. 1; это №№ 9 и 10. Богатырь (въ одной сказкѣ Гарьюдай, въ другой Алтынъ сэсэкъ) убитъ своимъ противникомъ; сестра брата (въ одной сказкѣ Агуногонъ-абаха, въ другой Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха) находитъ тѣло убитого брата и прячетъ его въ каменную гору; гора по просьбѣ дѣвицы раскрывается, а когда тѣло положено, снова смыкается. Затѣмъ дѣвица надѣваетъ на себя богатырское платье своего брата, настраиваетъ свой духъ на богатырскій ладъ и отправляется къ Эсэгэ-маланъ-тэнгэрину сватать за себя его трехъ дочерей; возвращать умершихъ людей къ жизни могутъ только эти три дѣвицы, но чтобъ заставить ихъ это сдѣлать, сестра погибшаго бога-

тыря должна ихъ обмануть. Она выдастъ себя за жениха, высватаетъ ихъ за себя замужъ и доставитъ ихъ въ свой домъ, но здѣсь молодыя женщины найдутъ только трупъ своего жениха, который къ ихъ пріѣзду сестра успѣетъ вынуть изъ горы. Молодымъ женщинамъ не захочется остаться вдовами и онѣ воскресятъ богатыря. Въ сказкѣ № 9 Эсэгэ-малана подозрѣваетъ въ пріѣхавшемъ богатырѣ женщину; слѣдуетъ рядъ испытаній: борьба, стрѣльба, питье вина, пусканіе коней въ бѣгъ, сажанье въ амбаръ съ медвѣдемъ, сортировка перемѣшанныхъ зеренъ. Во время купанья дѣвицу выручаетъ ея конь; онъ напускаетъ туманъ, во время котораго дѣвица успѣваетъ выкупаться; когда туманъ разсѣлся, она уже вновь одѣта. У Гильф., № 140 о Василисѣ, Ставро-вой женѣ:

Она была да лукавая:

На тую пору выпустила жеребчиковъ,

Жеребчиковъ выпустила неѣзжанныхъ.

Жеребчики по двору разбѣгались,

Оглядѣлся Владиміръ стольне-кіевской,

Она той порой вымылась и упарилась.

Высватавъ дсчерей Эсэгэ-малана, дѣвица-богатырь везетъ ихъ въ свой домъ. Подѣзжая къ нему, она уѣзжаетъ впередъ, вынимаетъ кости брата изъ скалы, кладетъ ихъ въ юртъ на кровать и покрываетъ богатырскимъ платьемъ, а сама убѣгаетъ въ кустарники въ видѣ зайца. Три дочери Эсэгэ-малана пріѣзжаютъ, видятъ кости, думаютъ, что это ихъ мужъ, уѣхавшій впередъ и рѣшаются воскресить его. Вновь ожившій богатырь начинастъ жить съ тремя женами; потомъ онъ отыскиваетъ свою сестру, бѣгающую въ видѣ зайца и отворачиваетъ ее въ прежнее состояніе. Въ № 10-мъ три дочери Эсэгэ-малана убили сестру богатыря; братъ поймалъ чернаго оленя, выдолбилъ ему рогъ, положилъ туда гробъ съ тѣломъ своей сестры и отпустилъ животное. ¹⁾

Тюркскій варіантъ записанъ г. Радловымъ въ Алтаѣ (Proben I, 12—28). Братъ называется Алтаинъ-сайинъ-саламъ; сестра

¹⁾ И здѣсь сказка какъ будто приходитъ къ похоронной темѣ.

не названа; вмѣсто трехъ дочерей Эсэгэ-малана она высва-
тывается за себя дочь Кюнъ-хана (солнца-царя) и дочь
Ай-Кана (Мѣсяца-царя). Въ „Верхоянскомъ Сборникѣ“ (За-
писки Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в.
3, стр. 110—111) помѣщена сказка, въ которой сынъ для
оживленія убитаго отца поочередно сватается за трехъ дѣ-
вицъ: за дочь звѣзды Чолбонъ (Венеры), за дочь созвѣздія
Юргаль (Плеядъ) и дочь мѣсяца; онъ привозитъ трехъ женъ
въ свой домъ и онѣ оживляютъ умершаго, трижды перелетая
черезъ него (почти тѣмъ же манеромъ мертвый братъ ожив-
ляется въ бурятской и алтайской сказкахъ; дочери Эсэгэ-ма-
лана пересказываютъ чрезъ него). Такое далекое распростра-
неніе этого сюжета отъ Алтая до Верхоянска говоритъ о его
древности.

Эта сказка кромѣ двухъ приведенныхъ эпизодовъ изъ
Thaten: 1) испытаніе пола и 2) освобожденіе Гэсэра изъ жи-
вотнаго состоянія (въ бурятскомъ вариантѣ г. Хангалова об-
ращенія въ животное нѣтъ, а вмѣсто того стоитъ только по-
мраченіе ума)—соприкасается съ Гэсэромъ еще въ третьемъ
мѣстѣ. Именно, вслѣдъ за рассказомъ объ обращеніи Гэсэра
изъ осла въ прежній видъ, въ Thaten идетъ рассказъ о ма-
тери Гэсэра, душа которой очутилась въ аду. Гэсэръ отправ-
ляется искать ее, находитъ, садитъ на своего коня и отправ-
ляетъ ее изъ ада. Здѣсь душу матери у коня принимаютъ
три сестры Гэсэра, которыя относятъ ее на небо и дѣлаютъ
царицей всѣхъ дакини (Thaten, S. 286), т. е. надо понимать,
возвращаютъ отъ смерти къ жизни¹⁾. Въ бурятскомъ вариантѣ
самого Гэсэра выводятъ изъ состоянія помраченія три сестры
Гэсэра, которыхъ бурятскій текстъ называетъ Хунеръ-бур-
ханъ. Этотъ послѣдній эпизодъ того же круга представленій,

¹⁾ Это превращеніе совершается въ три приѣма; сначала душа Гэсэровой
матери принимаетъ образъ безчисленныхъ буддъ, потомъ становится камнемъ
вайдурия (лапись-лазури) и наконецъ царицей дакини. Въ тюркобурятской
сказкѣ возвращеніе богатыря къ жизни тоже производится въ три приѣма: сна-
чала скачетъ черезъ него одна дѣвица, потомъ другая, потомъ третья; сначала
кости его одѣваются мясомъ, послѣ втораго скачка онъ какъ будто только
спитъ, послѣ скачка третьей дѣвицы пробуждается. Въ Thaten скаканье дѣ-
вицъ замѣнено чтеніемъ ламами молитвъ, бубнами и курительными свѣчами.

въ которомъ сложилась тюрко-бурятская сказка и вѣрованіе о трехъ сестрахъ, одаренныхъ способностью возвращать жизнь умершимъ.

Мы имѣемъ теперъ четыре варіаціи: 1) Ставръ Годиновичъ, 2) Александръ von Metz, 3) Гэсэръ-ханъ и 4) тюрко-бурятская сказка о сестрѣ-богатырѣ. Подведемъ итоги заключающихся въ нихъ параллелей.

Александръ von Metz: 1) мужъ попадаетъ въ неволю; онъ принужденъ исполнять роль рабочей скотины; 2) жена идетъ освобождать его, переодѣвшись въ мужское платье.

Гэсэръ: 1) мужъ попадаетъ въ неволю; онъ принужденъ исполнять роль рабочей скотины (булучи обращенъ въ осла); 2) жена идетъ освобождать мужа, переодѣвшись въ мужское платье.

Ставръ Годиновичъ: 1) мужъ въ неволѣ (въ темницѣ, 2) жена идетъ выручать его, переодѣвшись въ мужское платье; 3) она выдаетъ себя за посла, имѣющаго порученіе высватать невѣсту; 4) испытаніе пола.

Тюрко-бурятская сказка: 1) братъ убитъ; тѣло его заключено въ камень; 2) сестра идетъ выручать его отъ смерти, переодѣвшись въ мужское платье; 3) сватовство при дворѣ царя; 4) испытаніе пола.

Изъ этого перечня видно, что по числу параллелей къ Ставрѣ стоитъ ближе всего тюрко-бурятская сказка и что западныя редакціи не составляютъ выдѣленной группы отъ восточныхъ, такъ что наприм. западная объ Александрѣ von Metz нѣкоторыми чертами ближе къ восточной о Гэсэрѣ, чѣмъ къ западной же о Ставрѣ.

Мы сказали, что по числу параллелей русская былина ближе всего къ тюрко-монгольской сказкѣ; но между ними есть и разница, которую нужно отмѣтить; именно въ русской былинѣ освободительницей является жена богатыря, въ тюрко-монгольской сказкѣ сестра. Отмѣтимъ также и то, что въ былинѣ богатырь просто посаженъ въ темницу, а въ Гэсэрѣ—богатырь обращенъ въ животное.

Существованіе восточныхъ варіацій и отношенія ихъ къ западнымъ открываетъ новую область для поисковъ; оно при-

глашаетъ искать ключъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи русскаго былиннаго эпоса между прочимъ и въ степномъ ордынскомъ эпосѣ. Если окажется, что степной фольклоръ былъ только посредникомъ (какъ думалъ г. Стасовъ) или даже если онъ представляетъ только параллельную вѣтвь въ общемъ потокѣ распространенія эпическихъ темъ (согласно мнѣнію г. Веселовскаго), то и въ этомъ случаѣ онъ можетъ служить пособіемъ въ разъясненіи темнаго вопроса, о происхожденіи нашихъ былинъ.

Еслибъ дальнѣйшія разысканія поставили русскій былинный эпосъ въ болѣе тѣсную связь со степнымъ, еслибъ Стасовская гипотеза о нашемъ заимствованіи эпоса у тюрко-монголовъ оказалась въ извѣстномъ смыслѣ вѣроятною, я бы предложилъ для имени Ставръ, Ставеръ, Ставерха такое разложеніе: С—тавер—ха. Первый членъ „С“ можно принять за остатокъ отъ тюрской былинной формы Ось или Ась, которая встрѣчается въ сложныхъ именахъ, какъ наприм. Ось-Джанибекъ (Radloff, Proben, III, стр. 89; въ моихъ очеркахъ II, 158: Ась-Джанибекъ), Ёсь-Темиръ (у Радлова, кажется въ томъ же томѣ). Что эта форма распространялась далеко на западъ, до русскихъ предѣловъ, показываетъ названіе города Астрахани. Таже форма, вѣроятно, стоитъ и въ парномъ: Ись-табанъ, Джась-табанъ; такъ называются нѣкоторые киргизскія поколѣнія (Очерки, II, 5 и 6); вмѣсто Ись-табанъ киргизы произносятъ иногда Стабанъ. Послѣдній, т. е. третій членъ—„ха“ можно истолковывать, какъ усѣченное „Ханъ“ въ родѣ того, какъ монголы вмѣсто „субурганъ“ (башня), „адзырганъ“, (жеребецъ) произносятъ: субурга, адзырга. Отбросивши эти два члена первый и послѣдній, мы получаемъ форму Таверъ или Тавръ. Еслибъ эту форму можно было сблизить съ именемъ другого русскаго богатыря Добрыни, то мы получили бы къ темамъ былинны о Ставрѣ новое дополненіе противъ выставленныхъ восточныхъ параллелей, на недостатокъ которыхъ въ былинѣ о Ставрѣ указано выше. Добрыня обращенъ въ животное (въ тура); объ освобожденіи его хлопчуть или мать и его *сестра* или (въ одномъ кажется вариантѣ) мать и жена. Въ своей статьѣ о Гэсэръ (Вѣстн. Евр., 1890, сентябрь) я сблизалъ этотъ эпизодъ о Добрынѣ съ

тѣмъ же отрывкомъ изъ монгольскаго сказанія, который въ этой статьѣ мы сопоставили съ былинной о Ставрѣ.

Въ „Thaten“ Аджу-мергентъ для окончательнаго отвороченія Гэсэра изъ ослинаго состоянія обращается къ помощи своего отца, царя драконовъ; въ разсказѣ, слышанномъ мною отъ ордынскаго монгола Пунцука—къ Хормустѣ; въ бурятскомъ вариантѣ жена Гэсэра обращается къ помощи небесной бабушки Анзанъ-Гөрмё, которая соотвѣтствуетъ Ане Гома, небесной матери Гэсэра тангутской версіи. Слѣдовательно, соотвѣтствіе между Добрыней и Гэсэромъ въ этомъ пунктѣ есть: и о Гэсэрѣ хлопсчутъ двѣ женщины. Изъ этихъ сопоставлений какъ бы слѣдуетъ, что Ставръ и Добрыня одно лицо и что въ обоихъ мы имѣемъ отраженіе Гэсэра.

Василиса называется „посломъ земли Гленскія“ (Рыбн., I № 41). Въ тангутской версіи именемъ Глынъгъ называется страна, въ которой живетъ и владычествуетъ Гэсэръ; самъ онъ по этой странѣ называется Глынъгъ-Гэсэръ-чжаву т. е. „глынъгскій Гэсэръ царь“. Когда я записывалъ Гэсэра отъ тангутовъ Амдо, мои разсказчики произносили это имя такъ, что слышалось—по крайней мѣрѣ для моего уха—или Глынъгъ или Гланъгъ; иногда первый звукъ г не было слышно; слышно было только Лынъгъ или Ланъгъ; не произносилось, какъ носовой звукъ, но иногда и твердо, особенно въ формѣ Глыннга. Это Глынъгъ или Гланъгъ вѣроятно таже форма, которая при дается и легендарному тибетскому царю Ланъ-Дарма (glang Darma у Шмидта, Gesch. d. Ost.—Mongolen St. Ptb., S. 362, прим. 46). Ланъ-Дарма или Ланъгъ-Дарма—нечестивый царь съ бычьими рогами на головѣ, къ которому привязана тема о царѣ Мидасѣ (о царѣ съ ослиными ушами). Ту же тему киргизы на Иссыкъ-кулѣ связали съ именемъ Джанибекъ (см. въ Запискахъ И. Р. Геогр. Общ., 1861 г., статью Голубева: „Отрывокъ изъ путешествія въ Среднюю Азію. Заилійскій край. Стр. 113—114). Этотъ иссыкъ-кульскій нечестивый Джанибекъ съ ослиными ушами вѣроятно тоже лицо, имя котораго мы встрѣчаемъ съ прибавкой ось или ась: Ось-Джанибекъ или Ась-Джанибекъ. Можетъ быть будутъ записаны киргизскія легенды о царѣ съ ослинными ушами такія, въ которыхъ онъ будетъ названъ не просто Джанибекомъ, а Ось-

Джанибекомъ ¹⁾. Еслибъ дѣйствительно подтвердилось, что Гленская, Галанская, Галацкая земля ²⁾ произошла отъ Глынга или Гланга, это значило бы, что на Русь заходили съ востока и тибетскія версія Гэсэра ³⁾.

Г. Потанинъ.

¹⁾ Членъ „лангъ“ встрѣчается и въ соединеніи съ тюркской формой Темиръ, но только на западѣ. Это Лангъ-Тамеръ или Аксакъ-Темиръ, Аксакъ-Темуръ. Съ этимъ именемъ связаны нѣкоторыя легенды (см. Гакстгаузенъ, Закавказскій край, ч. I, стр. 158; Сборн. свѣд. о кавк. горн., в. VI, ст. „Чеченск. племя“, стр. 41; в. VIII, ст. „Ингуши“, стр. 20; ср. также у Brosset Hist. de la Georgie, P. I, t. II, p. 650); у осетинъ Аксакъ-Темуромъ назыв. Полярная Звѣзда; легенду у ней см. у Вс. О. Миллера, Осетинск. Этюды, II, стр. 300. У г. Радлова (Prob., IV, 307). Аксакъ-Темиръ мальчикъ, который избѣжалъ всеобщаго избіенія младенцевъ, совершавшагося по требованію Цѣдей - хана. Эта послѣдняя легенда приводитъ насъ къ темѣ о Лакъ-Дармѣ, царѣ съ бычьими рогами (избіеніе всѣхъ мальчиковъ, которымъ по очереди приходилось брить царя).

²⁾ У Рыбн., I, 312 въ былинѣ Юнкѣ (вмѣсто Дюка) Клинъ является вмѣсто Индѣи богатой.

³⁾ У армянскихъ писателей встрѣчается Джебу-Хаганъ; такъ названъ предводитель Хазаръ, союзникъ Ираклія; см. Патканьянъ, Опытъ исторіи династіи Сассанидовъ въ Трудахъ вост. отд. И. Р. Археол. Общ., ч. XIV, Спб. 1869, стр. 69. Джаву по тибетски царь; Гэсэръ-джаву, „царь Гэсэръ“; Джаву-Ланъ-дэръ, „царь Ланъдэръ“ т. е. Ланъ-Дарма.

Станица Червленая.

Кизлярскаго Отдѣла, Терской Области.

III.

Послѣдній очеркъ мы намѣрены посвятить вѣрованіямъ и творчеству червленскихъ казаковъ.

Придерживаясь довольно крѣпко своего „древняго“ вѣроученія, казаки вмѣстѣ съ тѣмъ сохранили немало остатковъ стариннаго міровоззрѣнія, старинныхъ вѣрованій,—которыхъ мы, къ сожалѣнію, поневолѣ принуждены коснуться только слегка, за невозможностью дать болѣе полный систематическій очеркъ.

Взгляды казака на окружающій міръ и природу зачастую поражаютъ насъ своею первобытностью и свидѣтельствомъ о весьма низкой степени просвѣщенія. Традиціонный китъ, въ убѣжденіи народа, продолжаетъ поддерживать землю, производитъ своимъ движеніемъ землетрясенія, а ударами хвоста по водѣ—гулъ и шумъ, слышимые во время землетрясенія. Горы на землѣ не всегда имѣли такой видъ и размѣры, какъ теперь: по сотвореніи онѣ росли вплоть до Рождества Христова, а потомъ перестали. На концѣ земли находится каменная стѣна, за которой темнота. По формѣ земля представляется казаку въ видѣ блина.

Что касается небесныхъ свѣтилъ и явленій, то на счетъ ихъ у казаковъ или вѣтъ никакого понятія или же имъ даются своеобразныя толкованія. Такъ, напр., относительно затмѣнія солнца они не могли дать мнѣ никакого объясненія и, по обыкновенію, считаютъ его предвѣстіемъ свѣтопредстав-

ленія. Млечный путь называется у них „Бакеевой дорогой.“ Кто идетъ, руководствуясь этой дорогой, придетъ прямо на средину земли. Казаки, убѣгающіе изъ плѣна, не разъ приходили къ своей станицѣ, смотря на Бакееву дорогу. Самое это названіе, по преданію, произошло оттого, что одинъ казакъ Бакей, бывшій долго въ плѣну и рѣшившійся бѣжать, благополучно прибылъ домой, руководствуясь млечнымъ путемъ, который съ тѣхъ поръ получилъ названіе „Бакеевой дороги“. Полярная звѣзда носитъ оргинальное названіе. — „Кользвѣзда“. Созвѣздіе „Волосы Вероники“ одни называютъ „во-сожары“, а другіе „стожары“. Стихійная сила огня, проявляющаяся въ особенности въ пожарахъ, вызываетъ въ казака не только чувство страха, но даже какого-то почитанія. Пожаръ — Божье наказанье, а такъ какъ противъ Бога идти нельзя, то и такіа дѣйствія, какъ напр страхованіе отъ огня считаются предосудительными, и будто бы противъ страхованія даже „въ писаніи сказано“, хотя впрочемъ это не мѣшаетъ казакамъ принимать нѣкоторыя другія предосторожности на случай пожара. Въ числѣ противопожарныхъ средствъ считаются дѣйствительнымъ обнесеніе иконы Неопалимой купины. Существуетъ также повѣрье въ спасительность заговоровъ противъ огня; но эти заговоры извѣстны только вѣдунамъ, которые однимъ словомъ могутъ ограничить пожаръ на желаемомъ пространствѣ. Вообще вѣра въ силу слова на извѣстный случай держится у казаковъ очень твердо. Кто знаетъ такое слово, тотъ можетъ и пули хватать руками изъ-подъ выстрѣла, и владѣть неразмѣннымъ абазомъ (20 к.), который все будетъ къ нему возвращаться и т. п. Равнымъ образомъ заклятіе, наложенное на какуюнибудь вещь (напр. кладъ) грозитъ гибелью тому, кто ее тронетъ, и даже всей его семьѣ. Въ прежнее время, когда было много сторожевыхъ постовъ, нѣкоторые казаки умѣли заговаривать свой постъ, а сами спокойно отлучались по своимъ дѣламъ, потому что, по рассказамъ, никто не смѣлъ не только подходить къ самому посту, но даже приближаться къ нему безнаказанно. Заговариваютъ также змѣй и по своему желанію будто бы могутъ ихъ собирать или прогонять силою своего слова. Но перенимать отъ другихъ искусство заговаривать считается

„великимъ грѣхомъ“, потому что всякій заговоръ предполагаетъ знакомство и связь съ темной силою.

Вѣдаются съ темною силою колдуны или вѣдуны; вѣра въ нихъ очень сильна. Ихъ различаютъ два вида: вѣдуны отъ рожденія и вѣдуны отъ науки: Нѣкоторые люди получаютъ отъ рожденія власть надъ нечистыми духами, и въ 30 годамъ эта сила начинаетъ въ нихъ проявляться слѣдующимъ образомъ.

Человѣкъ, обладающій такою силой, прямо указываетъ на ту или другую женщину, что она одержана бѣсомъ и даже узнаетъ кто этого духа вогналъ въ нее. Самъ онъ только имѣетъ способность изгонять бѣсовъ. Для этого онъ даетъ что-нибудь и говоритъ, чтобы бѣсъ вышелъ черезъ какой-нибудь членъ тѣла. Иногда бѣсъ начинаетъ просить выйти инымъ путемъ (въ большинствѣ случаевъ просится будто бы выйти черезъ ротъ). Бѣсъ разговариваетъ какъ бы изнутри, въ животѣ женщины и каждый разъ приговариваетъ: „а вотъ хочеть меня выгнать, выгнать“. Послѣ настойчиваго требованія, со стороны вѣдуна, чтобы бѣсъ вышелъ въ ту или другую часть тѣла (большей частью въ ногу) эта часть начинаетъ сильно пухнуть, причемъ тотъ же голосъ кричитъ: „ахъ, подлець, выгоняетъ, выгоняетъ“... Вскорѣ опухоль уменьшается и наконецъ вполне исчезаетъ, и женщина исцѣляется. Особенное страданіе этихъ больныхъ бываетъ во время церковной службы, при пѣніи херувимской пѣсни. Ругаются самыми непристойными словами, кричатъ: „ахъ с... с... такой то мнѣ сдѣлалъ“...

Насколько считаются сильными вѣдуны, получающіе силу отъ рожденія, указываетъ одинъ фактъ, который передавали мнѣ за вѣрный. Одинъ вѣдунъ заставилъ чертей считать деревья, на одномъ изъ которыхъ онъ вырѣзалъ крестъ. Тѣ считаютъ, считаютъ, и какъ дойдутъ до дерева, на которомъ вырѣзанъ крестъ, такъ весь счетъ и позабудутъ и опять начнутъ сначала. Такъ-то онъ мучилъ бѣдныхъ чертей чуть не до измора.

Еще рассказъ. Ъхали по полю два казака (изъ нихъ одинъ былъ вѣдунъ) и три женщины. Дѣло было подъ вечеръ. Вдругъ показались 12 чеченцевъ и скачутъ прямо на нихъ. Всѣ, кс-

нечно, обмерли отъ страха, одинъ только старикъ вѣдунъ совершенно хладнокровенъ и успокоиваетъ остальныхъ. Между тѣмъ чеченцы вотъ-вотъ настигнутъ. „Ну, теперь заѣдемъ въ Балку“, произнесъ старикъ, когда чеченцы были чуть не въ десяти шагахъ. Чеченцы цѣлую ночь промучились искавши: то подойдутъ къ тому мѣсту, гдѣ казаки скрылись, то вновь отъѣдутъ, пронесутся чуть не надъ головой, а все-таки не замѣтятъ. Слышно было даже, какъ разговаривали чеченцы: „Вѣдь вонъ и слѣдъ, а ихъ нѣтъ, что за чудо!“ Они уже хотѣли ѣхать далѣе, но лошади упрямо возвращали ихъ на прежнее мѣсто. „Собака-казакъ видно мучаетъ насъ нарочно“, говорили между собой чеченцы. Только поутру старикъ отпустилъ ихъ. Эти же вѣдуны только и могутъ исцѣлять.

Другой типъ вѣдуновъ — вѣдуны „отъ науки“; эти уже не такъ сильны; они могутъ дѣлать только зло, вогнать въ кого-нибудь бѣса. Исцѣлить же они не въ состояніи. Большею частью въ вѣдуны такого типа попадаютъ люди съ неудавшейся личной жизнью, которые, желая мстить, становятся колдунами. Ихъ не мало боится казакъ, и напримѣръ на свадьбу непременно старается пригласить, чтобы тотъ изъ злости не сдѣлалъ чего-либо молодой четѣ. Особенно если нѣтъ въ станицѣ вѣдуна отъ рожденія или казакъ не знакомъ съ нимъ. Рассказываютъ такой случай: одинъ казакъ справлялъ свадьбу и не пригласилъ одного довольно извѣстнаго вѣдуна 2-го типа. Тотъ разсердился и отомстилъ довольно жестоко и еслибы случайно не попалъ въ число гостей вѣдунъ 1-го типа, то не сдобровать бы молодой четѣ. Дѣло было такъ. Послѣ вѣнчанія былъ по обыкновенію свадебный столъ. Провѣдалъ про это вѣдунъ и какъ разъ въ самый веселый разгаръ пиршества— „шашть“ въ комнату, гдѣ шелъ пиръ горой. „А, такъ вотъ вы какъ!... безъ меня захотѣли свадьбу справить! Посмотримъ!“ сказалъ онъ съ угрозой и при этомъ сурово взглянулъ на молодую чету. Вдругъ оба молодые поблѣднѣли, и припадокъ начался у обоихъ; наконецъ, они оба упали, какъ два безжизненные трупы. Страшный старикъ стоялъ у порога и съ самодовольствомъ посматривалъ на окружающую толпу, обомлѣвшую отъ ужаса. Но тутъ одинъ изъ гостей почувствовалъ свою силу „А, проклятый!“ промолвилъ онъ: „прочь отсюда!“

Старикъ почуялъ сильнѣйшаго и въ страхѣ поспѣшилъ скрыться. Новый вѣдунъ посмотрѣлъ на помертвѣвшую чету и дунулъ. Вмигъ они какъ бы оживились, скоро оправились и пиръ пошелъ по прежнему. На всякій случай вѣдунъ и на будущее время оградилъ ихъ отъ подобныхъ случаевъ.

Вообще колдуны играютъ довольно большую роль въ жизни казаковъ, и стать вѣдуномъ довольно лестно, въ смыслѣ обаятельной силы надъ суевѣрными и невѣжественными жителями.

Сообщу еще одинъ переданный мнѣ рассказъ, въ которомъ ясно вырисовывается и вѣра казака въ могучее знаніе вѣдуна, и степень участія вѣдуна въ обиходной жизни.

Въ одной семьѣ пропали золотыя серьги когда никто не входилъ въ хату и дома въ это время была одна сноха, которая пользовалась полнѣйшимъ уваженіемъ со стороны всѣхъ домашнихъ, какъ личность вполне безупречная въ нравственномъ отношеніи. Но обстоятельства такъ сложились для нея неблагоприятно, что по всѣмъ даннымъ она должна была быть признава виновницей. Скоро слухъ облетѣлъ всю станицу, и пошли суды и пересуды.

Вѣдая женщина, не сознавая за собою никакого проступка, впала въ отчаяніе отъ такого срама и готова была лишиться себя жизни. Отецъ, сѣдой почтенный старикъ, не менѣе дочери былъ встревоженъ. Позоръ дочери, былъ позоромъ и той семьѣ откуда она была. Глубоко увѣренный въ правоту своей дочери онъ всячески измышлялъ способы, чтобы какъ нибудь выяснить темное дѣло, освободить отъ злыхъ навѣтовъ и дочь и свою семью. Но всѣ домашніе способы были испробованы; слѣдили уже за извѣстными лицами, спрашивали у духанщика (кабатчика), не закладывалъ ли кто серьги, не продавалъ ли. Но слѣда не было. Тогда старикъ рѣшился пойти къ колдуну и узнать, кто былъ виновникомъ воровства. Какъ ни считалъ онъ это грѣховнымъ дѣломъ, но нужно было рѣшиться, чтобы узнать правду. Въ станицѣ славился одинъ изъ колдуновъ, отличавшійся большой способностью указывать воровъ. И вотъ старикъ, захвативъ съ собою внука, сына дочери, мальчика лѣтъ 9, отправился къ колдуну и просилъ открыть истину. Колдунъ соглашается и проситъ ста-

рика уйти из избы в другую, онъ будетъ гадать и посторонніе при этомъ не должны присутствовать. Старикъ вышелъ, а внуку приказалъ забраться на печь, чтобы не мѣшать... Вскорѣ къ колдуну явились подчиненные ему черти, и онъ началъ спрашивать ихъ, кто укралъ серьги. Они отвѣчали, что серьги никѣмъ не украдены, а упали со стола, и свинья вмѣстѣ съ объѣдками проглотила ихъ. Но, открывая истину, черти тѣмъ не менѣе просили колдуна указать на сноху въ надеждѣ, что она въ отчаяніи лишитъ себя жизни, и душа ея попадетъ въ адъ. Колдунъ позвалъ старика... „Да что братъ дѣлать, серьги то вѣдь твоя дочь украла“. Поблѣднѣвъ, затрясся старикъ, не ожидавшій такого удара. Вернулся отъ колдуна и прямо къ дочери: „Подлая!.. опозорила себя да и семью!“ Несчастная женщина не могла вынести такого удара и, схвативъ ножъ быстро помчалась вонъ. Но ее успѣли во время предупредить. Вдругъ мальчикъ подбѣжалъ къ дѣду и говорить: „а вѣдь серьги-то свинья съѣла“, и рассказалъ, какой разговоръ слышалъ онъ, когда былъ съ дѣдомъ у колдуна. Зарѣзали свинью и дѣйствительно нашли у нея въ желудкѣ серьги.

Есть повѣрье, что воры могутъ съ успѣхомъ воровать, запасшись свѣчкой изъ человѣческаго жира.

Свои дѣйствія нечистая сила проявляетъ и непосредственно, безъ участія вѣдуновъ. Такъ, напр., иной разъ въ степи „онъ“ захочетъ пошутить и начнетъ водить путника. Обыкновенно случается это такъ, что когда человѣкъ заблуждается, то показывается огонекъ, привѣтливо мелькающій вдали. Усталый измученный путникъ съ радостью направляется на обманчивый огонекъ, но огонь ни чуть не ближе, и нерѣдко такъ цѣлую ночь проблуждаетъ онъ понапрасну, а то еще заберется въ такую глушь, что и выбраться трудно.

Укажемъ отрывочно еще на нѣкоторыя повѣрья, впрочемъ, не безызвѣстныя. Есть вѣрованія въ летающихъ огненныхъ змѣевъ. Они описываются такъ: голова круглая, крылья огненные, летить зигзагами, потомъ рассыпается. Ихъ отличаютъ отъ падающихъ звѣздъ.

Бываютъ случаи летаргіи, называемой „обмираніемъ“. Повѣрье въ этомъ случаѣ то, что душа оставляетъ человѣка

и путешествуетъ, руководимая ангеломъ по загробному міру. Ожившая послѣ обмиранія на всѣ вопросы даетъ обыкновенно отвѣты общаго характера: „была на томъ свѣтѣ; однимъ хорошо, другимъ очень плохо; есть мѣста свѣтлыя, пріятныя, есть мѣста теплыя“. Больше обыкновенно ничего не говорить, мотивируя отказъ тѣмъ, что они не могутъ сказать болѣе того, что сказано; въ противномъ случаѣ ихъ постигнетъ смерть.

Передадимъ теперь подробнѣе нѣсколько отдѣльныхъ легендъ, указывающихъ также съ одной стороны на тѣ или другія вѣрованія казаковъ, а съ другой характеризующія мѣстное народное творчество.

Разрытый курганъ. Когда въѣзжаешь въ станицу, видѣется высокій курганъ, на двое раздѣленный. Это курганъ особенный. Тамъ много денегъ скрыто, хотя часть ихъ уже и взята казаками донцами,—это было давно. Носились слухи, что этотъ курганъ нечистый, что въ немъ по временамъ какъ бы что-то звучитъ. Около этого кургана трава всегда росла самая лучшая, шелковистая, мягкая, словно посѣянная. Ну и понятно, что это мѣсто любили пастухи и всегда гоняли скотъ сюда. Былъ одинъ пастухъ бѣднякъ. Чуть-ли не съ малыхъ лѣтъ онъ занимался пастушествомъ и кромѣ дырявыхъ шароваръ, старой грязной рубахи, да полуразвалившейся хаты ничего не имѣлъ. Однажды онъ заночевалъ около этого кургана, прилежъ и вздремнулъ,—собаки около него. Ночь темная. Вдругъ собаки тревожно залаяли, чуткій старикъ тотчасъ же встрепенулся и началъ всматриваться туда, гдѣ лаiali собаки; ничего не видно. По казачьему обычаю приложилъ онъ ухо къ землѣ и дѣйствительно, услышалъ не то какой то гулъ, не то шумъ. „Ну должно быть, казачья сотня ѣдетъ,“ подумалъ старикъ. „А что коли не сотня, а чечня проклятая!“ А время тогда было тяжелое, смутное: не разъ и не два чечня проклятая угоняла стадо. Затревожился бѣдняга, перекрестился, наладилъ свою кремianку и думаетъ: ну, что будетъ то будетъ,—приготовился и ждетъ. Вскорѣ показались четыре тѣни всадниковъ, которые быстрымъ шагомъ ѣхали по направленію къ кургану. Это были казаки-донцы съ длинными пиками. Вскорѣ они подъѣхали къ старикѣ; поздоро-

вались и стали расспрашивать, не знаетъ ли онъ про курганъ, большой, самый высокій, гдѣ, какъ рассказываютъ, скрытъ кладъ. Старикъ удивленно поглядывалъ на нихъ. „Да вы откуда?“ спросилъ онъ наконецъ. „Мы казаки съ Дону,“ послѣдовалъ отвѣтъ. „Однажды ночью мы всѣ четверо услышали во снѣ голосъ, призывавшій насъ поѣхать сюда, отыскать этотъ курганъ и тутъ взять кладъ. Мы первое время не обратили вниманія, но потомъ это повторялось до трехъ разъ, послѣ чего мы рѣшились отправиться сюда.“ „Да курганъ самый большой этотъ вотъ и есть“, сказалъ старикъ. Казаки попросили старика отойти немного въ сторону, выстроились и сдѣлали залпъ. Вдругъ что-то зашумѣло, зазвенѣло. Курганъ разсѣлся на двое, и изъ него выкатился сундукъ. Одинъ изъ казаковъ ударилъ шашкой, крышка отлетѣла, и цѣлыя груды золота и серебра открылись предъ удивленными казаками. Они стали набирать въ сумки, въ карманы, всюду поналожили, а золота еще и половины не выложили, „Бери старикъ себѣ,“ сказали они удивленному пастуху. Тотъ глазамъ своимъ не вѣрить. Никогда не мерещилось ему имѣть столько денегъ, да при томъ совершенно неожиданно. Онъ наложилъ свою сумку, накаталъ запазуху. Послѣ этого казаки вновь выстроились и вновь сдѣлали залпъ. Опять шумъ, грохотъ какой то, и курганъ вновь заровнялся, сундукъ скрылся. „Ну, будь здоровъ!“ сказали казаки и поѣхали назадъ. На слѣдующій день приносить домой старикъ золото и рассказываетъ жителямъ станицы происшедшей случай и какъ онъ досталъ денегъ. И вотъ рѣшились попробовать счастья всею станицею. Собрались, пошли къ кургану и стали копать; вскорѣ разрыли его на половину, но кромѣ костей да стариннаго оружія ничего не нашли. Потомъ еще нѣсколько разъ составлялась компанія, но все безъ результата, а курганъ съ того времени получилъ названіе „разрытаго.“

2) *Постройка мельницы.*—„А что, какъ вамъ извѣстно, спрашиваетъ у меня разъ казакъ, кто построилъ мельницу?“— „Да кто же, какъ не люди“,—отвѣтилъ я.—„Вотъ то-то и нѣтъ! Мельницу построилъ чертъ съ Христомъ. Дѣло было такъ. Видитъ чертъ, что люди много трудятся, чтобы хоть какъ-ни-

будь молоть хлѣбъ, да и задумалъ устроить мельницу, а за помолъ рѣшилъ понемногу привлекать къ себѣ души. Запрудилъ рѣчку, построилъ плотину, выстроилъ и для мельницы зданіе; однимъ словомъ, устроилъ все, осталось только сдѣлать колеса. Чертъ узналъ, какъ ихъ сдѣлать, да не смѣлъ, такъ какъ въ каждомъ колесѣ непременно есть крестъ, а крестъ черту не въ моготу сдѣлать. Сѣлъ у моста и тяжело задумался: „Неужели все дѣло должно пропасть? Столько трудился“... На ту пору шелъ Христось. Видитъ, что чертъ такъ задумался, и спросилъ, что это значить. Тотъ и сказалъ про свое горе. „Ну это дѣло поправимое“, замѣтилъ Христось, и сдѣлалъ колеса. Наладили мельницу. Вотъ чертъ и просить у Христа назначить ему хоть что-нибудь за труды, и рѣшили вотъ на чемъ: все краденое—черту; мельникъ ли больше возьметъ, чѣмъ слѣдуетъ, или мужикъ утаитъ и скажетъ не столько сколько хочетъ молоть, или, воспользовавшись отсутствіемъ мельника, всыплеть еще, не заплативъ условной платы,—все это черту. На томъ покончили. И такъ чертъ всегда въ мельницѣ сидитъ и сторожить свою добычу.

3) *Смерть чертовой тещи*.—„Теперь курящіе не въ почетѣ у черта, — сказалъ мнѣ однажды казакъ, — теперь нюхающіе у него въ почетѣ“. Я сталъ разспрашивать казака, что онъ хочетъ этимъ сказать, и вотъ что я услышалъ отъ него.

Курящіе потеряли славу у черта по слѣдующему случаю. У черта умерла теща; на похороны онъ сталъ собирать своихъ душевныхъ пріятелей „курящіе, конечно, были самые первые гости. Пришли курильщики пожалѣли немного, поговорили, ну а потомъ „завели свои машины“, сидятъ да покуриваютъ. Чертъ видитъ, что сочувствія его горю въ нихъ не встрѣтилъ, разсердился и прогналъ всѣхъ. Позвалъ нюхальщиковъ. Тѣ пришли, по обычаю поговорили, ну а потомъ зарядили свои носы чуть ли не по цѣлой горсти, — слезы у всѣхъ на глазахъ. — „Ну вотъ, мои дорогіе гости“. И съ тѣхъ поръ нюхающіе въ первомъ почетѣ у черта“.

4) *Происхожденіе табака*. Табакъ произошелъ отъ блудной дѣвки. Дѣло это было тогда, когда народъ былъ строгій и суровый. Одна дѣвка согрѣшила; ее убили и закопали при дорогѣ, далеко отъ селенія. Она недостойна была того, чтобы

похоронить ее со всѣми на кладбищѣ. Прошло много времени; на могилѣ выросла какая-то особенная трава съ широкими листьями. Шелъ путникъ и чертъ надоумилъ его сорвать листикъ травки; свернулъ, зажегъ, и ему понравилось. Ему захотѣлось вырыть траву съ корнемъ. Сталъ рыть; рылъ, рылъ и дорылся; корень-то какъ разъ выходилъ изъ с...ля. Такъ вотъ она откуда, эта травка-то поганая!..

Вслѣдъ за преданіями приведу кстати и нѣкоторыя пѣсни, записанныя мною. Одну изъ особенностей мѣстнаго пѣсеннаго творчества составляетъ между прочимъ стремленіе поющихъ подыскивать въ своей мѣстной жизни факты, подходящіе къ содержанію пѣсни, и ими даже объяснять самое происхожденіе пѣсенъ. Считаю нужнымъ оговориться, что записанныя мною пѣсни составляютъ лишь небольшую часть того довольно богатаго репертуара, который находится въ обращеніи у червленцевъ и въ сосѣднихъ станицахъ.

На зарѣ было, на зоренькѣ, на зарѣ было на утренней,
 Со восходу солнца яснаго, изъ далеча прекраснаго.
 Высоко звѣзда всходила,
 Выше лѣсу, выше темнаго, выше садика зеленаго.
 За турецкой славной областью, за султанскими воротами,
 Тамъ стояла темная темница.
 Во темницѣ двери мѣдныя, а рѣшеточки желѣзныя,
 А въ замочкахъ полтора пуда, а въ ключикахъ 36 фунтовъ.
 Во темницѣ добрый молодецъ сидѣлъ.
 Онъ не годъ, не два сидѣлъ, просидѣлъ онъ 33 года,
 Запустилъ свою бородушку ниже пояса шелковаго,
 Черны кудри помогучіи плеча...
 Ты султанъ, ты султанушка, ты султанское величество,
 Прикажи меня кормить, поить, прикажи на волю выпустить.

Напишу я на Донъ грамоту, призову своихъ казаченекъ.
 Я всю Турцію повырублю, да тебя, султанъ, во плѣнь возьму,

Посажу тебя въ темницу.
 Во темницѣ двери мѣдныя, а рѣшоточки желѣзныя,
 А въ замочкахъ полтора пуда, а въ ключикахъ 36 фунтовъ.

Да не далъ бы тебѣ ни ѣсть, ни пить
Голодной смертью заморить.

Вы туманы, вы мои туманушки, вы откройтесь до синя
моря,

Откачнися. моя грусть тоска, отъ ретиваго моего сердца.
Мнѣ вечеръ доброму молодцу спалось, во снѣ видѣлось,
Во-снѣ видѣлось нехорошо, будто я лежу на дальней
степи.

Сквозь частыхъ моихъ ребрушекъ да трава—мурава на-
росла,

На моей буйной головушкѣ часть раки товъ кустъ вы-
росъ;

Какъ на этомъ на кустиѣ молодой соловьюшко гнѣздо
совивалъ,

Да малыхъ дѣтушекъ, да дѣтей выводилъ,
Выводилъ дѣтей да на волю выпускалъ...

Продолженія пѣсни я не слышалъ; вѣроятно, этимъ и кончается. Поется она протяжно на мотивъ русской пѣсни: „Ахъ не одна во полѣ дороженька пролегала,“ съ частыми повтореніями нѣкоторыхъ словъ, и такую безысходную грусть-тоску навѣваетъ, что и у пѣвца и у слушателей то и дѣло навертываются слезы. Эта пѣсня вполне выражаетъ то странное настроеніе духа, которое охватываетъ человѣка въ степи во время страшныхъ влажно-холодныхъ тумановъ, въ которыхъ въ пяти шагахъ ничего не видно. Какъ будто какая то блѣсоватая пелена окутала землю: и свѣтло и ничего не видать. Обращеніе пѣвца къ этимъ туманамъ въ началѣ пѣсни является вполне естественнымъ.

Полно вамъ, снѣжочки, на талой землѣ лежать,
Полно вамъ, казаченьки, горе горевать.
Оставимъ тоску печаль во темныхъ лѣсахъ,
Станемъ привыкать къ азіатской сторонѣ,
Станемъ уважать (угождать?) чужой молодой женѣ.
Съ дѣвками, съ молодками полно пить гулять,
Перины подушечки пора намъ забывать,
Чекменикъ, бешметикъ намъ не надобно складать,
Еще бы намъ не забыть про коней вороныхъ,

Вспомнимъ про военное братцы, житье-бытье,
 Казачье житье молодеческое.
 У казака черна бурочка,
 Жена молодая, что берданочка,
 Въ случаѣ на тревогу, чтобы заряжена была.
 Скинемъ по денежкѣ, пошлемъ за винцомъ,
 Каши наваримъ что и хлѣба напечемъ,
 Ходя поѣдимъ, стоя выспимся,
 По утру встаемъ, росой умываемся,
 Скинемся по денежкѣ, пошлемъ за винцомъ
 Выпьемъ мы по рюмочкѣ, позавтракаемъ,
 Выпьемъ по другой, разговоры заведемъ,
 Мы по третьей—съ горя пѣсни запоемъ
 Мы поемъ, поемъ про наше житье-бытье про казаческое.

Это любимая пѣсня молодыхъ казаковъ. Игривый мотивъ и содержаніе указываютъ на веселое, слегка безпечное, отношеніе молодежи къ тревожной казаческой жизни.

Не во полѣ полюшкѣ выросло древо,
 Ой выросло древо.
 Выросло древо, братецъ, тонко, высоко,
 Корнемъ глубоко, братецъ, листомъ широко,
 Ой, листомъ широко.
 Какъ подъ этимъ деревцемъ выросла трава,
 Ой, выросла трава.
 Выросла трава, братецъ, трава-мураван,
 Трава-муравая, трава шелковая,
 Ой, трава шелковая.
 Какъ на этой травушкѣ расцвѣли цвѣты,
 Расцвѣли цвѣты, братецъ, все лазоревые.
 Ой, какъ на этихъ цвѣтикахъ разбитой шатерьъ,
 Разбитый шатерьъ, братецъ, шатерь уолотень.
 Какъ во этомъ шатрикѣ разосланъ коверъ,
 Разосланъ коверъ, братецъ, коверъ моховой.
 Какъ на этомъ коврикѣ два стула стоятъ,
 Два дубовые, братецъ, два точеные,
 Два точеные, позлаченные.
 Ой, какъ на этихъ стуличкахъ два братца сидятъ.

Два братца сидятъ, два родимые.
 Ой, какъ наименшій братецъ рѣчи говорить:
 По чтоже ты, братецъ невеселъ сидишь?
 Али тебѣ братецъ, служба не мила?
 На чужой сторонущкѣ умѣючи жить, братецъ, покорному
 быть.

А твоя головушка непокорная, непокорная, братецъ,
 непоклончивая.

Славный, пышный, быстрый Терекъ,
 Ты природныхъ (?) здѣшнихъ мѣстъ,
 Скоро выйду я на твой на берегъ, обращу печальный
 взоръ.

Я служилъ царю душою и твой берегъ охранялъ,
 И теперь я очень смѣло помереть въ бою готовъ.
 Гдѣ и жизнь моя отрада, гдѣ былъ я въ молодыхъ годахъ,
 Гдѣ душа моя была изъ млада, я увивался въ берегахъ.
 Славный, пышный, быстрый Терекъ прорылъ горы и лѣса,
 Прорви этотъ берегъ, унеси меня съ собой

Эта пѣсня, повидимому позднѣйшаго происхожденія, по смыслу не много туманна. Мнѣ кажется, можно дать такое объясненіе. За Терекѣмъ начинаются хорошія мѣста для пашни, для хозяйства, и въ старину Гребенцы и въ частности Червленцы владѣли этой землей. Но когда они переселились на другую сторону, то земля по ту (правую) сторону Терека вся осталась за чеченцами. Теперешніе казаки очень жалѣютъ объ этомъ и часто говорятъ, „сколько лѣтъ мы держали Гребень за собой, охраняли и Терекъ, а земли намъ такъ не дали и отъ Терека пришлось уйти“.

Полюбила только молодца, начала по немъ тужить,
 Да тутъ люди всѣ узнали и сосѣди говорятъ:
 Стыдно, стыдно дѣвченокѣ, стыдно молодца любить,
 А еще того стыднѣе, поздно вечеромъ ходить.
 Застыдывалась дѣвчоночка, стала плакать и рыдать.
 Молодцу жалко стало, сталъ дѣвченку унимать:
 Не плачь, не плачь, дѣвченокча, не плачь, милая моя,
 Разгорится мое сердце, возьму замужъ за себя,
 Разгорится ретивое, повѣнчаемся съ тобой.

Я умру жива не буду, я на гробъ напишу:
 Ужь вы, кумушки—голубушки, вы не дѣлайте того,
 Вы не дѣлайте того, не любите никого,
 Ни армяневъ, ни купцовъ, ни офицеровъ—подлецовъ.
 Подлюбите вы, подруженьки, гребенскихъ-то казачковъ.
 Гребенскіе казачки на все войско молодцы,
 На все войско молодцы, всѣмъ чеченцамъ куначки
 (пріятели).

Разсказываютъ, что въ основу этой пѣсни положено дѣйствительный фактъ изъ мѣстной жизни: Одна дѣвушка была влюблена въ какого-то офицера, который общалъ на ней жевиться, но потомъ обманулъ. Общественное мнѣніе, о которомъ упоминается въ началѣ пѣсни, сильно давало себя знать дѣвушкамъ. Къ счастью, она, все таки успѣла выйти замужъ за одного парня и будто-бы сочинила эту пѣсню и даже подобрала мотивъ. Теперь эта пѣсня довольно распространена.

На горѣ высокой два креста стоятъ,
 Подъ доской дубовой два дружка лежатъ.
 Подходила дѣвица, спрашивала:
 Нѣтъ ли между вами дружка моего?
 Могила и отвѣчала: нѣту здѣсь его;
 Другая повторала: забудь про него.
 Заплакала дѣвица, въ зеленъ садъ пошла,
 Горючей слезою груди залила.
 Зеленый садочекъ, что жъ ты не цвѣтешь?
 Молодой соловушка, что-жъ ты не поешь?
 Радъ бы пѣсни я пѣть, да голосу нѣтъ;
 Леталъ бы по волюшкѣ, да волюшки нѣтъ;
 Клевалъ бы я зернышки, да зернышекъ нѣтъ;
 Пилъ бы я водицу, да водицы нѣтъ.

Еще варіація:

Леталъ бы по воздуху, да силушки нѣтъ.
 Сизыя крылушки обрубилъ, да рѣзвыя ноженьки обломили.
 Лети, мой соловьюшко, лети поскорѣй,
 Золотая клѣточка, умертвить тебя.

Во лѣсочкѣ комарики сильно уродились;
 Почто сильно уродились?—дѣвки удивились.
 Вечоръ ко мнѣ молоденькой сизъ голубчикъ прилеталъ:
 Онъ тоскуетъ и воркуетъ меня молодую будить:
 Встань, дивчина, встань, любимая, встань, моя радость.
 Красна дѣвица вставала, двери отворяла,
 Двери отворяла, милаго впускала.
 Взяла его за рученьку, повела во комнатку;
 Взяла его за другую, повела его въ любую.
 Вышелъ миленькій плясать, себя показать;
 Махнулъ своей черной шалью—зеркальце упало:
 Пошелъ стукъ, пошелъ громъ по всей моей спальнѣ.
 Всѣ люди узнали, маменькѣ сказали;
 Посылаетъ ко мнѣ мать вѣрную служанку.
 Сударыня, боярыня, что здѣсь случилось?
 Скажи: кошечка блудлива на стѣнку прынула, зеркальце
 упало:
 Пошелъ стукъ, пошелъ громъ по всей моей спальнѣ...

Лѣтъ 16-ти дѣвченка, во деревнѣ возрасла,
 Отца съ матерью не знала, сиротою возрасла.
 Волга рѣченька глубока, прихожу къ тебѣ съ тоской.
 Мой сердечный другъ далеко, ѣдетъ миленькій водой,
 А я крутымъ бережкомъ, машетъ миленькій платкомъ:
 — Позволь милая жениться, ты раздущечка моя.
 Да, на—вотъ тебѣ невѣста, а мнѣ женихъ—черный гробъ;
 И тебя ведутъ къ вѣнчанью, меня несутъ погребать;
 На тебя вѣнецъ надѣвуть, мнѣ трипѣнье пропоютъ.
 Ты того не стерпишь пѣнья, ты ко гробу подойдешь
 И откроешь грудь дѣвицы и слезами обольешь.
 И поплачешь, и потужешь, погорюешь одинокъ.

Горѣла горѣлочка восковая,
 Ждала, ждала дѣвица удалаго къ себѣ молодца;
 Ложилася спать одна, безъ милаго безъ дружка.
 Какъ на утренней зоренькѣ вдоль по улицѣ милый прошелъ
 Да любимую пѣсенку на свисточкѣ просвисталъ:
 Да спишь-ли ты, дѣвица, на умѣ кого держишь?

— Да я спать не сплю, дѣвица, на умѣ тебя держу.
 Да почто-же ты, молодецъ, не во время ко мнѣ пришелъ?
 Ни за тѣмъ, ни за сѣмъ, дѣвица, призамѣшкаться я въ домѣ
 Да съ угрюмой женишкой я въ побранницахъ съ нею
 бываль.

— Да убей, убей, молодецъ, ты угрюмую свою жену.
 — Да глупая ты, дѣвица, не разумныя твои слова:
 Я съ тобою, дѣвица, одну ночьку ночеваль,
 А съ угрюмой женишкой да мнѣ съ ней вѣкъ вѣковать...

Какъ звѣздочка блеснула на небѣ голубомъ,
 И самъ король плѣнился дѣвицей молодой.
 — Дѣвица молодая, полюби ты меня,
 Отдамъ тебѣ полцарства и перстень золотой.
 — Не надо мнѣ полцарства и перстень золотой, —
 Отдай своей царицѣ прекрасной, дорогой.

Какъ звѣздочка блеснула на небѣ голубомъ,
 И самъ король плѣнился дѣвицей молодой.
 Дѣвица молодая, ты полюби меня,
 А если не полюбишь, казнить велю тебя.
 — Казните, какъ хотите, любить васъ не могу;
 Дѣвицей родилась, дѣвицей и умру.

Ну, что это за милый, за раздупечка!
 Вложилъ мысли въ мое сердце, не могу забыть.
 — Поѣдешь ты въ дальнюю службу,
 Миленькій, возьми меня съ собой,
 Назови сестрицею родной.
 — Глупая ты, красная дѣвица!
 Всѣ знаютъ полка полковники,
 Всѣ знаютъ войска старинушки:
 Нѣтъ у меня сестрицы—дѣвицы;
 Есть у меня жена молодая,
 И та со мной не въ союзѣ живетъ.

Во горенкѣ во новой стоитъ столъ дубовой ¹⁾,
 На столѣ дубовомъ стоитъ кубчикъ золотой,
 Полонъ меду налитой.

¹⁾ Величальная.

Да кто у насъ въ гостяхъ былъ?
 Николай въ гостяхъ былъ, Павловичъ сударь былъ.
 Кто у насъ медъ пилъ?
 Николай Павловичъ сударь пилъ.
 Сашенька, ты душа моя,
 Ивановна выпей, сердце мое!
 Я былъ сиротой, отлеталъ,
 Искалъ себѣ такую, какой самъ.
 Я три града изошелъ,
 Лучше тебя, Алексаша, не нашелъ...

При исполненіи пѣсень употребляется для аккомпанеента гармоника, иногда также хлопанье въ ладоши — послѣднее особенно при плясовыхъ пѣсняхъ, которыя большею частью новѣйшаго происхожденія. Типичнымъ примѣромъ такихъ пѣсень можетъ служить слѣдующая:

Полюбила одного любезнаго своего;
 Ояъ и самъ, подлець, не стоитъ страданьяца моего.
 Выньте душу, выньте сердце на серебряный поднось,
 Понесите душу, сердце ко милому во теремъ,
 Пускай миленькій потужить, погсрюетъ обо мнѣ,
 Погорюетъ обо мнѣ, обѣ несчастной сиротѣ.

Не лишнее и въ некоторомъ драматизма содержаніе облечено здѣсь въ такую банальную форму, и пѣсня поется на такой веселый мотивъ, что считаютъ возможнымъ даже плясать подъ нее. При пляскѣ поются также сатирическія куплеты, напр.:

Ужъ вы гостюшки, гости милые,
 Придите вы къ намъ, посидите у насъ,
 Посидите у насъ, побесѣдуйте.
 Расскажу я вамъ всю исторію;
 Не повѣрите—на брехню ее перевернете.
 Свиныя на дубу гвѣздо свила, дѣтей вывела,
 Милыхъ дѣтушекъ, поросяточекъ.
 Поросяточки—соколяточки
 Во гвѣздѣ сидятъ, желудки ѣдятъ, и пр.

Приводить дальнѣйшія строфы считаю неудобнымъ. къ этому разряду неудобныхъ пѣсень относится и „Дуня“, вари-

антъ которой помѣщенъ въ сборникѣ Лопатина и Пракунина, вып. 1. Эти пѣсни болѣе всего отзываются вліяніемъ большихъ городовъ и фабричныхъ центровъ. Достаточно, напр., прослушать такое начало пѣсни:

Сижу въ залѣ на диванѣ, держу малютку на рукахъ;

Я отдамъ сестрѣ малютку, сама выйду на крыльцо,—

чтобы догадаться, въ какой средѣ она сложена. Оказывается, что эту пѣсню распѣваютъ фабричные и мастеровые и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, хотя иногда съ другимъ началомъ: „Кто повѣритъ моей скукѣ, всякъ потужитъ обо мнѣ“ и проч.

Наконецъ, въ станицѣ есть въ ходу пѣсни заведомо искусственныя, т.-е. принадлежащія опредѣленнымъ, извѣстнымъ составителямъ. Таковы, напр., стихи подъ названіемъ: „Падшій ангелъ“, въ которыхъ мужъ, убившій изъ ревности жену и попавшій на каторгу, оплакиваетъ печальную судьбу своей дочери—малютки. Часть этихъ стиховъ напечатана у Ржевускаго, который говоритъ и о ихъ происхожденіи. Бываютъ попытки и мѣстной сатиры, которыя однако не стоятъ того, чтобы ихъ печатать.

Заканчивая этимъ свой очеркъ, укажу на нѣсколько выводовъ, вытекающихъ отчасти изъ изслѣдованія ст. Червленой, отчасти изъ разговоровъ съ людьми, знающими хорошо современное положеніе казачества вообще.

Религіозное міровоззрѣніе казака еще довольно крѣпко, и хотя уже начали появляться и другіе толки, но пройдетъ еще не мало времени, пока расколоученіе отойдетъ въ область преданія. Главныя причины, удерживающія казаковъ въ ихъ „древлемъ“ вѣроученіи, это—мистицизмъ, отсутствіе анализа, преданность старинѣ, недовѣріе къ „обращателямъ“, изъ которыхъ многіе не безкорыстны, хитрость и ловкость адептовъ вѣроученія.

Нравственность казака пошатнулась и даже, повидимому, клонится къ упадку. Вѣроятная причина—быстрый переходъ отъ суроваго военного режима къ полной почти свободѣ (выборное начало), а также отсутствіе необходимости усиленнаго труда, меньшее количество служебныхъ обязанностей.

Семейныя отношенія тоже въ какомъ-то броженіи. Прежнее „родительское“ и „мужское“ начало уже видимо отживаетъ; новое „личное“ начало еще не привилось, хотя уже сильно пробивается среди старыхъ традицій, и возможно, что въ будущемъ оно возьметъ верхъ.

Трудовое начало весьма слабо развито, особенно среди мужского населенія. Причина этого, какъ мы сказали, вѣроятно, историческое прошлое казачества, развивавшее у казака только военныя качества и отстранявшее его отъ занятій сельско-хозяйственныхъ, далѣе, существованіе виноградныхъ садовъ, дающихъ порядочный доходъ и не требующихъ тяжкаго физическаго труда.

Въ бытѣ начинаютъ появляться чисто русскіе обряды, костюмы, поговорки, пословицы, пѣсни; влияніе азіатскаго элемента замѣтно слабѣетъ.

Территориальное распространеніе усиливается: появляются хутора. Населеніе увеличивается.

Эстетическое чувство развито въ довольно сильной степени. Казакъ по натурѣ склоненъ къ поэтизму. Любовь съ разными ея драматическими положеніями красной чертой проходитъ черезъ всю жизнь казака, спускаясь иногда до разврата. Отсюда понятно существованіе большого количества пѣсенъ, шутокъ, поговорокъ среди казаковъ.

Экономическое состояніе жителей среднее, хотя могло-бы быть и лучшимъ. Отсутствіе инициативы и любви къ труду — главные причины застоя экономическаго развитія.

Будущность казачества, при наличномъ существованіи вышеприведенныхъ условій, не можетъ быть блестяща. Можно предположить, что казачество впадетъ въ экономическое разореніе, утратитъ свою самобытность, и подчинится болѣе сильному, здоровому и любящему трудъ русскому элементу.

Г. Малявинъ.

З А Я Ц Ъ

въ народной словесности.

Изученіе повѣрій и сказокъ о зайцахъ представляетъ научный интересъ, такъ какъ даетъ возможность установить генетическую связь между повѣрьями и сказками и свести ихъ къ немногимъ основнымъ, древнимъ мотивамъ. Повѣрье и сказка обыкновенно стоятъ независимо одно отъ другого, имѣютъ большей частью обрывочный видъ и ограниченное значеніе. Это значеніе расширяется, когда, какъ въ настоящемъ случаѣ при изученіи нѣкоторыхъ повѣрій и сказокъ о зайцахъ, можно намѣтить точки соприкосновенія между повѣрьемъ и сказкой и опредѣлить внутреннее ихъ родство и взаимное соотношеніе.

На первое мѣсто я ставлю темное повѣрье, что несчастье должно постигнуть человѣка, если ему встрѣтится или перебѣжитъ дорогу заяцъ. Повѣрье это распространено повсемѣстно въ Россіи, сѣверной и южной, восточной и западной, у Бѣлаго и Чернаго морей, по Волгѣ и Днѣпру. Нѣтъ надобности ссылаться по этому поводу на этнографическіе труды, такъ какъ самое положеніе не можетъ вызывать какихъ либо ограниченій или исключеній. Всѣмъ извѣстно, что русскій человѣкъ остерегается встрѣчи съ зайцемъ, а при встрѣчѣ плюетъ на сторону, бранитъ этого маленькаго и робкаго звѣрька, какъ предвѣстника неудачи или несчастія, принимаетъ иногда охранительныя мѣры.

Тождественное повѣрье бытуеть у многихъ другихъ народовъ: у поляковъ (*Kolberg*, Lud III. Kujaw. 90), чеховъ (*Zibrt*, Staroč.

уточ. обыч. а пов., 97), ужицкихъ сербовъ (*Haupt u. Smoler, Volkslied. II* 259), у болгаръ (*Шишковъ, Родопски Старини* 1, 12; *Любеновъ, Баба-Яга*, 41), у нѣмцевъ въ Мекленбургѣ (*Bartsch, Sagen*, 127), въ Тироли (*Zingerle, Sitten*, 92), въ Пруссіи (*Krause, Zeitschr. f. Ethn.* 1883, 87), у норвежцевъ (*Liebrecht, Zur Volkskunde*, 314), во Франціи (*Wolf, Beiträge I*, 251, *Rolland, Faune popul. I*, 87), въ Англіи въ XVI ст. и позднѣе (*Спенсеръ, Описат. Соціал.* 212). Ипатьевская лѣтопись отмѣчаетъ такое повѣрье у древнихъ литовцевъ.

Единственнымъ исключеніемъ оказывается записанное въ Помераніи народное повѣрье, что если дорогу перебѣжить заяцъ—къ счастью, волкъ—къ несчастью. (*Temme, Die Volks-sagen von Pommern und Rügen*, 346). Здѣсь заяцъ получилъ значеніе предвѣстника удачи, вѣроятно, въ силу сопоставленія съ волкомъ.

На чемъ основано повѣрье о несчастномъ значеніи встрѣчи съ зайцемъ? Ближайшій источникъ этого повѣрья—демоническое значеніе зайца, въ однихъ мѣстахъ совсѣмъ забытое, въ другихъ забываемое, древнѣйшій источникъ—религіозно-миѳическое отношеніе зайца къ лунѣ.

У европейскихъ народовъ, въ частности у славянъ, существуетъ много мелкихъ повѣрій и сказокъ о демоническомъ значеніи зайца. Малороссы вѣрятъ, что заяцъ сотворенъ чортомъ; онъ служитъ чорту передовымъ (*Чубинскій, I*, 55). Бѣлоруссы говорятъ, что по пути свадебнаго поѣзда въ церковь чортъ можетъ перебѣжать дорогу чернымъ зайцемъ или волкомъ, и это всегда предвѣщаетъ несчастье (*Ляцкий, въ Этн. огр. Обзор. VII*, 27). Въ Россіи существуетъ повѣрье, что плывя по водѣ не должно поминать зайца, потому что этого не любить водяной и осердившись подымаетъ бурю (*Аванас., Поэт. возр. I*, 643).

Демоническимъ значеніемъ зайца обусловлено повѣрье, что грѣшно употреблять въ пищу его мясо. Такъ оренбургскіе казаки называютъ зайцевъ погаными и не ѣдятъ ихъ (*Черемшанскій, Опис. Оренб. губ.*, 210).

Въ одной русской сказкѣ о мужикѣ и чортѣ мужикъ засѣялъ поле рѣпой и однажды сказалъ, разсердившись, чтобы чортъ забралъ ниву. Когда поспѣла рѣпа, чортъ предъ-

явилъ свое право собственности на рѣпу. Вышелъ споръ. Порѣшили выѣхать въ поле одновременно, и кто отгадаетъ, на какомъ животномъ ѣдетъ противникъ, тому и будетъ принадлежать рѣпа. Чортъ выѣхалъ на зайцѣ, и мужикъ сразу отгадалъ; мужикъ выѣхалъ на своей женѣ, и чортъ остался въ проигрышѣ (Крѣтѣдѣ, I, 59—61 и IV, 197). Весьма сходныя сказки и басни находятся въ „Народ. рус. сказкахъ“ Аванасьева (II, 33), норвежская у Asbjornsen'a 73, 3, нѣмецкая у Гримма № 189, португальская у Браги № 81, въ Conde Lucanor, с. 41, французскія у Лафонтена и у Рабле (Pantagruel, IV, гл. 46). Для насъ здѣсь важно только появленіе зайца въ услуженіи чорту.

Къ 1800 году приуроченъ слѣдующій чешскій рассказъ. Нѣкто Мика изъ Спиорога былъ подъ Святецкой скалой, гдѣ собиралъ ягоды. Онъ сѣлъ на камень отдохнуть. Передъ нимъ явился чортъ въ видѣ зайца, сѣлъ на заднія лапки, протягивался, выдѣлывалъ разныя штуки и предлагалъ поцѣловать его въ задъ. Мика ударилъ зайца рукой, и заяцъ исчезъ съ шумомъ, оставивъ послѣ себя большое зловоніе (*Sumlork, Staroč. pow., hry., obyč., II, 577*).

М. Е. Халанскій сообщилъ мнѣ весьма сходный рассказъ, который онъ слышалъ отъ одного крестьянина-пасѣчника Курской губерніи. Иду на пасѣку, говорилъ крестьянинъ, и вдругъ совсѣмъ подѣ ноги подскочилъ заяцъ. Я взялъ его и понесъ къ куреню. По мѣрѣ того, какъ я приближался къ куреню, заяцъ дѣлался все тяжелѣе и тяжелѣе. Наконецъ, я вынужденъ былъ бросить его. Тогда заяцъ захохоталъ и исчезъ изъ виду.

Въ нѣмецкихъ повѣрьяхъ и сказкахъ заяцъ имѣетъ демоническое значеніе. Вѣдьма обращается въ зайца (*Zingerle, Sitten... d. Tiroler Volkes, 2 изд., 65; Bartsch, Sagen... aus Meklenburg, II, 38, 40*). По временамъ является заяцъ величиной съ большую собаку, даже съ осла (*Henne-am-Rhyn, Die d. Volkssage, 143*). Въ нѣмецкихъ сказкахъ и повѣрьяхъ часто упоминается треногій заяцъ, иногда предвѣщающій челоуѣку смерть черезъ три дня (*H.-am-Rhyn, 143—146; Grasse, Das Sagenschatz, I, № 471. II, № 635; Mülhause, Die Urreligion d. deutsch. Volkes, 159*), въ связи съ чертомъ (*Schöppner, Sagenbuch der Bayerisch. Lane*

1. 371), иногда заяц заколдованный (ib. II, 206). Треногий заяц встрѣчается также въ сербо-лужицких повѣрьяхъ (*Veskenstedt*, *Wendische Sagen*, 303) въ значеніи чорта.

Демоническая природа зайца обнаруживается между прочимъ, въ слѣдующемъ разсказѣ, записанномъ въ Бельгіи: дочь колдуньи вышла замужъ противъ воли своей матери и была проклята ею; всѣ дѣти ея рождались безобразными, съ заячьей губой, кромѣ послѣдняго ребенка, который родился послѣ смерти своей бабки-вѣдьмы и былъ очень красивъ (*Nimal*, въ *Revue d. trad. popul.* 1889. V, 296).

Въ средневѣковыхъ судебныхъ процессахъ о вѣдьмахъ встрѣчается обвиненіе вѣдьмъ въ хожденіи на демонскій шабашъ въ видѣ зайца (*Herpe-Soldan*, *Gesch. d. Hexenprocesse*, 301, 303).

Въ настоящее время во Франціи существуетъ еще много демоническихъ сказокъ о вѣдьмахъ и колдуньяхъ, обращающихся въ зайцевъ. Въ Вогезахъ встрѣча съ зайцемъ считается несчастной въ особенности по заходѣ солнца. Въ это время часто бѣгаютъ колдуны въ видѣ зайца. Его тогда не берутъ собаки, не беретъ ружье. Какъ-то каждый вечеръ у подножія горы Фуршъ бѣгалъ огромный заяцъ, и охотники не могли его застрѣлить. Тогда одному охотнику пришла счастливая мысль подбавить къ дробѣ нѣсколько кусочковъ освященнаго хлѣба. Заяцъ былъ тяжело раненъ. Онъ бѣжалъ, издавая крики и проклятія человѣческимъ голосомъ. Вскорѣ узнали, что въ видѣ зайца бѣгала одна колдунья изъ сосѣдней деревни. Въ другомъ разсказѣ охотникъ наноситъ зайцу рану въ одну изъ заднихъ ногъ. Заяцъ бросился въ одинъ домъ, и охотникъ слышалъ, какъ дѣти закричали въ этомъ домѣ: «Папа, папа, у нашей бѣдной мамы разбита нога!» (*Sauvé*, *Le Folk-lore des Hautes-Vosges*, 176).

Изъ русскихъ инородцевъ пермяки издавна не употребляютъ въ пищу зайца и пѣтуха, какъ «поганныхъ». Предполагаютъ, что въ языческія времена заяцъ и пѣтухъ были жертвенными животными, почему и составляли табу для простого смертнаго. Эти животные и теперь еще играютъ роль въ нѣкоторыхъ религиозныхъ обрядахъ пермяковъ; такъ, пѣтухъ и до сихъ поръ приносится въ жертву, а невыдѣланный заяцъ

чьи шкурки зачастую служатъ мѣстнымъ колдунамъ при гаданіяхъ (*Добротворскій*, въ Вѣст. Европы 1883. III, 250).

Итакъ за зайцемъ въ народныхъ повѣрьяхъ скрывается чортъ; заяцъ служитъ зооморфическимъ образомъ чорта. Естественно возникаетъ вопросъ, съ какой стати робкій заяцъ, *lepus timidus*, безвредное маленькое животное получило демоническій характеръ? Демоническое значеніе легко могъ получить черный и хищный воронъ, отвратительная по наружности ночная птица сова, свирѣлый хищный волкъ, свинья, по положенію ея въ жертвенномъ ритуалѣ древнихъ классическихъ народовъ; у зайца наружность не бьющая въ глаза, нравъ робкій и въ жертвоприношеніи онъ никогда не входилъ.

Существуетъ цѣлый рядъ сказаній у народовъ Полинезій, юго-восточной Азіи и южной Африки глубоко-древняго характера, можетъ быть, первобытныхъ, которыя могутъ въ совокупности дать удовлетворительное объясненіе демоническаго значенія зайца. Подъ чортомъ повѣрій и сказокъ о зайцѣ скрывается первобытный религіозно-миѣическій образъ злого духа, стоявшаго въ какой-то недостаточно ясной въ настоящее время связи съ мѣсяцемъ или точнѣе лунными пятнами. Здѣсь выступаетъ первобытный, повидимому, общечеловѣческій космогоническій миѣъ, въ которомъ заяцъ игралъ роль бога, принимающаго участіе въ сотвореніи міра, свѣтилъ небесныхъ и человѣка.

Ипатьевская лѣтопись упоминаетъ о поклоненіи литовцевъ заячьему богу: „Миндогъ же посла къ папѣ и прія, крещеніе же его льстиво бысть: жряше богомъ своимъ въ тайнѣ“; далѣе перечисляются языческіе боги, между прочимъ, заячій богъ. Въ литовскихъ пѣсняхъ встрѣчается какой-то темный намекъ на отношеніе зайца къ солнцу: Усинь сидитъ на горѣ; заяцъ на корточкахъ внизу. Присматриваясь къ этому зайцу, Усинь говоритъ: Его я не впрягу, ни поѣду на немъ; онъ и не побѣжитъ по дорогѣ (*Вольтеръ*, Матер. для этногр. латыш. пл. 39) Г. Вольтеръ дѣлаетъ при этомъ такую замѣтку: „Въ миѣѣ *zakis*, литовск. *Zuikis*—заяцъ, санскр *śaśa*, означаетъ мѣсяцъ; оттого, можетъ быть, Усень, увидѣвъ зайца, смущается и отказывается на немъ ѣздить, ибо заяцъ—представитель ночи.“ Отмѣтимъ мимоходомъ, что въ монгольскихъ

сказкахъ въ такомъ же отношеніи къ солнцу оказывается сурокъ-тарбаганъ: Сурокъ былъ прежде охотникъ; въ то время было четыре солнца—на каждой сторонѣ неба по солнцу. Онъ началъ стрѣлять по солнцамъ и трехъ уже застрѣлилъ. Тогда Бурхынъ-бакши испугался, что не будетъ свѣта на землѣ, и обратилъ этого охотника въ сурка (*Шотанинъ*, Оч. свѣд. зап. Монголіи, IV, 179). Китайцы усматриваютъ на лунѣ зайца. Таоисты вѣрятъ, что заяцъ на лунѣ толчетъ въ ступѣ вещества для приготовленія безсмертнаго элексира. Въ Китаѣ распространено повѣріе, что самки зайцевъ, посмотрѣвъ на луну, дѣлаются беременными. Буддизмъ только закрѣпилъ эти повѣрья такъ какъ съ буддизмомъ связана слѣдующая легенда: Нѣкогда жили вмѣстѣ лисица, обезьяна и заяцъ въ добромъ согласіи. Повелитель неба Чакра пришелъ къ нимъ подъ видомъ старика и просилъ пищи. Лисица поймала для него рыбу, обезьяна насобираала древесныхъ плодовъ, и только заяцъ ничего не могъ найти. Не желая нарушить долгъ гостепріимства, заяцъ бросился въ печь, чтобы старикъ могъ съѣсть его самого въ испеченномъ видѣ. Чакра, глубоко тронутый этимъ самопожертвованіемъ зайца, вынулъ его изъ печи и помѣстилъ на лунѣ, чтобы онъ вѣчно служилъ эмблемой гостепріимства и милосердія. Нѣкоторые буддисты увѣряютъ далѣе, что этотъ заяцъ былъ самимъ Будда во время одного изъ своихъ многочисленныхъ воплощеній. Повѣрье о лунномъ зайцѣ въ Китаѣ бытовало издревле. Древніе китайскіе богдыханы имѣли на своемъ верхнемъ платьѣ изображеніе мѣсяца съ зайцемъ, который подъ деревомъ толчетъ въ ступкѣ, причемъ дерево служило символомъ долголѣтія или даже безсмертія (древо жизни). Сцена эта и нынѣ воспроизводится ежегодно на хлѣбахъ, которые пекутъ на осеннихъ праздникахъ (*Girard de Rialle*, въ *Revue d. trad. popul.* 1888, 136). Повѣрье такого рода существовало у древнихъ индусовъ, что видно изъ приведенной буддійской легенды и изъ названія мѣсяца сасин, сасанка, т. е. носящій на себѣ зайца (*Benfey*, *Pantsch.* I, 349), названіе по всей вѣроятности, глубоко-древнее, древнѣе буддійской легенды. Въ связи съ этимъ повѣрьемъ стоитъ древняя повѣсть о слонѣ и зайцѣ, нашедшая мѣсто въ Пан-

чатантрѣ и въ многочисленныхъ передѣлкахъ ея. (*Benfey, ib*). Въ Калилѣ и Димнѣ сказка о слонахъ и зайцахъ передана въ такомъ видѣ: Въ одной странѣ наступила большая засуха, источники изсякли; растительность была повреждена и деревья засохли. Тогда слоны стали томиться отъ жажды; они стали жаловаться на это своему царю. Царь послалъ тогда своихъ развѣдчиковъ искать воду во всѣхъ окрестностяхъ. Одинъ изъ нихъ нашелъ источникъ, называемый источникомъ луны, обильный водою. Царь слоновъ со своими приближенными отправился къ тому источнику. Источникъ находился въ землѣ, принадлежащей зайцамъ. Слоны наступили на зайцевъ въ ихъ норахъ и погубили ихъ много. Тогда зайцы собрались къ своему царю и сказали ему о постигшей ихъ бѣдѣ. Одинъ изъ зайцевъ, очень сообразительный, Файрузъ, былъ посланъ для переговоровъ съ царемъ слоновъ. Файрузъ не рѣшился близко подойти къ слонамъ, чтобы они не задавили его ногами. Онъ взобрался на гору и вызвалъ царя слоновъ и сказалъ ему: „а меня послала къ тебѣ луна.“ Царь слоновъ спросилъ: что у тебя за посланіе? Файрузъ сказалъ: „луна говоритъ тебѣ: кто сознаетъ превосходство своей силы надъ слабыми и вслѣдствіе этого самъ пренебрегаетъ сильными, сила того будетъ ему потѣхой. Ты созналъ превосходство своей силы надъ четвероногими и сдѣлался заносчивымъ: ты отправился къ источнику, который называется по имени луны, напился изъ него и замутилъ его. Поэтому луна послала меня уговорить тебя не повторять того же самаго. Если ты сдѣлаешь это, твой взоръ померкнетъ и твоя душа погибнетъ. Файрузъ отправился съ царемъ слоновъ къ источнику. Въ водѣ отражалась луна. Файрузъ посоветовалъ слону умыться и поклониться лунѣ. Когда отъ хобота заволновалась вода и на ней задрожала луна, то слонъ подумалъ, что луна сердится, принесъ покаяніе и обязался быть осторожнымъ (*Калила и Димна, вѣр. Аттан, 137*).

Въ этомъ разсказѣ съ одной стороны обнаруживается космогоническій мифъ о мѣсяцѣ и зайцѣ, съ другой широко распространенный литературный мотивъ о самообманѣ того или другого животного, по отраженію луны въ водѣ. Въ рус-

ской научной литературѣ мотивъ этотъ подробно разсмотрѣнъ Л. З. Колмачевскимъ въ диссертациі о животномъ эпосѣ (стр. 77 и сл.). Колмачевскій указалъ на параллели къ эпизоду объ отраженіи луны въ Панчатантрѣ, гдѣ заяцъ указываетъ слону отраженіе луны въ водѣ, въ сказкахъ хорватской, сербской, ново-провансальской, двухъ португальскихъ, въ романѣ о Ренарѣ и въ басняхъ у Marie de France и Петра Альфонса, въ которыхъ лиса отраженіе луны въ водѣ выдастъ волку за сыръ. Сюда относится еще одна сербо-лужицкая сказка у Haupt'a и Smoler'a, II, 164.

У американскаго индійскаго племени прокезовъ записано повѣрье, что огромный заяцъ извлекъ міръ изъ воды (*Lang, Etudes traditionnistes*, 58). Къ этому повѣрью примыкаетъ другое съ архипелага Тонга, по которому богъ Мауи, когда ловилъ рыбу, вытянулъ на удочкѣ острова (*Reville, Les religions*, II, 46). У готентотовъ записана слѣдующая любопытная сказка о зайцѣ и вшѣ: Въ началѣ міра луна послала вошь сказать человѣку, что онъ послѣ смерти, подобно лунѣ, снова возродится къ жизни. Заяцъ встрѣтилъ вошь, узналъ о порученіи луны, побѣждалъ къ человѣку и оповѣстивъ его въ противоположномъ смыслѣ, будто мѣсяцъ поручилъ ему сказать: какъ я умираю, такъ пусть воплотитъ умираетъ человѣкъ. Затѣмъ заяцъ сообщилъ о своемъ поступкѣ мѣсяцу. Мѣсяцъ въ гнѣвѣ такъ ударилъ зайца, что разсѣкъ ему верхнюю губу, а заяцъ поцарапалъ у мѣсяца лицо, отчего и произошли лунныя пятна. Оттого готентоты не любятъ зайца и не ѣдятъ его мяса (*Reville, ib. I*, 172). На островахъ Фиджи такой же космогоническій мифъ существуетъ относительно луны, но заяцъ замѣненъ мышью, которая настояла, чтобы люди умирали (*ib. II*, 129); въ космогоническомъ мифѣ зулусовъ роль зайца играетъ саламандра (Басни и ск. дикихъ народовъ, 26).

Въ цѣнномъ сочиненіи Ревилля „*Les religions des peuples non-civilisés*“ (I, 366) высказано мнѣніе, что культъ луны древнѣе культа солнца, и восходитъ въ примитивную древность. У многихъ дикихъ племенъ (преимущественно американскихъ) культъ луны стоитъ на первомъ мѣстѣ. Луну считаютъ источникомъ добра и зла, творцомъ міра и человѣка, простираютъ

къ ней руки съ молитвословіемъ, называютъ ее прекрасной. Въ Бразиліи женщины выставляютъ своихъ дѣтей на лунный свѣтъ, чтобы луна увидѣла ихъ и покровительствовала имъ. Луна — повелительница неба; она сходитъ иногда на землю, и тогда умираетъ много людей и деревья не даютъ плодовъ. Когда луны не бываетъ на небѣ, тогда она странствуетъ по землѣ и наказываетъ дурныхъ людей, иногда похищаетъ дѣтей (ib. 366). Въ южной Африкѣ въ честь луны накладываютъ кучи камней, на которыя потомъ каждый проходящій бросаетъ что-нибудь, палочку, тряпочку, цвѣтокъ (ib. 175). Культъ луны былъ распространенъ у многихъ культурныхъ народовъ древности, но постоянно уступая первое мѣсто культу солнца, особенно усилившемуся и развившемуся съ переходомъ народовъ отъ быта звѣроловнаго и пастушескаго къ быту земледѣльческому. Демоническое значеніе зайца выросло, по-видимому, на древнѣйшей религіозно-мифической основѣ, какъ отзвукъ первобытнаго космогоническаго мифа, и въ по-и́търѣхъ о несчастномъ значеніи встрѣчи съ зайцемъ мы имѣемъ въ настоящее время окаменѣлый обломокъ первобытнаго космогоническаго мифа.

Любопытно, что обломокъ этотъ сохранился между прочимъ въ малорусской дѣтской игрѣ въ зайца. Въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи записана такая игра: дѣти становятся въ кружокъ; дѣвочка или мальчикъ входитъ въ середину круга и начинаетъ считать, указывая на каждого пальцемъ, и говорить: „Заяць-мисяць, де ты бувъ?“ — Въ лиси.—„Що робывъ?“ — Листя рвавъ.—„Куды влавъ?“ — Пидъ колоду.—„Хто взявъ мою воду?“ А це листъ, а це коринь, а це выступывъ вонъ“ И на кого падеть слово „вонъ“, тотъ выходитъ изъ круга, а кто останется послѣднимъ, тотъ называется „сира кишка“. Когда „сира кишка“ назначена, всѣ бросаются отъ нея въ сторону, а она старается ударить кого-нибудь рукою. Съ ударомъ передается и названіе (*Ивановъ*, Игры крест. дѣтей въ Купян. у. 47). Другія дѣтскія игры въ зайца, безъ мѣсяца-зайца, у *Свидницкаго* въ Основѣ 1861, XI, 44, *Максимовича*, Собр. соч. II 476, *Moszyn'ska* въ Zbiór Wiadomości 1881, V, *Чубинскаго* III, 34. Купянская игра въ зайца стоитъ

въ связи съ литературнымъ мотивомъ о кошкѣ и зайцѣ, о чемъ скажемъ въ надлежащемъ мѣстѣ.

Разъ существуетъ повѣрье, что заяцъ своимъ появленіемъ предвѣщаетъ или приносить человѣку несчастье, должны существовать и обереги, и мы дѣйствительно находимъ ихъ въ крестьянскомъ быту. Такъ, въ Литинскомъ у. Подольской губ. говорятъ, что, увидѣвъ зайца, перебѣгающаго дорогу, нужно сейчасъ же выбросить изъ повозки клокъ сѣна (своего рода Поликратово кольцо), и въ такомъ случаѣ заяцъ сейчасъ же возвратится назадъ (*Чубинскій*, I, 55), въ Купянскомъ у. Харьковской губ. находятъ, что для предотвращения несчастія нужно три раза перекувыркнуться на томъ мѣстѣ, гдѣ попался на встрѣчу заяцъ (*Ивановъ*, въ Харьк. сборникѣ 1888, с. 94). Во Франціи съ этой цѣлью трижды повертываются на одномъ мѣстѣ (*Rolland*, Faune popul. I 87).

Заяцъ входитъ во многія сказки большею частью совмѣстно съ другими животными. Сказки эти, за немногими исключеніями, не представляютъ научнаго интереса; однѣ изъ сказокъ этого рода шаблонны и безцвѣтны, другія малосодержательны и стоятъ одиноко. Оставляю въ сторонѣ многочисленныя сказки о добываніи заячьяго (волчьяго, медвѣжьяго и пр.) молока (напр. у *Комберна* въ „Рокисіе“ IV, 64), великорусскую сказку объ охотникѣ мордвинѣ и зайцѣ (у *Садовникова*), великорусскія скабрезныя сказки о томъ, какъ заяцъ былъ свидѣтелемъ при половой связи медвѣдя съ женщиной (*Крѣпидѣ*, I, №№ 1 и 2), малорусскую сказку про рукавицу, въ которой поселились заяцъ, жаба, лисица, кабанъ и волкъ (у *Чубинскаго*, II № 33), польскую о томъ, какъ заяцъ обманулъ волка и лисицу (*Chelchowski* I, 67), сербскія о зайцѣ и жабѣ *Врчевич*, Српске нар. прим. 191, 192), албанскую о томъ, какъ заяцъ поцѣловалъ медвѣдицу (*Hahn*, № 94). Остановимся на двухъ, трехъ сказкахъ о зайцѣ, не лишенныхъ историко-литературнаго и этнографическаго значенія.

У Эзопа находится слѣдующая любопытная въ историко-литературномъ отношеніи басня о зайцахъ и лягушкахъ: однажды зайцы стали горевать о своей горькой долѣ, что у нихъ много враговъ, что имъ постоянно приходится опасаться за свою жизнь. Зайцы рѣшили покончить жизнь самоубій-

ствомъ и помчались къ пруду, чтобы утопиться. Лягушки испугались ихъ и быстро попрыгали въ воду. „Стойте, братья, закричалъ тогда одинъ заяцъ, и намъ еще можно жить; есть на свѣтѣ твари, которыя и насъ боятся“. Въ распространѣнн этой басни большую роль могла играть простота сюжета, ясность основной морали и возможность частныхъ дидактическихъ заключеній. У Эзопа тотъ выводъ, что при личномъ горѣ нужно помнить, что есть люди болѣе несчастные — *afflictis aliorum miseriae solatae esse* (Fab. Aesopicae, изд. 1727, 14). Эту басню воспроизвелъ въ новое время Лафонтенъ, а съ его легкой руки и въ подражаніе ему многіе, напр., Мицкевичъ, съ широкимъ обобщеніемъ, что „cały świat na tchórze stoi, każdu ma swoję zabę, co przed nim ucieka, i swojego zająca, któregu się boi“. (Poezye, wyd. 1888, II, 302).

Литературный мотивъ о зайцахъ и лягушкахъ проникъ въ сказки многихъ народовъ и пользуется въ настоящее время большою популярностью. Такъ, въ Черкасскомъ у. Кіевской губ. записана слѣдующая малорусская сказка: „Думае собі заецъ: я наислабійшій одъ усего на свити; усего боюся; пташка злетыть, боюся,—пиду лучче утоплюся. Отъ иде винъ до болота, та й иде берегомъ, шукае дебъ то лучче скочыты у воду; колы се жаба—тыць у воду. Эге, думае собі заяцъ, не буду й я топытьця, бо е ще таке на свити, що и мене боится“ (Чубинскій, Труды, I, 55). Точно такія сказки записаны у поляковъ (Kolberg, Lud, VIII, 238, Ciszcowski въ Zbiór wiadomości do antrop. kraj. XI 37, Siarkowski, ib. VII, 109). Совпаденіе почти дословно. Весьма сходная сказка недавно записана во Франціи: заяцъ хотѣлъ утопиться; но когда онъ увидѣлъ, что лягушка испугалась его и бросилась въ воду, то онъ такъ расхохотался, что у него треснула губа, и съ тѣхъ поръ всѣ зайцы имѣютъ какъ-бы расколотыя губы — *levres fendus* (Rolland, I, 87). Сходная сказка недавно записана у вотяковъ (Верещинъ, Вотяки Соснов. края, 73). Сказка эта почти буквально сходна съ малорусской и эзоповской басней, и, вѣроятно, заимствована вотяками отъ русскихъ.

Въ Калилѣ и Диміѣ находится слѣдующая сказка о томъ какъ птица сифрида и заяцъ судились у кошки. Заяцъ поселился въ гнѣздѣ сифриды въ его отсутствіе и затѣмъ не хотѣлъ уйти.

Сифридь сначала спорилъ съ нимъ, затѣмъ оба они отправились къ берегу моря къ кошкѣ на судъ. Увидѣвъ ихъ, кошка притворилась богомольной и смиренной. Она начала высказывать имъ разныя нравоученія, а когда сифридь и заяцъ освоились и подошли къ ней близко, она бросилась на нихъ и убила (*Калила и Димна*, въ пер. Аттаи, 137). Въ Магабаратѣ и въ Аваданахъ встрѣчаются сходныя сказки въ приложеніи къ мыши (Этн. Обзор. VIII, 52) Подобнаго рода мотивы встрѣчаются изрѣдка въ европейскихъ сказкахъ. Въ одной малорусской сказкѣ сто зайцевъ бѣгутъ жаловаться царю на людей за то, что они бьютъ ихъ и не даютъ проходу. Ихъ встрѣчаетъ котъ, идетъ впереди ихъ и передаетъ царю бѣдныхъ зайцевъ какъ подарокъ на жаркое (*Чубинскій*, II, 356). Въ малорусской сказкѣ этотъ эпизодъ имѣетъ значеніе вставки. Онъ стоитъ несомнѣнно въ родствѣ съ древнимъ повѣствовательнымъ мотивомъ о довѣрчивомъ зайцѣ и вѣроломной кошкѣ.

Литературный мотивъ о зайцѣ и кошкѣ въ Малороссіи отразился въ дѣтской игрѣ, записанной недавно въ Купянскомъ уѣздѣ, о которой мы говорили выше. Здѣсь литературный мотивъ воспроизводитъ древній религіозно-миѣическій космогоническій миѣ. Въ дѣтской игрѣ, какъ въ сказкахъ, кошка стоитъ во враждебномъ отношеніи къ зайцу, и затѣмъ упоминается безъ основанія вода, что намекаетъ на существованіе воднаго источника въ тѣхъ незаписанныхъ разсказахъ о кошкѣ и зайцѣ, подъ вліяніемъ которыхъ возникла дѣтская игра въ зайца и сѣрую кошку; можетъ быть здѣсь скрывается источникъ луны Калилы и Димны.

Къ числу распространенныхъ сказочныхъ мотивовъ относится еще мотивъ о бѣгѣ въ перегонку зайца съ человѣкомъ или ежомъ. Въ малорусской сказкѣ про трехъ братьевъ два человѣка спорятъ, кто кого перегонитъ; одинъ изъ нихъ говоритъ, что у него есть старый отецъ, весь сѣдой, тотъ перегонитъ, и выпускаетъ при этомъ зайца, который, понятно, обогналъ противника (*Чубинскій* II § 107). Въ галицко-русской сказкѣ мужикъ Тимко, чтобы выручить изъ ада проданную имъ жидовку, вступаетъ въ состязаніе съ чертомъ относительно быстроты бѣга. Увидѣвъ зайца, Тимко говоритъ черту: вотъ мой ребенокъ, и онъ тебя перегонитъ; чортъ бѣ-

жить и проигрываетъ (*Kolberg*, *Pokucie*, IV, 193). Въ польскихъ сказкахъ ежъ и заяцъ бьются объ закладъ, кто кого перегонитъ. Ежъ схитрилъ; отъ поставилъ на томъ мѣстѣ, къ которому условлено было бѣжать, другого ежа, и бѣдный заяцъ, сколько ни бѣгалъ отъ одного пункта поля къ другому, всегда находилъ уже на мѣстѣ ежа (*Chelchowski*, *Powiesci*, II, 97, *Ciszewski*, *Zbiór Wiadom.*, VI, 37).

Есть басня Хемницера: Заяцы и Ежъ; но здѣсь ежъ не спорить о скорости бѣга, а колетъ иглами бѣдныхъ зайцевъ, пока не ударился на сукъ дерева; басня натянутая и неправдоподобная.

Въ одной французской сказкѣ (изъ Гаскони) пастухъ говорить отцу, что видѣлъ въ полѣ зайца съ вола. Это слишкомъ; должно быть меньше, замѣчаетъ отецъ. Мальчикъ говорить, что заяцъ величиной съ лошадь, и выслушивая все же замѣчаніе отца, говорить далѣе, что заяцъ былъ съ годовалого теленка, овцу, ягненка, кошку. Это вѣроятно, замѣчаетъ тогда отецъ, но бываютъ зайцы и меньше. Тогда мальчикъ говорить, что онъ былъ величиной съ кролика, крысу, муху. Э, мой милый, сказалъ тогда отецъ, да ты все врешь, и ты совсѣмъ не видѣлъ зайца (*Bladé*, *Contes popul. de la Gascogne*, III, 269—271). Сходныя сказки существуютъ и въ Россіи. Я слышалъ въ Малороссіи такую сказку: Мальчикъ пастухъ говорить отцу, что видѣлъ въ полѣ 12 волковъ, и на вопросъ отца, а можетъ меньше? понижаетъ цифру на 7, 4, 1 и кончаетъ, „а може то собака, а не вовкъ.“

Въ статьѣ: „Мышь въ народной словесности“ (Этн. Обзор. VIII, 67—70) мы говорили о сказочныхъ мотивахъ, когда то или другое животное становится въ пригодѣ. Къ этимъ странностямъ здѣсь добавимъ, что и заяцъ въ сказкахъ оказываетъ услугу человѣку. Въ одной малорусской сказкѣ заяцъ въ благодарность за то, что герой сказки накормилъ его голодныхъ дѣтей, приносить цѣлющей воды, когда герой сказки былъ убитъ (*Чубинскій*, II § 80). Въ другой малорусской сказкѣ злая мачеха преслѣдуетъ свою падчерицу, обращаетъ ее въ гуску; у падчерицы есть маленькій ребенокъ, за которымъ въ роли няньки ухаживаетъ зайчикъ (*ib.* § 138). Въ эту сказку входитъ одинъ изъ самыхъ древнихъ и распространенныхъ

мотивовъ о благодѣтельномъ бычкѣ, и вся сказка представляетъ вариантъ второй части древней египетской повѣсти о двухъ братьяхъ (*Maspero*, *Les contes popul. de l' Egypte ancienne*, № 1). Та часть сказки, гдѣ зайчикъ ухаживаетъ за ребенкомъ и благополучно доставляетъ его матери, представляетъ значительное сходство съ одной греческой сказкою, гдѣ солнце увело 12-лѣтнюю дѣвочку и потомъ возвратило ее горюющей матери, причемъ проводникомъ и защитникомъ дѣвочки былъ зайчикъ (*Hahn*, *Griech. und alb. Märchen*, № 41).

Какъ воронъ, такъ и заяцъ въ народныхъ поговоркахъ служатъ для выраженія идеи невозможности. О бѣломъ воронѣ сербскихъ и французскихъ народныхъ поговорокъ мы уже говорили въ статьѣ о воронѣ въ IV кн. Этн. Обзор. и въ дополненіи къ ней въ VIII кн. Этн. Обзор. Въ Пермской губ. записана такая примѣта: пока черныя пятна съ ушей зайца не сойдутъ, бабамъ надъ мужиками не суживать,—такъ говорятъ о старшинствѣ въ семействахъ (*Этн. Обзор.* III, 183). Быть можетъ, та же идея невозможности скрывается въ вотяцкой поговоркѣ: конецъ міру будетъ тогда, когда кончики ушей у зайца не будутъ черны (*Верещагинъ*, *Вотяки Соснов. края*, 112).

Существуетъ много малорусскихъ поговорокъ о зайцѣ (см. *Поліса*, *Укр. приказки*, по указателю), большею частью не представляющихъ ничего характернаго. Въ однихъ поговоркахъ презрительнаго оттѣнка фигурируетъ соленый заяцъ, напр., „величится, якъ соленый заяцъ“; въ большинствѣ поговорокъ насмѣшливаго характера упоминается лишь хвостъ зайца, напр., „вбывся въ ристъ, якъ заецъ въ хвистъ“ (§ 8604), „такій викъ, якъ у зайця хвистъ“ (8267), „не було у зайця хвоста и не буде“ (5496), „величается, якъ заяцъ хвостомъ“ (2488). Заячій хвостъ встрѣчается во многихъ сказкахъ. Такъ, въ упомянутой греческой сказкѣ солнце уводитъ двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку. Когда она стала скучать, солнце отпустило ее домой, давши въ проводники зайца. Колдунья (ламія) гналась за ними, и при входѣ зайчика въ домъ матери дѣвочки оторвала у него хвостъ; благодарная мать посеребрила этотъ хвостикъ (*Hahn*, *Griech. und alban. Märchen*). Въ словинской сказкѣ лиса обвиняетъ зайца въ покражѣ меда: волкъ погнался